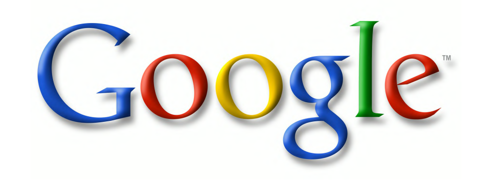
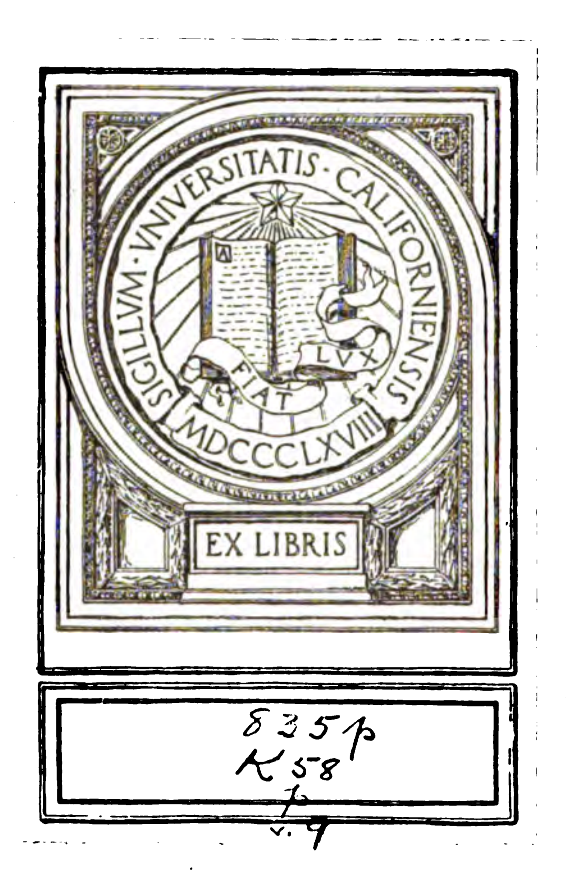
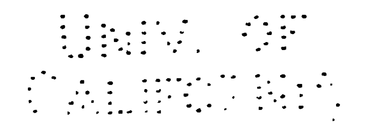


UC-NRLF
B 3 879 241


SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS
835p
K58
p
v.9



ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

подъ редакціей и съ дополненіями

П. А. БЕЗСОНОВА.

Выпускъ 9.

МОСКВА.

Въ типографіи Бахметева, на Срѣтенкѣ, д. Карлони и въ Университетской (Каткова и К°.), на Страстномъ бульварѣ.

1872.

О томъ, чтобы изъ предлежащаго изданія и прочихъ подобныхъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ Обществу Л. Р. Сл., *не перепечатывать цѣликомъ* образцовъ или памятниковъ народной словесности, хотя бы краткихъ, но составляющихъ—каждый—отдѣльное цѣлое, въ томъ видѣ, въ какомъ они, съ примѣчаніями и объясненіями, являются здѣсь свѣту впервые повторяется вновь покорнѣйшая просьба и предупрежденіе.

Дозволено Цензурою. Москва, Октября 31-го, 1872 г.

Выписка изъ протоколовъ Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1872 года, Мая 22-го, CCLXXV засѣданіе, пунктъ 5.— Д. Чл. П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что, во исполненіе протокола отъ 24 Апрѣля 1870 года, въ предстоящіе лѣтніе мѣсяцы выйдетъ изъ печати **) изданный имъ по порученію Общества девятый выпускъ «Пѣсней, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ,» обнимающій народные пѣснотворческіе памятники за время отъ Петра I-го до XIX вѣка, при чемъ представилъ отпечатанные чистые листы и счеты по изданію; а вмѣстѣ доложилъ Обществу, что въ черновыхъ матеріалахъ имъ приготовленъ къ изданію выпускъ *10-й и послѣдній*, завершающій Пѣсни Былевыя-Историческія съ Александра I-го до нашихъ дней, съ дополненіями, вновь накопившимися къ выпускамъ предыдущимъ, предполагаемый къ печатанію немедленно въ слѣдъ за выпускомъ 9-мъ, а по объему съ цѣною 1 р. 50 коп. за экземпляръ.—По прежнимъ примѣрамъ, выразивъ вновь своему сочлену признательность за труды по изданію, приближающемуся къ успѣшному окончанію, Общество постановило: чрезъ г. казначея выдать по счетамъ—,а относительно выпуска 10-го утвердить предположенія издателя и предоставить ему немедленно при первой возможности приступить къ печатанію.

— Октября 5-го, CCLXXXVI засѣданіе, п. 2.—По представленію завѣдующаго изданіемъ, Д. Чл. П. А. Безсонова, цѣна 9-му выпуску «Пѣсенъ, собр. П. В. К—мъ,» утверждена въ 1 р. 50 к. сер.

*) Печаталась въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

**) По болѣзни издателя выходъ нѣсколько задержался.

Выпускъ 9.

Восьмнадцатый вѣкъ

въ Русскихъ историческихъ пѣсняхъ

послѣ Петра I-го.

I.

ПОСЛѢ ГОСУДАРЯ ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

Шереметевы и Долгорукіе.

Шереметьевъ дворъ.

1.

Не вѣйте, не вѣйте, вѣтры буйные,
Не раскачивайте звонки колоколы,
Не будите [1]) у Василья жену,
Не будите у Владимірыча [1]):
Вечоръ его жёна во пиру была,
По утру́ рано сына родила.
Бабушка была съ Шереметьева двора,
Кумомъ былъ Долгоруковъ сынъ,
Кумою [2]) была Трубецкаго жена;
Его царь-государь много жаловалъ:
Тремя городами съ пригоро́дками,
Тремя теремами съ притерёмками [3]).

Эта распространенная пѣсня, которую г. Сахаровъ въ „Сказ. Р. нар." приводитъ, какъ записанную И. Т. Яковлевымъ, почему-то въ числѣ „Свадебныхъ," важна не по историческимъ чертамъ, а по тому представленію народа, которое соединяетъ *Шереметьевъ дворъ, Долгорукихъ и Трубецкихъ,*

---

[1]) *Сахар.* „Не разбудите у Вас. жену, Не разб. у Феодуловича жену."— [2]) „Кума-то." — [3]) „За то его царь, За то его государь Много жаловалъ, Тремя гор. Съ пригородочками, Съ притеремочками."

согласно тогдашней действительности. — Старшій *Шереметьев двор* (и домъ) нужно отличать отъ болѣе поздняго, извѣстнаго подъ симъ именемъ на противуположной сторонѣ Никольской улицы (откуда названъ прилежащій Черкасскій переулокъ) и поступившаго къ Петру Борисовичу Шереметеву по женѣ Варварѣ Алексѣвнѣ (Черкасской): старшій же родовой пріобрѣтенъ въ слѣдъ за симъ для Синодальной Типографіи и, назначенный для храненія книжныхъ запасовъ, въ наше время и на нашихъ еще глазахъ представлялъ въ нетронутой внутренности замѣчательную красоту постройки, сводовъ, оконъ, нишей, слѣдовъ домашней церкви (съ воротами на улицу подъ всевидящимъ окомъ), старинной штукатурки, затвердѣвшей и лоснящейся мраморомъ, пока все это уступлено было недавно въ аренду г. Порховщикову и совершенно передѣлано подъ разные магазины или лавки, съ новымъ проѣздомъ къ стѣнѣ города.—Здѣсь же, какъ сохранило воспоминаніе слѣдующая пѣсня, происходили засѣданія суда.

*

2.

(Земля Войска Донскаго).

Ужь ты ягодка ты смородинка,
Ты когда взошла, когда выросла?
Я весною взошла, лѣтомъ выросла,
Зеленёхунька позалóмлена,
Пó три прýтичка въ пучки вязана,
По дороженькѣ поразбрóсана [4]).

На томъ-то было дворѣ Шереметьевомъ,
За столомъ-то сидятъ три генералушка.
Передъ столомъ-то стоитъ красная дѣвушка,
Красная дѣвушка проситъ генералушковъ:
«Раскуйте моего батюшку, развéрзните [5]) мою матушку!»

---

[4]) Все это начало принадлежитъ пѣснямъ „Петровскимъ" и представляетъ здѣсь послѣдовательную связь съ ними: на оборотъ, пѣсни о кончинѣ Петра и послѣдующемъ горѣ „разбрасываютъ смородинку" и счастіе Руси, выраженное этимъ образомъ, „до того ли села *Шереметьева* (ср. у насъ вып. 8, стр. 278 и далѣе 338 и дал.)." — Сопоставленіе это въ непосредственномъ народномъ воззрѣніи говоритъ нашему отвлеченному выводу: какъ смерть Петра простерла утраты по всей Россіи и отозвалась (конечно по тѣсной связи) на Шереметевыхъ, такъ новое горе Шереметьева дома возводитъ память къ былой недавней, утраченной порѣ Петровской.—[5]) Развяжите.

«— Не плачь, Прасковьюшка, не тужи, не кручинься:
«— Не можемъ мы, генералушки, расковать твоего батеньку,
«— Не можемъ мы развéрзнуть твоей матушки.
«— Ты пойди къ самому царю Бѣлому [6]),
«— Подойди тихóхенько, попроси смирёхунько,
«— (Попроси смирёхунько), поклонись низёхунько.—»

Идетъ Прасковьюшка къ самому царю Бѣлому:
На крыльцѣ-то сидитъ православный царь [7]).
Какъ возговóритъ рѣчь Прасковьюшка
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ты прости, православный царь,
«Моего батеньку и мою маменьку,
«Прикажи, царь, расковать моего батеньку,
«Прикажи развéрзнуть мою маменьку!»
Какъ возговóритъ въ отвѣтъ православный царь:
— Не прощу я, Прасковьюшка, твоего отца-матерю,
— А сошлю я его подъ Сибирь-городъ, а ее на фабрику [8]).—

(Ср. сборникъ г. Савельева, 1866 г.).

Пѣсня эта, по главнымъ чертамъ своимъ явно историческаго происхожденія, съ одной стороны тѣсно примкнувшая своими образами и выраженіями къ ближайшей передъ тѣмъ эпохѣ Петровской, а съ другой забѣжавшая нѣсколько впередъ изображеніемъ судилища, въ срединѣ между тѣмъ и другимъ выразительно сосредоточиваетъ описанное событіе на „дворѣ Шереметьевомъ,“ или лучше, въ Шереметьевскомъ семействѣ, которое застигнуто здѣсь тяжкимъ горемъ и суровымъ приговоромъ, послѣдствіемъ чего была ссылка и разлука супруговъ. Такимъ дѣломъ, въ этомъ мѣстѣ и въ этомъ отрѣзкѣ времени, было только знаменитое дѣло, мгновеннымъ счастіемъ и такимъ же быстрымъ злополучіемъ соединивш ее Ше

---

[6]) Подъ симъ именемъ, какъ мы знаемъ изъ вынуска 8-го, спеціально разумѣютъ пѣсни „царя Бѣлаго Петра Перваго,“ хотя и перешло оно дальше на его преемниковъ (но было для народнаго слова перервано рядомъ „государынь“). Такимъ образомъ, и снова въ помянутомъ смыслѣ, пѣсня восходитъ къ ближайшему рубежу, только что покинутому, къ Петру Первому.—[7]) Это изображеніе царя, положенія его и способовъ суда опять совершенно то же, какъ во многихъ пѣсняхъ о Петрѣ (см. вып. 8).—[8]) Явное искаженіе (между прочимъ „фабрика“ поставлена здѣсь вмѣсто „заводовъ,“ куда ссылались наши преступники и преступницы): въ немъ несомнѣнно только указаніе на ссылку, на Сибирь и на разлученіе супруговъ.

реметевыхъ и Долгорукихъ. Въ дѣйствительности исторической возможная, для народнаго творчества явилась дѣйствительною просьба съ ходатайствомъ за осужденныхъ и ссылаемыхъ: просьба или а) дочери за родителей, какъ здѣсь, то есть бывшей царской невѣсты Екатерины Алексѣевны и новобрачной невѣстки Натальи Борисовны (дочери Бориса Петровича) за осужденныхъ стариковъ Долгорукихъ, или, на оборотъ, б) просьба матери новобрачныхъ, старухи Долгорукой, за сына Ивана Алексѣевича и невѣстку. А соображая, что здѣсь помнится послѣдовавшее *разлученіе* супруговъ и что ходатаицею является *Прасковья*, склоняемся къ убѣжденію, что это выведена старуха Прасковья Юрьевна Долгорукая, урожденная Хилкова. Пѣсни Петровскія, изъ коихъ, по своимъ образамъ и выраженіямъ, истекла очевидно и эта, именно о казни, предстоявшей „князю, большому боярину, атаману стрѣлецкому,“ или „атаману козацкому, козаку“ и просто „молодцу,“ въ своихъ развѣтвленіяхъ (ср. вып. 8) выводятъ печалующихся за осужденнаго, то убѣждающихъ его искать помилованья, то надѣющихся на милость царскую и прямо къ ней прибѣгающихъ: въ этой роли является или отецъ съ матерью, или жена осужденнаго, подруга его, даже сама царица предъ царемъ. На такомъ пути, а особенно при искаженіи образца и при далекомъ распространеніи пѣсни (она записана у Донцовъ), кромѣ того при страхѣ и тайнѣ, кои окружали опальныхъ, народному творчеству легко было, и почти неизбѣжно, переставить роли, тѣмъ больше, что обѣ были возможны и не встрѣчали противорѣчія въ творческой дѣйствительности: мать Прасковья Юрьевна, ходатайствующая за ссылаемыхъ дѣтей (а она не могла не ходатайствовать по народному воззрѣнію, если уже событіе сдѣлалось ему извѣстно), претворена, при распространеніи пѣсни, въ дочь, просившую за родителей; ходатайствовать же, послѣ генеральскаго суда, опять не передъ кѣмъ, кромѣ царя; а такимъ царемъ, грознымъ и могущимъ миловать, представлялся свѣжій еще, живой еще образъ Петра; и точно, судя по всѣмъ чертамъ и выраженіямъ, выведенъ здѣсь Петръ. Представить его живымъ еще, и съ царицею, помогло конечно то, что недавно скончавшійся и смертію своею виновникъ Шереметьевскаго горя былъ также *Петръ Алексѣевичъ*, а нареченная царица его, *Долгорукая* — именно героиня воспѣтаго событія. Удержать же крѣпко имя *Прасковьи*, тогда какъ старуха Долгорукая была для сего недостаточно популярна, народному творчеству удобно было отъ того, что въ исторіи Шереметевыхъ, около которыхъ пѣсни вращаются, имя это памятно особенно по другой героинѣ, которую встрѣтимъ на концѣ XVIII столѣтія.

*

Слѣдующій образецъ, по тому же послѣдовательному пути еще болѣе искаженный, дѣлаетъ изъ молодаго князя—молодаго маіора (какъ это обычно, ср. на прим. вып. 5 и тотъ же 8), заставляетъ его самого просить о помилованіи, но за то и царя рисуетъ на крыльцѣ *съ царицею*, подобно Петровскому образцу (напр. стр. 100 и дал. въ 8 вып.):

3.

(Оттуда же).

Ужь ты ягодка ты смородинка,
Ты когда взошла, когда выросла?
Я весною взошла, лѣтомъ выросла,
Зеленёхунька позалóмана,
По три прутичка въ пучки вязана,
По дороженькѣ поразбросана.

У крыльца у дворца государева,
На крыльцѣ-то сидитъ православный царь,
Православный царь со царицею.
Передъ нимъ стоитъ молодой маiоръ,
Молодой-то маiоръ со маiоршею:
«Ты прости, прости, православный царь!»
— Не прощу я тебя, молодой маiоръ,
— А сошлю я тебя да во Грузiю [1]),
— А маiоршу-то твою на фабрику.—

*

Когда, занятымъ изъ Петровскаго творческаго перiода яркимъ образомъ, очерчена судьба, постигшая домъ Шереметьевъ съ Долгоруковскимъ, быстрый всходъ и мгновенный возрастъ его счастья, раннiй разломъ, непрочность и расторженiе союза, участь молодыхъ, только что сочетавшихся, и вотъ уже „разбросанныхъ по дороженькѣ,“ и дороженькѣ дальной, въ ссылку; когда прямо съ этой ягодой-смородинкой сопоставлены молодые супруги (№ 3), обреченные на ссылку и разлуку (№ 2): тогда въ слѣдъ за симъ мы непремѣнно должны отъ памятливой Русской пѣсни ожидать прямаго изображенiя сихъ супруговъ, съ подробностями ихъ изгнанiя, болѣе доступными для народнаго взора, съ именемъ кого либо изъ нихъ, съ описанiемъ казни и смерти супруга, однимъ словомъ ожидать

---

[1]) Слова „*да во Грузiю*“ всего легче могли быть испорчены, по созвучiю, изъ словъ „*до Берёзова*“ или „*ко Берёзову*,“ особенно на югѣ Россiи, гдѣ записана эта пѣсня и откуда Березовъ гораздо дальше, чѣмъ знакомая Грузiя съ Кавказомъ.

пѣсни *о князѣ Иванѣ Алексѣевичѣ и Натальѣ Борисовнѣ Долгорукихъ*. Это и получаемъ въ слѣдующихъ трехъ образцахъ.

Чтобы уразумѣть ихъ, нужно опять вспомнить предварительно пѣсни Петровскія, о тогдашнихъ казняхъ, относительно которыхъ новыя были естественнымъ послѣдствіемъ и продолженіемъ. Тамъ, во первыхъ, кары и казни, вообще явленія „грозныя" взяты пѣснями, въ извѣстномъ готовомъ и выработанномъ образѣ, изъ временъ Грознаго царя и цѣликомъ почти, по крайности съ повтореніемъ главныхъ чертъ, перенесены въ эпоху Петровскую: въ этомъ экономія творчества народнаго; оно пользуется однажды законченнымъ своимъ созданіемъ, безъ нужды не творитъ вновь и не тратится напряженіемъ силъ, а примѣняетъ ихъ только къ тому, чтобы на основѣ матеріала прежняго *спеціализировать* область новую; многое изъ эпохи Ивановской повторено въ Петровской, но въ иномъ уже, новомъ и дальнѣйшемъ видѣ (см. вып. 8). Во вторыхъ, въ самихъ пѣсняхъ Петровскихъ, частныя черты исторической дѣйствительности конечно собраны творчествомъ и сосредоточены въ нѣсколько опредѣленныхъ образовъ, тѣмъ болѣе выразительныхъ, чѣмъ ихъ менѣе числомъ, чѣмъ давнѣе работаетъ надъ ихъ отдѣлкой творческій геній народа: таковы—„Молодецъ на правежѣ," „Донской козакъ"—сперва „въ плѣну Турецкомъ," потомъ „въ тюрьмѣ и на допросѣ предъ царемъ," отчасти „князь стрѣлковскій" и „князь Голицынъ," на коего палъ гнѣвъ царскій, всего же болѣе „стрѣлецкій атаманушка, *Иванъ Ивановичъ, большой бояринъ* и *князь*," веденный на казнь и казненный въ сопровожденіи *отца-матери, сестры* и особенно *молодой жены*. Въ третьихъ, что касается до мѣста, то въ 8-мъ выпускѣ нашемъ многократно замѣчено, какъ сцена дѣйствія постепенно переносилась съ Дона и Азова, съ Балтики и Украйны въ Москву, отчасти же, позднѣе, и въ Петербургъ. Творчество, по самой необходимости его, такъ любитъ опредѣленность рамки, что даже не рѣдко съуживаетъ ее до послѣдней возможности: все переносится на Мясницкую изъ Кремля, Тверскую и Дмитровку (ср. кн. Волконскаго), а лучшимъ примѣромъ кн. В. В. Голицынъ, который, со всею пѣхотой, козаками и егерями, переведенъ изъ Крыма къ Москвѣ, поставленъ на дорогу къ Троицѣ, куда онъ ѣздилъ къ царю на грозныя очи, наконецъ весь умѣстился на узенькой Тверской, между Тверскими воротами, Казанскимъ Соборомъ и Кремлемъ. Вспомнимъ, какъ симъ же точно способомъ при Грозномъ Новгородскія и Псковскія событія съ казнями и лицами ихъ сведены творчествомъ въ Москву, гдѣ явилось даже и самое поле Куликово. Наконецъ, въ четвертыхъ, при постепенномъ искаженіи, крупныя историческія имена и лица замѣнены простыми „козаками, маіорами, сержантами, драгунами, молодцами безъимянными." — Теперь, въ соотвѣтствіе сказанному, пѣсни о ссылкѣ Долгорукихъ и казни главнаго героя, начинаясь непосредственно послѣ Петровскихъ, примыкаютъ къ симъ послѣднимъ, именно къ перечисленнымъ выше, съ тѣми же совершенно образами, чертами, даже оборотами и выраженіями: творчеству это легче было и потому уже, что здѣсь та же ссылка, боль-

шая дорожка изгнанныхъ, стража впереди и сзади, въ сопровожденіи дѣйствительно отецъ и мать (см. выше), сестра (бывшая царская невѣста), молодая жена, а въ концѣ концовъ казнь; кромѣ того главный герой также „бояринъ и князь.“ Какъ при Иванѣ и Петрѣ, такъ и здѣсь тѣмъ больше не возможно и не нужно было удерживать Берёзовъ, ни даже Новгородъ, историческое мѣсто казни: дѣло завершается „въ Москвѣ,“ „ведутъ по „Дмитровкѣ,“ и довольно уже, если уцѣлѣвшіе образцы замѣчаютъ, что ссылка совершается „въ *Сибирь* (см. выше)“ и ведутъ „*по большой дорожкѣ* (см. ниже).“ За то, сверхъ сихъ чертъ, все это съ избыткомъ обособляется (спеціализуется): отношеніемъ къ „двору *Шереметьеву*,“ застигнутому горемъ (см. выше); указами, которые постепенно объявлялись сосланнымъ черезъ нарочныхъ, а въ пѣсни выражены судомъ „генераловъ,“ которые отказываются сами рѣшить дѣло, ссылаясь на высшее распоряженіе царской власти; покушеніемъ просить о пощадѣ власть царскую, о чемъ сама Н. Б. Долгорукая говоритъ въ запискахъ („я крѣплюсь, не плачу, а уговариваю свекра и мужа: какъ можно безъ вины и безъ суда сослать! Я имъ представляю; поѣзжайте сами къ государынѣ, оправдайтесь.“); яснымъ намекомъ, что сосланные молодые супруги были именно *разлучены* (см. выше); изображеніемъ не только царя (по памяти Петра I-го и недавней смерти Петра II-го), но и *царицы*, отъ коей въ дѣйствительности зависѣло рѣшеніе; особенно же и прямо именемъ *князя Долгорукаго*, притомъ *Вани*, *Вáнюшки*. Если же здѣсь кромѣ того выведена сама Наталья Борисовна, исторически не бывшая при казни мужа: то это было совершенно необходимо въ пѣсни, и по связи съ другими образцами сего рода, о коихъ мы говорили, и, чтó то же, для оживленія подобной сцены, которая иначе и не могла представиться народному воображенію. Эта кажущаяся анти-историчность на самомъ дѣлѣ дала для пѣсни поводъ высказать такую черту и подробность, которую увидимъ сей часъ ниже и которая оказалась самою историческою изъ историческихъ, а вмѣстѣ окончательно обособила пѣсню за Долгорукими и Шереметевыми, такъ что ее некому приписать больше кромѣ нихъ. Наконецъ, если вспомнимъ, что подвиги, обстоятельства, слава, пѣсни Бориса Петровича и пѣсни о немъ, все это и столь недавно передъ печальнымъ событіемъ, пронеслось по всей Руси отъ Азова до моря Варяжскаго и отъ Пскова до Полтавы (см. вып. 8): то очевидно, что творчество народное настроено уже было сильно, какъ никогда, къ произведенію новому, лишь только настало въ семъ Шереметьевомъ дворѣ и домѣ новое событіе, и столь разительное. Съ другой стороны, въ концѣ той же первой половины XVIII вѣка, а еще больше во все его продолженіе, въ слѣдъ за женидьбой Петра Борисовича на В. А. Черкасской, для сложенія и для распространенія пѣсенъ о Шереметевыхъ явилось не маленькое мѣсто и вмѣстилище: десятки тысячь преданнаго и любящаго крестьянства по всей Россіи, крестьянства богатаго, болѣе досужаго, болѣе настроеннаго къ творчеству. Но, въ той же самой мѣрѣ, на такомъ пространствѣ, между столькими устами и въ теченіе 130

лѣтъ, пѣсня должна была принять на себя довольно искаженій, всякого рода округленій и безлицовокъ: отсюда мы видѣли выше вставленнаго уже маіора съ маіоршею. А тутъ, кромѣ того, въ самомъ началѣ, прибавилось обстоятельство неблагопріятное: объ опальныхъ, ссыльныхъ и казненныхъ, по крайности въ теченіе лѣтъ до государыни Елизаветы, пѣть было и опасно, и просто невозможно пѣть громко, по крайности публично. Тому мы знаемъ рѣзкіе примѣры на пѣсняхъ о Ксеніи, Волконскомъ, отчасти о Разинѣ, особенно о Лопухиной, пѣсняхъ или документально запрещавшихся, или навлекавшихъ на поющаго бѣду, или, по тому самому, замѣтно сдержанныхъ, осторожныхъ, вынужденныхъ обобщать, округлять, безлицовать, безъименовать. Въ концѣ сего выпуска, и по поводу тѣхъ же Шереметевыхъ, мы увидимъ совершенно такое же явленіе, гдѣ событіе само по себѣ было прекрасно и отрадно, но по временнымъ обстоятельствамъ сдерживало поющихъ осторожностью.—Послѣ этого, кажется, намъ совершенно ясны будутъ историческія пѣсни:

Князь Ваня Долгорукій
и
молодая жена его боярыня
(Наталья Борисовна).

Казнятъ князя Долгорукаго.

1.

(Тульской губ. и Тул. уѣзда).

По большой дорожкѣ [1])
Не купца ведутъ, не боярина [2]),
Самого́ князя [3]) Долгорукаго.
По бокамъ идутъ два полка́ солдатъ,
Два полка солдатъ, два тысячныхъ;
Напере́дъ идетъ самъ грозно́й палачь;

---

[1]) Этимъ, по забвенія Новгорода, устранена Москва и кромѣ того помнится дальняя ссылка „большой Владимірской дорогой (хотя собственно сначала Рязанской, а послѣ на Березовъ).“ Разнорѣчіе: „По большой было по дорожкѣ.“—[2]) Разнорѣчіе: „не простаго боярина.“—[3]) Это „самого“ то же, что знаменитаго, передоваго тогда: „первая персона въ нашемъ государствѣ,“ говоритъ Н. Борисовна.

Позади идетъ боярыня [4]),
Набѣлёна, нарумянена [5]).

Она плачетъ, что рѣка льётся,
Слёзы катются, что волна бьётся.
«Ты не плачь, моя боярыня,
«Набѣлёна, нарумянена!»
— Ужь какъ же мнѣ не плакати,
— Коль крестьянушекъ отписываютъ,
— Въ золотой казнѣ воли нѣту [6])?
— Только одинъ—золотой перстень мой [7])!—
«Давай перстень, палача дарить,
«Чтобы придалъ скорую смерть [8])!»

(Записано г-жею У—вой. Мною пѣсня слышана отъ ямщика въ Новгородской губерніи и Новгор. уѣздѣ, 1856 года; я не имѣлъ возможности записать, помнилъ на память, а послѣ перезабылъ и удержалъ только начало, съ двумя приведенными разнорѣчіями. Но тогда же остановилъ вниманіе и очень обрадовался получивши послѣ нѣсколько образцовъ).

*

[4]) Замѣчательно, что не „княгиня,“ указаніе на родъ Шереметевыхъ: ихъ, съ Бориса Петровича, народъ и его пѣсни привыкли называть „боярами, большими боярами (см. вып. 8).“—[5]) По привычному образу и выраженію народа, это то же, что „красавица:“ портреты Натальи Борисовны, невѣстой и монахиней, особенно въ рукахъ Шереметевыхъ, о томъ свидѣтельствуютъ.—[6]) То и другое, лишеніе имѣній и казны, совершилось постепенно надъ осужденными постепенно указано, на второмъ планѣ, въ записчахъ Натальи Борисовны: но она, какъ извѣстно изъ исторіи и записокъ, не обращала большаго вниманія на эти внѣшнія утраты, намекая лишь то на поступки брата, на разобщенность съ семьею свекра въ дѣлѣ денежномъ по дорогѣ, то на ловкость семьи его, забиравшей себѣ на дорогу. Въ словахъ пѣсни видна память о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя ставили уже въ ссылкѣ, не давая распоряжаться собственной казною дорогихъ вещей, передъ казнью мужа, что̀ и было отчасти поводомъ къ сей послѣдней (см. ниже). Во всякомъ случаѣ плачь, здѣсь выставленный, не зависитъ прямо отъ внѣшнихъ потерь; ходъ мыслей: какъ не плакать, не могу тебя откупить, въ золотой казнѣ нѣту воли (см. ниже сравненіе съ однородными пѣснями). — [7]) Изъ золотой казны остался моимъ, въ моемъ распоряженіи, только одинъ золотой перстень: см. о немъ въ концѣ.—[8]) Казнь, какъ извѣстно, была жестокая, и потому выражена необходимость ускорить смерть (подаркомъ палачу, издревле у насъ водившимся).—Краткость и отрывочность всей пѣсни, особенно этихъ двухъ послѣднихъ строкъ, свидѣтельствуютъ прямо объ ея основной подлинности: таковы же о Ксеніи, Скопинѣ, Лопухиной, Стрѣльцахъ и т. п.

2.

(Задонскій уѣздъ).

Какъ на улицѣ да на Дмитровкѣ [1],
Какъ на Дмитровкѣ, въ каменнóй Москвѣ,
Тамъ вели князя Долгорукаго,
Вели его казнить-вѣшати.

Напередъ идетъ грозёнъ палачь,
Въ рукахъ онъ держитъ свой булатный мечь,
Свой булатный мечь—свой вострóй топоръ,
Наточёнъ-навострёнъ, какъ солнце блеститъ.
Позади князя идетъ молодá жена:
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Какъ рѣка льется, Волга матушка.

«Ты не плачь, моя молодá жена [2])!..»
— Какъ и нѣту со мной золотой казны:

---

[1]) Д. 6. „*по* улицѣ, *по* Дм.“ Какъ скоро „въ Москвѣ,“ и „на улицѣ,“ то въ пѣсни обычно Мясницкая, Тверская и особенно Дмитровка, соблазнительная затверженною былью о несчастіи князя Волконскаго и жены его.— [2]) Въ образцѣ пѣсни, начиная съ этихъ поръ, означаются подъ рядъ и дальше, слова князя: но это явное искаженіе и неосторожность записавшаго, ибо какое же утѣшеніе плачущей женѣ, что у князя золотой казны нѣту, и какую же можно вообразить казну при узникѣ, идущемъ на казнь? И такъ, согласно съ дѣломъ и предшествующимъ образцомъ, дальнѣйшій отвѣтъ принадлежитъ княгинѣ. Но, если такъ, то послѣдніе три стиха снова принадлежатъ князю, ибо тутъ „меня“ и „мои плечи *могучіе.*“ Ходъ мыслей и первобытный составъ пѣсни въ подлинникѣ возстановляются образцами другихъ, сродныхъ и помянутыхъ нами, пѣсней: „Чтó ты плачешь,“ говоритъ осужденный подругѣ,

„Какъ чего же тебѣ хочется:
„Иль помѣстій моихъ, или вотчины,
„Иль имѣнія тебѣ—богатества,
„Или злата, или сéребра,
„Иль моего тебѣ здоровьица?“

— Только и есть у меня—одинъ перстѐнь,
— Золотой перстень, весь въ алмазикахъ,
— Весь въ алмазикахъ, дорогихъ камня́хъ.—
«Какъ и тѣмъ перстнемъ надо палача дарить:
«Чтобы снялъ онъ съ меня буйную головушку,
«Не попортилъ бы моихъ могучи́хъ плечей [3]).»

(Ср. „Ворон. Бес.“ 1861).

*

Слѣдующій образецъ пострадалъ болѣе всѣхъ, но сохранилъ и другія любопытнѣйшія черты:

3.

(Самарскій край).

Добры молодцы всѣ на волюшкѣ живутъ:
Одинъ Ва́нюшка въ побѣдушкѣ [4]) сидитъ,

то есть, добиваешься ли ты, ждешь послѣ меня, наслѣдства, или думаешь, какъ спасти меня? Иначе: жалѣешь ли о потерѣ, вмѣстѣ со мною, имѣній и казны, или объ утратѣ жизни моей? Она отвѣчаетъ:

— Ничего-то мнѣ не хочется,
— Ни помѣстій твоихъ, ни вотчины,
— Ни имѣній твоихъ—богатества,
— Ни злата, ни се́ребра:
— Ужь какъ только мнѣ хочется
— Твоего, сударь, здоровьица,

—чтобы ты былъ живъ и спасенъ:—послѣдній образъ согласенъ совершенно и съ типомъ Натальи Борисовны.—Но въ другихъ подобныхъ пѣсняхъ слѣдуетъ тотъ спеціальный конецъ, что молодецъ отвергаетъ всякую надежду и помощь, ибо участь его рѣшена.—Въ третьихъ, „темничныхъ“ же, слѣдуетъ предложеніе молодца: Ну такъ скорѣе доставай казну, откупай меня; на это въ однихъ подруга, изъ мести или негодованія, отвѣчаетъ отказомъ, въ другихъ дѣйствительно откупаетъ. — Здѣсь-то и начинается неотъемлемая спеціальность пѣсни *Долгоруковской—Шереметьевской*: является на сцену *перстень,* о которомъ сей часъ скажемъ, и ему дается назначеніе *особое.*—Впрочемъ, перстень, кромѣ жены, явно допускается предлежащимъ образцомъ и на рукѣ узника: и въ этомъ опять, какъ увидимъ, историческая черта.—[3]) Или „могу́чихъ плечь.“—Новое примѣненіе подарка, болѣе испорченное, хотя и намекающее, можетъ статься, на четвертованіе княжескаго тѣла.—Весь образецъ, сравнительно съ первымъ, болѣе распространенъ, разведенъ и разбавленъ.

[4]) Въ бѣдѣ, въ ожиданіи казни.

Въ каменнóй, Ваня [5]), государевой Москвѣ,
Въ земляной тюрмѣ, за рѣшетками,
За желѣзными дверями, за висячими замками [6]).

За утрá Ваню къ наказаньицу ведутъ,
Къ наказаньицу ведутъ, ко ременному кнуту,
Къ столбу крашеному, дубовому:
По праву руку отецъ съ матерью идутъ [7]);
По лѣву руку молодá жена съ дѣтьми,
Молода жена съ дѣтьми малыми [8]);
Позади его православный весь народъ.

Какъ и сталъ Ваня говорить женѣ:
«Ты сними съ меня шелковóй поясъ,
«Съ позолóчеными на немъ ключиками [9]),
«Отопри, жена, ковáнъ сундукъ,
«Ужь ты вынь оттоль золотой казны,
«Ты дари, жена, молодаго палача,
«Чтобы молодой палачь меня легче наказывалъ [10])!»

(Ср. сборникъ г. Варенцова, 1862, гдѣ эта пѣсня отнесена къ „разбойничьимъ“).

Золотая казна, въ разныхъ драгоцѣнныхъ вещахъ, играющая такую роль, если не для самой дочери Бориса Петровича и не въ ея запискахъ, то въ пѣсни объ ней, играла столь же важную роль и въ самой окружавшей дѣйствительности. Она прельстила брата, не совсѣмъ великодушнаго, напротивъ очевидно слишкомъ скупаго относительно удалявшейся въ ссылку сестры; она изумила сочинительницу записокъ и вырвала у ней строки о семьѣ Долгорукихъ: „вижу, что свекровь и зóловки (при отъѣздѣ) съ собой очень много берутъ изъ бриллiантовъ, изъ галантереи, все по карманамъ прячутъ,—мнѣ до того и нужды не было;“ она же, по дорогѣ, ха-

---

[5]) Собственное имя князя, драгоцѣнная черта, искупающая остальную порчу пѣсни: „Ваня и Вáнюшка,“ не Иванъ и не Иванъ Алексѣевичь, совершенно отвѣчаетъ и нѣжнымъ отношенiямъ супруговъ, и молодости князя, и любезному его для народа образу. — [6]) Д. 6. „За желѣзными дверьми, за висячими замкй.“ — [7]) Ср. выше эту историческую черту.— [8]) Такъ шагъ за шагомъ, условливая порчу, разыгрывается воображенiе, все раскрашивая обстановку сцены, по кажущейся необходимости. — [9]) Вмѣсто перстня уже поясъ и, если не золотой, хоть съ позолочеными ключами. — [10]) Еще шагъ порчи и уже тривiальный разсчетъ: однако опять и память о суровости казни.

рактеризовала свекра: „*я дорогою уже узнала, что я на своемъ коштѣ ѣду, а не на обчемъ;*“ наконецъ она же, въ самомъ уже Березовѣ, когда Наталья Борисовна сочла себя въ правѣ распорядиться остатками имущества и подарить мелочи близкимъ, возбудила новыя преслѣдованія и дала именно почувствовать, что „въ золотой казнѣ воли нѣту.“ Извѣстно, что, при новыхъ воздвигшихся разслѣдованіяхъ, это отчасти было первымъ поводомъ къ дальнѣйшему и къ самой даже казни князя: не удивительно, что пѣсня сопоставила съ образомъ казни образъ золотой казны. Но тутъ начинается особенность, которая выдѣлила пѣсню изъ всѣхъ прочихъ, на всегда отличила ее и запечатлѣла, такъ что нельзя ее смѣшать съ другими и сомнѣваться, что это дѣйствительно пѣсня *историческая,* основанная на событіи крупномъ въ исторіи народа, и не иная пѣсня, какъ о княжеской четѣ *Долгорукихъ - Шереметевыхъ.* Это *перстень,* перстень золотой и драгоцѣнный: его нигдѣ въ такой роли не найдете по нашимъ другимъ пѣснямъ, въ теченіе всей исторіи народнаго пѣснотворчества, послѣ того знаменитаго перстня, который съигралъ подобную же роковую службу для Добрыни и Настасьи Микуличны. Вотъ что говоритъ о немъ сама Наталья Борисовна: „наши *перстни* были, которыми обручались, его (Ивана Алексѣевича) — *въ двѣнадцать тысячь,* а мой въ *шесть тысячь.*“ Не даромъ, какъ видите, хотя бы обмолвкою противу существеннаго строя, одинъ образецъ пѣсни надѣваетъ драгоцѣнный перстень, кромѣ жены, и на руку *самого князя.* Говорятъ, хотя мы и не имѣли пока случая лично въ томъ убѣдиться, въ родовомъ имѣніи потомковъ бережется доселѣ это священное наслѣдство. И въ запискахъ Натальи Борисовны есть мѣсто, которое какъ будто повторено въ пѣснѣ, о нечаянной потерѣ одного изъ подобныхъ сокровищъ во время дороги, когда спѣшили сѣсть на судно: „тогда я потеряла *перло жемчужное,* которое было у меня на рукѣ. Знать, я его въ воду опустила, когда я съ своими прощалась. *Да мнѣ уже и не жаль было, не до него: жизнь тратится.*“ Какъ это похоже въ пѣсни: изъ золотой казны одинъ дорогой перстень, да и того не жаль, нужно подарить—потерять его, ради того, что жаль дорогаго „здоровьица,“ что гибнетъ супругъ, „жизнь тратится.“ Какъ бы то ни было, только не забыла этого пѣсня и унесла изъ дѣйствительности какъ самую рѣзкую черту свою, какъ отличіе отъ пѣсней другихъ. Нужды нѣтъ, что супруга не была при казни, не давала она палачу перстня: была дорогая золотая казна, была отобрана, не было воли въ ней, нечѣмъ было откупить мужа отъ ссылки, отъ розыска въ Березовѣ, отъ казни въ Новгородѣ,—образъ жены и единственнаго уцѣлѣвшаго перстня приносится творчествомъ на мѣсто казни, чтобы облегчить страдальца, чтобы придать ему смерть скорую.—Такъ, говорили мы и говоримъ, драгоцѣнная пѣсня наша, зависящая и отъ былаго творчества, и отъ современныхъ обстоятельствъ, не рѣдко и забывающая, не рѣдко внѣшней дѣйствительности не рабски вѣрная, знаетъ дѣйствительность свою собственную—творческую, свободна и полновластна въ ней, и часто, воспрянувъ къ созданію произведенія

новаго, отмѣчаетъ его на вѣки и обособляетъ отъ всѣхъ прочихъ какою либо, видимо мелкою, а въ сущности самой яркою чертою. Вотъ почему, лично для насъ, съ самаго перваго раза, какъ мы услыхали эту пѣсню, намъ въ глаза и въ слухъ бросился *перстень*: его съ тѣхъ поръ искали мы, и съ нимъ, и по немъ добрались до исторической подлинной пѣсни, тѣмъ болѣе дорогой, что въ ней воспѣта дорогая Русскому сердцу и уму Наталья Борисовна.

* *

Отъ этого образа, столь высокаго и изящнаго, непосредственно переходимъ мы къ противуположному, столь же на оборотъ гнусному и отвратительному. Такова уже судьба всего XVIII вѣка въ области нашего народнаго пѣснотворчества. Вмѣстѣ съ самимъ народомъ, оно постепенно, но столь же рѣшительно, покидаетъ область государственную, оставляя ее на долю книжности и письменности, искусства личнаго и искусственности, отъ громкихъ гимновъ до солдатскихъ пѣсенъ, отъ высокопарныхъ кантъ до унижавшихся одъ, продолжая до извѣстной степени жизнедѣятельность свою по другимъ родамъ произведеній, сообразнымъ жизни народной. *Былевую* пѣсню ведетъ творчество *двумя* путями: останавливается творческимъ взоромъ, пріемомъ и словомъ то на истинныхъ *чадахъ* народа и народности, то на естественныхъ *исчадіяхъ*, въ томъ и другомъ случаѣ одинаково на *лицахъ* и событіяхъ *личныхъ*, въ томъ и другомъ случаѣ на столько, на сколько являются они представителями и героями народности въ данную минуту, только одни съ плюсомъ, другіе съ минусомъ, положительныя или отрицательныя. И прежде, при своемъ живомъ и непосредственномъ отношеніи къ государству, соучастномъ и содѣятельномъ, пѣснотворчество оказывало подобные образцы: именно послѣ Грознаго и съ начала смутныхъ временъ, съ этого рубежа и перелома, имѣемъ мы, обокъ жизни общей, въ томъ числѣ государственной, такія лица и творческіе ихъ образы, какъ Авдотья Рязаночка, Ксенія, Скопинъ, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Лопухина, и т. п., — по одну сторону; по другую, послѣ Ермака, совсѣмъ еще инаго и параллельнаго Грозному, получаемъ Попа Емелю, разныхъ „воровъ—разбойниковъ,“ Разина, Некрасова и т. п. Теперь же эти явленія становятся господствующими или даже исключительными: попеременно и взаимно другъ друга смѣняютъ въ своихъ рѣзкостяхъ личныхъ то та, то другая сторона, не оставляя середины, ни сливаясь во что либо общее. Весь, говоримъ, XVIII вѣкъ пройдемъ мы, съ подлинными образцами народной былевой-исторической пѣсни, по этому двоякому ряду уступовъ.

Дѣйствительное значеніе и историческая роль *Ваньки Каина* слишкомъ хорошо и достаточно извѣстны, и по „исторіи“ его, нѣсколько разъ изданной съ жизнеописаніемъ, и по такимъ дѣльнымъ статьямъ объ немъ, какъ г. Есипова (въ III-й кн. „XVIII вѣка“). Намъ и не столько это нужно. Не принадлежа сами къ тѣмъ историкамъ, которые задачею всей жизни своей считаютъ, отъ имени и лица народа, идеализовать подобные образы

на „внѣшней исторической почвѣ," мы съ другой стороны не примыкаемъ и къ ихъ ревнивымъ обличителямъ, столь же преданнымъ исторіи „политической." Намъ важно пѣснотворчество народное, съ симъ связанное, его собственная историческая дѣйствительность, его воззрѣнія, у него создавшіеся образы. Здѣсь, подобно многимъ другимъ случаямъ, даже такой опредѣленный образъ, какъ Ваньки Каина, является нѣсколько инымъ, и даже иногда совсѣмъ инымъ, чѣмъ въ практикѣ жизни положительной и въ политическихъ документахъ исторіи. Здѣсь онъ также герой, молодецъ лицо эпическое, своего рода, нами бѣгло очерченнаго, какъ исчадіе, связанное однако съ дѣдами и отцомъ-матерью, со внуками и нашей современностью. Здѣсь онъ и *Ванька Каинъ*, и *Иванъ Осиповичъ*.

Иванъ Осиповичъ,

по прозванью Ванька Каинъ.

Иванъ Осиповъ родился, по его показанію, 1714 года [1]), „во время царствованія государя императора Петра Великаго, отъ подлыхъ родителей, обитающихъ въ столичномъ Россійской имперіи городѣ Москвѣ." Отецъ его, крестьянинъ села Иванова, Ростовскаго уѣзда, былъ крѣпостнымъ Московскаго гостя Петра Дмитріева Филатьева: къ нему, на господскій дворъ въ службу, для постояннаго житья, привезенъ въ Москву Иванъ Осиповъ тринадцати лѣтъ, подросъ, терпѣлъ жестокости отъ хозяина, поворовывалъ, сошелся въ дружбу съ мошенниками, изъ которыхъ первымъ учителемъ его былъ Камчатка, бездѣльничалъ, любилъ—любилъ красныхъ дѣвушекъ, любилъ пѣсни и красное словцо. Краткое по годамъ, но многотрудное и полное приключеній поприще жизни его было неистощимымъ предметомъ и его собственныхъ, хвастливыхъ разсказовъ, и Московскихъ разсказовъ объ немъ: краснобай и на дружескихъ бесѣдахъ, и на многочисленныхъ допросахъ, которымъ подвергался онъ въ Тайной Канцеляріи, Сыскномъ Приказѣ, Полиціи и разныхъ Коммиссіяхъ, излагалъ онъ подвиги свои такъ, что его подлинныя рѣчи заучивали и записывали, по рукамъ ходили объ томъ „краткія повѣсти," многіе „списки разныхъ рукъ" и выдержки изъ оффиціальныхъ показаній [2]). Здѣсь говорилось отъ лица Ивана Осипова:

---

[1]) У г. Есипова 1718 г.—[2]) „О которыхъ (дѣлахъ) я самъ отъ него (Ивана) слышалъ (говоритъ первый составитель его „исторіи" Комаровъ въ изданіи 1788 г.), будучи въ 1755 году для нѣкотораго дѣла въ Сыскномъ Приказѣ, въ которомъ онъ во время бывшей объ немъ Коммисіи содержался и разсказывалъ все свое похожденіе бывшему тогда въ томъ же Приказѣ дворянину Ѳ. Ѳ. Левшину... Въ 1774 г. нечаянно попался мнѣ маленькій списокъ о дѣлахъ сего мошенника, который хотя писанъ такимъ слогомъ, какъ обыкновенно подлые люди разсказываютъ сказки или какія

1. a).

Похожденія Ивана Осипова.

Что до услугъ моихъ (у Филатьева) принадлежало,
то со усердіемъ должность мою отправлялъ,
токмо вмѣсто награжденія и милостей
несносные отъ него побои получалъ.
Чего ради вздумалъ встать поранѣ
и шагнуть отъ двора его подалѣ.
Въ одно время, видя его спящаго,
отважился я тронутъся въ той же спальнѣ стоявшаго
ларца его,
изъ котораго взялъ денегъ столь довольно,
чтобъ нести по силѣ моей было полно.
А хотя я прежде онаго
на одну только соль [3]) и промышлялъ,
а гдѣ увижу медъ, то пальчикомъ лизалъ:
и оное дѣлалъ [4]) для предкȯвъ, чтобъ не забывалъ.

ни есть свои похожденія, притомъ же отъ переписчиковъ учинены великія ошибки..., однакожь по содержанію онаго надобно думать, что оригиналъ того списка писанъ или самимъ Каиномъ, или другимъ кѣмъ по его объявленію... Имѣлъ я случай говорить съ такими людьми, которые его довольно знали, а нѣкоторые имѣли съ нимъ знакомство и о многихъ его дѣлахъ довольное имѣли свѣдѣніе.... Одинъ неизвѣстной сочинитель краткой Каиновой повѣсти называетъ (Грека) монахомъ,—самъ Каинъ его монахомъ не называлъ, такъ и во всѣхъ, имѣющихся у меня спискахъ, полученныхъ изъ разныхъ рукъ, ни въ одномъ оной монахомъ не именуется.“ На эти списки Комаровъ часто ссылается, сводитъ ихъ, исправляетъ, приводитъ выдержки изъ дѣловыхъ показаній и прибавляетъ: „Если бы можно было видѣть всѣ производимыя о дѣлахъ Каиновыхъ въ Моск. Полиціи, въ Тайной Канцел. и въ Сыскномъ Приказѣ слѣдствія, тобъ сія исторія могла быть еще порядочнѣе и обстоятельнѣе.“ Многими такими документами пользовался г. Есиповъ.— [3]) Себѣ къ хлѣбу.—[4]) То означенную покражу сдѣлалъ я.

Висящее же на стѣнѣ платье его на себя надѣлъ,
и изъ дому тотъ же часъ не мѣшкавъ пошелъ.
А болѣе же за тѣмъ поторопился,
чтобъ отъ сна онъ не пробудился...
Вышедъ со двора, подписалъ я на ворôтахъ:
«Пей воду какъ гусь, ѣшь хлѣбъ какъ свинья,
«а работай у тебя чортъ, а не я [5])!»

Пришедъ къ попу на дворъ—
а шелъ я не по большой дорогѣ,
но по проселочной (то есть черезъ заборъ) [6]),—
отперъ я въ воротахъ калитку.
въ которую взошелъ товарищь мой Камчатка.
Въ то время усмотрѣлъ насъ
лежащій на томъ дворѣ человѣкъ,
которой въ колоколъ рано звонитъ
(то есть церковной сторожъ),
и вскоча спрашивалъ насъ:
«Чтó мы за люди, и не воры ли,
«самовольно на дворъ взôшли?»
Тогда товарищь мой,
ударивъ его лозой,
чѣмъ воду носятъ,
— Не ужли́, ему сказалъ,
— для всякова прихожа́нина ворота хозяйскіе отпирать?
— По этому некогда ему будетъ и спать?—
Потомъ взошли мы къ попу въ покой:
но болѣе ничего у него не нашли,

---

[5]) По свидѣтельству г. Есипова, Каинъ не умѣлъ подписывать своего имени: но могли писать надписи и другіе, а Каину принадлежали сами красныя слова и пословицы, въ обиліи имъ сыпанныя. Это при томъ былевой пріемъ творчества: писали надписи и читали наши богатыри, и Муромецъ, а едва ли въ дѣйствительности умѣли читать и подписываться. — [6]) Всѣ эти *то есть* принадлежатъ очевидно не творцу — Каину, а писцамъ тетрадокъ и составителямъ повѣстей; потому мы ставимъ ихъ въ скобкахъ.

кромѣ что попадьи его сарафанъ,
да его долгополой кафтанъ,
которой я на себя надѣлъ
и со двора обратно съ товарищемъ своимъ пошелъ...

Мы пришли подъ Каменной Мостъ,
гдѣ воришкамъ былъ погостъ [7],
кои требовали отъ меня денегъ:
но я хотя и отговаривался,
однако далъ имъ дватцать копеекъ,
на которые принесли вина,
притомъ напоили и меня.
Выпивши говорили:
«Полъ да сéредъ [8]) сами съѣли,
«печь да палати въ наёмъ отдаёмъ;
«а идущимъ по сему мосту
«тихую милостыню подаёмъ
(то есть, мы, де, мошенники).
«И ты будешь, братъ, нашего сукна епанча
(то есть, такой же воръ)!
«Поживи здѣсь въ нашемъ домѣ,
«въ которомъ всего довольно:
«наготы и босоты
«изнавѣшены шесты,
«а голоду и холоду
«амбары стоятъ;
«пыль да копоть,
«притомъ нечего и лопать [9]).»
Погодя немного они на чорную работу пошли.

Я подъ тѣмъ мостомъ былъ до самаго свѣту,
и видя, что долго ихъ нѣту,

---

7) Въ древнѣйшемъ смыслѣ: мѣсто, гдѣ гостили, временно жили. — 8) Середку: примѣнительно къ калачу, нижнюю корочку да мякишъ; къ ночлегу —на полу и кирпичной середѣ сами ляжемъ, а ты полѣзай на печь и на-лати; къ мосту—пойдемъ по нéмъ на добычу, а ты дожидайся.—9) Жрать, ѣсть. Это все вставлены извѣстныя народныя пословицы.

пошелъ въ городъ Китай,
гдѣ попалъ мнѣ на встрѣчу
того жь дому (г. Филатьева) человѣкъ,
и, ничего не говоря, схватя,
привелъ меня обратно къ помѣщику въ домъ.
Въ тожь время прикованъ на дворѣ былъ медвѣдь:
близь котораго и меня помѣщикъ приковать велѣлъ,
гдѣ я два дни не ѣвши прикованной сидѣлъ
(ибо помѣщикъ кормить меня не приказалъ).
Токмо, по счастью моему,
къ тому медвѣдю дѣвка ходила,
которая его кормила:
притомъ, по просьбѣ моей,
и ко мнѣ тихонько что ни будь приносила [10]).
Между тѣмъ мнѣ сказала,
что, де, и помѣщикъ нашъ обстоитъ въ бѣдѣ:
«Латминицкой [11]) солдатъ сидитъ въ гостяхъ,
«въ холодной избѣ
(то есть, мертвый брошенъ въ колодезь).»
Потомъ помѣщикъ мой
взялъ меня въ покой къ себѣ,
и, скинувъ все платье,
сѣчь меня приказалъ.
Тогда я ему сказалъ:
«Хотя я тебя ночью немножко, окравши, попугалъ,
«и то [12]) для того, чтобы ты долѣ меня не спалъ.»
И, не дожидаясь болѣе, тотчасъ,
старую свою пѣсню запѣвъ [13]), сказалъ:
«Слово и дѣло!»
Отъ которой онъ въ немалую ужасть пришелъ...

---

[10]) Извѣстная въ былинахъ дѣвка Чернавка.—[11]) Изъ ландмилиціи.—[12]) То это.—[13]) Любитель пѣсней, Каинъ называлъ также старою и любимою своею пѣснею любимый пріемъ выкрикивать „слово и дѣло," за которымъ слѣдовали допросы и слѣдствія, а съ тѣмъ проволочка и случаи выкорабкаться.

При чемъ я ему и еще той же пѣсней подтверждалъ,
чтобъ, не продолжая времени,
въ «Стукаловъ монастырь [14]),» сирѣчь въ Тайную,
гдѣ тихонько говорятъ, отсылалъ.
По прошествіи ночи, по утру,
въ полицію меня представилъ,
гдѣ къ той пѣсни еще голосу я прибавилъ,
ибо оная, для ночи [15]), не вся была допѣта,
потому что дожидался я свѣта.
Въ тотъ же часъ драгуны ко мнѣ подбѣжали,
и въ тотъ монастырь, куда хотѣлъ, помчали.

Гдѣ, по пріѣздѣ, секретарь меня спрашивалъ:
— По которому пункту я за собой сказывалъ [16])?—
Коему я говорилъ:
«Что ни пунктовъ, ни фунтовъ,
«ни вѣсу, ни походу не знаю;
«а о дѣлѣ моемъ тому скажу,
«кто на томъ стулѣ сидитъ,
«на которомъ собачки вырѣзаны
(то есть, на судейскихъ креслахъ).»
За что тотъ секретарь
билъ меня той дощечкой,
которую на бумагу кладутъ
(то есть, линейкой).
На другой день по утру,
графъ Семенъ Андреевичь Салтыковъ,
пріѣхавъ, приказалъ отвести меня
въ немшоную баню, гдѣ людей вѣсютъ,
сколько кто потянетъ (то есть, въ застѣнокъ).
Въ которую самъ взошелъ,
гдѣ спрашивалъ меня:

---

[15]) По причинѣ ночнаго времени.—[16]) По какому пункту былъ доносъ, заявленный „словомъ и дѣломъ."—[14]) Такъ въ народѣ называли Тайную Канцелярію, гдѣ заклепывали въ стукалы, въ колодки, или били палочьемъ.

— Для чего я къ секретарю въ допросъ не пошелъ
— и что за собой знаю?—
Я, ухватя его ноги руками,
сталъ ему говорить, что помѣщикъ мой
«Ландминицкихъ солдатъ потчивалъ деревянными кнутами
(то есть, цѣпами, что рожь брюзжатъ) [17]:
«изъ которыхъ одинъ солдатъ на землю упалъ;
«то помѣщикъ мой видя,
«что оной солдатъ по прежнему [18]) ногами не всталъ,
«дождавшись вечера, завернулъ его
«въ Персидской коверъ, что соль вѣсютъ
(то есть, въ куль),
«и велѣлъ снести въ сухой колодезь
(въ которой соръ сыплютъ).
«А секретарю я для того не объявилъ,
«чтобъ онъ лѣвой рукой къ Филатьеву не написалъ,
«ибо я въ домѣ у своего помѣщика часто его видалъ»...
Почему взяли господина Филатьева
и привезли въ Стукаловъ монастырь.
Графъ спросилъ меня:
— Былъ ли при убивствѣ твой господинъ?—
Я сказалъ:
«Какой на господинѣ мундиръ,
«такой и на холопѣ одинъ.
«Сидоръ да Карпъ въ Коломнѣ живетъ,
«а грѣхъ да бѣда на кого не живетъ?
«Вода чего не поймётъ?
«А огонь и попа сожётъ.»

Послѣ, въ скоромъ времени,
дано мнѣ отъ оной Тайной Канцеляріи,
для житья, «вольное письмо [19]),»

---

17) Молотятъ.—18) Какъ бывало, когда былъ живъ.—19) Абшидъ, паспортъ „для прожительства на вольныхъ квартирахъ,“ какъ досёлѣ называется

которое я получа, въ Нѣмецкую Слободу пошелъ.
Взошелъ въ кабакъ, гдѣ усмотрѣлъ
товарища своего Камчатку и четырехъ человѣкъ...
Съ которыми я пошелъ къ Яузѣ,
что близь Дворца [20]),
къ придворному доктору Елвиху.... [21])
Растворя окончину, увидѣли мы
того доктора съ женою подъ тѣмъ окномъ спящихъ:
принужденъ я былъ на томъ же окнѣ разуться,
взлѣзъ въ ту спальню;
видя ихъ разметавшихся неопрятно,
накрылъ одѣяломъ,
которое сбито было ими въ ноги.
Пошелъ въ другіе покои,
взошелъ въ дѣтскую,
гдѣ спала дѣвка,
которая спросила меня:
— За чѣмъ я пришелъ?—
Я сказалъ ей:
«Пришли въ домъ вашъ купцы
«для пропалыхъ вещей [22]).»
Въ то жь время и товарищи мои
тогда ко мнѣ вскочили,
и, ту дѣвку связавъ, положили—
на ту жь кровать, въ середину того доктора и докторши.
А сами говорили:
««Бей во всѐ, колоти во всѐ,
««и того не забудь, что̀ въ кашу кладутъ
(чтобъ не оставляя все забирали [23])!...
Пошли къ рѣчкѣ Яузѣ,

[20]) Лефортовскаго.—[21]) По спискамъ Елвахъ, Ялвихъ и т. д.—[22]) Покупать пропавшія вещи; иронія, какъ и въ другихъ случаяхъ.—[23]) Вотъ примѣръ, что это объясненія позднія и неправильныя, со стороны; слова подлинно значатъ: не забывай подкладывать и *масла*, т. е. колотить въ голову, какъ говорится и до сихъ поръ.

гдѣ для переѣзду ходилъ плотъ:
переѣхали на другую сторону той рѣки;
но, увидя за собою погоду
(то есть, погоню),
перерубили на томъ плотѣ канатъ,
чтобъ нельзя было бѣгущимъ насъ перенять.
Пришли мы подъ Даниловъ монастырь,
и отдали взятую посуду, для продажи,
того монастыря дворнику.

Погодя нѣсколько времени,
пришелъ я на Красную площадь,
гдѣ мнѣ попала на встрѣчу вышереченная
дому господина моего Филатьева дѣвка,
которая меня и медвѣдя кормила.
И между разговоровъ сказывала мнѣ,
что на ея рукахъ имѣется
съ деньгами и съ екипажемъ [1]) двѣ палаты...
Дождавшись ночи, пришли...
Влѣзли, усмотрѣли нѣсколько сундуковъ,
изъ которыхъ нѣкоторые тронули обухами;
имѣющіеся въ тѣхъ сундукахъ деньги,
серебреную посуду и шкатулу, обитую бархатомъ,
взяли, а сами говорили:
«Тяпъ да ляпъ—клѣтка,
«въ уголъ сѣлъ—и печка [2])!»
Вышли мы изъ той кладовой.
Въ то жь время за нами учинилась
«мелкая раструска
(то есть, тревога);»
а мы бѣжали близь Бѣлаго Города;
и какъ поравнялись противъ Чернышева двора,
предъ которымъ была великая тина:
то мы деньги и пожитки въ ту тину бросили.

---

1) Гардеробомъ.—2) Скоро справились, разомъ отработали.

И оставя, пошли за Москву-рѣку,
на дворъ къ генералу Шубину.
Пришедъ къ заднимъ его двора воротамъ,
мы стучались у оныхъ,
почему вышелъ къ намъ человѣкъ,
которой по ночамъ въ доску гремитъ
(то есть, часовой):
ему мы сказали, что по близости двора ихъ
лежитъ пьяной человѣкъ;
и, какъ оной отошелъ отъ воротъ,
мы, схватя его, заворотили на голову
имѣвшійся на немъ тулупъ, завязали,
чтобъ не можно было ему кричать.
Вшедъ на дворъ, взявъ изъ конюшни лошадей,
въ стоящій на томъ дворѣ берлинъ [3]) запрягли.
И поѣхали къ Милютину на фабрику,
гдѣ взяли знакомую бабу:
посадя ее въ тотъ берлинъ,
поѣхали на Чистой Прудъ,
къ одному купцу, и взлѣзли на его чердакъ,
въ которомъ нашли женской уборъ;
нарядили ту бабу,
и велѣли ей быть барыней.
Поѣхали къ тому Чернышеву двору,
гдѣ брошены были деньги и пожитки.
По пріѣздѣ скинули колесо,
а нареченной барынѣ велѣли,
изъ того берлина вытти вонъ:
и изъ той грязи деньги и пожитки
въ тотъ берлинъ переносили.
Въ то жь время, чтобъ проѣзжающіе мимо насъ
люди дознаться не могли,
то реченная барыня бранила насъ,

---

[3]) Экипажъ.

и била по щекамъ, говоря при томъ:
— Что, де, вамъ до́ма смотрѣть
— было не можно ли, все ли цѣло?—
И какъ безъ остатку все забрали,
надѣли по прежнему колесо,
поѣхали;
и остановясь противъ Денежнаго Двора,
вынувъ изъ берлина деньги и пожитки,
на томъ мѣстѣ тотъ берлинъ
и съ лошадьми оставили;
а ту барыню повели подъ руки,
и пришедъ въ свою квартиру,
наградя деньгами отпустили ее,
на ту жь фабрику обратно,
откуда была взята.

А вышепоказанная, господина моего дѣвка
посажена была въ полицію,
гдѣ подъ битьемъ кошками, спрашивана:
««не имѣла ли она, для покражи тѣхъ пожитковъ,
««какого подво̀ду или съ какими людьми разговоровъ?»»
Однако въ томъ учинила запирательство,
почему освобождена обратно.
Послѣ помѣщикъ отпустилъ ее на волю;
и послѣ вскорѣ попала мнѣ у Гостинаго двора на встрѣчу,
и сказывала:
— что она отъ помѣщика своего уволена
— и вышла за рейтара Нелидова.—
Между тѣмъ я зазвалъ ее въ питейной погребъ,
гдѣ велѣлъ ей себя подождать,
а самъ сходивъ на свою квартиру,
взялъ утаенную отъ своихъ товарищей,
покраденную у господина своего, объявленную [4]) шкатулку,

---

[4]) Помянутую.

въ которой имѣлось нѣсколько алмазныхъ и золотыхъ вещей;
принесъ къ ней, и при томъ ей сказалъ:
«Только и ходу—
«изъ воротъ да въ воду
(чтобъ никому не объявляла)!»
И побывъ въ томъ погребу,
взяла она меня въ свою квартиру.
По приходѣ спрашивалъ меня ея мужъ:
— какой я человѣкъ?—
Коему я о себѣ объявилъ:
«что я ни воръ, ни тать,
«только на ту же стать,
«и имѣю у себя для жительства
«данное изъ Тайной Канцеляріи письмо.»
И вынувъ оное изъ кармана,
далъ ему при томъ,
чтобъ онъ положилъ его для сбереженія у себя.
Какъ уже напился я пьянъ,
то положенъ былъ спать.
Время стало перваго часа за полночь:
я, ставъ, пошелъ изъ ихъ квартиры тихимъ образомъ,
чтобъ они слышать и безпокоиться не могли,
къ живущему по близости ихъ квартиры
портному мастеру.
Перелѣзъ въ его огородъ,
взошелъ къ нему въ покой,
гдѣ выработалъ въ маленькомъ баулѣ [5])
денегъ триста сорокъ рублёвъ,
и съ тѣми обратно въ квартиру тогожь рейтара пришелъ.
Которой говорилъ мнѣ:
— для чего я такъ рано, и не сказавши ему,
— съ квартиры его ходилъ?—
На что я сказалъ:

---

[5]) Шкатулкѣ окованой.

«Наши вислоухи
«во дворѣ сторожки [6]);
«а ты будь сытъ грыбами,
«а держи языкъ за зубами!»
И подошедъ къ прежде бывшей дѣвкѣ,
а его женѣ,
далъ ей тѣ покраденныя мною деньги,
и при томъ ей говорилъ:
«Вотъ тебѣ луковка попова,
«облу́плена-готова,
«знай—почитай,
«а умру—поминай!»

И погодя, взялъ малое число денегъ,
и данное для сбереженія свое письмо,
пошелъ въ свою квартиру.
Въ которой поживъ нѣсколько времени,
взялъ съ собою шесть человѣкъ,
и пошли мы изъ Москвы—
на Макарьевскую ярманку.

*

На „вольной квартирѣ по вольному письму" жилъ Иванъ Осиповъ у палача—заплечнаго мастера, въ Зарядьѣ на Воронежскойѣ подворьѣ. Дѣвушка, въ несчастьи кормившая его пополамъ съ медвѣдемъ, прозывалась по преданію *Авдотья Степановна*. Въ числѣ „любимыхъ" пѣсенъ Каина, не имъ конечно и не въ его время сочиненныхъ, но имъ или про него пѣтыхъ, извѣстна одна, къ нему примѣнявшаяся и поминавшая любовь съ Дуней:

---

[6]) Стерегли; примѣняется къ собакамъ: спали онѣ, развѣсивши уши, на дворѣ, а мы между тѣмъ обработали дѣло; употребляется также „старухи."

2.

Дуняша—любовь Ванюшкина.

Во Архангельскомъ во градѣ
Ходятъ дѣвушки въ нарядѣ,
Еще аленьки цвѣточки—
Горожаночки дѣво́чки.
Ахъ, у насъ было на звозѣ [7],
На Буяновой горѣ,
Во Перешлой слободѣ,
У столба да у версты,
Какъ стоялъ тута дворокъ,
Невысокой теремокъ.
Ахъ, во томъ ли теремку́
Красны дѣвушки сидятъ:
Се Дуняша да и Маша
Алексѣевны.
Что охо́чи за окошечко
Поглядывати,
Холостыхъ рабятъ
Приманивати.
Случило́ся молодцу
Въ вечеру́ поздо итти:
Что на тѣ поры окошко
Отворяется,
А Дуняша-та въ окошкѣ
Усмѣхается.
Случило́ся молодой
За водой итти одной:
Подъ Буяновой горой
Стоитъ парень молодой.
Идетъ Дуня съ колодца́,

---

[7]) На спускѣ.

Увидѣла молодца:
Не дошедъ Дуня къ Ванюшѣ,
Покланяется:
Рѣчи Ваня говоритъ—
Постоять Дунѣ велитъ.
Ахъ, не въ гусельцы играютъ,
Не свирѣли говорятъ,—
Говоритъ краснá дѣвúца
Со удáлымъ молодцомъ:
«Про насъ люди говорятъ,—
«Разлучить съ тобой хотятъ.»
— Еще гдѣ тому бывать,
— Что намъ пó розну живать?
— Еще гдѣ же тому статься,
— Чтобы намъ съ тобой разстаться?
— На погибель бы тому,
— Кто завидуетъ кому!—

(„Любимыя“ пѣсни Каина при его „исторіи“ и другіе пѣсенники).

*

Героиня эта перешла и въ представленіе Московскаго „Петрушки;“ когда является на сцену пара молодца съ дѣвушкой, она неистово кружится и пляшетъ съ припѣвомъ:

Ты моя сударыня,
Авдотья Степановна!

Однако пришлось, какъ видѣли мы, разстаться. Иванъ Осиповъ щедро наградилъ подругу и обдарилъ мужа; ввѣрялъ имъ свой паспортъ; она участвовала и послѣ въ его похожденіяхъ какъ помощница (см. ниже), а мужъ, конной гвардіи рейтаръ, выручалъ Ивана въ бѣдахъ, принимая подъ свою росписку на поруки: но, какъ видно, первый періодъ судьбы рѣшенъ былъ для Ивана Осипова безвозвратно, ему не мило сдѣлалось въ Москвѣ, онъ пустился въ далекія похожденія, съ удалыми ворами-разбойниками, по рѣкамъ и большимъ дорогамъ. Оттуда онъ возвращался въ Москву уже не на долго и останавливался попеременно въ Садовникахъ, въ Ямской Переяславской, въ Кожевникахъ и въ Ямской Рогожской. Изъ похожденій его здѣсь, впрочемъ болѣе прозаическихъ или мимоходомъ, повѣствуется:

I. б).

По прiѣздѣ пошли въ Нижнiе Садовники,
взошли въ пустую избу, и, дождавшись ночи,
сдѣлали въ той избѣ изъ бумаги оконницу.
А какъ настало утро,
то стали камень о камень тереть,
будто что мелемъ.
Камчатка насыпалъ голову мукою,
въ знакъ калачника [8]):
высунувъ изъ окошка голову,
крикнулъ съ (продаваемымъ) мясомъ мужика,
которое сторговавъ,
велѣлъ подавать въ то окошко.
Мы, взявъ ту говядину,
изъ той избы ушли.
А тотъ мужикъ стоялъ
подъ тѣмъ окномъ долгое время,
ожидалъ за проданное мясо денегъ,
и усмотрѣвъ, что никого въ той избѣ нѣтъ,
разсуждалъ съ прохожими людьми:
— люди ли то были,
— или дьяволы съ нимъ говорили
— и говядины лишили [9])?—

Пришли въ Греческой монастырь [10]),
въ келью Грека Зефира,

---

[8]) Принявъ видъ калачника, словно калачникъ.— [9]) Каинъ разсказываетъ и послѣдствiя, чтó случалось безъ него заглазно: разсказъ явно ходилъ по устамъ и эпизоды вызывали желанiе создать разныя картины, какъ звѣнья эпоса.— [10]) На Никольской, гдѣ жили тогда въ кучѣ торговцы Греки, между прочимъ содержавшiе кофейни, первыя и лучшiя въ городѣ: тамъ собиралось пропасть народа, тамъ сообщались вѣсти и слухи.

которой въ то время былъ въ церкви,
а въ кельи былъ оставленъ одинъ его работникъ,
          которому мы сказали:
чтобъ онъ несъ въ церковь къ хозяину своему
          восковыя свѣчи.
Работникъ, взявъ нѣсколько, понесъ;
мы, схватя его въ дверяхъ, спрашивали:
«не укралъ ли онъ тѣ свѣчи?
          «а ежели пошутилъ,
«чтобъ откинулъ отъ сундуковъ ключи.»
И, вскоча въ келью, платье
и при томъ два малыхъ пистолета взяли...
Почему къ намъ, гдѣ мы имѣли пристань [11]),
для забранія насъ подъ караулъ,
          пріѣхали солдаты,
гдѣ захватили меня да товарища моего Жарова...
Взяты мы были на очную ставку,
гдѣ мы говорили между собою:
          «Что овинъ горитъ,
          «а молотильщики обѣдать просятъ
(то есть, чтобъ подарить секретаря и повытчика).»
И какъ положили меня для битья плетьми,
то товарища моего Жарова въ то время вывели на крыльцо,
откуда онъ тогда и бѣжалъ.
Послѣ того, недѣли съ три спустя,
прислалъ ко мнѣ товарищъ мой Камчатка старуху,
которая пришедъ ко мнѣ говорила:
          — У Ивана въ лавкѣ
          — по два гроша лапти
(то есть, нельзя ли изъ подъ караула уйтить [12]).—
          Я сказалъ ей:

---

[11]) Пристанище, притонъ.—[12]) Опять не вѣрныя поясненія. Старуха говоритъ: уйти легко, ничего не стоитъ; Иванъ отвѣчаетъ: я готовъ, жду случая, примѣчайте и помогайте.

«Чай, примѣчай,
«куда чайки летятъ
(то есть, такъ же, какъ и товарищь, время къ побѣгу хочу
изобрать [12].!»
Во оныхъ разговорахъ вдругъ взятъ я былъ
(для двоекратнаго пристрастнаго подтвержденія)
предъ полицемейстера,
которой увѣщевалъ меня,
чтобъ во всемъ я принесъ извиненіе,
коему я сказалъ:
«Здѣсь въ полиціи баня дешева,
«стойка [13]) по грошу, лежанка по копейкѣ,
(только чтобъ правому быть) [13]).»
Потомъ отведенъ я обратно въ тюрьму...
Въ скоромъ времени свобожденъ и я былъ.

*

Странствуя на далекой сторонѣ, товарищи ходили на Макарьевскую ярманку изъ Москвы пѣшкомъ, ѣздили по Волгѣ въ Лысково, но вообще, при всей дерзкой отвагѣ и ловкости, не были счастливы и часто попадались (провинція была проще и прямѣе Москвы, гдѣ притоны всякого мошенничества насижены изъ дальней древности). Потому, воротившись въ Москву, придумали ударить на Волгу въ другомъ направленіи и на лошадяхъ отправились въ Кашинъ: здѣсь остановились у старосты Ямской слободы, жили въ городѣ болѣе полугода, но „не учинили ни къ кому похода,“ готовясь къ предпріятію важнѣйшему. Именно, вступили они въ цѣлую организованную шайку, подъ начальство атамана Михайла. Зори: называясь „Донскими козаками,“ вооруженные, съ ружьями и порохомъ, человѣкъ во стѣ и въ трехъ кругахъ, работали они по берегамъ Волги вплоть до Макарья, стерегли суда, разоряли помѣстья и заводы, мѣсяцъ стояли въ Керженскомъ лѣсу, въѣзжали въ Оку. На послѣдней, при перевозѣ паромомъ, офицеръ спрашивалъ ихъ, что за люди:

---

[13]) Стойка—огромный чанъ съ краномъ, откуда брали готовую воду.—Здѣсь, въ полиціи, парка очень дешева, попарятъ легонько: не стóитъ винитъся и толковать (поясненіе опять не вѣрно).

1. в).

А какъ съѣхали съ того порому,
то атаманъ, предупредя его, остановилъ,
при томъ говорилъ ему:
«Ты спрашивалъ насъ на водѣ,
«а мы спрашиваемъ тебя на землѣ.
«Лучше бы ты въ деревнѣ жилъ да овины жегъ,
«а не проѣзжающихъ спрашивалъ.»
Приказалъ у него отобрать шарфъ, знакъ и шпагу,
за что велѣлъ заплатить нѣсколько ему денегъ.

Особенно важно было нападеніе на винные заводы, гдѣ противъ нихъ вели ружейную пальбу; случившійся Грузинскій князь дрался саблею, а начальникъ заводовъ, запершись, отважно защищался. Но, ворвавшись,

Атаманъ взошелъ къ набольшему въ покой,
и, видя у него на кафтанѣ звѣзду,
говорилъ ему:
«Что честь твоя съ тобою,
«а теперь попалъ въ мои руки,
«то раздѣлайся со мною!
«Торгъ—яма: стой прямо,
«видя яму не вались,
«а съ ворами не водись,
«не званъ въ пиръ не ходи [14])!»
Взяли у него денегъ безъ счету,
а посуды безъ вѣсу,
которое отослали къ лѣсу.

Тутъ-же прознали они помѣстье генерала Шубина:

Спросили бывшаго тутъ Калмыка,
«чьево оное господина?»

---

[14]) Прибавленное при этомъ поясненіе излагаетъ уже совершенную чепуху, тогда какъ это просто выговоръ за упорное сопротивленіе.

которой объявилъ,
— что генерала Алексѣя Яковлевича Шубина.—
«Не ужели у него, сказали мы,
«лѣтней одежды нѣтъ,
«а всегда ходитъ въ шубѣ?
«Такъ будутъ къ вамъ портные,
«для шитья лѣтнихъ кафтановъ [15]).»

Шубинское помѣстье не давало покоя ихъ планамъ и, собравшись съ силами, въ третій и послѣдній разъ, двинулась шайка Ивана Осипова и Камчатки на добычу, пѣшкомъ Володиміркой.

Мы какъ вышли изъ Москвы,
стали подходить къ Звѣринцу,
отъ коего поворотили къ Лефортову,
гдѣ усмотрѣли, не знаемо какого званія,
двухъ человѣкъ,
которые вели женщину,
у коей обернута была голова и лицо,
простынею, по самую шею.
Изъ нихъ, впереди ея,
шелъ одинъ съ мѣшкомъ.
Камчатка спросилъ ихъ,
«кого они ведутъ?»
Которые сказали,
—что они ведутъ бабушку на повой;—
напротивъ чего Камчатка сказалъ:
«Видно, что въ воду головой [16])!»

Съ сухаго пути спустившись на воду, къ имѣнью Шубина, поплыли онъ на четырехъ лодкахъ, обобрали, но, свѣдавъ о погонѣ, бросили лодки и

---

[15]) Такъ овладѣвалъ эпосъ всѣми этими событіями: шайкѣ не нужно было справляться и острить, ибо за Москвой рѣкой стоялъ знаменитый домъ Шубина, гдѣ проживали воры и естественно знали о помѣстьяхъ хозяина.—[16]) Этотъ эпизодъ, ни къ чему собственно не идущій и ни съ чѣмъ не связанный, вставленъ также, какъ во всякой эпосъ, и въ наши богатырскія былины; послѣдующій о кабакѣ совершенно таковъ же.

трои сутки пробирались на Муромъ лѣсами. Въ Муромѣ стояли два дни, а какъ узнали, что и на сушѣ, для ихъ поимки, поставленъ бургомистръ въ одномъ кабакѣ съ пятью солдатами,

Мы объ ономъ чрезъ посланнаго свѣдавъ,
пришли въ тотъ кабакъ,
въ которомъ по приходѣ закричали:
«Шасть на кабакъ!
«Дома ли чумакъ?
«Вѣритъ ли на деньги,
«Даетъ ли въ долгъ?»
Атаманъ сказалъ:
—Когда масъ на хасъ,
—такъ и дульясъ погасъ [17])
(то есть, что никто не шевелись)!—
Пили вино и пиво...
Поѣхали къ городу Гороховцу.
Атаманъ сталъ говорить,
чтобъ изобрать мѣсто для отдыху,
почему пріѣхали въ село Языково,
въ которомъ жили «въ смирномъ образѣ,»
мѣсяца съ три.

Тутъ же на Сурѣ ограбили торговое Армянское судно, перешли къ селу Борятину, появились къ Мордвѣ и Татарамъ, отъ нихъ поѣхали къ монастырю Боголюбову близь Владиміра, стали на знакомой дворъ, прожили здѣсь съ недѣлю и—окончательно вернулись въ Москву. Это была третья и послѣдняя ихъ вылазка или, какъ говорили, „высылка" изъ Москвы. Всего сильнѣе была вторая, начатая съ Кашина; всѣхъ продолжительнѣе первая у Макарья: полковникъ Рѣдькинъ нарочно былъ командированъ съ командою въ Нижній для поимки разбойниковъ, не разъ и послѣ настигалъ Ивана, и поимывалъ, и однако онъ же приказалъ Ивану выдать двухгодовой паспортъ на житье въ Нижнемъ. Тамъ Иванъ обобралъ Армянскій амбаръ, но на гостиномъ дворѣ въ мелкой кражѣ попался купцамъ:

---

[17]) Это уже языкъ *Авеней*, главнымъ образомъ и сосредоточенный доселѣ во Владимірской губерніи, а отъ нея до Нижняго: „Когда я въ домъ, погасъ огонь (гасите огонь; совсѣмъ не такъ, какъ объяснилъ первый издатель)."

Взяли оиму меня пашпортъ,
и раздѣвъ стали бить желѣзной сутугой,
при томъ же наложили на шею
монастырскія четки
(то есть, стулъ [18]).
Я, видя оное, не могъ болѣе сыскать себѣ
къ избавѣ способу
и запѣлъ старинную свою пѣсню [19])
(то есть, сказалъ «Слово и дѣло»),
по которой отправленъ былъ
въ Рѣдькину канцелярію.
Какъ товарищь мой Камчатка
свѣдалъ обо мнѣ,
что я въ каменномъ мѣшкѣ
(то есть, въ тюрьмѣ водворяюсь),
то, взявъ калачей, пришелъ ко мнѣ,
якобы для подачи милостины,
и давалъ колодникамъ по калачу,
а мнѣ подалъ два, а при томъ сказалъ:
—Тріока калачь ѣла,
—стромыкъ сверлюкъ страктирила
(то есть, тутъ ключи въ калачѣ, для отпиранія цѣпи). [20])
Погодя малое время, послалъ я драгуна
купить товару изъ Безумнаго Ряду
(то есть, вина на кабакѣ).
Какъ оной купилъ,
и я выпилъ для смѣлости красоулю,
то пошелъ...
Хотя погоня за мной и была,
токмо, за случившимся тогда кулачнымъ боемъ [21]),
отъ той погони я спасся.

---

[18]) Небольшія колодки, съ цѣпью.—[19]) См. выше.—[20]) Опять языкъ Аѳеней: „Корова (или дѣвчонка) калачь ѣла, тройникъ ключь нашла."—[21])Въ суматохѣ, происходившей во время игры, кулачнаго боя.

Прибѣжалъ въ Татарскій табунъ,
гдѣ усмотрѣлъ Татарскаго мурзу,
который въ то время въ своей кибиткѣ крѣпко спалъ,
а въ головахъ у него подголовокъ стоялъ.
Я привязалъ того Татарина ногу
къ стоящей при его кибиткѣ лошади:
ударилъ ту лошадь коломъ,
которая онаго Татарина потащила во всю прыть.
А я, схватя тотъ подголовокъ,
которой былъ полонъ монетъ,
сказалъ:
«Не ужели Татарскихъ денегъ
«въ Руси брать не будутъ?»
Пришедъ я къ товарищамъ своимъ,
говорилъ:
«На одной недѣлѣ—четверга четыре,
«а деревенской мѣсяцъ—съ недѣлей десять
(то есть, вездѣ погоня насъ ищетъ [22])!..»
Въ тожь время, не знаемо откуда,
взялось шесть человѣкъ драгунъ,
которые стали насъ ловить.
Камчатка побѣжалъ отъ меня прочь,
при томъ сказалъ:
—Что онъ увидится со мной на послѣднемъ ночлегѣ,
—какъ буду ѣхать въ телѣгѣ [23]).—...
Какъ сталъ подьячей меня допрашивать,
то я ему шепнулъ на ухо:
«Тебѣ будетъ, другъ,
«муки фунта съ два съ походомъ
(то есть, кафтанъ съ камзоломъ)!»

После сего далъ Рѣдькинъ паспортъ на житье, но Иванъ снова попался въ рядахъ драгунамъ:

[22]) Это, повторявшееся, выраженіе Ивана значитъ подлинно: у меня всегда работа и въ короткое время успѣваю много.—[23]) Когда повезутъ Ивана скованнаго подъ конвоемъ.

Усмотря же у одного двора
стоящую съ водой кадку,
вырвавшись у нихъ, ступилъ на оную,
перескочилъ черезъ заборъ на тотъ дворъ,
а съ того двора въ садъ,
прибѣжалъ на Соколъ-гору,
къ Ильинской рѣшеткѣ, къ своимъ товарищамъ,
говорилъ имъ:
«Спасибо Петру,
«что сберегъ сестру
(то есть, ушелъ)!»
Сѣли мы въ кибитки,
которыя были для отъѣзду приготовлены,
и пріѣхали въ Москву.

Такъ, послѣ первой любви, Иванъ Осиповъ размыкалъ и покончилъ свою молодость въ треугольникѣ между Москвою, Кашиномъ и Нижнимъ, по большимъ дорогамъ, по судамъ, по Окѣ, по Сурѣ и особенно по Волгѣ. Онъ принесъ оттуда и, въ числѣ „любимыхъ," послѣ собранныхъ и отпечатанныхъ, сберегъ намъ цѣлый выборъ *пѣсенъ*, удалыхъ, разбойничьихъ, козацкихъ, Волжскихъ, начиная съ Разинскихъ.

*

Наставали зрѣлые года: пора было остепениться, ибо „съ молоду много было бито-граблено." Степенность Иванъ Осиповъ, по своему положенію и складу того времени, могъ понять только своего рода „службой," тепленькимъ „мѣстомъ." Въ Декабрѣ 1741 года, будучи 27-ми лѣтъ, явился онъ къ первоприсутствующему Сыскнаго Приказа, кн. Кропоткину, а потомъ въ самый Приказъ, съ просьбою на Высочайшее имя, съ повинною въ прежнихъ проступкахъ и съ предложеніемъ себя на предки въ „сыщики." Между прочимъ онъ винился въ продѣлкахъ, кромѣ помянутыхъ выше, у Троицы 8 разъ, въ Дмитровѣ 2 раза, по разу въ Устюжнѣ и въ Вязникахъ, „на разбояхъ" же „нигдѣ не бывалъ и убійствъ не чинивалъ." Онъ принятъ, получилъ оффиціальное званіе „доносителя," въ распоряженіе „команду," простиравшуюся до 40 человѣкъ и болѣе. Не получая однако казенныхъ субсидій и даже часто не возвращая изъ Приказа затраченныя свои деньги, а съ другой стороны угрожаемый местью старыхъ товарищей, онъ, подъ предлогомъ сего послѣдняго, исходатайствовалъ еще себѣ въ огражденіе, въ концѣ 1744 года, особый Сенатскій „указъ" и „инструкцію (подробности у г. Есипова)." Немедленно, на мѣсто прежней квартиры-конурки, въ томъ же Зарядьѣ близъ Мытнаго двора, нанялъ онъ „особли-

вой себѣ домъ,“ гдѣ, на дворѣ, въ отдѣльномъ покоѣ, открылъ „биліардъ, зернь и прочія разныя игры,“ какъ для привлеченія въ ловушку, такъ и для собственнаго удовольствія, ибо распахнулъ двери старой своей страсти покутить и всякому приволью. Съ полицейскими, судейскими, особенно съ приказными и Членами Приказа Сыскнаго, со всѣми велъ онъ дружбу, дѣлился, игралъ; подъ рукою продолжалъ и даже усиливалъ прежнія мошенничества, дѣлясь и со старыми, и съ новыми товарищами, только прикрывая все это своимъ „оффиціальнымъ положеніемъ (подробности въ „Исторіи“ и у г. Есипова).“ Поимки началъ онъ на старомъ пепелищѣ своемъ въ Зарядьѣ, гдѣ жилъ нѣкогда у палача Алексѣя Иванова, и однимъ изъ первыхъ взялъ старика нищаго въ лахмотьяхъ, который оказался бѣглымъ солдатомъ „Алексѣемъ Ивановымъ Соловьевымъ;“ другой былъ — купеческій сынъ Иванъ Михайловъ, служившій мальчикомъ-повадыремъ у слѣпаго калѣки перехожаго Андрея Одулова; послѣдній нанялъ мальчика на Красной площади и обучилъ, кромѣ народныхъ Стиховъ, мошенничеству, ибо содержалъ у себя притонъ (какъ водилось это не рѣдко и водится доселѣ); за этимъ слѣдовалъ уже длинный рядъ успѣховъ; а больше всего прославился Иванъ Осиповъ, поймавши въ 1748 году, послѣ долгихъ исканій, своего стараго сотоварища, Камчатку.

Камчатка, попавши въ общество, а послѣ и въ ловушку Ивана Осипова, понесъ на себѣ частію и отблескъ славы его: стяжалъ себѣ мѣсто въ разсказахъ Ивана, въ его исторіи, даже въ пѣсняхъ. Въ 1748 году 37-ми лѣтъ, на три года старше своего сверстника, сынъ солдата, давно умершаго, *Петръ Романовъ Смирной-Закутинъ*, „по мірскому званію (а первое — болѣе духовное) *Камчатка*,“ поступилъ сперва въ ученье на парусную фабрику, при матери, которая вышла за другаго, именно за матроса этой самой фабрики. Подросши, поймавъ въ воровствѣ, наказанъ плетьми, отданъ въ Ярославскій полкъ солдатомъ, бѣжалъ, работалъ на каналѣ, въ Лефортовѣ, попался въ полицію, опять перешелъ на фабрику, соскучился здѣсь, подвизался со старымъ пріятелемъ Иваномъ Осиповымъ въ Москвѣ, въ Нижнемъ, у Макарья, у Троицы-Сергія. Попадался и спасался нѣсколько разъ. Покончивши странствія съ Иваномъ, явился въ Москву, но, тогда какъ Иванъ пошелъ въ славу, Петръ оставался на прежней своей фабрикѣ до великаго поста 1748 года. На третьей недѣлѣ поста, вѣроятно побаиваясь своего друга, бѣжалъ на заводы Демидова и, наконецъ, вернувшись въ родную Москву, жилъ за Срѣтенскими воротами въ Пушкаряхъ, а работалъ по крайней бѣдности и нуждѣ „на Бережкахъ (по сторонамъ нынѣшняго Москварѣцкаго и Чугуннаго моста),“ таская по найму лѣсъ (см. у г. Есипова). Это была любимая его мѣстность: здѣсь-то съ нимъ, видѣли мы, по Москвѣ-рѣкѣ и Яузѣ, нѣкогда подвизался Иванъ у Каменнаго Моста, въ Кожевникахъ, Садовникахъ; здѣсь Камчатка прославился, такъ, что въ Москвѣ помнятъ до сихъ поръ „разбойничка“ или „матроса на Балчугѣ (между нынѣшними мостами).“ Здѣсь же, какъ слѣдуетъ ожидать, на Балчугѣ искалъ, встрѣтилъ и взялъ его Августа 8-го (?)

сотоварищъ [1]). Мать, какъ видно его выручавшая часто и, можетъ быть, она же возвращавшая его къ дѣлу на парусную фабрику, уже умерла къ этому времени. Наказанный кнутомъ, сосланъ онъ на вѣки въ Оренбургъ. Вотъ замѣчательная пѣсня, давно намъ въ Москвѣ извѣстная, воспоминающая не столько его самого, сколько теплую любовь его матери:

Камчатка съ Балчуга.

1.

(Москва).

У Троицы у Сергія [2]) было подъ горою:
Стояла новая, темная темница;
Во той ли во новой во темной темницѣ
Сидѣлъ удаленькой добренькой молодчикъ.
Никто къ нему не зайдетъ, никто не заѣдетъ:
Друзья—братья—товарищи всѣ прочь отступились.
Зашла къ нему—заѣхала матушка родная:
„Дитя ль моё дитятко, дитя—чадо милое!
„Кому тебя, моё дитятко, будетъ выручати?
„Друзья—братья—товарищи отъ тебя всѣ отказались [3]);

---

[1]) Камчатка шелъ, какъ говоритъ, въ Новоспаcскій монастырь, къ празднику: но это 6-го (Спасъ на горѣ), а не 8-го Августа, какъ сказано у г. Есипова.—Камчатка постоянно жилъ съ матросами и самъ именовался „матросомъ" (какъ звали тогда, впрочемъ, и всѣхъ „парусныхъ" фабричныхъ): отъ того-то онъ увлекаетъ „сухопутнаго" и городскаго Каина на Волгу и прочія рѣки, самъ же въ Москвѣ разбойничаетъ преимущественно по Москвѣ-рѣкѣ и Яузѣ. Въ Московской Матросской богадѣльнѣ, съ XVIII вѣка до нашихъ дней, не переводился значительный хоръ лихихъ пѣсенниковъ.—Еще одно замѣчаніе: Каинъ ловилъ и взялъ Камчатку не по тому ли поводу, что въ то время у Демидова совершена была значительная покража, а между тѣмъ бѣглецъ только что вернулся оттуда съ заводовъ? И не его ли разумѣетъ „жизнеописаніе," говоря, что Каинъ „взялъ *Замчалку* съ товарищи... въ кражѣ у компанейщика Демидова денегъ?"—[2]) Трудное положеніе, здѣсь описанное, имѣло мѣсто, можетъ статься, у Троицы-Сергія, когда тамъ попался Петръ Романовъ и жива еще была мать; или вмѣсто „Стулова монастыря (см. выше);" или у „Сергія въ Пушкаряхъ," гдѣ онъ жилъ, и гдѣ точно гора; или это вообще „Вережки," выраженные здѣсь „горою."—[3]) Разнорѣчіе лучше: „всѣ прочь отступились."

„Семь разъ тебя я, моё дитятко, выручала,
„Семь тысячь денежекъ [4]) издержала;
„Осьмой-то тысячи у меня не достало:
„Такъ знать тебѣ, дитятко, здѣсь вѣкъ вѣковати!“

Изъ Пѣсенниковъ, сколько мы знаемъ, первый разъ явилась эта пѣсня у Рѣшетникова, М. 1799 года, съ замѣткою: „Сія въ Москвѣ употребительная. Поется голосомъ протяжнымъ.“ Потомъ повторилась и въ позднѣйшихъ. Напѣвъ уцѣлѣлъ доселѣ: похожъ на свадебный и святочный).

*

2.

У Троицы у Сергія было подъ Москвою,
За каменной за большой было за стѣною [5]),
Стояла тутъ темная темница.
Во этой ли во темной во темницѣ
Сидѣлъ-то въ ней разудаленькой
добренькой молодчикъ.
Никто къ нему удалому не заѣдетъ:
Зашла къ нему—заѣхала матушка (его) родная.
„Ужь ты сынъ ты, мой сыночикъ,
ясной соколочикъ!
„Ужь долго ли, сыночикъ, тебѣ
въ темницѣ сидѣть?
„Сестры-братья отъ тебя, сыночикъ,
всѣ прочь отказались;
„Золота казна у меня, сыночикъ,
вся истощилась.“

(Поется почтеннымъ нашимъ г. Молчановымъ).

*

Перечень отысканныхъ и взятыхъ симъ способомъ разбойниковъ, мошенниковъ, воровъ, пропавшихъ денегъ, бумагъ, вещей и т. п. занимаетъ весь-

---

[4]) Опять разнорѣчіе лучше: „Семь тысячекъ чистыхъ денежекъ.“—[5]) По этому выходитъ скорѣе, что за стѣною Москвы, т. е. за Бѣлымъ Городомъ, гдѣ и стояли тюрьмы.

ма важное мѣсто въ разсказахъ самого Ивана Осипова, въ повѣстяхъ объ немъ и исторіяхъ, въ дѣловыхъ бумагахъ: если не обращать вниманія на самыя руки, то конечно изъ нихъ государство и общество приняло тогда очень много полезнаго. Само собою разумѣется, что все это сухо и исторично: народъ не могъ относиться къ этому съ одушевленіемъ и пѣснею Напротивъ съ этихъ поръ бывшій Иванъ Осиповъ и даже съ вичемъ—Осиповичъ получилъ въ народѣ постоянное прозвище *Ванька Каинъ*, то есть братоубійца; не столько то, *что* онъ дѣлалъ, сколько то, *какъ* это измѣннически, предательски и плутовски дѣлалъ, было омерзительно. Сочувствіе народа или, по крайности, вниманіе творчества могло склоняться къ успѣхамъ симъ только по мѣрѣ потребнаго на нихъ удальства. А такое геройское удальство было въ особенности потребно Каину, когда онъ, разумѣется частію въ надеждѣ на взятки, весною при вскрытіи рѣкъ, по прибытіи въ Москву струговъ изъ Низовыхъ городовъ съ хлѣбомъ и прочими припасами, останавливалъ эти струги за нѣсколько верстъ отъ Москвы, отважно появлялся на нихъ, рискуя поплатиться жизнію, осматривалъ у бурлаковъ и ярыжекъ пашпорты и, разумѣется, или вовсе не находилъ сихъ послѣднихъ, или часто открывалъ воровскіе. Это послужило вызовомъ и содержаніемъ пѣсни отъ лица пріѣзжихъ, пѣсни замѣчательной стройнымъ складомъ, который конечно наслѣдованъ отъ старины:

3.

Жалоба на Ивана-Ваньку Каинова.

Ахъ, тошны́мъ-то мнѣ, доброму мо́лодцу [1]), тошнёхонько,
Что грустны́мъ-то мнѣ, доброму молодцу, грустнёхонько,
Мнѣ да [2]) ни пить-то, ни ѣсть, доброму молодцу, не хочется [3]),
Мнѣ саха́рная-сладкая ѣства, братцы, на умъ не йдётъ [4]):
Мнѣ Московское сильное царство, братцы, съ ума не йдетъ [5]),
Побывалъ бы я, доброй мо́лодецъ, въ каменно́й Москвѣ [6]):
Только лихъ-то на насъ [7]), добрыхъ мо́лодцевъ, новой сыщичекъ,

---

[1]) Разнорѣчія изъ „Нац. Пѣснопѣн.:“ просто „молодцу.“ Въ 1-мъ изд. „тошнымъ (безъ *то*).“—[2]) „Что ни.“—[3]) „Мнѣ ужь не хочется.“—[4]) „Мнѣ сахарная пища и во умъ не йдетъ.“—[5]) „Лишь Моск. ц. на умѣ лежитъ.“—Смерть какъ хочется побывать въ Москвѣ.—[6]) „Побывалъ бы я, удалъ-доброй молодецъ, Во той матушкѣ бѣлокаменной Москвѣ.“—[7]) „тамъ на насъ.“

Онъ по имени по прозванью Иванъ Каиновъ [8].
Онъ не дастъ намъ, добрымъ молодцамъ, появитися
И онъ спрашиваетъ пашпортовъ всё печатныхъ [9]:
А у насъ, братцы, пашпорты своеручные,
Своеручные пашпорты, всё фальшивые [10]!

(Въ числѣ „любимыхъ пѣсенъ Каиновыхъ;“ подправлено въ „Р. Національномъ Пѣснопѣніи;“ Сахаровъ, по содержанію, не рѣшился у себя напечатать).

*

Примкнувши къ тогдашнему государственному строю приличнымъ и выгоднымъ „мѣстомъ,“ Каинъ, съ другой стороны, по своимъ народнымъ воззрѣніямъ, долженъ былъ также обзавестись „бабою,“ то есть жениться. Ее онъ намѣтилъ себѣ еще передъ поступленіемъ въ сыщики, воротясь для постояннаго пребыванія въ Москву. По сосѣдству съ его квартирой (вѣроятно еще старой, въ Зарядьѣ) помѣщалась *Арина Ивановна*. Вотъ какъ повѣствуетъ объ этомъ оригинальномъ сватовствѣ и бракѣ особый эпизодъ разсказовъ отъ лица Каина:

4.

Свадьба Каинова.

Близъ моей квартиры,
когда еще я не былъ сыщикомъ,
жилъ отставной сержантъ,
которой имѣлъ у себя дочь [1]).
По тому сосѣдству тотъ сержантъ знакомъ мнѣ былъ:
почему я съ дочерью его захотѣлъ жить еще поближе.

---

[8]) „Новой славной сыщичекъ Иванъ Осиповъ, По прозванію онъ воръ Ванька Каиновъ.“—Въ 1-мъ изд. „сыщикъ.“—[9]) Ожидалось бы „печатныихъ.“—[10]) „Не даетъ злодѣй намъ появиться тамъ Безъ пашпортиковъ-ста (у издателя весь народъ въ пѣсняхъ непремѣнно долженъ говорить съ этой прибавкою) тѣхъ государевыхъ: А у насъ-то, братцы, есть и пашпортики, Но всѣ пашпортики тѣ своеручные, Своеручные да и всѣ фальшивые.“ Разбавивши такимъ образомъ, прежніе издатели надѣялись микстуру свою выдать за народную.

[1]) Неизвѣстно, почему утверждаетъ г. Есиповъ, что она была солдатская вдова: скорѣе по всему видно, что дѣвушка.

Между тѣмъ подарилъ ей нѣсколько подарковъ,
за что попросилъ у ней нѣчего:
токмо онаго отъ нее получить не могъ,
кромѣ какъ обходились на однихъ разговорахъ.
Она спрашивала меня:—какой я человѣкъ?—
«Купецъ,» я сказалъ ей:
«Гдѣ что ни увижу, то куплю;
«а ежели увижу дешевое,
«то и ночь не сплю.»
По прошествіи же нѣсколька времени,
какъ я сдѣлался сыщикомъ,
то не оставилъ прежняго своего намѣренія.
Свѣдалъ объ ней,
что она охоту имѣетъ итти за мужь:
пришедъ къ ней говорилъ,
чтобъ она кромѣ меня ни за кого
за мужь не ходила.
Чего она не токмо получить [2]),
но и слышать не хотѣла,
и мнѣ о томъ думать не велѣла [3]).
Не могъ сыскать болѣе въ томъ способу:
научилъ въ Сыскномъ Приказѣ содержащагося
въ воровскихъ деньгахъ мастера Андрея Скоробогатаго,
при допросѣ его, въ знаніи того ихъ воровства
оговорить ее.
Почему она взята въ тотъ Приказъ была,
гдѣ, по приводѣ, подъ жестокимь битьемъ плетьми,
спрашивана:
однако, по правости своей, ничего на себя
показать не могла.
Послѣ чего я къ ней прислалъ женщину,
сказать:

---

[2]) Достигнуть.—[3]) Не знаемъ, откуда почерпнулъ г. Есиповъ, будто она „закрѣпила свой отказъ бранью и укоромъ, что за мошенника и за разбойника никогда не выйдетъ,“ и будто Каинъ за это мстилъ.

«ежели она пойдетъ за меня за мужь,
«то въ то жь время освобождена на волю будетъ.»
Сказала она той женщинѣ,
чтобъ я на то вовсе надежды не имѣлъ.
А дѣло ее (ея) не чѣмъ было разобрать,
кромѣ одной пытки:
почему она увѣдомилась [4]), прислала по меня,
чему я былъ радъ,
тотъ же часъ пришелъ къ ней.
Тогда услышалъ отъ нее,
что уже за меня за мужь итти желаетъ.
Почему я просилъ присутствующихъ [5]),
чтобъ до дальнаго дѣла [6]) не доводить,
е наказать кнутомъ [7]) и выпустить на волю,
потому что «сколо́ченая посуда два вѣка живетъ.»
Что́ въ скоромъ времени ей и учинено.
Послѣ чего я взялъ ее на свою росписку [8]):
отдалъ для излѣченія одной просвирни.
А какъ пришла въ прежнее здоровье,
то назначилъ день жениться [9]).

Пришло уже то время,
какъ съ ней для вѣнчанія пошелъ я въ церьковь.
И по приходѣ, ожидалъ того приходу попа:

---

[4]) Предстояла ей пытка: почему она, увѣдомясь объ этомъ.—[5]) Членовъ Приказа.—[6]) До пытки.—[7]) Это наказаніе явно несоразмѣрно съ однимъ подозрѣніемъ виновности; если уже отстранена пытка, то подавно кнутъ здѣсь придуманъ составителемъ повѣсти только для прикрасы. Г. Есиповъ, кажется, здѣсь также введенъ въ ошибку и преувеличиваетъ наказаніе, замѣчая впрочемъ, въ ослабленіе, что Каинъ подкупилъ палача (полегче наказывать или вовсе не наказывать?): едва ли есть на это документы. Довольно уже варварства, извѣстнаго впрочемъ въ нашемъ крестьянскомъ быту, если Каинъ допустилъ Арину „посѣчь (розгами),“ чтобъ „проучить“ за упорство.—[8]) Это допускаетъ и г. Есиповъ, замѣчавшій выше, что Каинъ не умѣлъ писать (довольно было, если писали отъ его имени).—[9]) Это происходило въ 1743 году. Церковь, гдѣ вѣнчался Каинъ,—Варвары Мученицы на Варваркѣ, близъ Зарядья.

которой не мѣшкавъ пришелъ,
и, по признаніи вѣнечной моей памяти [10]) фальшивою,
которую я написалъ самъ въ своей квартирѣ,
изъ церкви обратно въ домъ свой
тотъ попъ пошелъ.
А мнѣ, по множеству тогда случившагося
въ церкви народу,
безъ того вытти было стыдно.
Послалъ для сыску идущаго по улицѣ
какого ни будь попа:
которой въ то жь время командою моею,
идущій пьяный по улицѣ,
взятъ,
приведенъ въ церковь былъ.
Говорилъ я ему:
«Для чего онъ, идучи по улицѣ и въ пьяномъ образѣ,
«пѣсни пѣлъ?
«За что отосланъ будетъ въ духовную консисторію.
«А ежели хочетъ быть отпущенъ,
«то бъ, за небытіемъ того прихода попа,
«обвѣнчалъ насъ.»
Которой безъ сумнѣнія на то̀ и согласился.
При чемъ, вѣнчая, началъ кричать,
что̀ есть силы;
и, не такъ, какъ прочіе попы,
обводятъ вокругъ вѣнчальнаго стола
только три раза,—
онъ обвелъ восемь разъ.
Которому я говорилъ
«Что̀ такъ, съ прибавкою противъ другихъ,
«вокругъ насъ водитъ?»
На что онъ сказалъ:
—Что де, долѣ станешь [11]) жить.—

---

[10]) Что нынче записывается въ книгѣ, послѣ „обыску:“ свѣдѣнія о сочетающихся.—[11])Станете?

По окончаніи, пошли изъ церкви въ домъ:
тогда и попъ тотъ въ домъ ко мнѣ
взятъ былъ,
и, съ одною только свахою
(за неимѣніемъ въ тогдашнее время гостей),
они за столъ посажены были.
Попъ сдѣлался чрезвычайно пьянъ,
выведенъ былъ изъ покоевъ вонъ:
гдѣ заплатилъ я ему за труды одинъ рубль;
и потомъ завязалъ руки назадъ,
повѣсилъ на шею двѣ бутылки,
съ простымъ виномъ,
за пазуху положилъ живую курицу,
при томъ подписалъ у него на спинѣ:
«Ежели изъ оныхъ бутылокъ вино выпьетъ,
«то и развязанъ будетъ.»
И съ тѣмъ столкалъ его съ двора,
чтобы не зналъ впредь меня.
По прошествіи, послѣ онаго, нѣсколькаго времени,
оный попъ попалъ мнѣ въ стрѣчу:
который, увидя и признавъ меня,
поднялъ свою рясу выше головы,
и, бросясь въ сторону, бѣжалъ,
думая, что я всякой день вѣнчаться буду.

На другой день приказано отъ меня было,
идущихъ мимо моей квартиры купцовъ
брать и вести въ мой домъ:
которыхъ было въ тотъ день собрано
до сорока человѣкъ,
и они всѣ стояли на дворѣ моемъ.
Велѣлъ я женѣ моей
насыпать мѣшокъ гороху,
и, взявъ ее,
къ тѣмъ купцамъ вышелъ:

и каждому насыпавши того гороху на тарелку,
потчивалъ ихъ вмѣсте овощей,
за что со всякого нѣсколько денегъ
въ подарокъ получилъ [12]).

Супруги, разъ сочетавшись, по видимому жили съ тѣхъ поръ между собою въ ладу: даже при самомъ послѣднемъ заключеніи Каина, жена постоянно ходила къ нему и приносила деньги. Только при послѣднемъ концѣ мужъ было заподозрилъ ее, будто она, въ его отсутствіе, выносила пожитки изъ дому: но вѣроятно и это дѣлала она чтобы „припрятать," предвидя конфискованіе; она освобождена была отъ ареста на поруки и нигдѣ не видно, чтобы раздѣлила съ мужемъ какое либо наказаніе. Близкіе люди Каина всѣ были нравственнѣе его.

Женившись и окончательно устроившись, Каинъ купилъ себѣ домъ въ Москвѣ, принадлежавшій прежде діакону Варварской церкви (гдѣ вѣнчался), на церковной землѣ, въ Китай-городѣ. Съ точки зрѣнія народнаго вкуса, которымъ видимо владѣлъ, хотя и злоупотреблялъ, Каинъ, въ высшей степени замѣчательно самое описаніе дома, сохранившееся въ дѣлахъ Конфискаціи (которая взяла его въ 1750 г. для продажи съ публичнаго торга; ср. у г. Есипова). Двѣ свѣтлицы выходили на улицу: въ одной печь съ уступомъ и зелеными изразцами, потолокъ оштукатуренъ, полъ лещадной,— это для гостей, съ 4-мя большими окнами; во второй потолокъ и полъ досчатые, печь кирпичная,—это семейная, теремъ; для спанья особая коморка. Между обѣими сѣни бревенчатыя. На дворѣ изба „блинная," конюшня, на улицу лавка (конечно больше для сидѣнья въ часы досуга, чѣмъ для торговли). Кромѣ того на дворѣ кладовая съ чуланами. Убранство свѣтлицъ: образа въ серебряныхъ и золоченыхъ ризахъ; стѣны обиты травчатою клеенкой, зеркало въ золоченыхъ рамахъ, печатныя картины и между ними портретъ Петра І-го, къ которому Каинъ видимо питалъ особое уваженіе (ср. начало его повѣсти). Вдоль стѣнъ стулья обитые чернымъ трипомъ; два дубовые стола накрыты Персидскими коврами, шелковымъ и триповымъ. Въ коморкѣ-спальнѣ кіотъ съ образомъ св. Іоанна Милостиваго, ангела Иванова, съ серебряными гривенками, съ убрусомъ, который былъ унизанъ жемчугомъ и каменьями. Вѣроятно, хотя нѣтъ прямыхъ указаній, въ поминальные дни и по праздникамъ раздавалась нищимъ милостыня отъ столь милостиваго Ивана. Довольство было полное: посуда оловянная и фарфоровая, тарелокъ до 18 дюжинъ; въ сундукахъ золото и серебро, часы, стопы, подносы, чайники, серьги; въ кладовой запасы чаю и сахару. У жены юбки, душегрѣйки, балахоны: все это тафта, объярь, гарнитуръ, серебряные городки, золотой позументъ. Хозяинъ ходилъ дома въ суконномъ сюртукѣ,

---

[12]) Это въ основѣ народный обычай: молодые угощаютъ гостей и получаютъ подарки.

маковаго или зеленаго цвѣта, въ зеленыхъ гризетовыхъ туфляхъ, шитыхъ серебромъ. Былъ и портретъ его, перешедшій потомъ въ печатныя изданія: среднихъ лѣтъ, съ густыми, на бородѣ курчавыми, на головѣ длинными (по видимому мягкими, по преданію русо-рыжеватыми) волосами; лицо худощавое, умное и хитрое, но вообще очень приличное, на лбу морщины—слѣды думъ, страстей и тревогъ.

*

Многочисленныя похожденія, продѣлки и дѣянія Каина, частію записанныя, частію доселѣ ходящія въ разсказахъ между народомъ, таковы, что обличаютъ въ немъ не просто обычнаго вора, мошенника или разбойника, напротивъ своего рода артиста, который соединялъ въ себѣ всѣ эти качества до высшей наглости и дерзости, совмѣщалъ въ себѣ и извѣстнаго чиновника на службѣ, и весьма народнаго человѣка, но ко всему притомъ относился съ величайшей, ему только свойственной, виртуозностью. Онъ водился здѣсь и народнымъ обычаемъ, обставлялъ все это обрядностью, отъ вѣка сложившеюся, украшалъ краснымъ словомъ, поговорками и пословицами, разъигрывалъ пѣснею. Понятно, что, при всемъ отвращеніи, и самъ народъ относился къ нему съ невольнымъ любопытствомъ и удивленіемъ: это отношеніе уцѣлѣло въ памяти, разсказахъ, пѣсняхъ. Кромѣ приведенныхъ выше подвиговъ, Каинъ участвовалъ въ народныхъ играхъ и увеселеніяхъ: самъ возбуждалъ ихъ, создавалъ, развивалъ. Такъ, по близости его любимаго мѣста жительства, у Москварѣцкихъ воротъ на живомъ мосту, въ Троицынъ день собиралось гулянье, съ тысячами народа, съ знаменитою „берёзкою", въ первые по веснѣ заломленною, съ древнѣйшею пѣснею „Во полѣ берёзынька стояла," которую столь давно и документально любили Русскіе люди [1]), да любятъ и доселѣ, съ хоромъ всѣхъ этихъ, старѣйшихъ по происхожденію, пѣсенъ весеннихъ и хороводныхъ, съ дѣвушками, которыя пускали вѣнки на воду и по нимъ гадали, и т. д.: Каинъ тутъ являлся и мѣсто гулянья ознаменовано подвигами его шайки, которые записаны у повѣствователей [2]).—Въ годъ свадьбы своей, чтобъ ее отпраздновать всѣмъ, онъ устроилъ народу торжество, какого не запомнятъ и никогда не забудутъ: оно записано и описано, оно сообщило на всегда имя Московскому урочищу. Нужно сказать, что наши зимнія Масляничныя „горы" съ ихъ качелями и коньками среди елокъ, какъ увеселеніями собственно дѣтскими, а также съ ихъ разгульными катаньями, воспоминающими древній „праздникъ рабовъ," душою своею имѣютъ древнѣйшій миѳъ, и, какъ обрядъ, получивши отъ него свое происхожденіе, въ обстановкѣ своей совершенно отъ миѳа зависятъ: миѳъ же этотъ, на половину, выразился

---

1) Въ половинѣ XVII в. нашъ посолъ Я. Н. Лихаревъ даже среди Вѣны не могъ себѣ отказать въ удовольствіи, разгулявшись, попѣть веселую „берёзу:" см. о томъ наше изслѣдованіе „Юрій Крижаничъ," 1870 г.—2) См. исторію Каина и разсказы Комарова по живымъ слѣдамъ.

всего яснѣе и подробнѣе въ нашихъ древнихъ сказкахъ, сказаніяхъ и пѣсняхъ *о царѣ и царевичѣ Саломонѣ* [3]). Въ свою очередь, изъ сказаній и пѣсней, по соединеніи ихъ съ обрядомъ и его игрою, выродилась о Саломонѣ извѣстнаго рода народная драма, какъ представленіе народнаго театра: самый первый и старшій тискъ Краковскій, съ картинами, посвященъ этому сюжету, именно *о Саломонѣ и Морольѣѣ* или *Морольтѣ*, о взаимномъ состязаніи, гдѣ Соломонъ является сперва царевичемъ, потомъ царемъ, далѣе въ борьбѣ съ царемъ стороннимъ какъ страдающій и наконецъ торжествующій. Весь этотъ процессъ Саломоновъ есть прямое торжество ума и хитрости, а заключеніе—торжество „раба" и „праздникъ рабовъ," плѣнниковъ или колодниковъ, какъ и было въ древнѣйшей дѣйствительности: понятно, что это было какъ разъ по сердцу Каину и близко къ собственной судьбѣ его. Скоморохи у насъ издревле разъигрывали эту игру: Каинъ сообщилъ ей, при своихъ богатыхъ средствахъ, небывалую и дивную для Москвы обстановку. Катанье на Масляницѣ совершалось прежде въ Москвѣ отъ Неглинной по Покровкѣ до Покровскаго села и Нѣмецкой слободы, параллельно Москвѣ-рѣкѣ и Яузѣ, на которыхъ были горы, шли кулачные бои и т. п. На половинѣ и въ центрѣ этого протяженія, близь нынѣшняго Москварѣцкаго моста и тогдашняго Мытнаго двора, а также своего дома, воспользовавшись природнымъ спускомъ, Каинъ устроилъ еще искусственную *гору* (по которой и урочище съ тѣхъ поръ получило имя *Каиновой горы*): обычное украшеніе онъ еще усилилъ, разставивши въ обиліи *елки, болвановъ* (разныя изображенія и истуканы), а усталъ *краснымъ сукномъ*. Это выражало, во первыхъ, какъ особый „городокъ," понынѣ сооружаемый дѣтьми на Масляницѣ, дѣтскія забавы царевича Саломона [4]). Здѣсь-то всю недѣлю шло народное гулянье, а въ послѣдній день разыграна *игра о царѣ Саломонѣ*. Для нея наняты были, для разныхъ лицъ и дѣйствій, до *тридцати скомороховъ*, или, какъ новѣе стали у насъ называть, *комедіантовъ*. Изъ нихъ было *два* главныхъ, два—по народному понятію и слову—*шута*: одинъ для самого царя Соломона, другой для Морольта или вообще Саломонова врага, съ разнымъ чередованіемъ ролей, кои попеременно выполнялись то тѣмъ, то другимъ. Именно, во первыхъ, согласно миѳу и сказаніямъ, у „царя" совершена была „покража:" это жена,

---

[3]) На другую половину, хотя и не въ такой ясности, выражался миѳъ въ пѣсняхъ и образахъ Купалы: ср. нашъ 1-й выпускъ „Бѣлорусскихъ пѣсней" 1871 г.—О Саломонѣ наше подробное изложеніе при 2-мъ томѣ сборника Рыбниковскаго.—[4]) О чемъ говорится въ сказаніяхъ: „И сотворшу царевичу Соломону въ лозіяхъ сплетенъ градъ, башни сдѣланы и поставлены пушки во вратѣхъ древяны, и по стѣнамъ такожде пушки древяныя, и бердыши древяныя и копія, все древяное, и самъ сидитъ во градѣ аки царь." Или: „Соломонъ нача работати на дворѣ,—дворъ местъ, и пескомъ усыпаетъ, и ельникомъ устилаетъ вездѣ, и по переходамъ коврами и сукномъ такожде." И т. п.

которую крадутъ у Саломона, потомъ крадетъ онъ самъ у чужаго царя, черезъ посредника и лично; а вмѣстѣ драгоцѣнности, деньги и т. п. Въ игрѣ Каиновой употреблялись нагляднѣе *деньги*. Кража совершается подъ образомъ *купца*, какимъ является посредникъ Саломона или онъ самъ: для этой роли, въ числѣ двухъ помянутыхъ главныхъ „шутовъ,“ избранъ былъ нарочно *суконщикъ*, фабричный или купецъ [5]). Онъ обличенъ: тогда послѣдуетъ *судъ* и *казнь*, на которую, какъ извѣстно, сперва готовится самъ Саломонъ, но потомъ она обрушивается на его врага. Мѣсто казни въ сказаніяхъ устраивается съ особеннымъ парадомъ: отсюда у Каина красное сукно, какъ на „мѣстѣ лобномъ.“ Осужденный (въ роли, которую исполнялъ античный рабъ) носитъ на головѣ *колпакъ* (Фригійскій: символъ его кратковременной свободы, которой долженъ скоро лишиться, а вмѣстѣ символъ распущенности преступника), перевязь на шеѣ (откуда извѣстная перевязь или гривна на шеѣ гладіатора), по Славянски же и по Русски вообще одежду „мужика,“ какимъ изображается Саломонъ на нашихъ старыхъ картинахъ; онъ долженъ ѣхать на казнь въ простой *телѣгѣ*, какъ мужикъ и вмѣстѣ преступникъ, окруженный *палачами*, а послѣ, среди площади, лѣзть на висѣлицу (или на костеръ) по лѣстницѣ. Въ семъ положеніи, извѣстно, былъ нѣкогда Гераклъ, онъ же Мелькартъ или Морольтъ, а у Славянъ (вмѣстѣ съ древними Скиѳами) угрожаемый казнію Саломонъ: у Каина его изображалъ означенный суконщикъ *въ деревенской шапкѣ*, съ *галстухомъ на шеѣ, на рукахъ съ большими рукавицами*. Кромѣ того, какъ извѣстно, врагъ царя и попеременно самъ Саломонъ представлялся въ эпическомъ снѣ Саломона „звѣремъ лютымъ“ или „волкомъ“ и „медвѣдемъ [6]):“ согласно тому, для наглядности, суконщику „*къ спинѣ привязали маленькаго медвѣдя*,“ то есть, вѣроятно, не живаго, а шкурку маленькаго медвѣдя. Съ другой стороны, какъ знаемъ, готовясь на казнь, но въ виду освобожденія отъ нея, Саломонъ готовилъ себѣ изъ товарищей цѣлое войско, которое постепенно имѣло приближаться къ лобному мѣсту, а чтобы скрыть себя и приближеніе, держало въ рукахъ лозы или вѣтви, которыя дѣлали видъ приближающагося лѣса [7]): для этой сцены у Каина собрано

---

[5]) Вѣроятно суконный фабричный *Жала* или *Монахъ*, или же *суконщикъ Пычкала*, или подобные *купцы*, кои потомъ попались съ Каиномъ и были переписаны.—[6]) „Видѣхъ азъ привидѣніе и слышахъ, кабы въ полату вънде *звѣрь лютый* и учалъ матушку мою (впослѣдствіи она же супруга Саломона) ѣсти, кабы лѣсный звѣрь *медвѣдь* пріиде въ конюшни и сѣлъ на любимаго коня отца моего (мать).... Въ нощи обращащеся *звѣремъ* Китоврасомъ... Царь Соломонъ *лютымъ звѣремъ* догонитъ“.. Вотъ почему крадущій, подъ видомъ *купца*, именуется *Волжкомъ*, *Волкомъ*, *волкомъ*.—[7]) Саломонъ, говоритъ сказаніе, „оставилъ людей въ *лѣсу*,“ велѣлъ итти ему на помощь по знаку, „при чемъ всякой неси передъ собою *по зеленому вѣтвистому суку дерева*,“ а когда привезенъ былъ *въ телѣгѣ* и полѣзъ на ви-

было изъ народа *до двухъ сотъ человѣкъ и каждому дано было по метлѣ*; разумѣется, тутъ же, при казни, стояли извѣстные по сказанію, а Каину пріятели, *Пилаты немилостивые* или *палачи*; притомъ, какъ при Саломоновой бѣдѣ и въ Купальскихъ или масляничныхъ торжествахъ, а теперь при сценѣ обычной торговой казни, *били въ барабанъ*. Морольтъ, то врагъ Саломона, то его другъ и второе *я*, въ котораго по нуждѣ преображался и самъ Саломонъ, въ минуту казни явился во главѣ войска, которое шло на спасеніе царя: эту роль, изъ двухъ помянутыхъ главныхъ „шутовъ," принялъ на себя *суконщикъ Волкъ*, лицо историческое, извѣстный сообщникъ Каина; то есть, для изображенія сего Московскаго Китовраса и лютаго звѣря, нарочно подыскали суконщика, съ прозвищемъ „Волка," или же, на оборотъ, это прозвище, можетъ статься, осталось за нимъ *послѣ* удачно исполненной имъ роли [8]). Разумѣется, скоморохи, главные актеры, придерживались эпическаго содержанія и драматическаго, извѣстнаго съ древности, сюжета; самъ Каинъ любовался зрѣлищемъ, созерцая въ немъ нѣкоторымъ образомъ собственную роль и судьбу: но, какъ говорится у насъ, „для удовольствія публики," согласно тогдашнимъ понятіямъ и нравамъ, драму нужно было порѣзче перевести на современные тогдашніе обычаи, на сцены, столь часто повторявшіяся въ дѣйствительности передъ глазами и, въ представленіи шуточномъ, наиболѣе способныя возбудить въ толпѣ интересъ и окружающій хохотъ. Потому, такъ сказать на поверхность игры, рѣзко выставлялось то, что суконщикъ укралъ деньги, царь присудилъ его наказать, устроили висѣлицу съ палачами, осужденный пошелъ въ дурацкомъ образѣ, а народъ съ метлами, въ строю, колотилъ его, какъ будто прогоняя „сквозь строй." Чѣмъ больше колотили, тѣмъ, конечно и увы, громче хохотала публика надъ судьбою „шута:" медвѣжья шкурка, столь эпическая, служила тутъ просто для смягченія удара и боли, напоминая роль сказочную, а вмѣстѣ спасая отъ суровой дѣйствительности. *Морольтъ* казался народу по просту *маіоромъ*, который распоряжался военною казнію. Суконщикъ, для вящей потѣхи, принужденъ былъ пройти, уже не „къ казни," а „среди казни" дѣйствительной, вмѣсто одного раза, *въ задъ и въ передъ шесть разъ* (тѣмъ больше, что вѣроятно драма повторена была въ теченіе дня нѣсколько разъ), избитъ былъ, не смотря на спасительную и эпическую медвѣжью шкурку, до крови и, въ награду, получилъ потомъ отъ Каина, за раны и игру, *рубль денегъ*, а въ память шкурки *новую шубу*. Сущ-

---

сѣлицу, „они начали подвигаться, но людей не видать, а только передъ ними *зеленыя вѣтви словно лѣсъ* (Еще древнѣе этого „праздника рабовъ," вѣтви или ваія сопровождали всякое торжество, особенно при Діонисѣ, коего у Славянъ замѣнилъ Саломонъ: но, въ примѣненіи къ его страданіямъ, онѣ предваряли его шествіе къ лобному мѣсту)".

[8]) „Третьяковской (суконной) фабрики ученикъ *Петръ Волкъ*, въ кандалахъ:" ср. списокъ сообщниковъ у г. Есипова.

ность игры, повторяемъ, разумѣется не понята была хорошенько большинствомъ простаго народа или, лучше, понята хорошо въ смыслѣ наглядномъ, сейчасъ очерченномъ, и такъ, съ тѣмъ же смысломъ, перешла въ сказанія о Каинѣ, и въ печать [9]). Вотъ какъ она излагается, отъ лица его, въ его повѣсти и исторіи:

5.

Забавы Каиновы.

Каинова гора. Игра о царѣ Саломонѣ.

Въ томъ же году [10]), на Масленицѣ,
сдѣлалъ близь Мытнаго двора
для катанія гору:
которая была украшена ёлками,
болванами и краснымъ сукномъ.
И всю недѣлю происходили,
отъ множества народу, всякія забавы.
На послѣдній день собралъ я
до тридцати человѣкъ комедіантовъ:
велѣлъ имъ представить на той горѣ
о царѣ Соломонѣ игру.
При чемъ было два шута.

[9]) Очень жаль, что описатели не передали намъ всѣхъ подробностей дѣйствительныхъ, а изложили только свое и народное воззрѣніе, оставшееся въ памяти и въ умахъ: мы застали еще стариковъ, которые съ жаромъ говорили объ этой диковинкѣ, къ сожалѣнію также по слухамъ. Почтенный И. М. Снегиревъ, въ описаніи Москвы и Каиновой горы, къ несчастію также повѣрилъ *букеъ* Каиновой исторіи, понявши все дѣло повтореніемъ одной *дѣйствительной* площадной казни, и только прибавивъ догадку, что здѣсь представлялся извѣстный *судъ Саломона*: но то былъ *судъ надъ самимъ Саломономъ*, эпическимъ, изображеніе его *собственныхъ судебъ*. — Пресловутая Каинова гора впослѣдствіи оттянула самое катанье масляничное отъ прежнихъ мѣстъ, съ улицъ, и перевела ихъ на Москву-рѣку.—[10]) Въ году свадьбы Каиновой: по народному обычаю, послѣ свадьбы молодые съ особою пышностью выѣзжаютъ на гулянье ближайшей Масляницы, „себя показать.“

Между прочимъ, у того царя,
украдены были деньги:
съ коими поиманъ былъ суконщикъ,
которой мною для онаго
нанятъ былъ.
По приводѣ его къ царю,
осужденъ онъ былъ за ту кражу
къ наказанію.
Чего для, собрано было
до двухъ сотъ человѣкъ:
и поставлены были въ строй;
каждому дано было по метлѣ.
Раздѣвъ того суконщика,
надѣли на него деревенскую шапку,
на шею галстухъ,
на руки большія рукавицы,
къ спинѣ привязали маленькаго медвѣдя.
Пустили тѣмъ строемъ
съ конца до конца той горы;
притомъ били въ барабанъ.
За Маіора [11]) правилъ суконщикъ Волкъ:
который ѣздилъ на лошади,
и тѣхъ, стоящихъ въ строю,
принуждалъ.
Реченной суконщикъ ходилъ
въ задъ и въ передъ шесть разъ:
избитъ весь былъ до крови;
за что взялъ съ меня
одинъ рубль денегъ
да шубу новую.

Этою Каиновой игрою, которая исполнена была предъ взорами всей Москвы и съ тѣхъ поръ сдѣлалась очень знакома содержаніемъ, объясняется выше помянутое явленіе: какъ въ

---

[11]) Какимъ образомъ *Морольтъ* превратился здѣсь въ *Маіора*, сравните этотъ привычный въ народѣ пріемъ, создание маіоровъ изъ эпическихъ

вѣдѣнія тѣхъ же Московскихъ скомороховъ и ихъ преемниковъ, въ „Петрушкѣ“, въ этой Итальянской передѣлкѣ того же Саломоновскаго эпоса и Купальскихъ игръ, по Московской редакціи роль Морольта и „чернаго раба“ или Араба занялъ уже, ради цвѣта своего, *Цыганъ*, обманывающій лошадьми, крадущій и наказуемый; какъ выступилъ врачь-аптекарь „изъ подъ Каменнаго Моста,“ то есть извѣстный намъ Камчатка и его сообщники; а наконецъ, какъ вмѣсто Арлекина, мѣняющаго разные виды и въ свою очередь смѣнившаго собою пра-древняго Саломона, явился у насъ, въ вихрѣ пляски и ликованья, самъ Каинъ съ *Авдотьей Степановной*.

*

Всѣ такія игры Каина, не только веселыя, но и опасныя, рано или поздно, и вѣроятнѣе что скоро, должны были серьезно разыграть судьбу его. Занявши мѣсто между государствомъ и народомъ, онъ очевидно разсчитывалъ обмануть ту и другую сторону, по очереди ихъ сталкивая и ловя рыбу въ мутной водѣ; это до времени удавалось: но гибельный толчекъ вышелъ изъ середины, откуда Каинъ не чаялъ, и тогда обѣ стороны на него обрушились. При Императрицѣ Аннѣ, какъ извѣстно, впервые слишкомъ явно обнаружилась и привлекла вниманіе государства давнишняя скопческая секта: знаменитое дѣло сборищъ Ивановскаго монастыря вывело на сцену, между прочимъ, Акулину Ивановну [1]), родоначальницу подобныхъ послѣдующихъ явленій по женской линіи. Смѣтливый умъ Каина тотчасъ догадался, что для ловкости его здѣсь новое, обширнѣйшее и самое обѣщающее поле дѣйствія: не зная еще хорошенько дѣла, онъ ускорилъ уже подозрѣнія, захваты самые наглые, выручки самыя щедрыя, не предчувствуя, что это самое прикосновеніе къ дѣламъ раскольничьимъ, а тѣмъ болѣе скопеческимъ, всего скорѣе могло и должно было его погубить. Первые рѣшительные пріемы его въ семъ родѣ относятся къ 1744—48 годамъ: онъ самъ и историки его объясняютъ это случайнымъ открытіемъ, тогда какъ случая вовсе не было и была лишь постепенность [2]). „Взялъ я, говоритъ онъ, лежащую на улицѣ пьяную женщину, которая, при взятьѣ мною подъ ка-

---

и историческихъ лицъ, выше при Долгорукихъ-Шереметевыхъ, при Петрѣ, при Романѣ и князѣ Михайлѣ, и т. п. въ прежнихъ выпускахъ, а равно ниже.

[1]) Занимающую первое мѣсто въ скопческой догматикѣ при Андреѣ Селивановѣ и въ его „Страдахъ.“—[2]) Ср. ниже. Инструкція Сената, обезпечившая Каину захваты, дана въ концѣ 1744 г.; въ слѣдъ за симъ, по дѣлу Ивановскаго монастыря, указъ 1745 о сыскѣ лжеучителей и особая въ Москвѣ „Раскольническая Коммиссія;“ Комаровъ относитъ „случайность“ найденной Ѳедосьи къ 1745 году: точно, Коммиссія тутъ же, по поводу захватовъ Каина, вызвала его изъ Сыскнаго Приказа къ допросу, но, ради подкупа, бумага отправлена въ Приказъ о Каинѣ лишь въ Ноябрѣ 1748 года, и въ семъ же послѣднемъ году, по документамъ (у г. Есипова), нагрянули съ командой въ домъ Каина.

раулъ, сказала за собою важное дѣло. А какъ пришла въ трезвое состояніе, то сказала о себѣ, что она „купеческая жена,“ зовутъ ее *Ѳедосьей Яковлевой* [3]) и знаетъ нѣсколько раскольниковъ, которые сбираются въ богомерзкое сборище. О чемъ написала своеручную записку и запечатавъ отдала мнѣ [4]). Которую я взявъ отъ нее, въ тотъ же день къ совѣтнику Казаринову принесъ. И какъ оную записку ему подалъ, то (и) онъ распечатавъ усмотрѣлъ, что̀ въ ней было написано, приказалъ взять меня подъ караулъ: токмо я взять себя не далъ, отъ чего мои [5]) пошевелились въ его покояхъ такъ, что и въ окнахъ стеколъ мало осталось. Напослѣдокъ сталъ онъ говорить со мной посмирнѣе и спрашивалъ: Кто ту записку писалъ? Коему я сказалъ, что я писать не умѣю [6]), а кто писалъ, тотъ въ домѣ у меня остался. И болѣе оной совѣтникъ не медля, взявъ меня съ собой, поѣхалъ къ генералу Левашеву, и поговоря съ нимъ, послали меня домой.“ Дѣло оказалось такой чрезмѣрной важности, что въ ту же ночь полковникъ Ушаковъ, составъ Тайной Канцеляріи, офицеры, команда во 120 человѣкъ, явились къ Каину. „А у меня—на одной недѣли четверга четыре, а деревенской мѣсяцъ — съ недѣлей десять (см. выше).—Отъ чего пришедъ въ ужасъ, принужденъ я былъ свою команду потревожить, которой при мнѣ было 45 человѣкъ солдатъ и при нихъ сержантъ, да чернаго народу, хорошаго сукна, 30 [7]).“ Однако Каинъ, будто бы, остался дома, ворота отперъ, только секретарь Приказа, взявъ Ѳедосью въ особую каморку, „подулъ ей на ухо.“ Ее посадили въ берлинъ, поѣхали прямо на Покровку, взяли тамъ купца Григорья Сапожникова [8]), отослали его въ Стукаловъ монастырь (см. выше), „гдѣ, поговоря съ нимъ противъ шерсти, въ ту же ночь, по показанію той бабы, домахъ въ 20-ти поставлены были караулы. А на другой день взяли въ Таганкѣ купца Якова Фролова [9]) и сына его малолѣтнаго: котораго я взялъ къ себѣ въ домъ [10]), а прочихъ отправили въ тотъ же монастырь. И я спрашивалъ онаго, Фролова сына: „гдѣ живетъ

---

[3]) Она же *Іевлева* и *Савельева*, см. ниже.—[4]) Такова эта наивная „случайность.“—[5]) Команда и шайка Каинова.—[6]) Довольно этого собственнаго свидѣтельства въ подтвержденіе вышепомянутыхъ толковъ о грамотности Каина.—[7]) Это же, по всему видно, событіе разсказано у г. Есипова подъ 1748 годомъ, по документамъ донесенія посланныхъ: „Застали Каина дома, прочли ему указъ и повели было... но, какъ отошли отъ двора Каина сажень съ пять, то онъ, Каинъ, вырвался, сброся съ себя сюртукъ и шляпу, и ушелъ, и бѣжавъ кричалъ незнаемо какимъ людямъ: *Дай дубья!* По этому зву набѣжало неизвѣстныхъ людей человѣкъ съ 20-ть, въ *сѣрыхъ кафтанахъ*...,“ и посланныхъ „били смертнымъ боемъ, двумъ солдатамъ дубинами пробили головы, Каина отбили и съ нимъ исчезли.“—[8]) Передоваго дѣятеля скопечества.—[9]) Это тотъ самый „сынокъ Якушка,“ который, извѣстно по „Страдамъ,“ поддерживалъ Андрея во время наказанія.—[10]) Безъ всякого права на допросъ, за что и стала преслѣдовать Каина Раскольническая Коммиссія.

Андреюшка и съ кѣмъ онъ говоритъ," ибо онъ сказывался *нѣмымъ.*" Въ этомъ-то Андреюшкѣ и состояло все дѣло: то былъ знаменитый „Лжехристъ Андрюшка," *Андрей Селивановъ*, тогда еще только „нѣмой и босой," а въ слѣдъ за тѣмъ родоначальникъ нововоскресшаго въ Россіи скопчества, по линіи мужской, еще же дальше, по догматикѣ, государь „Петръ Θедоровичь," по исторіи одинъ изъ первыхъ самозванцевъ съ именемъ Петра III-го. „Которой (Фроловъ) объявилъ, что, де, онъ съ тѣми говоритъ, кто тому сборищу согласенъ [11]); а жительство, де, онъ имѣетъ за Сухаревой башней въ одномъ домѣ. Почему, для взятья онаго Андрюшки, въ показанной домъ ѣздили: токмо его (Андрея) не получили; ибо онъ дни за два до онаго уѣхалъ въ С. Петербургъ." Все это обстоятельнѣе разъясняется по другимъ документамъ, не столько оффиціальнымъ, сколько по „Страдамъ" Андрея и сохранившимся свѣдѣніямъ въ Москвѣ [12]). „Исторія" Каина, отъ лица его, спѣшитъ покончить съ симъ дѣломъ: „Для чего, съ прописаніемъ всего ихъ обстоятельства, посланъ былъ изъ Москвы нарочный, которымъ тотъ Андреюшка привезенъ въ „немшоную баню [13]);" а сколько вѣсу въ немъ оказалось, того знать мнѣ было не можно." Жизнеописатель Каина, Комаровъ, полагалъ, что знаетъ больше этого, и разсказалъ: какъ учреждена „нарочная коммиссія [14])" и обличено еретиковъ, обоего пола, 416 человѣкъ; какъ Андрей и сообщники сѣчены на Царицынскомъ лугу кнутомъ и сосланы на каторгу въ Рогервикъ; прочіе наказаны иначе; купеческая жена Θедосья Яковлева въ продолженіе дѣйствій коммиссіи умерла; и, только по добросовѣстности своей, Комаровъ замѣчаетъ, — „да не сыскано еще

---

[11]) Кто причисленъ къ тому согласію, сектѣ. — [12]) Андрей Селивановъ ходившій тогда босымъ и юродивымъ, а ночью собиравшій сборища „людей Божіихъ," жилъ за Сухаревой башней у Николы въ Драчахъ, куда на поклоненіе ходятъ скопцы доселѣ: жилъ въ домѣ у той самой Θедосьи Іевлевой (отчество ея перемѣнено въ „Страдахъ," какъ мѣняли тогда имена всѣ скрывавшіеся), которая послѣ выдала его, въ подпольѣ. Объ этомъ повѣствуется въ „Страдахъ:" „И жилъ я въ городѣ въ Тулѣ, и въ домѣ у жены мірской (т. е. не хлыстовки) у Θедосьи Іевлевны грѣшницы (она запивала и загуливала, отчего и соблазнилась показать на Андрея, подущенная конечно Каиномъ). У ней въ подпольѣ тамъ и жилъ: она меня приняла, а свои не приняли. И они же и привели къ ней въ домъ (послѣ показаній Сапожникова и Фролова), и доказали команду солдатъ." Что это происходило не въ Тулѣ, видно изъ того уже, что за симъ, говоритъ Андрей, „меня привели въ Тулу," въ оковы: это было уже послѣ того, какъ его взяли въ Петербургѣ. Изъ Тулы водили его въ Тамбовъ, гдѣ онъ былъ наказанъ, а оттуда пошелъ въ Сибирь, на дорогѣ принялъ „большое оскопленье" и въ слѣдъ за тѣмъ съ торжествомъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ жилъ долгое время. — [13]) Такъ въ народѣ, и особенно на языкѣ Каина, называлась висѣлица („палаты не вершоны и не мшоны"), иногда дыба и изба для пытокъ. — [14]) Раскольничья, ср. выше.

той ереси учителей и согласниковъ *ста шестидесяти семи человѣкъ.*" На самомъ дѣлѣ, большая часть ихъ, и главныя лица, продолжали жить и дѣйствовать, въ Тулѣ, Тамбовѣ, Сибири, Петербургѣ...

Такъ народний эпосъ, овладѣвшій лицомъ и жизнію Каина, овладѣвалъ и всѣмъ соприкасавшимся. Такъ въ исторической дѣйсвительности съ достойнымъ Каиномъ соединились еще два достойнѣйшихъ „исчадія," послѣдующее самозванство во имя Петра III-го и исторія Андрея Селиванова съ нисходящими. Въ дѣлѣ же творчества, съ жизнеописаніемъ Каина (отъ лица его) соединилось параллельное и совершенно сходное по пріемамъ произведеніе — жизнеописаніе или описаніе подвиговъ и страданій, иначе „Страды" Андрея: произведеніе одновременное съ „жизнеописаніемъ" Каина, также въ основѣ народное, то отъ лица самого Андрея, то въ 3-мъ лицѣ объ немъ, съ тою же игрою словъ, остротами и пословицами, со вставкою стиховъ и само переходящее въ Стихъ, хотя также и обдѣланное послѣ по книжному. Только въ немъ болѣе характера „духовнаго," въ противуположность Каинову „свѣтскому или мірскому," болѣе близости не къ „Пѣснямъ," а къ „Стихамъ," и потому это составляетъ предметъ другаго нашего изданія—Стиховъ, подъименемъ „Калѣкъ Перехожихъ [15])." – Существуетъ однако же еще нѣчто въ родѣ искусственной пѣсни, сложенной тогда же какимъ-то книжникомъ, хотя не народной, но помѣщавшейся въ числѣ „Каиновыхъ," весьма распространенной въ тогдашнемъ обществѣ и проникавшей даже на сцену театра при изображеніи картежной игры. Она тѣсно соединяетъ обоихъ богатырей:

6.

Ванька Каинъ и Лжехристъ Андрюшка.

Бѣсъ проклятый дѣло намъ затѣялъ:
Мысль картёжну въ сердца наши всѣялъ.
Ту [16]) распространяйте, руки простирайте,
Съ радостнымъ плескомъ кричите «рестъ [17])!»
Дверь въ трактирахъ Бахусъ отворяетъ,
Полны чаши пуншемъ наливаетъ:
Тѣмъ дается радость, льется въ уста сладость;

[15]) А потому, кто хочетъ хорошенько уразумѣть народный творческій колоритъ въ жизнеописаніи Каина, тотъ обязанъ непремѣнно сравнить одновременныя Страды Селиванова.—[16]) Мысль.—[17]) Терминъ игорный. — Каждый четвертый стихъ повторяется дважды.

Дайте намъ карты, здѣсь олухи есть!
Стенька Разинъ, Сѣнной и Гаврюшка,
Ванька Каинъ и Лжехристъ Андрюшка:
Хоть дѣла ихъ славны и коль ни удачны [18]),
Прахъ противъ нашихъ картёжныхъ дѣлъ,
и т. д.

(Появилось прежде въ пѣсенникѣ Новиковскомъ 1781 г. и при жизнеописаніяхъ Каина, въ числѣ его „любимыхъ пѣсней.“ Любопытно, что это безобразіе пѣлось на голосъ франк-масонской пѣсни „Образъ Діевъ, стѣны Вавилонски“).

*

Отношеніе къ раскольникамъ, и особенно къ скопцамъ, богатымь средствами мщенія, всего болѣе повредило Каину и довело его до погибели [1]): здѣсь затронуль онъ уже не воровъ и мошенниковъ по прежнему, не „простой“ народъ, а „гражданъ,“ приличныхъ по всей видимости. Оставшіеся въ живыхъ и на свободѣ, а таковы были главные, не могли простить ему: сперва Раскольническая Коммиссія, за ней Приказъ и Канцелярія, наконецъ и Полиція, то есть мѣстные представители государственной власти, постепенно перешли къ недовѣрію, ожесточенію, преслѣдованію. Какъ всегда и вездѣ, присоединились и обстоятельства, и мелкіе поводы: изъ обстоятельствъ всего болѣе напугали страшные Московскіе пожары, — поджоги бывшихъ друзей или теперешнихъ враговъ Каина; чѣмъ болѣе ревновалъ Каинъ въ поискахъ, тѣмъ болѣе раздувалъ пламя. На поддержку, ни въ массахъ испорченныхъ, ни въ цѣломъ народѣ, „доноситель“ не могъ уже разсчитывать: онъ являлся „Каиномъ,“ „окаяннымъ,“ какъ привыкъ производить и объяснять народъ самое имя „Каина („каянъ, о-каянъ“);“ поимка Камчатки окончательно подорвала кредитъ съ этой стороны. Прибавился и поводъ: точно ли былъ Каинъ страстенъ до женщинъ, какъ говорятъ иные, не знаемъ данныхъ вѣрныхъ; только, извѣстно, слишкомъ неразборчивъ въ средствахъ достиженія цѣлей и одинъ разъ прямо „грѣхъ его попуталъ.“ Вотъ что говорится о томъ въ „жизнеописаніи,“ уже не отъ лица Каина, а въ 3-мъ лицѣ, по свѣдѣніямъ, дошедшимъ и до Комарова: „Видя, что все благополучно съ рукъ его сходитъ, ни мало не преставалъ (Каинъ) чинить всякія наглости. И въ одинъ день отважился онъ увезти *жену полицейскаго подьячаго Николая Будаева*, которой въ томъ безчестьѣ подалъ на него въ полицію челобитную.“ Отсюда уже передѣланы краткія

---

[18]) Комаровъ, сомнѣваясь въ этой удачѣ, поправилъ безъ смысла: „и коль ни срамны.“

[1]) Удивительно, что такіе изслѣдователи, какъ г. Есиповъ, доселѣ не обратили особаго вниманія именно на этотъ вопросъ и не признали его главнымъ въ судьбѣ Каина.

строки отъ лица Каина: „Полиціймейстерской канцеляріи подъячій *Никола Будаевъ просилъ на меня въ увозъ жены его*, почему я призванъ былъ въ полицію.“ Документальныя бумаги передаютъ иначе подлинное дѣло [2]). За Никитскими воротами былъ домъ отставного солдата *Ѳедора Тарасова*, у него была красивая дочка: на вечеринкахъ у *Ѳедосьи Савельевой* Каинъ видалъ ее. Явилась посредницей давнишняя знакомка Каина (см. выше) *Авдотья Степановна*: 17 января 1749 г. дѣвушка пропала; жена Каина, Арина Ивановна, проболталась искавшимъ; открылись слѣды похищенія и увоза въ село Павилено [3]); отецъ подалъ бумагу въ полицію. Такъ, къ послѣднему рѣшенію судьбы Каина, сошлись всѣ главныя женщины, терпѣливо дѣлившія судьбу съ нимъ прежде. Чтобы понять существенныя нити интриги, довольно намекнуть, что: а) Авдотья Степановна, Арина Ивановна и новоувезенная были естественныя соперницы, которыми легко было воспользоваться ко вреду Каина; б) Ѳедосья Савельева, она же Яковлева и Іевлева, давнишняя знакомка наша и Каинова, нѣкогда орудіе сего послѣдняго въ доносѣ, а теперь послѣдовательное орудіе спасшагося Андреюшки и его мстительныхъ сообщниковъ [4]); в) отецъ — если не самъ тотъ *Тарасовъ* (по обычной перемѣнѣ имени), по крайности братъ того *Алексѣя Тарасова*, у котораго въ дому была скопческая „обитель“ и который, въ слѣдъ за настоящимъ происшествіемъ, явился къ Андреюшкѣ въ Сибирь чтобъ освободить его, вмѣстѣ съ поминаемою въ „Страдахъ“ „дочкою Анюшкой.“ Это было мщеніе одному, спасеніе для другаго. Какъ бы ни случилось, пѣсня передаетъ это по своему въ особой картинѣ:

7.

Каинъ увозитъ дѣвушку.

Какъ у насъ ли въ каменнóй Москвѣ,
Во Кремлѣ во крѣпкомъ городѣ,
Что на Красной славной площади,
Учинилася диковинка:
Полюбилась крáсна дѣвица
Удалóму-добру молодцу,
Что Ивану ли Осиповичу,

---

[2]) У г. Есипова.—[3]) Павшино, Моск. уѣзда?—[4]) Если она точно была теперь солдаткою, какъ названа въ оффиціальныхъ бумагахъ, то могла выйти за солдата и вообще вела подобную компанію, любя выпить и служа орудіемъ доноса или низкихъ продѣлокъ. Андрей старается ее выгородить изъ вины перваго доноса, замѣчая только, что она „грѣшница (см. выше).“

По прозванью Ванькѣ Каину.
Онъ сзывалъ ли добрыхъ молодцевъ,
Молодцовъ—всё голь кабацкую
Во единъ кругъ думу думати:
Какъ бы взять имъ красну дѣвицу?
Какъ придумали ту думушку,
Пригадали думу крѣпкую:
Наряжали Ваньку Каина
Въ парчевой кафтанъ съ нашивками,
Въ черну шляпу съ позументами,
Нарекали его бариномъ.
Подходили съ нимъ къ колясочкѣ:
Въ ней дѣвица укрывалася
(Что въ рядахъ ужь нагулялася [5]),
Отца-мать тутъ сидя дожидалася.
Молодецъ ей поклоняется,
Дьячьимъ сыномъ [6]) называется:
«Ты душа ли красна дѣвица
(Говоритъ ей доброй молодецъ) [7])!
«Твоя матушка и батюшка,
«Съ моимъ батюшкомъ родимымъ [8]),
«Къ намъ пѣшкомъ они пожалуютъ:
«Мнѣ велѣли проводить тебя
«Къ моей матушкѣ во горницу,
«Она дома дожидается [9]).»
Красна дѣвица въ обманъ далась:
Повезли ее на Мытной дворъ,
На квартиру къ Ванькѣ Каину.
Тамъ дѣвица обезславилась
(Но ужь поздно, хоть вспокаялась) [10]).

(Прежде всего напечатана въ пѣсенникѣ Новиковскомъ).

*

---

[5]) Нагулявшись прежде того въ рядахъ Гостинаго двора: вставочное разъясненіе.—[6]) Не отсюда ли сказаніе, что увезена „жена подьячаго?“—[7]) Опять вставка, ненужная для пѣсни.—[8]) Можетъ быть: „родимые,“ родные?—[9]) Слишкомъ подробно и обстоятельно: книжная подправка въ объясненіе, согласно съ ходившими разсказами.—[10]) Болѣе поздняя, нравоучи-

Въ другое время никто не обратилъ бы и вниманія на такое дѣло, особенно въ области Каиновской: но теперь государство было уже напугано, народъ уже ненавидѣлъ Каина, интрига раздувала бѣду, а полицеймейстеромъ явился строгій Татищевъ. Онъ повелъ дѣло круто: арестъ, крѣпкій караулъ, плети, допросъ, слѣдствіе, донесеніе самой Елизаветѣ Петровнѣ, жившей тогда въ Москвѣ, и за собственноручной подписью указъ императрицы о „ворѣ Каинѣ,“ отъ 25 Іюня 1749 года. Подобно, какъ объ Андреюшкѣ, наряжена надъ Каиномъ особая Коммиссія, засѣдавшая на томъ же Мытномъ дворѣ. Слѣдствіе и допросы тянулись: что ни предпринималъ въ это время Каинъ, какъ ни работалъ и ни кутилъ въ отчаяніи съ прочими сотоварищами колодниками, ничто не помогло. Въ Сыскномъ Приказѣ приговорено „колесовавъ отрубить голову;“ Юстицъ-Коллегія представила Сенату, по опредѣленію Сената, Февраля 27-го 1756 года, Каинъ (съ товарищемъ Шинкаркою) наказанъ кнутомъ и, съ прочими обычными дополненіями, сосланъ „въ тяжкую работу,“ куда готовилъ Андрея, въ Рогервикъ. Повѣсть отъ лица Каина, будто бы написанная здѣсь имъ самимъ въ 1764 году, до конечнаго удаленія въ Сибирь, заключаетъ достойными словами, по привычному способу Каина:

Отправленъ я въ Рогервикъ,
или Балтійскій портъ,
то есть, на холодныя воды,
отъ Москвы за семь верстъ съ походомъ [11]).

*

Во всемъ этомъ особенно важна намъ не исторія политическая или общественная, положительная и нашему дѣлу внѣшняя: а исторія самого пѣснотворчества народнаго, подлиннаго или порченнаго, дѣйствительнаго или видоизмѣненнаго и передѣланнаго. Передъ нами самый процессъ сего творчества, какъ возникаетъ и идетъ оно въ словѣ, въ устахъ и слухѣ, въ пѣснѣ, въ разсказѣ, въ сказаніи; какъ истекаетъ отъ самого, главнаго, лица и героя, или отъ другихъ и ему приписывается, или въ 3-мъ лицѣ объ немъ; какъ потомъ записывается, далѣе уже присочиняется или цѣликомъ сочиняется, дѣлается книжнымъ и печатнымъ произведеніемъ. Всѣ фазы этого процесса, такъ какъ по времени онъ не далекъ отъ насъ, особенно наглядны и осязательны: повѣряютъ себя взаимно, сличаются съ дѣйствитель-

---

тельная прибавка книжника.—Событіе передано здѣсь отчасти сходно съ тѣмъ, чѣмъ начиналась Каинова свадьба (см. выше): да и въ дѣйствительности было тоже насиліе, отецъ солдатъ, наконецъ на квартирѣ Каина. Только здѣсь въ пѣсни дѣвушка видимо представлена зажиточною, какъ и подобало дочери домовладѣльца, содержавшаго при томъ „обитель.“—11) Съ лишечкомъ: иронически.

ностью и положительною, другаго рода исторіей. Вотъ почему всякой и мы тѣмъ больше должны остановиться непремѣнно съ подробностію на семъ разностороннемъ явленіи: имъ уясняется многое для вѣковъ отдаленныхъ и менѣе доступныхъ, для эпическихъ созданій, для былинъ, для уразумѣнія ихъ отношеній къ дѣйствительности и остальной исторіи, для объясненія переходовъ отъ историчности къ эпосу или на оборотъ, отъ именныхъ пѣсней къ безъименнымъ, отъ устныхъ произведеній къ письменнымъ и обратно. Не говоря уже о самихъ прикосновенныхъ пѣсняхъ въ тѣсномъ смыслѣ или чисто-письменныхъ сочиненіяхъ, трактующихъ дѣла Каина: въ самомъ его *Жизнеописаніи*, отъ лица его, или, какъ названо оно, *Жизнь и похожденіе*, удалите только эти —*гдѣ, почему, который, когда*, и т. п., или этотъ искусственный, внѣшній для основы, синтаксисъ фразировки и вы получите основу почти совершенно народную и устную, такую, какая могла только зародиться и существовать въ половинѣ XVIII вѣка, сама просится въ стихи и легко въ нихъ переходитъ. Прибавьте къ ней оттѣнки книжной рѣчи,—и передъ вами писанная повѣсть; уснастите ее помянутыми частицами, мѣстоименіями и всякою пересыпкою,—чувствуете, что записывалъ и отдѣлывалъ подьячій, судейскій; вглядитесь въ послѣдовательность и порядокъ повѣсти,—очевидна рука книжника, писателя болѣе или менѣе опытнаго по тому времени, собиравшаго, выбиравшаго и располагавшаго [1]). Итакъ здѣсь: а) народная устная основа; б) составленная повѣсть; в) повѣсть отъ лица Каина; г) стороннее, рефлектирующее лицо писца, сочинителя, историка и издателя. Слово, разсказъ, сочиненіе, тетрадка рукописная, печать, книга, изданіе. Всякой, изучающій наше дѣло, долженъ обратить

---

1) Отслоняя редакцію Комарова, при внимательномъ изученіи замѣчаемъ, что матеріалъ, ему доставшійся, видимо слагался изъ слѣдующихъ частей, ходившихъ вѣроятно разными тетрадками и доселѣ нѣсколько различающихся языкомъ: *часть I*) отъ бѣгства изъ господскаго дома до возвращенія въ Москву послѣ странствія (часть особенно живая; по 1-му изданію полной „Жизни и похожденія“ 1788 года, стран. 1—50); *часть II*, дѣйствія сыщика, успѣхи и поимки, въ 2-хъ отдѣлахъ, а) 5 случаевъ, б) 16 случаевъ (часть самая сухая, стран. 50—61); *часть III*, прочія, болѣе важныя, поимки и новыя продѣлки, числомъ 18 (нѣсколько живѣе, между ними главное объ Андреѣ: стран. 69—92); при этомъ особо, согласно съ пѣснею, о ловлѣ безпашпортныхъ на судахъ (стр. 93); *часть IV*, свадьба Каинова, угощеніе отъ молодыхъ купечеству и Саломонова игра на Каиновой горѣ для всего народа (оживленный разсказъ и несомнѣнно особливая тетрадка или рукопись, стран. 61—68); *часть V*, похищеніе женщины, арестъ, судъ, казнь, ссылка (стр. 93—96) Мы нисколько не удивимся, если со временемъ отыщется все это вмѣстѣ въ изложеніи другомъ, полнѣйшемъ, и даже стихами или по крайности сказочнымъ народнымъ складомъ, безъ книжной обдѣлки и передѣлки. — Что касается до „Исторіи“ Комарова, то онъ эти части упорядочилъ по своему, иное сократилъ, другое пополнилъ по раз-

пристальное вниманіе на всѣ эти разныя стороны. Въ самомъ печатномъ матеріалѣ необходимо различить нѣсколько послѣдовательныхъ слоевъ [2]).

Теперь два слова о тѣхъ составныхъ частяхъ всего этого объема или круга, въ которыхъ народное творчество болѣе или менѣе отчетливо выработало извѣстную опредѣленную форму, именно о *пѣсняхъ, пословицахъ, поговоркахъ* и отдѣльныхъ *выраженіяхъ Каиновскихъ*. — Тотчасъ послѣ недавнихъ пѣсней о Петрѣ Великомъ, казалось бы, что могло быть для народа заманчиваго и привлекательнаго въ такомъ образѣ или даже образинѣ, какъ Каинъ, что поэтическаго и чѣмъ могло быть вызвано пѣснотвор-

---

нымъ источникамъ, указалъ эти источники и прибавилъ: а) въ началѣ *Предувѣдомленіе*, б) въ концѣ *Собраніе Каиновыхъ пѣсенъ*.—Изслѣдованіе г. Есипова и наше прибавляетъ еще довольно данныхъ: у него оффиціальныхъ, у насъ народныхъ.—[2]) Это выразилось и въ исторіи самихъ *изданій* Каиновскаго круга.—Сперва, какъ сказано, ходили разсказы и пѣсни, потомъ тетрадки и записки; изданы въ печати прежде всего: 1) „Краткая повѣсть" о Каинѣ, кое-какъ записанная со словъ и слуховъ, 1775 г. М.;—2) „Жизнь и похожденіе" Каина, отъ лица его, будто бы имъ писанныя 1764 г. и изданныя въ 1786 г. СПБ.;—3) Это же самое во второй разъ, М. въ типографіи Новикова (хотя сего и не упомянуто), 1788 г.: но здѣсь, на концѣ, о томъ, о чемъ есть пѣсня, и какъ увезъ жену Будаева, за что наказанъ и сосланъ, разсказано уже въ 3-мъ лицѣ о Каинѣ, отъ издателя; здѣсь же въ первый разъ прибавлено собраніе Каиновыхъ пѣсней, числомъ 50 (Григорій Книжникъ ошибся, приписавши эти признаки въ первый разъ изданію М. 1792 года); но по всему замѣтно, что это изданіе сдѣлано Комаровымъ;—4) на основаніи 1-й и 2-й редакціи, разсказовъ, слуховъ и разныхъ списковъ, болѣе подробная, уже литературно изложенная, „Исторія" Каина, съ „предувѣдомленіемъ," а въ концѣ съ исторіею Картуша, С.П.Б. 1779, М. 1788, въ типогр. Компаніи или Новиковской, съ пѣснями въ числѣ 47-ми. Виновникъ сего—*Матвѣй Комаровъ*, „житель города Москвы," издатель старинныхъ свадебъ, Китайскихъ писемъ и особенно знаменитой повѣсти о Милордѣ Георгѣ. Таковы *четыре* главныя и существенныя *редакціи*.—За тѣмъ слѣдуютъ *перепечатки*: на примѣръ 1-я редакція въ СПБ. 1815 и 1830; 2-я Григорьемъ Книжникомъ СПБ. 1859 (см. ниже); 3-я въ М. 1792; 4-я перепечатана въ СПБ. 1793 г., съ 51-мя пѣснями: *изданіе* это названо въ печати *четвертымъ*, и таково оно дѣйствительно въ изданіяхъ *Комаровскихъ*, именно 1-е 1779 и 1788 (у насъ редакція 4-я), 2-е также 1788 (у насъ ред. 3-я), 3-е 1792 г. (перепечатка 3-й редакціи) и 4-е 1793 года (перепечатка редакціи 4-й или иначе 1-го изданія); кромѣ того по каталогу Чертковской Библіотеки извѣстна еще перепечатка 4-й редакціи въ 1794 г. М., съ 64-мя пѣснями.—Послѣ сего начались *передѣлки и сокращенія*, напр. въ М. 1858 г. — При перепечаткѣ Григорія Книжника 1859 прибавлены уже *библіографическія указанія объ изданіяхъ* (хотя не совсѣмъ вѣрныя).—Наконецъ *ученыя изслѣдованія* о Каинѣ, каково главное помянутое *г. Есипова* 1869 г.

чество? И однакоже объ немъ сложены были, современно и вскорѣ, народныя пѣсни, изъ которыхъ нѣкоторыя, выше приведенныя, документально сохранились до насъ въ печати. Это объясняется, какъ мы говорили, а) *отрицательнымъ* направленіемъ, которое также можетъ служить источникомъ и содержаніемъ поэзіи въ смыслѣ „величины отрицательной;“ б) *степенью или градусомъ* какъ въ продѣлкахъ самого Каина, такъ и въ обстоятельствахъ его эпохи, ужасъ и безобразіе которыхъ достигали до извѣстнаго рода артистичности и грандіозности; в) *народнымъ* несомнѣнно, хотя и глубоко обезображеннымъ, *характеромъ* всего этого; и, г) главное, яркимъ присутствіемъ *въ самой натурѣ Каина* элементовъ поэтическихъ, питающихъ пѣснотворчество, хотя бы примѣненныхъ къ дурному и крайне злоупотребленныхъ. Кромѣ вѣрности народному быту и воззрѣнію въ нѣкоторыхъ лучшихъ чертахъ его, кромѣ непосредственнаго участія въ народныхъ обычаяхъ, обрядахъ и играхъ, Каинъ въ самомъ словѣ, какъ мы видѣли образцы, въ самомъ творчествѣ слова былъ краснобаемъ: сыпалъ пословицами и поговорками, творилъ свои прозвища и термины, отличался всюду его сопровождавшими и ему лишь одному свойственными выраженіями [3]). Отсю-

---

[3]) Къ приведеннымъ выше прибавимъ еще:

Ежели онъ станетъ много говорить,
то заставимъ его рыбу ловить (утопимъ).—
Онъ былъ въ то время сыръ (пьянъ).—
Ударилъ его гостинцомъ (кистенемъ).—
Въ мѣшокъ ее спрятать (утопить).—
Вздули виногъ (огонь), хотѣли его сушить (сжечь).—

Когда „управитель“ Петровскаго монастыря поймалъ одного молодца въ напрасную рекрутчину, Каинъ, чтобы избавить сего послѣдняго, пріѣхалъ и, увидавъ бочку съ дегтемъ, окатилъ дегтемъ „управителя,“ приговаривая:

„Я и другихъ въ такіе жь старцы постригалъ,
кто также съ нами нечестно поступалъ!
Простакъ твой архимандритъ:
давно надлежало тебѣ старцемъ быть.“—

Похищая для своего знакомаго одну монашенку изъ Вознесенскаго монастыря, Каинъ явился въ келью игуменьи:

„Госпожа игуменья, что ты долго спишь?
А у тебя въ головахъ холстъ,
токмо не очень толстъ (ты нѣжишься на подушкахъ).“

Посадилъ похищенную въ сани и крикнулъ:

„Полетѣлъ коршунъ за море!“—
„Я въ попахъ не былъ,
токмо обыкновеніе ихъ знаю:
что имъ дадутъ,
то они берутъ!“—И т. п.

да уже не далеко было до творчества живыхъ разсказовъ и, какъ говорится у народа, „сказаній“ или „сказокъ:“ и точно, какъ мы знаемъ, онѣ лились потокомъ изъ словоохотливыхъ устъ Каина; самая „жизнь,“ отъ лица его переданная, въ основѣ своей изложена какъ извѣстнаго творческаго рода „житіе“ и совпадаетъ по простотѣ, наивности, образности, народнымъ оборотамъ, не только съ житіемъ Андрея или „Страдами,“ но и со многими старшими произведеніями сего рода. Наконецъ, по документальнымъ свѣдѣніямъ, Каина всюду окружали *пѣсни*, даже въ послѣднемъ его заключеніи передъ казнію, а печатная жизнь его обставлена собраніемъ „*Каиновыхъ пѣсень.*“ Но отваживался ли онъ самъ до этого заключительнаго шага въ народномъ творчествѣ, до созданія пѣсни? Положительно не знаемъ *ни одного* образца такой, созданной самимъ Каиномъ, пѣсни: онъ и не могъ этого достигнуть. Не говоря уже о такихъ лицахъ, какъ наши многія героини или хоть Шереметевъ, отъ которыхъ остались намъ „собственныя“ ихъ пѣсни, даже Стенька Разинъ имѣлъ больше къ тому возможности и въ кругѣ его пѣсней можно еще отличить основы его собственнаго творчества (см. вып. 7-й и дополненія 8-го). Нужна была извѣстная непосредственность природы, минута ровнаго и спокойнаго настроенія, нѣкоторая доля чистоты душевной хоть въ безотчетныхъ стремленіяхъ: всего этого, и подобнаго, недоставало Каину. Но это не значитъ, чтобы онъ не любилъ пѣсни и самъ не пѣлъ ея: самыхъ нечистыхъ устъ не гнушается она и изъ нихъ выходитъ, вопреки всему, чистою. И точно, хотя послѣ иные плохіе знатоки считали „Каиновы пѣсни“ его собственнымъ созданіемъ: но самое первое изданіе ихъ, 1788 года, называетъ ихъ только пѣснями его „любимыми,“ а совокупность ихъ „собраніемъ,“ дѣломъ печатавшихъ собирателей, которые успѣли записать изъ разныхъ устъ [4]). Самый бѣглый взглядъ на обстоятельства этого дѣла, столь намъ важнаго, убѣждаетъ въ томъ же: а) собраніе это явилось не вдругъ, спустя слишкомъ 30 лѣтъ по отбытіи Каина изъ Москвы, и не съ первымъ изданіемъ его „повѣсти“ или „жизни;“ б) Новиковъ успѣлъ отпечатать въ своемъ пѣсенникѣ лишь одну пѣсню *о Каинѣ*, въ 3-мъ лицѣ со стороны (см. выше о похищеніи дѣвушки), да позднѣйшее книжное объ немъ стихотвореніе; в) въ разныхъ, послѣдовавшихъ изданіяхъ, то прибавлялось *число* пѣсней, то сокращалось, и, помѣщенныя въ одномъ, не появлялись въ другомъ, такъ что издатели видимо соображались, имѣла ли извѣстная пѣсня какое либо *отношеніе* къ Каину и потому можно ли было ее, по преданію, отнести къ эпохѣ и употребленію Каина, или же нѣтъ [5]). А главное, г) наши теперешнія свѣдѣнія

---

[4]) „Исторія... В. Каина, со всѣми его обстоятельствами, разными любимыми пѣснями.“ „Собраніе разныхъ Каиновыхъ пѣсенъ.“ Такъ говоритъ изданіе 1788 г.—[5]) Какъ сказано, *первое* изданіе, при которомъ явились *Каиновы пѣсни*, было 1788 (см. выше у насъ, *редакція 3-я*): онѣ помѣщены въ концѣ книги (заглавіе см. въ примѣчаніи 4-мъ; шрифтъ Московскій, Типографическій или Новиковскій). Числомъ 50: подъ 1-мъ № „Не шуми, мати;“

и опытность даютъ намъ легкую возможность распознать самый составъ этихъ „собранныхъ“ пѣсней, отличая по признакамъ происхожденіе ихъ и употребленіе. Такъ, вышеприведенныя пѣсни, народныя, сложены *о Каинѣ со стороны*, самимъ народомъ, безъ посредства и участія героя, порою не согласно съ его собственнымъ воззрѣніемъ и съ дѣйствительною исторіей, порою же съ оцѣнкою его дѣйствій и обличеніемъ. Искусственное произведеніе, соединившее его съ Андрюшкой, возникло на почвѣ литературной и употреблялось внѣ или выше народа. За тѣмъ, изъ круга пѣсней „Каиновыхъ,“ нѣкоторыя гораздо старше его, совсѣмъ другаго историческаго происхожденія и болѣе широкаго употребленія. Такъ въ 1-мъ изданіи подъ № 10-мъ „Еще что же вы, братцы, призадумались,“ подъ № 24-мъ „Что по-

---

подъ 2-мъ „Ахъ тошнымъ мнѣ, доброму молодцу, тошнехонько (см. у насъ выше);“ подъ 4-мъ „Бѣсъ проклятой (см. выше);“ подъ 30-мъ „Во Архангельскомъ во градѣ (см. выше);“ прочія пѣсни и размѣщеніе ихъ достаточно нами указаны въ текстѣ. То же въ перепечаткѣ 1792 года.—За тѣмъ *второе* изданіе, *относительно пѣсенъ*, есть „Исторія“ Комарова 1788 г. (оно само печатано въ Типографіи Комп. Типографической: въ заглавіи „со всѣми его (Каина) сысками, розысками, сумазбродною свадьбою и разными *забавными* его пѣснями;“ помѣщены онѣ въ концѣ исторіи Каиновой и предъ Картушемъ, т. е. въ середкѣ книги. Числомъ 47: подъ № 1 мъ. „Ахъ тошнымъ-то;“ подъ 2-мъ „Бѣсъ проклятой;“ подъ 9-мъ „Во Архангельскомъ во градѣ;“ подъ 34-мъ „Не шуми, мати.“ Здѣсь сокращено число прежнее и прибавлено нѣсколько новыхъ, которыя нами поименованы въ текстѣ.—*Третье* изданіе *относительно пѣсенъ* есть перепечатка предыдущаго, въ СПБ. 1793, Комарова же: заглавіе то же, но исторіи Картуша нѣтъ, а потому пѣсни приходятся въ концѣ книжки и заключены *реестромъ* ихъ. Числомъ 54: то есть сдѣланъ выборъ изъ изданія 1-го и 2-го, да прибавлена въ концѣ подъ № 54-мъ „Ахъ таланъ ли мой таланъ (см. въ текстѣ).“ Подъ № 1-мъ „Ахъ тошнымъ-то;“ подъ 2-мъ „Бѣсъ проклятой;“ подъ 9-мъ „Во Архангельскомъ;“ подъ 34-мъ „Не шуми, мати.“—Въ *четвертомъ* 1794 г. пѣсенъ уже 64: мы лично не видали, не ошибка ли вмѣсто 54-хъ?—Всего страннѣе, что въ тѣхъ же годахъ, и даже раньше, и въ той же Типографической печати, къ Новикову въ сборникъ не вошли нѣкоторыя изъ сихъ пѣсенъ, помѣщена Каиновская о похищеніи дѣвушки, а Комаровъ у себя пропустилъ ее.—Григорій Книжникъ, перепечатавши изданіе 1764 г., при которомъ еще не было пѣсней, не помѣстилъ ихъ у себя: а такъ какъ онѣ крайне важны для исторіи Каина и нашего пѣснотворчества, то покойный С. А. Соболевскій, библіографъ и любитель пѣсенъ народныхъ, раздосадованный такимъ близорукимъ отношеніемъ къ дѣлу со стороны неизвѣстнаго издателя (книгопродавца?), написалъ по этому поводу: „За то, что жизнь ярыжника Безъ пѣсенъ онъ издалъ, Я бы Григорья Книжника Порядкомъ отодралъ. Ужь подъучу И-ева, Что слѣдуетъ ему—И сѣчь его, и гнать его Въ Московскую тюрьму.“

выше было города Царицына," подъ № 44-мъ „Какъ изъ славнаго изъ царства Астраханскаго,"—это пѣсни Разинскія (см. вып. 7 и 8); подъ № 2-мъ „Не бушуйте вы, вѣтры буйные," подъ № 9-мъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ," подъ № 14-мъ „Ахъ ты батюшка Ярославль городъ," подъ № 17-мъ „Изъ подъ лѣсу-лѣсу тёмнаго," подъ № 18-мъ „Изъ за лѣсу-лѣсу тёмнаго," подъ № 34-мъ „Ахъ далече-далече во чистомъ полѣ," подъ № 43-мъ „Собиралось у насъ, братцы, всѣ на дворъ бурлацкой,"—это все пѣсни козацкія, понизовой вольницы, по-Волжскія, бурлацкія, старшаго происхожденія и другой связи образовъ; подъ № 5-мъ „Ахъ палъ туманъ на синё море,"—занимаетъ иное мѣсто въ области народной; подъ № 16-мъ „Голова и ты моя головушка," подъ № 31-мъ „Изъ Кремля-Кремля крѣпка города,"—восходятъ къ казнямъ Ивана и остановлены на казняхъ Стрѣлецкихъ при Петрѣ; подъ № 7-мъ „По утру-то было ранымъ-рано,"—о Ладожскомъ каналѣ при Петрѣ, подъ № 20-мъ „Ты рябинушка ты кудрявая," старшая поминальная, обращенная въ плачь по Петрѣ I-мъ; подъ № 23-мъ „Эй усы-усы проявились на Руси,"—старшая разбойничья Сѣверная и потомъ Московская стрѣлецкая, помѣщенная еще въ сборникѣ Кирши Данилова; подъ № 15-мъ „Государь мой родной батюшка," подъ № 22-мъ „Ты дума моя думушка," подъ № 33-мъ „Чарочки по столику похаживаютъ," подъ № 41-мъ „Туманно красно солнышко, туманно,"—старшія свадебныя, а гдѣ забыты въ семъ употребленіи, тамъ обычныя бесѣдныя; подъ № 9-мъ „Веселъ я веселъ сегоднешній день," подъ № 19-мъ „Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ," подъ № 25-мъ „Чернобровой-черноглазой молодецъ хорошій (удалый)," подъ № 26-мъ „Скучно, матушка, весною жить одной," подъ № 28-мъ „Молодка-молодка молодая," подъ № 32-мъ „Какъ былъ у добраго молодца зелёнъ садикъ," подъ № 36-мъ „Какъ изъ улицы идетъ молодецъ," подъ № 38-мъ „Случилось мнѣ, доброму молодцу, мимо зеленого саду ѣхати," подъ № 40-мъ „Ты дуброва моя дубровушка," подъ № 45-мъ „Раздвиньтесь-разойдитесь (Вы раздвиньтесь-разступитесь), всѣ добрые люди," подъ № 50-мъ (въ изд. ошибочно 34) „Вы рѣченьки-рѣченьки, холодны (холодныя) водоньки,"—слишкомъ давно извѣстныя и повсемѣстно распространенныя; подъ № 39-мъ „Слушай, радость, одно слово," подъ № 46-мъ „Здраствуй радость и веселье," подъ № 47-мъ „Какъ деревня отъ деревни не по далеку стоитъ," подъ № 48-мъ „Житье въ школѣ не по насъ,"—пѣсни не народныя, лакейскія, сочиненныя или письменныя и даже школьныя. Въ другомъ изданіи („Исторія"), того же 1788 года, подъ № 5-мъ „Ахъ вы горы-горы крутыя," подъ № 24-мъ „Ахъ ты поле мое, поле чистое," подъ № 4-мъ „Ахъ подъ лѣсомъ-лѣсомъ,"—наши степныя и по-Волжскія, давнѣе и широко распространенныя; подъ № 49-мъ „Передъ нашими воротьі,"—понизовая бурлацкая; подъ № 8-мъ „Во славномъ городѣ во Нижнемъ,"—мѣстная и Московская посадская; подъ № 18-мъ „Соколъ ли въ чистомъ полѣ не птица,"—древнѣйшая безъимянная, извѣстная отчасти и по сборнику Кирши, о безврёменномъ молодцѣ (см. прежніе выпуски и другія наши изданія); подъ № 30-мъ „Дѣвушки вино курили," шуточная, дѣвичьихъ вечеринокъ, гостиная—посадская, очень давняя и распростра-

ненная; подъ № 41-мъ „Стругалъ стружки доброй молодецъ,“—далеко распространенная, изувѣченная и романтически-сладко подправленная. Въ изданіи 1793 г., изъ числа прибавленныхъ противъ прежняго, подъ № 54-мъ „Ахъ таланъ ли мой таланъ таковъ,“ — извѣстная намъ по прежнимъ выпускамъ, въ основѣ съ историческими чертами конца XVII и начала XVIII вѣка, но совершенно передѣланная романтиками-книжниками въ концѣ XVIII вѣка. Вотъ все рельефное: прочее—тому же подобное. Очевидно, и знатоку, и простому, лишь бы чуткому къ пѣснѣ, Русскому человѣку, что Каинъ не только не могъ этого сложить, но половины этихъ пѣсенъ не имѣлъ никакой склонности самъ пѣть. Комаровъ, главный дѣятель въ семъ собраніи и въ его видоизмѣненіяхъ, съ явнымъ намѣреніемъ изъ слышаннаго вокругъ *подбиралъ наиболѣе примѣнительное къ Каину*: такъ онъ подбиралъ всѣ разбойничьи и „ужасныя,“ тѣ, въ коихъ поминались *воры, похищенія дѣвушекъ, казни*, или встрѣчались имена—*Дуняши* (первой любви Каиновой), особенно же самого *Ивана* и *Вани*. Любопытенъ болѣе всего примѣръ одинъ: по поводу пѣсни о Каинѣ, какъ онъ ловилъ безпаспортныхъ (см. выше), Комаровъ поставилъ дальше и *другую*, подобную же, хотя по всѣмъ признакамъ старшую, безъимянную и вовсе къ Каину не относившуюся. И мы, кстати, также приведемъ ее:

Русскіе бродяги, безпашпортны молодцы.

1.

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталась:
Зашаталась [6]) безпріютная моя головушка,
Безпріютная моя головка молодецкая.
Ужь куда-то я, доброй молодецъ, ни кинуся,—
Что по лѣсамъ по деревнямъ всё заставы,
На заставахъ ли всё крѣпки [7]) караулы.
Они спрашиваютъ [8]) печатнаго пашпорта,
Что за красною печатью сургучёвой [9]):
У меня, у добра [10]) молодца, своеручной,
Что на тоненькой на бѣлой на бумажкѣ.
Что куда-то ни пойду, братцы, ни поѣду,
Что ни въ чемъ-то мнѣ, добру молодцу, нѣтъ счастья.

---

[6]) Въ разныхъ изданіяхъ то *ся*, то *сь*.—[7]) Въ 1-мъ изд. „крѣпкіе.“—[8]) Должно дополнить: „что“ или „все.“—[9]) За тѣмъ въ 1-мъ изданіи ошибочно повторено: „У меня ль у доброва молодца сургучевой.“—[10]) Въ 1-мъ изд. „у доброва.“

Я съ дороженьки, доброй молодецъ, ворочуся,
Государыни своей матушки спрошуся:
«Ты скажи, скажи, моя матушка роднáя,
«Подъ которой ты меня звѣздою [11]) породила,
«Ты какимъ меня [12]) счастьемъ надѣлила?»

(Въ 1-мъ изданіи „Каиновыхъ пѣсенъ“ и въ послѣдующихъ; въ пѣсенникѣ Новиковскомъ и позднѣйшихъ; въ устахъ народа доселѣ, см. послѣ).

*

Съ другой стороны, Комаровъ не дослушалъ вокругъ и пропустилъ пѣсни такія, которыя дѣйствительно пѣлись о Каинѣ и изъ которыхъ, на примѣръ, Новиковъ успѣлъ по свѣжимъ слѣдамъ добыть въ свой сборникъ пѣсню о похищеніи дѣвушки; не попала къ Комарову и пѣсня о Камчаткѣ (см. выше). Тѣмъ не менѣе, сколько ни примѣнялъ онъ *самъ*, было примѣненіе и дѣйствительное, и Московское, и общенародное; не съ просту же и не по капризной фантазіи набралъ онъ пять десятковъ, въ томъ числѣ такихъ, которыя по видимости своей вовсе къ Каину не относились, а обозвалъ ихъ прямо „Каиновыми,“ тогда какъ память вокругъ была еще свѣжа и всякой могъ уличить его въ напраслинѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что ему подсказывалъ всеобщій вокругъ говоръ, что разсказы и слухи удостовѣряли употребленіе пѣсенъ сего рода вокругъ Каина. Было тутъ и дѣйствительное примѣненіе, вѣроятно извѣстное самому Каину и имъ практикованное: такъ пѣсня „Во Архангельскомъ во градѣ (см. выше),“ по происхожденію мѣстная Сѣверная, примѣнена къ первой связи Каина и его страсти, а по общему преданію прямо относилась къ „Авдотьѣ Степановнѣ.“ Еще естественнѣе примѣнялись къ Каину и кружку его всѣ пѣсни разбойничьи, воровскія, козацкія, понизовыя и тому подобныя: ихъ конечно принесъ съ собою Каинъ изъ тѣхъ краевъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ, и съ увлеченіями, мыкалъ свои первыя молодыя силы; товарищи поддерживали хоръ; гульбы, праздники, игры по домамъ, дворамъ и публичныя, гдѣ повсюду первенствовалъ Каинъ, слагали такъ сказать особый „репертуаръ,“ вокругъ него кружившійся. Замѣтимъ еще: если не на три четверти, то по крайности на половину, всѣ эти „Каиновы“ пѣсни *очень хороши*, — и по выбору, и по образцу склада, и по сохранности подлинника; при томъ по происхожденію совсѣмъ не мѣстныя Московскія, по употребленію выдававшіяся изъ безобразія, проникшаго тогда въ городъ, въ прочихъ же печатныхъ изданіяхъ, только что начавшихся, и даже отчасти у самого Новикова, не встрѣчавшіяся въ семъ именно видѣ. Сколько ни будь знакомый съ дѣломъ сейчасъ чувствуетъ, что это точно какой-то особый подборъ и кружокъ, что это

---

[11]) Въ разныхъ изданіяхъ то *ю*, то *й*.—[12]) По размѣру, во 2-мъ изданіи и у Новикова прибавлено послѣ этого „и.“

принеслось въ Москву съ нѣсколькихъ краевъ Россіи по вѣтру болѣе свѣжему, а статься можетъ и по заразительному повѣтрію, но чьей-то твердою рукою сдержано и около чего-то централизовано. Думаемъ, что, помимо заслуги Комарова—собиравшаго, здѣсь была нѣкоторая заслуга Ивана Осипова — любившаго, сберегавшаго, распространявшаго или по крайности допускавшаго. Отрадно убѣдиться, что не одно „слово и дѣло" было любимою его пѣсней: хоть на минуту когда ни будь творчество народное освѣжало и спасало его душу. Неудачи „по службѣ" и перваго его Русскаго возвращали вѣроятно порою къ убѣжищу болѣе пріютному: если здѣсь онъ не воскресалъ сознаніемъ, по крайности забывался.

Во всякомъ случаѣ, изъ пѣсней этихъ была и остается одна, которая прильнула къ Каину столь крѣпко, что доселѣ неразрывна съ его именемъ. Это знаменитая — „Не шуми, мати, зелёная дубровушка." Знающему дѣло стоитъ только взглянуть на нее или разъ прослушать, и легко убѣдиться, что происхожденіемъ своимъ она гораздо первобытнѣе и старѣе самого Каина. Складъ ея очень старый; образы и словововыраженія принадлежатъ творчеству лучшему и подлиннѣйшему, не совмѣстному съ общею порчей въ народѣ среди XVIII вѣка; напѣвъ не только самобытный, но и древній, не только грустный и протяжный, но вмѣстѣ строгій и величавый. Такъ называемая „Темничная" по содержанію своему, она прямо примыкаетъ къ тѣмъ образцамъ, которые начались у насъ съ Грознаго Царя подъ общимъ заглавіемъ или отличіемъ „Правежа" и цѣликомъ воскресли при Петрѣ (см. у насъ вып. 6 и 8): но и здѣсь она только *примѣнена* къ чертамъ историческимъ, а по происхожденію въ основѣ своей еще того старше. Кромѣ сего, въ дѣйствительности, при послѣднемъ заключеніи Каина предъ казнію, вокругъ него не шумѣла никакая „зеленая дубровушка" и не могла мѣшать думѣ; ему не предстояло итти ни передъ какого „грознаго судью самого царя" и царя тогда вовсе не было (и дуброва, окружавшая древняго разбойника, и Грозный Царь существовали въ своемъ мѣстѣ и въ свое время); Каинъ не таилъ своихъ товарищей, какъ герой пѣсни, и висѣлица ему не послѣдовала. Тѣмъ не менѣе, сама уже пѣсня, въ своей древней основѣ, соединяетъ лиризмъ съ эпосомъ, личное творчество поющаго съ разсказомъ о судьбѣ его: начинаясь ожиданіемъ казни, она кончаетъ уже совершившимся царскимъ приговоромъ, употребляя извѣстный пріемъ „предваренія," anticipando. Таковы всѣ подобные образцы, когда пѣсня принадлежитъ извѣстному эпическому или историческому лицу, составляя на время его собственность, а послѣ переходитъ съ его именемъ въ употребленіе народа (ср. примѣры у насъ выше, между прочимъ при Борисѣ Петровичѣ и особенно при Разинѣ). Слѣдовательно, здѣсь уже само по себѣ дѣйствуетъ начало „примѣненія" личнаго: извѣстное, эпическое или историческое лицо примѣняетъ основу старшей пѣсни къ себѣ; народъ, прибавляя разсказъ, примѣняетъ его къ сему лицу и обстоятельствамъ. Мы знаемъ уже изъ многихъ предыдущихъ примѣровъ, что въ такомъ случаѣ лицо и народъ, примѣняя пѣсню, не всегда творятъ ее вновь, а только за-ново ею

Въ другое время никто не обратилъ бы и вниманія на такое дѣло, особенно въ области Каиновской: но теперь государство было уже напугано, народъ уже ненавидѣлъ Каина, интрига раздувала бѣду, а полицеймейстеромъ явился строгій Татищевъ. Онъ повелъ дѣло круто: арестъ, крѣпкій караулъ, плети, допросъ, слѣдствіе, донесеніе самой Елизаветѣ Петровнѣ, жившей тогда въ Москвѣ, и за собственноручной подписью указъ императрицы о „ворѣ Каинѣ," отъ 25 Іюня 1749 года. Подобно, какъ объ Андреюшкѣ, наряжена надъ Каиномъ особая Коммиссія, засѣдавшая на томъ же Мытномъ дворѣ. Слѣдствіе и допросы тянулись: что ни предпринималъ въ это время Каинъ, какъ ни работалъ и ни кутилъ въ отчаяніи съ прочими сотоварищами колодниками, ничто не помогло. Въ Сыскномъ Приказѣ приговорено „колесовавъ отрубить голову;" Юстицъ-Коллегія представила Сенату, по опредѣленію Сената, Февраля 27-го 1756 года, Каинъ (съ товарищемъ Шинкаркою) наказанъ кнутомъ и, съ прочими обычными дополненіями, сосланъ „въ тяжкую работу," куда готовилъ Андрея, въ Рогервикъ. Повѣсть отъ лица Каина, будто бы написанная здѣсь имъ самимъ въ 1764 году, до конечнаго удаленія въ Сибирь, заключаетъ достойными словами, по привычному способу Каина:

Отправленъ я въ Рогервикъ,
или Балтійскій портъ,
то есть, на холодныя воды,
отъ Москвы за семь верстъ съ походомъ [11]).

*

Во всемъ этомъ особенно важна намъ не исторія политическая или общественная, положительная и нашему дѣлу внѣшняя: а исторія самого пѣснотворчества народнаго, подлиннаго или порченнаго, дѣйствительнаго или видоизмѣненнаго и передѣланнаго. Передъ нами самый процессъ сего творчества, какъ возникаетъ и идетъ оно въ словѣ, въ устахъ и слухѣ, въ пѣснѣ, въ разсказѣ, въ сказаніи; какъ истекаетъ отъ самого, главнаго, лица и героя, или отъ другихъ и ему приписывается, или въ 3-мъ лицѣ объ немъ; какъ потомъ записывается, далѣе уже присочиняется или цѣликомъ сочиняется, дѣлается книжнымъ и печатнымъ произведеніемъ. Всѣ фазы этого процесса, такъ какъ по времени онъ не далекъ отъ насъ, особенно наглядны и осязательны: повѣряютъ себя взаимно, сличаются съ дѣйствитель-

---

тельная прибавка книжника.—Событіе передано здѣсь отчасти сходно съ тѣмъ, чѣмъ начиналась Каинова свадьба (см. выше): да и въ дѣйствительности было тоже насиліе, отецъ солдатъ, наконецъ на квартирѣ Каина. Только здѣсь въ пѣсни дѣвушка видимо представлена зажиточною, какъ и подобало дочери домовладѣльца, содержавшаго при томъ „обитель."—11) Съ лишечкомъ: иронически.

ностью и положительною, другаго рода исторіей. Вотъ почему всякой и мы тѣмъ больше должны остановиться непремѣнно съ подробностію на семъ разностороннемъ явленіи: имъ уясняется многое для вѣковъ отдаленныхъ и менѣе доступныхъ, для эпическихъ созданій, для былинъ, для уразумѣнія ихъ отношеній къ дѣйствительности и остальной исторіи, для объясненія переходовъ отъ историчности къ эпосу или на оборотъ, отъ именныхъ пѣсней къ безъименнымъ, отъ устныхъ произведеній къ письменнымъ и обратно. Не говоря уже о самихъ прикосновенныхъ пѣсняхъ въ тѣсномъ смыслѣ или чисто-письменныхъ сочиненіяхъ, трактующихъ дѣла Каина: въ самомъ его *Жизнеописаніи*, отъ лица его, или, какъ названо оно, *Жизнь и похожденіе*, удалите только эти —*гдѣ, почему, который, когда*, и т. п., или этотъ искусственный, внѣшній для основы, синтаксисъ фразировки и вы получите основу почти совершенно народную и устную, такую, какая могла только зародиться и существовать въ половинѣ XVIII вѣка, сама просится въ стихи и легко въ нихъ переходитъ. Прибавьте къ ней оттѣнки книжной рѣчи,—и передъ вами писанная повѣсть; уснастите ее помянутыми частицами, мѣстоименіями и всякою пересынкою,—чувствуете, что записывалъ и отдѣлывалъ подьячій, судейскій; вглядитесь въ послѣдовательность и порядокъ повѣсти,—очевидна рука книжника, писателя болѣе или менѣе опытнаго по тому времени, собиравшаго, выбиравшаго и располагавшаго [1]). Итакъ здѣсь: а) народная устная основа; б) составленная повѣсть; в) повѣсть отъ лица Каина; г) стороннее, рефлектирующее лицо писца, сочинителя, историка и издателя. Слово, разсказъ, сочиненіе, тетрадка рукописная, печать, книга, изданіе. Всякой, изучающій наше дѣло, долженъ обратить

1) Отклоняя редакцію Комарова, при внимательномъ изученіи замѣчаемъ, что матеріалъ, ему доставшійся, видимо слагался изъ слѣдующихъ частей, ходившихъ вѣроятно разными тетрадками и доселѣ нѣсколько различающихся языкомъ: *часть I*) отъ бѣгства изъ господскаго дома до возвращенія въ Москву послѣ странствія (часть особенно живая; по 1-му изданію полной „Жизни и похожденія“ 1788 года, стран. 1—50); *часть II*, дѣйствія сыщика, успѣхи и поимки, въ 2-хъ отдѣлахъ, а) 5 случаевъ, б) 16 случаевъ (часть самая сухая, стран. 50—61); *часть III*, прочія, болѣе важныя, поимки и новыя продѣлки, числомъ 18 (нѣсколько живѣе, между ними главное объ Андреѣ: стран. 69—92); при этомъ особо, согласно съ пѣснею, о ловлѣ безпашпортныхъ на судахъ (стр. 93); *часть IV*, свадьба Каинова, угощеніе отъ молодыхъ купечеству и Саломонова игра на Каиновой горѣ для всего народа (оживленный разсказъ и несомнѣнно особливая тетрадка или рукопись, стран. 61—68); *часть V*, похищеніе женщины, арестъ, судъ, казнь, ссылка (стр. 93—96) Мы нисколько не удивимся, если со временемъ отыщется все это вмѣстѣ въ изложеніи другомъ, полнѣйшемъ, и даже стихами или по крайности сказочнымъ народнымъ складомъ, безъ книжной обдѣлки и передѣлки. — Что касается до „Исторіи“ Комарова, то онъ эти части упорядочилъ по своему, иное сократилъ, другое пополнилъ по раз-

Что заутра мнѣ, доброму молодцу, въ [3]) допросъ итти,
Передъ грознаго судью—самого царя.

Ещё [4]) станетъ государь-царь меня спрашивать [5]):
— Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянской сынъ,
— Ужь какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ [6]),
— Ещё много ли съ тобой [7]) было товарищей?—

«Я скажу тебѣ, надёжа [8]), православной царь.
«Всю [9]) правду скажу тебѣ, всю истинну.
«Что товарищей со мною [10]) было четверо:
«Ещё пéрвой мой товарищь—то [11]) темнáя ночь [12]);
«А другóе-тъ мой товарищь—былъ булатной ножь [13]);
«А какъ трéтіе-тъ товарищь—то мой доброй конь [14]);

---

10 слоговъ. За тѣмъ, на второй ступени, растягивается до 13 слоговъ: таковъ господствующій типъ, норма пѣсни Каина, какъ она вышла отъ него и предлежитъ намъ. Далѣе, на третьей ступени, въ слѣдствіе вящей длинноты, образуются помянутые отрѣзки (образующіе въ другихъ пѣсняхъ „припѣвъ)·“ наконецъ складъ начинаетъ переламываться по поламъ (какъ въ стихѣ 4, 7 и др).—Но еще старше 10-ти слоговъ были конечно 8 (отъ нихъ прибавка къ 10-ти, потомъ къ 13-ти): какъ въ ст. 5, 9 и др.—Такимъ образомъ, *до Каина*, замѣтны по складу (а онъ конечно отвѣчалъ эпохамъ творчества пѣсни) два слоя: въ 8 и потомъ въ 10 слоговъ; типъ Каиновскій въ 13, съ добавкой послѣ 8-ми и 10-ти; при немъ же и послѣ, какъ порча, прочія явленія (ср. о размѣрѣ прежніе выпуски и чтеніе наше на Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ).—[3]) Шноръ и друг. „во.“—[4]) Шноръ: „Ужь какъ.“—[5]) Нѣкоторые хуже: „спрашивати,“ Шноръ „допрашивати.“—[6]) Шноръ: „Ужь съ кѣмъ ты вор. и съ кѣмъ разб. держалъ.“—[7]) Изд. 3-е дурно: „съ тобою.“ —[8]) Изд. 1-е, по обычаю книжнаго исправленія, „надежда.“—[9]) Новиковъ весьма естественно: „Всеё.“ Должно быть: „Всеё правду я скажу тебѣ, всю истину,“ или „Всеё правду я скажу ти, всеё истинну.“—[10]) У Шнора, по складу и по предыдущему; въ другихъ „у меня.“—[11]) Чтеніе „тёмная“ вмѣсто „темнáя“ заставило иныхъ выпустить необходимое „то.“—[12]) У Шнора дурно: „Ужь какъ первой мой товарищь была тёмная ночь.“—[13]) Такъ очень хорошо у Шнора; у другихъ: „А второй мой товарищь булатной ножь.“—[14]) Метко у Новикова; другіе: „А какъ третей товарищь, тò мой доброй конь;“ у Шнора „Какъ третій мой товарищь былъ доброй конь;“ хорошо и въ Театральномъ: „А какъ третій-то товарищь, то мой доброй конь.“

«А четвертой мой товарищь—то мой тýгій лукъ [15]);
«Что разсыльщики мои—то калены́ стрѣлы́ [16]).»

Что возгóворитъ надёжа православной царь:
— Исполать [17]) тебѣ, дѣтинушка, крестьянской сынъ,
— Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
— Я за то тебя, дѣтинушка [18]), пожалую:
— Середѝ поля [19]) хоромами высокими,
— Что двумя ли столбами съ перекладиною [20]).—

(Первое и послѣдующія изданія „Канновыхъ пѣсенъ;“ пѣсенники Новикова, Шнора и другіе; въ устахъ народа доселѣ, въ Москвѣ у многихъ).

* *
*

---

[15]) Опять спутало многихъ, что забыли это старшее, извѣстное по нашимъ былинамъ, удареніе; потому другіе: „А четвертой мой товарищь—то тугóй лукъ;“ „А четвертой мой товарищь былъ тугой лукъ.“—[16]) Такъ въ первыхъ двухъ изданіяхъ и у Новикова; у иныхъ „разсылщички;“ у Шнора: „На посылочкахъ у молодца были калены стрѣлы.“—[17]) Молодецъ ты, богатырь (сполинъ, исполинъ, и въ семъ случаѣ безъ *тебѣ*, ибо *тѣ* въ концѣ и есть *ти*); по забвеніи этой древности, осмыслено посредствомъ глагола „исполать,“ будь тебѣ исполу, помогай тебѣ Богъ, спаси-Бо; позднѣе совпало греческое „ис полла эти,“ на многія лѣта.—[18]) Хорошо и у Шнора: „дѣтинушку.“—[19]) У Шнора также очень хорошо „Во чистóмъ полѣ.“—[20]) Такъ у Шнора, у другихъ „съ перекладиной;“ старше и лучше конечно: „Что двумя ли я столбами съ перекладиной.“

II.

ГОСУДАРЫНИ.

Вмѣстѣ съ самимъ народомъ, постепенно покидая поле прежнихъ, всѣмъ общихъ интересовъ Русской жизни, а интересы государственные зная только въ формѣ военной и участвуя въ нихъ больше всего по участію своему къ судьбѣ лицъ, выдававшихся впередъ, то любезныхъ, то постылыхъ, Историческая пѣсня народная постепенно отождествляется съ Военною или Походною, потомъ и совсѣмъ обращается въ Солдатскую тѣснаго смысла. Государыни, изъ цѣлаго ряда ихъ въ XVIII вѣкѣ, изрѣдка еще именуются, но большею частію сливаются уже въ чертахъ своихъ, особенно Елизавета и Екатерина: многое отъ предшествующей переносится на послѣдующую и обратно. Историческое время, слишкомъ близкое намъ по условіямъ исторіи внѣшней, особенно по времени и событіямъ политическимъ, таково, что не требуетъ здѣсь со стороны нашей подробныхъ объясненій и замѣтокъ къ тексту пѣсней: но историчность самой пѣсни, то есть отношеніе ея содержанія къ событіямъ, намъ извѣстнымъ и сдѣлавшимся для нея внѣшними, ослабляется и даже теряется; какая ни будь Былина временъ Петра, а еще больше Ивана и даже, пожалуй, первыхъ временъ Московскихъ, несравненно яснѣе и опредѣлительнѣе своимъ историческимъ характеромъ, менѣе сбивается въ историческихъ чертахъ, труднѣе переливается одна въ другую, рѣзче обособляется отдѣльными образцами. Эпоху происхожденія извѣстной пѣсни, рубежъ, съ котораго зачалась она, мы и теперь можемъ наглядно опредѣлить по какому ни будь вставленному историческому имени, слишкомъ уже намъ близкому и знакомому: и однакоже тотчасъ замѣтимъ, что на Краснощокова переходитъ образъ Ермаковскій и Разинскій, а самъ Краснощоковъ готовъ обратиться въ Платова; Шереметевъ, выходя изъ народной памяти, даетъ черты свои Румянцеву, а пожалуй и Потемкину, и Суворову; Азовъ сливается съ Кистриномъ, съ Берлиномъ, и пророчитъ собою Парижъ. Историчность всего рѣзче намъ замѣтна, и держится, и оживаетъ, и полнѣетъ здѣсь въ нѣсколькихъ лицахъ, самыхъ крупныхъ героихъ пѣсни, на примѣръ въ Краснощоковѣ и Чернышовѣ: но не фиксируется на нихъ, не закрѣпляется при нихъ исключительно; ихъ собственныя историческія черты столь же подвижны и переливны, не столько сосредоточены

въ мірѣ строгой исторіи, сколько принадлежать міру эпическому, созданному въ своемъ родѣ и въ своемъ народномъ вкусѣ. Это обратное разложеніе Пѣсни Исторической, столь недавно еще сильной, — въ Эпосъ, но въ Эпосъ уже не тотъ, отъ котораго зачалась сама исторія, и безъ возврата древней, строгой и отчетливой Былины, такой на примѣръ, какая шла отъ Владиміра: посредникомъ лицо и личность, со всѣмъ своимъ личнымъ характеромъ, а дошедши до сего предѣла „личныхъ" отношеній и образовъ, пѣсня всего скорѣе, всего легче разлагается на Безъимянную и Молодецкую. Потому, при всей видимой опредѣленности нѣсколькихъ историческихъ именъ, при всей кажущейся легкости распознавать по нимъ рядъ пѣсней, дѣло историческое напротивъ затрудняется и путается: имя, и самый образъ съ личнымъ именемъ, тотчасъ готовы ускользнуть изъ вашего взора и слуха, изъ пѣсни въ вашемъ же виду, и вы, только что освоившись съ ними, какъ разъ очутитесь передъ простымъ, почему либо интереснѣйшимъ для народа „Молодцемъ" или „Козакомъ." Правда, здѣсь помогаетъ часто пѣсня Солдатская, рядомъ или изъ той же чисто-народной возникающая, ибо тутъ больше внѣшней опредѣленности, больше номенклатуры, выправки и форменныхъ отличекъ: но за то и больше искусственности, поддѣлки, книжности, а въ этомъ случаѣ, въ замѣнъ пріобрѣтенія, ускользаетъ самое главное для насъ—народность. Это не значитъ впрочемъ, чтобы „сама" пѣсня утрачивала исторію „собственную," чтобы менѣе было исторіи въ „самой" пѣсни, чтобы пѣсня предъ опытнымъ взглядомъ и для чуткаго уха не отражала ясныхъ слѣдовъ своего „собственнаго" историческаго процесса: нѣтъ, мы видимъ здѣсь съ достаточной ясностью, какъ изъ старины или по крайности изъ прошлаго занимаются — одушевляющія силы, творческіе пріемы, образы, обороты, слова, звуки, размѣры; занимаются и—по своему претворяются или пополняются, сокращаются или видоизмѣняются, вокругъ извѣстнаго народу имени, событія или образа; на семъ пути пѣсня обособляется, становится извѣстнымъ, спеціальнымъ звѣномъ въ ряду другухъ, такъ что по своей „внутренней" исторіи, одна примыкаетъ къ тому, другая къ этому имени или герою; одной изъ нихъ, а не другой, принадлежитъ исключительно—какое ни будь начало или окончаніе образъ, даже хоть одно слово. Приходится не по прежнему отличать пѣсни, не тѣмъ, что эта пѣсня о Грозномъ, эта объ Разинѣ, эта о Великомъ: напротивъ передъ нами пѣсни—„Таланъ ли мой таланъ," „Звѣзда восхожая," „Сказать ли вамъ диковинку," „Мы со вечеру торговали," и тому подобныя, и по симъ-то признакамъ, обратно, относимъ одну къ Чернышову, другую къ Краснощокову, третью къ Румянцеву. Или еще примѣръ: когда укажутъ намъ пѣсню съ именемъ Потемкина, Суворова и т. п., этотъ по видимому неколебимый историческій признакъ ни сколько не убѣдитъ насъ, что пѣсня создана дѣйствительно о сихъ герояхъ и даже въ XVIII вѣкѣ; напротивъ, назовите одинъ изъ помянутыхъ признаковъ внутреннихъ, хотя бы онъ казался очень внѣшнимъ,—началомъ, концемъ, словомъ,—и мы непремѣнно отдадимъ пѣснѣ историческое происхож-

деніе извѣстной минуты, отвѣчающей извѣстному историческому событію въ XVIII вѣкѣ; скажите намъ „Пишетъ-пишетъ государынѣ письмо,“—и мы отвѣтимъ утвердительно, что это пѣсня о Шведской войнѣ при Елизаветѣ, хотя бы вмѣсто Шведскаго короля писалъ тутъ Прусскій и даже султанъ Турецкій. Короче, отъ исторіи народа, создавшей Эносъ или старшую Былину, отъ исторіи внѣшней и политической, отразившейся въ пѣсняхъ Историческихъ, мы возвращаемся именно во внутреннюю исторію „самого пѣснотворчества,“ во внутреннюю область пѣсни и въ соотношенія различныхъ ея родовъ или видовъ, часто уже вовсе не Эпическихъ и не Историческихъ. Къ сожалѣнію, эта „послѣдняя“ по ходу нашихъ изданій исторія (она же по существу и первая), эта исторія самого пѣснотворчества, въ XVIII вѣкѣ,—послѣ рѣзкаго рубежа Петровскаго,—представляетъ уже эпоху не столько созиданія и новаго творчества, сколько разложенія, мельчанія, дробленія, ослабленія или одного только условнаго „воспроизведенія“ старины; собственное „произведеніе“ и его творческая „производительность“—почти ничтожны. Просимъ только не забывать, что слова наши относятся лишь къ дѣлу Эпоса и Пѣсни Исторической: „прочіе“ роды пѣснотворчества имѣютъ свои условія, другую судьбу, иную постановку,—продолжаются, возсоздаются, творятся вновь или разлагаются иначе, по своему особому пути, о которомъ пока рано и не кстати здѣсь давать объясненія.

Осадили Азовъ-городъ —

Генералъ Левашовъ и Фельдмаршалъ.

1.

Не сонъ меня клóнитъ, не дремота долúтъ [1]):
Сыпúтъ-валúтъ кручина добра мóлодца,
Стоючи на караулѣ государевомъ,
Смотрючи, братцы, на Азовъ-городъ,
Что на тѣ ли на роскаты на широкіе,
Что на тѣ ли на стѣны на Турецкія.

Какъ со вечера солдатамъ приказъ óтданъ былъ,
Чтобы ружья были чисты и кремни вострый,
Палаши отпущены, штыки прúмкнуты,
Чтобы перевязи-портупеи были навóхрены [2]),
Манишки-рубашки и щиблéты были бѣлыя:

---

[1]) Одолѣваетъ.—[2]) Вохрою, краскою на бѣлилахъ.

Что заўтра намъ, солдатамъ, на приступъ итти,
Съ генераломъ Левашовымъ и Фельдмаршаломъ [3]),
Со любимыми полками—со пѣхотою,
Съ бѣлокаменной стѣною—съ гранодерами,
Со большими лбами—со Калмы́ками,
Съ широкими бородами—со коза́ками.

(Ср. пѣсенника Чулковскій и Новиковскій, а выше у насъ другія пѣсни о прежнихъ осадахъ Азова).

Здѣсь-то начинаются подвиги Краснощокова и потому въ пѣсняхъ (см. ниже) судьба его связуется между прочимъ съ фельдмаршаломъ „Лессеномъ."

* *

Война Шведская

(Елизавета).

1.

(Шенкурскъ).

Еще пишетъ король Шведской
Государынѣ самой [1]):
«Я прошу тебя, государыня,
«Не прогнѣваться,—
«Ужь я буду, государыня,
«Въ гости къ тебѣ!
«Ты построй мнѣ полатушки
«Бѣлока́менныя;
«Ты поставь-ко мнѣ столики
«Бѣлодубо́вые;
«Разстели-ка ты мнѣ скатерти
«Шито-бра́ныя;
«Составь-ко мнѣ кушанья—
«Яствы сах́арныя,
«Напитки пьяные.»

Тутъ-то наша государыня
Призадумалась,

---

[3]) Минихомъ и потомъ Ласси (Леси).

[1]) Расколовшійся стихъ отдѣляетъ меньшую половину въ припѣвъ.

Призадумалась государыня,
Расплакалась.
Какъ спроговоритъ нашей матушкѣ
Всё чинъ голой енаралъ [2]):
««Не тужи-ко ты, наша матушка,
««Не тужи, не печалуйся!
««Ужь мы встрѣтимъ короля-Шведа
««Середи губы [3]),
««Середи губы мы его встрѣтимъ—
««Да противъ Ревеля:
««Ужь мы построимъ ему полáтушки—
««Черны кáрабли;
««Ужь мы стóлички ему испоставимъ—
««Да пушки мѣдныя;
««Ужь мы скатерти испостéлемъ—
««Да тонки парусы;
««Ужь мы кушанья исполáдимъ—
««Ядра пýшечны.
««Ужь ты кушай, король Шведской,
««Да не прогнѣвайся:
««Ужь вамъ эвти сухари (у насъ были)
««Въ Тулѣ крóшены,
««Въ Ярославлѣ сýшены,
««Къ Москвѣ вы́везены!»»

(Записано г. Борисовымъ).

*

2.

(Орловской губ.) [4]).

Пишетъ-пишетъ Король Шведскій государынѣ письмо:
«Россійская государыня, замири́ся ты со мной!

---

[2]) Осмысливши искаженное и забытое имя, народъ разумѣетъ здѣсь собирательнаго генерала (генералитетъ), весь чинъ какъ есть, на голо. Но мы почти не сомнѣваемся, что это перестановка и порча подлиннаго имени *Головина* (голо-винъ, чинъ-голой). Самая рѣчь показываетъ адмирала: имя же это помнилось естественно въ Архангельской области.—[3]) Заливъ.

[4]) Пѣсня „тягольная.“

«Не замиришься, не прогнѣвайся на меня;
«Ты отдай, отдай, государыня, свои славны города:
«Не отдашь, не отдашь, государыня, не прогнѣвайся на меня;
«Отдай Тулу, отдай Леверъ [5]), отдай славной Короштанъ [6]):
«Не отдашь, не отдашь, государыня, не прогнѣвайся на меня;
«Я самъ пойду, король Шведскій, въ каменну славну Москву:
«Распишу ли я фатерушки по всей каменной Москвѣ,
«Генералушкамъ фатерушки по господскимъ по домамъ,
«Сенатóрушкамъ фатерушки по купецкимъ по домамъ,
«Конницѣ съ пѣхотою по мѣщанскимъ слободамъ;
«Славнымъ своимъ барабанщичкамъ во городѣ во Кремлѣ;
«А я самъ стану, король Шведскій, у государыни въ дворцѣ.»

Россійская государыня испужалася сама,
Опущала она бѣлы рученьки въ земчужные пояса.
««Ужь ты матушка, Россійская государыня, не убойся ничего:
««Я сустрѣлъ-сустрѣлъ злодѣя середи твоей земли,
««Я прогналъ-прогналъ непріятеля за границу за твою!»»

(Записано П. В. Кирѣевскимъ).

*

3.

(Оренб. губ.).

Изъ подъ славнаго было города изъ подъ Стекольнаго [7]),
Еще пишетъ король Шведскій къ государынѣ въ Москву:
«Ты Россійская государыня, помирилась бы со мной,
«Замирилась бы со мной, со Шведскимъ королемъ!
«Ты отдай-отдай, государыня, три гóрода мои,
«Первый Леверъ, другой Легаръ [8]), третій славный Коронштатъ.

---

[5]) Ревель.—[6]) Кронштатъ.—[7]) Стокгольма: см. вып. 8-й.—[8]) Ригу.

«Ты не сдѣлаешься [9]), государыня, по честности,—не гнѣвайся на меня,
«Не гнѣвайся на меня, на Шведскаго короля:
«Ужь я силушкой скоплюсь, всю Россіюшку пройду,
«Я въ Питерѣ переднюю, въ Москву ночевать вступлю,
«Въ Москву ночевать вступлю, фатерушки распишу,
«Ужь я конницу разставлю по мѣщанскимъ по домамъ,
«А пѣхотушку разставлю по купеческимъ домамъ,
«Ужь я ундеровъ-офицеровъ по господскимъ домамъ [10]),
«А я самъ стану, король Шведскій, середь ка́менной Москвы,
«Середь ка́менной Москвы, въ Кремлѣ-городу̀,
«Во Кремлѣ-городу̀, въ государевомъ дворцѣ,
«Въ государевомъ дворцѣ, въ Шереметьевомъ дому̀ [11]).»

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

4.

(Симбирск. губ.).

Пишетъ-пишетъ король Свейскій
Къ государынѣ письмо:
«Чтобъ Росейская царица
«Замирилась бы со мной!
«А не хочетъ, де, мириться,
«Отдай мои города:
«Отдай Ригу, отдай Ливеръ,
«Отдай славный Кранштанъ!
«Моимъ милымъ барабанщикамъ
«Квартиры распиши:
«Рядовымъ моимъ солдатамъ
«По купеческимъ домамъ;
«Моимъ штаберъ-офицерамъ
«Въ каменно́й Москвѣ;

---

[9]) Не раздѣлаешься, не покончишь дѣла, не уладишься.—[10]) Должно быть: „Ужь я ундеръ-офицеровъ по господскимъ по домамъ.“—[11]) Типъ лучшаго дома и двора по народнымъ воззрѣніямъ съ XVIII вѣка.

«А мнѣ, королю Свейскому,
«Въ Кремлѣ-городѣ стоять!»

*

Отсюда, сообразно порядку послѣдовавшихъ событій, къ которымъ примѣнялась пѣсня начинаются вставки: короля Прусскаго (вмѣсто Шведскаго) и окончательно прославленнаго въ Прусскую войну Краснощокова; Румянцева, Потемкина и Екатерины; Суворова.

5.

(Оттуда же).

Пишетъ-пишетъ король Прусскій [1]) государынѣ самой:
«Охъ ты гой еси, Россійска государыня сама!
«Ты раздѣлайся, государыня, по честности со мной:
«Не раздѣлаешься, государыня, по честности со мной,—
«Ужь я съ силушкой сберуся — сквозь землюшку пройду;
«Во Питерѣ пообѣдаю, въ Москву ужинать пріѣду,
«Подъ Москвой-то я ночую, по утру рано въ неё вступлю,
«По утру рано вступлю, всѣмъ фатеры распишу:
«Ужь я конницу-драгунъ по мѣщанскіимъ домамъ,
«Генералушекъ котóрыхъ [2]) по господскіимъ домамъ,
«Ужь сама-тъ, король Прусскій, середь кáменной Москвы,
«Середь кáменной Москвы, въ государевомъ дворцѣ;
«Я во Божьихъ-то во цéркваxъ коней вы́кормлю,
«Я во мѣстныхъ-то иконахъ [3]) мосты вы́мощу,
«Я во мѣдныхъ-то крестахъ сдѣлаю себѣ постáвъ [4]).»
Ходила наша государыня на Красный на крылéцъ,
Говорила государыня такія словеса:
Есть ли у меня крупны люди кругъ меня?
Гдѣ нé взялся такой генералушка большой,
Генералушка большой, Краснощоковъ господинъ:
««Ты не бойся, наша матушка, Прусскóва Короля,
««Не бывать ему, собакѣ, во Питерѣ-городѣ,
««Во Питерѣ не бывать, Москву въ глаза не видать,

---

[1]) Вм. Шведскій.—[2]) Иныхъ, нѣкоторыхъ.—[3]) Вмѣсто падежа творительнаго.—[4]) Сдѣлаю себѣ изъ нихъ столъ, шкафъ съ посудою.

««Изъ Козлова [5]) городочку не выхаживати!
««Ужь мы сдѣлаимъ [6]), государыня, про Прусскаго обѣдъ:
««Ужь мы столики поставимъ во зѣленыхъ лузяхъ,
««Ужь мы скатѐрти разстелемъ по шелкòвой травѣ [7]),
««Ужь мы ложечки приставимъ къ каменной къ стѣнѣ [8]),
««Ужь мы яства принесёмъ—штыки-рýжья поберёмъ,
««Штыки-ружья поберёмъ, ему голову снесёмъ.»»

(Запис. А. М. Языковымъ).

*

6.

(Чердынь).

Пишетъ-пишетъ король Шведскій
Государынѣ въ Москву [1]):
«Милосердна государыня,
«Замиреньица прошу!
«Замиреньица пожалуй,
«Отдай судержавны [2]) города:
«Отдай Ригу, отдай Ревель,
«Отдай рукодѣль [3]) мою;
«Еще отдай Курляй, Вихляй [4])
«Со Выборгомъ назадъ!
«Не отдашь ты эти города,—
«Не прогнѣвайсь на меня,
«На Шведскаго короля:
«Ужь я самъ-то, король Шведскій,
«На твою землю вступлю,

---

[5]) Вліяніе мѣстности, гдѣ записано.—[6]) Сдѣлаемъ.—[7]) Замѣтьте отличіе образовъ въ устахъ сухопутнаго генерала (козака) отъ основнаго образца адмиральскаго.—[8]) Испорчено и образъ не ясенъ.

[1]) Отдѣлившійся прежде коротенькой припѣвъ (см. выше) обратился теперь въ цѣлый стихъ или, иначе, стихъ длинный разломился уже на два равномѣрныхъ короткихъ: въ болѣе позднемъ образцѣ и складъ болѣе поздній.—[2]) Въ одной державѣ и области.—[3]) Созданные мною.—[4]) Курляндію и Лифляндію.

«Всю Россіюшку пройду.
«Во Москву-городъ войду.—
«Фатерушки распишу,
«Солдатушекъ постановлю:
«Я виндеровъ-гренадеровъ [5])
«По купецкимъ по домамъ;
«Свого вѣрнаго виндера
«Катеринѣ [6]) на подъѣздъ;
«Ужь я самъ-то, король Шведскій,
«Къ Катеринѣ въ домъ вступлю!»

Милосердна государыня
Испужалася весьма:
Рѣзвы ноженьки королевскія
Подгибались на ходу,
Рѣзвы рученьки королевскія
Опускались на маху.
Передъ ней стоитъ одинъ молодецъ
Графъ Румянцовъ генералъ,
Милосердную государыню
Разговаривалъ на словахъ:
««Милосердна государыня,
««Не пужайся-ка весьма!
««У насъ столько силы есть,
««Что въ чистомъ полѣ травы;
««У насъ столько генераловъ,
««Что на травонькѣ цвѣтовъ.
««Мы всю силущку сберёмъ,
««Во походъ ее пошлемъ;
««Ужь мы хлѣбовъ напечёмъ
««Въ каменной маткѣ-Москвѣ,
««На пушечномъ на дворѣ;
««Горяченька похлёбочка
««У солдатушекъ въ ружьѣ;
««Ужь мы встрѣтимъ этого гостя

---

[5]) Вм. „унтеръ-офицеровъ"—[6]) Уже Екатерина вмѣсто Елисаветы.

««Среди моря [7] на пути:
««Ужь мы станемъ этого гостя—
««Станемъ потчивати!»»

(Записано г. Карноуховымъ).

*

7.

(Оренб. губ.).

Пишетъ-пишетъ король Шведскій къ государынѣ самой
«Ты Россійская государыня, помиримся мы съ тобой!
«Не миришься ты со мной, отдай Шведски города;
«Не отдашь ты городочки, не гнѣвайся на меня:
«Во твою землю взойду, изъ конца въ конецъ пройду;
«Я во Питерѣ ночую, ночевать въ Москву приду [1]),
«Ночевать въ Москву приду, всѣ фатеры распишу:
«Часовымъ-рядовымъ по купеческимъ домамъ,
«Генераламъ-офицерамъ по господскіимъ домамъ,
«А и самъ я, король Шведскій, къ государынѣ въ дворецъ!»

Государыня испугалася Шведскаго короля.
Возговоритъ Потемкинъ: ««Не пугайтесь вы его!
««Мы столики разставимъ и скатерти разберёмъ,
««Тарелочки разкладёмъ и кушанье припасёмъ,
««Мелки пушечки зарядимъ, короля въ полонъ возьмёмъ!»»

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

8.

(Губ. Тульской, у. Чернскаго).

Пишетъ-пишетъ король Шведскій къ государынѣ письмо:
«Ты Россійская государыня, замѣримся мы съ тобой

---

[7]) Остатокъ отъ первоначальнаго образца пѣсни (см. выше).

[1]) Порча: ночевка дважды (ср. образцы выше).

«Мы замѣримся, государыня, отдай прежни города,
«Отдай Ригу, отдай Ревель, отдай славной мой Кронштатъ!
«Не замѣришься ты, государыня, я самъ къ тебѣ подойду!»

Государыня испугалася, призадумалася.
Какъ входитъ къ государынѣ графъ Потемкинъ генералъ:
««Вы не бойтесь, государыня, не пугайтесь ничего!
««Всѣ любезные наши козáченьки во походъ съ нами пойдутъ,
««Вся любезна артилерія ломовы̀ пушки возьмутъ,
««Мы силу его порýбимъ и самого въ полонъ возьмемъ,
««А лучшаго его генерала повѣсимъ на Московскихъ воротáхъ!»»

*

9.

(Рязанск. губ.).

Пишетъ-пишетъ король Шведскій свое грозное письмо,
Свое грозное письмо къ государынѣ нашей въ Синóдъ [1]):
«Ты Россійская государыня, замиримся мы съ тобой!
«Замиреньице положимъ на трёхъ славныхъ городахъ:
«Отдай Ригу, отдай Ревель, отдай славный городъ Коронштатъ;
«Не отдашь ты мнѣ этихъ городочковъ, я не честію возьму,
«Я не честію возьму, батáльицу сочиню,
«Батальицу сочиню, Петербургъ съ Москвой возьму:
«Я въ Питерѣ переднюю, въ Москву приду ночевать.
«Распиши-ка ты мнѣ квартерушки по всей каменной Москвѣ:
«Моимъ славнымъ бригадирамъ по госпóдскіимъ домамъ,
«Моимъ славнымъ всѣмъ солдатушкамъ по всей каменной Москвѣ,
«Вотъ и мнѣ ли, королю Шведскому, въ государевомъ дворцѣ!»»
Испугалася, оробѣла государыня наша,
Закричала же государыня громкимъ голосомъ своимъ:

---

[1]) Вм. „Сенатъ.“

—Охъ вы гой еси, мои слуги слуги вѣрныя мои!
—Вы подите—приведите Суворова графа ко мнѣ!—
Вотъ приходитъ графъ Суворовъ къ государынѣ самой:
««Ужь ты гой еси, государыня, не страшися ничего!
««У насъ есть чѣмъ принять, есть чѣмъ потчивать его:
««У насъ есть ли пироги, они въ Тулѣ печены,
««Они въ Тулѣ печены, въ Москвѣ макомъ чинены;
««У насъ есть ли сухари, они въ Тулѣ крошены,
««Они въ Тулѣ крошены, въ Москвѣ высушены;
««Еще есть ли у насъ похлёбочка—у солдата на бедрѣ,
««У солдата на бедрѣ, да что на лѣвой сторонѣ!»»

*

И. П. Сахаровъ, перепечатывая откуда-то (онъ самъ не записывалъ) слилъ эту пѣсню съ другою, совершенно розною, въ одну; 1-я половина, о пожарѣ въ Москвѣ, приведена въ нашемъ 7-мъ вып. 127 стр., а 2-я половина:

10.

Письмо [1]) пишетъ король Шведской
Къ государынѣ самой:
«Милосердная ты государыня,
«Помиримся мы съ тобой!
«Если хочешь ты со мной помириться,
«Отдай славны мои города:
«Первый [2]) Ригу, второй Ревель, третій Кронштатъ.
«Если не отдашь ты мои городочки,
«Я къ тебѣ въ гости приду,
«Какъ я въ Питерѣ пообѣдаю,
«Въ Москву ужинать приду.»

(„Сказан.“ 1841, стр. 246).

*

„Пишетъ-пишетъ“ не только послѣ Шведскаго Прусскій, но даже и „Султанъ Турецкій:“ однако, по признакамъ слишкомъ уже позднимъ, мы не рѣшаемся печатать эти образцы, хотя они и одинаковаго происхожденія, по крайности раньше XIX вѣка.

* *

---

[1]) Это уже поправка вмѣсто „пишетъ.“—[2]) Такъ не можетъ выражаться народъ въ пѣснѣ.

Хотя въ настоящемъ случаѣ, по пѣснямъ, война Шведская легко переходитъ въ Прусскую (какъ было отчасти на самомъ дѣлѣ) и еще легче съ нею смѣшивается, но болѣе рѣзкимъ и нагляднымъ переходомъ къ Пруссіи служатъ слѣдующія двѣ Донскія пѣсни, выставляющія впереди всѣхъ своего любимаго героя Краснощокова и проникающія съ нимъ отъ Шведской границы черезъ Прусскую до Саксоніи. Вообще, если объ этомъ времени у насъ сохранилось пѣсней нѣсколько больше и если онѣ лучше въ народномъ смыслѣ, то это на половину благодаря участію Донцовъ въ тогдашнихъ событіяхъ.

Донцы на границѣ Шведской, оттуда до Саксоніи.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Въ полѣ шляхъ-дороженька [1]) пролегала,
Не широкая, въ длину конца-края не было [2]):
Какъ на этой на дороженькѣ собирались всѣ други,
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе [3]).
Собирались они, братцы, во единый кругъ,
Избирали они себѣ атаманушковъ.

Не золотая трубушка вострубила,
Не серебреная жалобно заговорила,—
Какъ возгóворитъ надёжа [4]) православный царь:
«Кого пошлемъ на Шведскую границу,
«Кого пошлемъ взять Шведскую заставу?
«Чернышова послать—не дослаться;

---

[1]) То же, что наша „путь—дороженька;“ употребительнѣе Малороссами, а оттуда Донцами, съ нѣм. Schlag, собственно просѣка (древній путь между лѣсомъ).—[2]) Должно быть, по старому, „Шириною-долиною конца-краю нѣту.“—[3]) Привычная эпическая прибавка при Донцахъ, хотя бы они были одни.—[4]) У г. Савельева „надежда“.— Посылки на заставу ср. съ Владиміромъ въ богатырскихъ былинахъ.

«Салтыкова [5]) послать—не дождаться;
«А пошлемъ мы Донскаго генерала [6]),
«Со славными Донскими козаками:
«Донскіе козаки службу знаютъ
«И приказъ весь мой исполняютъ [7]).»

*

2.

(Оттуда же).

На желтомъ разсыпчатомъ песочкѣ
Раскинуты бѣлые шатры стоятъ [8]),
У бѣлыхъ шатровъ (верхнія) маковки золотыя,
Подзоренки [9]) жемчужныя, поджатенцы [10]) шелковые.
Стоитъ среди шатра размѣтно [11]) стуло золотое,
На стулечкѣ сидитъ Саксонъ-король, земли Шведской,
Передъ нимъ стоятъ два думчіе [12]) сенаторушки.
Какъ возговоритъ Саксонъ-король своимъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы, думчіе мои сенаторушки!
«Сдѣлайте мнѣ вахшурею [13]):
«Поставьте солдатъ-драгунъ во карею,
«А славныхъ Донскихъ козаковъ во линею.»

Саксонъ-король изволитъ прогуляться,
Проѣзжаетъ онъ всѣ кареи,

---

5)См. обо нихъ ниже.—6) Краснощокова, пожалованнаго „бригадиромъ (см. ниже)."—7) При забвеніи „государыни," предупрежденіемъ выставленъ Петръ III, имя, какъ извѣстно, любимое, распространенное и знаменательное для 2-й половины XVIII вѣка.

8) Плохо записано и складъ перебитъ: вообще рядомъ со стариною много новаго.—9) Подзоры: подвѣсныя каймы, оборки.—10) Перехваты для поджатыхъ половинъ и складокъ.—11) Складной, раскладной.—12) Члены думы, совѣта.—13) Wachsturm, разводъ, примѣрный приступъ, сторожевая нарочная тревога; *штурмовать* осмыслено у насъ въ старое народное выраженіе о примѣрныхъ воинскихъ играхъ, особенно козацкихъ—пиками, о поединкахъ—турнирахъ и т. п., *шуръ метать*, при чемъ сближалось уже со Speer и т. п. (см. прежде).

Доѣзжаетъ до козачей до линѣи,
У линеюшки Саксонъ-король становился,
Донскимъ козакамъ удивился:
«Чтó это у Бѣлаго царя за люди?
«У нихъ бороды большія—окладныя [14]).....
«У нихъ жалованье не большое,
«Противъ моего въ годъ третное [15])!»

(Ср. Сборн. г. Савельева 1866).

Хотя обѣ пѣсни забѣгаютъ отъ рубежа, съ коего идемъ мы, далеко впередъ, въ Саксонію и вѣроятно къ памяти даже тѣхъ примѣрныхъ сраженій, коими послѣ любовался самъ Фридрихъ—на примѣръ съ Румянцевымъ: но онѣ же и начинаютъ здѣсь раньше другихъ, связуя Донцовъ и Краснощокова еще со Шведами; ср. выше, какъ любовался Шведскій король на Русское войско при началѣ войны съ Петромъ (вып. 8).

* *

Къ этому также рубежу относятся первыя пѣсенныя черты Румянцева: но онѣ оживляются, полнѣютъ и обособляютъ героя послѣ, гдѣ мы съ ними и встрѣтимся.

Слѣдующія пѣсни точнѣе, въ шагъ за событіями, хотя и при нихъ нужно помнить, что Шведская война вообще близко сливается съ Прусскою, а затѣмъ иногда съ послѣдовавшею (при Екатеринѣ) Турецкою, Кистринъ съ Костроманомъ—Кермантомъ—Караманомъ — Гостиномъ—и Хотиномъ, имя одного героя съ другимъ ближайшимъ.

Война Прусская.

*

Походъ въ землю Прусскую.

1.

(Москва).

По Московской по широкой по дороженькѣ
Не ковыль-трава, братцы, зашаталася [1]),

[14]) За симъ похвала къ невыгодѣ козацкой фигуры: образы, которые легко видѣть во многихъ другихъ пѣсняхъ и потому здѣсь не характерные.— [15]) Противъ моего годоваго у нихъ третное: въ трое больше моего; ср. выше при Петрѣ, какъ по мнѣнію Карла XII въ Россіи „жить младцамъ прекрасно.“

1) Въ иныхъ „зашаталась.“

Не алы̀ цвѣты, братцы, развивалися,—
Зашаталася тутъ сильна армія,
Сильна армія царя Бѣлаго [2]),
Идучи̇, братцы, въ землю Прусскую,
На чужу̀-дальну на сторонушку,
На чужу̀-дальну, незнакомую.
Раздувалися знамёны бѣлыя:
На передъ [3]) идутъ новокóрпусны;
Впереди [3]) везутъ артилерію,
Позади ѣдетъ сильна конница,
Славна конница кирасирская.

Ужь какъ всѣ веселы̀ идутъ,
Веселы̀ идутъ, принапу́дрены:
Что одинъ изъ нихъ не весёлъ идётъ,
Не весёлъ идётъ, призадумавшись.
Что за нимъ идетъ красна дѣвица:
Она плачетъ—какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ—что ключи кипятъ.
Ужь какъ взгóворитъ удáлый-добрый мóлодецъ:
«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
«Не слези лица румянаго,
«Не вздыхай, моя разумная [4])!
«Не одной-то вѣдь тебѣ тошнò,
«И мнѣ, мóлодцу, груснёхонько:
«Что иду-то я на чужую [5]) стóрону,
«На чужу̀-дальну, незнакомую,
«Что на службу я государеву.»

(Занесено уже въ Чулковскій и Новиковскій пѣсенники, съ небольшимъ черезъ 20 лѣтъ послѣ событія, по слѣдамъ еще свѣжимъ, а послѣ повторялось въ печати съ весьма малыми измѣненіями).

*

---

[2]) Такъ обычно, особенно съ Петра 1-го: ср. тамъ выступы войскъ.— [3]) Повтореніе: испорчено или что-то пропущено; ср. другіе походы. — [4]) Стихъ уже подбавленный книжниками.—[5]) Должно быть „на чужу,“ какъ и есть въ нѣкоторыхъ.

Всѣ черты и особенности этой пѣсни, въ складѣ, размѣрѣ и даже выраженіяхъ, составляютъ типъ XVIII вѣка: сравните выше при Петрѣ, при казни Долгорукаго и т. п. Книжная подправка и поддѣлка, изъ „народнаго" въ „національное," представляется въ образцѣ слѣдующемъ (очевидныя подправки обозначаемъ курсивомъ):

2.

По Московской по широкой по дороженькѣ
Не ковыль-трава *отъ вѣтра* зашаталася,
Не алы цвѣточки, братцы, развивалися,—
Зашаталася тутъ, братцы, сильна армія:
Она *двинулася разомъ* въ землю Прусскую,
Въ чужу-дальню сторонку, незнакомую.
Раздувалися знамена *ея* бѣлыя,
Впереди *всѣхъ* маршируютъ новокорпусны,
Въ серединѣ ведутъ войско артилерію,
Замыкаютъ кирасиры, славна конница.

Ужь какъ всѣ наши солдаты идутъ весело,
Всѣ *исправны*, всѣ нарядны и распудренны:
Лишь одинъ изъ нихъ не вéселъ и нерадостенъ,
Онъ идетъ *глаза потупя и задумавшись.*
За нимъ идетъ *молодая* красна дѣвица:
Она плачетъ, *она плачетъ,* какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, *возрыдаетъ*, что ключи кипятъ.
«Ты не плачь, не плачь, *любезна* красна дѣвица,
Утѣшалъ ее удалый-добрый молодецъ:
«Не слези лица румяна, *моя умница*!
«Не одной-то тебѣ тошно и груснёхонько:
«*Я* и самъ *скрѣпя ужь сердце не роню слезы.*
«Ахъ, неволюшка ты наша, служба царская,
«*Принуждаешь ты* разстаться съ красной дѣвицей
«*И проститься ужь надолго или вовся съ ней!*»

(Въ „Національномъ пѣснопѣніи," какъ и слѣдуетъ, не въ „народномъ;" а послѣ въ другихъ перепечаткахъ).

* *

Рѣдкія наши пѣсни исполнены такихъ мелкихъ историческихъ подробностей (хотя и перемѣшанныхъ позднѣе въ нѣсколькихъ варіантахъ), какъ слѣдующая, почтившая на вѣки Лопухина и удержавшая твердо его имя, отчасти по связи съ Евдокіей Ѳедоровной, столь же памятной пѣснямъ (см. выше):

Битва при Гроссъ-Егердорфѣ,

смерть Лопухина.

Василій Абрамовичь Лопухинъ убитъ 19 Августа 1757 года, въ кровопролитномъ сраженіи подъ Гроссъ-Егерсдорфомъ. Извѣстны послѣднія слова его, оффиціально сохраненныя.

Пѣсня о Лопухинѣ извѣстна была П. В. Кирѣевскому въ четырехъ образцахъ: три записаны въ Симбирской губерніи, а четвертый въ Калужской. Полнѣйшій изъ нихъ принятъ былъ имъ за текстъ, а изъ остальныхъ сдѣланъ былъ имъ сводъ, такъ что различія изъ нихъ частію внесены въ текстъ курсивомъ какъ дополненія, частію показаны въ выноскахъ. Только одинъ изъ образцовъ, въ которомъ разница значительнѣе, прибавленъ былъ имъ сполна.

1.

(Симбирск. губ.).

Какъ не пыль въ полѣ пылитъ,
Не дубро́вушка шумитъ [1],—
Прусакъ съ арміей валитъ [2].
Близёхонько подвали́ли,
Въ полки́ они станови́ли.
Они зачали палить [3],—
Только дымъ съ сажей вали́тъ!
Намъ не видно ничего [4];
Только видно на прикра́сѣ,

---

1) Изъ Калужскаго варіанта.—2) Калуж. вар. „Король съ арміей валитъ.“— 3) Симбирскій вар.:

Наши зачали палить,
Дымомъ съ сажицей валитъ!

Но стихи текста лучше. Пруссаки напали прежде, чѣмъ наше войско успѣло построиться.—4) Слово „намъ“ показываетъ, что пѣсня сложена очевидцами.

На зелёномъ на лугу:
Стоитъ армія въ кругу,
Лопухинъ ѣздитъ въ полку̀,
Куритъ трубку табаку [5]).
Онъ не для̀ того курилъ,
Чтобы пьяному быть [6]),—
Для того табакъ кури̂тъ,
Чтобы смѣло подступить,
Чтобы смѣло подступить
Подъ лютóго подъ врага,
Подъ лютóго подъ врага
Подъ Прусскаго короля.
Такѝ рѣчи говоритъ [7]):
«Починайте-ко, робята,
«Вы со прáваго крыла!»
Наши зачали палить,
Только сажица валитъ!

Они билися-рубилися
Четырнадцать часовъ [8]).
Утолилася баталья,—
Стали тѣла разбирать [9]):
Находили во тѣлахъ
Полковничковъ до пяти,
Полковничковъ до пяти,
Генераловъ десятѝ [10]).
А ещё того подалѣ
Заставали душу въ тѣлѣ,

---

[5]) Калуж. вар.:

При долинѣ, на лугу
Лопухинъ гулялъ въ полку,
Курилъ трубку табаку.

[6]) Изъ Калуж. вар.—[7]) Изъ Калуж. вар.—[8]) Эти два стиха находятся въ трехъ варіантахъ.—[9]) Калуж. вар.:

На пятнадцатомъ часу
Стали силу разбирать.

[10]) Въ Калужскомъ вар. этого исчисленія нѣтъ; а въ Симбирскомъ:

Генераловъ до пяти,
Полковничковъ десяти.

Заставали душу въ тѣлѣ,—
Лопухинъ лежитъ убитъ [11].
Лопухинъ лежитъ убитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
«Охъ вы гой еси, робята,
«Мои вѣрные слуги!
«Вы подайте листъ бумаги
«Да чернильницу съ перомъ [12])!
«Напишу я такó слово
«Къ государынѣ самой:
«Что Потёмкинъ Генералъ
«Въ своёмъ полку не бывалъ,
«Въ своёмъ полку не бывалъ,

---

[11]) Калуж. вар.:

Лопухинъ лежитъ убитъ,
Самъ вó грамотку глядитъ,
Таки рѣчи говоритъ.

[12]) Симб. вар.:

Вы подайте-ко, робята,
Листъ бумаги гербовóй,
Листъ бумаги гербовой,
Чернильницу со перомъ!
Напишу я таку вѣрность
Государынѣ самóй:
Князь Румянцевъ генералъ
Много силы истерялъ,
А Суворовъ генералъ
Свою силу утвержалъ,
Мелки пушки заряжалъ,
Короля во полонъ бралъ.

Этимъ и кончается образецъ. Но этотъ конецъ, кажется, долженъ быть изъ другой пѣсни, и то въ испорченномъ видѣ: Румянцева (П. А.) не было въ Гроссъ-Егерсдорфскомъ сраженіи; Суворовъ, служившій полковникомъ при Апраксинѣ, еще не имѣлъ случая отличиться; это все позднѣйшія вставки. Въ варіантѣ, ниже приложенномъ, имя обвиняемаго вѣроятнѣе:

„Ты *Абросимъ* генералъ
Всее силу растерялъ,“ и проч.

Очевидно, что Абросимъ есть искаженное имя Апраксина: но и такія взаимныя обвиненія другъ на друга, или, что то же, солдатъ и за ними самого народа на генераловъ, встрѣчаются по пѣснямъ (и естественно) въ дальнѣйшемъ теченіи войны, при другихъ лицахъ (ср. выше Салтыкова и Чернышова, а равно ниже).

«Всеё силу растерялъ [13]),
„*Коё пропилъ-промоталъ* [14]),
„*Коё въ карты проигралъ*;
«Которая на горѣ,
«Стоитъ пó-груди въ кровѣ;
«А котóра подъ горой,
«Заметало всю землей.»

*

2.

(Симбирск. губ.) [1]).

Охъ вы нуте-ко, робята,
„Ой вы нýте, господá,
Споёмъ пѣсню про себя [2]),
Мы не сами про себя,—
Про Лютòго Короля [3])!

---

[13]) Калуж. вар.:

Князь Потёмкинъ генералъ
Всеё силу растерялъ.

Это также поздняя вставка.—[14]) Изъ Калуж. вар.—Онъ оканчивается такъ:

А котóра оставалась,
И то пó-груди въ рудѣ;
А котора на горѣ,
По колѣно во травѣ;
А котора подъ горой,
Завалёна вся землёй.

За тѣмъ слѣдуютъ еще четыре стиха, взятые изъ другой пѣсни (хотя того же времени):

Караулы крѣпки,
Перемѣны рѣдки,
Морозы студёны,
Камзолы зелёны.

[1]) Этотъ образецъ предназначенъ самимъ П. В. К-мъ для особаго помѣщенія.—[2]) Это дышетъ современностью, изъ устъ участниковъ дѣла, или войны по крайности.—[3]) Такъ эпически и технически прозванъ Фридрихъ въ пѣсняхъ: ему приписывается и рысканье „лютымъ звѣремъ (см. ниже).“

У Лютого Короля
Чужа̀ сила, не своя:
Полонёна, нанята̀,
Золота̀ казна дана,—
Сорокъ тысячь серебра.

Ты Абро́симъ генералъ [4])
Всеё силу растерялъ:
Ко́е про́пилъ-промоталъ,
Ко́е въ карты проигралъ.

Миновалася баталья,—
Стали тѣла разбирать;
Заставали душу въ тѣлѣ:
Лопухинъ лежитъ убитъ.
Лопухинъ лежитъ убитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
«Вы подайте листъ бумаги,
«Чернильницу со перомъ:
«Напишу я таку вѣрность [5])
«Государынѣ само̀й.»

*

По крайней важности этой пѣсни, мы считаемъ не лишнимъ помѣстить цѣликомъ еще и тѣ два образца, которые вошли въ сводъ П. В. К-го:

---

[4]) Здѣсь упрекъ уже не изъ устъ Лопухина, а отъ солдатъ или отъ народа, можетъ статься въ силу удаленія и послѣдовавшей смѣны Апраксина, растолкованной по своему.—[5]) По старинѣ было бы „вѣрно слово:" правду, по своей вѣрности. Эта обѣщанная правда могла сначала значить не больше того, что̀ сказано, по преданію, умирающимъ: но послѣ считали умѣстнымъ и жалкую смерть Лопухина взвалить на кого ни будь обвиненіемъ.

«Всеё силу растерялъ [13]),
„*Коё пропилъ-промоталъ* [14]),
„*Коё въ карты проигралъ*;
«Которая на горѣ,
«Стоитъ пó-груди въ кровѣ;
«А котóра подъ горой,
«Заметало всю землей.»

*

2.

(Симбирск. губ.)

Охъ вы нуте-ко,
„Ой вы нýте, госпо
Споёмъ пѣсню п
Мы не сами про
Про Лютóго К

---

[13]) Калуж. вар.:

Князь П
Всеё с

Это также поздняя вста
такъ:

А г
И
А

Боровскаго).

За тѣмъ слѣду
того же времени

поле пылитъ,
ика шумитъ,—
ь арміей валитъ.

[1]) Этотъ
щенія.—[2]) ...акъ называемый у насъ „двойной (см. прежде)."—[3]) То есть
войны п... —) Такъ и чувствуется весь излишекъ этой поздней прибавки
въ пѣс... ...ъ словамъ самого Лопухина въ предыдущемъ образцѣ.

При долинѣ на лугу
чухинъ гулялъ въ полку,
лъ трубку табаку;
для того курилъ,
янову быть:
того курилъ,
е подступить.
оритъ:
робята,
рыла!»
.—
ь.

илися
асовъ:
томъ часу
у разбирать.
нъ лежитъ убитъ,
во грамотку глядитъ,
ки рѣчи говоритъ:
«Князь Потёмкинъ генералъ
«Всеё силу растерялъ:
«Коё прóпилъ-промоталъ,
«Коё въ карты проигралъ ²).»

А котора оставалась,—
И то пó-груди въ рудѣ;
А котора на горѣ,—
По колѣна во травѣ;
А котора подъ горой,—
Завалёна вся землей ³).

Караулы крѣпки,
Перемѣны рѣдки,

---

¹) „А онъ?"—²) За симъ, очевидно, еще новый слой прибавки.—³) А это еще слой (изъ другой пѣсни?), въ объясненіе большихъ потерь: подобныя жалобы при войнѣ Прусской увидимъ еще ниже.

35. Морозы студёны
Камзолы зелёны.

*

Намъ кажется, что изъ всѣхъ напечатанныхъ образцовъ самый лучшій и подлинный—2-й.

Но теперь прибавимъ еще другіе, которые не были извѣстны Петру Васильевичу и, нужно сказать, представляютъ или дальнѣйшую порчу, или искусственную подправку, ту и другую весьма поучительную для насъ:

5.

(Чердынь).

Не пыль въ полѣ пылитъ,
Не дубравушка шумитъ,—
Король съ арміей валитъ.
Не дошедши до стѣны,
Становился во кружокъ,
На зеленый на лужокъ.
На зеленомъ на лугу
Лопухинъ гулялъ въ кругу,
Курилъ трубку табаку.
««Ты на что̀ табакъ кури́шь,
««Нашу армію губи́шь?»»
«Я на то табакъ курю,—
«Попьянѣе быть хочу,
«Посмѣлѣе поступить.
«Зачинайте-ко, ребятушки,
«Со право̀ва со крыла [1]),
«Со лѣво̀ва тесака!»
Наши начали пали́ть,—
Только дымъ съ огнемъ валитъ.

Билися-рубилися
Четырнадцать часовъ;

---

1) Эти мелкія, но историческія, подробности дышатъ вездѣ самой близкой современностью.

Во пятнадцатомъ часу
Стали мёртвыхъ [2]) разбирать,
Свою армію счислять.
Чуть застали душу въ тѣлѣ
И языкъ въ головѣ,—
Лопухинъ лежитъ убитъ.
Лопухинъ лежитъ убитъ,
Таку рѣчь говоритъ:
«Подай, малой, листъ-бумагу
«И чернильницу съ перомъ!
«Напишу я таку радость [3])
«Государынѣ самой!»
(«Воръ Потемкинъ генералъ
«Много силы потерялъ,.
«Кóе пропилъ-промоталъ,
«Кóе въ карты проигралъ.»)

(Запис. г. Каржауховымъ).

*

6.

(Симбирск. губ.).

Вы кустики-кусточки, вы ракитовы мои!
Вы скажите-ко, кусточки, всеѐ правду про дружка:
Гдѣ мой миленькой гуляетъ, гдѣ надежда пребываетъ?
Пребыватъ сударь-надежда на чужой сторонѣ,
Во матушкѣ во Москвѣ, со Французомъ на войнѣ.

---

[2]) Лучше, чѣмъ въ другихъ образцахъ, гдѣ „тѣла“ приходится произносить и пѣть съ удареніемъ на *тѣ*: впрочемъ и тамъ нужно разумѣть не множественное по нынѣшнему, а *тѣло* собирательное вмѣсто множественнаго (при чемъ *о* безъ ударенія перешло въ *а*).—[3]) Это и лучше, чѣмъ „вѣрность:“ и ближе къ правдѣ подлинныхъ словъ Лопухина, который хотѣлъ извѣстить государыню о побѣдѣ. Очевидно, что слѣдующее есть прибавка народа, такъ сказать осердившагося за гибель героя и искавшаго виновниковъ тому.

Что̀ онъ письмецо̀въ не пишетъ, челобитьевъ воръ не шлетъ
Что̀ онъ самъ въ гости не ѣдетъ, меня къ себѣ не зоветъ [1])?

Случило́ся несчастьице, завелася батальица.
Они билися-рубились всѣ четырнадцать часовъ,
На пятнадцатомъ часу утишилася война:
Замирился воръ Французъ.
На шестнадцатомъ часочкѣ стали тѣла разбирать,
Народъ Русской узнавать:
Признали народъ Русской, присчитали [2]),—
Всего двѣстѣ человѣкъ.

Еще лежитъ того подалѣ,—Лопухинъ лежитъ убитъ:
Онъ не убитъ [3]), душа въ тѣлѣ говоритъ.
Какъ возго́ворилъ: «Ребяты, ужь вы братцы мои,
«Ужь вы братцы, козаки, вы товарищи мои!
«Вы подите—принесите листъ бумаги гербово̀й,
«Еще-то [4]) принесите чернилицу со перомъ!
«Напишу-то вамъ, ребяты:
««Утишилася наша война,
««Замирился воръ Французъ [5]).»»

*

Лопухинъ или образъ его безъ имени встрѣчается далѣе и при Краснощоковѣ, и вообще въ другихъ пѣсняхъ о Прусской войнѣ: см. ниже въ своемъ мѣстѣ.

Какъ бы то ни было, только пѣсня получила скоро въ устахъ народа характеръ упрековъ и укоровъ разнымъ лицамъ, которыя вставлялись безъ разбора, смотря по годамъ и по приливу неудовольствія: nomina представлялись, какъ всегда, odiosa, а особенно тогдашнимъ современникамъ въ

---

[1]) Все это начало, вновь придѣланное, есть совершенный типъ нашей пѣсни въ началѣ XIX вѣка: оно самобытно на своемъ мѣстѣ и потому же, по своему, гораздо складнѣе, чѣмъ послѣдующее, взятое изъ пѣсни старой и разбитое на клочки.—[2]) Должно быть: „Признавали-присчитали народъ Русскій.“—За тѣмъ короткіе стихи суть половинки, на которыя разломился старшій длинный—двойной—стихъ.—[3]) Должно быть: „Не убитый онъ лежитъ.“—Замѣтно, что пѣсня побывала и въ устахъ козаковъ: они перенесли послѣ черты ея къ своему Краснощокову (см. ниже).—[4]) Д. б. „Вы еще-то принесите.“—[5]) Опять послѣднія слова Лопухина — извѣстіе о побѣдѣ.

слояхъ высшихъ. Лопухинъ долженъ былъ подпасть той же самой участи, какъ сонменная Евдокія Өедоровна, имя которой, мы знаемъ, съ намѣреніемъ было скрываемо и самая пѣсня ея запрещалась (ср. кн. Волконскаго и Долгорукихъ). Въ ближайшіе года, съ явнымъ разсчетомъ, скрыли имя Лопухина, замѣнивъ его фигурою описательной, устранивъ личные намеки и оставивши одно событіе, такъ сказать голое: пѣсня подчинилась необходимости, солдаты пѣвціе слушались указаній начальства, а люди книжные помогли этому укрывательству извѣстными литературными оборотами. Тѣмъ не менѣе истина, какъ ее понималъ народъ, просвѣчивала: скрытность манила къ раскрытію. Такъ, спустя 20 лѣтъ съ небольшимъ, при Екатеринѣ, по охлажденіи историческихъ горячихъ слѣдовъ, Чулковъ съ Новиковымъ рѣшились и, прибавимъ, поспѣшили напечатать у себя пѣсню въ этомъ самомъ исправленномъ видѣ. Вотъ она, крайне курьёзная по намѣренной отдѣлкѣ, по свидѣтельству, какъ она употреблялась въ тогдашнихъ полкахъ, и по тому особенно, что намѣренная скрытность явно изобличаетъ первобытный складъ (подправку и разсчитанное объясненіе отмѣчаемъ курсивомъ):

7.

(Петербургъ и Москва).

Эхъ, какъ ну-те, господа [1]),
Споёмъ пѣсню про себя:
Мы не для-ради себя [2]),
Для Прусскаго короля.

Мы во Пруссіи стояли,—
Много нужды принимали;
Мы подъ Пруса подступали,—
Много силы потеряли.
Разселились по горамъ,
Что по Прусскимъ по лѣсамъ;
По насъ пулечки летаютъ,—
А намъ некуды уйти:

---

[1]) Такъ могли относиться другъ ко другу при пѣсни только солдаты—кавалеры.—[2]) Не за тѣмъ, чтобы объ себѣ толковать или жаловаться.

Съ дыму сердце [3]) не здорово,
Съ чаду головы болятъ.
Лишь чуть видно намъ насквозь:
Генералъ [4]) ходитъ въ полку,
Ку́ритъ трубку табаку;
Онъ за тѣмъ кури́тъ табакъ,
Что, де, надобно быть такъ [5]).
А другой какъ пень стоитъ,
Ничего не говоритъ;
Ничего не говоритъ,
Насъ и въ строй не станови́тъ;
Насъ и въ строй не станови́тъ,
И палить намъ не велитъ [6]).

Да что взго́воритъ нашъ батько [7])—
Тому имени здѣсь нѣтъ [8])—:
«Повернись, моя дивизія [9]),
«Со лѣваго крыла,
«Что со лѣваго со фланга
«На правое крыло [10])!
«Не пора ль намъ зачинать,
«Свое дѣло окончать?!»

Ой мы [11]) билися-рубились
Четырнадцать часовъ:
Утишилася баталья,—
Стали мертвыхъ разбирать.

---

[3]) Жив отъ подъ ложкой: тошнитъ.—[4]) Здѣсь нельзя сказать, чтобы это относилось непремѣнно къ Лопухину: можно думать, что на него перешло въ предыдущихъ пѣсняхъ отъ другихъ лицъ.—[5]) Это уже скорѣе насмѣшка или упрекъ: вмѣсто дѣла покуриваетъ.—[6]) Къ сожалѣнію, тутъ виденъ именно Апраксинъ, окопавшійся и ждавшій въ оборонительномъ положеніи.—[7]) Тутъ уже внѣ сомнѣнія Лопухинъ: замѣчательно, какъ звали его любившіе солдаты.—[8]) Книжная строка подъ народный складъ: одни разумѣютъ—выпускаемъ здѣсь имя, запрещено, накажутъ; другіе—не нужно имени, всякой знаетъ.—[9]) Д. б. по обычаю „дивиза."—[10]) Д. б. „Со лѣваго со крыла, Что со лѣв. со фл. Да на правое крыло."—[11]) Ср. въ другихъ образцахъ большею частью уже третье лицо: здѣсь вся современность.

Намъ сказалъ тута одинъ [12]),
Что «генералъ нашъ господинъ
«Онъ столуетъ ли—пируетъ
«Со Прусскимъ королемъ,
«Проѣдаетъ-пропиваетъ
«Онъ всю армію ему [13]),»

(Ср. Пѣсенникъ Чулковскій и Новиковскій, Гурьянова 1835 г. и нѣкоторые другіе).

Пѣсня такъ укоренилась, такъ трудно было ее сдвинуть съ подлиннаго смысла и намеки такъ были понятны ближайшимъ современникамъ, что уже въ 1818 году, когда предъ взоромъ соотечественниковъ разыгрались событія совсѣмъ иныя, и заслонившія прошлое, и внушавшія къ прошлому безпристрастіе, „Театральный“ пѣсенникъ, перепечатавъ эту редакцію и замѣтивъ, что „Голосъ пѣсни, хотя нѣсколько печальный, но отрывистый,“ тутъ же надъ нею выставилъ такое характерное заглавіе: „Русской солдатъ всё видитъ.“

Однако другія изданія все еще обѣгали этой щекотливой пѣсни. Народъ же, какъ мы видѣли, не смотря на всѣ заботы и внушенія, игнорировалъ печатную редакцію и далеко разнесъ первобытный подлинникъ, подбавляя на мѣсто Апраксина—Потемкина и даже Румянцева, а на мѣсто героя-спасителя любимое имя Суворова.

* *

Слѣдующая пѣсня одна изъ самыхъ распространенныхъ, но болѣе—въ печати пѣсенниковъ, начиная съ Чулкова и Новикова, а потому имѣетъ нѣсколько замѣтныхъ, хотя и не рѣзкихъ, оттѣнковъ книжности:

---

[12]) Это уже всего лучше и яснѣе: исправители слагаютъ вину жесткаго изреченія съ Лопухина; поющіе утверждаютъ, что одинъ, кто-то, добрый человѣкъ шепнулъ правду терпѣвшимъ. Въ этой строчкѣ вся исторія народныхъ слуховъ и пѣсенныхъ образовъ.—[13]) Это уже слишкомъ сильно и мѣтко, статься можетъ, гораздо выше Апраксина и самого Бестужева: вотъ почему, думаемъ, послѣ Петра III-го при Екатеринѣ стало льготно объ этомъ пѣть и печатать.

Переправа черезъ Вислу.

Кистринъ. Ферморъ.

1.

Черезъ Вислу наша армія переправилась,
Переправившись она въ походъ пошла,
Что ко славному ко городу Кистри́ну.
Не дошедъ они [1] Кистри́на, становилися,
Они лагерь свой разбили по сыру́ бору́,
Они шанцы-батареи всѣ исправили,
Они пушки и мортиры испоставили.
Ожидали повелѣнья графа Фермора.
Не доѣхавши графъ Ферморъ, самъ рукой махнулъ:
«Вы палите по Кистри́ну съ Божьей помощью!»
Еще съ третьяго картуза [2] Кистринъ зажгли.

Что возго́ворятъ жители Кистри́нскіе:
««Ужь ты гой еси, король земли Прускія!
««Ты почто пустилъ графа Фермора,
««Графа Фермора подъ Кистри́нъ городъ [3]?»»
Что возго́воритъ король земли Пруския:
—Я Россійскую всю армію на штыкахъ приму,
—Самого графа въ полонъ возьму!—
Что возго́воритъ графъ Ферморъ королю тому [4]:
«Не загадывай до вре́мя! Кому Богъ подастъ!»

(Послѣ Чулковскаго и Новиковскаго многіе другіе пѣсенники).

* *

Напрасно бы также стали мы искать опредѣленнаго мѣста и времени слѣдующей ссорѣ Голицына съ Прозоровскимъ: оба въ молодости были извѣстными участниками войны Прусской, оба терпѣли въ ней бѣды (первый

---

[1]) Разнорѣч. „она."—[2]) Заряда.—[3]) „Кистринъ-градъ."—[4]) Это *тому* уже книжное.

дѣйствительную неудачу, второй еще и ранѣе; но оба же потомъ, и съ ровною въ началѣ неудачей, дѣйствовали подъ Хотиномъ; и Кистринъ, и Гестинъ, какъ увидимъ еще, перенесены пѣснями къ Хотину. Намъ важно здѣсь главнымъ образомъ сохраненіе этихъ именъ и сопоставленіе ихъ рядомъ; что касается до обвиненія одного изъ нихъ, то это у насъ пріемъ самый обычный: народъ нашъ вообще, а за нимъ и солдатъ, не имѣя возможности проникать въ истинныя причины неудачь (гдѣ такую роль играетъ особенно наше неумѣнье и невѣжество), привыкъ все взваливать на извѣстную „измѣну,“ которая сдѣлалась не только эпическимъ, но даже и техническимъ словомъ; леность наша сдавать безъ спору все родное первому пришлому помогла также укорениться этому способу воззрѣнія. Мы видѣли уже, и увидимъ еще дальше, какъ эта измѣна поперемѣнно олицетворяется по пѣснямъ то въ одномъ, то въ другомъ лицѣ; а ниже укажемъ еще другіе поводы, весьма существенные, къ выраженію недовольства во время войны Прусской.

Ссора Голицына съ Прозоровскимъ.

Осада Кистрина.

1.

(Губ. Тульской, у. Бѣлёвскаго, д. Занова).

Поссорились-побранились два боярина,
Поссорился Голицынъ со Прозоровымъ:
«Ужь ты с..... сынъ, каналья, ты Прозоровъ генералъ!
«То не ваше-то пропало,—государево:
«Золотой казны затратилъ,—да и смѣты нѣтъ [1])!»
Да съ вечера намъ, солдатушки, приказь отдáнъ,
Чтобы ружьи были чисты, тесаки были востры́,
Протупеи съ перевя́зомъ были вы́бѣлѣны,
Какъ и пушечки-бунтареи были пу́качены [2]).

[1]) Соображая другія пѣсни, по опыту убѣждены мы, что это начало— отрывокъ болѣе обстоятельной пѣсни, гдѣ говорилось о ссорѣ военачальниковъ и о послѣдовавшей отъ того бѣдѣ. Стихи за тѣмъ нужно понимать отъ лица народа и войска: хорошо вамъ браниться, да отъ вашей брани погибло не ваше добро,—государево, потратилъ ты—такой-то—силу армію за даромъ безъ счету. „Золотая казна“ вставлена уже позднѣе, по утратѣ подлиннаго смысла.—[2]) Заряжены для стрѣльбы (откуда „пукать, пуцать“ и самое имя „пушки“): въ другихъ при подобномъ случаѣ простѣе уже „выкачены.“

…дъ зажгли:
…и!

Переправа черезъ Висл…

Кистринъ. Фермо…

1.

Черезъ Вислу наша ар…
Переправившись она въ
Что ко славному ко г…
Не дошедъ они [1]) К…
Они лагерь свой …
Они шанцы-бат…
Они пушки и…
Ожидали н…
Не дойка…
«Вы п…
Еще

…е Кистрина и Берлина:
…чилъ главнымъ образомъ
…аснощокова и въ обстоятель-
выдѣляемъ пока и увидимъ ниже
…щій результатъ похода—*стиснёмъ ко-*

*Разбез*счастный Король Прусскій.

1.

(Губ. Московской, у. Звенигородскаго, Воронки).

*Разбез*счастненькій, безталáнненькій
Наша-тъ [1]) Король Прусскій!
Онъ на вóронѣ на кóничкѣ
Король разъѣзжаетъ,
Ничего-то Король про свою армéюшку—
Ничего не знаетъ,
Только знаетъ Король про свою армéюшку,
Что ушла подъ Француза.
«Что прислалъ-то Французъ газéтушки
«Ко мнѣ не весёлы:
«Не весёлы-то газетушки,—
«За чóрной печатью!»
Распечаталъ Король эти газетушки,
Онъ началъ читати;

---

[3]) Обыватели.

[1]) То есть „Нашь-тъ,“ нашь-то.

алъ Король газéтушки,
Самъ слезно заплакалъ;
Во слезахъ-то Король словéчушко—
Словечко промолвилъ:
«Охъ вы слуги мои, вы лакéюшки,
«Слуги мои вѣрны!
«Вы подúте-тка, слуги-лакеюшки,
«Во нову конюшню,
«Осѣдлайте вы, слуги-лакеюшки,
«Коней вороны́хъ,
«Мы поѣдемте, слуги-лакеюшки,
«Поѣдемъ гуляти:
«Не гуляти-то мы, слуги-лакеюшки,—
«На вой воевати [2]),
«На свою-то мы, слуги-лакеюшки,
«Армéю смотрѣти.
«Ужь и какъ-то наша армéюшка
«Тамъ она воюетъ?
«Не воюетъ-то наша армéюшка,
«Гóречко горюетъ:
«Что горюетъ-то наша армéюшка,
«Сама слезно плачетъ [3])!»

(Записано самимъ П. В. К—мъ 16 Авг. 1833 г.).

*

2.

(Губ. Симбирск.)

Бещáсненькій, безталáнненькій Король Иру́цкій:
Ничѣмъ-то ничего ты, Королюшко, за собой не знаешь!

---

[2]) Замѣчательный первообразъ послѣдующей формы „вой-на;" въ старой письменности нашей „вой"—лицо, воинъ; ср. „бой боевать."—[3]) Это одинъ изъ лучшихъ образцовъ по складу (зависитъ больше отъ того, кто умѣлъ записать), гдѣ можно наблюдать съ особенной ясностью, какъ сперва откалывается на концѣ припѣвъ, потомъ готовитъ собою вторую половину стиха, а со временемъ стихъ совсѣмъ уже дѣлится по поламъ, какъ „двойной."

По утру-то раны́мъ-ранёхонько курьеръ подбѣгаетъ,
Онъ не ра́дошны курьеръ газетушки подаваетъ:
Ушла-то, ушла твоя, Король, силушка,
Ушла подъ Француза,
Ещё-то ушли думчіе [1]) двое твои, сенато́ры,
Ещё-то съ собой взяли Блатова [2]), племянничка роднаго,
Со того-то Блатова, племянничка, сняли кожу съ живаго [3]).
«Подавайте-ка, ребятушки, мнѣ коня воронаго,
«Осѣдлайте-ка, ребятушки, въ сѣдельцо Черкаское [4]),
«Мы поѣдемте-ко, ребятушки, гулять въ чисто поле.
«Не увидимте ли, ребятушки, свою силу-войску [5])?
«Стоитъ-то, стоитъ наша силушка у вора Француза.
«Наводятъ-то на нашу на силушку пушку мѣдну,
«Хотятъ-то, хотятъ нашу силушку побить-порубити,
«Оста́вшихъ-то коза́ченьковъ хотятъ въ полонъ взяти.»

* *

Чѣмъ блистательнѣе были успѣхи въ Пруссіи, тѣмъ болѣе раждалось и осталось въ пѣсняхъ недовольство, когда Русскихъ дважды воротили, одинъ разъ на половинѣ дѣла, другой безъ плодовъ по успѣшномъ окончаніи дѣла: обвиненіе войска и народа, мы видѣли, такъ сказать мечется въ недоумѣніи съ одного лица на другое и третье. Но, кромѣ того, у „Безсчастнаго Пруско́го Короля“ была еще другая сторона лица: Фридрихъ произвелъ глубокое, рѣзкое, неизгладимое впечатлѣніе на Русскихъ; удары его были крѣпки и бо́льны; образъ такъ отпечатлѣлся въ пѣсняхъ, что отъ историческихъ очертаній поднялся до эпическихъ и даже перевелъ на себя изъ сѣдой древности многія черты богатырскія, даже миѳическія (см. ниже). Съ этой стороны, и на другой сторонѣ побѣдной медали, народъ рисуетъ въ пѣсняхъ тяжкіе удары, горькія бѣды, безвозвратныя утраты. Пѣсни этого рода и встрѣчаютъ, и кончаютъ походъ Прусскій: онѣ отвѣчаютъ нѣсколько подобнымъ же при Петрѣ изъ эпохи Шведской (ср. вып. VIII, отдѣлъ X и особенно XXIII-й, отчасти же VIII-й при Донцахъ).

---

1) Не въ первый и не одинъ разъ пѣсни XVIII вѣка покушаются воротить въ употребленіе это древнее слово, по крайности рядомъ съ новыми „сенато́рами.“— 2) Платтенъ. Впослѣдствіи сюда примѣшался Платовъ, и отчасти Блюхеръ (см. ниже).— 3) За симъ слова самого короля.— 4) Должно бытъ „Черкасско.“— 5) За симъ, по обычаю пѣсней, слова лица переходятъ въ самый разсказъ о событіи послѣдующемъ.

На границѣ Прусской, въ самой Пруссіи и вернувшись изъ похода Прусскаго.

1.

(Симбирск. губ.).

Тра́вынька-муравынька, кавылочикъ!
Не одной-то тебѣ, тра́вынькѣ,
Въ полѣ тошно:
И намъ, солдатушкамъ, жить не сладко!
Мы стояли во Прутско́й землѣ,
На границѣ,
Подъ Кистри́номъ городочкомъ три годочка:
Намъ ни вѣсточки, ни грамотки съ Руси нѣту;
На четвертымъ годочкѣ вѣсточка пала
И за вѣсточкой указы присылали,
Какъ у насъ, братцы, на Святой Русѣ
Не здоро́во:
Смутился-помѣшался весь Тихо́й Донъ [1]).
Случи́лася батальица генеральна:
На славнымъ чистымъ полѣ Лебедянѣ [2]).
Поступаетъ Прутско́й Король очень крѣпко,
Разбиваетъ нашь молодецкой новой корпусъ,
И со праваго фланга да на лѣвой [3]):
Генералушки-бригадерушки испугались,
А полковники со маіорами разбѣжались,
Изъ пушечекъ палили всё сержанты,
Свинецъ-порохъ развозили маркитанты.

(Доставлено Языковымъ).

*

[1]) Пѣсня была въ устахъ Донцовъ: обычное извѣстіе имъ (ср. прежніе; выпуски).—[2]) Эти два стиха изъ старшихъ пѣсней о Полтавѣ: ср. вып. 8 за симъ только начинается Пруссія.—[3]) Это черты изъ битвы при Гроссъ-Егерсдорфѣ: ср. выше и дополните этимъ прежніе образцы.

2.

(Оттуда же).

Долина моя широ́кая [1],
Ничего-то на ней не уродилося,
Ни тра́выньки, ни мура́выньки,
Никакой нѣтъ ни бы́линки,
Одна уродилась кустъ-калинка:
На кусту калиновымъ сидитъ
Горькая кукушечка.
Ни кукуй-ка, ни горюй-ка,
Горькая кукушечка,
Не давай тоски-назолы [2]:
Намъ безъ этова здѣсь тошно,
Пособить нашему горю невозможно.

Загналъ-то насъ, загналъ Прусской Король,
Загналъ въ ину землю, на край—на границу:
Поморилъ-то, поморилъ насъ голодною смертью;
Онъ не годъ морилъ-то насъ, не два года,
Морилъ всего четыре года [3]).

На четвертомъ году пришла ко мнѣ вѣстка,
Со родимой со сторонушки пришла ко мнѣ грамотка:
Знать [4]) ни батюшки, ни матушки въ живѣ нѣту,
Молодая моя хозяюшка, слышно, за́ мужъ вышла,
Вышла за мужъ за бурлака [5]).

---

[1]) Обыкновенно: „Долина ль (или „дорожка") моя, долинушка широка́я." Пѣсня плохо записана и отъ того стихи не ровны: возстановить легко по образцамъ, прежде у насъ приведеннымъ.—[2]) „Моему сердечку" или „сердечушку."—[3]) Здѣсь собственно кончается спеціальность пѣсни изъ Прусской эпохи: далѣе пойдутъ обычные пріемы, вѣсть, горе.—[4]) Грамотка даетъ знать; по нашему „оказывается, выходитъ."—[5]) Отселѣ уже пѣсня неудержимо спускается какъ по склону, все больше и больше подбавляя, а вмѣстѣ отступая отъ спеціальности исторической.

«Мнѣ сказали про бурлачиньку,—
        «Казны-денегъ много:
«Разыскалось у бурлачиньки
        «Всего три полтины:
«Первая полтина—отдать попу за вѣнчанье.
«Другую полтину отдать дьячку за читанье.
«Третью полтинушку женѣ на разживу.»

(Записано А. М. Языковымъ).

*

3.

(Оттуда же, уѣзда Корсунскаго).

Не кручинушка меня, мóлодца, сокрушила:
Сокрушила меня, мóлодца, красная дѣвóнька,
Прежня-бывшая моя сударушка.
Провожала она меня до сыраго бору,
Всё наказывала она мнѣ тайное словечко:
«Ты поѣдешь, мой любезный другъ,
        «Сырúмъ боромъ,
«Не услышишь ли, мой милый другъ,
        «Вольную пташку,
«Вольную пташку, горькую кукушку [1])?»

Не кукуй ты, не кукуй, горькая кукушка,
        Во сырúмъ борочкѣ,
Не давай-ка намъ, кукушенька,
        Тоски-назолы:
Безъ того намъ, солдáтушкамъ,
        Больно тошно
(Учьбá и стрѣльба намъ скоро не дается) [2])
Какъ загналъ-то насъ Пруцкóй Король
        Во иную землю:

---

[1]) Это начало совсѣмъ изъ другой пѣсни, по поводу „кукушки." Солдаты вспоминали семью и любимыхъ, отъ того привязывали отрывки другихъ пѣсней.—[2]) Это вставка позднѣйшая, въ объясненіе „обычной," не исторической, бѣды.

И не шлетъ Пруцкой Король [3])
Пищи никакою [4]):
Хоть и шлётъ Пруцкой Король,
Къ намъ пища не доходитъ.
А прислалъ-то намъ Пруцкой Король
Вѣстоньку [5]),
Бѣлую грамотку за черную печати [6]).
Какъ пришла-то къ намъ, молодцамъ,
Мука-то [7]) кулевая:
А мука-то добрымъ молодцамъ
Очень надокучала [8]).

(Записано П. В. Шейномъ; ср. его сборникъ).

*

4.

(Оттуда же, Станичное).

Прошли козачушки съ моря Чорнаго,
Со Чорнаго со моря, со Каспицкаго,
Со тово ли со батальица со Турецкаго [1]).
Утомлённыхъ своихъ коней въ поводахъ ведутъ,
А кровавое цвѣтно платьице въ торокахъ везутъ,
А булатными тупейцами подпираются [2]).

Случилось итти мимо городу,
Мимо городу—мимо Питеру;

---

[3]) Здѣсь, по забвенію, Король представляется „своимъ," союзникомъ: а подобныя черты внесены послѣ вслѣдствіе войны Французской.—[4]) Для размѣра стиховъ при пѣніи: записано плохо. — [5]) Д. б. „Что прислалъ намъ вѣстку." — [6]) Здѣсь смѣшана приведенная въ образцахъ предыдущихъ вѣсть „самому Королю," а равно вѣсть солдатамъ съ родины. Д. б. „Бѣлу грамотку за чорною печатью."—[7]) Д. б. „Мука."—[8]) Д. б. „докучала." Вотъ настоящая причина горя: голодъ въ чужой землѣ и страхи отъ Прусскаго Короля.

[1]) Это начало нисколько не подрываетъ историчности: оно обычно во всѣхъ Донскихъ козацкихъ пѣсняхъ, встрѣчается чаще съ Петра (см. вып. 8) и съ того же времени соединяетъ Русскій Югъ или Турокъ съ походами противу странъ Западной Европы, Шведовъ, Прусаковъ и наконецъ Французовъ.—[2]) Только лишь послѣ этого начинается пѣсня собственно о Прусскомъ походѣ.

Увидѣла милосердная государыня [3],
Призываетъ она молоденькаго полковничка.
«Охъ ты гой еси, молоденькой-младъ полковничекъ!
«Молодёхонекъ ты упиваешься!
«Ты не отдалъ чести городу Питеру:
«Не чаялъ ты въ городѣ государыни [4])?»
—Охъ ты гой еси наша матушка,
—Бѣлосвѣтная государыня!
—Напоилъ-то насъ Прутской Король,
—Трюмя пойлами, трюмя розными:
—Перво пойлицо—свинцомъ-порохомъ,
—Друго пойлицо—саблями вострыми,
—Третье пойлицо—копьими вострыми.

(Отъ Языкова).

*

Эта пѣсня еще больше оживаетъ и полнѣетъ историческими чертами при лицѣ Краснощокова: см. ниже. Но она еще имѣетъ при себѣ нѣсколько другихъ однородныхъ, Безъимянныхъ или Молодецкихъ, частію старшихъ и частію младшихъ, изъ которыхъ мы кстати приведемъ здѣсь нѣкоторыя на выдержку. Вмѣсто Государыни тутъ простая „государыня-матушка,“ а начало пѣсней (въ запѣвѣ) совершенно одинаково съ предыдущими образцами о Прусской войнѣ:

5.

Не травушка—не ковылушка въ полѣ шаталася:
Какъ шатался-волочился удалъ-добрый молодецъ,
Въ одной тоненькой въ полотняной во рубашечкѣ,
Что во той-то было въ кармазинной во черкесочкѣ;
У черкесочки рукавчики назадъ закинуты,
И камчатны его полочки назадъ застегнуты,
Бусурманскою онѣ кровію позабрызганы.
Онъ идетъ, удалъ-добрый молодецъ, самъ шатается,
Горючёю онъ слезою обливается,

[3]) Всѣ черты указываютъ на Елизавету: ср. еще ниже Краснощокова. — [4]) Развѣ не чаялъ надъ собою грозы, не зналъ, что въ столицѣ государыня?

Онъ тугимъ-то своимъ лукомъ опирается:
Позолотушка съ туга̀ лука долой летитъ.

Какъ никто-то съ добрымъ мо́лодцемъ не встрѣчается,
Лишь встрѣчалась съ добрымъ молодцемъ родная матушка:
«Ахъ ты чадо моё, чадушко, чадо милое моё!
«Ты за чѣмъ такъ, моё чадушко, напиваешься,
«До сыро̀й-то ты до земли всё приклоняешься
«И за травушку за ковылушку всё хватаешься?»
Какъ возго́воритъ добрый молодецъ родной матушкѣ:
—Я не самъ такъ, добрый молодецъ, напиваюся;
—Напоилъ-то меня Турецкій царь тремя пойлами,
—Что тремя-то было пойлами, тремя розными:
—Какъ и первое-то его пойло—сабля острая,
—А другое его пойло—копье мѣткое было̀,
—Его третіе-то пойло—пуля свинчата́я.—

(Ср. „Русскую Старину" Корниловича).

*

6.

(Симбирск. губ.).

Дале́че-дале́ченько во чисто̀мъ полѣ,
Не тра́вынька не мура́вынька во́ полѣ шатается:
Зашатался-загулялся доброй мо́лодецъ,
Въ одной тоненькой въ ольня́ниньkой во рубашачки,
Въ другой лёгинькой во карма́зовой во черкешачки,
У черкешачки знать по́лочки позаты́каны,
Молодецкою кровью позабры́зганы.
Онъ не пьянъ-то идетъ—самъ шатается,
За ковылъ-траву запинается.

Какъ увидѣла-усмотрѣла его матушка родима:
«Ты дитя ли моё, дитятко!
«За чѣмъ пьяной напи̇ваешься?»

—Государыня моя матушка!
—Я не самъ собой пьянъ напиваюся:
—Напоилъ меня злодѣй басурманъ,
—Злодѣй басурманъ—молодой Французъ,
—Трюмя пойлами, трюмя розными;
—Перво пойлицо—строевò ружьё,
—Прострѣлилъ могучія плеча;
—Другое пойлицо—его сабля вострая,
—Разрубилъ мою буйную головушку;
—Третье пойлицо—ево копье булатное,
—Проткнулъ мнѣ ретивò сердце.
—Отъ того-то я, матушка, и сдѣлался пьянъ.—
«Ты дитя ли моё, дитятко,
«На кого ты спонадѣился?»
—Спонадѣился я, родная матушка,
—На свою буйну головушку:
—Что сгубилъ-то я, матушка,
—Сгубилъ я своѐ нéдруга,—
—Снималъ съ него бýйну гóлову,
—Втыкалъ я въ его голову свой вострой штыкъ.—

(Отъ Языкова).

*

Слѣдующая пѣсня чисто-солдатская, о возвратѣ изъ Пруссіи въ Москву: но она дышетъ всей тогдашней современностью и, кромѣ того, начинается началомъ извѣстныхъ намъ пѣсней о Лопухинѣ.

7.

(Губ. Моск., у. Звенигородскаго, Воровка).

Вы солдатушки военны, командеры ваши вѣрны,
Полковнички-адьютаны, гдѣ вы были-побывали?
Мы во Пруссіи стояли, много горя принимали,
Много горя принимали: во рукахъ ружья держали,
Крѣпко къ сердцу прижимали и патроны вынимали,
Мы заряды заряжали, шомполáми прибивали,

Въ чисто поле выступали, въ непріятеля стрѣляли.
И мы начали стрѣлять,—а Французъ отъ насъ бѣжать,
Кои въ поле, кои въ лѣсъ, побрасались въ рѣку въ низъ.
И мы билися-рубились ровно суточки,
На вторыя-то на сутки стали тѣла разбирать,
Стали тѣла разбирать, свою армію смекать:
Мы смекнули свою силу,—что побито смѣты нѣтъ.
Что нашли же мы убитыхъ—генераликовъ до трёхъ,
Полковничковъ до пяти, офицеровъ девяти [1])

Во Росёю съ маршемъ шли,—всѣ весёлости нашли.
Во Москву городъ вступили—по фатерамъ становили,
По фатерамъ-слободамъ, по купеческимъ домамъ.
Какъ Московскіе купцы, сказать право, что глупцы:
Дочерей своихъ скрывали, во чуланы запирали.
Дѣвки плакали-рыдали, что солдатъ мало видали,
Подъ окошечкомъ сидѣли, во стеколушко глядѣли,
Во стеколушко глядѣли, да отцевъ своихъ бранили:
««Дураки наши отцы, солдатушки молодцы,
««Лице бѣло, глаза сѣры, на поступку [2]) идутъ смѣло.»»
Мы кивнёмъ дѣвкѣ бровями: Пойдёмъ въ лагери за нами,
Поглядишь наши палаты, тамъ премилые солдаты!

(Записано П. В. К—мъ 16 Авг. 1833 г.).

* *

Отселѣ передъ нами два обѣщанныхъ отдѣла, два главныхъ отдѣла пѣсней изъ времени Елизаветы и въ частности изъ эпохи Прусской войны: о *Чернышовѣ* и *Краснощоковѣ*. Составные элементы, многія частности, образы, краски, черты, пріемы, обороты, выраженія, зачала и концы, цѣльныя вставочныя пѣсни меньшаго объема и эпизоды, все это занято порою изъ пѣсней старшихъ, XVI—XVII вѣка (см. наши выпуски), наиболѣе изъ Петровскихъ (см. вып. 8), всего же ближе изъ Елизаветинскихъ и „Прусскихъ,“ выше приведенныхъ; тутъ и Русскіе, и иностранные генералы эпохи, и Гроссъ-Егерсдорфъ съ Лопухинымъ, и Кистринъ, и Берлинъ, и Шведы частію, а главнѣе Прусаки, иногда же и позднѣйшіе Турки съ Французами: но все это сосредоточено вокругъ двухъ главныхъ лицъ, народныхъ и пѣсенныхъ героевъ-представителей времени. Обособленіе или, какъ приняли мы выражаться неизбѣжнымъ иностраннымъ словомъ, спеціализація состоитъ въ томъ, что: пѣсни имѣютъ свое особое начало или

[1]) Ср. выше пѣсни о Лопухинѣ.—[2]) На выступъ, поступью.

особый конецъ, неизмѣнно сопровождающіе и всюду отличающіе; свой условный складъ и размѣръ, даже напѣвъ, исключительно присвоенный.

Область раздѣлена между Чернышовымъ и Краснощоковымъ: но первому особенно отданъ Кистринъ, и именно съ Кистринскою тюрьмою, второму Берлинъ, хотя по связи, сходству или искаженію и другія нѣкоторыя мѣстности. Оба героя времени и героя народные: но первый особенно для Русскаго государства и войска регулярнаго, второй для Земли Донской, для Донскаго козачества. О первомъ пѣсни сохранились больше въ Москвѣ и по радіусамъ ея вліянія, о второмъ по Дону и между козаками. О первомъ въ началѣ пѣсней яркіе признаки—„Звѣзда,“ „Таланъ,“ „Молодость:“ о второмъ „Берёзынька,“ „Ковыль,“ „Дорожка,“ „Диковинка“ и т. п. При обоихъ Прускóй Король: но при второмъ особенно въ образѣ эпическомъ и мы просимъ здѣсь замѣтить яркія черты древняго нашего богатырства, даже миѳа (означенныя у насъ особо въ примѣчаніяхъ). О Чернышовѣ воспѣтое событіе частнѣе, опредѣленнѣе, сжатѣе; о Краснощоковѣ шире по мѣсту и времени, обнимая нѣсколько странъ и много лѣтъ.

При оцѣнкѣ и размѣщеніи отдѣльныхъ образцовъ, мы, какъ всегда, руководимся не исторіею, внѣшнею для творчества или такъ называемою „положительною,“ а у нѣкоторыхъ политическою, но исторіею и условіями самого пѣснотворчества.

Пѣсни о *Чернышовѣ* (или, лучше, одна развѣтвившаяся пѣсня) сложены на основаніи образцовъ болѣе древнихъ, гораздо прежде извѣстныхъ народу и называемыхъ „Темничными“ или „Тюремными,“ которые по содержанію своему легко переходили въ „Теремныя,“ о всякомъ простомъ заключеніи или одиночествѣ, какъ въ судьбѣ частныхъ семействъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ пѣли и поютъ эту пѣсню, въ основномъ образцѣ ея, одинокій мóлодецъ, осиротѣвшая мать, оставленная или обманутая дѣвица: пѣняютъ на „Таланъ такой, участь свою горькую“ или „Звѣзду свою злосчастную,“ судьбину; передовой образъ пѣсни, звѣзда, поднявшаяся выше свѣтлаго мѣсяца или затмившая солнце красное, даетъ сравненію удобный поводъ противупоставить тьму заключенія, одиночества и горя, изъ „свѣтлой свѣтлицы“ сдѣлать „темную темницу,“ изъ „свѣтлаго терема“ создать „тюрьму.“ Въ быту, особенно при отношеніяхъ къ государству, примѣнялось это ближайшимъ образомъ ко всякимъ „полонянникамъ,“ къ тому полону, который случался неизбѣжно при встрѣчѣ съ государевой казнью, со врагомъ внѣшнимъ, на государевой службѣ: такъ называемые „несчастные,“ попавшіеся подъ кару закона, а еще легче разбойники—удалые мóлодцы, еще чаще люди служилые и козаки, доставшіеся въ плѣнъ непріятелю, взяли пѣсню себѣ въ ближайшее владѣніе. „Молодость ты моя молодецкая,“ размыканная страстями и похожденіями, „Голова ль ты моя послуживая,“ дослужившаяся до темницы,—эти черты, звуки и выраженія вошли во внутреннюю, необходимую принадлежность пѣсни и вмѣстѣ сдѣлались наглядным признакомъ ея образцовъ. Этимъ угладился путь еще дальнѣйшему, уже новому и осо-

бому „примѣненію,“ чисто „историческому,“ въ смыслѣ внѣшнемъ и даже политическомъ, о лицахъ и герояхъ историческихъ: такое лицо примѣняло пѣсню *къ себѣ*, къ своему положенію, *пѣло ее о себѣ*, пѣсня становилась *его пѣснею*; по обычному ходу постепенности, не разъ нами объясненному въ примѣрахъ, герой здѣсь выставлялъ *прямо себя и отъ себя*, потомъ разсказывалъ *о себѣ въ 3-мъ лицѣ*, потомъ разсказывали *объ немъ*, и нерѣдко забѣгая, разумѣется, впередъ, такъ что въ пѣсни самъ герой порою описывалъ даже собственную казнь свою или смерть. Старшее примѣненіе подобной пѣсни исторія пѣснотворчества застаетъ еще, пожалуй, при Святославѣ по Слову о Полку Игоревѣ, потомъ яснѣе и опредѣленнѣе при Романѣ по „Былинамъ Московскимъ,“ съ указаніемъ „на Голову“ посѣдѣвшую или на „Молодость“ растраченную (ср. у насъ вып. 8-й). Собственно же, на пути исторіи положительной, закрѣплено твердо это примѣненіе впервые при имени и лицѣ *Ермака*, потомъ *Разина*, далѣе *Стрѣльцовъ* и за ними *Донцовъ* (при постигшей или постигавшей невзгодѣ сихъ двухъ послѣднихъ въ эпоху Петра), по мѣстностямъ же — при Москвѣ (и Петербургѣ), при Азовѣ и при Дону, передъ лицомъ — Грознаго царя Московскаго или Султана Турецкаго. Обратно, путемъ уже нисходящимъ, при разложеніи чертъ историческихъ изъ окрѣпшаго образа и склада, расходилась и разошлась эта пѣсня снова такъ сказать во внутрь земли и страны, по событіямъ частнымъ, семействамъ, лицамъ, безъименнымъ молодцамъ, порою унося сюда и новыя, кое-какъ дошедшія, черты изъ положительной исторіи. Разошлась и расплылась пѣсня по суху и по пути водному, по служилымъ всякимъ государевымъ людямъ, по всякимъ козакамъ, по Низовой вольницѣ, по разбойникамъ и „разбойничкамъ,“ по всѣмъ полоняникамъ, тюремничкамъ, заключенничкамъ. Не забывая исторіи внѣшней, можно отличить въ этомъ ходѣ и свою внутреннюю исторію пѣснотворчества: сложились свои признаки эпохъ, въ образахъ, въ складѣ стиха и всей пѣсни, въ оборотахъ и слововыраженіяхъ, въ напѣвахъ. Такъ Ермакъ, съ Дономъ и Волгой, Азовомъ и царемъ Турецкимъ, не имѣетъ однако же въ этой пѣсни внѣшняго признака въ родѣ „Звѣзды,“ „Талана,“ и т. п; то же и Разинъ, который спеціализируетъ свои пѣсни „Лѣсами темными,“ „Туманами,“ „Восходомъ красна солнышка“ и т. п. При Петрѣ Стрѣльцы, а рядомъ и другіе служивые старой службы, отличили „свою“ пѣсню „Головой-головушкою послуживою (чему помогла именно бѣда стрѣлецкихъ „Головъ“). На оборотъ Донцы при Петрѣ усвоили себѣ по преимуществу „Талавъ.“ Понизовые, особенно рѣчные, забрали и широко на привольѣ развернули „Молодость,“ съ прихотливыми развѣтвленіями пѣсни этого имени. Тѣ же степные и бродяги сухопутные держатся обычнѣе „Стороны-сторонушки,“ начиная съ работъ Ладожскихъ и по линіямъ до чумаковъ, до всѣхъ рабочихъ по каналамъ и дорогамъ, до извощиковъ и такъ далѣе, пока отсюда выработался совершенно особый типъ „Степи,“ Саратовской, Моздоцкой, и всякой другой, въ пѣсни этого имени и признака. Пѣсни, вторично и обратно разлагавшіяся изъ обломковъ историчес-

ихъ или державшіяся простѣйшей первобытной основы, съ которой поднялась нѣкогда и сама Былина Историческая, въ свою очередь усвоивали себѣ то одинъ, то другой признакъ, смотря по эпохамъ, мѣстностямъ и частнымъ лицамъ: тѣ, кои можно назвать „Петровскими," держатся еще „Звѣзды" и „Талана," либо „Головушки" и т. п., спускаясь далѣе и къ „Злодѣю Сердцу," и къ „Змѣѣ" лютой тоскѣ, и т. п. (это уже болѣе внутреннее и личное, а вмѣстѣ болѣе частное и дробное). Смотрите примѣры сего и переходы въ нашемъ VII и особенно въ VIII выпускѣ. Разбойники въ смыслѣ болѣе тѣсномъ, который конечно съуживался или точнѣе опредѣлялся съ шагами развивавшагося государства, какъ воры, злодѣи и преступники (понятія и слова нѣкогда весьма условныя значеніемъ народнымъ, а послѣ техническія на языкѣ закона) взяли и заголовокъ себѣ сравнительно уже болѣе поздній, такъ сказать предметный и менѣе отвлеченный, практическій, на примѣръ „Ты злодѣй-злодѣй землянa тюрьма," пока наконецъ явился и „Острогъ," и т. п. Каинъ, видѣли мы, своимъ широкимъ размахомъ съумѣлъ захватить въ свою пѣсню отличіе, еще сравнительно болѣе древнее, примыкавшее къ Разинскому,—„Зеленую дубровушку" съ ея „Шумомъ."

Пѣсня Чернышова и объ Чернышовѣ вся этой самой плоти и этихъ самыхъ костей: но къ ней донеслась и съ тѣхъ поръ стала главнымъ, отличительнымъ, спеціальнымъ ея признакомъ „Звѣзда восточная." Таковъ заголовокъ: внутри сберeглись и черты другія. Мы должны такъ представлять себѣ путь ея постепеннаго сложенія: внутри ея самой обличается зерно, изъ котораго развилась она. Въ первыхъ, и лучшихъ (относительно самого творчества) образцахъ, за симъ печатающихся, Чернышовъ въ неволѣ—въ полону—въ тюрьмѣ: но народному представленію онъ въ этомъ положеніи непремѣнно долженъ затянуть извѣстную обычную пѣсню; онъ и дѣйствительно затягиваетъ пѣсню „Таланъ." Эта пѣсня, какъ онъ самъ ее называетъ и называетъ за него народъ, есть пѣсня „своя" ему, своя „любимая," „служивая (ср. выше „Головушку послуживую," „старую" или „любимую" пѣсню Каина и т. п.)." Какъ скоро раздалась изъ устъ Чернышова эта пѣсня, она, извѣстной притягательной силою, должна была притянуть сюда изъ той же народной области и другія однородныя: рядомъ съ „Таланомъ," по развѣтвившимся образцамъ, онъ поетъ и „Головушку", а за тѣмъ и „Молодость;" еще шагъ—и эти признаки становятся уже въ заголовокъ пѣсни, вытѣсняя спеціальное ея отличіе „Звѣзду восточную." Но, съ другой стороны, какъ скоро прозвучали пѣсни съ этими заголовками, какъ скоро онѣ свили свой хоръ вокругъ лица Чернышова, тотчасъ, какъ мы знаемъ, должны были явиться и всѣ другія, извѣстныя изстари, черты и знакомые образы: мрачная темница, въ ней Чернышовъ сидитъ девять, и даже тридцать лѣтъ и три года, онъ отростилъ себѣ бородушку, посѣдѣла его служивая головушка, мимо идетъ виновникъ полона, случайно узнаетъ объ заключенномъ, плѣнникъ требуетъ свободы, а пожалуй и грозитъ, и угрозу выполняетъ, и точно освобожденъ, и нака-

залъ ворогов за тюрьму,—однимъ словомъ, отъ самаго Ермака все очень хорошо намъ извѣстное. Сколько тутъ есть исторіи положительной и политической,—не наше уже дѣло, ибо не дѣло народнаго творчества. Виновникъ можетъ быть легко и султаномъ Турецкимъ, мѣсто заключенія можетъ смахивать на Азовъ, плѣнникъ пишетъ пожалуй и къ Донцамъ,—смотря потому, если пѣсня у Донцовъ поется. Но, какъ „Звѣзда восточная" спеціализировала пѣсню о Чернышовѣ, такъ есть и другіе признаки, въ томъ или другомъ образцѣ закрѣпившіе ея историчность и спеціальное историческое примѣненіе: это, въ лучшихъ образцахъ,—*Кистринъ*, виновникъ — *Прускдй Король*, письмо *къ государынѣ*, а еще больше нераздѣльное имя — самъ *Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ*. Имя эго уже трудно подставить или замѣнить другимъ, хотя бы даже въ образцахъ попортившихся: оно составляетъ собою цѣлый стихъ, оно условило весь складъ и размѣръ пѣсни—*въ девять слоговъ* (подобно какъ въ другихъ, см. выше, „Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ," „Карамышевъ князь Семенъ Константиновичъ" и т. п.). Еще больше: этотъ размѣръ въ 9, а порою сходный въ 11 слоговъ (см. въ прежнихъ выпускахъ), на переходѣ изъ Эпоса къ Элегіи, отъ Былины къ пѣснямъ Безымяннымъ и частнымъ, усвоенъ особому роду пѣсней, обычно выражающихъ горе съ переходомъ на концѣ въ радость, и сопровождается потому особеннымъ *напѣвомъ*, томно-веселымъ (въ началѣ протяжнымъ, но съ паденіемъ въ концѣ и съ заключеніемъ болѣе живымъ). Напѣвъ *свой* неразрывенъ съ этою пѣснію о *Чернышовѣ* и, вытекая изъ условій ея сущности, въ свою очередь поддержалъ доселѣ историческую ея подлинность. Послѣ примѣненія историческаго къ Чернышову, гдѣ держался еще области извѣстныхъ Былинъ, онъ перешелъ вскорѣ къ пѣсни Безымянной, похожаго содержанія, именно къ извѣстной—

„Между Коломной и Бронницей,
Между рѣчками стремнистыми (см. ее послѣ);"

а наконецъ затвердѣлъ, хотя съ измѣненіемъ, при извѣстной же, но совершенно уже частной и „любовной"—

„Здравствуй, милая, хорошая,
Чернобровая, пригожая (еще дальше въ концѣ ее растянули до 11-ти слоговъ, прибавивши „моя„)."

Таковы судьбы, намъ теперь ясныя, „Исторической Былевой пѣсни о Чернышовѣ."

Мы начинаемъ съ образцовъ по всему лучшихъ, гдѣ въ заголовкѣ „Звѣзда," внутри „Таланъ," съ чертами, тѣсно примыкающими къ образцамъ старшимъ и основнымъ, только лишь обособленными по своему:

Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.

1.

(Шенкурскъ, Арханг. губ.).

Ты звѣзда, звѣзда восточная!
Высоко звѣзда восходила:
Выше свѣтлаго мѣсяца,
По заяѣвью красна солнышка [1]).
Во землѣ было во Прусскія,
Во Кистринѣ, славномъ городѣ.
За Кистринскими ворóтами,
Во саду было, во вишеньѣ,
Во зелёномъ виноградьицѣ,
Тутъ стояла свѣтла свѣтлица [2]).—
Заключёвна заключёвница [3]),
Со косящатымъ окошечкомъ,
Со стекольчатой окóленкой,
Со желѣзной со рѣшоточкой;
Что у этой свѣтлой свѣтлицы,
Заключевной заключевницы,
Были двери всё желѣзныя,
Ободвéрины укладныя [4]),
А пробойцы-то булатные,
А замокъ былъ въ полтора пуда,
Полтора пуда съ четвертью [5]).
Какъ во этой свѣтлой свѣтлицѣ,
Заключевной заключевницѣ,
Тутъ сидѣлъ да посидѣльщичекъ.
Онъ по свѣтлицѣ погуливаетъ,

---

[1]) Выше солнышка при его восходѣ (появленіи):—[2]) Остатокъ еще древнѣйшаго образа, отвѣчающаго свѣтлой звѣздѣ и теперь перешедшаго на самомъ дѣлѣ въ темную темницу (ср. ниже въ другихъ образцахъ).—[3]) Тюрьма для заключеннаго.—[4]) Стальныя.—[5]) Д. б. „со четвертью.“

Золоту́ трубку раскуриваетъ [6]).
Запѣваетъ свою пѣсенку,
Свою пѣсенку любимую,
Свою пѣсенку служивую:
«Ты таланъ ли мой, таланъ лихой,
«Злая участь, горе горькое!
«На роду [7]) мнѣ Господь писалъ—
«Одному горе измыкати!»

Мимо этотъ садъ и вишенье
Случилóся итти-ѣхати
Самому Королю Прусскому,
Королевскому величеству.
Какъ завидѣлъ посидѣльщичекъ
Изъ косящата окошечка,
Во стекольчату околенку:
«Ахъ ты гой еси, Прусской Король.
«Королевское величество!
«Ты умѣлъ меня въ полонъ поймать.
«Ты умѣлъ меня въ тюрьму садить:
«Прикажи меня поить-кормить;
«Не прикажешь [8]) поить-кормить,
«Прикажи меня на Русь пустить;
«Не прикажешь ли на Русь пустить,
«Прикажи меня скорѣй сказнить!»

Остоялся [9]) самъ Прусской Король,
Королевское величество:
—Ахъ ты гой еси, Россійскій графъ,
—Чернышовъ Захаръ Григорьевичь!
—Ужь ты будешь ли по мнѣ служить?
—Коли будешь ты по мнѣ служить,
—Прикажу тебя поить-кормить
—Прикажу дать двойнó жалованье.—
Закричалъ тутъ [10]) Россійскій графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичь:

---

[6]) Ср. выше Лопухина.—[7]) Должно быть: „на роду ли," или „звато." — [8]) Прибавьте ли или ты.—[9]) Остановился.—[10]) Д. б. „туто."

«Ахъ ты гой еси, Прусской Король,
«Королевское величество!
«Кабы былъ я на своей волѣ,
«Я бы радъ былъ [11]) тебѣ служить—
«На твоей бы буйной головѣ,
«На твоей бы шеѣ бѣлыя!»
Какъ спроговоритъ Прусской Король,
Королевское величество:
—«Посиди-ка ты во той тюрьмѣ,—
—Наберёшься ума-разума!—
Закричалъ тутъ посидѣльщичекъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:
«Напишу я свою грамотку
«Не перомъ [12]), не чернилами,
«А своими горючьми слезьми.
«Превеликой государынѣ [13]),—
«Еще нé што [14]) наша матушка,
«Превелика государыня,
«На подмогу бы силы прибавила,
«Артилеріи бы къ намъ подкáтила!»

Еще Прусской Король
Не доѣхалъ до своего дворца [15]),—
Ужь и пушечки запукали
Во славной [16]) Кистри́нъ-городъ.
Обездолился Прусской Король,
Королевское величество;
Выпускалъ же онъ посидѣльщичка,
Отвозилъ къ царю Бѣлому [17]),
Превеликой государынѣ;
Онъ просилъ замиреньица [18]):

---

[11]) Д. б. „Я бы радъ бы былъ.“—[12]) Д. б. „Не перомъ я,“ или и; ли.—[13]) Елизаветѣ.—[14]) Чтобы; какъ бы пожалуй, авось либо. — [15]) Д. б. „Еще тотъ было Пр. К., Не доѣхалъ до свого дворца.“—[16]) Д. б. „Что во славной.“ И въ другихъ мѣстахъ ожидается исправленіе симъ способомъ, согласно размѣру стиховъ и складу пѣсни.—[17]) Связь съ эпохою пѣсней Петровскихъ (ср. вып. 8), хотя „царь Бѣлый“ и растолкованъ далѣе „государыней.“—[18]) Ср. выше просьбы о мирѣ со стороны короля Шведскаго,

—Превелика государыня!
—Помирися со мной, Прусскимъ Королемъ.—
Говоритъ тутъ посидѣльщичекъ [19],
Чернышовъ Захаръ Григорьевичь:
«Превелика государыня!
«Не мирися съ Прусскимъ Королемъ:
«Мы возмемъ его Кистринъ-городъ,
«Разобьемъ Кистрински крѣпости!»

(Записано г. Н. Борисовымъ, въ Декабрѣ 1845 г.; доставлено М. П. Погодинымъ).

*

2.

(Губ. Симбирской, с. Станичное).

Высоко́, братцы, звѣзда взошла:
Выше лѣсу—выше тёмнаго,
Выше ельничку—березничку;
Далеко́ звѣзда осьяла:
Осьяла во Кистринъ-городъ.

Во Кистринѣ было въ городѣ,
За Кистринскими воро́тами,
Стояла тутъ свѣтла свѣтлица,
И со красными окошками.
Въ той ли [1]) свѣтлой свѣтлицѣ
Сидѣлъ тутъ доброй мо́лодецъ,
Доброй молодецъ, Россійской графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичь.
Онъ по свѣтлицѣ похаживаетъ,
Самъ бѣлыми руками помахиваетъ [2]),
Табаку трубку раскуриваетъ.

перенесенныя потомъ на Прусскаго; о связи дѣлъ Прусскихъ со Шведскими выше и ниже.—[19]) Или въ письмѣ, или уже лично самой государынѣ (предупрежденіе): ср. въ другихъ образцахъ.

[1]) Должно быть: „Что въ той ли.“—[2]) Д. б. „Самъ бѣлы руки помахиватъ“ или въ этомъ родѣ.

Онъ поетъ пѣсни, какъ лѣсъ шумитъ [3]:
«Ужь Таланъ ли мой, таланъ худой,
«Али участь моя горькая!
«На роду ли таланъ уродился,
«Жеребьѣ ли участь досталася?
«Людей ли у людяхъ не было [4],
«Въ полону ли быть бы нѣкому,—
«Въ полону быть мнѣ, добру мóлодцу [5])?!»

Случилóся туто ѣхати
Самому Королю Прусскому;
Онъ и ѣхалъ—останóвился:
—И чтó это за свѣтлица,
—И чтó это въ ней за человѣкъ сидитъ?—
««Тутъ человѣкъ сидитъ—Россійской графъ [6].»»
—Ты скажи мнѣ имя-óтество [7],
—Послужи ты мнѣ вѣрой-правдою,
—Вѣрой-правдой неизмѣнною:
—Черезъ чинъ я буду тебя жаловать.—
Что возгóворитъ Россійской графъ:
«Охъ ты гой еси, Прусскóй Король!
«Нѣтъ теперь при мнѣ, при молодцѣ,
«Нѣту сабли вострои [8]:
«Послужилъ бы я надъ твоей надъ буйной головушкой!
«За кого я присягу принималъ,
«За того я и умереть должóнъ [9])!»

(Отъ Языкова).

*

---

[3]) Ср. выше отрицательное сравненіе, — „Не шуми — дубровушка.“ — [4]) По жеребью ли эта участь досталася? Или не было въ людяхъ другаго человѣка на эту долю?—[5]) „мнѣ“ лишнее.—[6]) Д. б. „Человѣкъ сидитъ—Р. гр., Черн. З. Григ.“—[7]) Старшая форма отъ корня „от.“—[8]) „Нѣту сабли при мнѣ вострыя.“ Потерявъ складъ первобытный, пѣсня обычно натягиваетъ размѣръ искусственнымъ протяженіемъ гласныхъ.—[9]) Прибавка солдатская.

3.

(Рязанск. губ.).

Высокò–то звѣзда восходила:
Что надъ славнымъ надъ Кистри́нымъ–городомъ.
Надъ Кистри́нскими ворòтами [1]).

Та́мъ стояла тѐмная тѐмница,
Распроклятая заключевница:
Засажòнъ тамъ былъ Россiйскiй графъ
Чернышовъ Захаръ Григорьевичь.
Онъ по тѐмницѣ похаживаетъ,
Табаку трубку раскуриваетъ,
Про свою участь расказываетъ:
«Охъ ты участь моя горькая,—
«На роду́ ли мнѣ напи́сана,
«Иль по жѐребью досталася, –
«Что сидѣть ли мнѣ въ тѐмной тѐмницѣ,
«Распроклятой заключѐвницѣ!»

Случилòсь тутъ Прусу ѣхати;
Увидалъ онъ тѐмну тѐмницу,
Онъ и сталъ тутъ выспрашивати:
—Для чего тутъ часовой солдатъ [2]) стои́тъ,
—Или хто тутъ засажòнъ сидитъ?—
««Ужь ты гой еси, Прускòй Король,
««Королевское величество!
««Засажонъ туто Россiйскiй графъ,
««Чернышовъ Захаръ Григорьевичь.»»

Какъ всходилъ Король во тѐмницу,
Тутъ возгòворитъ Россiйскiй графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичь:
«Ужь ты гой еси, Прускòй Король!

---

[1]) Запѣвъ сливается съ послѣдующимъ разсказомъ.—[2]) „солдатъ“ лишнее.

«Прикажи меня поить-кормить;
«Не прикажешь ты поить-кормить,
«Прикажи на волю выпустить;
«Не прикажешь на волю выпустить,
«Прикажи меня скоро́ казнить!»
Какъ возго́воритъ Пруско́й Король:
—Ужь ты гой еси, Россійскій графъ,
—Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ!
—Послужи мнѣ вѣрой-правдою,
—Какъ служилъ ты царю Бѣлому! —
«Ужь ты гой еси, Пруско́й Король!
«Послужилъ бы я тебѣ вѣрой-правдою,
«Если бъ была бы моя сабля вострая,
«Надъ твоею шеей то́лстою!
«Напишу я на́ Донъ грамотку [3]:
«Всѣ koза́ки возволнуются!»
Не успѣлъ онъ рѣчь окончити,
Какъ нагрянули Донскіе козаки́:
Загремѣла артилерія,
Засверкали сабси вострыя,
И разбили весь Кистри́нъ-городъ [4].

*

4.

(Земля Войска Донскаго).

Ой зоря моя — зо́рюшка,
Ты зоря моя вечерняя [1]),
Ты звѣзда моя восхожая!
Высоко́ звѣзда восходила:
Выше лѣсу выше тёмнаго,
Выше садику зелёнаго,
Выше города Костры́искаго.

---

[3]) Признакъ того, что пѣсня употреблялась ужь на Дону или Донцами.—
[4]) Въ концѣ прибавка прозаическая, на книжный ладъ.
[1]) Изъ другихъ запѣвовъ, но по тому поводу, что зоря часто сближается въ пѣсняхъ со звѣздою.

Надъ Кострйнскими ворóтами,
Какъ стоялъ тамъ сыръ-зелёный садъ.
Сыръ-зелёный садъ, со вишенкой;
Ой во томъ ли во зелёномъ во саду,
Стояла тамъ темнáя тéмница,
Распроклятая заключевница:
Подъ ключóмъ [2]) сидитъ невольничекъ,
Невольничекъ Россiйскiй графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичь.
Онъ по тéмницѣ похаживаетъ,
Рѣзвыя [3]) ноженьки утáливаетъ [4]),
Бѣлы рýчушки поламливаетъ,
Часто въ окошечко посматриваетъ:
Что не ѣдетъ ли Пруской Король,
Королевское величество,
Со своими бригадирами [5]).

Случилóся [6]) королю ѣхати,
Случилóся младцý [7]) видѣти:
«Ахъ ты батюшка, Прусской Кóроль!
«Прикажи, сударь, поить-кормить,
«Прикажи на волю выпустить [8])!»
—Когда будешь Королю служить,
—Прикажу [9]) поить-кормить,
—Прикажу на волю выпустить [10]).—

«Ой, Таланъ ты мой, худой таланъ,
«Злое несчастiе [11]) моё горькое!
«Знать на роду молодцу написано
«И по жребiю [12]) досталося,
«Что сидѣть молодцу во тéмницѣ,

---

[2]) Въ заключенiи.—[3]) Д. б. „Рѣзвы“.—[4]) Расширенная форма отъ „утолять:“ ухаживаетъ, размариваетъ ходьбой. —[5]). Извѣстный намъ прiемъ „предупрежденiя (Король проѣхалъ мимо случайно).“

[6]) Д. б. „Случилось.“—[7]) Ошибка вмѣсто „младца,“ Чернышова.—[8]) Пропущено: если не будешь поить-кормить.—[9]) Добавьте „тебя.“—[10]). За симъ пѣсня Чернышова отставлена къ концу, какъ выраженiе отчаянiя.—[11]) Дурно записано: „Зло несчастье.“—[12]) „И по жеребью.“

«Въ распроклятой заключевницѣ,
«Знать отъ младости до старости!
«Наточу жь я шашку острую,
«Перерублю[13]) жь я шею толстую [14])!»

(Ср. сборникъ г. Савельева 1866 г.).

*

5.

(Чернигоавскія Слободы).

Ты звѣзда ль моя ты, звѣздочка,
Ты звѣзда ль моя восхожая,
Ты звѣзда ль моя золóтая!
Высокó ты, звѣзда, восходила:
Выше солнца, выше мѣсяца,
Выше облака ходячаго,
Выше лѣсу ли стоячаго,
Выше лѣсу выше тёмнаго,
Выше садика зелёнаго,
Освѣтила вёсь Кистри́нъ-то градъ.

Подъ Кистри́нскими ворóтами
Какъ стояла темна тéмница:
Какъ во той ли темной тéмницѣ
Засажонъ сидитъ Россійскій графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичь.
Онъ по тéмницѣ похаживаетъ
Да бородушку поглаживаеть:
Отростилъ себѣ бородушку
Ниже пояса шелкóвенькаго,
Отростилъ себѣ русы кудри́
По самы́е могу́тные плечики.
Случилóсь тамъ Прусу ѣхати
Мимо той ли темной тéмницы:
—Ужь и кто здѣсь засажонъ сидитъ?—

[13]) „Перрублю."—[14]) Конецъ такъ дурно выходитъ, какъ будто Чернышовъ грозитъ самому себѣ: между тѣмъ „шея толстая" у Прусскаго Короля, какъ въ другихъ пѣсняхъ у Татарина и всякого иностранца или врага.

««Засажонъ сидитъ Россійскій графъ,
««Чернышовъ Захаръ Григорьевичь [1].»»
«Прикажи, сударь, поить-кормить,
«Аль на волю вели выпустить:
«Послужилъ онъ царю Бѣлому,
«Послужилъ онъ правдой-вѣрою,
«Помахалъ онъ шаблей вострою
«Надъ своею [2]) шеей толстою.»

(Запис. П. И. Рыбниковымъ, ср. наше изданіе т. II).

*

Слѣдующій образецъ теряетъ обычный запѣвъ, но за то внутри помѣщаетъ уже двѣ пѣсни Чернышова, „Таланъ“ и „Головушку:“

6.

(Губ. Орловской).

За Кистри́нскими воро́тами,
Тутъ стояла нова горница,
По россійски темна тѐмница [1]):
Какъ во этой темной тѐмницы
Посажо́нъ былъ тутъ невольничекъ,
Что невольничекъ Росейской графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичь.
Онъ ни годъ сидѣлъ, ни два́ года
А сидѣлъ ровно тридцать три́ года:
Отростилъ онъ себѣ рыжу бороду [2])
До шелко́ваго до по́ясу,
Русыя [3]) кудри до могу́чихъ плечь.
Онъ сидѣлъ, бѣдный, посиживалъ,
Головой буйной покачивалъ [4]):
«Голова ль моя, головушка,
«Голова ль моя побѣдная [5]),

---

[1]) Слѣдующее, хоть и въ 3-мъ лицѣ, принадлежитъ, какъ мы знаемъ, самому Чернышову.—[2]) Вотъ уже какъ далеко простерлась порча.

[1]) Помянутый переходъ отъ „свѣтлой свѣтлицы“ къ „темной темницѣ“ народъ объясняетъ уже какъ „Русское толкованіе.“—[2]) Порча дальше и дальше.—[3]) „Русы.“—[4]) Народъ создаетъ особый образъ, чтобы по этому поводу подойти къ пѣснѣ о „Головушкѣ.“—[5]) Бѣдная, въ бѣдахъ.

«Што побѣдна, безотецкая,
«Безотецкая, молодецкая [6])!
«Охъ, Таланъ ли мой, таланъ такой:
«Ни въ роду ли мнѣ написано,
«Ни къ смерти ли приговóренъ я [7])!»

Какъ случилось Прусу ѣхати:
«Охъ ты гой еси, Прусскóй Король,
«Прикажи, сударь, поить-кормить,
«Прикажи, сударь, на волю выпустить!»

(Запис. г. Якушкинымъ).

*

Въ слѣдующихъ двухъ образцахъ вставочная пѣсня изнутри перенесена въ заголовокъ:

7.

(Симбирскъ).

«Ты Таланъ ли мой, таланъ худой,
«Или участь моя горькая!
«На роду участь написана,
«Или такъ со мной случилося,
«Что сидѣть мнѣ въ тёмной тéмницѣ,
«Распроклятой заключевницѣ!
«Какъ сидѣлъ я ровно девять лѣтъ [1]).»

На десятомъ году случилóся мимо ѣхать [2])
Самому ли Королю Прусскому,
Мимо сáмой тёмной тéмницы [3]):
««Тутъ засáженъ былъ Россійскій князь [4]),
««Чернышовъ Захаръ Григорьевичь.»»
Какъ возгóворилъ Россійскій князь
Самому ли Королю Прусскому:
«Ахъ ты гой еси, Прускóй Король,

---

[6]) За симъ пѣсня вторая.—[7]) Плохо, порча.

[1]) Извѣстное намъ перенесеніе съ 1-го лица на 3-е и обратно.—[2]) Стихъ „Случилóся мимо ѣхати“ самъ обличаетъ позднюю прибавку „на десятомъ году.“—[3]) За симъ, какъ знаемъ, слова стражей на вопросъ короля.—[4]) „Князь“ еще болѣе поздняя поправка къ забытому „Графу.“

«Прикажи, сударь, поить-кормить,
«Изъ неволи князя выпустить!»
Какъ возгóворилъ Ируской Король,
Королевское величество:
—Послужи мнѣ вѣрой-правдою,
—Какъ служилъ ты царю Бѣлому,
—Царю Бѣлому, Петру Первому [5])!—
Какъ возгóворилъ Россiйскiй князь:
«Послужилъ бы вѣрой-правдою,—
«Нѣтъ у меня сабли вострыя!
«Послужилъ бы вѣрой-правдою
«Надъ твоею шеей толстою!»

Лишь успѣлъ князь слово молвити,
Чуть успѣлъ Король уѣхати,—
Изъ-за лѣсу изъ за тёмнаго,
Изъ-за горъ было за высокiихъ,
Не грозная туча подымалася,—
Восходила тутъ Русская армiя,
Русска армiя царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго.

(Записано Дм. А. Валуевымъ).

*

8.

(Москва).

Ужь Таланъ-то, таланъ ли мой такой,
Али участь моя горькая!

Ты звѣзда моя восточная!
Высоко звѣзда восходила:
Выше лѣсу выше тёмнаго,

---

[5]) Извѣстная намъ связь пѣсенъ XVIII вѣка съ Петровскими, а если уже „Царь Бѣлый," то опять по привычкѣ и требованью обычнаго стиха „Петръ Первый."

Выше облака ходячаго.

За канавой за глыбокою,
За стѣною бѣлой-каменной [1]),
Какъ стояла тутъ темна́я тё́мница,
Что тё́мная, заключё́вная:
Какъ во той ли тё́мной тё́мницѣ
Засажонъ сидитъ Россійскій графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичь.
Онъ по тё́мницѣ похаживаетъ,
Золоту́ трубку покуриваетъ:
Отростилъ свои воло́сыньки
Что по самые могучи́ плеча́,
Отростилъ свою бородушку
Что по самы́й по шелко́въ поясъ.
Ужь возго́воритъ Россійскій графъ:
«Ужь велитъ-ли Богъ на Русь вы́дочить [2]),
«Отплачу я Королю Пру́скому,
«Не мытьё́мъ, такъ я ка́таньемъ!»

Случило́ся мимо ѣхать тутъ
Самому Королю Прускому.
Ужь какъ взго́ворить Россійскій графъ:
«Охъ ты гой оси, Король Пруско́й!
«Прикажи меня поить-кормить;
«Не прикажешь поитъ-кормить,
«Прикажи скоро́ казнить;
«Не прикажешь скоро́ казнить,
«Прикажи на волю выпустить
[«Не прикажешь на волю выпустить,
«Прикажи скоро́ казнить [3])]!
«Отпишу я на Русь грамотку,

---

[1]) Потерявъ Кистринъ и мѣстность историческую, народъ старается вывернуться и обойтись чертами общими, выраженіями почти отвлеченными.— [2]) Первобытно *выдочать* (*ча* съ носовымъ), откуда дальнѣйшее *выдочкать* (вы-до-чек-а-ть: *ча* въ *чек* и *чин*, потомъ въ *чек*): дождаться чего ни будь, добиться выжиданіемъ, выжидая терпѣливо съ самаго начала до извѣстнаго предѣла.—[3]) Совсѣмъ лишнее повтореніе.

«Что къ самóй-ли государынѣ:
«Государыня отпишетъ на Донъ грамотку
«Къ самому ли Краснощокому [4]):
«Козакѝ съ Дону подымутся,
«Что козáки со Татарами,
«Черемисы со Башкирами [5]).»
Ужь какъ взгóворитъ Король Прускóй:
—Охъ ты гой еси, Россійскій графъ,
—Чернышовъ Захаръ Григорьевичь!
—Послужи мнѣ вѣрой-правдою,
—Какъ служилъ царю Бѣлому!—
Ужъ какъ взгóворитъ Россійскій графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичь:
«Если бъ была у меня сабля вострая,
«Послужилъ бы я надъ твоей головой,
«Надъ твоею шеей толстою!»

(Записано со словъ старухи).

*

Слѣдующій за симъ образецъ замѣняетъ уже „Таланъ" и „Головушку" сродною „Молодостью" и также выноситъ ее въ заголовокъ пѣсни, а на мѣсто „Прусскаго" ставитъ короля „Шведскаго:"

9.

(Губ. Симбирской).

Охъ ты молодость моя, молодость,
Красота молодецкая!
Истаскалъ я свою молодость
Не въ корысти, не въ радости,—
Въ чужой-дальней сторонушкѣ,
Въ Шведской поземелюшкѣ [1])!

---

[4]) Связь съ современникомъ Краснощоковымъ, о которомъ ср. ниже.— [5]) Такъ изъ древности имя „козаковъ" вызываетъ за собою, изъ глубины, разныхъ восточниковъ, противъ которыхъ первоначально и развилось козачество, но которые впослѣдствіи раздѣляли службу легкой конницы съ козаками.

[1]) Связь войны Прусской со Шведскою и взаимныя перенесенія образовъ или выраженій намъ уже извѣстны.

Во Кистри́нѣ славномъ городѣ,
За Кистри́нскими воро́тами,
Сидѣлъ тутъ невольничекъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
Случило́ся тутъ ѣхати
Тому же Королю Шведскому,
Королевскому величеству;
А возго́воритъ тутъ Россійскій графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:
«Гой еси ты, Шведской Король!
«Прикажи поить-кормить
«И на волю выпустить [2])!»
И возго́воритъ Россійскій графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:
«Гой еси ты, Шведской Король!
«Кабы у меня былъ добрый конь
«Да сабля острая,
«Послужилъ бы я на твоей шеѣ толстыя!»

(Запис. Языковымъ).

*

Съ этимъ краткимъ образцомъ связанъ еще кратчайшій другой, который представляетъ, казалось бы, простѣйшую основу и первобытную редакцію подлинника:

10.

(Оттуда же).

Во Кистри́нѣ было городѣ,
За Кистри́нскими воротами,
Тутъ стояла те́мна те́мница.
Ахъ, во той ли те́мной те́мницѣ,
Засаженъ былъ тутъ Россійскій графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
Сидѣлъ онъ ровно тридцать лѣтъ.

---

[2]) За симъ пропускъ, который пополняется предыдущими образцами.

Случилóся итти–ѣхати
Самому Королю Прусскому.
Какъ увидѣлъ тутъ Россійскій графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичь,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ ты батюшка, Прусскóй Король!
«Прикажи меня поить–кормить;
«Не прикажете поить–кормить,
«Прикажите меня выпустить!»

(Запис. также Языковымъ).

*

На самомъ же дѣлѣ образцы этого рода, не краткіе, а „сокращенные,“ пошли, какъ убѣждаемся и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, изъ Москвы и по ея вліянію. Никогда не нужно забывать, что историческія пѣсни изъ половины XVIII вѣка поступили уже съ 70-хъ годовъ въ печатные пѣсенники (Чулкова и Новикова въ особенности), а эти послѣдніе появились точнымъ отпечаткомъ съ рукописныхъ, ходившихъ тогда по Москвѣ же или въ Москву сосредоточившихся: воспѣтыя событія и самыя пѣсни были слишкомъ еще свѣжи, слишкомъ живы; пѣли, записывали и даже печатали живые современники событій, очевидцы, участники, вѣроятно отчасти (въ солдатскихъ) и сами слагатели. Съ другой стороны, необходимо при этомъ помнить, что въ Москвѣ же, этомъ средоточіи пѣнія, письма и печати пѣсенниковъ, послѣдовательно другъ за другомъ были начальниками самые герои, воспѣтые пѣснями: довольно назвать Салтыкова, Чернышова и Прозоровскаго. Понятно, въ какомъ видѣ должна была явиться пѣсня, про нихъ же сложенная, въ ихъ вѣдомствѣ ближайшемъ повторявшаяся, при нихъ записанная и подъ ихъ управленіемъ въ Москвѣ печатавшаяся. Конечно, тутъ прежде всего выигрывала подлинность и всякая черта исторіи дѣйствительной: мы должны неколебимо убѣдиться, что въ пѣсняхъ этихъ вовсе не выдумки, не мечтанья, не чистый или голый эпосъ. Но съ тѣмъ же вмѣстѣ, разумѣется, многое, ходившее въ воображеніи и устахъ народа, должно было очиститься отъ прибавокъ, отъ прикрасъ, а за этимъ и отъ многихъ красокъ или красотъ, и отъ образовъ, и—даже отъ правды творчества. Если не сами правители, то книжники и печатники въ угоду имъ считали своей обязанностью „очищать,“ „поправлять,“ а оставляя голую суть и за недостаткомъ красокъ народныхъ, по своему „подкрашивать.“ Доходило, какъ мы видѣли и еще увидимъ, до того, что самыя имена прятали, замѣняли или подмѣнивали: многіе пѣсенники въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка очевидно остерегались у себя помѣщать, а другіе считали безопаснѣе даже вовсе не печатать вещей подобныхъ. Такимъ-то образомъ, если уже въ Бѣлоруссіи, гдѣ правилъ Чернышовъ, хорошо помнили современники, что онъ потерпѣлъ заключеніе у Прусаковъ

въ Семилѣтнюю войну (ср. Записки Добрынина въ „Р. Старинѣ“), то тѣмъ лучше знали объ этомъ въ Москвѣ, гдѣ онъ закончилъ свою дѣятельность. И вотъ въ какомъ видѣ, отнюдь не первобытномъ творчески, но тѣмъ не менѣе крайне важномъ исторически, получаемъ мы пѣсню о Чернышовѣ по первопечатнымъ Московскимъ пѣсенникамъ:

11.

(Москва).

Что подъ славнымъ было городомъ [1]),
Подъ стѣною бѣлокаменною,
Что подъ той стѣной Кистри́нскою,
Во саду было—во вишеньѣ,
Во зелёномъ виноградьицѣ,
Тутъ стояла свѣтла свѣтлица,
Со косящетымъ окошечкомъ:
Что во той ли свѣтлой свѣтлицѣ
Посажóнъ сидитъ Россійскій графъ [2]).
Онъ по свѣтлицѣ похаживаетъ,
Онъ руками размахиваетъ [3]),
Онъ въ окошечко поглядываетъ,
Свою армію высматриваетъ [4])

Лучилóся мимо ѣхать [5])
Самому Королю Прусскому:
Лучилось [6]) голосъ слышати [7]).
Что взговоритъ Король земли Прусскія,
Королевское величество:
—Ой ты гой еси, Россійскій графъ!
—Послужи мнѣ вѣрой-правдою,
—Вѣрой и правдой [8]) неизмѣнною,
—Какъ слу́жилъ царю Бѣлому,

---

1) Поэтическій запѣвъ уже утраченъ.—2) Имя собственное спрятано.—3) Прозаическія черты, которыми замѣнили образъ народный и пѣсню изъ устъ Чернышова.—4) Ожидаетъ, для освобожденья.—5) Д. б. „ѣхати,“ какъ сейчас „слышати.“—6) А здѣсь д. б. „лучилося.“—7) Какой? Это голосъ пропущенной пѣсни Чернышова.—8) „Вѣрой-правдою.“

—Ровно тридцать лѣтъ и три́ года [9]):
—Послужи мнѣ хотя три́ часа.—
Что взговоритъ Россійскій графъ:
«Ой ты гой еси, Король земли Прусскія!
«Прикажи на волю выпустить [10])!»
Что взговоритъ Король земли Прусскія,
Королевское величество:
—Ой ты гой еси, Россійскій графъ!
—Ваша армія побита вся,
—Остальна́я вся въ полонъ взята [11]).—
Что взговоритъ Россійскій графъ:
«Ой ты гой еси, Король земли Прусскія,
«Королевское величество!
«Хотя жь армія побита вся,
«Остальная вся въ полонъ взята,
«Напишу я скоро грамотку
«Что во славной во Санктпе́тербургѣ [12]):
«Припишу набрать рекрутиковъ [13]),
«Молодыхъ я всё солдатиковъ,
«Я велю иттить подъ Кистри́нъ-городъ,
«Вашъ Кистринъ-городъ разобьютъ весь [14]),
«А тебя, Короля, въ полонъ возьмутъ,
«А меня, графа, вы́ручатъ!»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій).

*

Большая часть пѣсенниковъ, ближайше послѣдовавшихъ, вовсе опускала эту щекотливую подробностями пѣсню, а другіе повторяли „печатную“ редакцію; только лишь черезъ пятдесятъ лѣтъ снова отважились возвратиться къ образцамъ, болѣе народнымъ:

---

[9]) Передѣлано неудачно изъ „сидѣнья,“ которое у народа обычно длится „тридцать лѣтъ и три года,“ еще со временъ Муромца.—[10]) Ни съ того, ни съ сего: у народа это имѣетъ постепенность —[11]) Представляется какъ запугивающій обманъ со стороны короля.—[12]) Такъ ловко это слово въ пѣсни.—[13]) Это уже извѣстная солдатская гордость того времени, очень долго продолжавшаяся.—[14]) Не трудно отличить языкъ книжный, не понимавшій хорошенько народнаго склада.

12.

Во Кистри́нѣ было городѣ,
За Кистри́нскими воро́тами,
Тутъ стояла тёмна тёмница:
Что во той ли тёмной тёмницѣ
Посажо́нъ былъ тутъ Россійскій графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичь.
Онъ по тёмницѣ похаживалъ,
Табаку трубку выкуривалъ:
Онъ обросъ своей бородушкой
Что по са́мой по шелко́въ поясъ.

Случило́ся тута ѣхати
Самому Королю Прусскому.
Какъ возго́ворить Россійскій графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичь:
«Ужь ты гой еси, Пруско́й Король!
«Прикажи меня поить-кормить;
«Не прикажешь ты поить-кормить,
«Прикажи ты меня выпустить;
«Не прикажешь меня выпустить,
«Отпишу я къ государынѣ:
«Не перомъ я, не чернилами,
«А своими горючьми слезми!»

(Пѣсенникъ Глазуновскій 1819 г. (С.П.Б.), Кузнецовскій 1822 (М.) и нѣкоторые другіе позднѣе).

Любопытно, что только *съ этихъ поръ* осмѣлились выставить въ печати *имя* Чернышова и сообщить пѣснѣ подлинное *заглавіе*: „Пѣсня на заключеніе въ городѣ Кистринѣ Россійскаго Генерала Графа Чернышева. Голосъ томной.“ Съ другой стороны не менѣе важно и то обстоятельство, что въ тѣхъ же самыхъ пѣсенникахъ, и рядомъ съ пѣснею о Чернышовѣ, помѣщался однакоже совершенно особымъ извѣстный намъ старшій первообразъ ея—„Ахъ таланъ ли мой, таланъ такой,“ съ Азсвомъ и Донскимъ козакомъ (ср. вып. 7 и 8).

*

Таковы редакціи сокращенныя или краткія сами по себѣ, въ которыхъ иногда, какъ въ приведенномъ сейчасъ образцѣ, мы видимъ простоту по-

длинника, а во всякомъ случаѣ, даже при книжныхъ поправкахъ, значительную историчность. Но за тѣмъ слѣдуетъ уже порча въ устахъ самого народа и нелѣпое смѣшеніе: это обратное разложеніе Былины, снова въ пѣсню Безъимянную, о Молодцѣ. За то на этомъ пути пѣсня нерѣдко возвращается къ тому древнѣйшему типу, отъ котораго пошла, поднимаясь до мотивовъ Разинскихъ, и это намъ крайне поучительно. Вотъ примѣръ:

13.

(Губ. Симбирск., Усть-Урень).

Ходилъ-то я, добрый Мóлодецъ [1]), по чисту́ полю:
Мягкая постелюшка—желтóй песокъ,
Изголовьица [2]) моя—шелковà трава.

Какъ во селѣ было во Лысковѣ [3]),
Тутъ построена крѣпкая тéмница;
Какъ во той во крѣпкой тéмницѣ
Посаженъ добрый Молодецъ,
(Добрый молодецъ)[4]) Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
Онъ по тéмницѣ похаживаетъ, (самъ слезно плачетъ) [5])
Самъ слезнó плачетъ, (онъ) Богу молится:
«Ты взмой, взмой [6]), туча грозная,
«Разбей громомъ крѣпкія тюрьмы́!
«Во тюрьмàхъ сидятъ всё невольнички,
«Невольнички, неохотнички [7]).»

Всѣ невольнички разбѣжалися,
Во темны́мъ лѣсу они собиралися,
Сходилися они на полянушку,
На полянушку на широкую [8]).

---

[1]) Герой—уже простой „Молодецъ;“ пѣсня сохранила еще обороты отъ 1-го лица.—[2]) Обычная у народа замѣна, средняго рода женскимъ.—[3]) Извѣстное и въ пѣсняхъ, особенно разбойничьихъ, огромное село на Волгѣ.—[4]) Излишне вставленное повтореніе съ конца предыдущаго стиха.—[5]) Такое же повтореніе, неправильно перенесенное сюда отъ начала послѣдующаго стиха.—[6]) Д. б. „возмой;“ начало пѣсенъ погребальныхъ (чтобы открылся гробъ) и тюремныхъ.—[7]) Пѣсня тюремная и разбойничья: представляется, что туча явилась, тюрьма разбилась, невольники свободились.—[8]) Это третья пѣсня, понизовая и Волжская; она переходитъ въ Разин-

««Ты взойди, взойди, красное солнышко,
««Обогрѣй ты насъ, добрыхъ мóлодцевъ,
««Добрыхъ мóлодцевъ, сиротъ бѣдныихъ,
««Сиротъ бѣдныихъ, безпашпортныихъ!»»

Ниже города—ниже Нижняго,
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
По прозванью рѣчка Волга-матушка:
Течетъ Волга матушка
Съ дикимъ-мелкимъ камушкомъ.
Какъ по рѣчушкѣ плыветъ легка лодочка:
Эта лодочка изукрашеная,
Вся молодчиками изусáженная [9]):..

(Запис. П. В. Шейномъ отъ Никол. Картавенка, ср. „Чтенія").

Замѣчательно, что Сахаровъ, конечно знавшій подобныя историческія пѣсни по старшимъ пѣсенникамъ, почти всѣ пропускаетъ у себя, какъ ближайшія и слишкомъ еще щекотливыя, по его понятію, своими личными историческими чертами и намеками.

* * *

Теперь, какъ мы говорили, слѣдуетъ другой герой современный, извѣстный и всему народу, но особенно славный между Донцами, Краснощоковъ. При немъ встрѣтимъ еще и черты Кистрина съ Чернышовымъ, и Лопухина съ Гроссъ-Егерсдорфомъ, и другія отличія Прусской или Шведской, даже Турецкой войны: но въ особенности Берлинъ, яркіе образы Короля Прусскаго, раннее начало и далеко протянувшійся конецъ, а отцвѣтъ всему преимущественно козацкій—Донской.

Генералъ Краснощоковъ, Атаманъ Донской.

1.

Первая пѣсня объ немъ начинается еще съ Петровскихъ Шведскихъ битвъ и переходитъ въ Шведскую войну при Аннѣ—Елизаветѣ: ту и другую эпоху соединяетъ имя *Левенгаупта*, и потому передъ нимъ впервые пред-

---

скую, а дальше уже спеціальная пѣсня Разинцевъ „ты взойди:" см. ее въ 7 и 8-мъ выпускѣ.—[9]) Это осколокъ еще четвертой пѣсни, обычной Волжской, о поѣздкѣ на судахъ, особенно о бѣдѣ Атамана и его полюбовницѣ: ср. у насъ выпуски 7-й, 8-й и послѣдующіе.—Пѣсня, кромѣ того, что сама искажена въ устахъ народа, еще плохо размѣчена на стихи и отпечатана.

сталъ Краснощоковъ. Пѣсня эта напечатана у насъ въ вып. 8-мъ, отд. XIII, стр. 137: тамъ Краснощоковъ разыгрываетъ ту же роль, какъ „Маіоръ земли Шведскія“ обратно передъ нашимъ полководцемъ Шереметевымъ и какъ недавно въ глазахъ нашихъ сталъ въ то же положеніе Чернышовъ передъ Королемъ Прусскимъ.

*

2.

Краснощоковъ съ Петромъ Лессеномъ.

За тѣмъ первые историческіе подвиги Краснощокова оказались въ Крымскомъ походѣ фельдмаршала Петра *Ласси, Лесси* или *Леси*: тогда-то, въ 1736 году, Походный Атаманъ отбилъ Русскихъ плѣнныхъ, по неосторожности попавшихся, и поразилъ толпы Татаръ, о чемъ пѣсня, въ нѣсколькихъ образцахъ, хотя безъ имени Краснощокова и на основахъ еще старшихъ, помѣщена у насъ въ выпускѣ 8-мъ, отдѣлѣ VII-мъ, въ „Донскихъ и Азовскихъ дѣлахъ (стр. 75—78).“ Послѣдній, отпечатанный тамъ, образецъ подъ № 3-мъ закидываетъ уже черты попавшагося въ плѣнъ „Атамана,“ котораго „на уморъ морятъ въ тёмной тѣмницѣ, не даютъ ему, доброму молодцу, ни пить, ни ѣсть,“—черты, которыя развиваются тутъ же въ цѣльный образъ „Донскаго козака среди плѣну Азовскаго.“ Но тотъ же Петръ Лессенъ (какъ зоветъ его народъ, правильнѣе, чѣмъ Ласси) явился начальникомъ въ Шведскую войну при Аннѣ-Елизаветѣ,—и отъ него же гибнетъ Краснощоковъ, попадаясь въ Шведскій плѣнъ (къ Лёвенгаупту):

Какъ затѣемте [1]), ребята, пѣсню старую [2]),
Мы которую пѣвали [3]) — сами плакали,
Что про храбраго кавалера [4]) Краснощокова.
Отъ чего ему скора смерть солучилася?
Солучилась ему скора смерть отъ измѣнника [5]).
Отъ Петра Петрова сына Лессена.
Онъ писалъ ли о немъ къ непріятелю.

---

[1]) Въ подлинникѣ болѣе народномъ вѣроятно „Затянемте.“—[2]) Въ знакомомъ для насъ значеніи: привычную, сложенную на опредѣленный случай и распространенную: сама по себѣ, пѣсня была еще нова и даже напечатана современно Краснощокову.—[3]) Оборотъ довольно народный: книжное было бы „которую мы пѣвали.“—[4]) Онъ былъ точно, и въ Шведскую уже войну, „кавалеръ и бригадиръ,“ почему называется въ пѣсняхъ „генераломъ.“— [5]) По привычкѣ народа и войска сваливать все на „измѣну:“ ср. выше.—

Къ непріятелю въ землю Шведскую,
Къ генералу ли надъ той арміей [6];
«Мы хотѣли залучить своего недруга;
«Что за утро Краснощокову въ разъѣзду ѣхати,
«Какъ со малою съ партіей съ козаками [7].»
Отъ-того-то ему смерть и случилася:
Отъ Петра Петрова сына Лессена.

(Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій; въ позднѣйшихъ перепечатывалось безъ перемѣнъ).

Въ томъ видѣ, какъ мы получили въ печати, образецъ носитъ нѣсколько слѣдовъ книжнаго вліянія: но сама по себѣ пѣсня хороша и близко отвѣчаетъ знакомому для насъ типу Московскому, по сжатости, опредѣленности, немногословности и ясности вывода, такъ сказать логичности, съ указаніемъ обыкновенно причинъ и послѣдствій.

*

Слѣдующая пѣсня начинается съ Лопухина, но изъ Пруссокой войны возвращается въ Шведскую: въ Шведскую потому, что послѣ Крымской прославился здѣсь также Краснощоковъ. Имя его смѣшано, ибо образецъ пѣсни записанъ не изъ лучшихъ устъ, но образъ героя ясенъ и еще разъяснится намъ впослѣдствіи. Дѣло въ томъ, что Шведская война будитъ предыдущую Петровскую, отъ Петра ведетъ къ Азову, отъ Азова къ образамъ XVII вѣка и такъ дальше, все выше. Образъ героя, переодѣтаго, именно „купцомъ,“ какъ въ этомъ видѣ является онъ ко врагу и врага обманываетъ, а послѣ одолѣваетъ, крайне древенъ въ нашемъ пѣснотворчествѣ: онъ начинается собственно съ баснословнаго Саломона (ср. выше по поводу Каина и нашу „Замѣтку“ ко II-му тому Рыбникова). Потомъ, какъ историческая басня, вставленъ въ лѣтопись объ Олегѣ и Игорѣ: „Придоста къ горамъ Кіевьскимъ, и увидѣ (увѣдѣ) Олегъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, *похорони вои въ лодьяхъ*, а другія назади остави (какъ скрывалъ Саломонъ своихъ воителей), а самъ приде нося Игоря дѣтьска (какъ дѣйствуетъ Саломонъ, дитя и юноша, черезъ посредника, въ семъ значеніи „чернорабочаго“ и „черпаго,“ раба, переодѣтаго еще въ двойную маску—„купца“). И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя (повтореніе—образъ былъ любимый), и присла ко Асколду и Дирови глаголя, *яко гость есмь* (купецъ), идемъ въ Греки;“ потомъ вызвалъ Оскольда съ Диромъ, обругалъ ихъ—какъ слѣдуетъ, и убили ихъ. Въ эпосѣ Владиміровомъ это начинается тотчасъ же, съ Ильи Муромца: какъ, посредникомъ Владиміра и царя

---

[6]) Лёвенгаупту; строка книжнаго оборота.—[7]) То есть: намъ обоимъ надоѣлъ Краснощоковъ: тебѣ какъ прямой врагъ а Лессену славою и безпорядкомъ своихъ козачьихъ полчищъ. Завтра онъ пустится съ малымъ числомъ: и словленъ, и претерпѣлъ смерть.

восточнаго, является онъ переодѣтый поваромъ, въ сажѣ, „чорный,“ ругаетъ врага, завязываетъ битву, побиваетъ непріятелей. По прочимъ былинамъ и въ Новгородѣ повторяется это на тотъ или другой ладъ (см. ту же Замѣтку при Рыбниковѣ). Въ Московскомъ періодѣ крѣпнетъ это въ образахъ еще больше опредѣленныхъ, хотя все на одинъ же ладъ, и сосредоточивается около крупнѣйшихъ историческихъ лицъ или событій. Въ семъ самомъ видѣ отправляется Сконинъ брать Азовъ; Одоевскій брать Астрахань; при Петрѣ Иванъ Заморянинъ, прочіе Донцы и самъ Петръ въ образѣ „богатаго гостя“ брать Азовъ; послѣ Азова Петръ также точно является въ Стокгольмъ, какъ „купчинушка по городу гуляетъ“ и едва успѣваетъ спастись оттуда. Но за то сейчасъ тутъ же зараждается образъ Краснощокова и непосредственно переходитъ на ближайшую войну Шведскую при Елизаветѣ. Краснощоковъ, мы видѣли, сгибъ уже отъ Петра Петрова сына Лессена; чтобы снова выплыть на свѣтъ Божій, ему нужно посредство старшихъ образовъ пѣснотворческихъ:

3.

Краснощоковъ и Король Шведскій.

(Шенкурскъ, Архангел. губ.).

Какъ на лу́гу на лугу́
Стоитъ армія въ кругу:
Лопухинъ ѣздитъ въ полку́,
Куритъ трубку табаку.
Онъ не для́ того куритъ,
Чтобы пьяному быть:
Для того трубку куритъ,
Чтобъ смѣлѣе поступить,
Чтобъ смѣлѣе поступить,
Да всю армію избить.
Свято-Русскіе палятъ—
Съ огнемъ ядрышки летятъ;
А какъ Шведски-то палятъ,—
Выше лѣсу дымъ валитъ.
Только видно-то въ дымку́:
Капитанъ ѣздитъ въ полку́.
Они билися-рубилися
Четырнадцать часовъ;

На пятнадцатомъ часу́
Стали тѣла разбирать,
Стали армію считать:
Нашли, братцы, убиты́хъ
Енараловъ до пяти,
Полковничковъ до семи [1]).

*

Ужь какъ нашь-то капитанъ [2])
Къ Шведу въ гости поѣзжаетъ,
Ужь какъ къ Шведу ли, къ злодѣю,
Къ Краснощокому Королю [3]).
Ко двору его пріѣхалъ,—
Подъ окошкомъ колотился [4]),
Ночевать къ нему просился.
Король Шведскій не призналъ [5]),
На рѣзвы́ ножки ставалъ,
Онъ воро́та отворялъ,
Онъ купчинушку встрѣчалъ [6]).
«Купчинушка молодой!
«Ужь я въ вашемъ во полку́
«Капитановъ знаю всѣхъ,
«Полковничковъ до пяти:
«Одного тебя не знаю.
«Сколько хошь казны бери,—
«Про одного капитана скажи [7])!»

---

1) Это, какъ сказано, совсѣмъ другая пѣсня—о Лопухинѣ, связанная только временемъ Прусской войны.—2) Въ этомъ придирка перейти къ Краснощокову: начальникъ-голова Лопухинъ, таковъ же Краснощоковъ, а вотъ еще что сдѣлалъ нашь начальникъ.—3) „Краснощоковъ къ Королю:" какія еще примѣненія изъ этого имени сдѣлалъ народъ, увидимъ послѣ.—4) Стучался.—5) Не узналъ, кто такой (хотя и прежде вовсе не зналъ).—6) За симъ слова Короля; одинаковый допросъ, какъ предъ Лёвенгауптомъ, какъ Донцамъ предъ Королемъ Шведскимъ, и т. п. ср. вып. 8.—7) По народному обычаю, наявный допросъ: я всѣхъ у васъ знаю, одного Краснощокова не знаю, разскажи, каковъ онъ, чтобы его признать. А между тѣмъ выходитъ „я одного *тебя* не знаю," ты самъ Краснощоковъ, ты же и разскажи объ себѣ.

—Мнѣ на что казна твоя?
—Я и такъ могу сказать[8])!—

Со двора-то онъ похóдитъ,—
Насмѣхается,
На добрà коня садится,—
Да ругается [9]):
—Ахъ ворона ты, ворона,
—Молодой Шведской Король!
—Не умѣла ты, ворона,
—Въ саду сокола имать [10]),
—Ручки-ножки-то связать,
—Головы́ со плéчекъ снять!—

(Запис. г. Борисовымъ).

Въ послѣдній разъ для историческаго пѣснотворчества повторяется послѣ эта исторія на Платовѣ (см. вып. 10).

*

Но собственное ея мѣсто, въ дѣлѣ Краснощокова, при *Королѣ Прусскомъ и Берлинѣ*, при чемъ специальнымъ заголовкомъ пѣсни является „Берёзынька,“ потомъ „Ковыль,“ „Полынь“ и т. п.

4.

Краснощоковъ и Король Прусскій.

(Губ. Оренбургской).

Ты Россійская земля [1]),
Много нужды приняла!
За то ее сударыня [2])
Жаловала [3]).

---

[8]) Узнаешь меня самъ по словамъ и дѣламъ, по тому, чтó увидишь и услышишь дальше.—[9]) Ругательство, естественное въ данномъ случаѣ, какъ упрекъ и насмѣшка за недогадливость: но оно поддерживается, какъ мы видѣли, давнимъ эпическимъ пріемомъ и является обязательной необходимостью.—[10]) Взять, словить.

[1]) Т. е. Русскіе люди, подразумѣвается—въ войнѣ.—[2]) Государыня, Елизавета, какъ во многихъ пѣсняхъ этой эпохи, черта отличительная.—[3]) Д. б. „*много* жаловала,“ какъ въ другихъ пѣсняхъ этого рода.—Такое начало

Краснощокова-тъ [4]) король [5])
Къ Прусу въ гости заѣзжалъ:
Онъ безъ спросу, безъ докладу
Во палатушки вбѣжалъ.
Пруцкой Король не узнавалъ,
На рѣзвы ноги вставалъ;
На рѣзвы ноги вставалъ,
Рюмку водки наливалъ,
Купчиною называлъ [6]):
«Ахъ, ты выкушай, купчинушко,
«Купеческій сынокъ!
«Какъ у васъ ли я во Россіи,—
«Во Россійской во землѣ,—
«Во Россійской во землѣ
«Генераловъ знаю всѣхъ:
«Одного только не знаю—
«Краснощокаго короля.
«Много бы, много бы казны далъ,—
«Краснощокаго спозналъ [7])!»
Краснощокова-тъ король
Таки рѣчи говоритъ:
—На что казны давать?
—Можно такъ его признать:
—Кудёрушки на немъ,—
—Какъ на батюшкѣ на родномъ [8]);
—Черна шляпынька на немъ,—
—Какъ на братцѣ на моемъ [9]).—

извѣстно по нѣсколькимъ пѣснямъ, изображающимъ работу по каналамъ и линіямъ, нужды, походы; въ настоящемъ случаѣ разумѣется „царская служба" на войнѣ Прусской, какъ увидимъ сейчасъ въ образцахъ дальнѣйшихъ и откуда въ нихъ примѣняется сравненіе съ „Берёзой," „Ковылемъ," „Полынью."—[4]) Т.-е. „Краснощоковъ-тъ," съ оглашеннымъ *еромъ* (ср. прежніе выпуски и наше изслѣдованіе о Новоболгарскомъ языкѣ при изданіи пѣсней 1855 г.).—[5]) Возникло, по недоразумѣнію и забвенію, изъ „Краснощоковъ и Король" или, какъ въ предыдущемъ образцѣ, „Краснощоковъ къ Королю:" какъ-бы то ни было, только этимъ путемъ Краснощоковъ самъ сдѣланъ Королемъ, а Король Краснощокимъ (см. еще ниже).—[6]) Какъ переодѣтаго „купцомъ:" см. прежде.—[7]) Еслибъ узналъ Краснощокова.—[8]) По кудрямъ весь въ отца.—[9]) По шляпѣ похожъ на брата—сравненіе изъ устъ

Выходилъ же Краснощокой [10])
На высокъ-красёнъ крылецъ,
Закричалъ онъ—засвисталъ
Своимъ громкимъ голосо́мъ:
—Ахъ вы гой еси, робята,
—Мои вѣрные слуги́!
—Вы подайте поскорѣе
—Мого добрато коня,
—Мо́го добраго коня
—Ко высокому крыльцу,
—Ко высокому крыльцу,—
—Ко точёному столбу!—
На коня онъ сталъ садиться,—
Что ясёнъ соко́лъ взлетѣлъ;
Со двора онъ сталъ съѣзжать [11]),—
Насмѣхаться надъ нимъ сталъ:
—Ты ворона, ты ворона,
—Подгумённый грачь!
—Не умѣла ты, ворона,
—Яснаго [12]) сокола пымать,
—Яснаго сокола пымать,
—Въ когтяхъ крѣпко держать!—

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

Переодѣванье этого рода, со скрытыми позади главнаго героя войсками, совершается обычно изъ за города, который предстоитъ взять или отсто-

---

дѣвушки. Оба сравненія изъ другихъ семейныхъ пѣсней, а смыслъ болѣе отвлеченный таковъ: Краснощоковъ уродился въ родъ свой; а онъ мнѣ братъ; стало быть, коли хочешь его знать, смотри на меня, я таковъ же.— [10]) Обычный у насъ переходъ прилагательнаго изъ качественнаго въ притяжательное и обратно, откуда изъ личныхъ прозвищъ прозвища рода и фамиліи: Долгорукій, Долгорукаго, Долгоруково, Долгоруковъ; Дурной, Дурнаго, Дурново, Дурновъ; Толстой—Толстаго—Толстовъ и т. п. Въ настоящемъ случаѣ смыслъ прозвища слишкомъ ярокъ, нагляденъ и доступенъ (не такъ, на примѣръ, какъ въ Чернышовѣ, противуположнаго цвѣта, а еще меньше въ Скопинѣ и т. п.): отъ того, какъ увидимъ, развилось изъ него много примѣненій.— [11]) Скорѣе д. б. „Со двора онъ соѣзжалъ.“— [12]) Д. б. „Ясна.“

нъ: въ старшихъ пѣсняхъ—при Саломонѣ изъ за его отчины Ерусалима (та же исторія въ Эдипѣ классическомъ); при Олегѣ и Муромцѣ изъ за Кіева; въ XVII вѣкѣ изъ за Астрахани; при Скопинѣ, Донцахъ и Петрѣ—изъ за Азова, при Петрѣ наконецъ изъ за Стокгольма. Городъ же, по отношенію къ „Матери городовъ," Кубелѣ или Купалѣ, представляется обыкновенно женщиною, Матерью или, въ случаѣ его добыванія чаще еще,—Дѣвицею: такова при Саломонѣ Мать его и Невѣста или Царица Южская съ загадками; при Муромцѣ и Олегѣ „Мать городамъ Русскимъ," какъ назвалъ (будто бы) Олегъ взятый имъ Кіевъ; въ Словѣ о П. И. добываніе города Всеславомъ представляется какъ подвигъ изъ за его „любой дѣвицы;" въ Стокгольмѣ врагомъ Петра является „дѣвица, королевна (ср. подробности о связи этихъ образовъ въ нашемъ изданіи „Бѣлорусскихъ пѣсней" 1871 года)." Такъ точно теперь, по проторенной дорогѣ, является *Берлинъ*, а въ немъ завоевывается *королевна* или вообще царскаго рода *дѣвица*.

Теперь же вступаетъ специальное отличіе пѣсни въ заголовкѣ. Еще со времени Былинъ о Добрынѣ отправка на подневольную службу и въ дальній походъ, а вмѣстѣ прощанье съ родомъ-племенемъ и низкій поклонъ ему изображается сравненіемъ и картиною природы въ заголовкѣ, какъ „бѣлая берёзынька къ землѣ клонится и листочки ея по землѣ разстилаются (ср. вып. 2)." При Петрѣ такъ или иначе вторятся эти образы при выступѣ противъ Шведовъ, особенно ярко на Шереметевѣ, при прощаньѣ его съ семьей и родными (вып. 8). Но, какъ скоро береза къ землѣ наклонилась и листочки разостлались, въ воображеніи народномъ, а отсюда въ образахъ пѣсни появляется „Ковыль," потомъ вообще „Трава разстилается," а наконецъ трава „Полынь," прибавляющая свою горечь къ изображенію тяжкой службы и многообразныхъ нуждъ похода.

Вотъ пока еще одинъ запѣвъ или заголовокъ, безъ самой пѣсни:

5.

(Губ. Оренбургской).

Какъ далече-далеченько, во чистомъ полѣ,
Еще того подалѣ—во раздольицѣ,
Какъ не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,
Не бумажные [1]) листочки раздуваются,
5. Не шелковая ковыль-травынька разстилается:
Еще стелется-разстилается полынь горькая.
Охъ, и нѣтъ тебя горчѣе во чистомъ полѣ:
А еще того горчѣе—служба царская!

---

1) О появленіи на бѣлой березѣ бѣлыхъ листочковъ „бумажныхъ (съ теченіемъ времени)" см. выпуски прежніе.

Что ни день-то, ни ночь намъ, солдатушкамъ, угомону нѣтъ:
Темна ноченька приходитъ,—
Намъ солдатушкамъ на караулѣ быть;
Бѣлъ денёчекъ наступаетъ,—
Намъ солдатушкамъ во строю стоять;
Во строю стоять намъ солдатушкамъ,—
По ружью держать;
Пристоялися рѣзвы ноженьки ко сырой землѣ,
Придержалися бѣлы рученьки къ строеву ружью,
Пригляделися наши глазыньки на часты звѣзды!

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

А вотъ и самая пѣсня въ связи:

Тѣ же и Берлинъ съ Королевной.

6.

(Губ. Московской, у. Звенигор., Воронки).

Что не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,
Не шелковая въ полѣ травушка разстилается:
Разстилалась въ полѣ травушка—полынь горькая.
Что горчѣй того намъ, солдатушкамъ, служба царская!

Пристоялись наши ноженьки ко сырой землѣ,
Пригляделись наши глазыньки на укрѣпущку [1]).
Ты укрѣпа моя, укрѣпушка, Берлинъ-городъ!
Ты кому, моя укрѣпушка, достанешься?
Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому [2]),
Что тому ли генералу Краснощокову.

Ходилъ-гулялъ Краснощоковъ купцомъ по ряду,
Закупаетъ Краснощоковъ свинцу-пороху [3]),

---

[1]) Крѣпость, которую приходилось брать.—[2]) По связи пѣсней этого времени съ періодомъ Петровскимъ: см. прежде.—[3]) Эта картина, отселѣ господствующая, въ связи съ переодѣваньемъ Краснощокова купцомъ. Нужно вспомнить также общія жалобы пѣсенъ той войны на недостатокъ военныхъ

Заряжаетъ Красногцоковъ сорокъ пу́шечекъ,
Закатаетъ Краснощоковъ сорокъ пу́лечекъ:
Убиваетъ Краснощоковъ (у) Прусскаго Матушку,
Молодую Королевну во полонъ берётъ [4]).
Онъ не бьётъ ее—не вѣшаетъ, только спрашиваетъ:
«Ты скажи-скажи, Королевна, куды Прусъ-Король бѣжалъ?»
— Я голосомъ вамъ кричала, вы не слышали,
— Шелковымъ платкомъ махала, вы не видѣли:
— Онъ на 'кошечко садился—сизымъ голубемъ,
— Подъ столомъ сидѣлъ Прусской Король—сѣрымъ котикомъ,
— Онъ изъ терему вылётывалъ—вольной пташечкой,
— На черную грязь садился—чорнымъ ворономъ,
— Во сине море бросался—бѣлой рыбицей,
— На 'стровочекъ выплываетъ—сѣрой утицей,
— На кораблекъ онъ садился—добрымъ молодцемъ,
— По кораблику разсыпался—бѣлымъ жемчугомъ [5]).—

(Запис. самимъ П. В. К-мъ 1833 года, Іюля 23).

*

припасовъ и продовольствія, откуда выше мы видѣли: „свинецъ-порохъ развозили маркитанты,“ и т. п., а также извѣстный разсказъ объ Апраксинѣ, какъ онъ изъ Пруссіи отправилъ женѣ съ маркитангомъ нѣсколько боченковъ, наполненныхъ червонцами.—[4]) Такъ, по основному народному представленію, вышепомянутому, пѣсня при взятомъ городѣ соединяетъ и Мать, и Дѣвицу-Королевну, но особенно останавливается на послѣдней.—[5]) Эти превосходныя и яркія краски истекаютъ также изъ глубокой пѣснотворческой древности: а) При взятомъ городѣ Король явился богатыремъ и баснословнымъ героемъ, со всѣми оборотами его вѣщей души, какъ хитрый оборотень: какъ древній Саломонъ; потомъ у насъ Олегъ, Вольга и Волхъ (при Царьградѣ), Всеславъ по Слову о Полку Игоревѣ, князь Романъ, Романъ Дмитріевичъ и Романъ Московскій (при нападеніи Литовскихъ королевичей на Москву); сравните тѣ же краски по предыдущимъ выпускамъ.—б) Дѣвица-Королевна при немъ получила тѣ же свойства, она непріятельница намъ, но она же и предательница своимъ, измѣнница, изъ за нее или черезъ нее разныя бѣды: такова она при Саломонѣ; при Олегѣ и Игорѣ, какъ мстительница коварная за мужа; при Дунаѣ и Владимірѣ какъ королевична Апраксія; при

7.

(Губ. Московской, с. Ильинское).

Не бѣлая берёзушка къ землѣ клонится,
Не шелко́вая въ полѣ травушка разстилается:
Растилалась въ полѣ травушка—полынь горькая.
Что горчѣ тебя, поли́нушка-травушка, во всемъ полѣ нѣтъ:
Что труднѣе тебя, служба царская, во всемъ свѣтѣ нѣтъ!

На строю́ стоять,—на круто́й горѣ:
Пристояли мы рѣзвы ножки ко сырой землѣ,
Приморозили мы бѣлы ручки ко стальну́ ружью.

Ходитъ нашъ генаралушка съ купцомъ [1]) по́ торгу,
Закупаетъ нашъ генаралушка дроби-пороху,
Заряжаетъ нашъ генаралушка сорокъ се́мь пушекъ,
Пробиваетъ нашъ генаралушка стѣну ка́менну.
«Ты Пруска́я Королевна, гдѣ твой Пру́ской Король?»
—Мой Пруско́й Король подъ столикомъ—сѣрымъ котикомъ,
—На синё море опущается—яснымъ со́коломъ.—

А укрѣпа моя, а укрѣпушка,
А укрѣпушка ты Бѣли́нъ-городъ [2])!
Ты кому жь, моя укрѣпушка, ты достанешься?
Доставалася моя укрѣпушка царю Бѣлому,
Царю Бѣлому, генаралушкѣ Краснощокому [3]).

(Запис. П. В. К—мъ въ 1832 году; пѣсня „тагольная", протяжная).

*

Добрынѣ какъ Маринка; при Потыкѣ — (Марья) Лебедь Бѣлая и Авдотья Лиховидьевна; въ томъ же видѣ при Романѣ; при Муромцѣ какъ Королевишна и т. д., до самаго Петра, при которомъ царитъ и хитритъ въ Колывани и въ Стокгольмѣ. Отселѣ она вступаетъ на сцену всё болѣе и болѣе широкую, принимая разные виды, на время переходя отъ Краснощокова даже къ Румянцеву и останавливаясь только при семъ послѣднемъ на образѣ чисто-историческомъ, послѣ котораго дальше итти было уже некуда: тамъ ее снова и увидимъ.

[1]) Вмѣсто „купцомъ:" см. выше.—[2]) Берлинъ.—[3]) „Опять „Краснощокой" вм. „Краснощоковъ."—По подлинному образцу, все это обращеніе къ Берлину

8.

(Губ. Рязанской).

Не кавы́лъ-то въ полѣ травушка разстилается:
Разстилается въ полѣ травушка—полынь горькая.
Что горчѣе тебя, поли́нушки, во всѐмъ полѣ нѣтъ:
Только есть горьчѣе тебя, поли́нушки, служба царская,
А горчѣе царской слу́жбицы во всѐмъ полѣ нѣтъ!

Пристоялися наши нóженьки ко сырóй землѣ,
Придержáлися наши ру́ченьки къ строеву́ ружью,
Приглядѣлися наши глáзыньки за Дунай-рѣку́ [1],
Что на славную на укрѣпушку—на Берли́нъ-городъ.
Тамъ ходилъ-гулялъ Краснощокій графъ [2]) купцомъ пó торгу,
Закупаетъ Краснощокій графъ свинцу-пороху,
Заряжаетъ ли Краснощокій графъ сорокъ сéмь пушекъ,
Сорокъ сéмь пушекъ, всѐ осадныихъ,
Пробиваетъ ли Краснощокій графъ стѣну кáменну,
Что во плѣнъ берѐтъ Краснощокій графъ Пру́скую Матушку [3]).
«Ты скажи-скажи, Пру́ская Матушка, куда Прусъ бѣжалъ?»
—У́жь вы глупые-неразумные генералушки!
—Подъ столомъ-то сидѣлъ Прускóй Король—сѣрымъ котикомъ,

есть обращеніе отъ лица войска, послѣ того какъ описана тяжесть похода и стоянки подъ укрѣпушкой. Но здѣсь оно вынесено къ концу и помѣстилось *возлѣ* рѣчи Королевичны: вотъ отчего, при порчѣ, въ послѣдующихъ образцахъ, постепенно переходятъ эти слова къ Королевнѣ и наконецъ къ самому Королю, существенно измѣняя тѣмъ складъ и видъ пѣсни.

[1]) Рѣка типическая, тѣмъ болѣе здѣсь необходимая, что трудно было назвать и запомнить Прусскую.—[2]) Опять благодаря тому, что „Краснощокій,“ а не „Краснощоковъ.“ Дѣйствуетъ *Краснощокій*: но это вѣдь образъ его, качество, свойство, а кто же таковъ онъ былъ самъ? Конечно лицо важное, хоть и забытое: въ стихъ же по размѣру ложился только либо „графъ,“ либо „князь.“ И вотъ Краснощоковъ очутился графомъ, а далѣе и княземъ.—[3]) Здѣсь одна лишь „Матушка,“ наиболѣе приличная при Берлинѣ, этой „Матери городовъ Прусскихъ.“

—На окнѣ-то сидѣлъ Прускóй Король—сизымъ гóлубемъ,
—Черезъ армію перелеталъ—яснымъ сóколомъ,
—По крутой горѣ гулялъ—добрымъ мóлодцемъ.—

(Запис. П. В. К—мъ).

*

9.

(Москва).

Ты полынь, полынь ли горькая!
Ты вó полѣ уродилася, ужь ты полынь горькà:
Ужь нѣтъ-то горчѣй тебя, службы царской!

Ты укрѣпа ль моя, укрѣпушка Берлúнъ-городъ!
Ты кому, укрѣпа, доставалася?
Доставалася укрѣпушка царю Бѣлому,
Ужь тому генералу Краснощокому.

Ужь генерала-тъ Краснощокій по городу гуляетъ,
Свинцу-пороху закупаетъ,
Сорокъ семь пушекъ заряжаетъ,
Пробиваетъ Краснощокій стѣну бѣлу-кáменну,
Беретъ въ полонъ Прускý жену:
«Ты скажи-скажи, Королева [1]),
«Гдѣ твой Прускóй Король?»
—Мой Прускóй Король сидитъ подъ столикомъ—
—Сѣрымъ котикомъ,
—На окнѣ сидитъ—черныимъ вóрономъ,
—Въ окно вылетѣлъ—яснымъ сóколомъ,
—На синé море—сѣрой утицей,

---

[1]) Здѣсь впервые героиня является „Королевой:“ и, хотя мы знаемъ изъ прежнихъ выпусковъ, что названія Королевы, Королевны и Королевичны почти постоянно чередуются безъ особаго различія, но здѣсь ближайшимъ поводомъ сдѣлать супругу было конечно первоначальное выраженіе передъ симъ,—„Пруска жена.“ Сначала это была вообще „женщина,“ а потомъ, по извѣстному нашему словоупотребленію, осмыслили здѣсь жену супругу, Королеву.

—По чисту̀ полю полетѣлъ—бѣлой лебедью:
—За нимъ гонится Краснощокій—яснымъ со́коломъ!— [2])

(Запис. П. В-чемъ отъ 70-лѣтней старухи, изъ Рогожской: она родилась еще въ эпоху самого Краснощокова).

*

10.

(Симбирскъ).

Ты далѐчинька моя, далѐчинька во чисто̀мъ полѣ [1]),
А еще того подалѣе во раздольицѣ,
Стоючи̇ на крутой горѣ.
Глядючи̇ на свою укрѣ̀пушку—
На Берлинъ-городъ [2])!
Ты укрѣпа моя, укрѣпушка,

---

[2]) Новая и красивая черта, но едва ли принадлежавшая подлиннику.—Перенесеніе словъ лица дѣйствующаго непосредственно къ словамъ лица повѣствующаго или поющаго о дѣйствіи—самое обычное, какъ мы уже знаемъ изъ многихъ примѣровъ.

[1]) „Далече-далеченько" слишкомъ часто начинаетъ наши пѣсни (ср. вып. прежніе и послѣдующіе): оно употребляется не нарѣчіемъ безжизненнымъ или кристаллизованнымъ, а *именемъ прилагательнымъ ср. р.*, каково и есть оно по происхожденію, склоняясь въ родительномъ и предложномъ (изъ далеча, во далечѣ); далѣе отсюда *именемъ существительнымъ* (какъ „добро, зло" и т. п.); наконецъ, еще живѣе, болѣе лично и олицетворенно, употребляется, благодаря произношенію, *женскимъ родомъ*, какъ здѣсь и какъ вообще нашъ народъ, по старинѣ, не долюбливаетъ средняго рода, отвлеченнаго и позднѣйшаго, охотно переводя его гдѣ можно въ женскій. Это иначе, или по нынѣшнему,—„Далёкая сторона."—[2]) Мы знаемъ по предыдущимъ образцамъ, что все это начало произошло здѣсь отъ забвенія историческихъ подробностей пѣсни: черты раздѣльныя пришлось здѣсь, такъ сказать, смазать въ одинъ общій обликъ (подобно какъ въ лубочныхъ картинахъ одна краска прошла по десятку лицъ, рукъ и ногъ). Нынѣшніе граматики здѣсь, пожалуй, не нашли бы даже предложенія, а одно только „обращеніе" и „обстоятельство." Тѣмъ не менѣе эта кажущаяся анаколуѳія весьма послѣдовательна и логична въ устахъ народа. Ближе къ намъ мы могли бы перевести ее такъ: „Сторона ты моя далекая, стоянье тяжелое, глядѣнье долгое! Стоючи и глядючи, по неволѣ скажется: „Ты укрѣпа-укрѣпушка," и т. д. За этимъ и слѣдуютъ слова войска, истомленнаго при осадѣ долгимъ ожиданіемъ.

Ты кому-то, укрѣпа, достанешься?
Доставалася ты, моя укрѣпушка,
Царю Бѣлому, воину Краснощокому.

Онъ по рынычку похаживатъ,
Свинцу-пороху закупаетъ,
И семь-то сотъ пушечокъ заряжаетъ,
Пробиваетъ-то онъ стѣнушку бѣлокаменну:
Никого-то онъ въ городѣ не застигаетъ,
Только засталъ-застигъ одну Королевнушку Пру́цкую.
Онъ бить-то её не бьетъ, только спрашиватъ:
«Ты скажи-скажи, Королевнушка,
«Куды твой Прусакъ ушолъ,?»
—Не видать-то вамъ моего Пру́цкаго
—Какъ ушей своихъ:
—Мо́е-тъ Пру́цкое-тъ [3]) по горенкѣ похаживатъ
—Сѣрымъ котикомъ,
—По поднéбесью полётыватъ
—Яснымъ со́коломъ.—

(Отъ Языкова).

*

Теперь мы заключимъ образцомъ, который совмѣщаетъ въ себѣ, хотя отчасти съ перебивкою, всѣ главныя черты того разряда пѣсней Краснощоковскихъ, который идетъ у насъ. Отличія этого разряда: [1]) запѣвъ съ „Березынькой,“ „Ковылемъ“, „Травушкой“ и изъ травъ съ „Полынью;“—[2]) жалоба осаждающаго войска на истомленіе;—[3]) въ слѣдствіе того обращеніе войска со словомъ къ самому Берлину;—[4]) участь Берлина, взятаго Краснощоковымъ;—[5]) образы самого богатыря, то переодѣтаго „купцомъ,“ то „купцомъ“ же закупающаго боевые снаряды;—[6]) взятая вѣщая „Королева—Королевна“ и вѣщій „Король.“

---

[3]) То есть „Мой-тъ Пруцкой-тъ,“ съ оглашеніемъ полугласнаго ъ (ср выше).

Но слѣдующій образецъ кромѣ того предначинаетъ собою особый разрядъ, за нимъ потянувшійся. Для современниковъ, но не участниковъ осады, а тѣмъ болѣе позднѣйшихъ, казалось неловко сочетать въ началѣ пѣсни отчаянныя жалобы съ завершившимся торжествомъ побѣды (на самомъ же дѣлѣ, мы знаемъ, это пріемъ обычный: переходъ отъ лица говорящаго къ разсказу объ немъ); несоотвѣтственны становились и выраженія „*моя* укрѣпушка,“ тогда какъ Берлинъ городъ чужой. Творчеству нужно было выйти изъ этихъ кажущихся затрудненій: и вотъ, на той же горѣ, гдѣ стояли солдаты, помѣщается самъ Король, тѣмъ больше, что онъ уже описанъ вѣщимъ; онъ-то и жалуется, онъ и вопитъ къ „*своей* укрѣпушкѣ,“ къ нему-то и идутъ сравненія съ берёзой суклонною, съ травой разстилавшейся, съ полынью. Пока еще впрочемъ, въ первомъ слѣдующемъ образцѣ, это не такъ рѣзко, ибо онъ еще тѣсно примыкаетъ къ предъидущимъ:

11.

(Съ Урала).

Не бѣлая берёзынька во чистомъ полѣ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки раздуваются,
Не шелкóвая ковыль-трáвынька разстилается:
Растилается въ полѣ трáвынька—полынь горькая.
Ужь нѣтъ-то этой полы́нушки горчѣе изъ всегó поля:
А еще есть горчѣе этого—служба царская!

Что ни день-то, ни ночь намъ, солдатушкамъ, угомону нѣтъ:
Тёмная ноченька приходитъ,—въ караулѣ быть;
Бѣлый день наступаетъ,—во строю стоять;
Во строю стоять,—по ружью держать.
Пристоялися наши ноженьки ко сырóй землѣ,
Примахалися бѣлы рученьки строевы́мъ ружьёмъ,
А буйнáя-то наша головушка съ плечь скатилася [1]).

Краснощокаго генерала сынъ [2]) гуляетъ по гóроду,
И закупаетъ Краснощоковъ свинцу-пóроху,

---

[1]) За симъ во слѣдъ выпущено обращеніе войска къ Берлину, и потому-то оно вставлено ниже отъ лица Короля.—[2]) Возникло изъ стиха „Краснощокова-тъ генералъ *самъ* по городу гуляетъ“ и поддержано тѣмъ, что онъ называется ниже „купеческій *сынъ*.“

И заряжаетъ Краснощоковъ сорокъ сéмь пушекъ,
И пробиваетъ Краснощоковъ стѣны каменны:
Худыхъ людей Краснощоковъ казни́тъ-вѣшатъ,
А хорошихъ людей Краснощоковъ въ полонъ беретъ;
Душу-Марьюшку [3]), красну дѣвушку, за собой ведетъ,
За собой ведетъ и выспрашиваетъ:
«Ты скажи-скажи, душа Марьюшка, гдѣ Пруцкóй Король?»
—Нашъ Пруцкой Король въ каменны́хъ стѣнахъ,
—Подъ столикомъ сидитъ—сѣрымъ котикомъ,
—Изъ окошечка вылетаетъ—сизымъ голубемъ,
—По чисту́ полю летаетъ—яснымъ сóколомъ,
—По высокимъ горамъ гуляетъ—добрымъ мóлодцемъ [4]).—

Какъ растужится-расплачется Пруцкóй Король,
Глядючи́ [5]) на прекрасѣ [6]), — на крутой горѣ,
Глядючи-то на крѣпость—на Берлинъ-городъ:
««Ты крѣпость моя, крѣпость, Берли́нъ городъ!
««Ты кому-то, моя крѣпость, достанешься?
««Доставалася моя крѣпость царю Бѣлому,
««А еще-то тому генералу Краснощокому [7]).»»

Краснощоковъ генералъ къ Прусу въ гости заѣзжалъ.
Онъ безъ спроса—безъ велѣнья на широкой дворъ въѣзжалъ,
Безъ докладу во полатушки вбѣгалъ;
Пруцкóй Король не узнавалъ [8]), на рѣзвы́ ноги вставалъ,
За бѣлы́ руки прималъ, за дубовый столъ сажалъ,
За дубовый столъ сажалъ, рюмку водки наливалъ,
Рюмку водки наливалъ, на подносѣ подносилъ:
««Ты выкушай, купчинушка, купеческій сынокъ!

---

[3]) Это имя истекаетъ конечно изъ „Марьи Лебеди Бѣлой,“ „Маринки,“ „Марьи Юрьевны,“ „Романовны“ и т. п. (см. выше): но оно примѣнено послѣ къ дѣйствительности чисто-исторической и пригодится намъ ниже для разъясненій.—[4]) Отсюда слѣдуетъ вставка, перенесенная съ верху отъ войска на Короля.—[5]) Д. б. „Сидючи“ или „Стоячи,“ какъ жаловалось войско стоя на осадной горѣ.—[6]) Чаще *прикраса*: обыкновенный эпитетъ (по грамматикѣ собственно „приложеніе“) холмовъ, горъ.—[7]) Съ этихъ поръ вставка извѣстнаго намъ по прежнимъ образцамъ приключенія, гдѣ богатырь, переодѣтый купцомъ, появляется во вражескую ставку.—[8]) Согласно раз-

««Я у васъ ли во Россіи, во Россійской во землѣ,
««Во Россійской во землѣ генераловъ знаю всѣхъ:
««Одного только не знаю—Краснощокаго короля [9]).
««Ужь много бы казны далъ, кабы Краснощокова спозналъ!»»
«На что̀ казны давать? Можно такъ его спознать:
«Краснощоковъ-то король—ровно братецъ мой родной,
«Ровно братецъ мой родной, только матери не одной,
«Черны ку́дерки на немъ, какъ на братцѣ на моемъ [10]).»

Выбѣгаетъ Краснощоковъ на высо̀къ-ново̀й крылецъ.
Закричалъ Краснощоковъ своимъ громкимъ голосо̀мъ:
«Охъ вы гой еси, ребята, мои вѣрные слуги,
«Подавайте-ка, ребята, моего добраго [11]) коня!»
Краснощоковъ садился, какъ ясенъ соколъ вылеталъ,
Отъѣзжавши отъ крыльца насмѣхаться надъ нимъ сталъ:
«Ты ворона, ты ворона, гуменный грачь!
«Не умѣла ты, ворона, яснаго сокола ловить,
«Яснаго сокола ловить—Краснощокаго короля!»

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

Отселѣ всѣ помянутыя составныя части пѣсни, по ея главному образцу, смѣшиваются или перестанавливаются по порядку, какой пригоднѣе кажется позднѣйшему, по крайности далекому отъ самого событія, пѣвцу. Отличіемъ существеннымъ остается здѣсь только *жалоба Прусскаго Короля* на потерю Берлина; переходомъ же служатъ тѣ образцы, въ которыхъ забытъ исконный „запѣвъ" и прямо начинается съ „жалобы," а такимъ способомъ естественно было ее отнести къ самому Королю, упоминаемому тутъ же рядомъ:

12.

(Москва).

Ты укрѣпа-ль моя, укрѣпушка, Берли́нъ-городъ!
Ужь кому-то моя укрѣпушка достанется?

мѣру стиха, должно быть обычное у народа произношеніе „не взнавалъ."—[9]) „Королемъ" явился онъ по сопоставленію съ „Прусскимъ," съ котораго снято имя на бригадира.—[10]) Ср. выше. Другими словами: „Краснощоковъ таковъ точно, каковъ я."—[11]) Д. б. „мого" или „добра." И ниже поправьте подобнымъ образомъ—„ясна" и т. п.

Доставалася укрѣпушка генералу Краснощокову.

Какъ гуляетъ-то Краснощоковъ графъ [1]) съ купцомъ [2]) пó торгу,
Покупаетъ же Краснощоковъ графъ свинцу-пороху,
Заряжаетъ же Краснощоковъ графъ сорокъ сéмь пушекъ,
Онъ стрѣляетъ же во Берлúнъ-городъ,
Прошибаетъ стѣну бѣлу-каменну,
Застаетъ-то онъ Прусскаго Короля матушку:
«Ты скажи-скажи, Прусáчинька, куда Прусъ бѣжалъ?»
—Вылеталъ-то онъ въ окошко—яснымъ сóколомъ,
—Подъ небéсы летѣлъ—чорнымъ ворономъ.—

(Запис. П. В. К—къ отъ мѣщанки Рогожской части).

*

13.

(Симбирскъ).

Укрѣпа моя, укрѣпушка,
Ты Берлинъ-городъ!
Ты кому, моя укрѣпушка,
Ты достанешься [1])?
Доставалася укрѣпушка
Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому Павлу Петровичу [2]).

Въ полонъ взяли мою укрѣпушку.
Королевну его полонивши,
Стали [3]) крѣпко спрашивать:
«Ты скажи-скажи, Королевна,
«Гдѣ твой Прýсской Король?»

---

[1]) Какъ скоро сталъ забываться дѣйствительный титулъ „атамана," потомъ „бригадира" и наконецъ „генерала," а Краснощоковъ сведенъ съ „королемъ," послѣдовательно сдѣлался онъ и „княземъ," и „графомъ."—[2]) Вмѣсто „купцомъ."

[1]) Черезъ отрѣзки въ концѣ постепенно образуется стихъ „двойной," изъ двухъ короткихъ половинъ (см. о немъ часто въ нашихъ изданіяхъ прежнихъ).—[2]) Черта времени, когда окрѣпъ образецъ пѣсни этого вида.—[3]) Уже безлично.

—Мой Прусской король—
—Онъ догадливъ былъ:
—Подъ столомъ сидитъ—
—Сѣрой кошечкой;
—Какъ на́ море улётывалъ—
—Сѣрой уточкой;
—По синю́ морю плавалъ—
—Бѣлой рыбицей;
—Со синя́ моря поднимался—
—Бѣлымъ лебедемъ;
—Надъ армеюшкой взвивался—
—Яснымъ со́коломъ;
—По армеюшкѣ гуляетъ—
—Добрымъ мо́лодцемъ.—

(Записано Дм. А. Валуевымъ).

Съ этихъ поръ роль Прусскаго Короля съ жалобою уже утвердилась, хотя бы иногда сохранялось и старое начало, и въ началѣ былъ исконный запѣвъ:

*

14.

(Губ. Симбирской).

Не бѣлая берёзынька къ землѣ кло́нится,
Не шелко́вая ковы́ль-тра́вынька разстилается:
Тутъ растужится-расплачется Пруцко́й Король,
Сидючи́ онъ на прикрасушкѣ—на крутой горѣ,
Глядючи́ онъ на укрѣпушку—на Берлинъ-городъ:
««Ты укрѣпа моя, укрѣпушка, Берлинъ-городъ!
««Кому ты, моя укрѣпушка, доставалася?
««Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому,
««Тому генералу что Краснощокову!»»

Краснощокова-тъ генералушка ходитъ по́ торгу,
Закупаетъ же генералушка свинцу-пороху,
Разбиваетъ же генералушка стѣну каменну,
Выбиваетъ генералушка жену Пру́цкую,

Дѣвóнюшку Прасковьюшку [1]) въ полонъ возьму [2]):
«Ты скажи-скажи, дѣвонюшка, гдѣ твой батюшка?»
—Моя-тъ батюшка во чистóмъ полѣ—чорнымъ ворономъ,
—А подъ нéбесемъ—яснымъ сóколомъ,
—Подъ столикомъ—сѣрымъ котикомъ.—

(Отъ Языкова).

*

15.

(Губ. Калужской, у. Боровскаго).

Не берёзынька къ землѣ клонится,
Не шелкóвая въ полѣ травушка разстилается:
Она стелется-разстилается—полынь горькая.

Растужится и расплачется нашь [1]) Прусскóй Король,
Сижучи на укрѣпушки,
Гляжучи на Берлинъ-городъ [2]):
««Укрѣпа-ль ты моя, укрѣпушка,
««Кому ты достанешься?
««Доставалась моя укрѣпушка
««Царю Бѣлому, генералу Краснощокому.»»

Ходилъ-то гулялъ Краснощокой съ купцомъ пó торгу [3]),
Закупалъ-то Краснощокой съ купцомъ свинцу-пороху,
Заряжалъ Краснощекой сорокъ сéмь пушекъ,
Пробивалъ-то Краснощекой стѣну кáменну,
Самоё-то Королеву онъ въ полонъ беретъ.
Онъ ни бьетъ ее, ни рубитъ, только спрашиваетъ:

---

[1]) Одно изъ любимыхъ именъ XVIII вѣка: ср. выше и ниже.—[2]) Отвлеченно то же, что „беретъ:“ но картинный народный оборотъ, въ разсказѣ отъ 1-го лица о 3-мъ. Имъ объясняется между прочимъ, какъ мы знаемъ весьма многое въ происхожденіи историческихъ пѣсенъ, присвоенныхъ въ собственность извѣстному лицу. На этомъ складѣ построены цѣлыя пѣсни, гдѣ подъ 1-мъ лицомъ (я, меня, мнѣ и т. д.) слѣдуетъ всегда разумѣть разсказъ о 3-мъ (объ немъ): и на оборотъ, такъ возникли многія „хороводныя“ изъ „былевыхъ“ и „бытовыхъ.“

[1]) О которомъ мы поемъ.—[2]) Объясненное выше распаденіе стиха на двѣ половины.—[3]) См. выше.

«Ты скажи-скажи, Королева, куда Прусъ пошолъ?»
—Охъ, мудёръ-то, мудёръ [4]) Прусской Король:
—Онъ сѣрымъ котикомъ по столику похаживаетъ,
—Бѣлымъ лебедемъ вонъ вылетываетъ.—

*

16.

(Губ. Симбирской, въ Яраклѣ).

Какъ далече-далече, во чистомъ полѣ,
А еще того подальше—во раздольицѣ,
Не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,
Не шелковая ковыль-травынька разстилается,—
Какъ растужится-расплачется нашъ Прускoй Король,
Сидючи то онъ на прикрасушкѣ—на крутой горѣ,
Глядючи-то онъ на укрѣпушку—на Берлинъ-городъ:
««Ты укрѣпа моя, укрѣпушка, Берлинъ-городъ!
««Кому-то ты, моя укрѣпушка, достанешься?
««Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому,
««Тому-ли она генералушкѣ Краснощокину.»»

Гуляетъ онъ, Краснощоковъ князь [1]), купцомъ пó торгу,
Закупаетъ князь свинцу-пóроху,
Пробиваетъ онъ, Краснощоковъ, стѣну каменну.

(Записано Языковымъ).

*

Слѣдующій образецъ, какъ и слѣдуетъ собственно по эпическому воззрѣнію народа, отождествляетъ „Королевну“ съ „городомъ,“ такъ что утрата ея значитъ вмѣстѣ потерю города:

17.

(Москва).

Какъ не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,
Не бумажные листоченьки разстилаются,—

---

[4]) То же, что „вѣщій“,—болѣе древнее.

[1]) Ср. выше „графъ“ и т. п.

Да растужится—расплачется нашъ Пруцкóй Король
По своей-то, де, молодой женѣ—Королевичнѣ [1],
Сидючи́-то онъ на прикрасушкѣ—на крутóй горѣ,
Глядючи́-то онъ во бесѣдушкѣ [2], на Берли́нъ-городъ.

Ужь и станутъ-то молоду жену, Королевичну, крѣпко спрашивать:
«Ты скажи-ка, скажи, молода жена, Королевична,
«Ужь каковъ-то твой Пруцкóй Король—онъ мудрёнъ живётъ [3])?»
— Ужь такой-то мой Пруцкóй Король мудрёнъ живётъ:
— Еще первый-то у насъ боя-тъ былъ при чистóмъ полѣ,
— А моя-тъ Пруцкой Король чорнымъ вóрономъ леталъ;
— А другой-то у насъ боя-тъ былъ при темнóмъ лѣсу́,
— А моя-тъ Пруцкой Король волкомъ сѣрымъ гулялъ;
— А третéй-то боя-тъ у насъ былъ при синёмъ морѣ,
— А моя-тъ Пруцкóй Королъ бѣлой рыбицей гулялъ.—

*

Въ слѣдующихъ образцахъ или вовсе теряется типическій запѣвъ и прямо начинается съ жалобы Короля, или же при этомъ прибавляется запѣвъ новый, которымъ по обычаю сравнивается громкій голосъ Короля съ тѣмъ или другимъ народнымъ музыкальнымъ орудіемъ:

18.

(Тамъ же).

Что стоялъ-стоялъ Прускóй Король на крутой горѣ,
Что смотрѣлъ-то—глядѣлъ на Берли́нъ-городъ:
««Охти́, батюшко [1]), укрѣпушка, Берлинъ-городъ!
««Ты кому же, моя укрѣпушка, достанешься?
««Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому,
««А еще генералушкѣ Красношокому!»»

---

[1]) Вотъ доказательство наглядное, что „Королевична" въ то же время можетъ быть и „Королевой."—[2]) Если *сидить* и тѣмъ больше *говорить*, то по народному словоупотребленію онъ *во бесѣдѣ* (скамья и разговоръ); а за тѣмъ уже и *въ бесѣдкѣ*—подъ навѣсомъ вѣтвей (Laub) или тесовымъ (Wölb-, Ge-wölbe).—[3]) По нашему нынѣшнему: въ чемъ мудрость, вѣщее свойство Короля.—[4]) Бой-тъ; у насъ—Прусаковъ съ Русскими.

[1]) Это самое позднее представленіе о городѣ, послѣ древнѣйшей „дѣвицы" и „матушки:" таковы уже „Батюшка Ярославль-городъ" и т. п. Отъ того у Славянъ всѣ древнѣйшіе города (не исключая Кіева, Кракова, и т. п.)

У какъ ходитъ Краснощокій съ купцомъ по́ торгу,
Закупаетъ Краснощокій свинцу-пороху,
Заряжаетъ Краснощокій сорокъ пу́шечекъ,
Пробиваетъ Краснощокій стѣну каменну,
Достаетъ Краснощокій Короля Пру́сскаго [2]):
Какъ Пруско́й Король подъ столикомъ—
Сидѣлъ сѣрымъ котикомъ;
Изъ палатъ-то онъ вылетывалъ
Чорнымъ во́рономъ;
По синю морю высплавливалъ [3])
Сизымъ се́лезнемъ.

(Запис. Н. В. К—мъ отъ Т. А. мѣщанки-старухи).

*

19.

(Тамъ же).

Не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются;
Что не золотая тру́бынька воструби́ла,
Не серебряная сиповочка [1]) возыграла,—
Что растужится-расплачется Пруцко́й Король,
Сидючи́-то онъ на прикрасѣ—на крутой горѣ,
Глядючи́-то онъ на укрѣпушку—на Берлинъ-городъ:
««Ты укрѣпа моя, укрѣпушка, Берлинъ-городъ!
««Кому ты, моя укрѣпушка, достанешься?
««Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому,
««Тому-ли же генералу Краснощокому.»»

первоначально почти безъ исключенія *женскаго* рода, изъ женскаго *въ среднемъ* (какъ Вильно, Ковно, Гродно и т. п., древнѣе—*на*), и только гораздо позже въ *мужескомъ* родѣ.—[2]) Замѣчательно, гдѣ городъ—батюшка, тамъ и представитель его—Король, а Королева и Королевна исчезли.—[3]) Отъ основнаго глагола „*восплывать*,“ плавать по верху, по поверхности (*воз-*): отъ того у народа корабль, судокъ, лодочка и т. п. обыкновенно „плыветъ-*всплываетъ*“ (а просто „плавать,“ какъ рыба, птица, животное и отчасти человѣкъ, значитъ собственно — внутри, входя частями или орудіями въ глубь).“

[1]) Сопѣль, сопѣлка: орудіе духовой музыки.

Краснощокова-тъ генералъ гулялъ по городу,
Закупаетъ Краснощокой [2]) свинцу-пóроху,
Заряжаетъ Краснощокой сорокъ пу́шечекъ,
Пробиваетъ Краснощокой стѣну каменну,
Во полонъ беретъ Краснощокой молоду сноху [3]),
Молоду сноху Прасковьюшку [4]).
Онъ и честью, онъ и лестью стáлъ выспрашиватъ:
«Ты скажи-скажи, Прасковьюшка, гдѣ Пруцкóй Король?»
— Пруцкóя-тъ Король подъ столикомъ—сѣрымъ котикомъ
— Возвивался же Пруцкой Король—чернымъ ворономъ,
— По дикóй-то степи летаетъ—сизымъ голубемъ:
— Краснощокой-то летаетъ—яснымъ соколомъ [5]).—

*

20.

(Губ. Симбирской).

Не золоты трубушки
Вострубили [1]),
Не серебряны сиповочки
Заигрывали.
Тутъ востýжился-восплакался,
Самъ Прускóй Король,
Сидючи́ онъ на украсѣ—
На крутой горѣ,
Глядючи́ онъ на украсу—
На Берли́нъ-городъ:
««Ты украса моя, украсушка,
««Ты Берлинъ-городъ!

---

[2]) Рядомъ обѣ формы, на *ого* и *ой*.—[3]) Жену для сына, невѣстку: эта черта намъ послѣ пригодится.—[4]) См. выше и ниже объ этомъ имени въ XVIII в.—[5]) Въ противуположность Королю, отъ него перешли вѣщія свойства и на Краснощокова, а творчество выиграло новый образъ.

[1]) Отрѣзки съ конца перваго стиха образуютъ стихъ второй, короче перваго (не по ровнымъ половинамъ, какъ въ „двойномъ“).

««Доставалася моя украсушка
««Царю Бѣлому,
««Его главному генералу
««Краснощокову.»»

*

Вторая половина этого образца переходитъ уже къ Очакову и Потемкину, а потому см. ее ниже.

Слѣдующій образецъ заключаетъ собою однородный разрядъ пѣсенъ. Въ немъ изображается торжественный возвратъ войска въ Москву и за симъ, какъ разсказъ возвратившихся, взятіе Берлина представляется дѣломъ уже совершившимся (хотя и въ устахъ еще Короля):

21.

(Губ. Тульской, у. Чернскаго).

Что не стадичко изъ черныхъ галочекъ подымалося,
Подымалася наша армія государева:
И не много, и не мало,—семьдесятъ семь полковъ.
Впередъ бѣжитъ молодой почтарь,
Молодой почтарь, самъ не трёхнется,
По плечамъ бѣжатъ русыя кудерьки,
Русы кýдерьки не ворóхнутся.
Подбѣгаетъ къ матушкѣ каменнóй Москвѣ,
На устрѣчу Московскіе цѣловальнички;
Цѣловальнички испугались, всѣ разбѣглися:
«Вы не бойтесь, цѣловальнички, не пугайтесь ничего!
«Отпустите вы сладкой водочки на пять сотъ рублей,
«Зеленá вина на всю армію государеву [1]!»

На оградѣ сидѣлъ Прусской Король—чернымъ вóрономъ,
По поднéбью леталъ Прусской Король—яснымъ соколомъ,
Подъ столомъ-то сидѣлъ Прусской Король—сѣрымъ котикомъ.
Какъ возгóворилъ Прусской Король:

---

[1]) За симъ разсказъ возвратившихся, изображеніемъ и словами Короля

««Ты укрѣпа-ль моя, укрѣпушка,
««Славный Берлинъ-городъ!
««Ты кому же, моя укрѣпа, достанешься?
««Доставалась моя укрѣпа царю Бѣлому,
««Царю Бѣлому, генералу Краснощокому.
««Я строилъ тебя, укрѣпушку, ровно тридцать лѣтъ:
««Разорили тебя, укрѣпушку, въ три часа!»»

* *

Какъ мы видѣли выше въ пѣсняхъ возвратъ войска изъ походовъ Шведскихъ и Прусскихъ, такъ и послѣдующій небольшой разрядъ пѣсенъ описываетъ возвратъ изъ похода съ Краснощоковымъ, но такъ, что мо́лодецъ, обыкновенно при этомъ изображаемый какъ типъ ранней гибели отъ врага, смѣшивается съ самимъ, умирающимъ будто бы отъ ранъ, Краснощоковымъ.

Возвратъ войска изъ похода съ Краснощоковымъ.

22.

(Губ. Оренбургской).

Мимо города мимо Питера,
Мимо матушки каменной Москвы,
Туто шли-прошли два полка солдатъ.
На передъ полкъ идётъ веселъ и ра́дошенъ,
А другой-тъ полкъ идетъ не веселъ, не радошенъ:
На передъ идутъ съ барабанами,
По бокамъ-то идутъ со сиповками,
Позади-то идутъ съ музыкантами,
Посередь-то ведутъ коня сиваго,
Коня сиваго, свѣтлогриваго.
На конѣ-то сидитъ добрый мо́лодецъ,
Добрый мо́лодецъ, Краснощоковъ князь.
Онъ не пьянъ-то сидитъ,—самъ шатается,
Подъ нимъ добрый конь подгибается.

Увидала его родна матушка
Изъ высокаго, новаго терема,

Изъ подъ краснаго изъ окошечка:
«Ты дитятко мое милое,
«Чадичко возлюблённое!
«Не ходи-ка ты на царёвъ кабакъ,
«Ты не пей-ка, не пей вино царское,
«Вино царское, государское!»
— Государыня моя, родна матушка!
— Не ходилъ-то я на царёвъ кабакъ,
— Ужь я не пилъ-то вино царское,
— Вино царское, государское;
— Напоилъ-то, де, насъ Краснощоковъ князь,
— Тремя пойлами, тремя разными:
— Еще перво-то пойлице—свинцовà пуля,
— Другое-то пойлице—строевô ружье,
— А третье-то пойлице—кленовà стрѣла.—

(Сообщено В. И. Далемъ).

*

23.

(С. Головино, губ. Симбирск.).

Какъ по Питерской было по дороженьки,
По Московскою по широкою,
Тутъ шли-прошли солдаты.
Веселы́ полки, очень радостны,
А одинъ-то полкъ не весёлъ идетъ,
Не весёлъ и не радошенъ:
Добрыхъ коней въ поводу ведутъ,
Краснощокова на рукахъ несутъ.

Увидала его родна матушка:
«Охъ ты дитятко мое милое!
«Ты за чѣмъ больно пьянъ напиваешься?»
— Государыня моя, родна матушка!
— Я не самъ-то пьянъ напиваюся,
— Напоилъ-то меня супостатъ Прусской Король,

15. — Тремя пойлами, тремя разными:
— Первое пойлице—сабля острая,
— Другое пойлице—ружье огненно,
— Третье пойлице—каленá стрѣла.—

(Записано Языковымъ.).

* *

Къ этой же эпохѣ происхожденіемъ своимъ примыкаетъ пѣсня *о взятой полонянкѣ* (даже двухъ полонянкахъ), видимо возникшая сперва на рубежахъ Шведскихъ (быть можетъ въ связи еще съ королевной Шведскою, о которой въ 8-мъ выпускѣ), потомъ на Прусскихъ (гдѣ мы также видѣли недавно взятую королевну), а наконецъ и Турецкихъ, смотря по ходу событій и войнъ. *Кермантъ* сливается здѣсь съ *Кистриномъ—Костроманомъ*, потомъ съ врагомъ *Карамановъ, Кистринъ* и *Гостинъ* съ *Хотиномъ*. Постепенно изъ этого явленія, совершенно естественнаго, обычнаго и частнаго, вырабатывается пѣсня съ чертами *чисто-историческими*, при чемъ въ ней повторяются многіе образы и выраженія, свойственные кругу Краснощоковскому; но, кромѣ того, *Румянцевъ*, тогда же начавшій свое поприще и въ началѣ, какъ извѣстно, отмѣченный на границѣ между прочимъ любовными похожденіями, Румянцевъ, по народному воззрѣнію и словопроизводству какъ генералъ *румяный*, связуется съ другимъ генераломъ *Краснощокимъ*, то есть, какъ мы знаемъ, *Краснощоковымъ*. Къ Румянцеву, въ его спеціальную пѣсню, переходитъ многое изъ пѣсни Краснощоковской. Когда это сліяніе случаевъ, образовъ, именъ и выраженій совершилось для народа, тогда вмѣстѣ съ тѣмъ при Румянцевѣ пѣсня окрѣпла и примѣнена, говоримъ, къ событію чисто-историческому: но это совершилось уже при Екатеринѣ, гдѣ мы и напомнимъ это, и приведемъ самую пѣсню въ ея исторической обстановкѣ. Пока же помѣстимъ здѣсь нѣсколько образцовъ ея перваго зародыша въ постепенномъ развитіи.

Взята дѣвушка на границѣ.

24.

(Москва).

Подъ городомъ подъ Кéрмантомъ,
Служили тамъ два братца,
Не поручикъ ли съ капитаномъ.

Не подъ городъ подступали [1]),
Земляную стѣнушку разбивали:
Во полóну-то они взяли
На [2]) Шведскую панью, млáдую княгиню.
Восплакалась наша Шведская панья,
Востужилася наша млáдая княгиня:
Утѣшають её на [2]) два братца,
Утѣшають ее на два родные,
Не поручикъ ли съ капитаномъ:
«Не плачь ты, не тужи, на Шведская панья,
«Мы возьмёмъ тебя за сестру родную!»

(Записано П. В. К—мъ).

*

25.

(Воронки, у. Звенигородскаго).

Приворачивай, ребята, ко царёву кабаку,
Ко царёву кабаку, зеленóго вина пить [1])!
Не успѣли вина пить, въ барабáны стали бить,
Въ барáбаны выбивали, насъ мóлодцевъ высылали,
Насъ мóлодцевъ высылали, лёгки щляпы надѣвали,
Лёгки шляпы со перáми, съ генералами гуляли [2]).
Генералъ съ нами гулялъ, сорокъ пушекъ заряжалъ,
Сорокъ пушекъ заряжалъ, въ Костроманъ городъ стрѣлялъ [3]).
Костроманъ городъ—приволье, питья-кушанья довольно.
Ой, вó лужкахъ-лужкáхъ ходять дѣвушки въ кружкахъ,
Двѣ дѣвушки танцовали, насъ мóлодцевъ забавляли [4])....

(Запис. П. В. К—мъ 1833, Авг. 20).

*

---

[1]) То же, что иначе: „ужь какъ подъ городъ они подступали (объ отрицательномъ оборотѣ ср. у насъ во многихъ мѣстахъ выше).“—[2]) То же, что выше „не, но,—ино.“

[1]) Слова солдатъ и солдатской пѣсни.—[2]) Т. е. „мы.“—[3]) Ср. эти черты и самыя выраженія съ пѣснями о Прусскомъ походѣ при Краснощоковѣ.—[4]) Пѣсня не кончена въ этомъ образцѣ: слѣдовало, какъ взяли дѣвушку на Русь. *Двѣ* же дѣвушки, вмѣсто одной, отвѣчають выведеннымъ выше *двумъ* братьямъ, вмѣсто одного (двоихъ же увидимъ ниже и при Румянцевѣ: отца и сына).

Прежде, чѣмъ перейти къ Румянцеву (о чемъ ниже), образъ полонянки, взятой на Русь за мужь, переходитъ, какъ мы говорили, ко Краснощокову, этому многообъемлющему герою по мѣсту и времени дѣйствія, на границу „Турецкую,“ гдѣ, благодаря богатству козацкаго творчества, образуетъ слѣдующую прекрасную пѣсню:

26.

Краснощоковъ и полонянка.

(Земля Войска Донскаго).

Между Кумъ-рѣки, между Терекомъ [1]),
Между тѣхъ-то, было, трехъ Кумскихъ отнóженокъ [2]),
Тамъ ходилъ-гулялъ удалъ-добрый молодецъ,
Младъ Донской козакъ, младъ охотничекъ.
За плечами онъ носилъ пищаль Турску,
(Пищаль Турску) все винтовочку,
Долгомѣрную, семипядную, восьмибляшную;
Вмѣсто цѣлика врѣзанъ у винтовочки бральянтъ камень;
У винтовочки насѣчка позлачóная;
У винтовочки подсóшечекъ [3]) кизиловый.
На винтовочкѣ какъ написано-напечатано:
Что «Иванъ-то сударь Краснощоковъ сынъ.»

Онъ шелъ-то не стёжкою, не дорожкою,
Всё тропинкою (всё) звѣриною:
На встрѣчу ему мать сѣрà ланья сы ланятами.
Какъ раскидываетъ онъ подсошечекъ кизиловый,
Онъ прикладывается, благословляется:
«Ты позволь, мать сѣра ланья, по тебѣ стрѣлять,
«По тебѣ стрѣлять, по твоимъ дѣточкамъ?»
— Ты меня убьешь—не шубу сошьешь,
— Ланятъ побьешь—не óпушишь [4]):
— Ты пойди, пойди, младъ Донской козакъ,

---

[1]) Между Кумою и Терекомъ.—[2]) *Отноѣ, Отнога*, старое Славянское слово (какъ *отрогъ* и т. п.): развѣтвленіе, развитіе—горъ, корней (radices—pedes montium).—[3]) Какъ у сохи въ древнѣйшихъ былинахъ: подставка (растопыреная рогатка) подъ ружье.—[4]) Шубу.

— Младъ Донской козакъ, младъ охотничекъ,
— Въ зеляны́ лу́га, въ заповѣдные:
— Тамъ ходитъ Турчинъ со Турчаночкою,
— Онъ ублажаетъ молодую [5]) Турчаночку,
— Забавляетъ въ звончатны́я [6]) гусельки.
— Ты Турчина убьешь,
— А Турчаночку за му́жь возьмешь.—

(Ср. Сборникъ г. Савельева 1866 г.).

* *

Послѣ мнимой или такъ сказать подставной бѣды и смерти Краснощокова при возвратѣ войска изъ Прусскаго похода, настаетъ по пѣснямъ дѣйствительная, подлинная *неволя и смерть Краснощокова*, гдѣ онъ гибнетъ уже самъ собою, никого собою не замѣняя и ни съ кѣмъ не обмѣниваясь своимъ историческимъ именемъ, то есть настаютъ именно такія пѣсни, которыя, по извѣстнымъ признакамъ, выше въ подробности означеннымъ, мы называемъ спеціально *историческими*.

Это не значитъ, впрочемъ, что пѣсни эти *впервые и цѣликомъ* сложены про Краснощокова: по извѣстнымъ намъ пріемамъ, онѣ воспользовались мотивами, образами и чертами гораздо старшими. Такъ, первая изъ нихъ, о *неволѣ*, прямо повторяетъ образы и даже выраженія *пѣсни Разинской*, напечатанной нами въ 8-мъ выпускѣ, Дополненія, стр. 316, 317, № 2; въ сборникѣ у Кирши, какъ извѣстно, повторяется то же въ другой обстановкѣ и съ инымъ примѣненіемъ.

Краснощоковъ въ неволѣ.

27.

Не отъ тучи, ни отъ грома, ни отъ солнышка,—
Отъ великаго оружія солдатскаго
Загоралася въ чистомъ полѣ ковыль-трава.
Добиралася [1]) до бѣлаго до ка́мышка:
Что на̀ ка́мышкѣ сидитъ младъ-ясенъ соколъ.
Подпалилъ онъ свои бы́стрыя кры́лышки,

---

[5]) Д. б. „мла́дую."—[6]) Чаще „звончатыя."

[1]) Загорѣвшаяся трава, трава съ огнемъ.

Обожóгъ онъ свои скорыя нóженьки.
Прилетали [2]) къ сóколу стадо вóроновъ,
Что садились чóрны вóроны вокругъ его,
И въ глаза ли ясному [3]) соколу насмѣялися,
Называли они сóкола ворóною:
««Ты ворóна, ты ворóна подгумённая!»»

Ахъ, что взгóворитъ въ кручинѣ младъ-ясёнъ сокóлъ:
«Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
«Отрощу я свои крылья, крылья быстрыя,
«Оживлю я свои ноги, ноги скорыя,
«Я взовьюся, младъ-ясёнъ сокóлъ, выше óблака,
«Опущуся въ ваше стадо я скорѣй стрѣлы́,
«Перебью я черны́хъ вóроновъ до единаго [4])!»

Ахъ, когда былъ Краснощоковъ во неволюшкѣ,
Онъ вскричалъ ли, онъ взвопилъ [5]) громкимъ голосомъ:
«Ой вы гой еси, друзья-братья-товарищи!
«Не покиньте добраго [6]) мóлодца при бѣдности:
«Ужь какъ нѣкоторо время пригожусь, братцы, вамъ,
«Замѣню я вашу смерть животомъ моимъ,
«Животомъ моимъ и грудью бѣлою!»

(Первоначально въ пѣсенникѣ Чулковскомъ и Новиковскомъ, потомъ въ послѣдующихъ, на примѣръ въ Кузнецовскомъ, съ заглавіемъ „пѣсня о заключеніи Краснощокова“ и съ замѣткою, что „голосъ протяжной и громкой.“ Разнорѣчій мало; нѣсколько больше ихъ, по формамъ рѣчи, въ слѣдующемъ образцѣ:)

28.

(Земля Войска Донскаго).

Ни отъ тучи, ни отъ грома, ни отъ солнышка,—
Отъ великаго оружія солдатскаго
Загоралась въ чистомъ полѣ кавыль-травушка.
Добиралась (ся) до бѣлаго до кáмышка:

---

[2]) Множественное при собирательномъ „стадо,“ какъ обычно въ древнемъ языкѣ.—[3]) Д. б. „ясну.“—[4]) Досел҃ѣ сравненіе.—[5]) Книжное; д. б. „онъ скричалъ ли—возопилъ“ или „возвопилъ.“—[6]) Д. б. „добра.“

Что на ка́мышкѣ сидитъ младъ-ясёнъ сокóлъ.
Подпалилъ онъ свои быстры крылышки,
Обжогъ онъ свои скорыя нóженьки.
Прилетало къ соколу стадо вóроновъ,
Что садились черны́ вóроны вокругъ его,
И въ глаза ли ясному (ясну) сóколу насмѣхалися,
Называли они сóкола ворóною:
««Ты ворóна, ты ворóна подгумённая!»»

Какъ возгóворитъ во (въ) кручинѣ младъ-ясёнъ сокóлъ:
«Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
«Отрощу я свои крылья, крылья быстрыя,
«Оживлю я свои ноги, ноги скорыя,
«Я взовьюсь (ся), младъ-ясёнъ сокóлъ, выше óблака,
«Опущуся (ся) въ ваше стадо я скорѣй стрѣлы́,
«Перебью я черныхъ вóроновъ до единаго!»

Ахъ, когда былъ Краснощоковъ во неволюшкѣ,
Онъ вскричалъ ли, онъ взопилъ громкимъ голосомъ....

(Ср. Сборникъ г. Савельева 1866 г.).

* *

Подобнымъ образомъ и слѣдующая пѣсня, *о смерти* Краснощокова, основана вся на старшихъ, именно Петровскихъ, приведенныхъ у насъ о разныхъ лицахъ въ 8-мъ выпускѣ, и даже еще на старшей, съ которой собственно и начинается весь этотъ разрядъ, о князѣ Семенѣ Пожарскомъ, что напечатали мы въ выпускѣ 7-мъ. При лицѣ Краснощокова пѣсня только вторично „спеціализована,“ одинаково и предъ Лёвенгауптомъ (ср. у насъ выше), и предъ ханомъ Крымскимъ.

29.

Краснощоковъ умираетъ.

Что сказать ли вамъ, братцы, про диковинку,
Какъ про вѣрнаго слугу про Краснощокова?
Отъ чего, братцы, ему скора смерть солучилася?
Солучилася ему скора смерть отъ измѣнщика

Поймали же Краснощокова на черной грязи [1].
Онъ слѣзалъ ли Краснощоковъ со добра коня,
Вынималъ ли Краснощоковъ саблю острую,
Онъ срубилъ ли со добрà коня буйну голову;
Онъ срубивши голову, говорилъ ему:
—Не доставайся ты, мой добрый конь, злу Татарину [2]!—

Ужь какъ взяли Краснощокова за бѣлы руки,
Повели же Краснощокова къ хану Крымскому,
Ужь какъ стали Краснощокова крѣпко спрашивать:
««Ты скажи, скажи, Краснощоковъ, истинну,
««Еще много ли у васъ силы со фельдмаршаломъ [3]?»»
— Со фельдмаршаломъ у насъ силы—ей смѣты нѣтъ.—
««Еще много ли у васъ силы съ Краснощоковымъ?»»
— Съ Краснощоковымъ у насъ—что цвѣтовъ въ поляхъ.—
««Послужи же намъ, Краснощоковъ, вѣрой-правдою!»»
Ахъ что взговоритъ Краснощоковъ злымъ Татаринамъ:
— Послужу я вамъ, друзья мои [4]), саблей острою
— Что надъ вашими ль надъ буйными головками!—
Еще тутъ ли Татаре осердились,
Они стали надъ Краснощоковымъ наругатися,
Принялись у Краснощокова ноги рѣзати.
Они разными муками его мучили:
А правды изъ него не вывѣдали.
(Хоть съ живаго съ него кожу сдрали,
Но души изъ него не вынули [4].)

*

(У Чулкова и Новикова; потомъ мелкія отмѣны у прочихъ, изъ которыхъ приведенъ подъ слѣдующимъ № текстъ пѣсенника Театральнаго и Кузнецовскаго, съ поправками И. И. Дмитріева, обозначая главныя изъ нихъ курсивомъ).

---

[1]) Первоначально это указывало на имя опредѣленной мѣстности, какъ при Пожарскомъ на Конотопѣ.—[2]) Совершенно тотъ же мотивъ, какъ при смерти знаменитаго Сербскаго Кралевича Марка.—[3]) То же при Шереметевѣ или съ Краснощоковымъ при Леси и Минихѣ.—[4]) Отзывается книжною подправкою.

30.

Сказать ли вамъ, братцы, про диковинку,
Про вѣрнаго слугу Краснощокова?
Отъ чего скора смерть ему случилася?
Случилася ему скора смерть отъ измѣнника [1]).

Поймали же Краснощокова на черной грязи.
Онъ слѣзалъ, Краснощоковъ, съ добра коня,
Вынималъ Краснощоковъ саблю острую,
Онъ срубилъ со добра коня буйну голову,
Онъ срубивши голову, говорилъ ему:
— Не доставайся ты, мой доброй конь, злу Татарину!—

Ужь какъ взяли Краснощокова крѣпко спрашивать [2]):
««Ты скажи, скажи, Краснощоковъ, *правду* истинну,
««Еще много ли у васъ силы со фельдмаршаломъ?»»
— Со фельдмаршаломъ у насъ *силамъ* смѣты нѣтъ.—
««Еще много ли у васъ силы [3]) съ Краснощоковымъ?»»
— Съ Краснощоковымъ у насъ—что цвѣтовъ въ поляхъ.—
««Послужи же намъ, Краснощоковъ, *съ* вѣрой-правдою!»»
Какъ возговоритъ Краснощоковъ злымъ *Татаревамъ:*
— Послужу я вамъ, друзья мои, саблей острою,
—*Посѣку ей ваши буйны головы!*—
Тутъ невѣрные озлобились,
Они стали надъ Краснощоковымъ ругатися.
Они разными муками его мучили:
А правды изъ него не вывѣдали.
Хоть съ живаго съ него кожу содрали,
Да души *его* не вынули.

(Печаталось съ надписью: „Воспоминаніе о Краснощоковѣ. Голосъ печальной.")

* *

---

1) „Измѣнщика."—2) Такъ сокращено; или: „Ужь какъ взяли Кр. за бѣлы руки, Повели же Кр. крѣпко спрашивать."—3) „Силы" нѣтъ.

Имя и подвиги Краснощокова встрѣчаются какъ „воспоминаніе" и въ пѣсняхъ позднѣйшихъ, которыя увидимъ ниже.—Одна пѣсня объ немъ („Прітихло-пріумолкло") приведена у Корниловича въ „Русской Старинѣ" съ голосомъ на нотахъ, стараніемъ Кольбе.

Объ этомъ крупномъ историческомъ лицѣ нѣтъ доселѣ дѣльной монографіи, ни біографіи его, даже у самихъ Донцовъ, столь имъ прославленныхъ. Самые обильные наши историки, по необходимости встрѣчая его имя, отзываются объ немъ на вопросы наши совершеннымъ незнаніемъ.

А между тѣмъ это *послѣдній Русскій богатырь*, въ смыслѣ, близкомъ къ древности: съ именемъ и лицомъ его связаны *послѣднія* наши *Былины* въ собственномъ смыслѣ; никто послѣ него не вызвалъ въ народѣ подобнаго былеваго творчества. Онъ, какъ герой, сопровождается пѣснею съ молодыхъ лѣтъ до смерти: и, какъ видѣли мы, нѣсколько разъ исчезаетъ, нѣсколько разъ гибнетъ и умираетъ на разные лады (значитъ не совсѣмъ еще умираетъ за разъ, а черезъ промежутки снова воскресаетъ въ творческомъ сознаніи), подобно Ильѣ Муромцу. Подобно сему же послѣднему, соединяетъ онъ имя *богатыря* и *козака*, *атамана*: но, кромѣ того, еще новаго *бригадира*, *генерала*, связуя собою древность съ самою послѣднею новизною; народъ, видѣли мы, дѣлаетъ его даже *королемъ* и *княземъ*. По силѣ его значенія, къ образу его привлечены былевыя богатырскія черты и выраженія изъ самыхъ старшихъ Былинъ: соприкоснувшись съ нимъ, именно этому обязанъ всего больше Король Прусскій, получившій также древнѣйшія богатырскія отличія, подобно какъ симъ способомъ воскресали и живо изображались разные *вороги* нашихъ богатырей. Ему же, говорили мы, обязанъ Румянцевъ, тѣмъ, что стяжалъ въ пѣснѣ нѣсколько очертаній и выраженій народныхъ. Платовъ, единственный, напоминающій нѣсколько Краснощокова, счастливъ единственно тѣмъ, что повторилъ при себѣ отголоски Краснощоковскихъ Былинъ, что былъ оттѣнкомъ, тѣнью Краснощокова. Другаго же, *равнаго* Былеваго образа во всемъ блескѣ послѣ Краснощокова, повторяемъ, вовсе уже не было. Прочіе, послѣдующіе и пресловутые наши герои прославлены искусственнымъ словомъ, не въ пѣснѣ исторической, не въ Былинѣ народной: много, если имъ отданы пѣсни Солдатскія. Краснощоковымъ Былевое наше пѣснотворчество, можно сказать, замыкается на всегда въ смыслѣ собственномъ и въ силѣ производительной.

* *

Теперь, по закону XVIII вѣка, нами разъясненному, послѣ геройской стороны свѣтлой, сейчасъ изображенной, въ пѣснотворчествѣ народномъ готова соотвѣтственная темная, хотя также въ своемъ родѣ героическая и во всякомъ случаѣ историческая. На этотъ разъ продолжаются послѣдствія эпохи Каиновской: воспоминается связанный съ нею и съ Камчаткою Ванчугъ, смерть одного изъ Каиновыхъ послѣдователей, *Васьки Ремезова*, и въ особенности казнь, постигшая извѣстную намъ *Аннушку* (теперь уже купеческую вдову), рукою палача Андрея, по всему видно—за измѣну, жертвою которой былъ сначала Каинъ, потомъ выданный Ремезовъ.

Казнь Васьки Ремезова.
Месть предательницѣ Аннушкѣ.

(Астрахань).

За Москвою за рѣкою,
За Мушны́мъ больши́мъ рядо́мъ
И за Балчужнымъ [1]),
Тута шли-прошли солдаты,
Солдатушки служивые.
У нихъ ружья на плечахъ—
Штыки при́мкнуты [2]);
Поперёдъ у нихъ идетъ
Самъ грозёнъ, братцы, палачь;
Позади его ведутъ
Ваську Ремезова:
Ведутъ его казнить-вѣшати.

Какъ возго́воритъ Василій
Андрею палачу:
«Ужь ты братецъ, ты мой братецъ,
«Братъ Андрюшенька палачь!
«Не попо́мни, братъ Андрюша,
«Прежней грубости [3]):
«Ты повѣсь меня скорѣй,
«Веселѣе-веселѣй!
«Не повѣсишь ты, собака,
«Завтра самъ угодишь [4]!»
Онъ повѣсилъ, воръ-собака,
Поскорёхоньку;

---

[1]) Рыбнымъ: это извѣстная намъ мѣстность, отъ Мытнаго Двора и нынѣшняго Москварѣцкаго моста, поприща Каинова, до границъ поприща Камчаткина.—[2]) Стихъ, такъ называемый у насъ, „двойной.“—[3]) Моей какой либо и по мести за нее не тяни казни.—[4]) „Воръ-собака“ обычное прозвище палачей: но Андрей былъ пріятель и самъ сообщникъ Ремезова, такъ что и ему угрожалъ наговоръ Аннушки.

И садился воръ-собака
На извощичка;
Онъ поѣхалъ, воръ-собака,
Въ Преображенское село [5]),
Ко Аннушкѣ ко вдовѣ,
Ко купеческой женѣ [6]).
Онъ стучится, воръ-собака,
Объ колечушко.
Не успѣла душа Аня
Вороте́чекъ отпереть,—
Вынимаетъ воръ-собака
Свой булатный ножь,
Онъ подрѣзалъ, воръ-собака,
Груди бѣлыя [7]).

(Эта пѣсня, извѣстная и въ Москвѣ, помѣщена по лучшему образцу, который записанъ для насъ почтеннымъ пѣвцомъ И. Е. Молчановымъ, въ Астрахани, отъ старика Ильи Яковлева, бывшаго моряка-матроса, а сей послѣдній принесъ пѣсню изъ Москвы съ знакомой намъ Парусной фабрики или изъ Матросскаго дома, съ этого пепелища Каиновыхъ и Камчаткиныхъ преданій).

* *

Гораздо яснѣе, по тому же правилу XVIII вѣка, послѣ свѣтлыхъ образовъ въ народномъ пѣснотворчествѣ выдается *образина:* не то, чтобы она не привлекала народнаго вниманія,—доказательствомъ противнаго служатъ уже сложенныя про нее и сбереженныя пѣсни; и безобразіе, возводимое до артистическаго удальства, также притягиваетъ къ себѣ поэтическія краски. Но эпоха Каина послужила для Москвы и сосредоточеннаго въ ней творчества, поучительною школой, своего рода отрезвленіемъ и вразумленіемъ. Разбойники и разбойнички, удалая вольница, гулящіе люди продолжали не только дѣйствовать, но еще отчасти и плѣнять болѣе отдаленный міръ козачества, украйнъ, рѣкъ судоходныхъ и степей, заманивая къ себѣ прихотливую фантазію нашихъ усердныхъ искателей „политическаго дви-

---

[5]) Знаменитое послѣ Петра мѣсто всѣхъ возможныхъ постепенныхъ сектъ, изъ числа коихъ къ Скопеческой принадлежала Аннушка.—[6]) Эта поспѣшность объясняется и желаніемъ Андрея отмстить за погибшаго товарища, и опасеніемъ навѣтовъ за самого себя.—[7]) По древнему: „споролъ" и за тѣмъ „вынулъ сердце съ печенью." Но здѣсь слышенъ еще памятливый намекъ на дѣвушку-хлыстовку, съ подрѣзанными безъ того грудями: Андрей покончилъ, подрѣзалъ совсѣмъ.

женія между народомъ." Многолѣтній, яркій и внушительный примѣръ Каина, начавшаго тѣмъ же, вывелъ подъ конецъ плоды подобныхъ дѣяній на свѣжую воду: взглянувши въ нее безпристрастно, Москва—и первая между другими—увидала въ расчищенныхъ струяхъ дѣйствительную „образину," подлинныхъ и по просту—воровъ, мошенниковъ, грабителей. Практика текущей жизни прохалаживала взглядъ еще лѣкарственнѣе: трудно становилось жить въ Москвѣ отъ воровства и грабительства, пожаровъ, доносовъ и безконечныхъ разбирательствъ; еще тяжеле было въ окрестности, на 20 верстъ вокругъ, по всѣмъ большимъ и проѣзжимъ дорогамъ. Чѣмъ шире, торнѣе и люднѣе была дорога, тѣмъ опаснѣе, не только одиночкамъ, но и цѣлымъ обозамъ: выѣзжали за заставу помолясь усердно, крестясь, торопясь, оглядываясь,—страхъ, сопровождавшій каждаго по преданію до нашихъ собственныхъ лѣтъ въ ранней молодости (съ первыхъ дѣтскихъ годовъ мы ѣздили по деревнямъ и хорошо помнимъ впечатлѣнія). Такимъ образомъ это вовсе былъ не случай, не страхъ предъ неизвѣстностью: очень хорошо была извѣстна опасность, опредѣлены были пункты ея, навѣрное ожидались насильники. Самыя первыя деревни отъ Москвы, большею частію выселки, остановки и станціи, при оврагахъ, спускахъ и подъемахъ, переправахъ и лѣсистыхъ захолустьяхъ, получили названія, удержанныя до сихъ поръ: по одной дорогѣ (Дмитровской)—*Лихоборы*, *Лупиха*; по другой (Рогачевкѣ)—*Гнилуша*, *Свистуха*; по третьей (Владимірской)—*Обираловка*; по четвертой (Звенигородской)—*Раздоры* (гдѣ завязывались придирки), *Голчуха* (гдѣ обирали), *Уборы* (гдѣ убирались и—концы въ воду), и т. п. названія, не требующія поясненій, тѣмъ больше, что мѣстности эти для народа доселѣ окружены страхомъ.—Въ подобномъ положеніи окрестностей Москвы, такъ какъ мы съ XVIII вѣка и теперь въ особенности должны обратить на нихъ вниманіе въ цѣляхъ нашего ближайшаго предмета, чтобы прямѣе перейти къ пѣснямъ, здѣсь сосредоточеннымъ, предлагаемъ пока оріентироваться слѣдующимъ образомъ: спустимся изъ центра Москвы по Басманной и Лефортову къ тому пункту Яузы, гдѣ нынѣ собственно входитъ она въ Москву, миновавъ Сокольники, поле и огороды, круто поворачивая отсюда на право; другими словами, къ тому пункту, гдѣ раскинулась нѣкогда и въ пору, о которой говоримъ, процвѣтало знаменитое, любимое угодье Романовыхъ, *село Покровское*, съ его дворцами, церковными зданіями, оградами, мостомъ и т. д. На лѣво отсюда, если захватить взоромъ большое пространство до 10-ти квадратныхъ верстъ, по срединѣ его окажется главная, прямоѣзжая, столбовая, самая людная и Богомольная дорога, къ Троицѣ, отъ Креста: по одну сторону ея, правую относительно насъ и нашего пункта, шла на 40 верстъ непроходимая трущоба Соколиной царской охоты, всѣ эти Оленьи рощи, Лосиные Острова и т. д., изъѣзженные страстнымъ охотникомъ Алексѣемъ Михайловичемъ; по другую сторону тянулись отъ Москвы Марьина и Марьина, Останкино, Свиблово (Свирлово) съ Леоновымъ и Медвѣдковымъ, наконецъ Тайнин-

ское, куда взоръ упирался и гдѣ шагъ уже останавливался, ибо за тѣмъ начинались мѣстности совсѣмъ инаго положенія, населенія и значенія. Тѣ же, которыя именованы у насъ, равно извѣстны въ смыслѣ народныхъ гульбищъ и привольной загородной жизни, знамениты именами владѣльцевъ (первыя—Черкасскихъ и за ними Шереметевыхъ; Леоново—Демидовыхъ; Медвѣдково—Пожарскаго, Софіи, В. В. Голицына; Тайнинское—царя Алексѣя, княженъ дочерей его и Елизаветы), наконецъ собственными названіями, связанными съ живымъ народнымъ преданіемъ и пѣснею историческою. Дорога богомольцевъ, священнѣйшая изъ подмосковныхъ и Русскихъ, послѣ Креста черезъ пять верстъ упиралась въ Алексѣевское, любимое село царственнаго охотника съ храмомъ въ честь его ангела; еще съ версту—и раскидывалось людное селеніе *Растокино*. Яуза, весьма любимая въ народѣ, преданіяхъ и пѣсняхъ его, столь загаженная нынѣ фабриками, между прочимъ красильными, и всякими нечистотами, совершенно негодная потому и даже зловредная для Москвы (гдѣ, не смотря на всѣ ея прецеденты, продолжаютъ пить изъ нея воду и варить кушанья), Яуза собственно могла бы напоить всю Москву отличною водою безъ другихъ искусственныхъ водопроводовъ. Она выходитъ изъ тѣхъ же, прославленныхъ, громовыхъ Мытищинскихъ водоемовъ (на той же Троицкой дорогѣ за Растокинымъ въ 11-ти еще верстахъ), чистѣйшимъ холоднымъ кристалломъ омываетъ Тайнинское, огибаетъ Медвѣдково, Свиблово, Леоново и—растекается на привольѣ по пологимъ скатамъ луговъ: гдѣ ея *растóка*, тамъ выросло и обстроилось Растокино (та же причина, которая далеко отселѣ породила знаменитый Ростокъ или Ростокъ). Троицкая дорога, подобно прочимъ помянутымъ, въ ближайшихъ частяхъ къ Москвѣ, именно до Большихъ Мытищъ, славится доселѣ исполинскими грабежами: самое имя Мытищъ объясняютъ въ народѣ послѣдними мытарствами, которыя приходилось вытерпливать; у Креста изъ вѣка состоятъ всѣ главные притоны такъ называемыхъ „жуликовъ,“ нѣкоторымъ образомъ санкцированные въ томъ отношеніи, что до послѣдняго времени сюда обыкновенно спѣшила полиція со своими сыщиками, когда въ городѣ и окрестностяхъ совершался выдающійся изъ ряда грабежъ; сама желѣзная дорога не устранила сего, предоставивъ въ сторонѣ отъ себя „простому народу“ пустынное пѣшеходство съ обычными его судьбами. — Здѣсь-то, въ Растокинѣ, какъ въ узлѣ, гдѣ имѣлась и большая дорога богомольцевъ, и по одну сторону Яуза, присоединявшая своимъ теченіемъ цѣлый дистриктъ крупныхъ, людныхъ и богатыхъ мѣстностей, ею обогнутыхъ, а по другую сторону вплоть до Мытищъ и до Москвы непроходимый Сокольническій боръ, здѣсь-то, въ эпоху Канна и Елизаветы, родилась, выросла и на далеко прославилась смѣлая владѣтельница цѣлаго очерченнаго края—Т а н ь к а Р а с т о к и н с к а я, „дѣвица-разбойникъ.“ По преданію мѣстная уроженка, до конца поприща своего дѣвица (хотя и водилась съ подвластными атаманами) и тѣмъ болѣе дѣвица до конца, что никого не могла плѣнить, отличаясь ужасающимъ

безобразіемъ своихъ богатырскихъ формъ. Народъ терпѣлъ ее, проклиналъ: но народъ же и пѣлъ объ ея подвигахъ, какъ поетъ до сихъ поръ, и тѣмъ съ бóльшимъ удовольствіемъ, что поетъ о концѣ ея и казни, съ чувствомъ тѣмъ болѣе прощающимъ, что оно относится уже къ „несчастной." Народъ, особенно на пепелищѣ ея, помнитъ и разсказываетъ объ ней доселѣ: онъ съ охотою пріурочиваетъ ей во владѣніе и самое *Танинское* (измѣняя изъ „Тайнинскаго"), какъ село „Танино," и готовъ самые Екатерининскіе водопроводы, въ сторонѣ отъ дороги, объяснять старыми пещерами, крѣпостью и логовищемъ Таньки. Эти невинныя увлеченія силою героини или, лучше, преувеличенія, во всякомъ случаѣ неопасныя для исторіи, по крайности краснорѣчивѣе совершеннаго молчанія, до сихъ поръ хранимаго оффиціальными полицейскими бумагами того времени: послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что весь полицейскій интересъ поглощенъ былъ вскорѣ крупными дѣяніями Каина, въ дѣлѣ Таньки не касался столицы, напротивъ имѣло мѣсто въ областной уѣздной жизни и быстрою казнію виновной, какъ скоро она попалась, все живо покончилось и забыто для оффиціи. Но и преувеличенія народныя, и молчаніе бумажное съ избыткомъ возмѣщаются другими преданіями и живыми урочищами. „Марьина роща," входившая въ кругъ и поприще дѣйствій Татьяны, долго прозывалась „*воровскою* рощей (о чемъ скоро скажемъ подробнѣе);" „Маренвъ лугъ," съ нею связанный, долго слылъ и остается доселѣ мѣстомъ воровскимъ, грабительскимъ; роща отъ Растокина (со стороны Москвы) въ лѣво, особенно послѣ поворота въ Медвѣдково, роща до послѣдняго времени извѣстная грабежами, изъ нея устремлявшимися на богомольцевъ, звалась и зовется доселѣ „*Танькина, Татьянкина* роща" или просто „*Танька*;" въ пѣсняхъ воспѣвается знаменитая Танькина „*Берёза*," подъ которой собиралась ея станица; берёза не могла перевѣковать, — осталось другое живое урочище Татьяны, ея „*Красная сосна*," уцѣлѣвшая и такъ называемая доселѣ, нѣсколько подальше Танькиной рощи, на той же сторонѣ (другая такая же, краковистая, вся искорюченная, вѣковая сосна Таньки — по дорогѣ изъ Тайнинскаго на Медвѣдково, близь сего послѣдняго); мѣсто это такъ насижено для грабежа, что съ тѣхъ поръ доселѣ на немъ держатъ ночной пикетъ, изъ окрестныхъ крестьянъ, по очереди собирающихся съ дубинами. Чтобы уловить, отчасти сохранить, отчасти фантастически воспроизвести подобныя народныя черты, судьба въ окрестностяхъ Медвѣдкова, Свиблова и Леонова последовательно помѣстила на дачной жизни представителей лучшаго нашего пера: *Новикова, Карамзина* и *Жуковскаго*. Первый, принявъ отъ Чулкова и провѣривъ, занесъ въ свой сборникъ двѣ главныя пѣсни о Татьянѣ, въ лучшей редакціи; второй занялъ—то ужасныя краски отверженнаго быта въ свою „Наталью боярскую дочь," то перенесъ краски нѣжныя, отъ воображаемой Марьи (о ней послѣ вскорѣ) на „Лизу," хотя и пріурочилъ ее къ другой окраинѣ Московской; третій по своему создалъ романтическую Марію, героиню, давшую имя „Марьиной рощѣ." Спустя нѣ-

сколько времени, старожилъ, страстный любитель и описатель Останкина съ его окрестностями, *С. М. Любецкій* (имя его извѣстно уже и въ нашемъ сборникѣ), въ молодыхъ лѣтахъ, изъ ходячихъ преданій составилъ цѣлый романъ или историческую повѣсть въ 4-хъ частяхъ, „Танька, разбойница Растокинская (М., 1834),“—книга, конечно не по историчности, а по умѣнью сгруппировать для разсказа нѣсколько народныхъ данныхъ, съ удовольствіемъ читаемая доселѣ, между прочимъ дѣтьми старшаго возраста (мы сами выжили въ томъ краю цѣлыхъ три года, чтобы въ ряду прочихъ народныхъ памятниковъ собрать отчасти и все уцѣлѣвшее о Татьянѣ).

Татьянѣ Растокинской посвящены собственно *двѣ, народныя-историческія, пѣсни*, пѣсни яркія и выразительныя, отлично по старинѣ сложенныя, со знакомыми уже намъ пріемами въ подобномъ случаѣ.—*Первая* захватываетъ время нѣсколько пораньше: описываетъ подъ „Берёзою“ сборъ цвѣтущей станицы, помѣщаетъ среди станицы атамана-Татьяну, влагаетъ въ сердце ей раскаяніе и роковое предчувствіе бѣды, потомъ, во второй половинѣ, естественно переходитъ къ тому, что героиня изъ среды товарищей исчезла, они уже говорятъ объ томъ въ 3-мъ лицѣ, вспоминаютъ ее какъ „заключенную,“ и, наконецъ, по знакомому намъ обычаю пѣсней сего рода, выводится на сцену сама заключенная, въ темницѣ, съ пѣснею въ устахъ, съ горькимъ сожалѣніемъ объ утраченномъ привольѣ среди „Марьиной рощи.“ Послѣднее обстоятельство дало поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ пишущей и печатающей Русской братіи. Новиковъ, столь близкій еще къ живѣйшимъ устнымъ преданіямъ о Татьянѣ, не усумнился со словъ народа привести въ пѣснѣ эту „Марьину рощу,“ нисколько не пріурочивая ее къ Марьѣ, напротивъ зная, что это было одно изъ поприщъ грабежей Татьяны. Напротивъ послѣдующіе пѣсенники (или, лучше, собиратели ихъ и издатели) — одни увидали здѣсь разбойничьяго атамана *Марью* и перенесли ее даже въ заголовокъ 2-й Татьяниной пѣсни, которая прямо уже не знаетъ никакой Марьи и трактуетъ о Растокинской Татьянѣ, другіе же, отчасти убѣжденные совсѣмъ несходными преданіями о дѣйствительной Марьѣ, давшей свое имя Марьиной рощѣ и деревнѣ, отчасти соблазненные распространившеюся повѣстью Жуковскаго о романтической Марьѣ, родоначальницѣ Марьиныхъ урочищъ, усумнились передавать о такой милой Марьѣ пѣсню съ разбойничьими красками, старались стереть ея выразительныя черты, вставляли общія мѣста и выраженія, заглавляли пѣсню „воспоминаніе потерянной воли,“ а вмѣсто „Марьиной,“ имени, звучавшаго упрекомъ романтической дѣвицѣ Маріи, вставляли названіе, подъ которымъ впрочемъ издавна и слыла эта роща, названіе „*воровской* рощи.“ Другими словами, какъ первые незаслуженно посвятили дѣйствительную Марью въ разбойники, такъ вторые всячески опасались, чтобы хотя неосторожнымъ словомъ пѣсни не задѣть романтической Маріи Жуковскаго. То и другое теперь смѣшно въ виду истиннаго дѣла и смысла: тѣмъ не менѣе, и даже тѣмъ болѣе мы обязаны устранить здѣсь всякое недоразу-

мѣніе, вскрывъ его подлинный источникъ.—*Марья*, давшая имя рощѣ и деревнѣ, въ дѣйствительности *не имѣетъ никакого отношенія къ Татьянѣ Растопчинской.* По ея имени, говорили мы, прозвана роща (съ прилежащею деревней); въ ту пору густая, вплоть отъ Останкина до Бутырокъ; рядомъ, по имени *Мареы*, „Маренинъ лугъ (съ деревней Мареиною, въ лѣво къ Петровскому-Разумовскому):" по обычаю всего XVIII-го и начала XIX вѣка, такъ, личными женскими именами, прозывались у помѣщиковъ усадьбы, деревни, выселки и фермы въ честь и память—либо членовъ семьи, особенно дочерей, либо, еще чаще, помѣщичьихъ любовницъ, изъ крестьянъ и дворовыхъ (примѣръ встрѣтимъ еще ниже); а вся мѣстность, о которой говоримъ, за одно съ Останкинымъ, принадлежала съ XVII вѣка князьямъ Черкасскимъ (послѣ черезъ замужество перешла къ Шереметевымъ). Марья, говорятъ, была изъ числа прославленныхъ любимицъ княжескихъ (родомъ изъ деревни, прозванной Марьиною): Мареа—сестра ея. И вотъ объясненіе. Оно сколько вѣрно, столько же просто: а совпаденіе именъ столь ярко, что когда Греки, Грузины, частію Армяне, изстари избиравшіе эту мѣстность для загороднаго житья и гулянья, отчасти для кладбищъ, отводившихся здѣсь разнымъ иностранцамъ, сложились при Елизаветѣ и, изъ числа православныхъ, иждивеніемъ Луки Долгаго, построена была на углу рощи Кладбищенская Церковь, она посвящена имени Лазаря и двухъ сестеръ его, Маріи и Мареы (Лазарево кладбище). Такъ, по Московскому обычаю и обычаю тогдашней Русской, богомольной и вполнѣ народной, Государыни, закончены и покрыты церковнымъ дѣломъ всѣ былые грѣхи, далекая память и преданія двухъ сестеръ. Всѣ прочія фантастическія предположенія, въ родѣ того, что приводитъ С. М. Любецкій, будто „атаманъ разбойниковъ, скрывавшійся въ Сокольникахъ, увезъ какую-то Марьюшку, отеческую дочку," годились только для чувствительнаго Карамзина и романтическаго Жуковскаго.

Вторая пѣсня Татьянинская нѣсколькими шагами позднѣе, но за то прямѣе, яснѣе, рѣшительнѣе и заходитъ дальше, описывая самый конецъ героини. „Гуляла" и съ товарищами „ходила" она *около 40 лѣтъ*: по одной пѣснѣ круглымъ числомъ 40, по другой опредѣленнѣе 36 лѣтъ. Душъ погубила тысячъ двадцать, не считая старыхъ и малыхъ; держала въ крѣпкихъ рукахъ не только всю округу, отъ Мытищь до Москвы, отъ Тайнинскаго до Преображенскаго и Покровскаго, но посѣщала и прочіе уѣзды, и города. Красная дѣвица сдѣлалась уже старухой: хотя все еще лихою, богатырскою и грозною. Но—сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро: захотѣлось загулять въ Москву. Конечно и тутъ она прежде бывала: да теперь, послѣ Каиновскихъ смутъ и пожаровъ, вниманіе было напряжено, а Государынѣ, жившей въ Покровскомъ, надоѣли наконецъ безпрерывныя тревоги, не дававшія загороднаго покоя, мѣшавшія любимымъ прогулкамъ на богомолье. Съ этого момента и начинается вторая пѣсня. Подъ старость особенно атаманша полюбила винцо: „Татьяна пьяна," таково сдѣлалось обычное

объ ней выраженіе.. Загуляла она разъ въ Москву къ „Петровскому Кружалу,“ обширной постоянной винной выставкѣ при Петровскихъ воротахъ Бѣлаго Города (что теперь отъ Большаго Театра до Петровскаго монастыря): это было весьма близко отъ границъ Марьиной рощи и Бутырокъ. Ватага вокругъ, пошла похвальба, рублевики швырялись безъ счета за стойку, „храбро и бодро поступала“ атаманша, легко было признать въ ней „атамановы поступки.“ Окружила Полиця, хозяйку ватаги вздернули на дыбу: и въ застѣнкѣ она пѣснею продолжала хвастливую исповѣдь. Судъ былъ коротокъ: ее жгли на соломенномъ кострѣ внѣ города, на мѣстѣ преступленій, и отрубили подъ конецъ голову. Пѣсня по обычаю продолжается и дальше: какъ Татьяна „приказала“ казнить ее по своему, разложить со всѣми товарищами въ полѣ, ей послѣдней на краю рубить голову; а пока перебирали прочихъ, она имѣла время пожалѣть друзей, что изъ за нея гибли, покаялась въ томъ и просила у нихъ слезно прощенья,—конечно это прибавка уже преемниковъ Татьяны, продолжившихъ ея пѣсню и пѣвшихъ объ ней по воспоминанію. Равнымъ образомъ, съ начала XIX вѣка пѣсенники (Ильинскій, Театральный, Кузнецовскій и т. п.), по извѣстному намъ недоразумѣнію, надписывали эту пѣсню: „Пѣсня Героини Марьиной рощи, по близости Москвы состоящей, которая называется ея именемъ. Поется протяжно, но съ порывами.“—То и другое, и подобныя неточности, нами растолкованныя, и передержки внутри самихъ пѣсенъ, не мѣшаютъ намъ признать съ полной исторической достовѣрностью, что *обѣ равно принадлежатъ Танькѣ Растокинской*, что это въ народѣ *ея пѣсни*, какъ неизмѣнно убѣжденъ народъ и доселѣ, что онѣ по началу *сложены и пѣты ею самой*, хотя и продолжены дальше, объ самой кончинѣ ея и съ воспоминаніями объ ней въ 3-мъ лицѣ, усердными ея поклонниками, уцѣлѣвшими въ живѣ, откуда и разошлись пѣсни сперва по Растокину и ближайшей округѣ, потомъ по всему Русскому народу. Примѣръ и типъ сего рода намъ не новъ, не новъ и читателямъ нашего труда послѣ многократныхъ нашихъ разъясненій: онъ повторяется неизмѣнно съ одинакими пріемами отъ Разина до Каина, отъ Ксеніи Годуновой и Евдокіи Лопухиной вплоть до Прасковьи Шереметевой, которую скоро встрѣтимъ.

Итакъ, передъ нами *двѣ пѣсни* въ показанномъ ихъ порядкѣ:

Танька Растокинская.

(Москва и ближайшія къ Москвѣ мѣстности).

1.

Что далече-далече, во [1]) чистомъ полѣ
При пути ли [2])—при широкой при [3]) дороженькѣ,

---

[1]) Разнорѣчія: „въ.“—[2]) „Что при пути.“—[3]) Этого „при“ нѣтъ.

Стояла тутъ кудрявая берёза:
Тонёшенька, бѣлёшенька, кудревата.
Подъ тою подъ кудрявою [4]) подъ берёзой
Сидѣла тутъ разбойниковъ станица [5]).

Во той ли во станицѣ красная [6]) дѣвица.
Не пѣсенки красная [6]) дѣвица воспѣваетъ,
Она плачетъ, красная дѣвица, возрыдаетъ [7]):
«Я сорокъ лѣтъ съ разбойниками ходила,
«Я сорокъ душь съ душею погубила,
«И батюшкѣ, и матушкѣ не уступила [8]),
«И родъ-племя краснá дѣвица погубила [9])!»

Не гóлуби промéжь себя воркуютъ,
Промежь себя разбойники рѣчь говорятъ [10]):
— Не стало у насъ, братцы, атамана!
— Засáженъ нашъ атаманъ во темни́цу,
— Во тёмную темни́цу заключённу [11])!
— Не въ саду атаманъ нашъ [12]) гуляетъ:
— Гуляетъ нашъ атаманъ по темницѣ,
— По тёмной темни́цѣ заключённой.
— Тяжко-больно нашъ отаманъ воздыхаетъ,
— Къ сердечушку бѣлы руки [13]) прижимаетъ.
— Любимую свою рощу вспоминаетъ:
— «Ой [14]) свѣтъ же ты моя Марьина роща [15])!

---

[4]) „подъ кудрявой;“ въ другихъ „подъ кудрявою берёзой.“—[5]) Въ другихъ: „Стояли тутъ станицы воровскія.“—Но дальше вездѣ „во станицѣ.“—[6]) „красна.“—[7]) „Что кричитъ красна дѣвица, воетъ-плачетъ.“—[8]) Такъ у Новикова: не уступила ихнимъ просьбамъ оставить разбой. Другіе образцы уже утрировали: „И батюшкѣ, и матушкѣ не спустила,“ и ихъ убила.—[9]) Въ древнемъ значеніи—потеряла, разошлась съ нимъ; прочіе опять преувеличили: „И родъ-племя красна дѣвица потребила,“ извела, перебила. Ужь быть злодѣемъ, такъ злодѣемъ, по мнѣнію позднѣйшихъ пѣсенниковъ.—Отселѣ переломъ пѣсни: Татьяна исчезла, други воспоминаютъ ее въ неволѣ.—[10]) Разнорѣч. „говорили.“—[11]) Заключенну заключенницу, какъ встрѣчали мы выше.—[12]) Друг. „нашъ атаманъ.“—[13]) У Новикова хуже: „бѣлу руку.“—[14]) „Ай.“—[15]) Въ другихъ „воровская роща,“ по причинамъ, растолкованнымъ нами выше.

— «Никакъ [16]) мнѣ по тебѣ, роща, не гуляти [17]),
— «Подъ широкой дороженькой не устояти [18]),
— «Купеческихъ людей мнѣ не разбивати [19])
— «(Только злата и сéребра [20]) не отбирати»—)?!»—

* *

2 [1]).

Загуляла я, краснá дѣвица, загуляла
Со удáлыми со дóбрыми молодцáми,
Со тѣми ли молодцáми—со ворами.
Не много я, крáсна дѣвица, гуляла:
Гуляла краснá дѣвица тридцать шéсть лѣтъ.
Была-то я, краснá дѣвица, атаманомъ
И славнымъ—и преславнымъ—есауломъ.
Стояла я, краснá дѣвица, при дорогѣ,
Со вóстрымъ я со ножичкомъ булатнымъ:
Ни конному, ни пѣшему нѣтъ проѣзда [2]).
Не много я, краснá дѣвица, душъ губила:
Погубила я, краснá дѣвица, двадцать тысячь,
А стáраго и мáлаго въ счетъ не клала.

Я ѣздила по городамъ, по уѣздамъ:
Захотѣла краснá дѣвица загуляти

---

[16]) Должно быть, ужь вѣрно.—[17]) Прочіе многіе образцы: „Ужь какъ мнѣ по тебѣ, роща, не тужити!“—[18]) Не дурно и въ другихъ: „Подъ широкой дорожкой не стояти.“—[19]) Здѣсь кончается Новиковскій образецъ: слѣдующій стихъ прибавляется въ другихъ, многочисленныхъ впрочемъ, разноречіяхъ.—[20]) Въ иныхъ: „и сребра.“

[1]) Къ этой-то пѣсни, какъ мы говорили, печатные пѣсенники съ начала нашего вѣка придѣлали ошибочное заглавіе: „Пѣсня Героини Марьиной (или Марьинской) рощи, по близости Москвы состоящей, которая называется ея именемъ. Поется протяжно, но съ порывами.“—За то образцы ея почти не представляютъ никакихъ разнорѣчій (немногія приведены у насъ): такъ она типично и цѣльно вылилась.—[2]) Весьма частая, кажущаяся, непослѣдовательность народной рѣчи; собственно: „Ни конному нѣтъ проѣзда, ни пѣшему прохода.“

Во славное въ Московское государство [3]).
Захотѣлось мнѣ, красной дѣвицѣ, посмотрѣти:
Богатыхъ тамъ купцовъ мнѣ поглядѣти,
Мнѣ каменны пòлаты поломати,
Желѣзные запоры отпирати.

Загуляла я, краснà дѣвица, загуляла
На славное Петровское на Кружало [4]).
Безъ счету я, дѣвѝца, деньги выдавала,
Нé глядя рублёвички за стóйчку [5]) бросала:
«Вы пейте, мои товарищи, веселитесь!»
Ужь тутъ-то я, краснà дѣвица, бодрость оказала,
Ужь храбро я и бодро поступала,
Атамановы поступки показала [6])!

Ужь тутъ меня, дѣвицу, признавали:
По имени краснỳ дѣвѝцу называли,
По отечеству меня величали;
Назадъ руки крáсной дѣвицѣ завязали,
Повели меня, красну дѣвѝцу, во полѝцу [7]).
Подымали краснỳ дѣвѝцу на дыбу [8]);
Ужь смѣло краснà дѣвѝца отвѣчала:
«Постойте, судьи мои, не судите!
«Чего вамъ отъ меня больше [9]) желати?
«Сама я вамъ, краснà дѣвѝца, повинюся [10]!

---

[3]) Такъ, мы видали уже примѣры прежде, сливали часто государственную область Москвы съ средоточіемъ ея правленія—самой Москвою; такъ и современные Каину бурлаки порывались видѣть „Московское сильное царство," т. е. Москву (ср. выше). Притомъ „областное" чувство было еще сильно развито, отводя себѣ часто границу чуть не подъ самую Москву.—[4]) О точномъ мѣстѣ этой постоянной винной выставки уже говорено у насъ.—[5]) Изъ за которой раздаютъ питье и на которой принимаютъ деньги.—[6]) Здѣсь необыкновенно тонко схвачена черта чисто-женскаго характера, дѣтское хвастовство „мужествомъ" безъ оглядки.—[7]) Полицію, сыскную: но вѣроятно особую отъ Москвы, за городомъ, становую и волостную: и казнь совершена за городомъ (ср. выше о молчаніи бумагъ).—[8]) Для пытки, въ застѣнкѣ.—[9]) Въ другихъ „больше" опущено.—[10]) За симъ, по обыкновенному эпическому пріему, слѣдуетъ повтореніе разсказа о глав-

«Не много-то я, кра́сна дѣвица, гуляла:
«Гуляла я, красна̀ дѣви́ца, тридцать ше́сть лѣтъ;
«Была я, красна̀ дѣви́ца, атаманомъ
(«И славнымъ—и преславнымъ—есауломъ);
«Стояла я, красна̀ дѣви́ца, при дорогѣ,
«Со во́стрымъ я со ножичкомъ булатнымъ:
«Ни конному, ни пѣшему нѣтъ проѣзда;
«Не много я, красна̀ дѣви́ца, душъ губила:
«Погубила я, красна̀ дѣви́ца, двадцать тысячъ,
«А ста́раго и ма́лаго въ счетъ не клала.
«Захотѣла я, красна̀ дѣви́ца, загуляти
«Во славное въ Московское во царство:
«По широ́кимъ по улицамъ походити,
«Богатыхъ тамъ купцовъ поглядѣти,
«Мнѣ каменны полаты поломати,
«Желѣзные запоры отпирати.
«Загуляла я, красна̀ дѣви́ца, загуляла
«На славное Петровское Кружало:
«Не́ гляда я рублёвички вынимала,
«За сто́ичку безъ счету подавала,
«Атамановы поступочки показала.
«Ужь тутъ меня, дѣви́цу, признавали:
«По имени красну̀ дѣви́цу называли,
«По отечеству меня величали;
«Назадъ руки кра́сной дѣви́цѣ завязали,
«Повели меня, красну̀ дѣвицу, во полицу [11]).—
«Судите, судьи, меня поскорѣе:
«Раскладывайте огни на соломѣ,
«Вы жгите мое бѣлое тѣло,

номъ событіи. Иные образцы въ народѣ, по забвенію и порчѣ, это опускаютъ; печатные же пѣсенники, съ начала нашего вѣка, сочли все это излишкомъ и замѣнили слѣдующими присочиненными стихами:

„Во всёмъ-то я, красна дѣвица, повинилась,
„Про всё-то я, красна дѣвица, разсказала,
„*И потомъ я ко судьямъ говорила.....*"—

[11]) Доселѣ все выброшено въ позднѣйшихъ печатныхъ пѣсенникахъ.—

«Послѣ огня мнѣ голову рубите [12])!
«Вы слушайте, судьи, моего приказа:
«Ведите меня съ товарыщи [13]) въ чистое [14]) поле,
«Зачинайте вы класть всѣхъ [15]) съ ряду,
«Меня, красну̀ дѣви́цу, на послѣдокъ.»
Я лёжа тамъ, красна̀ дѣви́ца, возрыдала,
Объ товарыщахъ своихъ я пожалѣла:
Что «рано [16]) я васъ, дѣви́ца, погубила!
«Я въ сей винѣ, кра́сна дѣвица, причина [17]):
«Простите, мои пріятели-доброхоты!»

* * *

Окрестности Москвы, насъ занимающія, постепенно очистились отъ крупныхъ шаекъ, державшихъ ее въ осадѣ. Взоръ могъ весело обѣжать, гуляющій пѣшеходъ безопасно обойти прелестныя мѣстности, которыя нѣкогда соединилъ своею любовью, вниманіемъ и частымъ посѣщеніемъ царственный охотникъ: отъ любимаго его Тайнинскаго до Растокина и роднаго Алексѣевскаго, оттуда на заманчивые Сокольники, въ родовое помѣстье Преображенское съ Семеновскимъ, изъ уютнаго Покровскаго на Измайлово съ его Звѣринцемъ, отсюда еще дальше на востокъ и юговостокъ, куда съ малою свитой верхомъ любилъ пускаться царь на досугѣ, бросивъ повода, въѣзжая на Владимірку, заворачивая, чтобы навѣстить Вешняково Одоевскаго, спускаясь подъ Симоново и къ Печатникамъ, въ Люблино, на Перерву, оттуда до красавца дворцоваго Коломенскаго, гдѣ останавливались шаги. Но минула давно уже, какъ тѣнь, эта царственная фигура, столь любезная взору и сердцу народа: крайнія оконечности очерченнаго нами пространства окрестностей пустѣли либо забывались, отъ Тайнинскаго до Коломенскаго. Изъ *Покровскаго,* нами избраннаго средоточіемъ, взоръ прямо упирался лишь въ Преображенское съ Семеновскимъ и частію Измайловымъ: тамъ, на смѣнившейся сценѣ, шелъ трескъ барабановъ, грохотъ ружей и пушекъ отъ упражнявшагося молодаго богатыря; вѣтвями оттуда,

---

12) Извѣстное намъ предупрежденіе: разсказъ о собственной казни.—Недовольный этимъ, нѣсколько прозаическимъ исходомъ, народъ въ слѣдъ за симъ прибавилъ еще другую казнь уже по приказу самой Татьяны, гдѣ дано мѣсто ея раскаянью и сожалѣнью о товарищахъ (ср. пѣсню 1-ю); отъ наслѣдниковъ Татьяны разошлось это и повсюду.—13) Эту древнюю форму, сохраненную еще Новиковымъ, позднѣе измѣнили и поютъ „съ товарищи."—14) По другимъ: „въ чисто."—15) Товарищей моихъ.—16) Къ Новикову закралась опечатка „равно."—17) Я причиною тому, вина въ вашей ранней гибели ложится на меня.

въ лѣво разсыпались по Сокольникамъ маленькіе пробные фортецы, слѣды которыхъ видимы доселѣ, —они нужны были только на пробу, и скоро брошены; въ право новая армія продвинулась на просторъ луговъ, миновала Коломенское и утвердилась съ ученьемъ своимъ на Воробьевыхъ горахъ, гдѣ были и возвышенія для приступа, и спуски, и за ними равнины, и широкая рѣка подъ пятою. Туда ушла за новобранцами пѣсня, чтобы горевать о насиліи учившихъ иностранцевъ,—пѣсню найдете въ Приложеніяхъ. Передъ взоромъ же,—глядя изъ Покровскаго, трескъ и гулъ на долго заглушили пѣсню: уже не разливалась она по прежнему, вспоминая, „какъ Никитѣ Романовичу дано село Преображенское (см. прежніе выпуски);“ Преображенскій Приказъ, насѣвшій здѣсь въ заключеніе, положилъ печать на всякія, не только поющія, но и говорившія уста. Зарождавшуюся флотилію „шкиперъ славный“ перенесъ съ Яузы волокомъ на приволье, межь Владимірской и Рязанской дорогой, на глубокое озеро Косина: тамъ явилась уже другая роль Петра, тамъ дѣло его для народа мы еще встрѣтимъ при своемъ особенномъ случаѣ. Здѣсь же, гдѣ пока стоимъ мы, требовалось новой жизни, чтобы воспрянула окрестность въ смыслѣ народномъ и съ пѣснею: это совершила Елизавета, со всѣмъ Русскимъ чувствомъ, ей присным, съ нѣжною попечительностью женскаго простаго сердца, любящаго и любимаго. Не про Университетъ говоримъ мы, даже не про то печатаніе древле-русскихъ, подлинныхъ церковныхъ напѣвовъ, которое, подготовленное къ эпохѣ Петра, своимъ завершеніемъ составило въ царствованіе Екатерины эпоху для народной музыки *): изъ унылыхъ развалинъ минувшаго, царевна и царица смѣлымъ шагомъ проложила новую дорогу теченію людной жизни и народной пѣсни. Елизавета любила еще посѣщать порою и Тайнинское, и Коломенское: но взоръ ея искалъ новыхъ путей. Изъ своего Покровскаго устремилась она частою прогулкой и торною тропою через Измайлово, оживила Звѣринецъ, переступила Владимірку, остановилась съ любовью въ *Перовѣ*: зацвѣло жалованное имѣнье Разумовскаго, поднялся великолѣпный дворецъ, протянулись тѣнистыя аллеи, запестрѣлъ роскошный садъ, зазыбились пруды, зажило двѣ тысячи людей крестьянъ и дворовыхъ, пѣсни и хороводы пріучили не одну тысячу гуляющихъ, изъ окрестностей и Москвы, на долго утвердивши здѣсь любимое мѣсто народнаго гулянья. Церковь Перовская обогатилась древней утварью, родовою, въ томъ числѣ Романовскою: церковь, вѣнчавшая дѣло любви, сама увѣнчалась на главѣ Императорскою короною (и послѣ уже повторено это оффиціальнѣе на Церкви въ Барашахъ). Съ боку, между Звѣринцемъ и Перовымъ, выросло *Гиреево*, названное такъ (спустя немного) въ

---

*) Объ этой эпохѣ см. подробности въ нашихъ статьяхъ „Правосл. Обозр.“: „Судьба нотныхъ пѣвческихъ книгъ“ 1864, №№ 5 и 6; „Знаменательные года и знаменитѣйшіе представители послѣднихъ двухъ вѣковъ въ исторіи церковнаго Русскаго пѣснопѣнія,“ 1872, №№ 3 и 4.

память покорнаго Гирея: домъ наполнился фамильными рѣдкостями *) Прошло еще немного времени, и красавица-крестьянка Перовская, *Марья Михайловна*, связала новымъ узломъ любви и народныхъ преданій родное свое Перово съ Гиреевымъ: то было началомъ новыхъ уже народныхъ разсказовъ, преданій и отчасти пѣсенъ о герояхъ „Перовскихъ." Шаги самой Елизаветы не зашли такъ далеко, въ глубь другаго вѣка: изъ Перова они продвинулись еще немного полемъ и остановились въ „Тетерькахъ," тамъ, гдѣ, по преданію, вспорхнула передъ гуляющей Елизаветою стая тетеревовъ изъ близь лежащей рощи Кусковской. Государыня дошла до *Кускова* при другой, ея преемницѣ, начинается уже вереница иныхъ преданій и пѣсней — Кусковскихъ, съ которыми мы скоро встрѣтимся. Шаги Елизаветы, повторяемъ, и не могли зайти такъ далеко: у нея было свое, главное и любимое мѣсто, гдѣ такъ долго прожила она и куда такъ часто возвращалась отовсюду,—*село Покровское*. Родовое Романовыхъ, изукрашенное церковными и дворцовыми зданіями, садами, оградами, прозрачною быстрой Яузой съ красивымъ черезъ нее мостомъ, заселившееся и все гуще селившееся вкругъ исконнаго мѣстопребыванія любимой царевны, оно само и вдохновляло, и приглашало тѣхъ, кто имѣлъ силу, вдохновлять все вокругъ въ народномъ поэтическомъ смыслѣ.

Сколь не чужда была такому вдохновенію Цесаревна и Царица, намъ сохранилъ память ближайшій современникъ, въ ея эпоху росшій, Державинъ. „Для показанія тогдашняго вкуса, говоритъ онъ, прилагаю ниже сего пѣсню, сколько по преданію извѣстно, сочиненную собственною Ея особою... Вотъ та пасторальная пѣсня, которая относится преданіемъ къ помянутой Высочайшей сочинительницѣ (въ „Бесѣдѣ Любителей Рускаго Слова," Чтеніе XIV, СПБ. 1815, стр. 24, 29, 30):"

Пѣсня Государыни Елизаветы

(ею сочиненная).

1.

Чистый источникъ! Всѣхъ цвѣтовъ красивѣй,
Всѣхъ пріятнѣй мнѣ луговъ,
Ты и рощь всѣхъ, ахъ, и меня щастливѣй,
Горъ, долинъ и кустовъ.
5. Но не тѣмъ, что лишь струйки тихо льются
По сыпучему песку

*) Нынѣ полузаброшено, въ рукахъ частнаго владѣльца А. А. Торлецкаго.

И что птичекъ въ слухъ пѣсни раздаются
По зелёному лѣску:
Нѣтъ, не тѣмъ - но прекрасно умывала
Нимфа что лицо тобой,
Съ брегу бѣлыя ноги опускала
И токъ украшала твой.
Тутъ и алыя розы устыдились,
Зря ланиты и уста,
И лилеи къ ней на грудь преклонились,
Что бѣлѣй ихъ — красота.
О, коль щáстливы жолтыя песчинки,
Тронуты ея стопой!
О, коль пріятны лёгкія травинки,
Смятыя ея красой!
Тише же нынѣ, тише протекайте,
Чисты струйки, по песку
И слѣдовъ съ моихъ глазъ вы не смывайте,
Смойте лишь мою тоску!

*

Не смотря однако на авторитетъ Державина, въ одномъ изъ лучшихъ и „придворномъ,“ пѣсенникѣ Шнора (изд. 2-е 1791 г.) мы находимъ это произведеніе Елизаветы съ значительными разнорѣчіями, принадлежали ли они старшему подлиннику, или вновь возникли при распространеніи по пѣсенникамъ:

2.

Чистой источникъ! Ты цвѣтовъ краснѣйшій
И мнѣ пріятнѣе всѣхъ розъ;
Ты изъ кусточковъ и лилей счастли́вѣй,
Горъ, долинокъ и луговъ;
Да не тѣмъ, что струйки вьются
По зелёной травѣ

И что въ рощахъ раздаются
Пѣсни птичекъ при тебѣ:
Нимфа при тебѣ прекрасное лице мыла,
На бережкѣ сидючи,
Бѣлыя ножки въ воду опустила,
Скрасила тѣмъ твои ключи!
Тутъ розы устыдились
Отъ прекрасныхъ ея устъ,
И лилеи наклонились,
И вершинки закрылись [1]) въ кустъ.
Ахъ, сколько щастли́вы жолты тѣ песочки,
Гдѣ ступила ты ногой [2])!
Ахъ, сколь предраги и мягки тѣ травинки,
Кои лежали подъ тобой!
Струйки, тихо протекайте
По сыпучему песку [3])
И слѣдочковъ не смывайте,
Только смойте мнѣ тоску!
Жалуйтесь тихимъ вы со мной шумочкомъ,
Что не поспѣлъ я молвить съ ней [4]),
Нѣжно свивайтесь [5]) бѣленькимъ клубочкомъ
По подобію [6]) грудей!
Вы пламень погасите,
Что закрытъ [7]) въ красотѣ,
Или нимфу покажите
Въ той яснѣйшей добротѣ!

*

---

1) „скрылись?“

2) „Гдѣ ступила та?“ Вар. „Выступила та.“ — 3) Въ вар. эти четыре стиха перестановлены: „И слѣд. не см., только см. мнѣ тоску, Струйки тихо протекайте по сыпуч. песку.“— 4) Въ этой прибавкѣ рѣчь представляется отъ лица влюбленнаго, котораго вовсе не видно въ предыдущемъ образцѣ.— 5) Вар. „свивайся.“— 6) Вар. „Покажи ему:“ по похожію?— 7) Вар. „закрыто.“

Трудно не узнать, что здѣсь изобразила саму себя красавица, сознававшая свою красоту: нельзя не догадаться, что здѣсь вовсе не отвлеченная картина и не воображаемый случай, а просто милое Покровское, по берегу спускается къ Яузѣ царственная красавица, не можетъ не цѣнить красоты своей, невольно любуется ею въ бесѣдѣ съ природой и—томится избыткомъ созрѣвшихъ чувствъ любви.—Но, это все-таки пѣсня „сочиненная," внѣ народа и въ области разцвѣтавшей литературы, на переходѣ отъ Стиха и Канты къ переводной перенятой Элегіи, полусиллабизмомъ, который уступаетъ только нѣжности и простотѣ женской руки. У сочинительницы не меньше было отношеній прямыхъ и къ самому народу, и къ его исконному пѣснотворчеству.

„Царствованіе Императрицы Елисаветы — *вѣкъ былъ пѣсенъ*," такъ говорилъ чуткій къ пѣснямъ маститый нашъ Державинъ, самъ выросшій въ сей вѣкъ и знавшій народную его цѣну (тамъ же, въ помянутомъ „Чтеніи"). Не трудно этому повѣрить и это повѣрить: пѣсни, сопровождавшія весь сей вѣкъ, передъ нами; въ бытовыхъ и прочихъ „женскихъ" не трудно отличить редакцію XVIII вѣка и его половины; мы видѣли въ эпоху Каина примѣръ, какъ волны цѣлаго прилива пѣсенъ вносились въ Москву изъ областей, по временамъ, то оттуда, то отсюда; Москва брала на себя редакцію ихъ и примѣненія, Москва имѣла массу „своихъ" пѣсенъ, мѣсторожденныхъ, присныхъ; многочисленныя гульбища оглашались громкою пѣснею; слышалъ пѣсню и видѣлъ хороводы каждый садъ при частномъ домѣ, слышала и видѣла каждая залавочка у воротъ, каждая улица съ переулкомъ и перекресткомъ, каждая площадка, всякая пригородная и загородная луговинка. Уже мы, родившіеся при наступленіи времени суроваго, застали пѣсню и хороводъ тутъ же, на всѣхъ помянутыхъ пунктахъ. Чего же ожидать старше, и, чѣмъ старше, тѣмъ конечно больше? Все, что явилось заразъ при Екатеринѣ въ пѣсенникахъ печатныхъ, все это подготовлено было, жило въ самой Московской жизни при Елизаветѣ. Какъ сама она любила народныя пѣсни и сказки, знаетъ, помнитъ, свидѣтельствуетъ письменно каждый. Когда она, между прочимъ, жила въ уединеніи въ Александровской Слободѣ, среди увеселеній охоты, объ Масляницѣ у дворца ея собирались толпы Слободскихъ дѣвушекъ „играть (т. е. разъигрывать, наприм. въ хороводѣ)" и пѣть народныя пѣсни: любительница пѣнія и сама прекрасная пѣвица щедро угощала созванныхъ гостей лакомствами *). Около нея, то истопникомъ, то на ночь постельникомъ со сказкою въ устахъ, подвизался *Чулковъ* **), знавшій и собравшій такую массу Сказокъ, Былинъ и Пѣсней, массу, унаслѣдованную счастливымъ его на-

*) См. статью въ „Молвѣ" 1857 г.

**) *Василій*, пожалованный за услуги селомъ Архангельскимъ, изъ истопниковъ и метр-де-гардеробовъ впослѣдствіи генералъ-аншефъ; по другимъ, истопникомъ, сказочникомъ и собирателемъ пѣсней былъ братъ его *Дмитрій*, отецъ Михайлы—издателя.

слѣдникомъ, *Чулковымъ-издателемъ* (Михайлою), а послѣ Новиковымъ ***); вокругъ нея импровизовались народныя выраженія пѣсней, когда, на примѣръ, она вставала ночью и постельникъ Лебедевъ, за то самое такъ и прозванный, невольно восклицалъ, глядя на Русскую красоту—„*Лебедь бѣлая!*“ Сама она, ближе къ старости, какъ извѣстно по преданію, изъ ходячихъ пѣсней народныхъ особенно любила пѣть одну: „Я вечоръ, млада, во пиру была, Во пиру была—во бесѣдушкѣ ****)“... Пѣсня живая и удалая. Но ей по личному характеру доступны были пѣсни и другія, нѣжныя и томныя, особенно въ пору, какъ созрѣвала она и томилась отъ избытка полныхъ чувствъ красавицею Цесаревной: изъ народа искра вдохновенія и творчества должна была западать въ собственную ея душу, вызывая къ слову народному, чтобъ запѣть, какъ поетъ народъ самъ, и принести ему даръ собственнымъ личнымъ воспроизведеніемъ общихъ творческихъ началъ. Уединеніе само по себѣ, жизнь среди природы, а вмѣстѣ все вокругъ въ цвѣтущемъ Покровскомъ располагало не только къ чувству, но и къ энергіи дѣятельнаго творчества. Покровское въ этомъ отношеніи далеко не было глухо и нѣмо: оно даже славилось этого рода богатствомъ. Еще прежде катаній по Москвѣ-рѣкѣ объ Масляницѣ (нынѣ также давно упраздненныхъ и два раза уже измѣненныхъ), гурьбы народа и тысячи саней устремлялись изъ центра города къ Покровскому: тамъ были настоящія игрища, не привившіяся къ Нѣмецкой Слободѣ, Кокую, не смотря на усиленныя старанія о томъ разсчета; но еще больше славились тамошнія игрища и гульбища лѣтнія, съ весны (обратившіяся, по запустѣніи Покровскаго, въ Лѣтній или Государевъ садъ, Лефортовскій и Головинскій); Покровскіе хороводы долго, до нашего времени, отличались отъ другихъ мѣстныхъ своимъ обиліемъ голосовъ и особымъ строемъ, плодомъ частой практики и усиленной выработки для царскаго слуха, подобно послѣдующимъ Царицынскимъ-Ильинскимъ (старшіе въ семъ смыслѣ—хороводы Тайнинскіе, удержавшіеся отъ первыхъ Романовыхъ доселѣ и собирающіе на огромный лугъ подъ селомъ, при окопахъ, по двѣсти поющихъ голосовъ и болѣе: но они сильно уже испорчены напѣвомъ). Есть рядъ народныхъ пѣсенъ, къ тому или другому случаю воспоминающихъ *село Покровское*, гульливыхъ героевъ и героинь его (на примѣръ, „Покровскія дѣвки Гульливыя были,“ и т. п.: ихъ встрѣтимъ въ своемъ мѣстѣ). Одна изъ нихъ, меж-

***) Преданія и выводы объ обоихъ Чулковыхъ, старшемъ и младшемъ, равно какъ вообще о зародившейся связи между народнымъ творчествомъ и печатною литературою того времени см. въ статьѣ нашей, въ „Зорѣ“ 1870 года, Апрѣль, „О вліяніи народнаго творчества на драмы И. Екатерины и о цѣльныхъ Русскихъ пѣсняхъ, сюда вставленныхъ.“

****) Преданіе объ этомъ, какъ и объ другихъ многихъ чертахъ домашней жизни Елизаветы, хранилось особенно въ роду А. Ст. Хомякова, отъ котораго мы и приняли.

ду прочимъ, складомъ своимъ и составомъ, вольнымъ судномъ на рѣкѣ, лукомъ и стрѣлами, указываетъ еще на значительную древность, когда уже славилось имя Покровскаго и Яузы. Она такъ хороша, что мы кстати приведемъ ее, забѣгая нѣсколько въ разрядъ послѣдующихъ у насъ Молодецкихъ или Безымянныхъ:

Покровское село и Яуза.

1.

Мимо нашего Покровскаго села
Протекала матка [1]) Яуза рѣка.
Что на Яузѣ судёнышко плывётъ,
Во судёнышкѣ не множко [2]) людей:
Всего только—всего восемь человѣкъ.
А девятый удалóй молодéцъ;
По судёнышку похаживаетъ,
И онъ крѣпкій лукъ натягиваетъ,
Каленỳ стрѣлу накладываетъ,
Онъ пустивши выговариваетъ:
«Полети, моя калёная [3]) стрѣла,
«Въ прежню милую [4]) сторонушку!
«Ты убей, моя калёная [5]) стрѣла,
«Сúзу ýтушку на пóплывѣ [6]),
«Крáсну дѣвицу во тéремѣ:
«Ту, котора измѣнила, молодцỳ,
«Полюбила она хýжѣе [7]) меня,
«Посрамила она [8]) родъ свой и племѝ,
«А мнѣ, мóлодцу, назбóлушку дала!»

(Захвачена въ печать уже Чулковымъ и Новиковымъ, потомъ Вавиловымъ и позднѣйшими; поётся доселѣ, сбиваясь къ напѣву „Здравствуй, милая-хорошая“).

---

1) Разнорѣчія другихъ образцовъ: „матушка.“—2) „не много.“—3) „Полети ты, моя острая.“—4) Въ печати иные исправили: „въ прежде милую.“—5) „Ты убей ли, моя острая.“—6) Забывая Яузу, какъ незначительную теперь, многіе берутъ рѣку типическую: „Сизу уточку на Волгѣ на рѣкѣ.“—7) „хуже.“—8) „Посрамила ли она и (родъ свой, и племя).“

Но, чтобы подобныя вдохновляющія стихіи вылились созданіемъ новымъ и изъ устъ царственныхъ, потребенъ былъ особенный случай личныхъ обстоятельствъ, который бы затронулъ сильнѣе и неудержимо вызвалъ бы къ пѣснѣ. Случай такой былъ, и самый вліятельный для женскаго дѣвичьяго сердца. Мы не говоримъ о неловкомъ предложеніи Цесаревнѣ со стороны Французской, о выходѣ за принца Конти, черезъ жену какого-то придворнаго живописца: это могло только оскорбить или разсмѣшить. Гораздо важнѣе и настойчивѣе было то предложеніе, котораго крѣпко держались, о которомъ мечтала Правительница Анна, надѣясь симъ способомъ сбыть опасную соперницу въ Курляндію: этотъ женихъ былъ братъ герцога генералиссимуса Антона, принцъ Людовикъ, предназначавшійся въ герцоги Курляндскіе. Здѣсь былъ дѣйствительный „обманъ,“ обманъ и въ политическомъ смыслѣ, которому льстили избавленіемъ отъ одиночества и высокою степенью самостоятельнаго герцогскаго сана, и обманъ иностранцевъ надеждѣ Русской, и обманъ сердцу, совсѣмъ несклонному, статься можетъ уже занятому. Опасность была такъ велика, что безпокойный слухъ распространился быстро между приверженцами Цесаревны: гвардейскіе офицеры сильно волновались. Необоримая, какъ стѣна, твердость Русской Артемиды превозмогла всѣ происки. Но, когда, послѣ усильнаго напряженія, сердце вздохнуло спокойно на чистомъ воздухѣ въ селѣ Покровскомъ, суровость отказа смѣнилась въ сердцѣ радостнымъ чувствомъ освобожденія и спасенная вольность дѣвушки-цесаревны излилась задушевною, простою, чисто-народною, веселою и шутливою пѣснею. Пѣсню записалъ уже Чулковъ, спѣшно перевелъ на ноты съ текстомъ Трутовскій, перепечаталъ Новиковъ, воспроизвелъ съ нотами Прачь,—все это еще съ первыхъ 70-хъ годовъ, все это еще при Екатеринѣ. Дословное единство текста, въ которомъ является пѣсня за все это первое время, убѣждаетъ несомнѣнно, что она принадлежитъ одному генію создавшему, одной рукѣ: уваженіемъ печати къ знаменитому происхожденію еще болѣе поддержано единство.

Нельзя сказать вполнѣ того же о голосѣ или напѣвѣ: у Трутовскаго и Прача онъ сходенъ, но, принявъ во вниманіе условія тогдашней музыки, не умѣвшей еще, какъ должно, относиться къ народнымъ стихіямъ, нельзя совершенно полагаться здѣсь на точность; употребленіе же, какъ въ устахъ знаменитой пѣвицы, о которой скоро скажемъ, такъ и повсюду впослѣдствіи установило здѣсь въ основѣ тотъ же напѣвъ, какой знаемъ въ старинной народной пѣснѣ—„Ахъ вы сѣни мои, сѣни, Сѣни новыя мои.“ Самостоятельность напѣвовъ народныхъ въ ту пору начинала уже сильно слабѣть: новыя воспроизведенія въ томъ же народномъ характерѣ стремились примкнуть своимъ напѣвомъ къ какимъ либо старшимъ,- это казалось даже лучшимъ залогомъ близости къ народу. Не удивительно, что сама героиня-слагательница избрала въ образецъ напѣва ту старшую народную пѣсню, которая совершенно подходила и складомъ-размѣромъ текста, и даже отчасти содержаніемъ (старшая пѣсня—сложена также отъ лица дѣвицы, поетъ и прославляетъ ея волю дѣвичью на родныхъ сѣняхъ дѣдов-

скаго дома, протестуетъ противъ насилія старшихъ въ семействѣ, настаиваетъ, чтобы, вопреки ихъ угрозамъ, по прежнему дѣвушкѣ ходить, съ молодцами говорить и тѣшить избраннаго сердцемъ).—Какъ бы то ни было, вотъ эта, раздавшаяся изъ дворца по Покровскому селу пѣсня, дополняющая извѣстный уже намъ рядъ пѣсней изъ устъ героинь Русскихъ, начиная съ Ксеніи Годуновой, а выше, пожалуй, и съ Ярославны; пѣсня въ старшемъ ея видѣ, какъ распространена она была со 2-й половины XVIII вѣка, съ тѣми немногими измѣненіями, которыя допущены были позднѣе исправлявшей печатью или произволомъ устъ и которыя особо отмѣчены у насъ по обычаю въ тщательныхъ подстрочныхъ объясненіяхъ:

Пѣсня Царевны Елизаветы

(ею сложенная, народная).

1.

(Покровское, Москва и вся Россія).

Во селѣ-селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой [1]),
Разыгралась-расплясалась
Кра́сна дѣвица душа,
Кра́сна дѣвица [2]) душа [3])
Авдотьюшка [4]) хороша.

Разъигравшись взговори́ла [5]):
«Вы подруженьки мои!
«Поиграемте со мною [6]),
«Поиграемте теперь:
«Я со радости—съ веселья [7])
«Поиграть съ вами [8]) хочу.

---

[1]) Пѣсня такъ называемаго у насъ *двойнаго* склада: можно тѣ же самые два стиха укладывать въ одинъ, составляющій по напѣву „одно колѣно"—только съ надломомъ или перегибомъ.—Кромѣ того пѣсня замѣтно дѣлится на *строфы*.—[2]) Иные: „дѣвушка."—[3]) Вмѣсто этого повторенія, очень старъ также (1795 г.) варіантъ: „Бѣлолица, круглолица."—[4]) Такъ вездѣ и конечно въ подлинникѣ: но замѣчательно, что размѣръ допускаетъ здѣсь „Лизавета."—[5]) „зговорила; говорила."—[6]) „со мной."—[7]) Здѣсь удареніе: я хочу поиграть съ вами въ игры съ пѣснями,—да не просто, какъ бывало, а есть тому особая причина, хочу играть съ радости — съ веселья вотъ какого (слѣдуетъ объясненіе причины—освободилась отъ навязчиваго жениха).—[8]) „Съ вами поиграть."

«Пріѣзжалъ ко мнѣ дѣтинка [9])
«Изъ Санктпитера сюда;
«Онъ меня, красну̀ дѣви́цу,
«Подговаривалъ съ собой,
«Серебро́мъ меня дарилъ,
«Онъ и золото [10]) сулилъ [11]):

«— Поѣзжай со мной, Дуняша,
«— Поѣзжай, онъ говорилъ.
«— Подарю тебя парчою
«— И на шею жемчуго̀мъ;
«— Ты въ деревнѣ здѣсь крестьянка,
«— А тамъ [1]) будешь госпожа:
«— И во всѐмъ этомъ уборѣ
«— Будешь въ двое пригожа̀ [2])!—

«Я сказала, что поѣду,
«Да опомнилась [3]) опять [4]):
««Нѣтъ, сударикъ, не поѣду,»
«Говорила я ему.
««Я крестьянкою роди́лась,
««Такъ нельзя быть госпожой:
««Я въ деревнѣ жить привыкла,
««А тамъ надо [5]) привыкать!

««Я совѣтую тебѣ,
««Имѣть [6]) равную себѣ [7]).

---

[9]) Позднѣе: „дѣтина."—[10]) „Золота."—[11]) Въ концѣ же XVIII в. переставлялось: „Серебромъ м. дар., Онъ и зол. сулилъ, И меня, кр. дѣвицу Подговаривалъ съ собой."

[1]) Позднѣе: „Тамъ же."—[2]) Старый также варіантъ: „хороша".—[3]) „Да раздумала," варіантъ еще въ концѣ XVIII в.—[4]) Въ старомъ значеніи: назадъ, обратно.—[5]) Такъ въ большинствѣ; но самые старшіе образцы: „А тамъ буду."—[6]) Сперва измѣнено „любить," потомъ „искать."—[7]) Съ 1795 г. разбавлено:

„„Я совѣтую такую
„„Поискать, сударь, тебѣ,

««Въ вашемъ городѣ [8]) обычай—
««Я слыхала ото всѣхъ [9]):—
««Вы всѣхъ любите [10]) словами,
««А на сердцѣ никого.
««А у насъ-то вѣдь [11]) въ деревнѣ
««Здѣсь прямая простота:
««Словомъ мы кого полюбимъ,
««Тотъ и въ сердцѣ вѣкъ у насъ [12])!»

«Вотъ чему я веселюся,
«Чему радуюсь теперь:
«Что осталась жить въ деревнѣ,
«А [13]) въ обманъ не отдалась!»

(Чулковъ, Трутовскій, Новиковъ, Прачъ, Сопиковъ, Глазуновъ и Рѣшетниковъ, Колотилинъ, Театральный, Маклаковъ, Семенъ, Гурьяновъ и другіе, равно какъ многіе рукописные и устные образцы).

Пѣсня, говорили мы, тотчасъ по сложеніи облетѣла многія уста: но, пока цесаревна не сдѣлалась царицей, поостерегались публичности. Воцареніе воспослѣдовало вскорѣ: тогда все громко запѣло и печать подготовила себѣ отборнымъ украшеніемъ образецъ знаменитаго произведенія. Разумѣется, она молчала о подробностяхъ и не растолковывала: и безъ того всѣ знали. Но—былое миновало и поустарѣло, сама царица не имѣла прежней охоты, ни нужды выслушивать вокругъ зады; да царица и померла. Если всегда въ подобныхъ случаяхъ, мы знаемъ по прежнимъ примѣрамъ, невольный страхъ, приличіе или этикетъ посдерживали уста, то тѣмъ больше этикетъ при государынѣ новой, которая, въ добавокъ, естественно не

„„Чтобъ которая родилась
„„И умѣла бъ жить какъ ты.“

Далѣе еще:

„„Я совѣтую тебѣ,
„„Искать равную себѣ,
„„Чтобъ которая родилась
„„И умѣла бъ жить какъ ты.““

[8]) Позднѣе: „У васъ въ городѣ.“—[9]) Позднѣе: „отъ людей.“—[10]) Позднѣе: „Только лишь любить.“— [11]) „лишь.“—[12]) Такъ мы предпочитаемъ текстъ, имѣя въ виду образцы 1795, 97, 99 и 1803 года; въ другихъ, старшихъ: „А у насъ-то вить въ деревнѣ Прямая простота (испорченъ стихъ),“ а младшихъ: „А у насъ-то вить въ деревнѣ Здѣсь прямая простота.“ — [13]) „И.“

совсѣмъ любила разглашеніе всѣхъ подробностей про Елизавету. Осторожный Шноръ, въ своемъ отличномъ пѣсенникѣ, по преимуществу „придворномъ,“ помѣщая пѣсни, послужившія Екатеринѣ и Эрмитажу матеріаломъ, вовсе не рѣшился занести къ себѣ Елизаветинскую. Такимъ образомъ публика смолкала, а народъ, распѣвая, начиналъ позабывать происхожденіе пѣсни. — Тогда-то, эпохою въ семъ отношеніи, явилось смѣлое дѣло *Сандуновой*, поддержанное самой Императрицею. Опера „Ѳедулъ съ дѣтьми“ написана была Екатериною для Эрмитажа въ концѣ 1790 года. Главную роль должна была играть знаменитая „Лизанька Урванова,“ терпѣвшая настойчивыя притязанія отъ навязчиваго обожателя гр. Безбородки, при поддержкѣ Храповицкаго и Сойманова, которые управляли театромъ и спѣшили угодить сильному вельможѣ. Сама *Елизавета*, игравшая въ добавокъ *Дуняшу*, рѣшилась въ крайности воспользоваться весьма сходными обстоятельствами, породившими пѣсню Цесаревны „Елизаветы“ отъ лица Покровской„ Дуняши“ или „Авдотьюшки.“ Въ смыслѣ такъ называемой „вкладной“ аріи, Урванова со всѣмъ искусствомъ, ей свойственнымъ, и прекраснымъ сильнымъ голосомъ, восхищавшимъ современниковъ, неожиданно для многихъ пропѣла или — какъ говорится у насъ — хватила и грянула „Во селѣ-селѣ Покровскомъ.“ Фуроръ былъ неимовѣрный: не знавшіе или не догадавшіеся привѣтствовали всѣмъ знакомую, но дотолѣ не появлявшуюся публично, и въ такомъ „высокомъ“ мѣстѣ, почти затертую пѣсню покойной государыни; знавшіе, „чье мясо ѣли,“ и ловко пораженные прямымъ примѣненіемъ, не знали, куда дѣваться со стыда. Императрица, сочиняя оперу и видаясь съ актрисою, которой предназначала главную роль, не знала закулисныхъ ея дѣлъ и какой ходъ могла имъ дать опера: легко слушалась внушеній исполнительницы и могла безъ намѣренія подбавлять краски, даже самую щекотливую пѣсню, столь нужную для сей послѣдней. Но, всего вѣроятнѣе, что пѣсня даже не предназначалась, а вставлена Урвановою, подъ предлогомъ „кстати,“ подобно другимъ, также точно вставлявшимся: иначе, по строжайшему чувству своего этикета и вкусу приличій, особенно столь боясь всякихъ скандаловъ, Екатерина *заранѣе* ни за что не допустила бы въ оперу этой пѣсни, и по своимъ отношеніямъ къ памяти Елизаветы, и по примѣненію къ Безбородковскому скандалу. Во всякомъ случаѣ, событіе и успѣхъ его были для государыни совершенной неожиданностью: услыхавъ вмѣстѣ о подобной же сценической рекламѣ и со стороны жениха Лизаньки, Сандунова, она воскликнула съ негодованіемъ предъ Храповицкимъ,—„Voilà ce que fait l'injustice,“—вотъ до чего доводитъ несправедливость! Сама исполнительница, чтобы оправдать отважный поступокъ, вынуждена была, при представленіи „Ѳедула“ 11-го Февраля (1791) стать на колѣна и со сцены подать Императрицѣ письменную жалобу на гонителей. Когда уже „фактъ совершился“ и нечего было съ нимъ дѣлать, государыня, по великодушію и естественно сложившейся обязанности, приняла его сторону и взяла его на свое попеченіе: Храповицкій и Соймановъ немедленно удалены отъ театра; Лизанька обвѣнчана

съ Сандуновымъ въ придворной церкви; въ печатные экземпляры оперы допущена безпрепятственно щекотливая пѣсня. Сандунова съ мужемъ конечно должна была скоро переѣхать въ Москву, успѣвъ еще впрочемъ надѣлать нѣсколько новыхъ колкостей Безбородкѣ. Въ Москвѣ уже было безпрепятственное поле характерному исполненію роли и пѣсни: здѣсь не было личностей, только знать и интеллигенція могли „по слухамъ" знать кое-что о случившемся въ Эрмитажѣ, оваціи же большинства продолжались много лѣтъ и силѣ ихъ не было конца. Всѣмъ этимъ торжествомъ, составившимъ даже „моду," Сандунова съ тѣхъ поръ обязана была очевидно—не своей личной исторіи, не Эрмитажу, а памяти цесаревны Елизаветы, которая теперь снова воскресла передъ публикою и Русскимъ народомъ во всемъ своемъ любезномъ и обаятельномъ величіи. Здѣсь-то и ошибка нашей литературы съ ея мелкою библіографіей: одни полагали, что пѣсня сочинена была Екатериною, другіе—Сандуновою, третьи считали вставку ея случайною и неважною, а успѣхъ Лизаньки приписывали другимъ ея манифестаціямъ противу Безбородки (первая статья о семъ принадлежитъ *М. Н. Лонгинову* въ „Молвѣ"). Но мы съ самаго начала предостерегали поспѣшныхъ нашихъ библіографовъ, замѣчая, что пѣсня эта гораздо старше ея *примѣненія* и основою своею имѣла дѣйствительное событіе, совершившееся въ селѣ Покровскомъ, при чемъ обѣщали разъяснить и доказать это впослѣдствіи, при 9-мъ выпускѣ (подробности о семъ въ помянутой статьѣ нашей, въ „Зорѣ," см. выше). Обѣщаніе свое и выполняемъ теперь со всею обстоятельностью.

Ободренные отважнымъ поступкомъ Сандуновой и вызываемые необходимостью напомнить народу истинное значеніе пѣсни, печатные Пѣсенники, то есть ихъ издатели и составители, съ конца XVIII вѣка (именно, сколько знаемъ, съ 1799 года) попытались прибавлять поясненія: но сперва, смущенные привившимися сюда интригами и сплетнями въ обстоятельствахъ актрисы, боялись видимо, чтобы не попасться въ какую ни будь театральную и придворную передѣлку (такъ всегда запугана у насъ была литература, то тѣмъ, то другимъ), говорили обще и отвлеченно, полусловами. Надписывали, на примѣръ: „Пѣсня сія *сама по себѣ* доказываетъ, на какой она случай сдѣлана *и гдѣ*. Голосъ же ея долженъ быть веселой. Она часто поется на театрѣ г. С. чрезвычайно пріятно, и потому нынѣ въ модѣ." Пѣсенникъ Театральный (1818) пробовалъ даже отнести ея значеніе и успѣхъ чисто къ области сценическаго искусства, подавляя всякій смыслъ историческій: „Пѣсня дѣвушки, которую не прельстили ни знатность, ни богатства, *каковы и всѣ Россіанки*. Она, къ величайшему удовольствію Московской публики, неоднократно г-жею Сандуновой пѣта была на театрѣ; *искусство пѣвицы и прекрасной голосъ пѣсни* сдѣлали ее весьма употребительною." Тѣмъ не менѣе, никто не осмѣливался помѣщать эту пѣсню въ разрядѣ „Театральныхъ," а всѣ напротивъ настаивали, что она „народная, простонародная, веселая, плясовая" и т. п. Лишь когда протекло еще лѣтъ двадцать, когда развернулась извѣстная доля свободы

Александровской, когда рѣшились называть *и* Разина, и Каина, и Таньку, и Чернышова, когда и самое событіе слишкомъ ушло уже въ даль минувшаго, именно въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія, осмѣлились сказать прямѣе, въ силу непрерывнаго преданія, что это *„сочиненіе знаменитой Россіянки* (но какой, еще молчали)." „Пѣсня дѣвушки, — печатали, — которая, любя простоту и искренность, не прельщается ни знатностью, ни богатствами. *Сочиненіе знаменитой Россіянки.* Она, къ величайшему удовольствію Московской публики, неоднократно г-жею Сандуновой пѣта была на театрѣ; искусство пѣвицы, и прекрасной голосъ пѣсни, *и натуральное выраженіе чувствъ* (прибавляли намѣренно, желая показать, что здѣсь въ словахъ лежала дѣйствительная правда), сдѣлали ее весьма употребительною." И только *М. Макламовъ*, въ тѣхъ же годахъ, перепечатывая нѣсколько разъ то „Орловскій," „Туалетный," то просто „Полный пѣсенникъ *для особъ обоего пола*," вѣроятно обнадеженный поддержкою „пола прекраснагѣ," только Маклаковъ *первый* отважился передъ нимъ вполнѣ открыться и открыть печатно давно извѣстную всѣмъ истину. Онъ надписывалъ: „Пѣсня дѣвушки, которую не прельстили ни знатность, ни богатство, каковы и всѣ Россіанки. *Произведеніе знаменитой Россіанки, воспѣтой Ломоносовымъ.*" Онъ къ пѣснѣ прибавилъ даже извѣстный эпиграфъ:

„Не льсти меня ты, льстецъ, сіяньемъ городскимъ, —
„Довольна я своимъ селеніемъ простымъ."

Съ тѣхъ поръ скрывать уже было нечего и не зачѣмъ: но можно было всё-таки забывать и забыть. Всѣхъ меньше забылъ народъ: въ устныхъ преданіяхъ его держится память о сочинительницѣ до сихъ поръ. Гораздо легче было и естественнѣе забыть литературѣ: въ романтизмѣ, мечтательности, потомъ въ Байронизмѣ и среди переводовъ съ иностраннаго, а также въ кучѣ мелкой библіографіи, она постепенно отвыкала ото всего народнаго. Самые Пѣсенники, въ ихъ прежнемъ, пріятно-полезномъ, дѣльномъ и практическомъ смыслѣ, перестали издаваться: явилась одна спекуляція, либо „нѣжныя" пѣсни Цыганокъ, Тиролекъ и Кофеенъ. Черезъ литературу отставала и забывала публика, вершина нашего—такъ называемаго—общества, а съ тѣмъ вмѣстѣ и наука. Хранилъ кое-какую память, говоримъ мы, народъ; хранились преданія вокругъ насъ, пока росли мы; подтвердились они намъ обильными живыми разсказами въ семьѣ Хомякова; и вотъ намъ пала участь, вмѣстѣ съ другими пѣснями, воздвигнуть на подобающее мѣсто и эту. Надѣемся, еще не послѣднюю.

* * *

III.

ПРИ ГОСУДАРЫНѢ

Екатеринѣ.

Больше, чѣмъ когда ни будь и гдѣ ни будь, мы обязаны здѣсь, на этомъ предѣлѣ, отличить пѣсню *народную устную* отъ *сочиненной*, дѣйствующей черезъ *письмо* и *печать*: отличія той и другой устанавливаются довольно рѣзко, хотя бы мало-опытному взгляду и не замѣтно. Народная устная, какъ скоро она болѣе или менѣе Историческая, по свойству второй половины XVIII вѣка преимущественно является Военною и Походною: этою только стороной народъ обращается къ жизни высшей надъ нимъ, внѣшней, торжествующей на главномъ поприщѣ, и только по этому единственному мѣрилу политической жизни мѣряетъ ростъ воспѣтыхъ героевъ или героинь. Исключенія, гдѣ онъ, посредствомъ пѣсни, „самъ себя, какъ есть,“ вводитъ на передовую историческую сцену, приглашая всеобщее вниманіе, рѣдки: большею частію подобную исторію, если она случится и заслужитъ сего имени, народъ таитъ про себя, какъ бы прячетъ и тулится съ нею въ уголъ за порогъ родной избы, тамъ пробавляясь ею, то воспроизводи, то дробя и разлагая, разъясняя и толкуя по своему. И такъ, все еще какъ народъ, народомъ и самимъ собою входитъ онъ въ область Военную, громкую и грохочущую; туда сообщаетъ пѣснотворческія силы свои, пріемы, черты и образы: но входитъ туда конечно не весь, не цѣликомъ, не беззавѣтно, оставляя себѣ на долю, и на долю лучшую, много своего собственнаго, не початаго, не закупленнаго ни чѣмъ, ни чему не уступленнаго. Потому, въ пѣсняхъ сего рода мы видимъ народность, —но не полную, одностороннюю: самыми легкими качаніями она готова перейти здѣсь въ иную форму, въ солдатчину и въ книжное сочиненье; нерѣдко даже здѣсь пѣсня, на оборотъ, истекаетъ прямо изъ солдатчины и военщины, только перефразируетъ, только переговариваетъ и перетолковываетъ „по своему“, наводя колоритъ свой „народный.“—Съ другой стороны, и солдатъ того времени или отъ той поры, и военная жизнь, и слава, и вся политура сего слоя не есть вовсе рѣзкая противуположность народу и народности: рожденіе, раннее воспитаніе, жизнь до молодыхъ лѣтъ, за-

чатки воззрѣній, вѣрованій и преданій, складъ, взглядъ, языкъ, голосъ, первый аккордъ пѣснотворческихъ струнъ,—все это оттуда же по своему началу—изъ народа и народности. И въ пѣсняхъ солдатскихъ-военныхъ должно это такъ или иначе пробиваться отраженіемъ. Только не тѣ послѣдствія: форма, выправка, вытяжка, строй, опредѣленный горизонтъ міросозерцанія, рѣчь, музыка, искусственная вывертка, вершина и завершеніе этого человѣка — не тѣ, совсѣмъ отличныя, не назовемъ — народныя. Если слагалась пѣсня еще самими солдатами, въ низшемъ строю ихъ и въ чернорабочей средѣ, пѣсня еще можетъ отойти въ первый отдѣлъ, къ народнымъ: но здѣсь уже чаще встрѣчается намъ письмо и печать, здѣсь такое „сочиненіе," которое дается сверху, внушается, добромъ—а не добромъ, такъ и палкою,—заучивается, заставляетъ себя заучивать. И хоръ запоетъ, хоръ дружно грянетъ, и весело, и громко, и совершитъ съ пѣснею чудеса, да подъ палочку регента или капельмейстера, подъ жезлъ тамбуръ-мажора, даже просто подъ палку или угрозу экзекуціи. Такія произведенія иногда подделываются подъ народныя, готовы какъ разъ проникнуть въ народъ: но туда далеко не заходятъ, ихъ тянетъ назадъ—къ своему искому, новорощенному, тянетъ неудержимою силою; вымираютъ они съ разу, при новой войнѣ, вымираютъ по полкамъ и ротамъ, а если по видимому живутъ, то представляются потомству на листочкахъ, въ печати, какъ оттиснутые формуляры такихъ-то лицъ, такого-то времени, мундира, знака и погона.

Таково различіе: и его строго, до послѣдней возможности, наблюдаемъ мы, начиная здѣсь съ *перваго* отдѣла, съ пѣсней *народныхъ устныхъ*.

Напомнимъ, что счастливымъ посредникомъ между тѣмъ и другимъ отдѣломъ являются пѣсни „Козацкія," особенно „Донскія:" о семъ уже не разъ мы говаривали прежде.

Все это очень естественно: но одна особенность здѣсь покажется большинству совершенно неожиданною, хотя она также вытекаетъ изъ сказаннаго. Въ челѣ пѣсней народныхъ очутятся передъ нами совсѣмъ не тѣ имена и лица, которыхъ мы ожидали на привычной намъ авансценѣ, не тѣ герои-орлы, которыхъ вѣнчали и вѣнчаемъ за прошлое время, а если и тѣ, то совсѣмъ съ другихъ сторонъ, не громоносныхъ, а гораздо простѣйшихъ. На оборотъ, для кого нынѣшніе „политическіе" писатели ждали бы самаго горячаго сочувствія и сильнаго слова изъ среды народа, предводители его такъ называемыхъ „политическихъ" движеній, оказывается, проходятъ молчкомъ и пѣсня объ нихъ вѣщаетъ столько же, сколько объ любомъ ворѣ, воришкѣ или „несчастномъ."—Въ этомъ уже мы не виноваты: у насъ исторія своя особая, та, которую знаетъ и поетъ народъ безъ Погодина, Бѣляева и Соловьева, а наипаче безъ Костомарова и Мордовцева.

Работы на линіи.

(Симбирск. губ).

Эхъ да какъ задумали солдатъ набирати:
Ужь не много—тысячь сорокъ и четыре,
Сорокъ и четыре,—козаченьки молодые.
Да какъ пóгнали солдатъ до Полтавы.
Впередъ ѣдутъ да всё генералы,
А по бокамъ ѣдутъ да всё капитаны,
А позади ѣдутъ да всё съ барабанами [1]):
Бьютъ-выбиваютъ [2]),—горе утѣшаютъ,
Молодымъ солдатамъ жалобъ не задаваютъ [3]).

Эхъ да какъ погнали солдатъ до Полтавы:
Ихъ заставили и рыть, и копати.
««Видно намъ же, братья, усѣмъ пропадати!
««Не будетъ знати ни отецъ, ни мати,
««Ни отецъ, ни мати, ни родна родина [4]),
««Ни родна родина, жена молодая [5]).»»

(Запис. Дм. А. Валуевымъ).

Этой пѣснѣ соотвѣтствуютъ и Малорусскія: см. ихъ ниже. Сама она сбивается въ ихъ сторону и во всякомъ случаѣ возникла среди козаковъ.

* *

Первая Турецкая война.

Румянцевъ

(и Суворовъ).

1.

(Моск., Орловск. и Симбирской губерній).

Еще кто у насъ, робята, въ каменной Москвѣ бывалъ [1]),
Въ каменной Москвѣ бывалъ, про визиря кто слыхалъ,
Про того ли про визиря, про Турецкую войну?

---

[1]) Д. б. „съ барабаны".—[2]) Въ барабаны съ музыкою.—[3]) Чтобы не горько было солдатамъ, не жаловались они. „Задаешь жалобу сердцу": печалишь меня.—[4]) Семья: Малорусск.—[5]) *Ни* жена молодая.

[1]) Стихъ *двойной*: потому можете его дѣлить пополамъ.

Мы подъ городомъ стояли, много горя принимали,
Много горя принимали, стѣну каменну пробивали;
Мы стѣнушку не пробили, только Турка разсердили,
Турки йзъ пушекъ запалили, нашихъ дымомъ завалили:
Каково есть красно солнце—не видать его въ дыму.
Князь Румянцевъ генералъ свою силу утверждалъ [2]),
А Суворовъ [3]) подскакалъ ко Донскимъ козакамъ:
«Ой вы, братцы, молодцы, вы Донскіе козакй,
«Вы Донскіе, Гребенскіе, Запорожски [4]) молодцы!
«Сослужите таку службу, каку я вамъ велю,
«Каку я вамъ велю и какую прикажу:
«Вы пейте-ка безъ мѣры зеленое вино,
«Берите безъ разсчету государевой казны,—
«Не можно ли, робята, караулы Турски снять?»
««Не велйка, сударь, страсть, караулы Турски скрасть!»»

Тихо ночью подъѣзжали, караулы Турски скрали.
Закидался, забросался самъ Турецкій визйрь,
Чёрьзнень рѣку перешолъ, во постелюшку слёгъ:
— Не чаялъ своей силушки въ погибели бывать,
— А топеря моя силушка побитая лежитъ,
— Вся побитая лежитъ, вся порубленая,
— Побили-порубили всё Донскіе козаки,
— Донскіе, Гребенскіе, Запорожцы молодцы!—

*

2.

(Оттуда же).

Чтò же, робята, вы не вéсело сидите,
Вы не вéсело сидите, ничего не говорите?
Кто изъ васъ, робята, въ каменнòй Москвѣ бывалъ,
Въ каменнòй Москвѣ бывалъ, про визйря кто слыхалъ,
Про того ли про визйря, про Турецкую войну?

---

[2]) Ср. прежде это *обычное* выраженіе.—[3]) Онъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, обыкновенно поминается *кстати*.—[4]) Мы знаемъ: если уже Донскіе, то непремѣнно и прочіе.

Мы подъ городомъ стояли, много горя принимали,
Много горя принимали, стѣну каменну пробивали:
Мы стѣнушки не пробили, только Турка разсердили.
Напередъ идетъ визи́рь, генераламъ всѣмъ грозилъ:
— Въ каменну̀ Москву взойду, всю ногами растопчу!—
Генералы отвѣчали на визи́ревы слова:
«— Не бывать тебѣ, собакѣ, въ нашей ка́менной Москвѣ!—»

Князь Румянцевъ генералъ всеѐ силу утвержалъ,
А Суворовъ поскакалъ къ Донскiимъ козака́мъ:
«Ой вы ой еси, робята, вы Донскiе козаки́,
«Вы Донскiе, Гребенскiе, Запорожски молодцы!
«Ужь вы пейте-ка безденежно зелёное вино,
«Вы берите безъ разсчёту золотой нашей казны,—
«Сослужите таку службу, какую я велю,
«И какую я велю, какую прикажу:
«Не можно ли вамъ, робята, караулы Турски скрасть?»
««Не вели́ка, сударь, страсть, караулы Турски скрасть!»»
Тихо ночью подъѣзжали, караулы Турски скрали,
Мелки пушки заряжали, мы и Турковъ въ полонъ брали.

*

3.

(Оттуда же).

Охъ, что̀ жь вы, ребятушки, не ве́селы сидите,
Не пьёте, не ѣдите, ничего не говорите?
Еще кто бы намъ сказалъ про Турецкую войну,
Про Турецкую войну, про визи́рову пальбу?
Кто въ походѣ не бывалъ, нужды-горя не видалъ,
А кто въ походѣ-то бывалъ, много нужды принималъ,
Много нужды принималъ и сухарики ѣдалъ.

Мы подъ городомъ стояли, мы по городу стрѣляли,
Мы по городу стрѣляли, свинецъ-порохъ растеряли:
Мы стѣны-то не пробили,—пошли прочь мы, отвалили,
Пошли прочь мы, отвалили, въ чи́сто поле выходили,

Въ чисто поле выходили, солдатъ строемъ становили,
А драгунскіе полки перемѣшаны стоятъ,
Перемѣшаны стоятъ, они плачутъ-говорятъ:
««Не погодушка шумитъ, Турецкая [1]) силушка валитъ,
««Турецкая силушка валитъ, Турецкой силы смѣту нѣтъ,
««Турецкой силы смѣту нѣтъ, конца-краю не видать!»»

А Румянцевъ генералъ по арміи разъѣзжалъ.
Подъѣзжаетъ къ козака́мъ, онъ тайно слово сказалъ:
«Охъ вы, братцы, козакѝ, удалые молодцы!
«Вы берите, что̀ хотите, государевой казны,—
«Еще кто бы изъ васъ караулъ Турецкой снялъ?»
Выбиралось молодцо̀въ пять сотъ козако̀въ:
Они скрали-своровали у визи́ря караулъ.

*

4.

(Оттуда же).

Что̀ же мы, робятушки,
Не ве́село сидимъ [1]),
Мы не ве́село сидимъ,
Мы не пьёмъ, не ѣдимъ?
Кто бы намъ, робята,
Про мирзи́ръ-городъ [2]) сказалъ?

Мы трое суточки стояли,
Не пивали, не ѣдали,
Стѣну бѣлу пробивали:
Стѣны бѣлой не пробили,
Отъ города отвалили
Во зелёные луга.
Становилась сила вкругъ:
А Румянцевъ съ ними внукъ [3])

---

[1]) Д. 6. „Турека."

[1]) Здѣсь печатаемъ стихъ пополамъ.—[2]) Сдѣлано изъ „визиря".—[3]) Сдѣланъ ради риѳмы: впрочемъ выводится у Румянцева и сынъ, какъ увидимъ ниже.

Объѣзжать силу вокругъ.
Поскорѣе поскакалъ
Ко Донскіимъ козакамъ:
«Выбирайтесь козаковъ
«Сорокъ тысячь молодцовъ,
«Что хотите, то берите
«Государеву казну,—
«Вы скрадите у мирзира
«Отъѣзжій караулъ.»
««Не диковина какая,
««У мирзира караулы скрасть!»»

Напередъ у насъ пѣхота,
Козаки позади,
Турецка сила впереди.
Не дубровушка шумитъ,—
Турецка силушка валитъ.
Не ясёнъ соколъ летитъ,—
Напередъ мирзиръ катитъ,
Вострой сабелькой грозитъ.
Генералы испугались,
Кой-куда всѣ разъѣзжались;
А солдатушки стоятъ,
Они то же говорятъ:
««А намъ не куда дѣваться,
««Пришло дѣло раздѣваться!»»
Козаки силу сѣкутъ,—
Кровавы ключи текутъ:
Коя сила при долинѣ,
Заметало пескомъ-глиной;
Коя сила на горѣ,
Стоитъ по поясъ въ кровѣ [4])!

*

[4]) Ср. выше дѣло Лопухина въ Прусскую войну.

5.

(Губ. и уѣзда Симбирск., село Архангельское).

Что̀ вы, братцы, не пьете—не ѣдите,
Не вѐсело сидите, ничего не говорите?
Кто бы намъ, ребята, про мизирь-городъ сказалъ,
Про мизирскую войну, про Турецкую стрѣльбу?
Кто на войнѣ-то бывалъ, много горя тотъ видалъ,
А кто въ службѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ.

«Много ль васъ молодцовъ—Донскіихъ козакòвъ?
«Сорокъ тысячь молодцовъ—Донскіихъ козакòвъ,
«Девять тысячь молодцовъ—Запорожскихъ козакòвъ?
«Вы подите-ка—скрадѝте у мизира караулъ!»
««Не какая, братцы, страсть, караулы крѣпки скрасть:
««У насъ копьецы долгѝ, на то саблицы вострỳ!»»

Ужь мы билися-рубились трое сòточки,
Ни пивали, ни ѣдали, съ дòбрыхъ кòней не слѣзали,
Бѣлы стѣны пробивали: бѣлы стѣны не пробили,
Ядры-порохъ растеряли, пѣхотушку утомили,
Сами прочь мы отвалили, въ чисто поле выходили,
Въ чѝстомъ полѣ во долỳ становились во строю.
Утолилася баталья,—стали тѣла разбирать [1]):
Который на горѣ стоитъ, пò поясъ въ крови,
А которы подъ горой, заметало тѣхъ землѐй.
По утру, братцы, ранењко, не сокòлъ въ полѣ леталъ,
Князь Румянцовъ разъѣзжалъ, прытко скачетъ по горѣ,
На своемъ добромъ конѣ, близѐхонько подъѣзжалъ,
Чорну шляпу скидавалъ, низѐхонько воокланялъ,
Румянцова, братцы, внукъ [2]) объѣзжаетъ силы въ кругъ.

* *

Слѣдующая пѣсня представляетъ свободную народную передѣлку сочиненной (которую увидимъ ниже), о переходѣ Татарской степи, о Буджакѣ и о подступѣ къ Кагулу:

---

[1]) Опять черты Прусской войны: ср. выше.—[2]) См. объ этомъ выше.

Черезъ Турецкое поле.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Находила туча тёмная
На силушку царя Бѣлаго.
А ты поле чистое, Турецкое!
Мы когда тебя, поле, пройдёмъ,
Всѣ бугры твои, дороженьки,
Всѣ мѣста твои прекрасные,
Города твои проклятые?
Черезъ гóру перевалимся,
Мы сойдёмся съ непріятелемъ,
Со Турецкимъ большимъ корпусомъ.
На Турецкій большой праздничекъ
Турки пьяно напивалися,
Сы похмѣлья выхвалялися:
««Мы Россіюшку на скрость пройдемъ!..»»

(Ср. сборн. г. Савельева 1866 г.).

* *

На слѣдующей есть также порядочные слѣды сочиненія:

Средиземное море. Спиридовъ.

1.

(Москва).

Не цвѣтами синё море покрывалось,
Не лазоревыми Средиземное украшалось:
Разцвѣтало синё море кораблями,
Бѣлыми-полотняными парусами,
Разными Россійскими флагами.
Не ясёнъ соколъ по поднебесью летаетъ,—

Спиридовъ [1]) генералъ по кораблику гуляетъ,
Онъ Россійскихъ матросовъ утѣшаетъ,
Утѣшаетъ ихъ, забавляетъ:
«Не тужите вы, дѣти, по своей отчизнѣ [2]),—
«Не вовсе мы на синёмъ морѣ погибнемъ!
«Воротимся мы въ Русь со побѣдой [2]),
«Увидимся съ отцами-матерями,
«Со братами и съ сестрами,
«Со молодыми своими женами,
«Со малыми дѣтьми со родными!»
Матросы печаль забываютъ
И съ радостью еще пробыть тамъ желаютъ [3]).

(У Новикова и позднѣе, кое гдѣ въ устахъ).

* *

Зоричъ въ бѣдѣ.

Память о Краснощоковѣ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Не чернымъ-то зачернѣлось,—
Зачернѣлось Турецкое чисто поле;
Не плугами поле—не сохами пораспахано,—
А распахано поле конскими копытами;
Засѣяно поле не всхожими сѣмянами,—
Засѣяно козачьими головами,
Заволочено поле козачьими чорными кудрями [1]).

Какъ не доѣхавши поля, Зоргинъ [2]) генералушка
Становился надъ козачьими головушками,

---

[1]) Въ нѣкотор. „Спиридоновъ".— [2]) Болѣе видные слѣды сочиненія.— [3]) Тѣ же слѣды.

[1]) Образы и черты Слова о Полку Игоревѣ, извѣстные намъ по пѣснямъ Петровскимъ.—[2]) Зоричъ, въ извѣстной бѣдѣ его при Рябой Могилѣ.

Становившись онъ прослезился:
«По напрасну эти буйныя головушки пропадаютъ,
«Безъ вѣрнаго-то служителя съ Дону государева,
«Безъ Ивана сына Матвѣева Краснощокова [3])!»

(Ср. сборн.. Савел. 1866).

* *

Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, собственно намъ нужно бы поставить пѣсню о Бендерахъ и Румянцевѣ (съ Панинымъ): но, такъ какъ съ нею, извилистыми развѣтвленіями, связанъ совершенно особый кругъ пѣсенъ, частнаго примѣненія и значенія, то мы пока отлагаемъ ее и помѣстимъ ниже послѣ всѣхъ Румянцевскихъ дѣйствій и послѣ первой Турецкой войны. А теперь пока о 1771 годѣ и Долгоруковѣ (въ пѣсню также проникли слѣды сочиненія):

Долгоруковъ.

Перекопъ. Кафа.

1.

(Губ. Оренбургской).

Въ семьдесятъ первомъ году,
Отъ Яицкаго плоту [1])
Покачалися всѣ горы,
Потряслась сыра земля,
Пошли рыбы всѣ на низъ
И всѣ птицы съ тёплыхъ гнѣздъ [2]).

Походъ нá весну намъ сказанъ,
Въ Крымъ итти прямо показанъ.
Мы въ походъ пойдёмъ,
Турку дáры понесёмъ.

---

[3]) Еслибы бы онъ былъ здѣсь, только развѣ онъ могъ бы спасти насъ.

[1]) Флота, лодокъ: откуда нѣкогда шла помочь, и гдѣ пѣлась эта пѣсня.— [2]) Произноси „гниздъ“.—Первый и сильный походъ на Турцію изображенъ тѣми же почти красками, какъ первые походы Варяжской дружины съ Олегомъ, въ былинахъ объ немъ (см. прежніе вып. и Рыбникова).

Къ Перекопу подходили,
Турско войско находили.
Много ядеръ и картечь:
Мы не станемъ ихъ беречь.
Артилерія гремѣла,
Черезъ ровъ на стѣну взошла смѣло.
Предводитель Долгоруковъ,
Не стращай своимъ насъ звукомъ [3])!

Видя Турки ту бѣду,
Стали рвать безъ череду́;
Закричали въ одинъ гласъ:
««Пощадите бѣдныхъ насъ,
««Вы насъ плѣнными сочтите
««И Кифу [4]) въ полонъ возьмите!»»
А Татаришки негодны,
Они очень сумазбродны:
До Кифы они бѣжали,
Мы ихъ больше не видали.
Наша армія спокойно
Отдыхаетъ, стоитъ стройно.
Ожидаемъ мы курьера,
Гдѣ намъ вѣчныя квартеры:
Расположимся въ Крыму,
Свѣту на́ диво всему!

(Доставлено В. И. Далемъ).

* *

Неудача подъ Силистріей.

1.

(Губ. Симбирской).

Вся-та наша армеюшка пріуныла.
Запоемъ-те мы, ребятушки, пѣсню новую,

---

[3]) Здѣсь уже сочиненіе врѣзалось безсмысленною фразою.— [4]) Кафу.

Мы которую пѣвали [1])....
Во походѣ мы не пѣсенки пѣвали,—
Горевали мы, подъ городомъ стояли,
Подъ Селистромъ за быстрòю
За рѣченькой за Дунаемъ.
А не вèсело наша армеюшка пьетъ-гуляетъ,
А не вèсело солдатушки во строй собирались;
Во строю-то стоятъ солдатушки—сами плачутъ,
Жалобу-то творятъ солдатушки на фицеровъ:
««Загналъ-то, загналъ Прусскòй король въ ину землю,
««Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки,
««Ни словеснаго отъ батюшки приказа [2])...»»

(Запис. А. М. Языковымъ).

* *

Каменскій съ Донцами за Дунаемъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

За славной-то было за рѣчушкой—быстрымъ Дунаемъ,
Собиралась тамъ наша армеюшка:
Повелитель у ней былъ самъ Каменскій графъ,
У Турецкой было армеюшки—паши-мурзы.

Пишетъ паша-мурза ко графу Каменскому:
«Прошу тебя, Каменскій графъ, не прогнѣваться,
«Ты за чѣмъ зашелъ—завелъ армію Россійскую?
«Я солдатъ-драгунъ повырублю,
«А Донскихъ-то козакòвъ во полонъ возьму,
«Со Донскими козакàми я служить пойду!»
А Каменскій-то графъ во отвѣтъ ему:
— Врешь ты, паша-мурза, облыгаешься,

---

[1]) Дополните, по прежнимъ образцамъ: „сами плакали".—[2]) Отдается и вспоминается, при одинакомъ случаѣ, страхъ, заданный нѣкогда Прусскимъ королемъ (ср. выше).

— Небылы́ми рѣчьми [3]) забавляешься.
— Не поймавши гуся сѣраго—ты щипать сталъ;
— Я твою-то братію повырублю,
— А съ тебя-то кожу сниму, соломою набью! —

(Ср. Сборн. Савел. 1866).

* *

Нападеніе на Шуменъ
и
отпоръ Турокъ.

1.

(Оттуда же).

На ровной площади, на большой полянѣ,
Стоялъ тамъ Второй Тацынъ полкъ.
Стоялъ три недѣлюшки.
На четвертой-то на недѣлюшкѣ приказъ они получили [1]),
Да иттить-то полку Тацыну подъ Шумной городъ.

Не пошелъ-то молодой полковничекъ большой дорогой:
Онъ пошелъ, молодой полковничекъ, крутыми горами,
Онъ крутыми-то горами, большими лѣсами.
Среди-то, было, пути—среди дороженьки несчастьице слу-
чилося:
Какъ не чорные-то во́роны изъ лѣсовъ солетал́ися,
Турки храбрые изъ за крутыхъ горъ на Тацына нападали.

Тутъ-то мои малолѣточки [2]) дюжа [3]) перепужалися,
По темны́мъ-то лѣсамъ они разбѣжалися.
Кричитъ-то кричитъ молодой полковничекъ своимъ гром-
кимъ голосомъ:
«Ужь вы стойте, мои малолѣточки, стойте—не робѣйте,
«Государева свинцу-пороха не жалѣйте!»

---

[3]) Небылицами.

[1]) Отселѣ стихъ *двойной*.—[2]) Такъ обыкновенно въ пѣсняхъ, присутствіемъ малолѣтокъ, козаки объясняютъ неудачи.—[3]) Крѣпко.

Пробилъ-то бы, пробилъ молодой полковничекъ двѣ заставы:
На третей-то на заставѣ самъ головушку сложилъ.

* *

Теперь-то мы переходимъ или, лучше, возвращаемся къ *Бендерамъ*, и отличною народною пѣсней, которая изображаетъ сборы въ походъ съ Румянцевымъ—Панинымъ:

Сборы подъ Вендеры.

1.

(Москва).

У душечки у красной у дѣвицы
Не дожжичкомъ бѣлое лицо смочило:
Смочило бѣло личико слезами,
Тужа-плача по миленькомъ дружечкѣ,
По ласковомъ-привѣтливомъ словечкѣ.

Какъ далече-далече въ чистомъ полѣ,
Стояла въ полѣ бѣлая берёза.
Подъ той ли подъ бѣлой подъ берёзой
Не голубь съ голубушкою воркуютъ,
Не сизенькой со бѣленькою воркуетъ.
Дѣвица съ молодцомъ рѣчь говорила:
«Ты душечка, удалый [1]) молодецъ!
«Куда ты, моя радость, снаряжаешься,
«Во которую во дальную сторонушку,
«Во Казань городъ, или въ Астрахань,
«Или во славной городъ Сан-Пѣтербургъ,
«Или во матушку каменну Москву?»
Отвѣтъ держитъ добрый молодецъ:
— Какъ сказана мнѣ, молодцу, царска служба,

[1]) Вар. „удалый-добрый."

— Показана широкая дорожка [2],—
— Ко славному ко городу Бендерамъ [3]!—

(Ср. пѣсен. Новиковскій и друг.).

*

И. И. Дмитріевъ въ своемъ „Карманномъ пѣсенникѣ" 1796 года, Богъ знаетъ за чѣмъ, передѣлалъ Бендеры на *Нерчинскъ*, а всю пѣсню—не утерпѣлъ—исказилъ такими нѣжными подправками (соблазнивши тѣмъ и многихъ преемниковъ):

2.

(Сочиненіе).

У душечки красной дѣвицы
Бѣло личико смочилося
Не отъ дожжичка весенняго:
Ахъ, смочилося отъ жаркихъ слезъ,
По привѣтливомъ миломъ дружечкѣ.
Возвѣстили другу милому
Службу царску, государеву,
Объявили путь-дороженьку
Изъ преславной каменной Москвы
Къ дальну городу *Нерчинскому*.
«Ото всѣхъ мой другъ прощенье взялъ:
«Лишь со мною не простился онъ,
«Знать стыдится онъ любви моей!
«Такъ прости же ты, мой милый другъ
«Наживай себѣ другую ты!
«Лучше найдешь, такъ забудь меня,
«Хуже найдешь, такъ воспомнишь самъ,
«А воспомнивши вздохнешь по мнѣ!»

* *

---

2) „Дороженька".—3) Въ нѣкоторыхъ: „ко городу *Смоленску*",—и это, кажется, старшій образецъ, изъ XVII-го вѣка.

Но подъ Бендерами въ пѣсняхъ разыгралась съ Румянцевымъ совсѣмъ другая „исторія“, гдѣ народъ расправился съ событіями „по свойски“.

Это стóитъ того, чтобы разъяснить подробнѣе: и, какъ мы сами долго путались въ массѣ переплетшихся образовъ, чтобы добиться наконецъ толку, такъ точно обязаны мы ввести читателей въ суть дѣла весьма медленнымъ и осторожнымъ шагомъ.

Всѣ пѣсенники, начиная съ Чулкова и Новикова, кончая Гурьяновымъ и Кашинымъ, видѣли въ предлежащей пѣснѣ рѣшительную безтолковщину и безсмыслицу: а если тутъ и попадался имъ какой либо намекъ историческій, то, по извѣстному намъ опасенію, не рѣшались воспользоваться этою чертою, какъ случайною, и помѣстить у себя пѣсню, чтобы тѣмъ хуже не попасться въ историческій просакъ или въ передѣлку у какихъ либо высшихъ лицъ, заинтересованныхъ тутъ родовыми именами. Между тѣмъ нѣтъ почти уголка среди поющей Россіи, гдѣ бы не знали и не распѣвали этой пѣсни: отъ Витебска до Ярославля, отъ Оренбурга и Саратова до Тулы, Орла и Чернигова, до губерніи Рязанской, Тамбовской, Симбирской, особенно же Московской, — всюду живетъ и растетъ еще она въ устахъ народа; по мѣстамъ сдѣлали изъ нея даже пѣсню игровую и хороводную. Не досадно ли и чтó въ самомъ дѣлѣ за нелѣпость? Мѣсто въ Швеціи, Пруссіи, и оно же въ Бендерахъ; изъ Бендеръ выходитъ дѣвушка, убранная по нѣмецки. въ кармашкѣ съ крандашикомъ; Румянцевъ описывается чертами Краснощокова; у него не только внукъ (какъ мы видѣли по другимъ пѣснямъ), но прямо сынъ и — „Иванъ Ивановичъ,“ Россійскій генералъ; ни съ того, ни съ сего, онъ сватаетъ встрѣчную дѣвушку за сына и, послѣ ужаснаго гнѣва, успокоивается тогда лишь, когда Нѣмка соглашается итти за мужъ; а затѣмъ приглашенія на свадьбу по Европѣ и всей Россіи... Чтó за масса кажущейся чепухи, нанизанной и переплетенной!

Но, полно такъ ли? Въ своихъ отношеніяхъ къ народу и его пѣснотворчеству, руководимые всегда неизмѣннымъ довѣріемъ и уваженіемъ, мы десять лѣтъ съ особеннымъ вниманіемъ прислушивались, сличали и соображали. И вотъ выводы, наконецъ истекшіе, опредѣлившіеся и утвердившіеся.

Кубела или Купала, изъ миѳологической области разными путями и подъ разными образами перешедшая позднѣе въ нашъ эпосъ, съ самаго начала представлялась то какъ „Мать“, то какъ дочь ея „Дѣвица.“ Искони ей принадлежащее, строеніе первыхъ городовъ народныхъ и защита ихъ, то, чтó прозвало ее всюду (равно у Грековъ, даже у Римлянъ) „Матерью городовъ“ и возложило на голову ея вѣнецъ, какъ выражаются, „изъ городской стѣны“, а по нашему „городками (зубцами, зубчатымъ забраломъ)“, осталось въ постоянной роли эпической Матери и Дѣвицы повсюду (подробности въ нашемъ изданіи Бѣлорусскихъ пѣсней 1871 г.). Въ Словѣ о Полку Игоревѣ Всеславъ добываетъ себѣ городъ не иначе какъ подъ видомъ со-

стязательнаго ристанія (турнира), на которомъ бросаетъ жребій „о дѣвицу себѣ любу“ и копьемъ достаетъ ее; Ярославна, ища спасенія родному городу и посылая вопли къ далекому мужу, является съ обаятельной пѣснею „на забородѣ“, на зубчатой стѣнѣ. Олегъ, отыскивая наслѣдство ввѣренному малолѣтку, встрѣчаетъ „Мать городовъ Русскихъ“: вмѣстѣ съ симъ лѣтопись въ избыткѣ разсыпаетъ вокругъ него миѳологическія и эпическія черты. Почти всѣ старшіе у насъ города—по имени женскаго рода (ср. у насъ выше примѣчанія на стр. 168 и 169, а равно статью Дм. И. Иловайскаго о мнимомъ призваніи Варяговъ). По лѣтописямъ или, лучше, вставленнымъ въ нихъ сказаніямъ, какъ только городъ настигается бѣдой и разореніемъ, за него и объ немъ, въ его образѣ, „плачетъ“ женщина, частнѣе дѣвица. Не касаясь столь далекихъ образовъ, какъ въ Стихахъ объ Егорьѣ и Ѳеодорѣ, самый Новгородъ, какъ скоро настигъ его разгромъ отъ Суздальскаго князя, увидалъ—по сказанію—спасительницу на стѣнахъ своихъ (ея образъ совершенно отвѣчаетъ древнему изображенію Купалы, даже какъ вытесывалась она въ каменныхъ „Бабахъ“). Съ самаго начала нашего эпоса, сохранившагося въ богатырскихъ Былинахъ, по „стѣнѣ городовой“ ходитъ защитницей и представительницей „Турица златорогая (образъ Купалы въ вѣнцѣ),“ сама называемая порою прямо „Мать стѣна городовая:“ вмѣсто нея, позднѣе, какъ только Краснощоковъ вступилъ въ Турецкую Землю, ему предстала „Мать сѣра ланья со ланятами (какъ „Мать сыра земля“ или Турица съ извѣстными 12-ю дѣтьми своими).“ То защитница, то — изъ любви къ пришельцу — предательница города, то невольная за свой городъ полонянка, преимущественно дѣвушка, „Королевна“ и „Королевична“,—на каждомъ шагу эпоса, почти въ исторіи каждаго героя. Напомнимъ, крупнѣе другихъ, Елену Прекрасную, Настасью Королевичну, Апраксію, Маринку (что досталъ Добрыня стрѣлами по терему и зубчатому зáмку), Лиховидьевну, Лебедь Бѣлую и т. п. Петру является она Королевною въ Стокгольмѣ и Колывани (см. прежніе наши выпуски и разныя изданія). Въ Швеціи и Пруссіи для XVIII вѣка она рѣшительно на всегда засѣла: какъ только приходится съ тѣхъ поръ „пробивать каменную стѣну,“ дѣвица-королевна тутъ какъ тутъ (см. этотъ выпускъ выше); мы видѣли ее и подъ Кермантомъ, и гдѣ угодно, такъ что иногда она просто, ради практики, обращается въ офицерскую жену и любовницу офицеровъ. Въ Берлинѣ, при Фридрихѣ, возстала она еще въ эпическомъ, чарующемъ величіи и въ яркой обстановкѣ: то Королева, то Королевна, и чаще послѣдняя, она и защищаетъ городъ, запирая его и запираясь на допросѣ, и прикрываетъ вѣщія продѣлки Короля, и, при усильномъ напорѣ, сдается, сдаётъ и разсказываетъ сокровенныя тайны. Послѣ этого мы нисколько не удивимся, что она же, неизмѣнная, появилась въ Бендерахъ, какъ скоро стали тамъ „пробивать стѣну каменную;“ она пришла туда прямо изъ Пруссіи, какъ перешли симъ путемъ многіе образы пѣсенъ; притомъ прибыла она вмѣстѣ „съ Румянцевымъ,“ который въ той же Пруссіи положилъ

начало военнымъ своимъ подвигамъ: теперь естественно, что она Нѣмка и „по Нѣмецкому пріубрана,“ даже подъ стѣною самихъ Бендеръ. Мы ее встрѣтимъ еще, въ томъ же уборѣ и значеніи, кое-гдѣ дальше, и въ Турціи, и обратно въ Западной Европѣ.

Кто же этотъ герой, передъ которымъ Королевна-Дѣвица-Полоняночка непремѣнно встаетъ изъ подъ земли, склонная и къ другимъ, но къ нему какбы прикованная? *Румянцевъ* въ первой своей молодости, переводя древнюю „Дѣву“ и „Жену“ на простой обиходный языкъ, прославился любовными приключеніями съ иностранками по чужимъ землямъ среди походовъ, еще въ Швеціи, потомъ въ Пруссіи. Соотвѣтственно сему, въ пѣсняхъ его времени безпрестанно является „енералушка:“ то беретъ полонянокъ, то— понятнѣе для пѣсни—убиваетъ ихъ какъ враговъ; а иногда это по просту, какъ мы встрѣчали примѣры выше, какая ни будь „жена офицерская (надъ которою, въ разныхъ анекдотическихъ случаяхъ, столь извѣстны проказы молодаго Румянцева)“. Не боясь нисколько повториться, мы приведемъ здѣсь подобную пѣсню, въ которой явны всѣ знакомыя намъ черты и выраженія „Прусскаго похода,“ но въ которой есть и „енералушка„ съ „офицерскою женою:“

Пруссія. Енералушка. Жена офицерская.

1.

(Губ. Симбирской, Усть-Урень).

Не бѣлая берёзенька къ землѣ клонится,
Не шелкóва трáвенька по чистý полю разстилается:
По чистý полю разстилается полынь горькая.
Горькá ты, полы́нушка, изъ всей травы:
Еще горьчѣй-тошнѣй того служба царская,
Служба царская, нужда крайняя.
И ни день-то, ни ночь намъ, солдатушкамъ, угомону нѣтъ:
Темнáя ночь настанетъ,—мы на часахъ стоимъ,
Какъ бѣлый день настанетъ,—во строю стоимъ,
Во строю стоимъ, по ружью держи́мъ.
И стояли мы, солдатушки, трое суточки,
Не пиваючи и не ѣдаючи.
И ходитъ же душа енералушка по армеюшкѣ,
Закупаетъ енералушка свинцу съ порохомъ,

15. И заряжаетъ енералушка сорокъ пушечекъ,
Пробиваетъ енералушка стѣну каменную,
И убиваетъ енералушка жену офицерскую,
Молодыхъ-то ребятъ во полонъ беретъ.

(Запис. отъ Полякова П. В. Шейномъ; ср. „Чтенія“).

*

Но въ Пруссіи начинающему Румянцеву явился соперникъ, уже зрѣлый и завершавшій свои подвиги: это Краснощоковъ, бывшій, какъ знаемъ, и въ Швеціи за одно съ Румянцевымъ, а затѣмъ въ Пруссіи затмившій его юную извѣстность и привлекшій все главное вниманіе пѣсни. Донской богатырь, намъ извѣстно, также довелъ образы пробитой стѣны, взятаго города и полоненной Королевны до высшей апогеи развитія и до всей яркости эпической. Онъ даже, въ кругѣ пѣсенъ своихъ, соединилъ образъ древней „Турицы“ и дѣтей ея съ „Матерью сѣрой ланью и ланятами,“ которая встрѣчается ему при вступленіи въ Турецкую землю (ср. выше у насъ № 26), а историческую „Марьюшку“ съ невѣсткою Короля Прусскаго и съ эпическою „Марьею-лебедью, Марьею Юрьевной, Романовной, Маринкой“ и т. п. (см. при № 11). Да сверхъ всего этого, онъ еще привлекъ изъ старины и привилъ къ себѣ ту эпическую особенность, что, сообразно древности, явился въ пѣснотворчествѣ „купцомъ“ и „купеческимъ сыномъ,“ „закупалъ на торгу свинецъ съ порохомъ (какъ это случалось тогда въ дѣйствительности при скудости нашихъ снарядовъ, - ср. выше),“ былъ въ полону у Короля“, и, захвативъ полонянку, вылетѣлъ „соколомъ отъ чорнаго ворона.“ Образъ былъ такъ ярокъ, выраженія такъ сильны и вліятельны, что съ тѣхъ поръ, мы знаемъ, почти при каждомъ походѣ и подобной осадѣ города повторяются общія фразы,—„Мы со вечера въ торгу торговали, Свинцу-пороху покупали, Стѣну каменну пробивали, Полоняночку въ полонъ взяли“ и т. п.

Однако, опредѣлившись совершенно типомъ художественнымъ и его въ себѣ опредѣливши, а въ дѣйствительности совершивши рядъ блестящихъ военныхъ подвиговъ, Краснощоковъ, по закону живучаго историческаго пѣснотворчества, долженъ былъ въ пѣснѣ передать кому ни будь свое наслѣдство,—созданные образы и черты событій, краски, выраженія. Случай подошелъ такой, что можно было передать и самое имя. Краснощоковъ, по естественному закону языка, нами уясненному, обратился въ *краснощокаго*, сдѣланъ *краснощокимъ*: отъ него зардѣлся самъ столкнувшійся Король и вышелъ также „королемъ краснощокимъ“ Еще шагъ, и самъ герой обращенъ въ „*краснощокаго короля*,“ „*князя*“ и „*графа*.“ Если бы заглянуть въ тогдашнее воображеніе поющихъ, если бы пригласить ихъ къ раскраскѣ какой ни будь тогдашней лубочной картины,—конечно мы получили бы

рельефнаго героя—*краснощокаго* и *румянаго*, какъ и подобаетъ быть Русскому богатырю по представленію сильнаго, здороваго, цвѣтущаго народа. *Графъ Румянцевъ*, сотоварищь времени и походовъ, вышелъ подъ стать: герой такой же *румяный* (его зовутъ въ пѣсняхъ *Румянчикъ*), какъ Краснощоковъ *краснощокій*. Съ тѣхъ поръ всѣ помянутыя пѣснотворческія отличія дѣйствительно перешли въ пѣсняхъ отъ Краснощокова къ Румянцеву, до самыхъ мелочныхъ выраженій; тутъ же и неизмѣнная „полонянка,“ то Королевна, то просто „Нѣмка,“ а отличіе лишь въ томъ, что наслѣдникъ Румянцевъ ступилъ шагомъ далѣе: Краснощоковъ неизвѣстно чѣмъ кончаетъ съ полонянкою, а Румянцевъ, какъ слѣдуетъ солидному, остепенившемуся въ дѣйствительности герою и отцу семейства, сватаетъ ее за сына (впрочемъ и выше, по нѣкоторымъ образцамъ, герой, плѣняющій полонянку, также раздвоился на двоихъ и даже при Краснощоковѣ выведенъ „сынъ“ какъ при Румянцевѣ). Пѣсня, повторяемъ, прошла въ семъ видѣ отъ Швеціи черезъ главную Пруссію и потомъ черезъ Россію, гдѣ столь распространена, до самыхъ Бендеръ вмѣстѣ съ Румянцевымъ: шла по началу съ Краснощоковымъ грозной тучею, потомъ, постепенно свивaясь вкругъ геройской головы Румянцева, преобразилась свѣтлымъ облакомъ, какъ блестящій ореолъ въ радужныхъ переливахъ народныхъ. На этой ступени мы проведемъ различные образцы сей пѣсни передъ глазами читателей:

Румянцевъ въ Пруссіи. Полонянка. Сватовство за Россійскаго генерала.

1.

(Черниговскія Слободы).

Купцы съ вѐчера торговали,
Свинцу-пороху покупали,
Мѣдны пушечки заряжали,
Короля въ глаза не видали [1]),
Въ каменну́ стѣну [2]) (не) стрѣляли,
Кра́сну дѣвочку вызывали:
Кра́сну дѣвочку въ полонъ взяли,
Къ графъ-Румянцеву приводили.

---

[1]) Это было бы непонятно безъ предыдущихъ нашихъ образцовъ.—[2]) Такъ тогда же мы исправили при печати, вмѣсто „Москву:“ Москва здѣсь значитъ *вообще* „городъ“ и „стѣну.“

Графъ Румянцевъ дивовался,
Красотѣ ея любовался:
Хороша дѣвица, румяна,
По Нѣмецкому пріубрáна,
На ней шубочка парчевàя,
Душегрѣечка золотая,
Въ косѣ ленточка голубая.
«Ты поди, поди въ Россію зá мужъ
«За любимаго моего сына за Ивана,
«За Ивановича свѣтъ Ивана,
«За Россійскаго за енарала.»
— Я не йду, не йду въ Россію за мужъ
— За любимаго твого сына за Ивана,
— За Ивановича свѣтъ Ивана,
— За Россійскаго за енарала.—

Графъ Румянцевъ разсердился,
Онъ безъ милости распалился,
Востру шáбельку вынимаетъ,
Красотѣ ея угрожаетъ:
«Ты поди, поди въ Россію за мужъ
«За любимаго моего сына за Ивана,
«За Ивановича свѣтъ Ивана,
«За Россійскаго за енарала!»

Крáсна дѣвица испужалась:
— Я иду, иду въ Россію за мужъ
— За любимаго твого сына за Ивана,
— За Ивановича свѣтъ Ивана,
— За Россійскаго за енарала!—

(Ср. II-й томъ собран. Рыбникова).

*

2.

(Рязанск. губ., у. Зарайскаго, с. Жолчино).

Мы вечо́ръ въ торгу торговали,
Мѣдны пушечки заряжали,
Въ каменну̀ стѣну стрѣляли,
Короля мы въ глаза не видали:
Кра́сну дѣвицу въ полонъ взяли,
Къ графу(ъ) Румянцеву подводили.

Графъ Румянцевъ дивовался,
Въ красоту ея влюблялся:
Хороша дѣви́ца, румяна,
По Нѣмецкому разубра́на,
На ней шубочка голубая,
Душегрѣечка парчева̀я,
Въ косѣ ленточка золотая.
«Ты позволь [1]) со мной поговорити,
«Про мою силушку спросити,
«А про свою силушку явити [2]).
«Ты пойди ко мнѣ въ Россею за̀ мужь,
«За мого за сына любимаго [3]),
«За Иваныча Ивана,
«За Российскаго генерала.»
— Не хочу я съ вами говорити,
— Про вашу силушку спросити,
— Про свою силушку явити.
— Не пойду я къ вамъ въ Россею за мужь,
— За твоего за сына любимаго,
— За Иваныча Ивана,
— За Российскаго генерала.—

---

[1]) Поизволь, сдѣлай одолженіе.—[2]) Черта, возстановляющая военный допросъ: я тебѣ разскажу про нашу, ты разскажи про свою силу.—То же и объ Королѣ, выпытываютъ выше, а при Петрѣ отъ „маіора." — [3]) Дурно раздѣлены стихи.

Графъ Румянцевъ на нее разсердился,
Вострy сáбельку вынимаетъ,
Крáсну дѣвицу пугаетъ.

Крáсна дѣвица испужалась,
За Румянцевымъ погонялась:
— Ты позволь, позволь, графъ Румянцевъ,
— Съ тобою поговорити:
— Я хочу съ вами говорити,
— Про свою силу явити;
— Я иду въ Россею за мужь
— За твоего за сына любимаго,
— За Иваныча Ивана,
— За Россейскаго генерала!—

(Ср. „Р. нар. пѣсни," собр. П. В. Шейномъ, ч. I, 1870).

3.

(Губ. Ярославской, у. Ростовскаго, село Сущево).

Мы вечóръ въ торгу торговали,
Свинцу-пороху закупали,
Въ мѣдны пушечки заряжали,
Въ каменнý стѣну стрѣляли,
Стѣны́ кáменной не разбили:
Крáсну дѣвицу полонили,
Да къ Румянцеву отводили.

Графъ Румянцевъ взрадовáлся,
Красотѣ ея дивовался:
Хороша дѣвушка, румяна,
По Нѣмецкому изубрáна,
На ней юбочка голубая.
Душегрѣечка парчевáя.
Въ косѣ ленточка золотая
До шелкóваго поясочку,

До Нѣмецкаго до чулочку.
Графъ Румянцевъ говоритъ ей,
Графъ Румянцевъ вопрошалъ ей:
«Ты скажи, скажи, дѣвка Нѣмка,
«Про свою силу про Нѣмецкую,
«И поди ты въ Россію зá мужь
«За моего сына за Ивана,
«За Россійскаго генерала.»

Дѣвка Нѣмка отвѣчала,
На прямикъ ему сказала:
— Не скажу я про нашу силу,
— И не йду я въ Россію за мужь
— За твоего сына за Ивана,
— За Россійскаго генерала.—

Графъ Румянцевъ разсердился,
До безъ-милости распалился,
Вóстру саблю обнажаетъ,
Крáсну дѣвицу стращаетъ.

Красна дѣвка испугалась
И во всемъ ему спознала́сь:
— Нашей силушки не много;
— Я иду въ Россію за мужь
— За твоего сына за Ивана,
— За Россійскаго генерала!—

(Ярославск. Губернск. Вѣдомости 1872 г.; то же дословно повторяется въ образцахъ Оренбургскихъ и Саратовскихъ).

*

То же подъ Бендерами.

4.

(Яракля, губ. Симбирск.).

Какъ подъ Бе́ндеромъ мы стояли,
Трое суточекъ простояли,
Мы не пивали и не ѣдали,
Съ до́брыхъ ко́ней не слѣзали,
Мы бѣлу стѣну пробивали:
Бѣлой стѣны мы не пробили,
Короля въ домѣ не застали;
Королевишну [1]) въ полонъ взяли:
Къ бѣлымъ шатрамъ привозили,
Предъ Румянцова становили.

Румянцевъ князь диовался,
Красотѣ изумлялся:
«Что̀ это за дѣви́ца,
«Бѣлолица, круглолица,
«Черноглаза, черноброва,
«Хороша больно уродилась!
«Ты не плачь, не плачь, красна̀ дѣви́ца:
«Я отдамъ тебя за мужь
«За лучшаго генерала,
«За родно̀го моего брата [2])!»

(Записано Языковымъ).

*

[1]) Здѣсь возстановляется королевское достоинство, напоминающее Пруссію —[2]) Здѣсь пѣсня уступаетъ дѣйствительной исторіи: женихъ—уже не сынъ его, а собратъ, лучшій Россійскій генералъ. Черта эта важна и намъ пригодится.

Слѣдующій образецъ тѣмъ особенно важенъ, что въ немъ Румянцевъ, чего не нужно бы съ полоняникомъ, предлагаетъ ей *подписать контрактъ въ согласіи на обрученіе и бракъ*:

5.

(Москва).

Мы вечо́ръ въ торгу торговали.
Свинцу-пороху закупали,
Мѣдны пушечки заряжали,
Въ каменну̀ стѣнушку стрѣляли.
Красну дѣвицу въ полонъ брали.

Кра́сна дѣвица испугалася [1]).
По Нѣмецкому изубра́на,
По Россійскому изубра́на [2]):
На ней шубочка голубая,
Душегрѣечка шелкова̀я,
Въ косѣ ленточка золотая.
Ко Румянцеву подводили [1]):
«Ты пойди, пойди въ Ро́си [3]) за мужъ
«За любимаго моего сына,
«За Ивана Ивановича [1]),
«За Россійскаго генерала.»
— Я не йду, не йду въ Росеи за мужъ
— За любимаго твого сына,
— За Ивана Ивановича,
— За Россійскаго генерала.—

Графъ Румянцевъ разсердился,
Онъ безъ милости распалился.

Кра́сна дѣвица испугалась:
— Я иду, иду въ Ро́си за мужъ
— За любимаго твого сына,

[1]) Перебито.—[2]) Совсѣмъ лишнее повтореніе и порча стиха.—[3]) Если не испорчено, то древнее *Рось*, *Роси* и *Росы*.

— За Ивановича за Ивана [4]),
— За Россійскаго генерала!—

«Красна дѣвица, распишися:
«Ты подай, подай листъ бумаги,
«Изъ кармашика карандашикъ [5])!»

(Запис. Ѳ. Л. Барыковымъ; ср. Якушк. „Нар. Р. пѣсни“ 1865).

* *

Такъ вылилась вся эта пѣсня въ одинъ цѣльный типъ; творчество въ ней совершенно закончено, свобода творческая удовлетворена, удовлетворился и народъ: пусть не записывали и не печатали его пѣсни, считая небылицей или безтолковщиной,—за то въ ней народу былъ просторъ и онъ обдѣлалъ произведеніе на всей своей волѣ, какъ душѣ хотѣлось. Могло этимъ повершиться и на всегда, безъ всякого прямаго отношенія къ исторіи положительной и къ внѣшней ея правдѣ: внутренняя правда, удовлетворенная созданными образами, не нуждалась въ формальномъ оправданіи какимъ либо наружнымъ фактомъ, всего менѣе политическимъ. Говоря проще, Румянцевъ могъ въ послѣднее время не встрѣтить никакой полонянки, не женить сына, даже вовсе не имѣть его, особенно Ивана Ивановича, и красавицы Нѣмецкой могло не существовать въ дѣйствительности: творчество пошло въ началѣ отъ дѣйствительныхъ случаевъ и событій, имѣло основу реальную, точно знало Краснощокаго и Румянаго генерала, вѣдало объ ихъ подвигахъ,—и этого вполнѣ было довольно, чтобы успокоиться на выработанныхъ послѣ того краскахъ и образахъ, плодахъ не стѣснившейся фантазіи. Замѣтьте при томъ, что пѣсня значительно отдѣлана, въ художественномъ отношеніи весьма закончена, какбы искусно выточена, складенъ ея размѣръ, въ мѣру всякое выраженіе и слово. Не заботясь дальше объ „исторіи“ въ нашемъ смыслѣ, народъ, какъ мы упоминали, сдѣлалъ себѣ изъ этого даже игру, хороводъ: ходитъ въ серединѣ (воображаемый) генералъ, ходитъ дѣвица-красавица,—и раскланиваются, утираются платочкомъ, разводятъ руками....

Судьба рѣшила, чтобы на этомъ не остановилось, этимъ не покончилось. Сперва по арміи, столь преданной любимому полководцу, потомъ по Москвѣ, всегда заинтересованной событіями въ царскомъ семействѣ, быстро и по всему отсюда народу, пѣвшему про Румянцева, разносится слухъ, что онъ ѣдетъ въ иную землю, по приказу Государыни, ѣдетъ съ Салтыковымъ—имя, столь же знакомое пѣснямъ и Москвѣ (ср. выше старшаго Петра Семеновича), ѣдетъ къ знакомцу пѣсни и народа—къ тому же ро-

[4]) Такъ бы слѣдовало и выше.—[5]) Черта, которую нужно принять къ послѣдующему соображенію.

ковому Королю Прусскому, который такъ памятенъ, который задалъ такого страха на вѣчную память. Румянцевъ снова у Короля, этого хитраго и опаснаго чародѣя, въ Берлинѣ, гдѣ покупалъ свинцу-пороху, пробивалъ стѣну каменну... задумались, заговорили. Стало быть стóитъ, изъ за чего туда ѣхать: и точно стóитъ, онъ беретъ тамъ невиданную Нѣмецкую красавицу, обручаетъ за Россійскаго генерала царской крови, присутствуетъ при брачномъ договорѣ, готовитъ для Россіи всей громкую свадьбу. *Румянцевъ сопровождаетъ единственнаго сына царицы и наслѣдника, Русскаго генерала Павла Петровича, и въ Берлинѣ присутствуетъ при его обрученіи съ Королевной* (принцессою) *Виртембергскою, Марьей Ѳедоровной, племянницей Короля Прусскаго* (1776-й годъ). Все, что издавна слагалось въ пѣснотворчествѣ народа для подобнаго случая и выше представлено нами въ образцахъ, всѣ образы, черты и краски воскресли, поднялись со дна души, заговорили громче, раздались въ пѣснѣ рѣшительнѣе. Образцы сложившіеся, съ ихъ варіантами, поколебались въ своей безграничной свободѣ разнорѣчій: наступила опредѣленность болѣе внѣшняя, та историческая, гдѣ каждое выраженіе и имя бьетъ прямо въ дѣйствительность, совпадаетъ съ непререкаемой и осязательной былью. Образцы, говоримъ, поколебались въ прежнемъ произволѣ: они выиграли точностью, вновь набытыми неизгладимыми чертами,—отъ того помянутая выработка, которая довела художество до конца. Отъ того кое-гдѣ, по образцамъ, Королевною явилась уже *Марьюшка* (ср. на примѣръ выше у насъ № 11); отъ того въ другихъ (ср. № 19) она является „молодой снохою,“ невѣсткою Короля; отъ того и выше иногда плѣняющій герой, какъ здѣсь Румянцевъ, дѣлится на двоихъ лицъ (ср. № № 24 и 25); отъ того получилъ смыслъ „единственный сынъ,“ за котораго сватаютъ (въ одной пѣснѣ, у насъ № 11, выведенъ „сынъ“ и при Краснощоковѣ); отъ того въ иныхъ не только онъ „Россійскій генералъ,“ но „генералъ лучшій,“ и уже не сынъ Румянцева, а собратъ его; отъ того онъ, не по отцу, съ вымышленнымъ именемъ, *Иванъ Ивановичъ*, какъ „сѣверный графъ,“ инкогнито, подъ которымъ ѣздилъ за границу Павелъ; отъ того рѣчь о „распискѣ,“ контрактѣ. Вотъ какъ слагаются „Историческія“ пѣсни изъ чистаго „Эпоса“ или богатырскихъ „Былинъ,“ а послѣднія изъ прочихъ пѣсенъ по мотивамъ окружающей дѣйствительности: передъ вами весь процессъ, которымъ можете повѣрить старшіе и позднѣйшіе образцы. Печать пѣсенниковъ смолкла передъ такимъ исходомъ, совершившимся на глазахъ: историческое событіе было такъ свѣжо и крупно именами, а кажущаяся прежняя безтолковщина пѣсни такъ разительна, что, по извѣстному намъ опасенію, побоялись сочетать ту и другую сторону въ печатномъ образцѣ. Тѣмъ не менѣе, не глядя на литературу, пѣсня устная продолжала пѣть и доработывать: оказалось, уже не въ бровь, а въ самый глазъ исторической дѣйствительности, что Королевна, согласившись на замужество, *пригласила самого Короля дядю на свадьбу*, чего не сдѣлала бы простая полонянка со скромной участью,

хотя бы шла за сына Румянцева, *и пригласила прівхать*, стало быть свадьба въ Россіи; еще больше—*разсылаются письма по всей Россіи, вся она приглашается на веселье*, а такое общее народу веселье случалось лишь при свадьбѣ царской, и точно, самъ Румянцевъ, какъ названый отецъ, по обороту намъ знакомому, именуется уже „царемъ," „Румянъ-царемъ (какъ Краснощокій король)." Дальше нечего спрашивать, передъ нами пѣсня—

Обрученіе Павла Петровича
и
Маріи Өедоровны
въ Берлинѣ.
Румянцевъ сватомъ и ходатаемъ.

6.

(Губ. Московской, у. Можайскаго, с. Милятина).

Мы вечóръ въ торгу торговали,
Свинцу-пороху закупали,
Мѣдны пушечки заряжали,
Въ каменнў стѣнушку стрѣляли,
Короля въ глаза не видали:
Красну дѣвицу въ полонъ взяли,
Ко Румянцеву подводили.

Графъ Румянцевъ дивовался,
Красотѣ ея любовался:
Хороша дѣвушка, румяна,
По Нѣмецкому изубрана,
На ней шубочка голубая,
Душегрѣечка парчевая,
Въ косѣ ленточка золотая.
«Ты позволь [1]) съ нами говорити,

---

1) См. выше.

«Про мою силушку спросити,
«Про свою армію сказати [1]);
«Ты поди, поди, въ Россею [2]) за мужь
«За любимаго мого сына,
«За Ивановича Ивана,
«За Россейскаго генерала [3])!»

— Не хочу съ вами говорити,
— Я не йду, не йду въ Россею за мужь
— За любимаго твоего [4]) сына,
— За Ивановича Ивана,
— За Россейскаго генерала.—

Графъ Румянцевъ разсердился,
Онъ безъ милости распалился,
Востру cа́бельку вынимаетъ,
Красну дѣвушку онъ стращаетъ.

Красна дѣвушка испужалась,
За Румянцевымъ погонялась:
— Ужь ты батюшка, графъ Румянцевъ!
— Ты позволь со мной говорити,
— Про мою армію спросити,
— Про свою силушку сказати;
— Я иду, иду въ Россею за мужь
— За любимаго твого сына,
— За Ивановича Ивана,
— За Россейскаго генерала!—

Мы со вечера спать ложились,
По утру мы рано вставали,
Ключевой водой умывались,
Шелковымъ платкомъ утирались.
Начала̀ дѣви́ца писати,
Королю письмо отсылати:

---

1) См. выше.—2) Первое изданіе „въ Россіи."—3) Перв. изд. „За Россійскаго янарала."—4) Перв. изд. „тво во."

— Пріѣзжай [5]) ты, Король, на свадьбу,
— Къ любимому своему сыну.
— Ко Ивановичу Ивану!—

(Скотница Аннушка; Запис. П. В. Шейномъ, въ 1-мъ изд. 1859, потомъ 1870 г.—То же, по увѣренію собирателя, поется въ губ. Тульской и Калужской).

*

Слѣдующій образецъ, обращенный въ хороводъ, по обычаю сего послѣдняго, изъ Берлина сдѣлалъ такъ сказать „общій“ или „отвлеченный“ городъ, столь любимый у насъ въ подобныхъ случаяхъ,—Китай:

7.

(Губ. Витебской).

Какъ во городѣ во Китаѣ,
Тамъ ходилъ графъ Румянчикъ [1]),
Выбиралъ себѣ красну дѣвушку.
Выбиравши её, любовался,
Красоты её дивовался:
Хорошо дѣвушка убрáна,
По Нѣмецкому разубрáна,
На ней шубка шелковáя,
Копубéечка пяльцевáя [2]),
Въ косѣ ленты шелковы́я.
«Позволь, дѣвушка, спроситься,
«Вашей силушкѣ доложиться [3]);
«Пойдешь ли, дѣвушка, въ Россею за мужь
«За любезнаго моего сына,
«За Ивановича Ивана,
«За Россейскаго капитана?»

---

[5]) Первое изданіе „Пріѣзжалъ,“ и кажется лучше, т. е. „пріѣзжалъ бы ты (обыкновенная форма при убѣжденіи и повелѣніи, особенно частая у Сербовъ).“

[1]) Румяный, какъ Краснощоковъ—краснощокій.—[2]) Куцавейка (коротышка) вязаная въ пяльцахъ, кружевная.—[3]) Узнать о вашей силѣ: ср. выше.

— Я не иду [4]), не иду въ Россею за мужъ
— За любезнаго твоего сына,
— За Ивановича Ивана,
— За Российскаго капитана.—

Графъ Румянчикъ разсердился,
Не по милости [5]) распылился,
Онъ узялъ востру саблю,
Онъ стращалъ красну дѣвку.

Красна дѣвка оробѣла,
Съ бѣлаго [6]) личика сполотнѣла [7]):
— Я иду, иду въ Россею за мужъ
— За любезнаго твоего сына,
— За Ивановича Ивана,
— За Российскаго капитана!—

Вынималъ же графъ Румянчикъ
Пакъ [8]) бумаги, со кармана карандашь [9]),
Началъ писемцы писать,
По Россеюшкѣ разсылать:
«Ты пожалуй-ка, Россея,
«Къ Румянъ-царю [10]) на веселье [11])!»

(Ср. „Р. нар. пѣсни" П. В. Шейна, ч. I, 1870).

Этимъ кончаются у насъ всѣ народныя устныя пѣсни съ участіемъ Румянцева или изъ его эпохи.

Сравните еще только въ V-мъ выпускѣ отд. VII, стр. 179, гдѣ имя Румянцева взято *вмѣсто* Волконскаго и подобныхъ.

* * *

Между тѣмъ, еще до второй Турецкой войны, въ потокъ событій, воспѣтыхъ пѣснею, врѣзался *Пугачевъ*. Пѣсней объ немъ немного: и не наша задача отыскивать здѣсь „политическія движенія" Русскаго народа, слово *за* или *противъ*, оправданіе или порицаніе. Не только Разинъ оставилъ намъ свою пѣсню и *пѣсни Разинцевъ*, но не отказалъ народъ въ этой знаменательной собственности даже Каину: у Пугачева, отъ лица его и за него

[4]) „Нейду?"—[5]) Онъ безъ милости.—[6]) Д. б. „съ бѣла."—[7]) Поблѣднѣла.—[8]) Пачку.—[9]) Д. б. „карандашикъ."—[10]) Такому же, какъ выше „краснощокій король." Но здѣсь еще намекъ на „царское дѣло."—[11]) На свадьбу.

отъ народа—нѣтъ особой пѣсни. Народу въ пѣснѣ представляется онъ счастливымъ гулящимъ человѣкомъ, на котораго чешутся руки, либо разбойникомъ-преступникомъ, либо „несчастнымъ," либо даже смѣхотворомъ: геройской черты ни одной и хоть какого либо подъема повыше, способнаго настроить творчество величавѣе —не видно нигдѣ. Просто Пугачевъ —и концы въ воду.

Милиція въ войскѣ Яицкомъ.

1.

(Губ. Оренбургской).

По славной было по низовой линіи
И при славномъ было при Красноярскомъ форпостѣ,
Собиралося небольшо войско Яицко.
Прибѣгалъ къ войску скорой курьеръ,
Матвѣюшка сынъ Петровичь
По фамиліи Шубиченковъ;
Привозилъ отъ Государыни повелѣньице:
Объявилъ войску службу лиціонну.
Тутъ восплакнули всѣ козаки горючьми слезьми:
««Знать мы, добрые молодцы, передъ Господомъ согрѣшили,
««Милосердой Государынѣ прослужились!»»

Собиралися козаки во единый кругъ,
Они думали крѣпку думу за едину:
««Нѣтъ ли изъ насъ, козаковъ, таковыхъ добрыхъ молодцевъ,—
««Ѣхать къ Государынѣ съ челобитною,
««Просить о службѣ лиціонной [1]?»»

— Гой еси, милостивая наша Государыня!
— Въ чемъ мы тебѣ прослужились,
— Или гдѣ измѣну сдѣлали?
— Не можно ли отмѣнить службу лиціонну,
— Намъ, войску Яицкому?

---

[1]) За симъ уже слова посланныхъ.

— Заставь, наша матушка, за себя Богу вѣчно молиться!—
Принимала Государыня просьбу слезну отъ войска Яицкаго
И простила во всѣхъ винахъ,
И отмѣнила войску Яицкому службу лиціонну.

(Сообщено В. И. Далемъ).

* *

Пѣсня въ этомъ образцѣ не кончена; она продолжается въ слѣдующемъ (который зато при пѣніи и записываніи лишенъ былъ начала):

Пугачевъ.

1.

(Губ. Симбирской, Головино).

Въ тѣмъ Сударыня [1]) простила [2]),
Жить по старому пустила.
Полтора года страдали:
Всё царя себѣ искали.
Нашли себѣ царя—
Донскаго козакà,
Емельяна Пугачá
Сынъ-Ивановича.

Онъ со силой собрался́,
Подъ Гу́рьевъ поднялся:
Стрѣльба была несносна,
Стоять было не можно.
Онъ видитъ, что не взять:
Воротился въ задъ.
Съ большóй силой собрался́,
Подъ Яикъ поднялся:
Подъ Яикъ подходилъ,
Батальицу сочинилъ.
Они зачали палить,

---

[1]) Государыня Екатерина.—[2]) Козаковъ.

Силу-армію валить.
Изъ Яика-городка
Протекла кровью рѣка,
Крутй гóры закачались,
Сырá земля затряслась;
Сыра земля затряслась,
Мéлка рыба внизъ пошла,
Мелка пташка со гнѣзда.
Мелка пташка со гнѣзда [3])
Укрѣпила Пугача
Сынъ-Ивановича.

(Записано Языковымъ).

*

2.

Въ Оренбургѣ, на Яикѣ и Самарѣ.

(Губ. Симбирск., у. Корсунскаго, выселокъ Александровъ).

Охъ ты батюшка, Ленбýрхъ городъ!
Про тебя, Ленбýрхъ, идетъ славушка,
Слава добрая, нарѣчье хорошее:
Будто ты, Ленбýрхъ, на красѣ стоишь,
На красѣ стоишь, на крутой горѣ,
На крутой горѣ, на желты́мъ пескѣ,
На желтымъ пескѣ разсыпчатымъ,
На трехъ рѣчушкахъ, да на устьицахъ [1]).
Да первая рѣчушка течетъ—Самарушка,
Другая рѣчушка—Яикъ-рѣка,
Третья рѣчушка—Уралъ-рѣка:
По Уралѣ-рѣкѣ живутъ Козáченьки,
По Яикъ-рѣкѣ Калмыченьки,

---

[3]) Какъ выше „малютки:“ новобранцы, новые сообщники.

[1]) Обыкновенное начало при обращеніи ко многимъ городамъ, особливо Волжскимъ, Ярославлю и т. п.

По Самарушкѣ живутъ Татарушки.
По Уралу гулялъ генералъ Пугачь.

Какъ во матушкѣ было во каменной Москвѣ,
Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
На часахъ стоитъ, себѣ рѣчи говоритъ:
«Не даютъ-то мнѣ, доброму мо́лодцу, волюшки—
«Во Ленбу́рхъ сходить, Пугача̀ убить!»

(Ср. сборникъ П. В. Шейна, 1-го изданія.—„Дальше, къ сожалѣнію, пѣвецъ не помнилъ, а говоритъ, что пѣсня довольно долгая.“ Запис. отъ К. Ослова).

*

3.

(Губ. Оренбургской).

Изъ за лѣса-лѣса тёмнаго
Не бѣла зоря́ занималася,
Не красно̀ солнце выката́лося:
Выѣзжалъ туто добрый мо́лодецъ,
Добрый мо́лодецъ Емельянъ коза́къ,
Емельянъ козакъ сынъ Ивановичъ.
Подъ нимъ до́брый конь—сивъ-буръ-ша́хматный [1]),
Си́ва гривушка до сыро̀й земли.
Онъ идетъ—спотыкается,
Вострой са́белькой подпирается,
Горючьми́ слезьми заливается [2]):
«Что̀ ты, мой добрый конь, рано спотыкаешься [3])?
«Али чаи́шь [4]) надъ собой невзгодушку,
«Невзгодушку, кровопитьеце?»

Мы билися троя суточки,
Не пиваючи, не ѣдаючи,
Со добра коня не слѣзаючи.

(Сообщено. Очевидно не кончено, только начало).

*

---

1) Вмѣсто „космать.“—2) Изображеніе переходитъ отъ коня на самого козака. —3) Д. б. „Что ты, добрый конь, спотыкаешься?“—4) Чаешь.

4.

Судъ надъ Пугачевымъ. Панинъ.

(Губ. Симбирской, Головино).

Судилъ тутъ графъ Панинъ вора Пугачева:
«Скажи, скажи, Пугáченька, Емельянъ Иванычь,
«Много ли перевѣшалъ князей и боярей?»
— Перевѣшалъ вашей братьи семь сотъ семи тысячь.
— Спасибо тебѣ, Панинъ, что ты не попался:
— Я бы чину-то прибавилъ, спину-то поправилъ,
— На твою-то бы на шею варóвинны [1]) возжи,
— За твою-то бы услугу повыше подвѣсилъ!—

Графъ и [2]) Панинъ испужался, руками сшибался [3]):
«Вы берите, слуги вѣрны, вора Пугачева,
«Поведите-повезите въ Нижній городочекъ,
«Въ Нижнемъ объявите, въ Москвѣ покажите [4])!»

Всѣ Московски сенатóры не могутъ судити [5]).

(Отъ Языкова).

*

5.

Поѣздъ къ Москвѣ. Пугачевъ и сообщники.

(Губ. Орловской, у. Малоархангельскаго).

5.

Пó морю по Латынскому [1]),
Тамъ плывутъ два насада,

---

[1]) Варовые, помягче и порастяжнѣе.—[2]) Только для стиха *и*.—[3]) Всплеснулъ.—[4]) Накажите?—[5]) Не дается судъ: всѣмъ ловкій и рѣзкій отвѣтъ.

[1]) Съ тѣхъ поръ какъ, съ Петра, море Верейское — Латынское сочеталось съ прочими Русскими, имя его переносится на другія и обратно (ср. вып. 8).

Два насадика, два зеленыхъ.
На насадикахъ сидять люди,
Сидять люди, всё Рязанцы,
Всё Рязанцы, всё Казанцы.
На цѣпяхъ они крѣпко прикóваны;
Какъ одинъ Рязанецъ не прикóванъ,
По насадику гуляить,
Во звончатыя во гуслицы играить,
Насъ невольничковъ забавляить:
«Ужь вы братцы, вы Рязанцы!
«Мы поѣдимъ по матушки [2]) по мóрю,
«Мы приѣдимъ у матушку у Мóскву,
«Мы кýпимтя сибѣ Бога [3])—
«Николая Угодника Чудотворца,
«А мы станимъ ему Господу молитца:
«Авось Господи насъ простить!»

(Запис. П. И. Якушкинымъ).

*

Поѣздъ къ Москвѣ встрѣтился по сказанію, какъ мы знаемъ, съ ѣхавшимъ въ ссылку Андреемъ Селивановымъ: оба Петра Третьихъ; „и повезли,—на голо шпаги, у мужиковъ деревенскихъ у всякого была палка въ рукахъ, и деревенскія бабы провожали отъ деревни до деревни. Въ ту пору, когда Пугачева везли, и онъ на дорогѣ встрѣтился: и его провожали полкъ полкомъ, и подъ великимъ везли карауломъ, а меня (говоритъ Селивановъ) везли вдвое, и весьма строго везли. И тутъ, который народъ меня провожалъ, за нимъ пошли, а которые его провожали, за мной пошли.“ Ср. выше при Каинѣ.

6.

Судьба Пугачева.

(Губ. Калужск., у. Боровскаго, с. Слобода).

Ужь при славной было при царицѣ,
При матушкѣ при царицѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ,
Ужь весь-то народъ Русскій жилъ во счастьицѣ,

---

[2]) *Моря*, женскаго рода.—[3]) Икону.

Во счастьицѣ, во раздольицѣ, во богатыемъ житью.
Ужь какъ всѣ-то купцы себѣ домъ накопляли,
А бѣдные-то ни въ чемъ нужды не видали:
Всѣ жили и молили за царицу,
За матушку Катерину Алексѣевну.

Но вдругъ [1]) настало время злое,
Время злое, несчастливое:
Ужь какъ нанесло-то вихремъ [1])
На святую Русь бѣду пагубную [1]),
Бѣду пагубную, не минуемую.
Проявился у насъ на славной на землѣ,
На славной на землѣ, на святой Руси,
Проявился воръ-собака, проклятый человѣкъ,
Проклятый человѣкъ, Пугачевъ козацкій сынъ.

Ужь какъ этотъ-то собака вздумалъ по Руси гулять,
Вздумалъ по Руси гулять, а себя царемъ казать.
Много казнилъ, много вѣшалъ, много головы рубилъ,
Много головы рубилъ и во ямушки валилъ.

Какъ пымали-то собаку во чистомъ полѣ,
Привезли эту собаку во Москву-городъ гостить,
Во Москву-городъ гостить, буйну голову рубить.
Какъ казнили-то собаку на главной площади,
Ужь казнили, пятерили, буйну голову срубили.

(Записано самимъ П. В. К—мъ отъ 70-лѣтней старухи Катерины Андреевны).

*

Пѣвица или, лучше, пересказчица намъ извѣстная: она сообщила Петру Васильевичу и другія историческія пѣсни, и много Стиховъ (жила подъ конецъ въ Москвѣ, въ Рогожской; см. прежніе выпуски, особенно 7-й). Усердная, памятливая, говорливая: но скучная и тяжелая. Всё у нея выходило „бабьей стариной:“ нахватано изъ разложившихся былинъ, растянуто, не сложено въ цѣлости народомъ, а пересказано за ново усиліемъ умѣлой разсказчицы. Нельзя этого вытолкнуть изъ области народной: нельзя и принять иначе, какъ что-то натянутое и искусственное.

---

[1]) Не народно.

Таковъ же, совершенно съ обратной стороны, и слѣдующій образецъ: хотѣлось чѣмъ-то насмѣшить, усиленное смѣхотворство. Имя Пугачева взято на прокатъ и въ шутку.

7.

Пугачъ-Мигачъ въ Астрахани и въ Москвѣ.

(Москва).

Что во славномъ было городѣ—Астраханѣ,
Вдоль по улицѣ Мигачь [1]), вдо̀ль по ши̂рокой Мигачь,
Вдоль по ши̂рокой Мигачь всё похаживатъ,
И онъ съ ножки на ножку прискакиваетъ,
Онъ сапогъ объ сапогъ покалачиваетъ,
Ко дѣви̂чьему дворў приворачиваетъ.
«Ахъ дѣвичья красота, изсушила ты меня,
«Изсушила ты меня: отпирай воротȧ,
«Отпирай воротȧ, пропускай Мигачȧ,
«Пропускай Мигача сына Ивановича [2])!»

И онъ скокъ на крыльцо, и онъ брякнулъ въ кольцо [3])
Что во то ли кольцо въ [4]) серебряноѐ,
Во серебряно колечко, позоло̀ченое.
Красна дѣвка выходила—прибранивала,
Отпирала ему—приговаривала:
— Ахъ ты гдѣ, Мигачь, бывалъ и ты что̀, Мигачь, слыхалъ,
— И ты что̀, Мигачь, слыхалъ, что̀, Ивановичь, видалъ?—

Въ [4]) Москвѣ Мигачь бывалъ, три диковинки видалъ,
Три диковинки видалъ: саламату ѣдалъ [5]),
Саламату ѣдалъ, и съ дѣви̂цами гулялъ,
И съ дѣви̂цами гулялъ, съ молодицами бывалъ [6]).

---

[1]) Мигачь—что подмигиваетъ, волокита; передѣлано, для замаскировки, изъ Пугача (филина), какъ у Малоруссовъ (ср. ниже).—[2]) Какъ Емельяна Ивановича.—[3]) Д. б. „брякъ во кольцо“.—[4]) Д. б. „во.“—[5]) Кашицу, розги, плети, казни.—[6]) Въ Астрахани не успѣлъ и только всего успѣлъ въ Москвѣ: вотъ краткій, „отвлеченный“ смыслъ.

Молодушка молода, бѣлолица, хороша:
У ней осмеро въ запасѣ, на девятаго глядитъ,
На девятаго глядить, по десятаго пошлетъ,
А десятой—тотъ придетъ и еще приведетъ.

(Пѣс. Новиковскій и образцы устные).
Ср. Пугача ниже у Малоруссовъ.

* * *

Теперь продолжаемъ народную пѣсню тогдашней Русской славы, прерванную было, по обычаю XVIII вѣка, безобразіемъ.

Война Союзниковъ противъ Турокъ.

Вторая Турецкая война

1.

(Москва).

Пишетъ Князь Цесаринъ [1]) къ Государынѣ въ Москву:
«Ты Росейская Сударыня, ты пожалуй мнѣ силы войской [2]),
«Силы войской двадцать пять полковъ!»
А Сударыня съ сенаторами думу думала,
Она думала думу крѣпкую за единое:
Набирала она силу войскую двадцать пять полковъ.
Набрамши она силушку, перправлять стала
Черезъ матушку черезъ рѣченьку, черезъ Тихій Донъ.
Переправимши свою силушку, въ строй поставила.
Въ строй поставимши, Государыня перекликала:
— Охъ вы гой еси, князья со боярами!
— Послужите вы вѣрою-правдою Князю Цесарину,
— Съ бѣлокаменной стѣною—со пѣхотою,
— Со свирѣпыми людями—со гусарами,
— Со проворными людями—со Калмыками!—

(Въ нѣсколькихъ образцахъ).

* *

---

1) Цесарь, Австрійскій.—2) О словѣ „войскій" выше.

Такъ какъ, мы знаемъ, Турецкая война въ пѣсняхъ непосредственно связуется съ предыдущею войною Прусскою, посему и слѣдующій образецъ начинаетъ съ Берлина: „Тутъ востýжился—восплакался Самъ Прускóй король (напечатано у насъ выше при Краснощоковѣ № 20).“ И только послѣ этого переходъ къ Очакову:

2.

Очаковъ. Потемкинъ.

(Губ. Симбирской).

. . . .

Какъ возгóворилъ Князь Потемкинъ
Своимъ дѣтямъ солдатушкамъ:
«Начинайте-ка, ребятушки,
«Съ Божьей помощію!»
Заряжали солдатушки первуѭ бомбý:
Первуѭ бомбý бросали,—не добросили;
Вторуѭ бомбý потрудилися ребятушки,—
И за стѣны бѣлокаменныя перебросили,
Но стѣнъ бѣлокаменныхъ нé зажгли;
Третьѭ же бомбу бросили,—Очакъ-городъ зажгли.

Тутъ возрадовалися Русскіе солдатушки.
Не золотыя трубушки вострубили,
Не серебряны сиповочки заигрывали.

*

3.

(Оттуда же).

Далеченько-далеченько въ чистомъ полѣ,
А еще того подалѣ во раздольи,
Не бѣлые снѣжочки забѣлѣлися,
Забѣлѣлся князь Потемкинъ съ своей силой,
Забѣлѣлися знамёна-знамя царскія.

Какъ Потемкинъ князь по лагерямъ гуляетъ,
Онъ солдатамъ—своей силѣ—честь воздаваетъ.
Свинцу-пороху Потемкинъ закупаетъ [1],—
Чтобы были у солдатовъ ру́жья чи́сты,
Пистолеты бы были у солдатовъ заряжóны,
Чтобы сабли были у солдатовъ припасёны:
«Стрѣляйте-ка, солдаты, не робѣйте,
«Свинцу-пороху государева не жалѣйте,—
«Кабы Боже намъ поможе—Очакъ-горóдъ взяти!»

(Отъ Языкова).

*

4.

(Губ. Моск., у. Звенигор., Воронин).

Какъ подъ славнымъ подъ городомъ подъ Очаковымъ
Собиралася силушка-армія царя Бѣлаго.
Они лагери занимали въ чистóе поле,
А палатки разбиралися по лимáнту [1],
Они пушечки-манерочки становили,
Они шанцы-батареи спокопáли,
Предводителя графа Потемкина обжидали.

Предводитель графъ Потемкинъ приказъ óтдалъ,
Во второмъ часу ночи приказъ отдалъ:
«Ужь вы млáды éгори, надѣвайте бѣлó вы платье;
«Ужь у насъ заýтра на праздникъ на Миколу
«Съ Турками штурмъ будетъ!»

Становились мы при мхахъ—при болотахъ,
Много голоду и холоду принимали,
Подъ Очаковъ-городочикъ подходили,
Бѣлокаменныя стѣны пробивали,
Барабанщики на бѣлокаменну стѣну влѣзали,
Влѣзали и отбой отбивали.

---

[1]) Черта старая: см. выше.

[1]) По лиману.

Что Очаковъ городъ взяли, взяли,
Закричали: «ура! ура!»

Ключи намъ на золотомъ блюдѣ выносили,
Намъ отъ всѣхъ вратъ ключи выносили:
Слава, слава! Весь Турецкій городъ взяли,
Что всѣ Турки подъ нашею властью стали,
Что Очаковъ городъ взяли!

(Запис. П. В. К—мъ 1833. Авг. 19).

*

Слѣдующій образецъ не много сбивается на „сочиненный" О полѣ Будзацкомъ и извѣстный „Не спѣши ты, зима:"

5.

(Яракли, губ. Симбирск.).

Поле—поле чистое,
Широкò поле Турецкое,
Что Турецкое—Нѣмецкое [1])!
Когда, поле, перейдемъ тебя,
Горы—долы перевалимся,
Быстры рѣки переправимся?
Мы дойдемъ—дойдемъ до города,
До города до Очакова:
Єтанóвимся въ зеленыхъ лугахъ,
Въ зеленыхъ лугахъ подъ грушею,
Подъ яблонькой подъ кудрявою.

Тутъ Потемкинъ князь похаживаетъ,
Своей арміи приказываетъ:
«Солдатушки наши батюшки!
«Вы постойте грудью бѣлою,
«Грудью бѣлой, неизмѣнною [2])!»

---

[1]) Нѣмецкое поле перешло сюда изъ Пруссіи, какъ Латынское-Верейское къ Чорному и Каспійскому: см. выше.—[2]) За симъ начало извѣстной сочиненной пѣсни, два стиха.

Не спѣши, зима съ морозами:
Не замѣна ты Очакову!
На Николу было въ середу,
Не громъ гремитъ передъ тучами,
Не молнія блеститъ передъ дожжичкомъ:
Загремѣли пушками наши солдатушки,
Повалились башни каменны,
Потопляла кровь Турецкая и Нѣмецкая [3]).

(Отъ Языкова).

*

Теперь снова въ Очаковѣ предстанетъ намъ знакомая „Дѣвица-Королевна,“ какъ представительница города, защитница, а потомъ предательница изъ любви къ пришельцу-завоевателю; пришелецъ же, представитель Руси, „Добрый Молодецъ.“ Кромѣ предыдущихъ ближайшихъ примѣровъ, здѣсь есть и другіе старшіе: послѣ связи съ женою князя Волконскаго, Елена Прекрасная и Настасья Королевна Политовская. Образцы, ихъ касающіеся, крайне сходные съ предлежащимъ (кромѣ имени Очакова), изъ разряда „Безъимянныхъ, Молодецкихъ“ въ достаточномъ обиліи предложены нами: въ вып. 5-мъ цѣлый отдѣлъ VI, особенно № 6, 7 и 8; въ вып. 7-мъ стр. 40—44, особенно №№ 1 и 2, съ объясненіями.

6.

(Губ. Оренбургской).

Перезябъ я, Добрый Мóлодецъ, передрогъ,
Въ одномъ полушубкѣ, и то на распашечку,
Стоючи́ я, братцы, у стѣнки бѣлокаменной [1]):
У стѣнушки вороты больно-крѣпко зáперты,
Заперты, запечатаны.
Караульные солдаты больно-крѣпко спятъ:

---

[3]) Какъ и поле Нѣмецкое, и море Верейское: ср. выше.

[1]) Вспомните, какъ долго стояли и зябли наши подъ Очаковымъ: такова участь и нашему представителю, Доброму Молодцу, а отсюда перенесеніе на другіе образцы (указанные выше), гдѣ по видимому совсѣмъ не кстати встрѣчаемъ описаніе страшныхъ морозовъ передъ лицомъ Елены Прекрасной и Настасьи Литовской.

Наѣхала наша сила Россейская,
Поколола солдатъ караульныихъ.

Выходила изъ палатъ Королевна
И выносила ключи золотые,
Отворяла ворóты широкіе:
«Ступай, батюшка, Православный Государь [2]),
«Во мой [3]) крѣпкій городъ Очаковъ!
«Не губите, не рубите мою силушку:
«Пусть покорна я буду вамъ [4])!»

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

7.

(Москва).

Перезябъ-то я, передрогъ Добрый Мóлодецъ,
Въ коротенькой одёжѣ, въ полушубочкѣ,
Во сафьянныхъ во сапожкахъ, во портяночкахъ,
Стоючи, братцы, подъ стѣной бѣлокаменной,
Глядючи, братцы, на городъ на Очаковскій.
Какъ во славныемъ во городѣ во Очаковѣ
Крѣпко зáперты ворóтечки, запечатаны,
Караульные солдатушки очень крѣпко спятъ,
Очень крѣпко спятъ, не прóснутся,
Къ сраженьицу служивые не готовятся [1]).

Ахъ вы братцы мои, вы товарищи,
Мы сразимся всѣ по Россійскому!
Какъ со пóломя очи наши стали красныя,
А на личикахъ [2]) служивые стали чорные,

---

[2]) Здѣсь истолковано на прямикъ: Королевна впускаетъ Русскую армію и Царя.—[3]) Городъ *ея*, Королевны.—[4]) Она представительница города и всей его силы, говоритъ за нихъ.

[1]) За симъ переходъ отъ представителя ко *всѣмъ* солдатамъ.—[2]) Личиками.

Со прикусочки [3]) уста наши прихваталися,
Съ большихъ маршовъ рѣзвы ноженьки спотыкалися!

(Въ нѣсколькихъ образцахъ).

Не кончено: за симъ-то и выходитъ изъ воротъ Королевна.

*

8.

(Симбирскъ).

Подъ городомъ подъ Очаковымъ
Стоялъ Молодецъ подъ стѣнкою бѣлокаменною.
Какъ у города у Очакова
Ворóты крѣпко заперты,
Крѣпко были запечатаны,
И караульны солдаты крѣпко спятъ,
Служивые не прóснутся.

Одна не сыпала краснá дѣвка,
Крáсная дѣвка—Королевская дочь.
Восходила же красная дѣвка
Поздо во свою нову горницу.
Брала она со столика золотые ключи,
Отпирала отъ города отъ Очакова ворóтечки,
Выпускала во ворóтечки друга мúлаго,
Называла его «дружокъ мúленькій,»
Взвеличала «дружокъ батюшка.»

Услыхала это Королева-матушка:
— Охъ ты с... б.... полунóщница!
— За чѣмъ же ты всходила поздó въ нову горницу,
— На чтó брала со столика золоты ключи,
— На что ты отпирала отъ города,
— Отъ города отъ Очакова ворóтечки,
— Кого же ты пускала во ворóтечки,
— И кого называла «дружкомъ миленькимъ,»
— И кого взвеличала «дружокъ батюшка?»

(Записано Дм. А. Валуевымъ).

---

[3]) Не доѣдали, только успѣвали прикусывать.

Не кончено. По другимъ образцамъ (см. прежніе выпуски) слѣдуютъ объяснительные отвѣты Королевны, притворство ея, а наконецъ прямая измѣна вмѣстѣ съ городомъ въ пользу милаго.—Въ практическомъ быту походномъ, какъ мы упоминали, этому отвѣчаютъ, весьма часто помогающія, интриги полководцевъ, офицеровъ и солдатъ съ жительницами города.

*

Теперь закончимъ отрывкомъ, который по видимому смѣшиваетъ дѣло съ первою Турецкою войной и подвигами нашего флота:

9.

(Сызрань, г. Симбирск.).

Подъ славнымъ было подъ городомъ подъ Очаковымъ,
Тутъ ходитъ—тутъ гуляетъ младъ Турéтчанинъ,
Глядитъ-то младъ Турéтчанинъ на синѐ море:
И что̀ по синю̀ морю за корабль плывѐтъ,
На корабличкѣ стоитъ деревцо купарисовое,
На деревцѣ тонки снáсточки всѐ шелкóвыя,
А на снасточкѣ виситъ рáинка позолоченая,
На рáинкѣ тóнки парусы, канифасовы,
На кормѣ сидитъ самъ хозяинъ пріуряжнѣе всѣхъ...

(Отъ Языкова).

Этимъ кончаютъ народныя устныя пѣсни съ Очаковымъ.

* * *

10.

Сборы Донцовъ къ Вендерамъ. Потемкинъ.

(Земля Войска Донскаго).

Пишетъ-пишетъ Потемкинъ князь къ Исаеву,
Чтобъ былъ готовъ Исаевъ въ легкую партію.
Позамедливши немножко, онъ еще прислалъ
Къ любимому есаулу Филипу Ивановичу,
Филипу Ивановичу Араканцеву,
Чтобъ взялъ козáковъ изъ семи полковъ,
Изъ семи полковъ, что ни лучшіихъ.

Шолъ-прошолъ Араканцевъ подъ Бендеръ-городъ.
Не дошедши до Бендеръ, Араканцевъ становился.
Потревожилъ онъ всю армеюшку Турецкую,
Потревоживши армеюшку, на отводъ пошолъ.
Тутъ-то Араканцева больно ранили:
И падаетъ Араканцевъ коню на черну́ гриву,
А съ чорной гривы на сыру́ землю.
Съ сыро́й земли Араканцевъ подымается,
На любимыхъ своихъ станичниковъ оглядается,
На острую-то свою саблю опирается:
«Ой вы, станичники мои любимые,
«Подводите ко мнѣ коня моего черногриваго!»

(Ср. сборн. г. Савельева 1866 г.).

* *

11.

Бендеры и Суворовъ.

(Тульск. губ. и уѣзда).

Какъ у насъ было за городомъ за Бендéрой,
Не двѣ ту́че户ки не двѣ грозныя онѣ выкатались:
Выкатáлася сила-армія во чистóе поле,
Во чистóмъ полѣ въ широкое раздолье.
Выходилъ тутъ сама-тъ [1]) батюшко графъ Суворовъ,
Камышевой своей тросточкой онъ комендру́етъ [2]):
«Становитеся вы, солдатушки, по прáвому фланку,
«Вы берите, робята, и не робѣйте,
«Своихъ бѣлыхъ рукъ не жалѣйте!»

(Записано въ Новгородѣ отъ солдата, 11 Сентября 1834 г., самимъ И. В. К—мъ).

Симъ собственно и кончаются народныя устныя пѣсни о войнѣ Турецкой.

* *

Слѣдуютъ вообще:

---

[1]) Сама-тъ: см. выше.—[2]) Командуетъ.—Ср. о Суворовѣ ниже.

Донцы при Екатеринѣ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Лежала дорожка изъ Питера прямо до Черкаскаго:
Пишетъ-то Государыня указъ повторительный,
Чтобъ собрать-то Донское войско во единый кругъ.
Собралъ-то нашъ атаманушка войско Донское во единый кругъ,
Началъ-то нашъ атаманушка указъ во слухъ читать:
Пишетъ-то наша Государыня, чтобъ выдали ей трехъ виновниковъ,—
Перваго-то виновника—сына Есаулова,
Какъ втораго-то—козака Стародубова,
А третьяго виновника - сына Гурьянова.

*

2.

(Оттуда же).

Отъ чего Тихій Донъ смущается?
Смущается Тихій Донъ отъ генераловъ трехъ:
Отъ перваго генерала—отъ Поповича,
Отъ другаго генерала—отъ Гудовича,
Отъ третьяго генерала—отъ сына Каменцова [1]).

Каменцовъ сынъ всю ночь не спалъ,
Онъ съ Москалями проигралъ,
Не въ шашечки, не въ бирюлечки, а въ карточки:
Проигралъ онъ славный Тихій Донъ.
Проигравши, сѣлъ призадумавшись,
Онъ роняетъ свои слёзы на шолкову скатерть:
«Не бывать мнѣ, сыну Каменцову, на Россеюшкѣ,

[1]) Каменскаго.

«Не видать мнѣ, сыну Каменцову, отца и матушки,
«Быть мнѣ, сыну Каменцову, въ застѣнушкѣ!»

* *

Кстати:

Гудовичъ
противъ шаха Персидскаго.

1.

(Оттуда же).

На зорѣ-то было, всё на зо́рюшкѣ,
На бѣлой зорѣ на утренней,
На закатѣ было мѣсяца яснаго,
На восходѣ было солнца красна́го,
Проявились у насъ вѣсти новыя,
Вѣсти новыя—Грузинскія:
Растворялись го́ры кру́тыя,
Кру́ты го́ры Кавказскія;
Засверкали пики вострыя,
Пики вострыя козацкія;
Какъ пошли войска̀ Россійскія
На того шаха Персидскаго.

Напереди [1]) идетъ Гудовичъ графъ,
Онъ грозитъ шаху Персидскому:
«Ты собака, ты Персидскій шахъ!
«Ты по што отрѣзалъ голову
«Славному князю Цинціанову [2])?
«На кого ты, собака, понадѣялся?»
— Я понадѣялся [3]) на Грузію, на Грузинскихъ князей.
— Больше всего на Александрушку на царевича.—

*

---

[1]) Напередъ?—[2]) Тиціанову.—[3]) Д. б. „Понадѣялся я.“

Взятъ Костюшко.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Не ясёнъ-то сокóлъ по крутымъ горамъ летаетъ:
То Костюшко-варваръ по своей армеюшкѣ разъѣзжаетъ.
Онъ фронты-то свои—знамёнушки украшаетъ,
Своихъ мызничковъ-генералушекъ [1]) ублажаетъ:
«Вы не плачьте же, мои мызнички, право-генералы [2]),
«Не рыдайте жь вы, мои свирѣпые кавалеры [3]):
«Какъ заýтра у Бѣла царя будетъ праздникъ,
«Не маленькій праздникъ, праздничекъ Петровъ день [4]);
«Всѣ рынушки-трактирушки будутъ растворёны,
«Всѣ гусарушки, всѣ уланушки будутъ пьяны,
«Козаки наши Донецкіе всѣ загуляютъ.»

Какъ на тотъ-то разъ козáки-други были осторóжены:
Всю ночушку козаки-други не спали,
Во рукахъ во своихъ борзыхъ кóней продержали.
На бѣлóй-то зорѣ на утренней «ура» закричали,
Закричали они—загичáли: Костюшку поймали.
Да велѣли жь его скоро, Костюшку, на крѣпко связать,
Приказали у него скоро допросъ допросить.

(Ср. сборн. г. Савельева 1866).

Ср. ниже передѣлку Великорусскую изъ Малорусской.

* * *

Заключается пѣснями или, лучше, плачами о смерти Государыни. Происхожденіе ихъ и длинный рядъ послѣдовательныхъ образцовъ достаточно нами объяснены въ выпускахъ предыдущихъ. Образцы Екатерининскіе не прибавляютъ къ прежнимъ никакихъ новыхъ яркихъ чертъ или образовъ и, кромѣ именъ, ничѣмъ больше „не спеціализируютъ“ событія, ни пѣснотворческаго типа.

---

1) Фермеровъ, однодворцевъ, шляхту.—2) Настоящіе, въ правду генералы (иронія поющихъ).— 3)Любопытно, что въ эту эпоху въ Россіи, въ Западныхъ губерніяхъ и въ Польшѣ называли обыкновенно кавалерію, особенно гусаровъ, „свирѣпыми (подобно какъ это имя усвоено табуну дикихъ лошадей).“—4) Смѣшали 29-е Сентября съ 29-мъ Іюня.

Плачъ войска по Государынѣ Екатеринѣ.

1.

(Лихвинскій уѣздъ).

Ужь ты батюшка, свѣтёлъ мѣсяцъ,
Что́ же ходишь по низёшеньку,
Что жь ты свѣтишь по малёхоньку,
Ни по старому, ни по прежнему?

Въ новомъ городѣ, во Спленскому [1]),
Стоять верей точёныя,
Всё точеныя, раскрашо́ныя;
Дли [2]) верей стоить молодой солдатъ,
Молодой солдатъ, полковой сержантъ;
Онъ не такъ стоить,—слезно плачетца,
Онъ не такъ плачеть, что рѣка льетца:
«Подымитесь, вѣтры буйные,
«Разнесите всѣ желты́ пески,
«Распахнися, шелкова́ парча,
«Разломися, гробова́ доска,
«Подымися, наша матушка,
«Милосердная государыня,
«Катерина Алексѣевна!
«Безъ тебя намъ жить поху́жѣло,
«Всему царству почежёлѣло,
«При твоемъ сыну любезному
«Что при Павлу при Петровичу:
«Онъ загналъ силу во Туретчину,
«Поморилъ смертью голодною,
«Позпобилъ зимой холодною!»

*

---

1) Въ Успенскомъ, соборѣ; варіантъ: „во Смоленскому (городу).“ — 2) Подлѣ, возлѣ.

2.

(Губ. Тверской).

Какъ во славныимъ было городѣ,
Въ Петропавловской славной крѣпости,
Засажóны добры молодцы,
Засажоны—думу думали,
Думу думали, слезно плакали,
Во слезахъ они рѣчь говóрили:
«Подымитеся, вѣтры буйные,
«Вѣтры буйные, полунóщные,
«Вы раздуйте мать сыру̀ землю,
«Разнесите вы желты̀ пески,
«Желты̀ пески, мелки камушки;
«Раскройся ты, гробовà доска,
«Размахнись, золотà парча;
«Ужь встань-проснись, наша матушка,
«Ты Россійская государыня,
«Катерина Алексѣевна!
«Посмотри-ка на свои полки,
«На любезной-то полкъ Семеновской,
«На Семеновской, на Конную Гвардію!
«Какъ у насъ въ полкахъ не по прежнему:
«Караулы стали частые,
«Перемѣны стали рѣдкія,
«А начальство пошло строгое!»

(Запис. г. Тюринымъ).

Это все очевидно вопли со стороны недовольныхъ государемъ Павломъ.

*

3.

(Губ. Симбарск.).

Во тошнòй тюрьмѣ, въ каменнòй Москвѣ,
Тутъ сидятъ и сидятъ двое мóлодцы,

Два гвардейскіе, Петербурскіе.
Думу думаютъ, слезно всплáкнули,
Во слезахъ рѣчь говóрили,
Рѣчь говóрили про буйны вѣтры:
«Вы подуйте-ка, вѣтры, вѣтры буйные,
«Вѣтры буйные, полудённые,
«Посносите-ка, вѣтры, съ горъ желты́хъ пескóвъ,
«Дикіе кáмешки со моги́лушки,
«Разступись, разступись-ка, мать сыра̀ земля,
«Ты раскройся-ка, раскройся, гробова̀ доска,
«Распахнись-ка, распахнись, золота̀ парча,
«Ты востань-ка, пробудися, наша матушка,
«Наша матушка Екатеринушка:
«И еще всѣ твои полки во походъ пошли!»

(Отъ Языкова).

* * *

Народныхъ устныхъ пѣсенъ объ Екатеринѣ и изъ эпохи ея у насъ больше не имѣется въ собраніи, ни въ виду, ни въ памяти. Переходимъ къ другому отдѣлу—„сочиненнымъ.“

IV.

Пѣсни Военныя, Солдатскія, сочиненныя (при Екатеринѣ).

Переходя къ этому отдѣлу, мы не скроемъ нѣкотораго естественнаго чувства отвращенія: но—нельзя и миновать. Литература въ эту пору становилась уже силой, съ которой нужно считаться: что́ дѣлать, если она являлась въ этомъ, а не въ другомъ видѣ. Есть намъ польза, есть и необходимость: ни изъ чего такъ ясно не усмотримъ высоту и красоту народнаго пѣснотворчества, какъ изъ сравненія его противуположностей; при томъ же, говорили мы выше, многое и въ народномъ устномъ объясняется уже вліяніемъ письма и печати.

Больше всего искренно намъ жаль тѣхъ немногихъ нашихъ критиковъ и еще малочисленнѣйшихъ, внимательно читающихъ памятники и добросовѣстно изучающихъ литераторовъ или ученыхъ, которые, послѣ 6-го и особенно по 8-му нашему выпуску, вообразили, что все это историческое народное пѣснотворчество прогрессивно ростетъ, поздравляли себя и насъ съ открытіями, даже радостно печатали: „Погодите-ка, что будетъ дальше вотъ какъ дойдетъ до Екатерины, увидите, что́ цѣнится и воспѣвается Русскимъ народомъ!“ Они не внимали давнимъ нашимъ увѣреніямъ, считая ихъ плодомъ пессимизма,—что все это пѣснотворчество медленнымъ, но самымъ вѣрнымъ шагомъ вымираетъ, изсякаетъ силами, клонится къ паденію и разлагается: не зная вѣрно судьбы другихъ пѣсенныхъ отдѣловъ,—ибо изъ нихъ мы мало еще печатали,—оптимисты во всякомъ случаѣ надѣялись на исключеніе въ области эпической и исторической. Самое горькое разочарованіе теперь ихъ ожидаетъ или уже постигло на нашихъ страницахъ. Эпоха Грознаго была точно временемъ самаго обильнаго цвѣта—именно для пѣснотворчества Московскаго и зависимыхъ отъ него круговъ; періодъ Петра былъ величавымъ и блестящимъ напряженіемъ *послѣднихъ* силъ, счастливо успѣвшихъ отпраздновать: сверхъ внутреннихъ условій пѣснотворчества, лежащихъ въ его *природѣ*, какъ и во всякомъ явле-

нія природы, не указываемъ другихъ причинъ, ускорившихъ паденіе,—объ нихъ мы тамъ и самъ не рѣдко говорили,—только теперь, какъ можете судить по всѣмъ собраннымъ и объясненнымъ образцамъ, устнымъ и народнымъ, въ XVIII вѣкѣ передъ вами однѣ коротенькія Былинки, мелкіе отрывки, усильныя — и не всегда удачныя воспроизведенія старины, развалины или разложившіяся части былаго, а если и счастливыя, и законченныя художественно произведенія, то не въ ладъ съ современною имъ жизнію высшей исторической сферы, или въ родствѣ съ другими видами пѣсней и на переходѣ къ нимъ, однимъ словомъ совсѣмъ уже не то, что̀ имѣемъ богатаго, обильнаго, широкаго и развитаго въ Былинахъ старшихъ, въ Побывальщинахъ и Старинахъ времени ранняго, въ Эпосѣ и пѣснотворчествѣ Историческомъ, тѣмъ болѣе насъ удивляющемъ, что мы сами не живемъ въ древности, что древность унесла съ собою еще гораздо болѣе, а имѣемъ мы уцѣлѣвшее въ устахъ на тысячу разъ менѣе. Вѣкъ XVIII къ намъ близокъ, онъ инымъ памятенъ еще какъ вчера, некогда многаго забыть изъ него, некуда разнести и растерять: да только нечего больше взять, нечего забыть, разнести и растерять. Тамъ, въ древности, для насъ „затрудненія богатства," и отъ избытка, отъ роскоши, кидались мы въ теоріи г. Стасова и въ наслоенія О. Миллера: здѣсь, напротивъ, просторъ бѣдности, „босоты да наготы изнавѣшаны шесты, а холоду да голоду амбары стоятъ." Довольствуйтесь тѣмъ, что̀ собралъ П. В. Кирѣевскій въ теченіе 30-ти лѣтъ, да прибавили мы въ теченіе 25-ти, теперь же сравнили, объяснили, отпечатали. Азіатская теорія немногимъ здѣсь попользуется, наслоеніе осядетъ за немногосложностью. Выиграетъ Исторія иная, до сихъ поръ только чаемая: внутренняя исторія „самого" пѣснотворчества, какъ величайшаго изъ народныхъ явленій; разумѣніе того, какъ самъ „народъ" понимаетъ исторію и на сколько участвуетъ во всякой исторіи другой, не народной; разцѣнка того труднаго вопроса, гдѣ сама „исторія," и тамъ ли, гдѣ мы обыкновенно ищемъ ее или знаемъ.

Для утѣшенія же помянутыхъ, достоуважаемыхъ литераторовъ и ученыхъ, ожидавшихъ прогресса, вящей полноты, обильнѣйшаго развитія, преславутыхъ именъ и апогеи Екатерининскаго вѣка, предлагаемъ слѣдующія произведенія: здѣсь все это есть,—кромѣ народа, народнаго и народности.

Впрочемъ, хотя подобной мелочи на самомъ дѣлѣ недостаетъ, нельзя сказать, чтобы къ ней не стремились: всѣ эти сочинители, министры-поэты, кавалерственные сладкопѣвцы, исправители народнаго смысла и слова—очень любили „простой народъ," старались войти въ его строй, складъ языкъ, вообще ласкали себя народностью, приговаривая съ искреннимъ радушіемъ—j'aime beaucoup tout çà!"

Откуда беремъ текстъ, мы теперь почти уже не указываемъ: это печатная литература XVIII вѣка, письменные и печатные пѣсенники.

Первая Турецкая война

1.

Во златой вѣкъ на Сѣверѣ,
Что подъ мудрымъ правленіемъ
Тишиной наслаждалося
Всероссійское воинство.
Среди самыхъ спокойныхъ дней,
Загорѣлся Востокъ войной:
Вѣроломными совѣтами
Нарушилъ клятву данную,
Объявилъ войну страшную.
Принужденъ былъ Россійской тронъ
Защитить своихъ подданныхъ:
Среди лѣта среди краснаго
Наказать вѣроломнаго.

При струяхъ водъ Днѣпра-рѣки
Возсіяло оружіе:
Столь великой герой идетъ,
Вездѣ слышенъ громъ, молнія,
Стонъ въ землѣ [1]) непріятельской.
Разбитъ въ прахъ вѣроломной станъ,
Сокрушено войско вражее,
Всколебался Турецкой тронъ,
Затряслись стѣны серальскія.
Славятъ, славятъ побѣдителей,
Во концахъ почти всей земли [2]).

*

[1]) По нѣкотор. „въ полѣ.“ — [2]) Есть слѣды этого въ народномъ.

2.

Вѣдь мы Турковъ не боимся
И Татаръ-то не страшимся,
Ой люли, люли, ребята,
И Татаръ-то не страшимся [1])!
Коли въ полѣ разобьемъ,
Такъ и городъ мы возьмемъ.
За отечество, за вѣру,
Ради всѣ мы кровь пролить:
Или Турковъ всѣхъ побьемъ,
Иль на мѣстѣ всѣ помремъ.
Наши храбры генералы
Насъ всегда въ ладъ поведутъ:
А Россійскіе солдаты
Никогда назадъ не йдутъ.
Ну, впередъ ступай, робята,
Не робѣйте ничего:
Хоть и нужды мы прихватимъ,
Но за славу то почтемъ.
Намъ въ Россіи хлѣбъ-вода—
То солдатская ѣда!
А какъ Турковъ мы побьемъ,
Такъ говядины найдемъ.
Пусть безъ кофе и шербету
Янычáра никуда:
Напротѝвъ мы съ сухарями
Хоть край свѣта такъ пройдемъ.
Пироги наши изъ печи—
Пули, ядра и картечи.
Чтò за Русской за солдатъ,

[1]) Припѣвъ, и ниже послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Когда съ порохомъ не спать?
Янычары еще спятъ:
На коня̀хъ наши сидятъ;
Нѣжный Турокъ на софѣ:
А Русакъ уже въ ружьѣ.
Наши кресла-канапé—
Шанцы то и батареи.
Ну, послушайте жь, робята,
Вашего вы земляка:
Твердость ваша и терпѣнье
Всѣ труды превзойдутъ.
Такъ-то надобно служить,
Чтобъ монарху [2]) угодить!
Вы побѣдою доставьте
Всей Россіи славной миръ!
Жоны, дѣти, братья, сёстры!
Не пускайте на глаза,
Если назадъ повернемся
Безъ побѣды мы въ дома̀.

3.

Перекопъ. Крымскій ханъ.
Пушкинъ. Прозоровскій. Голицыны.

Красно солнце закатилося [1])
И настала мать темна́я ночь.
Намъ тутъ сонъ на умъ не шелъ,
Загоралися сердца храбрыя.
Ночь не молніей освѣщалася,
Не грозны́ тучи взгремѣли вдругъ:
Батарея наша вскрылася,

---

[2]) Какъ *царю*, отвлеченно: и при государыняхъ.
[1]) Варіантъ: „закаталося.“

Осыпа́ло крѣпость Перекопскую,
Оглуша́ло Турокъ трескомъ бомбъ.

Храбрый Пушкинъ графъ услышалъ тутъ,
Со безстрашнымъ своимъ корпусомъ,
Се́рдца смѣлости наполненнымъ:
Онъ подъ Крымскую пошелъ линію.
Не остановилъ его картечный градъ,
Не боялся онъ ихъ тучь дождя:
Самъ дорогу имъ показывалъ,
Разъѣзжая на быстро́мъ конѣ,
Изъ конца въ конецъ въ пере́ди ихъ,
Приближался онъ подъ самый валъ:
Что къ тому ли глубоко́му рву,
Ко той ли бездонной пропасти,
Опущали долгія лѣстницы
Какъ былинку во синё море.
Что́ увидя, графъ Муси́нъ-Пушкинъ,
Не боялся онъ всего того,
Закричалъ тутъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы, братцы и друзья мои,
«Гранадеры вы и егери!
«Не пришли мы, чтобъ назадъ итти:
«Побѣдимъ врага, или умремъ всѣ тутъ!»
Не успѣлъ онъ слова молвити,
Какъ всѣ въ ровъ они бросились,
Позабыли они отъ ушибу боль.
Какъ со́колы наши взвивалися,
Опираясь на штыкахъ одних:
Опущался во глубокій ровъ,
По плечамъ онъ ихъ на валъ взошелъ.

Тутъ бѣжалъ ужь устрашенный врагъ,
Онъ во ужасѣ кидалъ ужь всё,
Свое платье и оружіе.

Къ удивленію ту́та егери,
Не довольствуясь всѣмъ этимъ,
Они брали съ собой двѣ пушки,
Чрезъ глубокой ровъ тащили ихъ,
Заряжали ихъ во скорости,
На бѣгу врага разили тѣмъ.

Лишь успѣлъ онъ вѣдь отъ нихъ уйти,
Какъ Прозоровскій съ гусарами,
На конѣ онъ какъ на вихорѣ,
Что съ князьями со Голицыными,
Какъ орелъ во птицъ пущался въ нихъ:
Ему всѣ уже послѣдуя,
Всю Татаръ кучу разсѣяли,
По чисту полю по Крымскому.
Чуть успѣлъ уйти и самъ ихъ ханъ,
Се стыдомъ, съ страхомъ и горестью.

(Старше у Новикова: „поется," прибавляли, „мужественнымъ голосомъ").

*

И. И. Дмитріевъ это передѣлалъ и пѣсня явилась въ такомъ видѣ:

4.

То же.

Красно солнце закатилося,
Наставала мать ночь темная.
Намъ, солдатамъ, сонъ на умъ не шелъ,
Разгоралось сердце храброе,
Сердце храброе воинское,
Что воинское Россійское.
Не отъ молній освѣтилась ночь,
Не изъ грозной тучи громъ взгремѣлъ:
Батарея наша вскрылася,

Осыпало крѣпость ядрами [1]),
Оглушало Турокъ трескомъ бомбъ.

Храброй Пушкинъ графъ, услышавъ знакъ,
Со безстрашнымъ своимъ корпусомъ,
Въ сердцѣ смѣлости наполненнымъ,
Полетѣлъ подъ Крымску линію.
Не страшилъ его картечный градъ,
Не боялся онъ ни пуль дождя,
Разъѣзжая на быстрóмъ конѣ,
Изъ конца въ конецъ предъ воинствомъ,
И дорогу показуя всѣмъ.
Приближался онъ подъ самой валъ,
Ко глубокому Татарску рву:
Во бездонну страшну пропасть ту
Опущали долги лѣстницы,
Какъ былинку въ море синее.
То увидя, графъ Мусúнъ-Пушкинъ,
Закричалъ тутъ громкимъ голосомъ,
Возбуждая всѣхъ ко храбрости:
«Ой вы, братцы и друзья мои,
«Гренадеры, легки егери!
«Не пришли мы, чтобъ назадъ итти:
«Побѣдимъ врага, иль всѣ помремъ!»
Не успѣлъ онъ слова молвити,
Всѣ какъ сóколы взвивалися,
Въ ровъ солдатушки бросалися,
Опираясь на штыки одни,
Забывая отъ ушиба боль.
По плечамъ ихъ графъ на валъ взошелъ.

Тутъ бѣжаль ужь устрашенный врагъ
И, гонимый смертнымъ ужасомъ,

1) Вар. прибавка: „Крѣпость вражью Перекопскую.“

Въ облегченье измѣнившихъ ногъ,
Все срывалъ, бросалъ съ себя долой,
Платье, сбрую и оружіе.
Къ удивленью всѣхъ тутъ егери,
Не довольствуясь успѣхомъ симъ,
Подхватя съ собой двѣ пушки тутъ,
Чрезъ глубокой ровъ помчали ихъ,
Заряжали ихъ во скорости
И разили на бѣгу врага.

Лишь бѣжать онъ успѣвалъ отъ нихъ,
Какъ Прозоровскій съ гусарами,
На конѣ онъ какъ на вихорѣ,
Со князьями со Голицыны,
Какъ орелъ во птицъ испу́жанныхъ,
Онъ пустился въ силу вражеску.
Войско все, за нимъ послѣдуя,
Такъ, какъ вѣтеръ вѣетъ легкій прахъ,
Всю толпу Татаръ развѣяло,
По чисту́ полю по Крымскому.
Чуть успѣлъ уйти и самъ ихъ ханъ,
Стыдъ, и страхъ, и грусть неся съ собой.

*

5.

О томъ же самомъ.

Наполнéнны [1] духомъ храбрымъ,
Къ непріятелю мы шли:
Ихъ сердцамъ дивились слабымъ,
Что въ пути ихъ не нашли;

---

[1]) Вар. „Наполняся."

Хоть желали мы подраться,
Но, надежду потерявъ,
Принуждéнны [2]) дожидаться
Мы до тѣхъ поръ, какъ узнавъ,
Что Татары устрашéнны
Къ Перекопскимъ шли стѣнамъ
И отчаяньемъ вспаленны
Встрѣчу тутъ готовятъ намъ,—
Вдругъ сердца всѣхъ загорались,
Путь казался долгъ намъ,
Потому что всѣ ласкались
Вѣчну пріобрѣсть честь [3]) тамъ.
Но прибавила стремленье [4])
Общая къ вождю любовь:
Всякъ въ немъ видитъ одобренье,
Съ нимъ пролить всякъ хочетъ кровь.
Непріятели! Вы бойтесь,
Побѣдимъ васъ вѣрно всѣхъ [5]),
За стѣнами какъ ни кройтесь,
Нашь ужь вѣренъ въ томъ успѣхъ.

Лишь пришли къ стѣнамъ мы града,
На коня самъ князь нашь сѣлъ,
Не страшась ихъ ядеръ града,
Онъ мѣста всѣ обозрѣлъ;
На другой день ужь прихода,
Къ штурму линіи пошли,
Прежде солнечнаго всхода
Мы до рва уже дошли.
Тутъ явилась всѣхъ горячность,
Всякъ стремится напередъ:
Пушкинъ графъ презрѣлъ [6]) опасность,

---

[2]) Вар. „Должно было."—[3]) Вар. „честь сыскати."—[4]) „Прибавляла намъ стремленье."—[5]) „Скоро побѣдимъ васъ всѣхъ."—[6]) „презрѣвъ."

За собой казалъ всѣмъ слѣдъ.
Егери и гренадеры
Храбро въ ровъ бросались съ нимъ;
Передъ ними офицеры
Въ томъ примѣръ давали имъ.
Чѣмъ враги стояли болѣ,
Тѣмъ честь наша возрасла:
Но съѣзжали [7] по неволѣ,
Какъ пѣхота лишь взошла.
Глубину рва презирая,
Пушки егери взвезли,
И врага въ тылъ поражая,
Въ крайню робость привели.

Князь Прозоровскій тутъ храбрый
Ихъ съ гусарами встрѣчалъ,
Чрезъ Сивашъ прошелъ путь трудной,
Разбивая ихъ прогналъ [8].

Отперты врата днесь [9] Крымски,
Намъ противниковъ ужь нѣтъ:
Храбры воины Россійски,
Нашей славы полонъ свѣтъ [10]!

*

---

[7] „помчались."—[8] „Въ досталь всѣхъ ихъ разогналъ."—Въ нѣкоторыхъ за симъ:

Зря одно повсюду бѣдство
И страшася смертныхъ ранъ,
Со своими въ равно бѣгство
Самъ пустился Крымской ханъ.—

[9] Вар. „Днесь врата отверзты."—[10] Слѣды сего есть въ народномъ.

5. Хо
Р

6.

Море Средиземное. Флотъ.

Не бушуйте вы, вѣтры бу́йные,
Вы буйные вѣтры осенніе [1])!
Успокойся ты, море синее,
Не волнуй ты [2]), море Средиземное!
Ты постой, постой, лѣто теплое,
Не теки, постой, солнце красное!
Не я самъ велю: вамъ указъ велитъ,
Вамъ указъ пришелъ [3]), съ страны Сѣверной.
Хоть [4]) давно течетъ солнце красное,
Что [5]) давно вѣютъ вѣтры буйные,
Не видали вы такова̀ дива:
По указу ли царя Бѣлаго [6]),
Наказать царя вѣроломнаго,
На Восточную дальну сторону
Снаряжался флотъ со бѣлой Руси,
Со бреговъ Невы, рѣки славныя.
Снарядившись онъ протекалъ моря [7]),
Всѣ препятствія [8]) ни во что вмѣнялъ.
Приближаяся ко Царю-граду,
Адмиралъ вскричалъ громкимъ голосомъ:
«Ой [9]) ты гой еси, невѣрной царь!
«Прогнѣвивши ты своей гордостью
«Нашу мудрую Государыню,
«Прогнѣвляешь ты самого Творца.

---

[1]) Такъ начинаются многія народныя пѣсни, сравнивая вѣтеръ съ плачемъ дѣвушки, когда уѣзжаетъ (или идетъ въ походъ) милый.—[2]) Въ нѣкот. „ты“ опущено.—[3]) „Со страны указъ пришелъ.“—[4]) „Хошь.“—[5]) „Что“ опущено.—[6]) Такъ часто употребляется, какъ мы видѣли, и при государыняхъ.—[7]) „протекалъ море.“—[8]) „препятства.“—[9]) „Ахъ.“

«Я за то прислань наказать тебя.
«Поспѣши упасть ко стопамъ ея [10]),
«Ты успѣй просить прощенія:
«Не успѣешь ты просить прощенія,
«Опровергнуть тронъ невѣрнаго [11])!»

(Новиковъ, Трутовскій, Шноръ и друг.; рано подверглось исправленіямъ, въ томъ числѣ И. И. Дмитріева; образецъ подобный увидимъ еще ниже; голосъ есть у Кашина).

*

7.

Буджакъ, движеніе къ Кагулу. Румянцевъ. Долгоруковъ.

Ахъ ты поле-поле чистое,
Ты чистое поле Буджацкое [1])!
Ужь когда мы изойдёмъ тебя,
Всѣ [2]) бугры твои перевалимся?
Какъ давно пора сойтитися
Что со той ордой невѣрною,
Что со той силой Турецкою,
Намъ исполнить волю царскую,
Нашей мудрой Государыни!

Что не облаки подымалися,
Не грозны́ тучи сходилися:
Собирались тьмы невѣрныхъ врагъ,
Что острили мечи чорные,
Мечи чорные булатные,
И хвалилися наѣхавши
Не срубити, но отрѣзати
Буйны головы солдатскія.
Не громка́ труба воскликнула,

---

[10]) „къ ногамъ ея."—[11]) „нечестиваго."
[1]) „Вугжацкое."—[2]) „Чрезъ."

Какъ возго́воритъ Румянцевъ графъ:
«До́бры мо́лодцы, товарищи,
«Наши храбрые солдатушки!
«Не дадимъ врагамъ хвалитися,
«Пойдемъ сами противъ злости ихъ!»
За нимъ двинулась вся армія,
Восклицая: «Мы пойдемъ съ тобой!»

На разсвѣтѣ было въ середу,
На дорогѣ на Трояновой,
Подошли мы близко къ лагерю:
Окружили насъ Агаряне
Отовсюду съ равнымъ бѣшенствомъ,
Яныча́ровъ тьма ударила
На пѣхоту вдругъ Россійскую.
Буйны го́ловы валилися
Что отъ звѣрства ихъ и множества.

То увидя, съ кавалеріей,
Гдѣ ни взя́лся Долгоруковъ князь,
Съ мечомъ острымъ, такъ какъ съ молніей.
Онъ пустился въ кучу вражію:
Гдѣ мечомъ сверкнётъ, тутъ улица,
Гдѣ вернётъ коня, тутъ площадь тѣлъ.
Въ то же время съ гренадерами
Самъ Румянцевъ ли ударилъ въ нихъ:
Тутъ познали Турки гордые
Руку тяжку гранадерскую,
Предводительство Румянцово.
Они бросились бѣжать тогда:
Но и моста не нашли уже,
А увидѣли позадь себя
Храбра Боура [3]) со егерьми,

---

[3]) „Храбра, бодра.“

Съ легкимъ войскомъ со гусарами:
Полилась тутъ кровь Турецкая,
Не ручьями, рѣкой сильною;
Ихъ остатки потопилися
Во глубокой во Дунай-рѣкѣ;
А другіе съ визиремъ своимъ
За нимъ скрыли стыдъ и ужасъ свой.

(Новиковъ и друг.).

*

Рано это также подверглось исправленіемъ, въ томъ числѣ И. И. Дмитріева:

8.

То же.

Ахъ ты поле-поле чистое,
Чи́сто поле ты Буджакское!
Изойдемъ ли мы когда тебя,
Всѣ бугры твои минуемъ ли?
Ужь давно пора сойтися намъ
Со ордой Крымской невѣрною,
Съ злобной силою Турецкою,
Чтобъ исполнить волю царскую,
Нашей мудрой Государыни!

Что не облаки вздымалися,
Не грозны̀ тучи сходилися:
Собирались тьмы невѣрныхъ врагъ,
Что острили мечи чорные,
Мечи чорные булатные,
И хвалилися, наѣхавши,
Не срубити, но отрѣзати
Буйны головы солдатскія.

Не громка̀ труба воскликнула [1]),
Какъ возгóворитъ Румянцовъ графъ:
«Дóбры мóлодцы, товарищи,
«Наши храбрые солдатушки!
«Не дадимъ врагамъ хвалитися,
«Пойдемъ сами противъ злости ихъ!»
За нимъ двинулась вся армія,
Восклицая: ««Мы пойдемъ съ тобой!»»

На разсвѣтѣ было въ середу,
На дорогѣ на Трояновой,
Подошли мы близко къ лагерю:
Окружили насъ Агаряне
Отовсюду съ равнымъ бѣшенствомъ;
Янычáровъ тьма ударила
На пѣхоту вдругъ Россійскую;
Буйны головы валилися
Ото звѣрства ихъ и множества.

То увидя, съ кавалеріей,
Гдѣ ни взялся Долгоруковъ князь,
Съ мечемъ острымъ, такъ какъ съ молніей;
Онъ пустился въ кучу вражію:
Гдѣ мечемъ сверкнётъ, тутъ улица;
Гдѣ вернётъ коня, тутъ площадь тѣлъ.
Въ то же время, съ гранодерами,
Самъ Румянцовъ графъ ударилъ въ нихъ:
Руку тяжку гранодерскую,
Предводительство Румянцово,
Тутъ познали Турки гордые.
Они бросились бѣжать тогда,
Но и моста не нашли уже;
А увидѣли позадь себя

---

[1]) „возкрикнула.“

Храбра Боура со егерьми,
Съ легкимъ войскомъ со гусарами.
Полилась тутъ кровь Турецкая,
Не ручьями, рѣкой сильною;
Ихъ остатки потопилися
Во глубокой во Дунай-рѣкѣ:
А другіе, съ визиремъ своимъ,
Бѣгомъ скрыли стыдъ и ужасъ свой.

*

9.

Вендеры. Панинъ.

Этотъ образецъ также потерпѣлъ исправленія И. И. Дмитріева, которыя покажемъ въ сноскахъ.

О ты крѣпкій-крѣпкій Бéндеръ-градъ,
Ты разумный-храбрый Панинъ графъ!
Ждетъ Европа чуда славнаго,
Ждетъ Россія славы новыя:
Царь Турецкій и не думаетъ,
Чтобы Бéндеръ было взяти льзя [1]).
Петръ великій, храбрый мудрый Петръ
Далъ Петру [2]) свой умъ и мужество,
И устами Самодержицы
Щедрой, мудрой и великія,
Говоритъ онъ графу Панину:
«Не былъ городъ [3]) Бéндеръ взятъ никѣмъ;
«Вижу града стѣны крѣпкія,
«Вижу множество Турецкихъ войскъ;
«Здѣсь число войскъ Русскихъ малое,
«Да въ тебѣ душа великая.

---

[1]) „было можно взять.“—[2]) Петру Ивановичу Панину,—[3]) „Еще не былъ.“—

«Чада Матери Имперіи [4])!
«Будьте славой Самодержицѣ,
«Будьте пользою отечеству [5])!»
Панинъ нá это отвѣтствуетъ
Отъ Невы пришедшу голосу:
— Я клянуся передъ воинствомъ,
— Градъ возьму, или [6]) умру подъ нимъ!
— Увѣнчаемся здѣсь лаврами,
— Иль падемъ подъ кипарисами!—
Слышенъ голосъ войска храбраго:
««Градъ возьмемъ, иль всѣ помрёмъ съ тобой!»»

Наступилъ уже рѣшенья часъ:
Приближается ночь тёмная,
Скрылось солнце въ море бурное.
Изъ за лѣса не взошла луна.
Не мѣшаетъ небо мрачное [7]):
Войска двинулись ко Бéндеру,
Загремѣли свѣтлы [8]) молніи,
Зашумѣли войски Россійскія [9]),
Затряслися стѣны грáдскія,
Зажигается селеніе,
Разгарается все зданіе [10])...

Панинъ, Панинъ, то исполнилъ ты,
Въ чемъ ты клялся передъ воинствомъ!
Стонутъ-стонутъ побѣжденные,
Торжествуютъ побѣдители:
Славься, славься, Государыня,
Славься, Панинъ, славься, воинство [11])!

(Прибавлялось: „Сія пѣсня поется изъявляющимъ мужество голосомъ".).

*

---

[4]) „Покажите вы величество Чадъ и Матери Имперіи!"—[5]) „Имперіи."—[6]) „Градъ возьму я иль."—[7]) Этого стиха нѣтъ.—[8]) „Засверкали ярки."—[9]) „Загремѣли войска Русскія."—[10]) „Сокрушаются всѣ зданія."—[11]) Послѣднихъ двухъ стиховъ нѣтъ: но они отзываются у народа.

Пѣсня эта помѣщается также въ числѣ сочиненій Сумарокова со слѣдующими особенностями:

О разумный-храбрый Панинъ графъ....
Чтобы Бѐндеръ было *взяти льзя...*
Не былъ городъ Бендеръ взятъ ни кѣмъ...
Покажите вы величество
Чадъ и Матери Имперіи....
Будьте пользою *отечества...*
Градъ *возьму или умру* подъ нимъ...
Не мѣшаетъ небо мрачное:
Войско двигнулось ко Бендеру,
Загремѣли громы страшные,
Заблистали свѣтлы молніи,
Зашумѣли войски Русскія....
Разгораются всѣ зданія...

Послѣднихъ двухъ стиховъ также нѣтъ.

(Изд. 2-е Новикова, М., ч. VIII, 1787 г.; но въ изданіи Новиковскаго пѣсенника текстъ различенъ).

*

Слѣдующій образецъ усвоенъ народомъ, съ нѣкоторыми его оборотами и выраженіями:

10.

Крымская линія. Перекопъ. Долгоруковъ.

Перешли мы всю Татарскую степь,
Мы ни въ чемъ нужды не видали,
Про кручину и не знали мы:
Непріятели боялись насъ,
Вѣдь боялись, не казались намъ,
Они клали всю надежду ихъ

На крѣпкую ль стѣну Перекопскую,
На широкой и глубокой ровъ.
Только этимъ не спасетесь вы,
Не закроетъ васъ море Черное,
Не удержитъ насъ тамъ Сивашъ!

Третьяго числа было на десять,
Что Іюня [1]) лѣтня мѣсяца,
Семдесятъ ли во первомъ году [2]),
Что пришли жь мы подъ Перекопъ,
Подъ ту ль Перекопскую линію.
Не отъ вѣтру зашумѣлъ тутъ листъ,
Не на Волгѣ подымался валъ:
Тутъ летали пули свинцовыя,
Тутъ свистали ядра чугунныя.
Нашъ отецъ Долгоруковъ князь,
Князь Василій Михайловичь,
Ничего не страшился тутъ:
Близко города разъѣзживалъ,
Онъ все ли самъ осматривалъ.
Возвратился онъ, воэговорилъ:
«Ахъ вы гой еси, ребятушки,
«Вы храбрые Русскіе солдатушки,
«Офицеры вы исправные,
«Генералы всѣ друзья мои!
«Уже ль станутъ намъ смѣятися
«Тѣ ль Татары вѣроломные
«И тѣ Турки невѣрные?
«Не дадимъ мы имъ опомниться
«И бѣжать отъ насъ собратися:
«Мы пойдемъ на нихъ, товарищи!»
««Рады, рады мы съ тобой всюды,
««Ты берегъ насъ всё досюдова,

---

[1]) По нѣкотор. „Іюля."—[2]) Это способъ счета пѣсенный: ср. 7 и 8-й выпуски.

««Силы наши не ослабливали,
««Ты жь прибавилъ намъ храбрости
««Твоимъ умнымъ предводительствомъ!»»
Такъ вскричали въ одинъ голосъ всѣ.

*

Но и это не укрылось отъ И. И. Дмитріева:

11.

То же.

Перешли мы всю Татарску степь,
Нужды мы ни въ чемъ не вйдѣли,
Про кручину и не знали мы:
Непріятели боялись насъ,
Насъ боялись, не казались намъ;
Они клали всю надежду ихъ
На свою на стѣну крѣпкую,
На высóку Перекопскую,
На широкой и глубокой ровъ.
Только этимъ не спасетесь вы:
Васъ не скроетъ море Чорное,
Не удержитъ насъ Сивашъ-рѣка!

Третій нá десять тогда былъ день
Во Іюнѣ лѣтнемъ мѣсяцѣ,
Въ семьсотъ семдесятъ первóмъ году,
Какъ пришли мы къ непріятелю,
Къ Перекопской крѣпкой линіи.
Не отъ вѣтра зашумѣлъ тутъ листъ,
Не на Волгѣ подымался валъ:
Зашумѣли тьмы свинцовыхъ пуль,
Подымался градъ чугунныхъ ядръ.
Тутъ отецъ нашъ, Долгоруковъ князь,

Князь Василій князь Михайловичь,
Не жалѣя головы своей,
Не страшася тьмы Татарскихъ стрѣлъ,
Близко города разъѣзживалъ,
И всё нá все самъ осматривалъ.
Осмотрѣвши жь всё, возгóворилъ:
«Ахъ вы гой еси, робятушки,
«Храбры Русскіе солдатушки!
«Офицеры вы исправные!
«Генералы, всѣ друзья мои!
«Не уже ли мы, Россíяне,
«Надъ собой въ побѣдѣ верьхъ дадимъ
«Вѣроломной сей толпѣ Татаръ
«И невѣрныхъ Турокъ сонмищу?
«Не дадимъ мы имъ опомниться
«И бѣжать отъ насъ собратися:
«Полетимъ на нихъ, товарищи,
«И свирѣпо все ихъ полчище
«Срубимъ, сломимъ, опрокинемъ въ адъ!»
««Всюду рады мы, на всё съ тобой:
««Ты берегъ насъ всѣхъ какъ чадъ своихъ,
««Твоимъ умнымъ предводительствомъ
««Силъ ты въ насъ не ослаблялъ нигдѣ,
««А прибавилъ намъ лишь храбрости!»»
Такъ вскричали въ одинъ голосъ всѣ.

*

12.

Румянцевъ.

Намъ нельзя того оставить,
Чтобъ Румянцова не славить:
Графъ Румянцовъ нашъ отецъ,

Мы сплетемъ ему вѣнецъ
Изъ своихъ, братцы, сердецъ!
Пѣсню нову запоемъ,
Какъ мы въ лагерѣ живемъ:
Провіантъ мы получаемъ
И ни въ чемъ нужды не знаемъ
Близь Дуная мы стоимъ
И безъ страсти говоримъ:
Той надеждой обольстимся,
Что мы Турокъ не боимся.
Какъ Бендеры штурмомъ взяли,
Крымъ съ покорностью отдали.
Фокшаны [1]) и Ибраилъ
Взяли такъ, какъ Измаилъ:
Бухарестъ, Журжа́, Килія,
Тамъ баталья была сильна.
Графъ Румянцовъ генералъ
По арміи разъѣзжалъ,
Турокъ съ шанцовъ выгонялъ,
Гранодерамъ подтверждалъ:
«Гранодеры, вы не бойтесь,
«Поскорѣе фрунтомъ стройтесь!
«Я велю васъ подкрѣпить:
«Изъ пушекъ залпомъ выстрѣлить [2]).»
Канонеры, бомбандеры
Знаютъ разные примѣры:
Когда время имъ стрѣлять
И когда пообождать.
Полковники во строю
Наблюдаютъ честь свою,
Приказъ главной исполняютъ,
Всѣмъ солдатамъ подтверждаютъ:

---

¹) „Вакшаны." — ²) „Залпъ изъ пушекъ выстрѣлить."

— Вы солдатики [3]) военны!
— На васъ знáчики почтенны [4]):
— Заслужили честь отмѣнну,
— Удивили всю вселенну.—

Прибавлялось: „Сочинена въ лагерѣ находившимся при Дунаѣ однимъ офицеромъ. Поется съ наполненнымъ подобострастными чувствами сердцемъ.“).

*

13.

Хоръ на миръ съ Портою.

(1774).

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый Россъ,
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потрёсъ!
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать [1])!

Вóды быстраго Дуная
Ужь въ рукахъ теперь у насъ;
Храбрость Россовъ почитая,
Тавръ подъ нами [2]) и Кавказъ [3]).

Звукъ сигнала [4]) раздается
Днесь въ подсолнечной веадѣ:
Зависть и вражда мятется,
И терзается въ себѣ.

Мы ликуемъ славы звуки,
Чтобъ враги могли то [5]) зрѣть,

[3]) „солдаты.“—[4]) „отмѣнны.“

[1]) Припѣвъ послѣ строфъ.—[2]) „предъ нами.“—[3]) За симъ въ нѣкоторыхъ „Звукъ сигнала“ опущено.—[4]) „Измайла.“—[5]) „Чтобъ злодѣи могли.“

Что свои готовы руки
Въ край вселенныя [6]) простерть.

Зри, премудрая царица,
Зри, великая жена,
Что твой взглядъ, твоя десница
Нашь [7]) законъ, душа одна [8]).

Ужь не могутъ орды Крыма
Нынѣ рушить нашь покой:
Гордость низится Селима
И блѣднѣетъ онъ съ луной [9]).

Зри на блещущи соборы,
Зри на красной этотъ строй:
Всѣхъ [10]) сердца тобой и взоры
Оживляются одной.

Зри, монарха [11]), утѣшайся
На побѣдъ твоихъ вѣнецъ!
Зри, о мать, и [12]) восхищайся
На любовь къ тебѣ сердецъ!

(Надписывалось: „Сей хоръ по пріятству и огромности своего голоса въ музыкѣ почитается за наилучшій.“—На гусляхъ играли и пѣли хоромъ до нашихъ дней въ молодыя лѣта; ноты сохранились).

* *

Война Шведская.

1.

Двигнемъ, храбрые солдатушки,
На границы мы на Шведскія:
Не уступимъ мы товарищамъ,

---

[6]) „Въ край вселенной ихъ.“—[7]) „Новъ.“—[8]) Слѣдующая строфа не во всѣхъ.—[9]) За этимъ въ иныхъ: „Звукъ Измайла.“—[10]) „Всѣ.“—[11]) Монархиня. Въ иныхъ: „Зри, монархъ, и...“—[12]) „Зри, о мати.“

Тѣмъ, что бьютъ силы Турецкія!
И у насъ сердца Россійскія:
Пусть умремъ мы за отечество,
За велику Государыню,
Нашу мудрую монархиню!
Намъ не страшны вóйски бóльшія,
Отступать мы не училися:
Расхлебаемъ съ непріятелемъ
Чашу славну, чашу смертную!
Порохъ намъ—дрова берёзовы:
Мы затóпимъ небо синее,
Подогрѣемъ вѣроломну грудь;
А штыки-то къ чести лѣстница.
Шведы помнютъ руку тяжкую,
Не забыли дѣла прежнія:
Не забыли храбрыхъ предковъ мы
И побѣду подъ Полтавою.
Побѣждать намъ не учитися:
Съ командирами искусными
Усмиримъ мы душу гордую
И заставимъ насъ боятися.
Возвратясь же во Санктпéтербургъ,
Мы поздравимъ нашу Матушку
Съ полученьемъ Божьей милости,
Со успѣхомъ надъ коварными.
А потомъ пойдемъ къ красавицамъ,
Жонамъ, нашимъ полюбовницамъ [1]):
Онѣ снимутъ аммуницію,
Оботрутъ съ лица кровавой потъ,
Подведутъ къ намъ милыхъ дѣтушекъ;
Тутъ мы станемъ забавлятися
И побѣдой прославлятися.

*

---

1) „Жонкамъ нашимъ и любовницамъ.“

2.

Татищевъ.

Мы гвардейскіе солдаты
Идемъ съ радостью въ походъ:
Командиръ у насъ Татищевъ,
Никакихъ намъ нѣтъ заботъ.
Онъ солдатску нужду знаетъ,
Не оставитъ насъ ни въ чемъ:
Провіантомъ насъ пробавитъ,
Надѣлитъ насъ и харчомъ.
Аммуниціей исправны,
Всѣмъ снарядомъ сряжены [1]),
Ружья и штыки преславны [2]),
И какъ быть воружены.
Съ командиромъ симъ въ сраженье
И въ кравовой идемъ бой
Словно такъ, какъ на ученье
Мы выходимъ когда въ строй.
Лишь бы только намъ случилось
Тѣхъ злодѣевъ поимать,
Отъ которыхъ огорчилась
Вселюбезна наша Мать.
Мы бъ умѣли проучити
Злоковарныхъ сихъ сосѣдовъ:
Мы бъ ихъ стали также бити,
Какъ бивали мы ихъ дѣдовъ [3]).
Намъ вѣдь драться не учиться,
Мы бывали ужь въ бояхъ:

---

1) „Снабжены." — 2) „У насъ ружья, штыки славны." — 3) „Злоковарнѣйшихъ сосѣдовъ Мы бъ умѣли проучить: Какъ бивали мы ихъ дѣдовъ, Также бъ стали ихъ мы бить."

Лишь бы дали намъ сразиться,
Разщелкаемъ мы ихъ въ прахъ!
А потомъ въ свою столицу
Возвратимся мы опять
И любезную царицу
Успокоимъ нашу Мать.

(„Ревностнымъ и радость изъявляющимъ голосомъ.“).

*

3.

Наступилъ ужь мѣсяцъ Мартъ:
Насъ беретъ крѣпкой азартъ,—
Въ сердцахъ чувствуемъ мы жаръ,
Новой дать Шведу ударъ.
Открывайся, крыша водъ,
Дай скорѣй намъ въ море ходъ!
Спѣши, Шведъ, опять ты въ шкеры,
Коль построилъ ужь галеры,
Иль, забывши стыдъ и горе,
Изъ Кармъ-Кронъ явися въ море!
Коли есть у те охота,
Выставляй вдругъ оба флота:
Ты казался вѣдь остёръ,
Острогу̂ развѣ постёръ?
Пусть запа̂сные гостинцы
Дѣлятъ герцоги и принцы:
Готѳамъ надо за отвагу
Похмельнѣй сготовить брагу.
Лишь выдерживайте стойку,
Ужь вамъ сдѣлаемъ попойку:
Сами скажете вы свѣту,
Что ужь лучше ея нѣту,—
Вку́сна, хмельна, разъимаетъ,

Ноги совсѣмъ отъимаетъ,
И кто сдѣлался хмелёнъ,
Въ зыбь ложиться онъ волёнъ;
А кто средственно лишь пьянъ,
Тотъ ступай къ намъ на арканъ.
Вы племянники, мы дяди:
Принимать васъ къ себѣ ради.
Заупрямится жь кто много,
Тотъ наказанъ будетъ строго:
И сумнѣнья никакъ нѣтъ,
Дадимъ паспортъ на тотъ свѣтъ.
Тамъ и тѣни удивятся,
Какъ упрямцы къ нимъ явятся.
Такъ вы, ждавши сей почестки,
Наливайте мозгомъ костки:
Мы жь себя не станемъ нѣжить
И васъ можемъ обнадежить,
Что по сихъ скоро словахъ
Въ вашихъ будемъ мы страхахъ.

*

4.

Пушкинъ.

Прочь вы, Шведы, удалитесь,
Намъ ружья не показавъ,—
Знайте вы и всѣ страшитесь:
Противъ васъ самъ Пушкинъ графъ!
Мы идемъ съ нимъ на сраженье
Словно какъ идемъ на пиръ,
Исполняемъ Той велѣнье,
Кой дивится цѣлой міръ.

Мы увѣрены заранье,
Не польетъ онъ даромъ кровь:
Мы приложимъ все старанье,
Чтобъ прославиться намъ вновь.
Крымъ ужь чувствовалъ удары
И Бендеры знаютъ то,
Что онъ бомбы, пули, ядры,
Все вмѣняетъ ни во что.
Лишь куда онъ обратится,
Летитъ слава ему въ слѣдъ:
Все предъ нимъ страшась валится,
Онъ родился для побѣдъ.
Всякой ищетъ того счастья,
Чтобы съ нимъ всегда служить:
Средь войны съ нимъ нѣтъ ненастья,
Онъ отецъ намъ хочетъ быть.
Какъ дѣтей онъ насъ жалѣетъ
И таковъ его есть нравъ,
Сердце доброе имѣетъ:
Ты прославься, Пушкинъ графъ!
Полетимъ мы противъ Шведа
И покажемъ свою мочь:
Мы накажемъ зла сосѣда
Утромъ, въ полдень и въ полно́чь [1]).
Онъ осмѣлился встревожить
Нашей Матери покой:
Какъ намъ злобы не умножить,
Какъ не жертвовать собой?

(„Поется показывая храбрость“ или „смѣлымъ голосомъ.“).

*

[1]) „Завтраку, обѣду и ужинѣ:“ Сл. о П. И.

У И. И. Дмитріева находимъ:

5.

Кинемъ, братцы, безполезну
Мы кручинушку свою:
Обойми каждый любезну
И потомъ ступай къ ружью!
Мы, солдаты, съ тѣмъ родимся,
Чтобы жизнь вести въ трудахъ:
Грозной смерти не боимся,
Сами громъ несемъ въ рукахъ.
Грянемъ имъ въ коварныхъ Шведовъ,
Возмутившихъ нашъ покой:
По примѣру нашихъ дѣдовъ
Вражью кровь прольемъ рѣкой.
Вспомнимъ, други, мы Полтаву,
Вспомнимъ нашей мочь руки:
Купимъ нову честь и славу,
И лавровые вѣнки!

* *

Хоръ на возвратъ изъ похода Турецкаго и Шведскаго.

1.

Возвратившись изъ походовъ,
Принеся [1]) съ собой трофей,
Среди звуковъ, среди громовъ,
Плодъ побѣды вы своей,
Торжествуйте, Россы бранны,
Славой, честію вѣнчанны,

---

[1]) „Принесемъ."

Торжествуйте, ликовствуйте,
Наполняйте плескомъ [2]) свѣтъ,
Всей вселенной доказуйте,
Что храбрѣй васъ въ свѣтѣ нѣтъ,
Нѣтъ храбрѣе и сильнѣе,
Насъ царямъ своимъ вѣрнѣе [3])!

Вы въ полкахъ ли гдѣ сражались,
Били тысячи вы стомъ;
На моряхъ ли въ бой пускались,
Флоты рушили огнемъ;
Гдѣ вы грады осаждали,
Страшны стѣны ихъ упали,
Пали съ трескомъ, пали съ громомъ,
Раздалося слово въ свѣтъ,
Что съ Россійскимъ храбрымъ родомъ
Сопротивника днесь нѣтъ;
Нѣтъ имъ спорника во брани:
Лавры рвутъ вездѣ ихъ длани.

Въ лаврахъ мы теперь ликуемъ,
Изторжённыхъ у враговъ:
Вамъ, Россіянки, даруемъ
Храбрыхъ нашихъ плодъ боёвъ!
Раздѣляйте съ нами славу,
Честь, утѣху и забаву,
Раздѣляйте, ободряйте
И впередъ къ побѣдамъ насъ,
Жаръ въ сердца вы намъ вливайте:
Вашь надъ нами силенъ гласъ;
За единъ вашь взглядъ любови
Лить мы рады токи крови.

---

[2]) „Влескомъ;“ плескомъ дланей. [3]) „Нѣтъ храбрѣе и славнѣе Васъ, царямъ своимъ,“ Этимъ въ нѣкоторыхъ и кончается.

За одну Твою щедроту,
За одинъ Твой кроткій взглядъ,
Сердце, душу, жизнь, охоту
Россъ принесть на жертву радъ,
О любезна Мать народа!
Вѣрь, что щедрая природа
Съ тѣмъ Тобой насъ наградила,
Чтобъ Ты звучны чудеса
Съ храбрымъ Россомъ сотворила:
Продолжите, небеса,
Продолжите Ея лѣта,
Къ удивленью всего свѣта!

(„Сей есть веселый изъ хоровъ, потому что онъ означаетъ веселіе, какое бываетъ при возвращеніи изъ походовъ“).

* *

Полковыя.

1.

(Исправленія И. И. Дмитріева въ спискахъ).

Гренадеры молодцы,
Други, братья, удальцы!
Ой ка́лина, ой ма́лина [1])!
Станемъ, братцы [2]), въ круговую,
Грянемъ пѣсню удалу́ю,
Грянемъ пѣсню въ доброй часъ,
Благо хлѣбъ-соль есть у насъ!
Запоемъ мы трыцко-хвацко
Про житье-бытье солдатско.
Что подъ дожжичкомъ трава,
То солдатска голова:

---

[1]) Припѣвъ (народный) послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.—[2]) „ладомъ.“

Весело [3] цвѣтетъ, не вянетъ,
Службу царску бойко тянетъ [4].
Жизнь мужицкая, прости:
Ради службу мы нести;
По позыву иль [5] по волѣ,
Умереть готовы въ полѣ [6].
Въ комъ хоть мало есть ума,
Не страшна тому сума:
Онъ ружье, патронникъ, лямку
Какъ ребенокъ любитъ мамку.
А бывало, братцы, въ старь,
Хоть дубиной пріударь,
Ни изъ чести, ни изъ платы,
Не пойдетъ мужикъ въ солдаты.
Пальцы рубитъ, зубы рветъ,
Въ службу царскую не йдетъ.
А когда служить сберется,
То какъ съ жизнью разстается;
Тамъ жена, и братъ, и сватъ,
Гришка, Сидоръ и Кондратъ
Какъ по мертвомъ зарыдаютъ;
До кружала [7] провожаютъ,
Всей деревней заревутъ:
««Ваньку въ ре́круты даютъ!»»
—Ахъ, прости на вѣки, Ваня:
—Вотъ ужо тѣ [8] будетъ баня!—
А теперь чего тужить,
Какъ съ охотой не служить?

---

[3]) „Весела."—[4]) Прибавлено:

Весело тогда служить,
Какъ даютъ въ покоѣ жить,
Какъ спины́ дубьемъ не тѣшутъ
И скребнемъ волосъ не чешутъ.

[5]) „и." –[6]) Слѣдующіе четыре стиха опущены.—[7]) Кабака, выставки. — [8]) Тебѣ.

Слава Богу: есть отставка,
По два рублика прибавка.
Ой [9]), спасибо, наша Мать!
Ради въ полѣ умирать,
Жизнь солдатска намъ забава,
Польза, счастье намъ [10]) и слава!

(На голосъ извѣстной народной пѣсни: „Изъ подъ дуба, изъ подъ вяза, Изъ подъ вязова коренья.“—При этомъ прибавлялись картинки полковыхъ кружковъ въ тогдашней аммуницiи).

*

2.

Веселитесь, всѣ наши солдаты,
Славой, честiю своей,
Что мы страшны всѣмъ нашимъ злодѣямъ,
Мы ихъ рубимъ, бьемъ и жжемъ.
Мы не трусимъ, хоть ихъ числомъ больше,
Только слушаемъ приказъ:
Куда скажутъ наши командиры,
Туда всѣ идемъ и бьемъ.
Хотя храбро на насъ наступаютъ,
Мы встрѣчаемъ ихъ въ штыки [1]),
Бьемъ, разимъ, не портя свой порядокъ,
И кричимъ «ура, ура, ура [2])!»
«Вйватъ мать наша Екатерина,»
По [3]) побѣдѣ всѣ кричимъ:
Насъ не держатъ крѣпки [4]) стѣны градски,
Мы и въ нихъ врагамъ отмстимъ.
Намъ ни гóры [5]), мóря, хóлмы, рѣки
Не препятствуютъ итти:

---

[9]) „Ай.“—[10]) „всѣмъ.“

[1]) „Мы встрѣчаемъ на штыкахъ“.—[2]) „ура, ура.“—[3]) „О.“—[4]) „крѣпки“ нѣтъ.—[5]) „горы“ нѣтъ.

Наша храбрость всѣмъ извѣстна
И въ молвѣ [6] всѣ знаютъ насъ.

(„Сочиненіе одного умнаго военнаго человѣка. Поется съ веселымъ духомъ“).

Прочія подобныя, безъ особыхъ историческихъ чертъ и намековъ, помѣстятся послѣ въ своемъ мѣстѣ.

Сочиненныя пѣсни XVIII вѣка, подобно народнымъ, также точно прерываются въ своемъ торжествѣ разными бѣдами и изображеніемъ ихъ: только здѣсь уже не Каинъ, Танька или Пугачевъ, а на примѣръ Чума, славная бѣгствомъ начальниковъ столицы, высокомѣріемъ владыкъ и безобразіемъ разъяреннаго народа. Солдаты между тѣмъ спасались карантиномъ и среди его было время досужимъ стихоплетамъ повѣствовать о горѣ.

Чума.

1.

Какъ во прошломъ во году
Пріѣзжали мы въ Москву:
Въ Головинской домъ [1]) въѣзжали,
Гдѣ кордонъ мы содержали;
Разомъ всѣхъ насъ тутъ впустили
И рогатки затворили,
Караулы становили
И всѣмъ сказанъ намъ арестъ,
Подъ которымъ [2]) мы и есть.
Поутру рано вставали,
Все несчастье узнавали [3]),
Какъ въ Москвѣ многой народъ
Кончилъ язвою животъ.
Глазами вкругъ дворца кидали [4]),
Вездѣ выходу искали:
Не могли его найтить,
Всѣ остались тутъ и жить.

---

6) „На моряхъ.“

1) Дворецъ.—2) „Во которомъ.“—3) „Поутру мы рано встали, Все несчастіе узнали.“—4) „Глазами вокругъ кидали.“

Къ намъ штабъ-лѣкарь выбѣгалъ,
Карантины утверждалъ
И курить насъ заставлялъ,
Самъ съ робости обмиралъ.
Дни таки были ненастны [5]),
А мы все-таки несчастны
Жили-были много дней
Не похожи на людей.
Послѣ многаго мученья
Получили облегченье:
Намъ прибавлено вино,
Обогрѣло [6]) насъ оно.
Ничего ужь не боялись,
Разными пѣснями забавлялись.
Постъ весь были мы въ весельѣ [7]),
Только дай Богъ намъ терпѣнья.
Страхъ и трепетъ обуялъ,
Какъ рейта́ръ въ чуму попалъ.
Мы наружно веселились,
А внутренно все мутились.
У рогатки мы стоимъ,
На Москву всегда глядимъ:
Преображенскія [8]) слободки,
Прощай, дѣвки [9]) и молодки!
Съ горя выпьемъ теперь водки.
Прощай, Яуза съ заливы,
Намъ сударушки не ми́лы!
Прощай, матушка Москва,
Во глазахъ видна всегда!
Только вытти намъ нельзя.

[5]) „напастны."—[6]) „Ободряло." —[7]) Это кстати постомъ.—[8]) Преображенскія, въ Преображенскомъ; перечисляются мѣстности, видныя изъ дворца.—[9]) „Дѣвушки."

Графъ Орловъ-тъ [1]) отъѣзжаетъ,
Всѣхъ насъ въ горѣ оставляетъ:
Однимъ только увѣщалъ,—
Въ Петербургъ взять обѣщалъ.
Самъ поѣхалъ—поклонился
И со всѣми тутъ простился.
Къ намъ пріѣхалъ князь Волконскій [2]):
Опять вновь насъ ободрилъ,
Отпустить насъ говорилъ;
Мы надеждою ласкались,
А всё тутъ же оставались.
Во концѣ жь [3]) прошлаго года
Испугались очень много:
Во второмъ часу съ полночи,
Какъ сомкнулись только очи,
Вдругъ тревогу ударяютъ,
На пожаръ всѣхъ высылаютъ.
Мы не знаемъ гдѣ горитъ,
Ужаснулся нашъ тутъ видъ,
Всякъ другъ другу говоритъ:
««Ахъ, дворецъ совсѣмъ горитъ!»»
Въ ту минуту побѣжали,
Изъ дворца все выбирали.
На зорѣ былъ битъ тутъ сборъ,
Въ гошпиталѣ данъ намъ домъ:
Мы тамъ жили-поживали,
Всего горя мы не знали.
Вдругъ встревоженъ былъ нашъ духъ,
Поразилъ несчастный слухъ,
Гренадеры говорятъ:
«Вѣдь ужь полно намъ гулять,
«Командира мы лишились,—

---

[1]) Орловъ-то;—[2]) „Волынскій.“—[3]) „А въ концѣ.“

«Какъ отцемъ всегда хвалились.
«Мы всѣ плачемъ, возрыдаемъ,
«Его милость вспоминаемъ:
«Прости, батюшка Архаровъ [1]),
«Гренадеръ плачетъ не даромъ!»

(„Голосъ печальной").

*

Къ подобнымъ же событіямъ относится и *прибытіе Слона въ Москву*: среди жизни, бѣдной явленіями развитія, и такой случай сочтенъ міровымъ историческимъ событіемъ, вызвалъ лубочныя картины и вдохновилъ извѣстную пѣсню:

„Чтò въ Москвѣ за удивленье,
чтò такое за явленье",

конченную впрочемъ совершенно въ духѣ народной экономіи:

„Для чего за ту скотину
Рубль берутъ или полтину?
Не́ за что и гривны несть:
Слонъ родился, слонъ и есть."

* *

Опять война Турецкая. Союзники.

1.

Бирбйръ Туркамъ сталъ не милъ,
Алё, алё, имъ не милъ [1]).
Страхъ развѣялъ ихъ какъ прахъ [2]).
Крѣпость, пушки и подкопы
Всё бросали, дурносопы.
Въ ночь исчезли всѣ какъ бѣсы
Черезъ тёмны свои лѣсы.

---

[1]) Извѣстная фамилія, сочетавшаяся позднѣе съ Васильчиковыми.

[1]) Припѣвъ такимъ образомъ къ каждому стиху.—[2]) Въ подлинномъ сочиненіи вѣроятно „какъ пыль."

Нынѣ воины Австрійски,
Также точно какъ Россійски,
Черезъ дѣйствія удачны
Мусульманамъ стали страшны [3]).
Лишь покажутъ стройной маршъ,
Туркамъ драться и шабашъ.
Ужь мятутся и въ Бѣлградѣ,
Что имъ скоро быть въ осадѣ.
Вся ихъ крѣпкая твердыня
Имъ мечтается какъ дыня.
Палисады жь, рвы, укрѣпы
Мы считаемъ вмѣсто рѣпы.
Такъ смотрите жь вы, невѣжды:
Коль вамъ нѣтъ ни въ чемъ надежды,
Въ бой вступать и не дерзайте,
Та́къ крѣпости оставляйте;
Оставаясь здравы, цѣлы,
Въ дальны кройтеся предѣлы,
Къ Восточному ближе свѣту,
То есть въ Мекку къ Магомету!

*

Слѣдующая пѣсня очевидно сочинена въ средѣ солдатской и потому близка къ народной:

2.

На Турецкой границѣ.

Долго ли снѣжочкамъ во чисто́мъ полѣ лежать,
Долго ли солдатушкамъ горе горевать [1])?
Оставимъ тоску-печаль во тёмныхъ во лѣсахъ,
Станемъ привыкать ко Турецкимъ ко странамъ [2]).

---

[3]) Искусственность доводила до униженія и явной неправды.

[1]) Каждый второй стихъ повторяется.—[2]) Вѣроятно старше: „во Турецкихъ во странахъ.“

Забывай, солдатушки, отца-мать, жену:
Вспомните, служилые, тесакъ, ружье, суму.
Плащь, кафтанъ съ камзоломъ намъ не надо скидавать:
Стоя въ караулѣ намъ не надобно дремать.
Съ дѣвками, съ молодками [3]) полно намъ гулять:
Мягкія перинушки пора намъ забывать.
Солдатско житье, право, лучше всего:
Чортъ возьми того, кто не хвалитъ его [4])!
Ходя наѣдимся, стоя выспимся,
По утру слезами умоемся [5]),
Утремся полой, Богу помолимся:
Дай, Боже, солдатушкамъ пожить да послужить,
На чужой сторонушкѣ головки положить!
Есть у насъ, братцы, мука и крупа:
Хлѣбовъ напечемъ, еще каши наваримъ.
Сложимся по денежкѣ да купимъ мы винца [6]):
Выпьемъ мы по чарочкѣ [7]), позавтракаемъ;
Выпьемъ по другой, разгуляемся;
Выпьемъ мы по третьей, сами пѣсни запоемъ:
«Трахъ, трахъ, трахъ, тарарушечки!
«Гдѣ наши дѣвались прежни душечки,
«Душечки красны дѣвушки?»

(„Сочинена на Турецкой границѣ солдатами. Поется со изъявленіемъ въ голосѣ мужества.“ На самомъ же дѣлѣ пѣлась голосомъ „Ивушка, ивушка, зелёная моя.“).

*

3.

Кинбурнская коса. Суворовъ.

Нынѣ времячко военно,
Отъ покоя удаленно:

---

[3]) „Съ дѣвушками, съ молодушками.“—[4]) Въ нѣкоторыхъ эти два стиха переставлены.—[5]) „Умываемся.“—[6]) „вина.“—[7]) „по чаркѣ.“

Наша Ки́нбурнска коса
Открыла церва чудеса.
Флотъ Турецкой подступаетъ,
Турокъ на Косу сажаетъ
И [1]) въ день первый Октября
Выходила тутъ ихъ тьма.
Они шанцы тутъ копаютъ,
Изъ судовъ припасъ таскаютъ,
Чтобы Кинбурномъ владѣть
И въ побѣдѣ себя зрѣть.
Но Суворовъ генералъ
Тогда не́ спалъ—не дремалъ:
Свое войско учреждалъ,
Турковъ больше поджидалъ.
Турки вскорѣ накопились,
Во предмѣстія набились:
Тутъ Суворовъ выступаетъ,
Всю опасность презираетъ.
Онъ приказъ войску отда́лъ,
Во сраженіе самъ сталъ:
Турки бросились на сабляхъ,
Презирая свою смерть.
Ихъ Суворовъ видя дерзость,
Оказалъ тутъ свою ревность,
Поминутно повторялъ:
«Ступай наши на штыкахъ!»
Приказъ только получили,
Турковъ били и топили,
И которыхъ полонили,
А оставшихъ порубили.
Ужь не видя предъ собой,
Что вновь скоро будетъ бой,

---

[1]) „Какъ."

Они пѣсенки запѣли,
На покой въ Кинбу́рнъ пошли.
Съ предводителемъ такимъ
Воевать всегда хотимъ;
За его храбры дѣла
Закричимъ ему: «ура!»

(„Поется показывая голосомъ неустрашимость.“—Герстенбергъ успѣлъ намъ въ своемъ изданіи сохранить напѣвъ на нотахъ).

*

4.

Очаковъ. Потемкинъ.

Не бушуйте вы, вѣтры буйные [1]),
Не спѣши ты, зима, съ морозами [2]):
Не защита вы Очакову,
Не спасеніе [3]) врагамъ нашимъ.
Сыны храбрые Россійские
Презираютъ ваши лютости.
Въ нихъ сердца горятъ вѣрностью [4])
Ко премудрѣйшей своей Матери,
Въ нихъ вся кровь кипитъ усердіемъ
Ко прехраброму во начальнику.

На зорѣ то было на утренней,
На восходѣ красна солнышка,
Какъ возго́воритъ Потемкинъ князь:
«Ой вы гой еси, солдатушки!
«Намъ пришла пора Очаковъ взять,

---

[1]) Таково подлинное начало, согласно пѣснѣ „народной“ и приведенной выше сочиненной о Средиземномъ морѣ.—[2]) Но уже въ 1791 г. находимъ начало:

Не спѣши ты, зима, морозами,
Не бурлите, вѣтры холодные.—

[3]) „Не спасенье вы.“—[4]) „любовію.“

«Часъ приближился луну сорвать,
«Со окоповъ бѣлокаменныхъ
«Разметать башни Турецкія,
«Покорить враговъ мечу Русскому,
«Скиптру мудрыя Государыни!»
« — И ты гой еси, нашь батюшко,
«— Ой прехраброй предводитель нашь!
« — Лишь рукой махни, Очаковъ взятъ [5])!
«— Слово вымолви, Стамбулъ падетъ [6])!
«— Мы пойдемъ съ тобой въ огонь въ пóломе [7]),
«— Пройдемъ пропасти подземныя [8])! —»

Лишь успѣли [9]) храбры воины
Рѣчь окончити геройскую,
Засверкали [10]) штыки Русскіе,
Загремѣла вдругъ артилерія,
Полилась рѣкой Турецка кровь [11]),
Повалились башни крѣпкія [12]).
Гдѣ луна была, тамъ орлы парятъ,
Гдѣ бунчукъ стоялъ, тутъ штандартъ блеститъ,
И паша, упавъ предъ Потемкинымъ,
Вручилъ жизнь свою и ключи града [13]).

Тутъ воскликнули побѣдители:
««Ой ты гой еси, невѣрной царь!
««Посмотри ты [14]) на пашей своихъ,
««Ты взгляни на кровь Турецкую,

---

[5]) „такъ Очаковъ нашь."—[6]) „Мы Стамбулъ возмемъ."—[7]) „въ огнь и въ полымя."—[8]) „подводныя."—[9]) „успѣли такъ."—[10]) „Засверкали тамъ."—[11]) „кровь Турецкая."—[12]) „гордыя."—[13]) Вмѣсто сихъ двухъ стиховъ, въ нѣкоторыхъ четыре: Сераскиръ упалъ предъ Потемкинымъ, Преклоняючи свою главу, Покоряяся со всѣмъ городомъ, Умоляя жизнь съ янычáрами.—[14]) „ты здѣсь."

« «Покорись нашей Монархинѣ,
« «Не тебѣ, царь, воевать съ нами [15])!» »

(„Поется на голосъ „Не бушуйте вы, вѣтры буйные," т. е. народной извѣстной пѣсни. Нотъ намъ не извѣстно въ печати, но еще въ молодости нашей любили пѣть объ Очаковѣ хоромъ, и напѣвъ намъ памятенъ).

*

Эта знаменитая пѣсня, хотя и сочиненная, но любимая нѣкогда, весьма распространенная и почти сто лѣтъ продержавшаяся, имѣла конечно множество варіантовъ. Мы привели главные и старшіе. Вотъ еще одинъ изъ рукописи:

5.

То же.

Не бушуйте вы, вѣтры буйные,
Не спѣши, зима, съ морозами:
Не защита вы Очакову,
Не спасеніе врагамъ нашимъ!
Сыны храбрые Россійскіе,
Въ нихъ сердца горятъ любовію
Ко премудрой своей матери
И ко храброму начальнику.

Какъ возговоритъ Потемкинъ князь:
«Охъ вы дѣтушки-солдатушки,
«Сыны храбрые Россійскіе!
«Побѣдимъ врага невѣрнаго:
«Намъ пришла пора сорвать луну,

---

[15]) Въ болѣе позднихъ прибавлено еще:

Твой безсильный другъ на Сѣверѣ
За Арабскіе червонные
Не войну ведетъ, онъ разбой держитъ:
Тамъ смирятъ его одни егари,
Одни егари со козаками:
Не достоинъ онъ гранодерскихъ рукъ!

«Со окоповъ бѣлокаменныхъ
«Разметать башни Турецкія!»

Не успѣлъ онъ слово вымолвить,—
Повалились башни гордыя,
Полилась рѣкой кровь Турецкая.
Гдѣ бунчукъ стоялъ,
Тутъ штандартъ блеститъ.
Сераскиръ упалъ предъ Потемкинымъ,
Преклоняючи свою голову,
Умоляючи жизнь яны́чарамъ.
Какъ возго́воритъ Потемкинъ князь:
«Не тебѣ, царю, воевать съ нами!»

*

6.

О томъ же.

Всѣ армейскіе солдаты,
Слѣдуй грудью во походъ:
Командиры всѣмъ богаты,
Мы пойдемъ точно въ разводъ.
Всю солдатску нужду знаютъ,
Ихъ не надобно учить:
Аммуниціей пробавятъ [1]),
Такъ престанемъ же тужить.
Хоть и свѣта кто лишится,
Какъ на брани убіютъ,
Къ ликамъ вѣчнымъ премѣнится [2]),
Злы дѣла того уснутъ.
Силу къ силѣ приберемъ,

---

1) „Аммуниціи прибавятъ.“—2) „преселится?“

Ничего мы не оставимъ,
Всѣ до ѐднаго умремъ!
А Потемкина прославимъ:
Мы сплетемъ ему вѣнецъ
Отъ своихъ, братцы, сердецъ [3])!
Вождемъ будетъ ему Марсъ,
Подъяремникомъ Пегасъ [4]).
Артикулъ насъ не пугаетъ,
Его твердо всякой знаетъ.
Той надеждой всегда льстимся,
Что мы Турокъ не боимся.
Ихъ крѣпкіе города
Не годятся никуда:
Какъ Очаковъ ни упоренъ,
Но теперь ужь намъ покóренъ.

*

А вотъ еще *четвертый* образецъ съ началомъ „Не бушуйте, вѣтры буйные,“ образецъ очень рѣдкій (ибо черезъ чуръ самонадѣянный и хвастливый), напечатанный впрочемъ уже 1791 года:

7.

Море Средиземное.

Не бушуйте, вѣтры буйные,
Не волнуй ты, мòре синее,
Ты синё море, Средиземное!
Успокойся ты, лѣто красное (?),
Не мѣшай смирить вѣроломнаго,
Да султана намъ Турецкаго!
Какъ наѣдетъ прехраброй князь,
Его свѣтлость, предводитель нашь,
Не объявитъ ли приказа намъ,

---

[3]) Это взято изъ пѣсни Румянцеву; см. выше.—[4]) Очень одушевительно для солдатъ.

Намъ приказа государева,
Чтобъ подвинуться подъ стольной градъ [1]),
Что подъ ту ли древню Грецію?
Мы бъ тотчасъ сгубили мéчети,
Ввели вѣру христіянскую!

*

8.

Поскорѣй бы взять Бендеры.

Ужь видáть ли намъ, дождаться,
Намъ въ Бендеры-то забраться?!
Не для́ того, чтобы драться
И съ чалмами намъ считаться:
Уменъ сталъ ужь бусурманъ.
Тѣхъ замѣтя силу знаковъ,
Какъ пропалъ его Очаковъ,
Сдалъ до слóва Акерманъ.
То же будетъ, знать, и здѣсь:
Не вскричитъ—«На стѣ́ны лѣзь!»
И то вѣрно ужь, не враки,
Что не будетъ съ ними драки.
Такъ и сила наша—рать
Ихъ не будетъ обирать:
Намъ червонцевъ не видать,
Ими сумъ не набивать.
А воздавши хвалу Спасу,
Ихъ попробуемъ запасу:
Пивца попьемъ вмѣсто квасу,
Пусть хоть тикъ вмѣсто атласу!
Ихъ повёртлива нога:
Вонъ ихъ выѣхалъ ага!
Знать, упрямства, вѣрно, нѣту:

---

[1]) Царь-градъ.

Смѣло ѣдетъ онъ къ пикету.
Что-то скажетъ имъ нашъ Князь [1]?
Ахъ, мы смяли бъ всѣхъ ихъ въ грязь!
Но не имётся тому вѣры,
Чтобъ воспротивились Бендеры!
Чу, и слухи раздаются,
Что они ужь намъ сдаются!
Ну, инъ такъ тому и быть:
Мы не станемъ ужь ихъ бить!
Пойдемъ въ крѣпость мы, пойдемъ;
Хоть тамъ хлѣбъ съ солью найдемъ!

*

9.

Браиловъ. Гассанъ.

Суворовъ-Рымникскій.

Дней назначенныхъ дождавшись,
Съ сильной арміей поднявшись
Ко Браилову Гассанъ,
Тутъ хотѣлъ держать свой станъ.
Но, проведши одну ночь,
Въ кучѣ всю имѣя мочь,
Не лѣниво пóднялъ ногу
На Фокшанскую дорогу,
Планъ имѣючи таковъ
И совѣты свои дивны,
Чтобъ достигнувъ рѣки Римны,
Потоптать тутъ Русаковъ,
Или кучами Азійцовъ
Подавить хотя Австрійцовъ.

---

[1] Потемкинъ.

Но вдругъ слышитъ въ войскѣ рѣчи,
Что идутъ къ нему для встрѣчи
Не поклонъ свой отдавать,
А знать—лагерь разбивать,
Полки арміи Россійской
Совокупные съ Австрійской.

Полынь вскрылась вмѣсто мéду:
Поднимаетъ руки къ небу,
Онъ молится Магомеду,—
Не о томъ, чтобъ далъ побѣду,—
Въ томъ надежда будетъ ложна
И побѣда невозможна—:
Но хоть столько бъ имѣлъ внять,
Чтобъ поморъ весь лагерь снять.
Коль Русакъ идетъ—хохочетъ,
Знать, къ рукамъ прибрать все хочетъ,
Не считая за навозъ—
И палатки, и обозъ,
И котлы мѣдны, и блюды,
И бараны, и верблюды,
И буйволовъ, лошадей,—
Заберётъ всѣхъ сей злодѣй [1])!

Но Пророкъ мольбы не внемлетъ:
Въ раю съ гурьями, знать, дремлетъ,
А Русакъ ужь на отвагу
Поприбавилъ къ стану шагу.
Хотя Турки и храбрились [2]),
Но безъ всякого успѣха
И, надѣлавъ только смѣха,
Всѣ на полѣ повалились;

---

[1]) „Заберетъ сей чудодѣй."—[2]) „Хоть Турки и храбрились."

Иль, сказать, такъ Турокъ дули,
Что сномъ вѣчнымъ всѣ поснули [3]).
Глава высша главъ поганскихъ [4]),
Войскъ начальникъ Оттоманскихъ,
Окончавъ къ нему [5]) мольбу,
По своимъ дѣлалъ пальбу:
Знать, сердясь на Магомета,
Что гналъ силы ихъ со свѣта,
И, устлавъ поле тѣлами,
Самъ раздѣлался тѣмъ съ нами.
Обуяла какъ тоска,—
Не противно намъ, но мило [6]),—
То онъ всё, что̀ его было,
До послѣдня волоска,
Въ по́бѣгъ ударившись самъ [7]),
Вездѣ всё оставилъ намъ.
Ура, ура, ты Гассанъ!
Попадай намъ въ руки самъ
И не дѣлай тамо [8]) споровъ,
Гдѣ Рымникской Графъ Суворовъ!

(„Поется мужественно.“—Много варіантовъ).

*

10.

Измаилъ.

Толика нынѣ слава есть:
Русаку въ побѣдахъ честь.
Ступай, не робѣй. 2 (дважды).
Мы къ Изма́илу пришли,
Незва́ные гости:
Много Турокъ тутъ нашли,

---

3) „Заснули.“—4) „Главный этихъ силъ поганскихъ.“—5) „Къ небу.“—6) „лимало.“—7) „удалившись;“ „Въ по́бѣгу уда́рившися самъ.“—8) „такъ ты.“

Ихъ ломать всѣ кости.
Всѣ ужасно испужались,
Въ разны стороны бросались:
Имъ ужь некуда бѣжать. 2.
У боярина большаго [1])
Нѣтъ отзыва никакого:
Стой на мѣстѣ тутъ. 2.
Мы не будемъ тутъ дремать,
Или думать, или спать:
Пришли работа́ть! 2.
Кто и больше ростомъ насъ [2]),
Будь товарищъ намъ въ тотъ часъ,
Ступай съ нами въ рядъ! 2.
Приказъ равной всѣмъ былъ данъ:
Послужилъ какъ намъ таланъ,
То намъ и сбылось,
Чего ждали мы.
Пушекъ грома не боимся,
Пуль и ядеръ не страшимся:
Не вновь привыкать!
А картечи какъ горохъ,
Тонутъ въ воздухѣ какъ въ мохъ,
А въ грудь ничего.
Какъ къ стѣнамъ поближе стали,
Тутъ его ужь штурмомъ брали:
Турокъ, не сердись,
Лучше помирись!
Намъ покоиться пора,
Закричимъ теперь: «Ура,
Слава Руса́ку,
Слава Русаку!»

(Напѣвъ слитъ изъ двухъ—„Ужь какъ по мосту-мосту“ и „Ахъ вы сѣни мои, сѣни,“ или, извѣстнѣе по пѣсни, развитой особенно впослѣдствіи, „За горами, за долами“).

---

1) Потемкина?—2) Потемкинъ?

Этотъ образецъ, возникшій среди солдатъ, ближе къ народному, а слѣдующій обличаетъ болѣе искусственное желаніе приблизиться къ народному:

11.

О томъ же.

Гдѣ ты, воронъ, былъ, гдѣ полётывалъ?
Ты скажи, воронъ, что̀ видалъ-слыхалъ?
Что случилося во Туречинѣ,
Въ грозной арміи Суворова?
Не убитъ ли мой сердечной другъ,
Сердцу вѣрному зазнобушка?

«Я леталъ-леталъ, полётывалъ,
«По бѣлу̑ свѣту погуливалъ,
«Въ слѣдъ за арміей православною;
«Я клевалъ-клевалъ, поклёвывалъ
«Тѣло вражье-бусурманское;
«Я видалъ диво, диво дивное,
«Диво дивное, чудо чудное:
«Какъ нашъ батюшка, Суворовъ князь,
«Съ малой силой соколо̀въ своихъ,
«Разбивалъ полки тьму-численны,
«Полонилъ пашей и ви́зирей,
«Бралъ Изма́илъ, крѣпость сильную,
«Крѣпость сильную, завѣтную.
«Много пало тамъ солдатушекъ,
«За святую Русь, отечество,
«И за вѣру христіанскую.
«Я принесъ тебѣ и вѣсточку,
«Что твой милой другъ на приступѣ
«Палъ со славой Русска воина.
«Онъ велѣлъ отдать кольцо тебѣ
«Обручально, съ челобитьицемъ,

«Чтобы красная ты дѣвица
«Не кручинилась, не печалилась.
«Князь Суворовъ, нашь отецъ родной,
«Смерть отмстилъ онъ своихъ дѣтушекъ
«Надъ главами басурманъ-враговъ:
«Онъ отпѣвъ тѣла геройскія,
«Проронилъ слезу отеческу
«И, по долгу христіанскому,
«Надъ могилой ихъ поставилъ крестъ.»

Я пойду, млада, на улицу,
Разскажу я эту вѣсточку
Всѣмъ подружкамъ, всѣмъ голубушкамъ:
Пусть поплачутъ со мной, горькою,
Облегчатъ тоску смертельную
И утѣшатъ сиротинушку.
Охъ, мнѣ тошно жить безъ милаго,
Безъ сердечна друга вѣрнаго!
Я сама бъ себя не видѣла
И сей бѣлой свѣтъ оставила!
Еслибъ не было ни матушки,
Ни роднаго сударь-батюшки,
Еслибъ Бога не боялася
И суда Его предвѣчнаго,
Тобъ подняла руки бѣлыя
На главу свою злосчастную.

Кстати: *

12.

Мачинъ. Черезъ Дунай. Репнинъ, Голицынъ, Кутузовъ, Волконскій, Рибасъ.

Ужь какъ нутка, кавалеры,
Расположимъ свои мѣры,

Прó Мачинъ пѣсню сложить
И побѣду подтвердить.
Князь Репнинъ повелѣваетъ,
За Дунай переправляетъ,
И кареи учредилъ,
Генераламъ поручилъ,
Онъ тѣмъ планъ свой объявляетъ,
Во баталію вступаетъ.
Ви́зирь съ войскомъ насъ встрѣчалъ,
Туркамъ онъ «Алла» кричалъ,
Въ дракѣ же стоялъ упорно,
Защищаяся проворно:
Турки были храбродушны,
Визирю во всемъ послушны.
Штыкъ Голицына сверкаетъ,
Турокъ смѣлыхъ поражаетъ.
Чтó ихъ каменныя горы:
Нѣтъ Кутузову упоры!
Ви́зирь, видя ослабленье,
Насылаетъ повелѣнье,
Чтобы музыка играла,
Собой Турокъ ободряла.
Турки вновь тутъ укрѣпились
И на сабляхъ всѣ̀ пустились:
Дерзость ихъ Репнинъ примѣтилъ,
Князь Волконской тотчасъ встрѣтилъ.
Двумъ кареямъ закричалъ:
«Стой, равняйсь,» и наступалъ;
Съ ними въ гору поспѣшаетъ,
Себя славно отличаетъ.
Ры́басъ ловитъ ихъ на уду [1])
И кидаетъ въ одну груду.
А визи́рь не унываетъ,

[1]) Игра словами по поводу фамиліи „Рыба."

Только свѣжихъ подсылаетъ.
Всѣ кареи подвигáлись,
Крѣпко съ Турками сражались:
Турки билися упорно,
Мы кололи ихъ задорно.
Изъ Браилова десантъ
Вздумалъ тутъ же помогать:
Три кареи отправлялись,
Со десантомъ тѣ сражались.
Что вступили во сраженье,
Такъ пошло вдругъ пораженье:
Ихъ три сýдна потопили,
А другія въ прахъ разбили.
Турки жару не стерпѣли,
Ну бѣжать, куда успѣли:
Во Дунай стали бросаться,
Чтобы тѣмъ отъ насъ спасаться.
Турки шесть часовъ стояли
И надежду потеряли:
Своего пашу кидаютъ,
Съ поля лыжи навостряютъ [2]).
Князь Волконской поспѣшаетъ,
Лагерь Турской занимаетъ:
Ставки, пушки забираетъ
И добычу раздѣляетъ.
Такъ побѣду одержали
И «ура» мы закричали.
День, пресчáстливый сынамъ,
Еще радостнѣй былъ намъ!
Пусть въ томъ всякой разсуждаетъ,
Какъ Россія побѣждаетъ:
Да никакъ это не дико,—

---

[2]) „направляютъ.“

ослушаніе велико!
Командиры наши хваты,
Да и сами мы, ребяты,
Въ насъ къ отечеству любовь,
Мы прольемъ до капли кровь!
Что жь теперя затѣвать?
Станемъ-ка вѣнки свивать!
Мы ихъ множество навьемъ,
Командирамъ разнесемъ.
Репнину жь князю вѣнецъ
Сработаемъ изъ сердецъ [3])!
Его славныя дѣла,
Закричимъ ему «ура!»

*

Къ этой войнѣ относятся нѣкоторыя лубочныя картины съ любопытнымъ текстомъ въ стихахъ, въ родѣ: „Турки валятся какъ чурки, Росейскіе прямо стоятъ (Хоть и безъ головъ); Только вонъ одинъ покачнулся, Лежитъ во рву на боку, Проситъ покурить передъ смертью трубку табаку (Да еще Фалеру [4]))," и т. п.

*

13.

Хоръ на миръ съ Портою.

Звукъ оружія [5]) безсмертныхъ
Слышенъ съ громомъ въ облакахъ;
Съ нимъ и слава Россовъ вѣрныхъ
Разлилася въ небесахъ:
Торжествуй, Екатерина,
Царствуй, кротко божество!
Гдѣ [6]) твой мечь Перуновъ [7]) блещетъ:
Тамъ надежда и успѣхъ;

---

[3]) Опять изъ пѣсни Румянцеву.
[4]) Табакъ знаменитой впослѣдствіи фабрики.
[5]) „оружіевъ."– [6]) „Гдѣ?"—[7]) „Перуномъ?"—

Врагъ страшится и трепещетъ,
Остается безъ утѣхъ.
Торжествуй, о Мать народа,
Царствуй, кротко божество!

(„Сей—хоръ—также славенъ у музыкантовъ по своему голосу.“).

* *

Польша. Прага. Варшава.

1.

Холя [1]) съ гребнемъ приходила
Буйну голову [2]) чесать;
Мыть грозила—отступила [3]):
Руска грудь не йдетъ назадъ.
Слава, слава Руской груди,
Слава Рускому уму!
Исполать вамъ, Руски люди,
Что послушны вы ему [4])!
Буйну голову—шершаву [5])
Кто клокóтилъ [6]), кто трепалъ?
Руской выступилъ на славу,
Взялъ шершаву—разчесалъ [7]).

Руской Богъ Россiю славитъ,
Бѣлой свѣтъ онъ въ ней вмѣститъ:
Руской умъ полсвѣтомъ правитъ,
Руска грудь—булатной щитъ.

---

1) Нѣга; слово выбрано особенно по риемѣ съ „волей.“—2) Поляковъ.—3) Хотѣла вымыть, привести въ порядокъ, устроить, да спасовала и прочь отступилась.—4) Припѣвъ послѣ каждой строфы.—5) Все это построено на томъ же остроумiи и созвучiи, которое дѣйствуетъ въ лубочныхъ картинахъ: „Варшава—шершава;“ „Варшава, гдѣ живетъ бабушка шершава.“—6) Не по Русски: нужно „клокочилъ, всклокочилъ.“—7) Въ двухъ смыслахъ устроилъ, причесалъ, и—расчесалъ въ пухъ, разбилъ.

Какъ на дѣло гдѣ сойдутся [8])
Руской умъ да Руской Богъ:
Горы треснутъ—раздадутся,
Царства цѣлыя у ногъ!

(Старше всѣхъ у И. И. Дмитріева въ „Карманномъ пѣсенникѣ“ и имъ устроена. Называлась обыкновенно „забавною пѣснею“).

Сочинитель въ своемъ тонкомъ остроуміи, какъ говорится, „черезъ чуръ, зарапортовался,“ а подъ конецъ черезъ мѣру разхвастался. И литераторамъ а подавно солдатамъ, это было вовсе непонятно и дико. Потому для послѣднихъ явилась другая сочиненная пѣсня, къ сожалѣнію до насъ не дошедшая въ подлинномъ видѣ или мы не могли ея сыскать. Мы имѣемъ ее только въ „обратной“ передѣлкѣ, на народную:

2.

О томъ же. Суворовъ.

Какъ не туча находила
И не сильны дожди льють:
Графъ Суворовъ показался,
Полки въ Польшу съ нимъ идуть.
Онъ имѣлъ то повелѣнье,
Чтобы Польшу усмирить,
И не мудро угожденье,—
Взять Аршаву, покорить.
Гдѣ онъ шелъ скоро по Польшѣ,
Войско слѣдовало съ нимъ.
Какъ Аршавъ-городъ узнала,
Что Суворовъ къ ней идёть,
Воздохнул' тяжко Аршава,
Всѣ заплакали мѣстá:
««Лучше скрозь землй пройтить,
««Отъ Суворова уйтиты!»»

---

[8]) О Русскихъ *людяхъ* говоритъ напротивъ пословица, „Гдѣ двое къ дѣлу сойдутся, тамъ на вѣрно подерутся.“

Не туманъ съ войска поднялся
И военный грянулъ громъ:
Городъ ядрами покрылся,
Полчаса не видѣнъ былъ.
Намъ Суворовъ волю далъ,
Ровно три часа́ гулять:
Погуляемте, робята,
Намъ Суворовъ приказалъ!
За его выпьемъ здоровье,
Мы проздравимте его:
Здравствуй, здравствтвуй, графъ Суворовъ,
Что ты правдою живешь,
Справедливо насъ, солдатъ, ведешь!
Ты военностей [1]) не тужишь,
Радъ хочь въ воду и въ огонь;
Ты царицѣ вѣрно служишь!

(Записано П. В. К—мъ въ Новгородѣ 1834 г. Сент. 11, отъ солдата изъ Тульск. губерніи и уѣзда).

*

Какъ извѣстно по разсказамъ участниковъ осады и по непрерывному преданію, солдаты Суворова шли на приступъ Праги съ народною пѣснею, которую увидимъ цѣликомъ въ своемъ мѣстѣ:

Ахъ на что̀ бы огородъ [2]) городить,
Ахъ на что̀ было капусту садить?!
Ай лёли, ай люли́, люли, люли,
Ахъ на что̀ было капусту садить?!

* *

Возвращаясь еще разъ къ „пѣснямъ сочиненнымъ,“ сей часъ предложеннымъ, чтобы сказать объ нихъ заключительное слово, мы должны напомнить точку воззрѣнія, на которой основывалось сужденіе наше и высказанъ приговоръ объ нихъ: мы смотрѣли на отношеніе къ народу и народности, особенно къ народнымъ произведеніямъ изъ области историческаго пѣснотворчества. Съ этой стороны литературныя измышленія ниже всякой критики и практическаго примѣненія: они навязывались насильно, волею и неволею, продолжая, черезъ солдатъ, давленіе свое и на всю на-

---

[1]) Военностью, дѣломъ военнымъ.—[2]) Или: „На что было огородъ“..

родную массу; они становились на ходули, преувеличивали, наивно и просто—лгали, фальшивили дорогими чувствами, развивали напускной азартъ и непомѣрную самонадѣянность; они создавали привилегированную, невѣжественную, но вмѣстѣ гордую и презрительную къ низшимъ братьямъ корпорацію; они развращали нравственно, они отрывали себя отъ народа, народъ отъ себя, роя въ промежуткѣ бездну, на которую послѣ приходилось плакаться; они подрывали истинный, творческій и художественный, вкусъ, ускоряя паденіе и безъ того клонившейся къ ослабленію народной пѣсни. Строгость такого приговора, конечно не нашего, а историческаго, не колебима: но она справедлива будетъ лишь тогда, когда соединится съ полнымъ безпристрастіемъ.—Исторія народа, народнаго творчества, и само историческое устное пѣснотворчество—не есть еще *вся, цѣльная* и *всеобщая* исторія: напротивъ даже, мы доселѣ ведемъ исторію, живемъ исторически, собираемъ матеріалы по исторіи, изслѣдуемъ ее и пишемъ—вовсе минуя помянутый народный отдѣлъ, какъ часть и частное явленіе, а иногда и какъ мелочь, и какъ ненужное. Подъ взглядомъ сего рода *нашей* исторіи, „пѣсни сочиненныя" означеннаго вида не только представляютъ важный историческій *матеріалъ*, но даже *саму* исторію и даже замѣчательное *явленіе* ея или *произведеніе*: думаемъ, что положивши на это трудъ, единственно только намъ возможный при обиліи нашихъ средствъ, собравши несобранное доселѣ и отпечатавши съ объясненіями (хотя и не во всей еще полнотѣ), мы оказали порядочную посильную услугу, не одному только народному поэтическому слову. Въ самомъ дѣлѣ, въ представленныхъ образцахъ, такъ или иначе изложенная (а въ исторіи критика нужна повсюду), все-таки проходитъ передъ вашимъ взоромъ довольно полная исторія полувѣка завоеваній, славной Екатерининской эпохи, съ громкими лицами ея и именами. И исторія, самой фальшью своей часто, такъ сказать, правдивая, ибо правда пробивается насквозь, сквозь безграничныя торжества и навязчивые восторги: по мѣрѣ, какъ слово касается здѣсь устъ солдатскихъ и излетаетъ изъ чисто-солдатской груди, вы слышите въ немъ дѣйствительную богатырскую отвагу и храбрость, безпредѣльное мужество, вѣру въ Бога, въ народъ и въ себя, безграничное терпѣніе, готовность переносить все и вся ради высокой цѣли, дѣйствительную горькую долю—голода, жажды и бѣдности, хотя бы эту долю сочинители расхваливали какъ наше достоинство и преимущество передъ другими. Въ той же мѣрѣ пробивается вмѣстѣ и неподдѣльное Русское чувство, и вѣское народное слово, и юморъ, и наша иронія. Пользуясь симъ такъ или иначе, литература по необходимости должна была поддѣлываться, а поддѣлка хоть и не къ чести, но при ней по крайности приходилось вслушиваться, подмѣчать, перенимать. Какъ болѣе яркій примѣръ плодовъ сего, нужно указать на *размѣръ* стиховъ: послѣ Ломоносова, это совершенно новая эпоха, нигдѣ на другомъ поприщѣ литературы не предупредившая. Размѣръ сей именно есть тотъ, которому послѣ усвоено имя *народнаго* (хотя онъ есть собственно тысячная доля, тысячный видъ народнаго цѣлаго), которымъ увлекался

Державинъ и Шишковъ, пробовалъ писать Карамзинъ; изъ за него долго писали и спорили отъ Гнѣдича и Востокова, Уварова и Капниста, до Церетелева, Осталопова и Кубарева. Именно:

◡ ◡ - ◡ ◡ ◡ ◡ - ◡ ◡
Не спѣши ты, зима, съ морозами, и т. п.,

совершенно то же, что

◡ ◡ - ◡ ◡ ◡ ◡ - ◡ ◡
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,

◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ.

Литература, стало быть, исполняла здѣсь свою лучшую задачу—*сліяніе* устной и письменной области послѣ періода ихъ непосредственнаго совмѣстнаго жительства или исключительнаго противодѣйствія. Слѣдуетъ критиковать ея частные образцы порознь: но не смѣяться на нихъ и не простирать сужденій на цѣлое. Когда цѣлое все (почти) теперь передъ вами, когда оно объемлетъ значительный историческій періодъ, когда вспомнимъ что это пѣлось многими тысячами по землѣ Русской, иногда въ поддѣльномъ, но на чистую душу и въ искреннемъ восторгѣ, и шли съ этими звуками на исполинскіе подвиги, и покрыли съ ними славою память свою и отчизну, когда и кто видѣлъ, засталъ, какъ мы, хоры, продолжавшіе это пѣть черезъ пятдесятъ лѣтъ, съ одушевленіемъ Русскаго сердца и слезами на глазахъ,—тогда намъ всѣмъ это отнюдь уже не шутка. Кромѣ *народной* области есть еще *національная,* воспитанная въ кругозорѣ—какія есть—политическихъ идей и явленій, та область, въ которой большинствомъ мы живемъ, „люди образованные," скромно такъ называющіеся: вездѣ есть и была, и у насъ была и есть отвѣчающая сему „національная" литература, та, которой нынче спѣшитъ присягать вся публицистика. Не будь того, вспомнимъ, за время Екатерины, что же осталось бы тогдашнимъ современникамъ при разлагавшейся области народной, скудные образчики которой подобрали мы выше? И нынче, ради нея, еще болѣе оскудѣвшей, а отчасти и внезапно пополнѣвшей трудомъ собирателей и издателей, вскрывшихъ неожиданныя сокровища, и нынче, представьте, что ради нея отказались бы мы отъ Пушкинской группы „письменныхъ" поэтовъ или отъ романовъ и повѣстей нынѣ „народствующей" литературы, отъ тѣхъ явленій, которыя, по масштабу современнаго состоянія народной словесности, собранныхъ памятниковъ ея, вкуса и разумѣнія, стоятъ нисколько не выше, чѣмъ стояли „военныя сочиненныя пѣсни" относительно своей эпохи. И такъ, литература сего рода, на свой пай и на свое время, дѣлала и сдѣлала свое дѣло: это не только матеріалъ для чего ни будь, но и замѣчательное произведеніе само по себѣ.—Не имѣя времени и призванія спеціально сему отдаться, приглашаемъ послѣдователей для разработки такого любопытнаго и не початаго вопроса. Между прочимъ, мы нигдѣ почти не приводили именъ *сочинителей,* хотя они и навертывались или цитовались въ печати: истекало это изъ того убѣжденія, подтвержденнаго многими опы-

тами, что произведенія такія, возникая на почвѣ полународной, такъ сказать середней, носили и отпечатокъ, знаменующій произведенія народныя и имъ подобныя, то есть, личность сочинителя въ нихъ скоро забывалась, или вовсе царствовала безличность; потому многое, вставленное въ „сочиненія" извѣстныхъ нашихъ писателей, мы встрѣчали въ пѣсенникахъ годовъ гораздо болѣе раннихъ. Вопросъ здѣсь, стало быть, можетъ касаться только „исправленій" или „редакціи" (это совсѣмъ не то, что послѣдующія, на примѣръ, пѣсни, проникшія и въ народъ, но въ точности „написанныя" Нелединскимъ, Долгорукимъ, Мерзляковымъ, Дельвигомъ, Некрасовымъ). Ту же осторожность въ выводахъ мы рекомендуемъ и послѣдователямъ. Однако крайне будетъ интересно, если, подвергнувъ матеріалъ разработкѣ подробнѣйшей, они вскроютъ вновь нѣкоторыя имена сочинителей, года, мѣсто и ближайшее время сочиненія. То будетъ истинное пріобрѣтеніе для литературы, котораго отъ всей души ей желаемъ.

V.

Канты XVIII вѣка

послѣ Петра.

Обращаясь къ *Кантамъ*, мы переходимъ къ той, болѣе глубокой, ступени литературы, съ которой поднялись отчасти и „пѣсни сочиненныя“ XVIII вѣка. „Кантъ (Cantus),“ „Канта“ и „Кантычка“—Польская и Западно-руская форма того же самаго произведенія, которое извѣстно было у насъ въ древности подъ именемъ „Стиха.“ Оторвавшись отъ основы народной и сдѣлавшись плодомъ литературы искусственной, какая только могла развиться на Сѣверо-западѣ и Юго-западѣ Россіи, Канта вмѣстѣ съ тѣмъ отъ исконныхъ духовныхъ произведеній Церкви и отъ религіозныхъ преданій области народной естественно перешла къ изображенію „всякихъ“ торжествъ, сколько религіозныхъ, столько же общественныхъ, школьныхъ и даже политическихъ, военныхъ тріумфовъ и коронацій. На этой самой точкѣ стояла нѣкогда въ Западной Европѣ, при проснувшейся литературѣ XVII вѣка, такъ называемая „Ода:“ Ода же перешла и къ намъ, какъ первая форма для тѣхъ писателей-поэтовъ, которые воспитались новѣйшими иностранными образцами XVIII вѣка. Но, еще раньше того, съ XVII вѣка, хлынулъ къ намъ потокъ, въ источникѣ изъ Польши, въ ближайшемъ разливѣ изъ Западной Россіи, потокъ ея литературы искусственной, вмѣстѣ съ массою вліятельныхъ переселенцевъ, къ намъ прибывшихъ. Объ этомъ событіи и вѣковомъ вліяніи нами такъ много и подробно было уже говорено въ прежнихъ изданіяхъ и статьяхъ, что остается только отослать туда любопытствующихъ *). Нашъ собственный древній Стихъ (Carmen) не

---

*) При 4-мъ, 5-мъ и 6-мъ выпускѣ „Калѣкъ Перехожихъ,“ въ статьяхъ („Православнаго Обозрѣнія“) „О судьбѣ нотныхъ пѣвческихъ книгъ,“ „Юрій Крижаничъ,“ особенно „Знаменательные года..... въ исторіи Церковнаго Русскаго пѣснопѣнія (а отчасти и при другихъ нашихъ изданіяхъ).“ Къ сожалѣнію, въ послѣдней статьѣ, отъ выпуска цѣлой тирады изъ текста при печатаніи, произошла значительная несообразность на стр. 69—71. Говорится о дѣлахъ Елизаветы, продолжавшихъ начинанія Петровы, и въ

едался на приманку сей новой текущей литературы, чтобы подделываться и служить ея интересамъ: онъ остановился на старой ступени и почти кристаллизовался въ устахъ слѣпихъ пѣвцовъ съ прежнимъ народнымъ характеромъ, если только не успѣлъ попасть раньше въ рукопись и затвердѣть тамъ памятникомъ. За то цѣликомъ пересажены, восприняты и послѣдовательно развиты у насъ заносныя Канты (частиѣе „верши, вирши, псальмы“ и т. п.): судьба ихъ примѣненія, иногда даже въ подделкѣ подъ народный складъ или въ передѣлкѣ на древній ладъ, самая разнообразная **). Вліятельные владыки, проповѣдники и ораторы, архіерейскіе домы и подворья, духовныя (долго бывшія общими) школы, массы школяровъ, архіерейскіе, соборные и „вольные“ пѣвческіе хоры, семьи духовенства, отчасти раскольниковъ, и т. п., все это долго было для Кантъ и убѣжищемъ, и пристанищемъ, и мѣстомъ широкаго развитія, и учрежденіемъ пропаганды.—Съ этого же предѣла имѣла возникнуть и остальная наша, собственно—Великорусская литература, когда начала высвобождаться отъ клерикальности къ мірскому или свѣтскому характеру и не успѣла еще овладѣть блестящими, но слишкомъ еще новыми и занятыми издалека, тѣми формами письменной поэзіи, которыя такъ сказать брошены были въ образецъ и на удивленіе Россіи талантливымъ Ломоносовымъ. Долго, почти до 2-й четверти XIX вѣка, дѣйствовало послѣ обаяніе его Одъ и прочихъ подобныхъ формъ: но еще прочнѣе должно было утвердиться и дальше протянуться по племени сродное, по старой памяти Стиховъ привычное, воздѣйствіе Кантъ, къ тому же усильно втѣсняемыхъ навязчивыми выходцами Западной Руси: отсюда, въ страшномъ обиліи, всѣ эти, столь извѣстные,—„гимнъ, пѣснь (не пѣсня), преложеніе, размышленіе, гласъ, вопль“ и т. п., прямѣе и ближе,—по старой же памяти,—„Стихъ, Стихотвореніе.“ Изъ Versus у Западнихъ Славянъ и Русскихъ родился „виршъ“ и „вершъ,“ для обозначенія каждой стихорифмованной строки: у насъ, по вызову и возбужденію Кантъ, но по имени древнему, отвѣчавшему похожей области, названіемъ для цѣлаго произведенія утвердилось — „Стихотвореніе (Carmen),“ для отдѣльной строки и ряда строкъ—„Стихъ, Стихи.“ Ясно, что собственное начало всякого нашего Стихотворчества идетъ—отъ Стиховъ древнихъ по имени, отъ Кантъ по сущности, предмету и ближайшему употребленію. Самъ Ломоносовъ, при всей его рѣшительности, напоминавшей Петра и съ разу поставившей насъ въ глаза на глазъ передъ Западной Европой, въ ровень съ ея письменной поэзіей, минуя всѣ переходные мосточки образованности Западно-русской и Польской, самъ Ломоносовъ да-

---

томъ числѣ, за пересмотромъ Библейскаго текста, о пересмотрѣ текста нотнаго. Но далѣе, вслѣдствіе помянутаго выпуска, самое печатаніе нотныхъ книгъ, совершившееся *десять лѣтъ* спустя при Екатеринѣ, развязывается такъ, что ссылки на „императрицу“ незнающіе могутъ ошибкою отнести къ Елизаветѣ, вмѣсто Екатерины.

**) Подробнѣе см. тамъ же.

лено не чуждъ былъ направленія „стихотворческаго," истекавшаго изъ Кантъ: преемникъ ему въ лучшихъ и подлинныхъ чертахъ поэзіи, еще болѣе его склонился къ „кантическому" направленію Державинъ, а подавно уже Сумароковъ, Херасковъ и имъ подобные. Возбудительный источникъ такого вдохновенія и поддержка въ такомъ настроеніи были для каждаго слишкомъ близки и общи, кодъ бокомъ: весь XVIII-й вѣкъ не дремали, работали и дѣятельно подвизались на Великой Руси помянутые „духовные" родоначальники, покровители, приверженцы и создатели всяного рода Кантъ. Для литературы дальнѣйшей, если не желала она замереть, выходъ отсюда, изъ заколдованнаго круга—то иностранныхъ образцовъ, то возращенныхъ дóма стихоплетствъ кантическихъ, взаимно скрещавшихся, возможенъ былъ только *на единственномъ пути*: по мѣрѣ обращенія, какъ говорятъ нынче, къ національности, а лучше и прямѣе, и черезъ нее саму,—по мѣрѣ искренняго сближенія съ народомъ, народнымъ словомъ и пѣснотворчествомъ, или, еще иначе, по мѣрѣ возвращенія заблудшаго сына къ своему родному и исконному. Литературѣ, ей первой и передовой, предстояло совершить сію великую задачу и сослужить эту Русскую службу, со всѣми, уже обильными, ея средствами, съ письмомъ и печатью, со школьнымъ правиломъ и образованнымъ вкусомъ, съ помощію тысячелѣтнихъ преданій и опытовъ, которые не улетучивались въ воздухѣ вмѣстѣ съ устнымъ словомъ и груднымъ звукомъ (какъ это было у народа), напротивъ бережно копились и уцѣлѣли въ массѣ прочныхъ письменныхъ памятниковъ. Но такое широкое дѣло требовало, разумѣется, не узкаго кабинета: до развитія новѣйшей общественности, оно шло весьма туго подъ перомъ даровитыхъ, но сидячихъ и кабинетныхъ, нашихъ писателей-поэтовъ, не смотря на тотъ убѣдительный признакъ и внушительный урокъ, не всегда лишь, къ сожалѣнію, сознававшійся, что все лучшее у сихъ художниковъ и весь ихъ успѣхъ зависѣли единственно отъ степени сближенія ихъ съ народомъ и вѣковѣчными образцами его творчества въ преданіи, словѣ, сказаніи, пѣснѣ, сказкѣ, пословицѣ, игрѣ, обрядѣ, обычаѣ и бытѣ. Чтобы шагъ къ перевороту былъ твердъ и рѣшителенъ, нужно было какое ни будь поле пошире: вызовъ попрактичнѣе, побужденіе пожизненнѣе, интересъ почувствительнѣе, голосъ погромче. Это и совершилось первый разъ на полѣ битвъ, въ обаяніи военной славы, черезъ среду геройскую и солдатскую. „Пѣсни сочиненныя" были именно здѣсь первымъ крутымъ поворотомъ, самою яркою звѣздою возрожденія, не замедлившею увлечь и самихъ писателей, и ихъ письменную поэзію, и всякое творчество ихъ слова, и литературный оборотъ всякого слова: вотъ почему, опять, мы должны привѣтствовать сію эпоху какъ дѣйствительную эру. Лѣтъ черезъ 40, когда такое направленіе перешло въ XIX-й вѣкъ и начало питаться соками патріотизма Отечественной войны, хорошее и благодарное дѣло опять было затянулось и завяло подъ руками обильныхъ безталанныхъ писакъ; но пропáсть оно не могло, для безплодности было уже слишкомъ поздно: „Пѣсни сочиненныя" связались тѣсно съ „Пѣсенниками," игравшими

столь важную роль, о которой вскорѣ скажемъ подробнѣе; тѣ и другіе затронули прямо сферу „народную," частію ее эксплоатировали, частію, отвѣдавши ее и сроднившись, совсѣмъ были завлечены ею; началось собираніе народныхъ памятниковъ, открытіе, печатаніе, изслѣдованіе,—и—дѣло рѣшилось, дѣло подготовилось къ торжеству — уже не одного пѣснотворчества устнаго, а „литературы народной,"—понятія и слова доселѣ почти несовмѣстимыя,—по крайности въ лучшихъ ея представителяхъ, хотя бы доселѣ рѣдкихъ, или извѣстныхъ одними „опытами." Не забѣгая впрочемъ такъ далеко впередъ, и прежде еще всего этого, благополучно совершившагося на глазахъ нашихъ,—заглазно и до насъ, повторяемъ, уже рѣшенъ былъ переворотъ литературы.—Намъ понятны теперь связи и отношенія „народнаго" творчества къ „сочиненному," а старше и выше—связи подобнаго сочиненія какъ со „стихотворствомъ кантическимъ," такъ и съ „иностранными образцами," привитыми помощію перевода или счастливаго подражанія со временъ Ломоносова. Одно вытекало изъ другаго и другъ за другомъ послѣдовало, либо другъ друга смѣняло. Понятно также, что Канты всего болѣе процвѣтали при Петрѣ (онѣ и отпечатаны нами въ порядочномъ обиліи при 8-мъ выпускѣ) или непосредственно въ слѣдъ за нимъ: то была жаркая пора ихъ ревностнаго нововведенія у насъ; онѣ были тогда единственны на широкомъ полѣ „художественной" литературы, не встрѣчая себѣ соперниковъ; онѣ звучали громко и—не безъинтересно, ибо забрали себѣ изображеніе не только тріумфовъ и коронацій, но и текущихъ побѣдоносныхъ событій, сдѣлавшись своего рода Кантами „Историческими," подобно какъ „историческая сочиненная пѣсня," какъ „историческое пѣснотворчество народа;" рѣчь ихъ была оригинальна и внушительна, уснащенная Церковно-Славянскими формами, не только почтенными для всей нашей древней письменности, но и обновленными, и воссозданными, и обогащенными талантомъ церковныхъ тогдашнихъ витій, школъ духовныхъ, или хоть одного такого писателя, какъ краснорѣчивый Димитрій Ростовскій. Не то уже было съ Анны, а особенно при Елизаветѣ: явились счастливые соперники—иностранные образцы въ примѣненіи, переводѣ или передѣлкѣ; Канты продолжаются, но уже слабѣютъ, теряя самое содержаніе или приложеніе „историческое," захваченное теперь Одами, похвальными Рѣчами и зарождавшеюся Военною пѣснею, напротивъ по необходимости ограничившись одними тріумфами и торжественными возгласами на праздникахъ, всѣмъ этимъ безконечнымъ „ликовствуемъ, торжествуемъ, ясно, согласно." И формы ихъ, чувствовалось, ветшаютъ, и образы повторительны, и полуцерковная славянщина тяжела, и рѣчь не внятна, натянута, школярна. Еще шагъ—и раздались громко сочиненныя военныя пѣсни: Канты совсѣмъ присмирѣли, начали смолкать или прятаться по уголкамъ, куда не проникалъ звукъ славнаго оружія, да по кабинетамъ, которые продолжали „стихотворствовать" въ прежней узкой мономаніи. При Екатеринѣ, наконецъ, Кантъ уже вовсе мало, почти нѣту: учитель Павла, митрополитъ Платонъ былъ послѣднимъ ихъ настойчивымъ ревнителемъ и

покровителемъ, на сценѣ болѣе или менѣе юбилейной. Это все мы сейчасъ увидимъ и провѣримъ на самихъ образцахъ. Кантическіе приверженцы думали еще послѣ того спастись отчасти рутиною, отчасти подделкою подъ наступившую эру новыхъ патріотическихъ торжествъ, новыхъ военныхъ „пѣснопѣній“ 12-го года: но ихъ била свѣтская общественность, которой присягнули Карамзинъ, Жуковскій и Пушкинъ; ихъ била всеобщность искусства, связующая всѣ народы и сказавшаяся у насъ усвоеніемъ въ переводѣ или передѣлкѣ Западныхъ Европейскихъ образцовъ; ихъ била національность, не та, что подслащалась литературою, а та, что тянула къ практической дѣятельности и къ политической жизни, заговорившей новымъ языкомъ газетъ и журналовъ; а больше всего ихъ била и убила народность, сама ли воспрянувшая дивными памятниками во очію, проникшая ли въ художественную литературу и здѣсь воцарившаяся.

Итакъ, будемъ снисходительны и во всякомъ случаѣ любопытны къ битымъ и добитымъ, нынѣ лежачимъ, столь недавно еще торжествовавшимъ:

Анна.

1.

Да здравствуетъ днесь императриксъ [1] Анна,
На престолѣ сѣдши, увѣнчáнна!
Се благодать [2] всѣмъ отъ небесъ вѣется,
Что днесь вѣнцемъ Анна вяжется [3].
Небо все нынѣ весело играетъ,
Солнце на немъ лучше катаетъ [4],
Вѣчные въ брегахъ станутъ своихъ токи,
Выбѣгутъ всѣ мерзки пороки.
Прочь всѣ отсюду, враждебныя ссоры:
Анна краснѣйша ауроры.
Торжествуйте всѣ, Россійсти народы:
У насъ идутъ златые годы,
Имѣемъ мы днесь радость учрежденну [5],
Повсюду словно разнесенну!

Да здравствуетъ днесь императриксъ Анна,
На престолѣ сѣдши, увѣнчáнна,
Краснѣйша солнца и звѣзда сіяюща нынѣ
Въ императорскомъ чинѣ,

---

1) Императрица.—2) Значеніе имени Анны.—3) Увязается, вѣнчается.—4) Катится.—5) Пиршескую.

Да здравствуетъ на многа лѣта
Порфирою златою одѣта!
Бѣгутъ къ намъ изъ всей мочи Сатурновы вѣки:
Радуйтесь, человѣки!
Миръ, обиліе, щастье полно
Всегда будетъ у насъ довольно.
Земля при Аннѣ вездѣ плодовита будетъ
И всякъ нужду избудетъ [6]).
Воздухъ всегда въ Россіи здравый:
Перемѣнятся злые нравы.
Правда, благочестіа Анну окружаютъ [7]),
Тѣмъ Анну прославляютъ.
Любовь къ подданнымъ, судъ и милость
Изъ всѣхъ сердецъ гонятъ унылость,
Всѣхъ въ любовь себѣ сердца преклонила вѣчну [8]):
Вѣрность имутъ сердечну.
Всѣ почитаютъ должно Анну,
Самодержицу Богомъ данну.
Воспріимемъ съ радости полные стаканы,
Мы, вѣрные граждáны!
Восплещемъ громко и руками,
Заскачемъ весело ногами [9])!
Анна надъ Россіею воцарилась всею,
Признаютъ всею душею.
То-то есть прямая царица,
То-то бодра императрица,
Краснѣйши солнца и звѣздъ сіяющи нынѣ
Въ императорскомъ чинѣ!
Да здравствуетъ на многа лѣта
Порфирою златою одѣта!

*

2.

Торжествуй, Россія, съ воиномъ преславнымъ [1]),
Егда есть вѣнчанна орломъ двоеглавнымъ!
Съ небеси корону царственныя силы
Мы подъ щитомъ твоимъ людіе пожили [2]).

---

[6]) Избавится отъ нужды.—[7]) Если это не наивность, то вѣроятно полное невѣдѣніе.—[8]) Въ любовь вѣчну.—[9]) Любопытно представить въ этомъ положеніи [illegible] покровителей Канта.

[1]) Остатокъ памяти о торжествахъ побѣдителя Петра.—[2]) Мы, люди, подъ щитомъ твоимъ, получили (чрезъ тебя) съ неба корону царственной силы.

Нашей императрицѣ сице возоніемъ,
Анна есть камень вѣры, зри, что возглаголемъ:
„Императрицѣ нашей даждь скипетромъ владѣти [3]),
„Многа лѣта жити,
„Врага побѣдити,
„Виватъ, виватъ, виватъ!"
Мы вси днесь непрестанно, усердно,
Звѣствуемъ [4]) императрицѣ
Радость, привѣтствуемъ сице:
„Виватъ, виватъ, виватъ!
„Днесь, царица Россійская, торжествуй преславно:
„Се ти есть данно,
„Требѣ [5]) вѣнчанно!
„Виватъ, виватъ, виватъ!"

*

3.

Прочь уступай, прочь,
Печальная ночь [1]):
Солнце всходитъ,
Свѣтъ возводитъ,
Свѣтъ возводитъ,—
Радость рóдитъ.
Колкій у насъ мразъ
Вызъ и ужáсъ!
Солнце Анна возсіяла,
Свѣтлый намъ день даровала.
Богомъ вѣнчáнна,
Авгýста Анна,
Ты нашъ ясный свѣтъ,
Ты и красный цвѣтъ,
Ты добрóта,
Ты красóта,
Ты веліе
Веселіе!
Твоя держава—
Наша то слава!

---

[3]) Читай: „владити (Малорусское произношеніе)."—[4]) Возвѣщаемъ.—[5]) Какъ слѣдуетъ, какъ нужно и необходимо.

[1]) Начало многихъ, и старшихъ Кантъ, въ разномъ примѣненіи.

Да вознесетъ Богъ
Силы твоей рогъ,
Враги твоя побѣждая,
Тебе въ бѣдахъ заступая!
Рцыте, вси люди:
„О буди, буди ²)!“

*

4.

Тріумфуй свѣтло, Сіоне избра́нный,
Свыше отъ Бога обрадова́нный!
Слава твоя днесь исходитъ ясна:
Императрица во славѣ красна.
Красуйся днесь, царская порфира,
Ликуй, веселися, христіанская вѣра ¹)!
Торжествуй свѣтло, Сіоне новый,
Украси златомъ стѣны и вcѣ кровы:
Алчнымъ людемъ дадеся манна,
Намъ же днесь государыня Анна!
Тако пребуди невредима во вѣки,
Сіяюща между человѣки.
Слава ея днесь процвѣтаетъ,
На главѣ вѣнецъ свѣтлости блистаетъ;
Скипетръ держащи во своей десницѣ,
Анна дражайша въ монаршемъ ли́цѣ ²).
Что́ Тебѣ, Творче нашъ, принесемъ
О дни днесь о торжественномъ семъ?
Велій Богъ нашъ, Ты еси съ нами,
Прославленъ буди во вѣки нами!
Прослави славно ея корону
Во общу славу и оборону!
Яко отъ Тебе сія намъ данна
Императрица славная Анна.

---

²) Впослѣдствіи та же Канта передѣлана на Елизавету со слѣдующими измѣненіями:

Солнце *нынѣ* возсіяло,
Свѣтлый намъ день даровало
Богомъ вѣнчанна Августа
Елисаветъ
Ты нашъ ясный свѣтъ. И проч.

¹) Читайте „вира.“—²) Когда она въ ликѣ, въ сонмѣ и числѣ монарховъ.

Возопіемъ вси днесь согласно,
„Вйватъ" Императрицѣ глаголемъ ясно.
Ликуй, преславна и пресильна,
Ликуй, Росія, отъ всѣхъ едина:
Мы за сіе радость ти приносимъ,
„Вйватъ, виватъ," отъ Бога ти просимъ.
Осіянна свыше свѣтомъ отъ Бога,
Царствуй мирно на лѣта многа!
Многа лѣтъ, многа лѣтъ, на многая лѣта!

* *

Елизавета.

1.

Да здравствуетъ днесь императрикс Елисаветъ,
На престолѣ сѣдши, увѣнчанна!
Се благодать всѣмъ отъ небесъ ліется:
Елисаветъ вѣнцемъ вязется.
И прочее.

Это передѣлка одной и той же Канты съ Анны на Елизавету, столь поспѣшная, что даже не измѣнила перваго стиха въ риему (прежде „Анна—вѣнчанна").

*

2.

Вйватъ преславна, Самодержавна,
Благостей дверь,
Елисавета На многа лѣта,
Петрова дщерь, Петрова дщерь!
Виватъ возшедша Чрезъ Бога ведша
На Россій тронъ;
Ничто безбѣдно, Ибо наслѣдно [1]):
Ея былъ онъ, Ея былъ онъ!
Виватъ толь щедра, Для утѣхъ вѐдра [2]),
Подданнымъ всѣмъ:
Винныхъ простивша, Свѣтъ удививша
Безмѣрно тѣмъ, Безмѣрно тѣмъ.

---

[1]) Бѣдъ тутъ не было, ибо тронъ наслѣдственный.—[2]) Въ радости ясной.

Виватъ желанна, Ужь увѣнчанна
Драгимъ вѣнцемъ,
Скипетръ, державу Носяща въ славу,
Красна лицемъ, Красна лицемъ!
Виватъ подда́нства, Всего гражда́нства
Честь-красотá,
И благородства, И полководства
Щитъ-высота, Щитъ-высота!
Виватъ для чина [3]), Коимъ едина
Вѣра цвѣтетъ:
Елисавета Духовна свѣта
Отъ нихъ всѣхъ ждетъ, Отъ нихъ всѣхъ ждетъ!
Виватъ, котору Мы въ сію пору
Должно поемъ:
Здравствуй, дѣвица, Императрица,
Для всѣхъ при семъ, Для всѣхъ при семъ!

*

3.

Златые вѣки нынѣ наступили,
Златую радость всемірно явили
Входомъ [1]) дивныя Елисаветъ сущи,
Во славѣ цвѣтущи.
Тá виновница радости толики:
Брицайте днесь, вси тимпаны и лики [2])!
Прочь всѣ отсюду, враждебныя ссоры,
Во дальныя горы [3])!
Бѣжите скоро, Россійсти народы,
Уже златые настали намъ годы;
Вплещемъ весéло и громко руками:
Царствуетъ надъ нами!
Гряди, гряди днесь, мати всего царства,
Ты вожделѣнна Русска государства:

---

[3]) Духовнаго.—[1]) Вступленіемъ (на престолъ).—[2]) Варіантъ за симъ:
„Усрѣтающи монархиню славну,
Отъ Бога вѣнчанну."—

[3]) За симъ варіантъ:
„Ощутили мы радость учрежденну,
Сюду и сюду тую вознесенну."

Возопіемъ вси днесь согласно,
„Виватъ“ Императрицѣ глаголемъ ясно.
Ликуй, преславна и пресильна,
Ликуй, Росіа, отъ всѣхъ едина:
Мы за сіе радость ти приносимъ,
„Виватъ, виватъ,“ отъ Бога ти просимъ.
Осіянна свыше свѣтомъ отъ Бога,
Царствуй мирно на лѣта многа!
Многа лѣтъ, многа лѣтъ, на многая лѣта!

* *

Елизавета.

1.

Да здравствуетъ днесь императрикс Елисаветъ,
На престолѣ сѣдши, увѣнчанна!
Се благодать всѣмъ отъ небесъ ліется:
Елисаветъ вѣнцемъ вяжется.
И прочее.

Это передѣлка одной и той же Канты съ Анны на Елизавету, столь поспѣшная, что даже не измѣнила перваго стиха въ риему (прежде „Анна—вѣнчанна“).

*

2.

Виватъ преславна, Самодержавна,
Благостей дверь,
Елисавета На многа лѣта,
Петрова дщерь, Петрова дщерь!
Виватъ возшедша Чрезъ Бога ведша
На Россійскій тронъ;
Ничто безбѣдно, Ибо наслѣдно [1]):
Ея былъ онъ, Ея былъ онъ!
Виватъ толь щедра, Для утѣхъ вѣдра [2]),
Подданнымъ всѣмъ:
Винныхъ простивша, Свѣтъ удививша
Безмѣрно тѣмъ, Безмѣрно тѣмъ.

---

[1]) Бѣдъ тутъ не было, ибо тронъ наслѣдственный.—[2]) Въ радости ясной.

Виватъ желанна, Ужь увѣнчанна
Драгимъ вѣнцемъ,
Скипетръ, державу Носяща въ славу,
Красна лицемъ, Красна лицемъ!
Виватъ подда́нства, Всего гражда́нства
Честь-красота́,
И благородства, И полководства
Щитъ-высота, Щитъ-высота!
Виватъ для чина [3]), Коимъ едина
Вѣра цвѣтетъ:
Елисавета Духовна свѣта
Отъ нихъ всѣхъ ждетъ, Отъ нихъ всѣхъ ждетъ!
Виватъ, котору Мы въ сію пору
Должно поемъ:
Здравствуй, дѣвица, Императрица,
Для всѣхъ при семъ, Для всѣхъ при семъ!

*

3.

Златые вѣки нынѣ наступили,
Златую радость всемірно явили
Входомъ [1]) дивныя Елисаветъ сущи,
Во славѣ цвѣтущи.
Тá виновница радости толики:
Брцайте днесь, вси тимпаны и лики [2])!
Прочь всѣ отсюду, враждебныя ссоры,
Во дальныя горы [3])!
Бѣжите скоро, Россійсти народы,
Уже златые настали намъ годы;
Вплещемъ весéло и громко руками:
Царствуетъ надъ нами!
Гряди, гряди днесь, мати всего царства,
Ты вожделѣнна Русска государства:

---

[3]) Духовнаго.—[1]) Вступленіемъ (на престолъ).—[2]) Варіантъ за симъ:
„Усрѣтающи монархиню славну,
Отъ Бога вѣнчанну.“—

[3]) За симъ варіантъ:
„Ощутили мы радость учрежденну,
Сюду и сюду тую вознесенну.“

Тебѣ радостно быти вси желали [4]),
Но и ожидали!
Тобою вси къ намъ тріумфы приспѣли,
Тобой златыя времена наспѣли;
Теперь, Россія, не престай брящати
И совосклицати:
„Боже всесильный, въ тріехъ ипостасехъ,
„Управи престолъ, возносимый въ гласѣхъ,
„Императрицы Елисаветъ славны,
„Отъ Бога вѣнчанны [5])!“
Виватъ вѣнчанна, виватъ вознесенна,
Виватъ преславна, виватъ предпочтенна,
Виватъ, виватъ, днесь усты восклицаемъ,
Много лѣтъ желаемъ!

*

4.

Вселенная торжествуетъ,
Что Россія господствуетъ;
Вси едиными поютъ гласы,
Новымъ вѣнцемъ покрывъ власы (2: дважды).
Торжество днесь се ново,
Россіаномъ слышать [1]) слово:
Новымъ вѣнцемъ покры главу [2]),
Нову Россомъ носитъ славу (2).
Любимая чадомъ мати,
Юже зволи Богъ вѣнчати,
Подъятъ труда зѣло много
За отечество и за Бога (2).
Мзду воспріятъ—вновь корону,
Честно взыде на холмъ трону [3]):
Россійская виватъ мати,
Яко зволи честь пріяти (2)!
На престолѣ посажденна,
Во вѣкъ Россія проявленна,
Льва зіанца [4]) укротила,
Гнѣздо орлу [5]) умягчила (2),

---

[4]) Всѣ радостно желали тебѣ быть царицей.—[5]) Славной, отъ Бога вѣнчанной.

[1]) Слышно (какъ „видать“—видно).—[2]) Императрица.—[3]) На возвышеніе трона.—[4]) Зіяющаго; Швецію.—[5]) Пруссія.

Гордой луны [6]) сотрй рóги,
Подъ христіанъ мещетъ нóги.
Вси радостно торжествуйте,
Вѣнчанную привѣтствуйте (2):
„Россійская виватъ мати
„Божественной благодати,
„Виватъ, виватъ многа лѣта,
„Покú [7]) станетъ всего свѣта [8]) (2)!“

*

5.

Россіе, торжественно благоукрасйся,
Во радости премнозѣ (2; дважды),
Днесь возвеселися (2):
Яко дадеся тебѣ сугуба корона,
Елисаветъ предрагая (2),
Россійскаго трона (2),
Соединенна купно союзомъ добрóты
И увѣнчанна вѣнцемъ (2)
Божія красóты (2).
Петръ величайшей прежде отецъ благодати:
Днесь же Елисавета (2)
Россійская мати (2),
Короною вѣнчáнна Россійскія державы,
Въ порфиру облеченна (2)
Безсмертныя славы (2).
Тѣмже вси днесь въ тимпаны, въ гусли ударяйте,
Въ лйцѣхъ и органѣхъ (2)
Свѣтло восклицайте (2):

---

[6]) Турція.—[7]) Пока.—[8]) Свѣтъ весь стоитъ: пока хватитъ всего свѣта.— Подобная Канта, болѣе краткая, составлена была и раньше на коронацію:

Слава Богу всемогущу,
Въ тріехъ ипостасѣхъ сущу:
Благосердъ намъ зрится быти,
Надъ рабами милость явити.
Днесь вселенна торжествуетъ,
Что Россія господствуетъ:
Елисаветъ воцарися,
Новымъ вѣнцемъ одарися!

„Вйватъ Елисавета, виватъ наша мати,
„Виватъ державствующи (2)
„Въ Божьей благодати!
„Виватъ Елисавета, виватъ въ концѣхъ свѣта,
„На престолѣ сѣдяща (2),
„На многая лѣта (2)!“

*

6.

Воспоемъ пѣснь нову (2) Господеви Богу,
Яко даровалъ есть (2) Намъ радость премногу,
Увѣнчавъ нову Есѳирь вѣнцемъ славы (2),
Посадивъ на ѳронѣ Россійской державы (2).
Органы съ псалтири (2) Благовосклицайте,
Цесареву Росску [1] (2) Вси днесь величайте,
Пѣсни тріумфальны Оной приносяще (2),
„Вйватъ многа лѣта,“ Весело гласяще (2)!
Виватъ, виватъ, виватъ (2) Въ вѣкъ Елисавета,
Виватъ цвѣтъ чистѣйшій (2) Благовонна крина [2])!
Виватъ вѣнецъ славы И скипетръ носяща (2),
Виватъ на престолѣ Россійскомъ сѣдяща,
Виватъ, виватъ, виватъ Этъ бене виватъ [3]),
Виватъ, виватъ, виватъ Этъ бене виватъ!

*

7.

Боже триипостасный, въ Троицѣ хвалимый,
Отъ ангелъ славймый!
Пріими отъ насъ земныхъ пѣніе хвалебно,
Дабы Тебѣ было и сіе потребно.

---

[1]) Варіантъ „Монархиню нашу.“ За симъ начало слѣдующаго: „Како возвеличимъ мы ее достойно?“—[2]) Очевидно, по риѳмѣ, что здѣсь должна быть „Екатерина.“ Это мы приводимъ какъ курьёзъ, въ примѣръ передѣлки Кантъ съ одного имени на другое; первоначально же къ Елизаветѣ обращены были по рукописямъ слѣдующіе стихи:

Виватъ Дѣвица (2), днесь Императрица,
Виватъ Елисаветъ (2), благовонный цвѣтъ.

[3]) et bene vivat.

Ты Царю Творче, предвѣчный Боже,
Начати сіе дѣло [1]) Ты поможе [2])!
Который рабъ Твой желаетъ начати,
И честно предъ Тобою хощетъ окончати [3]).
Снидитеся скоро, вси окрестны страны,
Несите съ собою согласны орга́ны:
Радостно взыграйте орлу двоеглавну [4]).
„Ви́ватъ, виватъ,“ воспоемъ согласно,
„Ви́ватъ, виватъ,“ кликнемъ велегласно [5]).

Радуйся славно
Богомъ вѣнчанна,
Елисавета предивна!
Наша монархиня дивна
Дѣлаетъ смѣло
Честное дѣло!
Виватъ, виватъ!

*

8.

Гряди нашъ свѣтъ, Елисаветъ,
Во градъ самодержавный, Петромъ осно́ванный,
Великій во вѣки [1]).
Гряди смѣло [1]), всещастливо,
Гряди, о всѣхъ Мати, полна благодати,
И лицемъ, и сердце́мъ
Гостья вожделѣнна, радость презѣльна,
Милости пучина, доброта едина,
Красота и слава, гряди мирна, здрава,
Въ домъ наслѣдный [2]),
Въ день сей велій, полнъ весе́лій,
Мvромъ освященна, порфирой почтенна,
За многу честь къ Богу,
За любовь къ отчизнѣ во всей твоей жизни,

---

[1]) Дѣло воцаренія.—[2]) Второе лицо: ты помогъ.—[3]) Окончитъ.—[4]) За симъ пропускъ одного стиха въ нашихъ экземплярахъ.—[5]) За симъ припѣвъ ко всей Кантѣ; разный размѣръ стиха и напѣва обыкновенно сбивалъ пѣвцовъ, а еще болѣе издателей въ печати.

[1]) Читайте: „вики; смило.“—[2]) Ниже см. риөму „бѣдный.“

За то, что навѣты, толь многими лѣты,
Храбро всѣ терпѣла [3]), пока свободила
Народъ бѣдный!
Ибо міръ весь славится днесь [4]),
Ты бо страхи и замахи
Всѣ прочь отвратила, вѣкъ возобновила
Сладчайшій, дражайшій,
Въ которомъ побѣды—Петровы слѣды,
Надъ Львомъ новымъ [5]), безъ пролитой крови,
Дщерь Екатерины,
Щастьемъ то единымъ.
Гряди убо, и сугубо,
Какъ Петръ, твой родитель, пресл авный владѣтель [6]),
Наляцай, успѣвай [7]),
И надъ люди буди-буди
Царствуяй пресильно, вездѣ, безпредѣльно [6]),
Богато и свято.
И всѣ тебѣ чини, мати благостыни,
Старые и млады, родители съ чады,
Въ срѣчу исхождая, слѣды лобызая,
Всѣ желаемъ!

*

9.

Приспѣ день красный, возсіяло вѐдро:
Милость Россіи небеса прещедро
Давно желанну зрѣти показали.
Прочь всѣ печали!
Изо всѣхъ сторонъ весело смотрѣти [1]):
Вдругъ сталъ свѣтъ дивный свѣтити [2]),
Се премѣнися вѣтръ [3]) зимній хладный
Въ зефиръ прохладный,
Аки полу́день полунощь сіяетъ,
Самая стужа плоды намъ являетъ.

---

[3]) Чит. „терпила.“—[4]) За симъ въ варіантѣ безтолковщина:
Что какъ тя вину
Зрѣти не може никто же.
[5]) Шведомъ.—[6]) Чит. „владитель; безпредильно.“—7) Изъ псалма.

[1]) Чит. „смотрити.“—[2]) Вар. „на свѣтѣ;“ „свѣтъ дневный свѣтити;“ „свѣтъ дивный и свѣтъ озаренный;“ „свѣтъ дивно власть свою имѣти.“—) „Все премѣнися, и вѣтръ.“

Такъ Богъ содѣла, Россовъ озаряя,
Вся созерцая [4]).
Не одно, ни два, но многая лѣта
Все дождь проливалъ и не было свѣта;
Тако жь и пучина и слезъ безъизвѣстна [5]),
Богу извѣстна:
Сей Единъ свыше видѣлъ всѣ печали,
Въ нихъ же кто призрѣлъ, вси далече стали,
Сéрдца и жизни хотя не щадяще,
Умрети хотяще [6]).
А теперь тая гдѣ туча презѣльна?
Нѣтъ аквилона, ярость ужь безбѣдна [7]),
Зло, видишь, знати не мощно: дорóги
Сдѣланы многи [8]).
Тогда [9]) Богъ велѣлъ вѣтромъ умолчати,
Тишина стала: кто моглъ противъ стати?
О перемѣна! Богъ достойну выну
Вознесъ едину.
Буди же Богомъ въ вѣкъ благословенна,
Чрезъ Его милость дѣломъ совершенна!
Се человѣки назвалъ достойнымъ
Стадомъ избрáннымъ [10]).
Буди и ведро на всегда [11]) сіяя,
Императрица, Петра дщерь драгая!
Свѣтъ, наша мати [12]), присѣщай, отрада,
Россійскія чада!
Свѣтло встрѣчаемъ, свѣтло восклицаемъ,
Твой, Елисаветъ, скипетръ, всѣ желаемъ [13]),
Да правитъ Россовъ въ несочтенны годы,
Въ роды и роды!

(Много варіантовъ; между прочимъ одинъ, вставленный и у насъ, въ день въѣзда Императрицы въ Москву пѣтъ былъ воспитанниками Славяно-Греко-Латинской Академіи, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ вѣнками на головахъ и лавровыми вѣтвями въ рукахъ, на Никольской передъ воротами, когда

---

[4]) „содѣлалъ, Россовъ одаряяй, Вся созерцаяй"—[5]) „Така жь пучина И слезъ бѣ безмѣстна."—[6]) оконч. *щи*.—[7]) Безъ бѣдъ.—Вар. „бездѣльна."—[8]) Испорчено.—Вар. „За обиды жь знать Не мóщно дорóги Здѣланны многи."—[9]) „Когда"—[10]) „Буди же Бога Въ вѣкъ благословенно Имя, иже се дѣло совершенно, Со человѣки, Христовымъ названнымъ Стадомъ избраннымъ."—[11]) „во всегда."—[12]) „Свѣтъ нашъ, о Матерь."—[13]) „всрѣтая, восклицая;" „скипе тръ свѣтлъ желаемъ."

мимо ѣхала государыня. Помѣщенъ въ „Обстоятельномъ описаніи“ коронованія, С. П. Б. 1844, folio).

*

10.

Днесь торжествуйте вси купно нынѣ [1])...
Всякъ веселися, что воцарися
Императрица, самодержица,
Крестною силою, Христовой вѣрою [2]),
Едина матерь...
Хвалима буди, убо пріяла за своя трýды
Чего желала...
Да узримъ прекрасну, надъ всѣми ясну
Елисавету самодержйцу надъ нами...
Со славою честно, вси нелестно
Сынове—„Виватъ,“
Съ Россіей Россы, юже мати
Изволи Творецъ послати,
Виватъ на лѣта, на многа лѣта!

*

11.

Торжествуй, непорочна
Церковь Россовъ восточна,
Зря дни пріятны, дни благодатны,
Вѣкъ щастлйвой, вѣкъ всѣмъ видúмой.
Твоему вертограду
Тщится выну ограду
Распространяти Авгýста [3]) мати,
И се успѣлъ уже предѣлъ.
Прицѣпляется нова
Въ немъ вѣтвь, расти готова:
Чистится лоно земли, чтобы óно
Было не косно, плодоносно.
Терніе не угодно,
Съ нимъ и волчецъ, всё безплодно,

---

[1]) По излишней длиннотѣ многое выпускаемъ.—[2]) Чит. „вѣрою.“
[3]) Августѣйшая.

Прочь-прочь бываютъ, да не враждаютъ
Шипки красны, красны-ясны.
Источники свободны
Лить струи многородны:
Не чѣмъ препяти воду истощати
Во прохладу вертограду.
Зимы нѣтъ, Фебъ твой выну
Творитъ весну едину:
Лѣсъ стройнѣ крыетъ, древо не ныетъ,
Всегда цвѣты можно зрѣти.
Матерь убо державы
Торжествуя прослави,
Чудну въ порфирѣ проповѣждь въ мірѣ
Елисаветъ, полнъ Петра цвѣтъ!

*

12.

Россійская слава повсюду летаетъ,
Тріумфы многи всѣмъ днесь составляетъ,
Вѣнчанну (3) всѣмъ хвалитъ и величаетъ:
Виватъ Елисавета на многа лѣта [1])!...
Емуже со страхомъ припадемъ подъ нозѣ,
Да веселимся о Тебѣ вся, Бозѣ [2]):
Соблюди державу нашей днесь царицы,
Императрицы,
Еяже возлюбилъ есь [3]) и сохранилъ днесь,
На многая лѣта!

*

13.

Торжествуй, Россійска земля, ликуй, веселися:
Се бо днесь мати твоя вѣнцемъ украсися,
Порфирою, и виссономъ, и златыми рясны;
Пой гимны красны, пой гимны красны!
Не такъ солнце сіяетъ на широкомъ небѣ,
Егда ходъ свой имѣетъ въ златовидномъ Фебѣ,

---

[1]) Пропускаемъ за симъ многое, ради длинноты и помѣщенія ниже. — [2]) О Тебѣ, о Богѣ.—[3]) Еси.

Яко императрица на Россійскомъ тронѣ,
Въ златой коронѣ (2).
Славою веліею повсюду сіяетъ,
Россійскихъ сыновъ своихъ тако прославляетъ,
Яко всходъ, западъ, полдень, полунощь чудится,
Весь міръ дивится (2).
Ей рецемъ [1]): „Виватъ, виватъ Россійская мати,
Елисавета, нынѣ въ новой благодати,
Виватъ, виватъ, виватъ!" Ей „виватъ" буди,
Рцыте вси люди (2)!
Днесь виватъ Всероссійская императрица,
Чудная и славная, благая дѣвица!
Да покрыетъ ю во вѣкъ Божія десница:
Склоняемъ лица, склоняемъ лица!

*

14.

Днесь всѣхъ радостей радость приближися,
Всему мірови радостна явися:
Ибо Елисаветъ императрица
На престолѣ вѣнчанна славою дѣвица [2])....
Мы же, дѣти, будемъ пѣти:
Виватъ (3)!

*

15.

Торжествуйте (2), музы, ясно,
Ликовствуйте (2), музы, красно:
Пулхерія [3]) воцарися,
Въ тронѣ отческомъ посадися (2).
Слезы зѣницъ (2) отираетъ,
Да Грецiя (2) не рыдаетъ:
Аркадія бывъ лишенна,
Но днесь паки утѣшенна (2).
Радость нова (2) наступила,
Печаль всяку (2) потребила.

---

[1]) Вар. „За сердцемъ."—[2]) Выпускаемъ всю середину по излишней длинности.—[3]) Красавица. —Канта съ хитростію представляетъ Грецію и Аркадію, а тамъ царицу Пулхерію.

Малы купно и велики
Сорадостно пойте лики (2)!
Царствующей (2) монархйинѣ
Восклицайте (2) „виватъ“ нынѣ,
Державнѣйшу чтите въ роды,
Непрестанно, по вся годы!

*

Побѣда Турецкая и Шведская изображены передѣлкою Кантъ Петровскихъ: 1) „Днесь, орле Россійскій, простри своя крылѣ („Днесь *Императрица* виватъ много лѣта“)“ и 2) „Радуйся, Росска земле („Турокъ побѣдися и Шведъ уязвися... Ликуй, *Императрица наша*, грады у нихъ взяша“).“ Ср. выпускъ 8-й.

Въ заключеніе мы не можемъ не привести распространенной Канты изъ временъ Елизаветы, гдѣ довольно характерно изображена Россія, а вмѣстѣ отчасти Елизавета, одна другою. Это напоминаетъ Ломоносова, употребившаго тотъ же самый пріемъ и конечно имѣвшаго передъ глазами самую Канту (въ его „Отвѣтѣ Анакреону:“ „Тебѣ я нынѣ подражаю И живописца избираю;“ Конецъ: „О, коль изображенье сходно, Красно, любезно, благородно! Великая, промолви, мать, И повели войнамъ престать!“):

16.

Россія при Елизаветѣ.

Начну на флейтѣ стихи печальны [1]),
Зря на Россію чрезъ страны дальны [2]),
Ибо всѣ днесь мнѣ ея добро́ты
Мыслить умомъ есть много охоты:
Россія, мати, свѣтъ мой безмѣрный!
Позволь то, чадо прошу твой вѣрный.
Ахъ, какъ сѣдишь ты на тронѣ красно,
Небу Россійску ты солнце ясно!
Красятъ иныхъ всѣхъ златые скиптры
И драгоцѣнна [3]) порфира, митры:
Ты собой скипетръ твой украси́ла
И лицемъ свѣтлымъ вѣнецъ почтила [4]).
О благородствѣ твоемъ высокомъ
Кто бы не вѣдалъ въ свѣтѣ широкомъ?
Пря́мое са́ма вся благородство,

---

[1]) Элегію, по образцу древнихъ на флейтѣ.—[2]) По неизмѣримымъ ея пространствамъ.—[3]) Варіантъ; „И драгоцѣнность.“—[4]) Своимъ лицомъ дала почетъ вѣнцу.

Божіе, ей [5]), ты свѣтло изводство [6])!
Въ тебѣ вся вѣра благочестивымъ,
Къ тебѣ примѣру [7]) нѣтъ нечестивымъ:
Въ тебѣ не будетъ вѣры двойныя [8]),
Къ тебѣ не смѣютъ приступить злыя.
Твои вси люди суть православны
И храбростію повсюду славны [9]).
Чада, достойны таковой мати,
Вездѣ готовы за тебя стати.
Чѣмъ ты, Россія, не изобильна?
Гдѣ ты, Россія, не была сильна?
Сокровище всѣхъ добротъ [10]) едина,
Всегда богата славѣ причина.
Коль въ тебѣ [11]) звѣзды всѣ здравіемъ [12]) блещутъ
И Россіяне коль громко плещутъ!
Виватъ Россія, виватъ драгая,
Виватъ надежда, виватъ благая!
Скончу [13]) на флейтѣ стихи нечальны,
Зря на Россію чрезъ страны дальны:
Сто мнѣ языковъ надобно бъ было,
Прославить все то, что̀ въ тебѣ мило!

Эта Канта относительнымъ достоинствомъ своимъ искупаетъ пустословіе и скуку остальныхъ.

Мы сказали прежде, и видѣли здѣсь, что многія Канты Елизаветинскія передѣланы изъ Петровскихъ: ср. вып. 8-й. Потому и Петровскія извѣстны болѣе въ семъ видѣ, въ печати второй половины XVIII вѣка.

* *

Екатерина.

1.

Россійская слава повсюду летаетъ,
Тріумфы многи всѣмъ днесь составляетъ,
Вѣнчанну (3) всѣмъ хвалитъ и величаетъ:

---

[5]) Клятва.—[6]) Произведеніе, твореніе (какъ „изводъ"—редакція).—[7]) Прикосновенія; вар. позднѣйшій „примѣсу."—[8]) Унія: слышенъ Западный Русскій.—[9]) Вар. „явны;" „ясны."—[10]) Вар. „добръ ты."—[11]) Вар. „тебѣ."—[12]) Вар. „здравы."—[13]) „Окончу."

Виватъ императрица Екатерина [1])
На многая лѣта!
Россія радостно тако возшумѣла,
Егда отъ славы веселъ гласъ имѣла [2]).
Вѣнчанну, на тронѣ предсѣдящу,
Всѣхъ веселящу,
„Ликуй, любезна мати, во благодати,
„На многая лѣта,“
Россійсти народи съ лики ликовствуйте [3]),
Съ радостны гласы тако венеруйте [4]).
Тебя вся днесь хвалятъ, буди всѣмъ хвалима,
Превозносима!
Играйте, вси органы и со тимпаны,
На многая лѣта!
Богу хвалу нынѣ отъ сердца приносимъ,
Гласы шумящи громко днесь возносимъ:
Даде намъ во вѣки превелію радость,
Сущую сладость [5]),
Избра въ мірѣ царицу, императрицу,
На многая лѣта.
Емуже со страхомъ припадемъ подъ нозѣ,
Да веселимся о Тебѣ вси, Бозѣ:
Соблюди державу нашей днесь царицы,
Императрицы,
Еяже возлюбилъ есь и сохранилъ днесь,
На многая лѣта!

Передѣлана изъ Елизаветинской: см. выше № 12.

*

Екатерина и Павелъ.

2.

Да радуется днесь Россія славна,
Во славѣ славна издáвна,
Судьбою нынѣ Бога вышняго спасенна!
Да здравствуетъ Екатерина,
Объемля лономъ Павла сына,

---

[1]) Такъ и видно, что была прежде „Елисавета.“—[2]) Когда получила отъ молвы извѣстіе (vocem de fama).—[3]) Варіантъ „ликовствуемъ.“—[4]) Вар. „привѣтствуемъ.“—[5]) Вар. „благость.“

На царство возведенна!
Се Вышній милость намъ свою являетъ,
Отъ бѣдъ рукою избавляетъ:
Петрова твердость, Богомъ падша, сокрушися [1]),
Догматы церкви процвѣтаютъ,
Противныхъ козни ниспадаютъ,
Надежда утвердися.
Внутрь отечества всѣ пользы не упали,
Которы расхищены стали [2]):
Страхъ нашъ и ужасъ темной въ радость превратися,
Украсимъ мы себя вѣнками,
Пріимемъ лавры со цвѣтами [3]);
Враговъ рогъ низложися.
Щедротою мы всѣ сія царицы,
Толикія императрицы,
Въ союзъ златаго вѣка крѣпко соплетемся;
Исполнимъ святость всѣхъ законовъ.
Судъ воспріимемъ Соломоновъ.
Блаженны наречемся.
Прочь отъ насъ всѣ нынѣ противныя ссоры,
Прочь суевѣрные раздоры [4]):
Екатерина миромъ всѣхъ въ любовь связуетъ,
Надежду Павелъ обѣщаетъ
И милымъ взоромъ то являетъ,
Всѣхъ миромъ привѣтствуетъ.
Воскликнемъ всѣ Россійскіе народы:
Текутъ у насъ златые годы,
Екатерина намъ есть какъ Елизавета!
Восплещемъ весело руками,
Воскликнемъ громко и устами:
„Съ Россіею Богъ свѣта!"
О Творче вышній, міра Вседержитель,
Единъ Россіи покровитель!
Мы вся Тебѣ взываемъ мыслію своею:
Екатеринѣ даждь корону,
Россія тверду оборону,
Молимъ всей душею!

---

[1]) Разумѣется латинство Римское въ Западной Россіи —[2]) Опять пользы Православныхъ, расхищенныя было Католиками.—[3]) Такъ и являлись духовные воспитанники предъ публику съ кантами: см. выше встрѣчу Елизаветѣ.—[4]) Расколы церковные.

3.

То же.

Чтó такъ сильно движетъ днесь къ веселію всѣхъ духъ?
Отчего наполненъ разговорами воздýхъ?
Что вси радостью пылаютъ
И съ любовію срѣтаютъ
Днесь пришедша гостя.
Гость вожделѣнный отъ восточныхъ странъ грядетъ,
Преясная планета и Россійска солнца свѣтъ:
Путь, которымъ протекаетъ,
Дивнымъ свѣтомъ озаряетъ,
Грады всѣ и села.
Радостно тецыте на священный сей позоръ,
Вси сердца простріте, возведя веселый взоръ!
Се грядетъ покровъ, одежда,
Всѣхъ благъ твердая надежда,
Князь Великій Павелъ.
Восклоните, старцы, ужь согбенный свой хребетъ,
Юноши, воззрите, гдѣ сей чудный блещетъ свѣтъ:
Зрите вси въ наслѣдной крóви
Праведны слѣды Петровы
Въ Великомъ Князѣ Павлѣ.
О, времена блаженны, что къ Россійской красотѣ
Ужь Екатерина во всей царской лѣпотѣ
Судъ и милость всѣмъ вѣщаетъ:
Павелъ то жь намъ обѣщаетъ
Къ святости [1]) законовъ.
Вы жь, Россійски чада, умножайте въ сердцѣ жаръ [2]),
Огнь любви вжигайте, да Божественный сей даръ
Долго лѣтъ не оскудеѣтъ,
Въ совершенный возрастъ спѣетъ
При Екатеринѣ!

*

(Изъ рукописей нашего собранія, В. М. Ундольскаго, Ѳ. И. Буслаева и другихъ, а также печатныхъ изданій и Добрынина 1799 года).

---

[1]) Варіантъ: „Святости.“—[2]) Ср. ниже такое же (взятое отсюда?) выраженіе въ „Хорѣ“ Павлу.

Мы не приводимъ здѣсь, но все-таки напоминаемъ разные „хоры," сочиненные на повторявшійся день коронаціи Екатерины или тѣ, на примѣръ, которые сочинены Сумароковымъ и, въ обстановкѣ Волкова, пѣты въ масляницу 1763 года.

Всѣ приведенныя по рукописямъ Канты на нотахъ, такъ что ихъ можно пѣть до сихъ поръ, кромѣ изданій печатныхъ и Добрынина.

* *
*

VI.

Пѣсни Малорусскія.

Мы говорили выше, что со временъ Петра Былевая-Историческая пѣсня Малой Руси дружится съ Московскою или Великорусскою, правильнѣе сказать—обще-Русскою, и вторитъ сей послѣдней. Но само это творчество Малорусское было не многовѣчно: оно началось на старой Великорусской почвѣ, занятой пришельцами, тогда лишь, когда успѣли они развернуть здѣсь свое вольное козачество подъ властью самостоятельныхъ гетмановъ, съ XVI вѣка. То были „Думы,“ отвѣчающія отчасти нашимъ Былинамъ, только моложе нѣсколькими вѣками противу нашихъ Богатырскихъ-Владиміровыхъ, испорченнѣе складомъ, который уже съ самаго начала сбивалъ стихи, смѣшивалъ розный размѣръ или переходилъ въ скороговорку пересказа (подобно речитативу); не помогли здѣсь и инструменты, богато развитые и сохранившіеся гораздо дольше, чѣмъ у Москвы (прочіе козаки, особенно Донскіе и гулявшіе по Волгѣ, были еще счастливѣе въ семъ музыкальномъ отношеніи): не помогли потому, что народъ еще рѣшительнѣе нашего спускался въ низшій слой „простой,“ болѣе или менѣе невѣжественный; подъ панствомъ, которое шляхетствовало по Польски, а потомъ боярствовало по Московски; всего же больше, не смотря ни на какіе инструменты, повредило здѣсь школярство съ его искусственнымъ языкомъ и возлюбленною риѳмой, — риѳмой, которая съ тѣхъ же самыхъ поръ отличаетъ или, что́ то же, губитъ всѣ Малорусскіе образцы, даже древнѣйшіе по происхожденію. Такъ, уже въ цвѣтущую пору гетманства, какъ судимъ по уцѣлѣвшимъ примѣрамъ, Дума, во многомъ нисшая нашей Былины, спустилась противу сей послѣдней еще ниже, на ту степень, которую мы у себя называемъ Побывальщиной, Бабьей Стариной и всякою „Женскою“ пѣсней: раздробились и вновь образовались такъ называемыя „Думки,“ болѣе краткія, мелкія, слабыя и узкія кругозоромъ, какъ бы сказать—наши „Былинки.“ Во всякомъ случаѣ Былевое творчество Малоруссовъ всю первую свою эпоху держалось строго интересовъ мѣстныхъ, областныхъ, исключительныхъ, словомъ своихъ лишь Украинскихъ да частью Запорожскихъ: широты древней Богатырской, Владиміровой-Кіевской, въ немъ не было никогда и не могло быть. Извѣдать такую ступень

пришлось лишь позднѣе. Именно, всеобщее историческое движеніе, расшевеленное геніемъ Петра для всей и всякой Руси, отозвалось и здѣсь: Думы и Думки поднялись своимъ *содержаніемъ* до этой общей Русской исторіи и стали въ ровень съ нашими пѣснями Историческими, перекликаясь съ ними то тѣмъ, то другимъ взаимнымъ отголоскомъ, какъ бы лозунгомъ или паролемъ великой эпохи. Но такой, довольно поздній для народа подъемъ, блескомъ своимъ не искупавшій долгаго ожиданія и многихъ вѣковъ младенчества, въ которомъ успѣвали состариться прежде достиженія зрѣлаго возраста, такой неожиданный подъемъ не могъ длиться долго и продолжаться прогрессивно: какъ и у насъ, относительно народа это было напряженіе послѣднихъ силъ, безспорно великихъ, но насиженныхъ сидмемъ подобно Ильѣ богатырю и вдругъ изъ долговременнаго сидѣнья расходившихся. Думки, вѣрныя одинъ разъ заданному толчку и направленію, продолжаютъ вторить нашимъ Историческимъ пѣснямъ и послѣ Петра во весь XVIII-й вѣкъ: но участь ихъ еще бѣдственнѣе Историческаго пѣснотворчества нашего. У насъ еще, какъ мы видѣли по образцамъ, цѣлый преобразованный вѣкъ продолжала твердо держаться концепція старой Москвы, сложившаяся вмѣстѣ съ сею послѣдней,—разумѣемъ складъ, размѣръ, строй, пріемъ и оборотъ Былины „Московской,“ сжатый, краткій, весьма художественно законченный, выразительный при всемъ, столь частомъ, лаконизмѣ, ясный своею логичностью, искуснымъ указаніемъ причинъ и послѣдствій воспѣтаго событія, на сколько это доступно было творчеству безъ искусства личнаго и науки; у насъ помогло содержаніе, внезапно выросшее побѣдами, завоеваніями и всемірною славою: а когда и это все не спасло у насъ народнаго Историческаго творчества, на смѣну его у насъ подоспѣли „пѣсни сочиненныя,“ литература, которая то вбирала, то старалась реформировать, то для многихъ замѣняла и замѣнила народную пѣсню. Совсѣмъ не такъ откликнулось все это въ Малороссіи и не такъ было тамъ послѣ Петра. Думы и Думки, носившія внутри себя сѣмя неудержимаго разложенія, нами очерченнаго, не имѣли въ замѣнъ того опоры или регулирующаго образца, какимъ въ области творчества конечно *могъ быть*, но на самомъ дѣлѣ *не былъ* Кіевъ въ параллель Москвѣ; громкія, занявшія у насъ всю сцену, военныя событія, для Малорусскаго свободнаго участія въ нихъ и отклика, не имѣли теперь на мѣстѣ прежней подставы и основы, еще существовавшей нѣкогда при Петрѣ: не имѣли прежняго гетманства, свободной по старому Украйны и даже вскорѣ не имѣли уже и Запорожья; не было базиса, на которомъ бы удержаться въ ровень съ нами и запѣть за одно съ нами братскимъ голосомъ. Славные наши подвиги слышались тамъ, издали и вблизи, но слышались большею частію *какъ наши* и висли надъ головами какимъ-то господствомъ, родственнымъ и однако же стороннимъ: не были въ равной степени дѣломъ, соучастіемъ и торжествомъ мѣстнымъ, не были общими въ прежней мѣрѣ—Петровской, казались скорѣе исключительными — Московскими и Петербургскими. И центръ тяжести, и базисъ козачества передвинулся изъ прежней террито-

ріи: на Донъ, на Волгу, на Яикъ, на Сибирскую Украйну, на Азовъ и Черноморье въ новой ихъ обстановкѣ, даже на Кубань и позднѣе на Кавказъ; *тутъ* уже, а не по прежнему въ Малой Руси, видѣли мы параллель пѣснямъ Московскимъ, *тутъ* явилось козачество такъ сказать „Московское" и даже „Подмосковное;" *отсюда* оно двигалось, въ дѣйствительности и въ пѣснѣ, съ Азовскаго моря на Варяжское, съ Варяжскаго на Каспійское, изъ Черкаска въ Швецію, изъ Пруссіи въ Казань и Астрахань. Послѣ этого, въ чемъ же могъ быть выходъ для Малорусскаго пѣснотворчества, выходъ подобный тому, какъ у насъ въ подхватившей „пѣсенной литературѣ?" Выходъ оставался одинъ—въ Кантахъ и къ Кантамъ: ступень еще болѣе глубокая, грубая и невѣжественная, чѣмъ наши „сочиненныя пѣсни;" ступень тѣмъ болѣе ветшавшая на мѣстѣ, что и она передвинута была для прогресса въ Москву, и она уже успѣла замѣниться тамъ болѣе счастливымъ соперникомъ. Такова была роковая судьба: сама Малороссія (въ связи съ Сѣверо-западомъ) породила изъ себя, при помощи Польской, это гнусное школярство и типъ его искусственныхъ стихоплетствъ,—ей же самой пришлось и вкусить всю горечь своего плода, его непитательность, его ничтожество. А за тѣмъ развѣ оставались уже для спасенія блины, испеченные Сковородою (въ видѣ искусственныхъ пѣсенъ), да нѣжные, но слишкомъ слабые, звуки козака Климовскаго. Только горожанство-мѣщанство съумѣло еще воскормить тамъ какую-то пеструю смѣсь Канты и народной Пѣсни, съ пестрымъ языкомъ и характеромъ: но то уже были пѣсни не Историческія, а всякія другія „Женскія" и преимущественно любовныя. Такимъ образомъ, при всякомъ изслѣдованіи нашего предмета за XVIII-й вѣкъ, мы можемъ итти весьма раціонально отъ нашихъ „народныхъ" Историческихъ пѣсенъ къ ихъ сестрамъ „сочиненнымъ," коренившимся на старомъ письменномъ стихотворствѣ; отъ нихъ къ самому „Стихотворству;" отсюда къ заносимымъ „Кантамъ," какъ литературной ступени еще болѣе низкой и ветхой; а отселѣ къ мѣсторожденію Кантъ, къ Западной Руси и частнѣе къ Малороссіи, къ ея уцѣлѣвшимъ, подо всѣмъ этимъ хламомъ, „пѣснямъ народнымъ, Думкамъ." Это ходъ ретроспективный. Но можно итти и обратно, то есть впередъ, и тогда мы пройдемъ отъ народныхъ Думъ Малороссіи къ ея Кантамъ, отъ тамошнихъ Кантъ къ нашимъ заносимымъ, отъ сихъ послѣднихъ къ пѣснямъ сочиненнымъ и, наконецъ, къ нашей Великорусской народной пѣснѣ, которая, можно сказать, не столько уцѣлѣла, сколько воскресла въ собранныхъ памятникахъ, а самой смертью, изъ подъ памятника, изъ за могилы, одушевила народнымъ дыханіемъ всю нашу новую литературу. Это подлинное воскресеніе и жизнь совершенно новая, преобразившаяся,—минута, въ которой только теперь мы начинаемъ жить сознательно: литература приняла завѣщанный ей народный духъ какъ священнѣйшее наслѣдіе, сперва почти какъ мистерію, потомъ какъ смутный образъ, далѣе какъ оживляющее начало, нынѣ же какъ дѣйствительную силу, самую реальную изъ реальныхъ, самую классическую изъ классическихъ. Съ Малороссіей не случилось и сего послѣд-

наго, столь отраднаго, явленія: собирателей народной Малорусской поэзіи не смотря на вопли вѣрныхъ сыновъ отчизны, нашлось мало, и тѣ на половину Великоруссы, а изслѣдователи и издатели ожидаются пока исключительно изъ сихъ же послѣднихъ. Вотъ почему и всякая литература такъ, сколько ни будь съ лозунгомъ народности, являлась и является сепаративною, а какъ скоро избавляется отъ сего неблаговиднаго признака, тонетъ въ литературѣ обще-Русской, то есть Великорусской по основамъ и почти по синонимическому значенію.

И такъ вотъ чего мы можемъ ожидать отъ народной Исторической, частію и сочиненной, пѣсни въ Малороссіи XVIII вѣка, послѣ Петра, и вотъ что найдемъ въ предлагаемыхъ за симъ образцахъ.

Предупреждаемъ, что эти пѣсни, дабы еще больше не дробить ихъ, обнимаютъ нѣсколько шире, чѣмъ періодъ Екатерининскій и, подобно приведеннымъ у насъ Кантамъ, простираются отъ Анны до Павла *).

*

1.

Посылка на Линію а), на работы.

У Глухови у городи у вси [1]) дзвоны дзвóнють:
Да вже [2]) нашихъ козáченькивъ на Линію гонють.
У Глухови у городи стрэ(ѣ)льнули [3]) зъ гармáты [4]):
Не по однимъ козáченьку заплакала маты.
5. У Глухови у городи стрэльнули зъ ручнúци [5]):
Не по однимъ козаченьку плакали сестрици.
У Глухови у городи поплéтены ситки:

Во Глуховѣ во городѣ всѣ звоны трезвонятъ:
То нашихъ козаченьковъ на Линію гонятъ.
Во Глуховѣ во городѣ стрѣльнули изъ пушки:
Не по одномъ заплакаль матери-старушки.
5. Во Глуховѣ во городѣ стрѣльнули ручницы:
Не по одномъ козаченькѣ плакали сестрицы.
Во Глуховѣ во городѣ поплетéны сѣтки:

а) 1731 г. и далѣе.—[1]) Варіантъ „да й вси.“—[2]) „Да вже жъ.“—[3]) „стрэлено.“—[4]) Отъ „армата,“ „армада.“ —[5]) ружье, пищаль.

Не по однимъ козаченьку заплакали дитки.
На быстрому [6] на озери геть плавала качка [7]:
Не по однимъ козаченьку плакала козачка.

У Грицькови огни горять [8], а въ Полтави дымно:
На могили гетьманъ сидить,—геть тамъ ёго видно [9].
«Допевняйся жъ, нашъ [10] гетьмане, допевняйся платы:
«Якъ не будешъ допевняти, будемо втекати!»
—Ой идúть-же вы, панóве, до Петра до свита [11],—
—Ой тамъ буде вамъ, панове, велúка заплатá:
—По заступу у рýченьки, да ще [12] и лопатá!—

Сидить козак на могили, сорочку латае:
Ой кинувся до черешкá—копійки [13] не мае.
Сидить пугачъ [14] на ýбочу, на витиръ надувся:
Иде козакъ въ Украину, на лихо здобувся.

Не по одномъ козаченькѣ заплакали дѣтки.
На быстромъ на озерѣ вонъ утка плескалась:
Не одна жена по мужѣ слезьми заливалась.

Во Грицьковѣ огни горятъ, а въ Полтавѣ дымно:
На пригоркѣ сидитъ гетманъ, вонъ тамъ его видно.
„Домогайся же, нашь гетманъ, хлопочи о платѣ:
„Коль не будешь домогаться, будемъ утекати!"
—Ой идите, господа вы, ко Петру ко свѣту,—
—Ой тамъ будетъ, господа, вамъ велика заплата:
—По заступу во рученьки да еще лопата!—

Сидитъ козакъ на пригоркѣ, чинитъ рубашонку:
Не копейки не найдетъ онъ, заглянувъ въ мошонку.
Сидетъ филинъ на закраѣ, отъ вѣтру надмится:
Пойдетъ козакъ на Украйну, лихомъ поживится.

---

6) „На быстренькомъ."—7) Утка.—8) „огонь горить."—9) „гетьманъ стоить, геть намъ ёго видно."—10) „панъ."—11) У Максимовича „свата;" но здѣсь другой стихъ съ риѳмою пропущенъ, а это вѣроятно по памяти указаніе на Петра I-го и урочныя его работы.—12) „еще."—13) „копійци."—14) Филинъ.

Ишовъ [15]) козакъ на Линію, да й вельми надувся:
Ишовъ козакъ и-зъ Линіи,—якъ лихо зогнувся.

(Помѣщалось въ старшихъ нашихъ пѣсенникахъ; ср. у Максимовича, изд. 2-е).

*

2.

Пикинеры [1]).

Ой надъ Бугомъ надъ рикою, на Турецкій на граници,
Тамъ стояли пикинеры [1]), зъ ними компанійци [2]).
Зеле́нои Недилоньки [3]) орда наступае:
««Гей, пано́ве, уступи́мо! Запасу не мае!»»
5. —«Ой чо́го жъ намъ уступати, чого боемо́ся?
—«Ой хочъ орды багато [4]) йде, мы ій не дамо́ся!»—

Иде́ орда изъ-за Гарда много зъ прапора́ми:
Наложите жъ, пикинеры, отъ тутъ головами!

Шелъ козакъ на Линію,—да какой надутый:
Пришелъ козакъ съ Линіи,—какъ лихо согнутый!

2.

Ой надъ Бугомъ надъ рѣкою, у Турецкой у границы,
Тамъ стояли пикинеры [1]), съ ними компане́йцы [2]).
На Зеленой на Недѣлѣ [3]) орда наступаетъ:
„„Эй, господа, отступить бы, запасъ не хватаетъ!““
5. —„Ой, чего жь намъ отступать-то, чего побоимся?
—„Хоть орды и ва́литъ много, мы ей не дадимся!“—

Идетъ орда изъ-за Гарда, всё-то съ знамена́ми:
Подумайте жь головами, что́ тутъ будетъ съ вами!

---

[15]) „Ихавъ.“

[1]) Съ 1738 г. и далѣе: полки, вербовавшіеся изъ Малоруссовъ въ болѣе регулярную службу.—[2]) Названіе, долго державшееся и послѣ за охочекомонными полками: позднѣе поступили они въ регулярную конницу и карабинерные полки.—[3]) На Зелёныхъ Святкахъ, обнимающихъ собственно ту недѣлю, которую занимаетъ Семикъ и отвѣчающій ему въ Христіанствѣ Троицынъ день, праздникъ кущей среди первой зелени.—[4]) Богато, много.

Идé орда изъ-за Буга, и въ Бугъ не знабиться [5]):
Стали бидни пикинеры въ Бугъ-рику топиться.
Идуть батьки й матери да сынивъ пытають:

«—Да вже, батьки, вашихъ сынивъ орлы доглядають [6])!
«—Не зхотѣли ваши сыны въ пикинер(а)хъ служити:
«—Сили соби слободóю надъ Бугомъ-рикою.—»

Погорили степы, поля й зелени байраки,
Идуть зъ вiйска у городы голыи козаки.

*

3.

Кистринъ [1]).

Ой на мóри—на мóри синéнькимъ,
Тамъ плавала била лебéдонька
И-зъ малéнькими лебедятами.

Идетъ орда изъ-за Буга, и въ Бугъ не набиться [5]):
Стали бѣдны пикинеры въ Бугъ-рѣку топиться.
Идутъ отцы-матери, про сыновъ пытаютъ:
„—Сыновей вашихъ, отцы, орлы поджидаютъ [6])!
„—Не хотѣлось вашимъ дѣтямъ служить въ пикинерахъ:
„—Сѣли себѣ слободою надъ Бугомъ-рѣкою.—"

Погорѣли степи, нивы, зéлены байраки,
Идутъ съ войска въ городá голые козаки.

3.

Ой нá морѣ-морѣ сúненькомъ,
Тамъ плыла бѣлá лебёдушка
Со малыми лебедятами.

---

[5]) У Максимов. „не знобится," не студится: и ноги еще не опускаетъ въ воду, не переходятъ еще.—[6]) Стерегутъ для добычи: выраженіе, извѣстное еще по Слову о П. Игор.

[1]) Намъ извѣстный, связанный далѣе съ Гостиномъ-Хотиномъ (отчего и орда: см. объ этомъ выше, при войнѣ Прусской).—

Дэ ся взявъ сизопирый орелъ:
Ставъ лебедку бити й забивати:
Стала лебедка до ёго промовляти [2]):
«Ой не бій мене, сизопирый о́рлоньку,
«Скажу тоби всю щирую правдоньку.

«Якъ у тимъ мисци у Кистри́ни
«Да бьеться орда уже три́ дни,
«Бьеться вона три́ дни й три годины:
«Розбилася вона на три половины.
«Течуть рички—да все кровавыи,
«Черезъ ты рички мостять мосты—
«Мостять мосты да все головками [3]),
«Головками да все Московьскими.»

*

Гдѣ не́ взялся сизопёръ орёлъ:
Ну бить-забивать лебёдушку;
А лебёдушка промолвилась [2]):
„Не бей меня, сизопёръ орёлъ,
„Скажу тебѣ правду истину.

„Какъ во городѣ во Кистри́нѣ,
„Тамъ орда бьется уже три́ дни,
„Бьется она три́ дни, три часочка:
„Разбилася она на три рукавочка.
„Текутъ рѣчки—да всё кровавы́я,
„Черезъ рѣчки мосты мостили,
„Мосты мостятъ да всё головками [3]),
„Головками да всё Московскими."

*

---

[2]) Начало почти одинаковое съ извѣстною хороводной пѣсней.—[3]) Напоминается Слово о П. Игор.

4.

Гостинъ-Хотинъ [1]).

Ой ма́ла вдова сына сокола́,
Выгодовала—въ війско оддала́.
Ой старша сестра коня сидла́ла,
А середуща [2]) хустку кача́ла,
А наймолодша выпроважа́ла,
А мати ёго выпытова́ла:
«Сыну мій, коли прійдешъ до насъ?»
—Тоди я, нене, прійду до васъ,
—Якъ па́вине перья на спидъ потоне,
—А млиновый камень на верхъ выплине [4])!—

Вже жъ млиновый камень на верхъ выплинувъ,
Вже й павине перья на спидъ потонуло:

4.

Имѣла вдова сына соколá,
Воспитавъ его—въ войско отдала.
Старшая сестра—коня сѣдлала,
А средняя платкомъ махала [3]),
А меньшая сестра провожала,
А мать его—та выпытовала:
„Сынъ ты мой, когда жь пріѣдешь ты къ намъ?“
—Тогда я, родима, буду я къ вамъ,
—Какъ павино перье потонетъ на низъ,
—А камень жерновный выплыветъ на вéрхъ [4])!—

Вотъ камень жерновный выплылъ уже въ верхъ,
Вотъ павино перье на низъ потонуло:

---

[1]) О смѣшеніи именъ (за одно съ мѣстомъ дѣйствія) см. у насъ выше.—[2]) „Середульша?“—[3]) При проводахъ: народный обычай.—[4]) То же, что у насъ на первыхъ страницахъ лѣтописи („Оли камень начнеть плавати“ и проч.), въ Былинахъ о Садкѣ и другихъ народныхъ памятникахъ.

«А ще мого сына зъ Гостина́ не видно!»
Выйшла на го́ру: «Ой всй полки йдуть,
«То мого сына коника ведуть!»
Пытала вона всей старшины́:
«Чи не бачили сына сокола?»

—Чи не то твій сынъ, що семъ полкивъ вбивъ,
—За во́сьмымъ полкомъ головку зхиливъ?
—Зозуля литала надъ нимъ куючй,
—А коники ржали ёго везучй,
—Коле́са скрипѣли пидъ нимъ котючи́сь [5]),
—Слу́женьки плакали за нимъ идучи́!—

Климовскій еще раньше, по старшему образцу, сочинилъ въ этомъ родѣ о поѣздкѣ козака за Дунай знаменитую пѣсню „Ихавъ козакъ за Дунай," которая имѣла въ Западной Россіи и у насъ въ 18—19 вѣкѣ разнообразнѣйшія судьбы (см. о томъ прежнія наши изданія и ниже).

Нѣкоторые впрочемъ читаютъ такъ: „Коли жъ ты пріидешъ до насъ у гостину,"—въ побывку; потому „А ще мого сына зъ гостины не видно,"—не видно изъ побывки, изъ отлучки (или съ большой дороги). Но это, кажется, скорѣе порча, проникшая въ пѣсню Историческую.

*

„А всё мого сына съ Хотина не видно!"
Взошла на гору: „Всѣ полки идутъ,
„Да сыновняго коника ведутъ!"
Пытала она начальства всего:
„Не видали ль со́кола, сына моего?"

—Что тотъ ли твой сынъ,—семь полковъ разбилъ,
—За восьмымъ полкомъ головку склонилъ?
—Кукушка летала сверьхъ кукуючй,
—А коники ржали его везучй,
—Колёса скрипѣли подъ нимъ бѣгучй,
—Служеньки плакали за нимъ идучй!—

*

---

5) „котючи," форма очень возможная?

5.

Хотинъ [1]).

Въ славнимъ мисти пидъ Хотиномъ,
Гей, гей, у потоку,
Ой, бьеся Турокъ зъ Москалемъ
Бильше якъ пивъ-року.
Коли стали тай Москали
Видъ рана до ночи,
Та не еденъ Турокъ-баша
Замкнувъ свои очи;
Коли стали тай Москали
Якъ у [2]) половини,
Не хай знае Турокъ-баша,
Который день нини;
Коли крикнувъ Турокъ-баша
Та на свои Турки,

5.

Подъ Хотиномъ славнымъ градомъ,
У рѣки у брода,
Бьется Турокъ съ Москалями
Болѣе полгода.
Коли примется Москаль бить
Съ утра и до ночи,
Не одинъ паша Турецкій
Замкнетъ свои очи;
Коли примется Москаль бить
Днемъ, на половинѣ,
Будетъ знать паша Турецкій,
Который день нынѣ;
Коли крикнетъ паша-Турокъ
На свою на рать ту,

---

[1]) Текстъ по Вацлаву зъ Олеська.—[2]) Вар. „Яко въ."

Голосъ гуде [3]): «Досить буде, погинемо тутки!
«Утикаймо въ Волощину,
«Въ Волоськее мисто:
«А-чей бы насъ боронило
«Видъ Москаливъ мицно!»
Чорни кавы, чорни вроны, круту гору вкрыли:
А молодыхъ Туркивъ-башивъ Москали побили.

*

6.

Степанъ Жадченко, набѣгъ на Ялту [1]).

Ой хто въ Крымý не бувавъ,
Той и дива не видавъ:
А мы въ Крымý бували,
Мы тамъ диво видали [2]).

Гудитъ голосъ: „Нѣтъ, довольно,
„Намъ не погибать тутъ [3])!
„Побѣжимте мы въ Волохи,
„Къ Волошскому граду:
„Не дастъ ли отъ Москалей намъ
Крѣпкую ограду!“
Чорны враны и ворóны круту гору крыли:
Молодыхъ пашей Турецкихъ Москали побили.

6.

Ой кто въ Крымý не бывалъ,
Тотъ и дива не видалъ:
А мы во Крымý бывали,
Мы тамъ диво увидали [2]).

---

[3]) Вар. „Голосъ иде.“—Довольно, иначе здѣсь погибнемъ.

[1]) Около 1771 г.—У Максимовича отнесено, предположительно, къ 1736 году.—[2]) Ср. выше почти такое же точно начало у нѣкоторыхъ нашихъ народныхъ пѣсенъ о Турецкой войнѣ.

Перекопьскій комендантъ
Запорозьцямъ дає́ знать:
«Ой го́дѣ жъ (вамъ), Запорозьци,
«Въ Калантаѣ пробувать,—
«Ой ходи́мо на Ялтъ̀ы [3]),
«Коза́ченькивъ ратовать!»

Запорозьци якъ пишли,
Впередъ голову найшли:
А въ Жадченка Степана
Облуплена голова;
Въ Московьского копитана
Спина обидра́на.
Лежать наши коза́ченьки
Якъ биле́ньки смычки:

Перекопскій комендантъ
Запорожцамъ даетъ знать:
„Запорожцы, будетъ вамъ
„Въ Калантаѣ пробывать,—
„Ой пойдёмте на Ялту́,
„Коза́ченькамъ помогать!"

Запорожцы какъ пошли,
Вперёдъ го́лову нашли:
У Жадченка у Степана
Облу́плена голова [4]);
У Московска капитана
Вся спинушка ободра́на.
Лежатъ наши коза́ченьки,
Бѣлые [5]), какъ мы́чки:

---

[3]) У Максимов. „Ялы."—[4]) Азіатскій (перешедшій и къ Южнымъ Славянамъ) обычай сдирать кожу и волосы съ головы убитаго, особенно „чубъ," косу, какъ трофей.—[5]) Блѣдные, съ испуга: лежатъ лежмя, пластомъ, растянувшись.

А въ Жадченка у Степана
По-за ногтями спички.

По времени и значенію нашей Пугачевщинѣ отвѣчаетъ у Малоруссовъ „Уманьская рѣзня,“ воспѣтая нѣсколькими пѣснями, которыя всѣ однако мѣстныя и исключительныя, безъ общаго Русскаго интереса, а потому здѣсь не приводятся нами.

Пугачевъ и самъ собою на Украйнѣ имѣетъ откликъ, но какъ у насъ скрывали опасное имя подъ передѣлками (см. выше), такъ и тамъ воспользовались названіемъ „пугача“—филина:

7.

Пугачъ—Пугачевъ.

Ой спавъ Пугачъ на могилѣ [1]) да й крикнувъ винъ «Пу́гу!»
Чи не дасть Богъ коза́ченькамъ хочъ теперъ потугу?
Що день, що ничь,—усе́ ждемо: поживы не маемъ,
Давно була́: Хмельни́ченька уже не згадаемъ [3])!
Ой коли-сь мы воёвали; да бильше не будемъ:

У Жадченка жь у Степана
Подъ ногтями спицы-спички [6]).

7.

Ой спалъ Пугачь на могилѣ [1]), да и крикнулъ „Пу́гу!“
Не дастъ ли Богъ козя́ченькамъ хоть теперь подмогу [2])?
Что де́нь, что но́чь, все̂-то ждемъ мы: а нѣту поживы,
Давно была: Хмельниченька нѣту уже въ живѣ [3])!
Когда-то мы воевали; да больше не будемъ:

---

[6]) Остатокъ пытки, которою его мучили.

[1]) И по словопроизводству, и особенно потому, что весь Югъ нашъ усѣянъ могилами — курганами и холмами, „могила“ часто значитъ простой „пригорокъ.“—[2]) Утѣху.—[3]) Ни вздумать, ни згадать его (ср. Слово о П. Игор.): не воротить.—Юрій Хмельницкій.

Того счастя й той доли по викъ не забудемъ!
Да вже шабли заржавили, мушкеты безъ кýркивъ:
А ще сердце козацькее не боиться Туркивъ!

*

8.

Пропала Сѣчь Запорожская [1].

Да встань, Харьку [2], да встань, батьку: годѣ вже намъ спати!
Ой ходимо до Царицы милости прохати:
««Ой Царице, наша мати! Змилуйся надъ нами,
««Ой дай же намъ прежни степы зъ темными лугами!»»
— Не дозволю Запорозьцямъ степомъ обладати,
— Да прикажу Москалеви всю Сичь розоряти!—

Ой ходить нашъ панъ Кошовый, шабельку стискае,—
Таки жъ бо вонъ Москалеви виры не диймае—:

Того счастья и той доли по вѣкъ не забудемъ!
Заржавѣли наши сабли, мушкеты безъ кýрковъ:
А всё сердце козацкое не боится Турковъ!

8.

Встань-ко, Харько [2]), встань-ко, батько: будетъ же намъ спати!
Ой пойдемъ мы ко Царицѣ милости прашати:
„„Ой Царица, наша мати! Смилуйся надъ нами,
„„Отдай же намъ прежни степи съ темными лѣсами!““
— Не дозволю Запорожцамъ степью обладати,
— А прикажу Москалю я всю Сѣчь разоряти!—

Ой ходитъ нашъ Кошевóй панъ, сабельку сжимаетъ,—
Вѣдь всё-таки Москалю онъ вѣры не имаетъ—:

---

[1]) Просьбы Запорожцевъ Екатеринѣ относятся къ 1774, уничтоженіе Сѣчи къ 1775 году.—[2]) Герой Уманьскаго дѣла: по воспоминанію.

«О хто хоче зъ шабельками, а мы зъ кулаками,—
«Не хай пійде наша слваа по-межъ козакáми!»

*

9.

О томъ же.

Изъ-за горы, зъ-за Лиману, витеръ повивае:
Да вже жъ Москва Запоризья кругомъ обступае.
Ой облягла, обступила, да въ городъ вступила,
Московьскими знаменами городъ закрасйла.
Пишла Москва по куренямъ запасу збирати [4]...
Ой набрали сребла-злота да й стали гадати:
««Ой якъ бы намъ, мили братья, Запоризья взяти?»»
Взяли сотню Кошового й Писаря Полкового,
Щобъ не було Запоризья поки свита сёго.

„Иной хочетъ съ сабельками, а мы съ кулаками [3],—
„Пусть же пойдетъ наша слава между козаками!"

9.

Изъ загорья, съ-за Лиману, вѣтеръ повѣваетъ:
Москва уже Запорожье кругомъ обступаетъ.
Облегла и обступила, и въ городъ вступала,
Московскими знаменами городъ украшала.
Пошла Москва куренями, запасъ въ нихъ сбирати [4)...
Ой набрали сребра-злата и стали гадати:
„„Какъ бы намъ, милые братья, Запорожье взяти?""
Взяли сотню Кошеваго да Писаря Полковаго,
Чтобы Запорожья въ свѣтѣ не стало другаго [5]).

---

[3]) Иди на насъ: а мы противъ сабель съ кулаками!—[4]) За симъ пропущенъ стихъ, выражавшій конечно негодованіе и кончавшійся словомъ „мати.."—[5]) Чтобъ не было Запорожья пока свѣтъ стоитъ.

Ой покрылось Запоризье густыми лозами:
Да вмылися Москалики дрибными слезами!

*

10.

О томъ же [1]).

Та казавъ еси, Калнышъ кошовый [2]), що у Сичи мудро:
Ой якъ выйшлы изъ Сиченькы, на серденьку нудно.
Та казавъ есы, Калнышъ кошовый, що у Сичи гречи:
Ой якъ выйшлы изъ Сиченькы, оббывъ ворогъ плечи.
Ой у Сичи на базари побыто колочкы:
Идуть нащи Запорозци та и безъ сорочкы.
Та у Сичи на базари загачена гребля:
Ой якъ выйшлы изъ Сиченькы, побывъ ворогъ ребра.

*

Ой покрылось Запорожье густыми лозами:
Умылися Москалики слезными слезами [6])!

10.

Говорилъ ты прежде, Ка́лнышъ [9]), что въ Сѣчи все стройно:
Какъ мы вышли изъ Сѣченьки, въ сердцѣ неспокойно.
Говорилъ ты прежде, Ка́лнышъ, что въ Сѣчи есть гречи:
Какъ мы вышли изъ Сѣченьки, оббилъ ворогъ плечи.
А у Сѣчи на базарѣ повбиты колочки:
Идутъ наши Запорожцы, кто и безъ сорочки.
Да у Сѣчи на базарѣ загачена гребля:
А какъ вышли изъ Сѣченьки, побилъ ворогъ ребра.

*

---

[6]) Не разъ послѣ вспомнили и пожалѣли, глядя на пустыню и не имѣя передоваго оплота противъ Татаръ-Турокъ.

[1]) По тексту Метлинскаго.—[2]) Послѣдній кошевой атаманъ Запорожскій: ревнитель и—по преданію—даже пѣвецъ Запорожья. Хорошо было въ Запорожьѣ по словамъ его: и точно, по выходѣ постигло Запорожцевъ зло и горе.

11.

О томъ же [3]).

За лисомъ—за пролисомъ, за калыновымъ мостомъ,
Тамъ стоялы хмары війска Запорожецька.
Помижъ козакамы молодый отаманъ йде,
Винъ ходе, винъ гуляе, такъ росказуе:
«О нуте жъ вы, осаулы молоде́нькыи!
«Ой збырайте вы худобу Запорожецькую,
«Вычищайте коныченькивъ все Украиньскыхъ,
«А сидлайте сиделечка все Черкеськыи:
«Ой у ранци, Запорозци, на Дунай широкый!»

Ой якъ выйшовъ нашъ отаманъ на крутую гору,
Якъ ударывъ нашъ отаманъ объ сырую землю:
«Сыра земля, мать-матинька, хмары війска прыняла,

---

11 [3]).

За лѣсомъ-перелѣсьемъ, за мостомъ калиновымъ,
Тамъ стояли тучи войска Запорожскаго.
Молодой атаманъ ходитъ межь козаками,
И онъ ходитъ, онъ гуляетъ, онъ приказъ даетъ:
„А нуте-ка, есаулы молодёшеньки!
„Собирайте-ка вы бѣдность Запорожскую,
„Вычищайте вы коньковъ своихъ Украинскихъ,
„А сѣддайте вы сѣделечки Черкасскія:
„Ой за-утра, Запорожцы, на широкъ Дунай!“

Какъ взошелъ ли атаманъ на крутую гору,
Какъ ударился ли онъ объ сырую землю:
„Приняла ты войска тучи, мать сыра земля,

---

[3]) Оттуда же. Предыдущая пѣсня рисуетъ выходъ: а эта переходъ на Дунай (и за Дунай). Самъ атаманъ, съ горя по отчизнѣ покинутой, умираетъ.—Пѣсня замѣчательна, между прочимъ, своимъ размѣромъ и складомъ, очень древнимъ и сходнымъ съ нашими Былинами.

«Бурлацького, Крымського, Запорожецького,—
«Прыйми жъ ище, сыра земля, мене молодого!»

*

Г. Костомаровъ („Малорусскій сборникъ" 1859) изъ Запорожцевъ передѣлалъ Донцовъ, ввелъ ихъ на Балканскую гору—то есть заставилъ служить въ войскѣ Русскомъ при Турецкомъ походѣ, отослалъ въ Москву „на квартеры" и, вмѣсто кончины отъ скорби по роднинѣ,—заставилъ полковника искать смерти съ этого тяжелаго „Московскаго" зла.

12.

О томъ же.

Галка [1]).

Ой полети, ой полети,
Да чорная галко,
На Донъ рыбы исти:

„Что бурлацкаго, изъ Крыму, Запорожскаго,—
„Прими жь еще молода меня, сыра земля!"

12.

Полети-ка, полети-ка,
Ты чорная галка,
На Донъ рыбу ѣсти:

---

[1]) Какъ „Чайку (см. ниже)" приписываютъ нѣкоторые Мазепѣ, другіе Кальнашу или еще нѣкоторымъ лицамъ, такъ сочиненіе и этой пѣсни относятъ къ тому же Кальнашу, послѣднему Кошевому Запорожскому атаману: этого не можетъ быть, она нѣсколько позднѣе и принадлежитъ хору войска строеваго. Важно намъ то, что сами ученые Малоруссы, какъ на примѣръ Максимовичь, видятъ здѣсь пѣсню „сочиненную," надъ которою, стало быть, напрасно такъ умиляются и льютъ слезы наши пристрастные (тенденціозные) писатели о Малороссіи, снабжая пѣсню для эффекта подправками и выводя изъ нея чудовищныя заключенія или передѣлывая ее на „Полтаву" и относя къ старшимъ Великорусскимъ завоеваніямъ (ср. вып. 8, стр. 174, 175 и друг.). Пѣсня дѣйствительно рисуетъ полнѣйшее разрушеніе Сѣчи, но вмѣстѣ относится къ нему съ яркимъ юморомъ, даже

Ой принеси, ой принеси,
Да чорная галко
Д' кошового [2]) висти!

Принеси-ка, принеси-ка,
Ты чорная галка,
Кошевыя [2]) вѣсти!

насмѣшкою: конечно она возникла на Украйнѣ, и при томъ при сближеніи со строевыми полками Московскими, при чемъ явился козацко -солдатскій хоръ, въ которомъ Малоруссы всегда отличались счастливымъ изобрѣтеніемъ, музыкальнымъ исполненіемъ и прекрасными голосами.—Дѣло въ томъ, что „напѣвъ" Галки вполнѣ сохранился доселѣ и усвоенъ нашему современному „солдатскому (также „сочиненному") хору," напѣвъ отчасти протяжный, отчасти отрывистый и веселый. Именно это—

Эй ребяты, Русскіе солдаты (есть и другое начало)!
А гдѣ жь наши матки?
Наши матки
Бѣлыя палатки,
Вотъ гдѣ наши матки!
Эй ребяты, Русскіе солдаты,
А гдѣ жь ваши сестры?
Наши сёстры
Сабли, сабли востры,
Вотъ гдѣ наши сёстры! И т. д.

Здѣсь троякій размѣръ: а) Дважды 4 слога или звука = 8; б) 6 слоговъ или звуковъ; в) 4 слога или звука, то есть половина стиха осьмисложнаго. Этому совершенно соотвѣтствуетъ музыка, напѣвъ и дѣленіе на колѣна: осьмисложный стихъ зачинается запѣвалой, четырехъсложный и шестисложный подхватывается хоромъ, при чемъ слышенъ (какъ во всѣхъ подобныхъ хорахъ) строевой маршъ, звукъ барабана и рожокъ или кларнетъ.—Отъ того, при настоящемъ печатаніи, мы имѣемъ возможность привести весь размѣръ въ порядокъ и правильно раздѣлить стихи, чего напрасно стали бы вы искать въ Малорусскихъ изданіяхъ, доселѣ имѣвшихъ руководствомъ *одинъ текстъ*. „Чорная галка"—обыкновенный образъ при началѣ многихъ солдатскихъ хоровыхъ пѣсенъ (есть и въ дѣтскихъ: „Чорная галка, далеко ли была, Много ли вѣстей подъ крыломъ принесла?") Но упоминаніе тутъ же нерѣдко „Марусеньки" указываетъ на вліяніе Малороссіи. Такъ и для предлежащей сочиненной „Галки" была основа въ народной пѣснѣ—„Ой полети, галко."

[2]) Сокращалось при пѣніи изъ „одъ" (съ концомъ предыдущей „галко" это и составляло „одъ"). Но въ подлинникѣ вѣроятнѣе было „кошевыя, кошевыи," вѣсти кошевыя, что дѣлается въ кошѣ.

— Да вже жъ мени не летати
— На Донъ рыбы исти,
— Да вже жъ мени не носити
— Д' кошового висти! —

Ой вы Запорозци,
Ой вы молодыи!
Повдавались 'динъ въ однóго
Якъ братья ридныи!
Ой вы Запорозци,
Ой вы молодыи,
А де жъ ваши кони?
««Наши кони [3])
««Въ папа на пригони [4]),
««Сами жъ мы въ неволи.»»

Ой вы Запорозци,
Ой вы молодыи!
А де жъ ваши узды?

— Мнѣ ужь больше не летати
— На Донъ рыбы ѣсти,
— Мнѣ ужь больше не носити
— Кошевыя вѣсти! —

Ой вы Запорожцы,
Ой вы молодые,
Уродились другъ во дружку
Какъ братья родные!
Ой вы Запорожцы.
Ой вы молодые,
А гдѣ жь ваши кони?
„Наши кони
„На панскомъ пригонѣ [4]),
„Сами жь мы въ неволѣ.“

Ой вы Запорожцы,
Ой вы молодые!
А гдѣ жь ваши узды?

---

[3]) Это и есть половинный стихъ сравнительно съ осмисложнымъ.—[4]) Въ крѣпостной работѣ на пана.

««Наши узды
««Въ коней на занузди,
««Сами жъ мы у нужди.»»

Ой вы Запорозци,
Ой вы молодыи!
А де жъ ваши списы [6])?
««Наши списы
««У пана у стрися [7]),
««Сами жъ мы у лиси.»»

Ой вы Запорозци,
вы молодыи!
Де жъ ваши ручници?
««Наш' ручници
««У пана въ свитлици,
«Сами жъ мы въ темници.»»

„„Наши узды
„„У коней въ зауздѣ [5]),
„„Сами же мы въ нуждѣ.““

Ой вы Запорожцы,
Ой вы молодые!
А гдѣ жь ваши пики?
„„Наши пики
„„Пану шли на крышки [7]),
„„Намъ лѣса велики [8]).““

Ой вы Запорожцы,
Ой вы молодые!
Гдѣ жь ваши ручницы?
„„А ручницы
„„У пана въ свѣтлицѣ,
„„Сами жь мы въ темницѣ.““

---

[5]) Уздами нашими взнузданы кони на чужую работу; или просто висятъ на зауздкѣ, а кони на волѣ.—[6]) Съ Нѣмецкаго.—[7]) Пошли пану въ слеги на стрѣху, въ соломенную или тростниковую крышку пана.—Пожалуй „Наши копья Въ крышу шли на снопья.“—[8]) Сами же мы въ лѣсу, бѣжали „до лясу:“ намъ самимъ велики, просторны лѣса, можно тамъ надѣлать новыхъ пикъ.

Ой вы Запорозци,
Ой вы молодыи!
А де жъ ваши лу́ки?
««Наши луки
««Нобрали гайду́ки [9]),
«Сами жъ мы въ розлуки.»»

Ой вы Запорозци,
Ой вы молодыи!
Де жъ ваши жупаны?
««Наш' жупаны
««Цоносили паны,
««Сами жъ мы пропали'»»
Ой полети, ой полети,
Да чорная галко (и прочее, въ концѣ повторяется начало)...

*

Ой вы Запорожцы,
Ой вы молодые!
А гдѣ жь ваши луки?
„„Наши луки
„„Пóбрали гайдуки [9]),
„„Сами жь мы въ разлукѣ.""

Ой вы Запорожцы,
Ой вы молодые!
Гдѣ жь ваши жупаны?
„„А жупаны
„„Износили паны,
„„Сами жь мы пропали!""
Полети-ка, полети-ка,
Да чорная галка (и прочее, въ концѣ повторяется начало).

*

---

[9]) Не хайдуки-разбойники, какъ у Южныхъ Славянъ, а господскіе велико-рослые служители, легко вооруженные, лишь для красоты.

13.

То же объ Украйнѣ.

Чайка [1]).

а)

Ой бида, бида чайци небози,
Що вывела дитки при битій дорозѣ!
«Кигú, Кигú [2])!» Злетивши въ гору [3]),
Тильки втопиться въ Чорному Морю [4])!

Жито поспило,
Приспило дило [5]):
Йдуть женьци жати,

13.

а)

Ой бѣда тебѣ, чайка убога:
Вывела ты дѣтокъ, гдѣ торна дорога!
„Киги, Киги [2])!“ Взлетѣть высóко
Да пасть ей въ мóре Чóрно-глубóко [4])!

Жито поспѣло,
Приспѣло дѣло [5]):
Идутъ жнецы жати,

---

[1]) Это кстати. „Галка“ породила „Чайку:“ уже явно сочиненную, лирическую и даже тенденціозную, стало быть позднѣйшее сочиненіе поэта, котораго называютъ различно, хотя до сихъ поръ безъ точныхъ доказательствъ. Здѣсь уже не Запорожье, а вся Украйна, вся Малороссія, нѣжная мать дѣтокъ; въ куликѣ видятъ Польшу, въ „бугаѣ-бугу („бугу„ его крикъ),“ то есть въ быкѣ или быкѣ-птицѣ, выпи, узнаютъ Москву, Великую Русь. Варіантовъ много (вслѣдствіе большаго употребленія); мы печатаемъ сначала по Максимовичу.—[2]) Крикъ чайки.—[3]) Въ верьхъ.—[4]) Это припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.—[5]) Размѣръ здѣсь измѣняется противу начала: начинается стихъ „двойной,“ съ риѳмою въ концѣ обѣихъ половинъ.

Дитокъ забирати.
«Киги, Киги!» и проч.

«Ой дити, дити!
«Де васъ подити?
«Чи мени втопиться,
«Чи зъ горя убиться?»

И куликъ чайку
Взявъ за чубайку;
Чайка кигиче:
«Згинь ты, куличе!»

А бугай-бугу
Гне чайку въ дугу:
—Не кричи, чайко,
—Бо буде тяжко!—

«Якъ не кричати,
«Якъ не летати?

Дѣтокъ забирати.
„Киги, Киги!“ и проч.

„Ой дѣти, дѣти!
„Гдѣ васъ мнѣ дѣти?
„Что́ мнѣ, утопиться,
„Иль съ горя убиться?“

Взялъ куликъ чайку
За хохолъ-чубайку;
Чайка вопити:
„Сгинь, пропади ты!“

А бугай-бугу
Гнётъ чайку въ дугу:
—Не кричи, ну же,
—Иль будетъ хуже!—

„Какъ не кричати,
„Какъ не летати?

«Дитки малéньки,
«А я ихъ мати!»
«Киги, Киги!» Злетивши въ гору,
Тильки втопиться въ Чорному Морю!

*

Мы прибавимъ къ этому варіантъ изъ собранія кн. Церетелева, такъ какъ пѣсня очень распространена:

б)

Ой бида, бида
Чайци небоги,
Що вывела дитокъ,
Край самой дороги!
«Киги, Киги!» Взлетивши въ гору,
Прійдется втопиться въ Чорному морю!
Жито пожовтило,
Подобно [1]) поспило:
Идуть женци жаты,
Дитокъ забираты!

И кулыкъ чайку
Взявъ за чубайку;
Чайка кигиче:
«Згинь ты, кулыче!»

А бугай въ лýгу
Гне чайку въ дугу:
—Не кричи, чайко,
—Буде тоби тяжко!—

„Дѣтки малéньки,
„А я имъ мати!“
„Киги, Киги!“ Взлетѣть высоко
Да пасть ей въ море Чорно-глубоко!

*

---

[6]) Пѣсня не народная, а потому мы не гоняемся за точнымъ и лучшимъ переводомъ.

[1]) Видимо, по всему.

«Якъ не кричаты,
«Якъ не литаты?
«Дитки маленьки,
«А я ихъ маты!»
«Киги, Киги!» Взлетивши въ гору,
Прійдется втопиться въ Чорному морю!

*

14.

Кинбуръ [1]).

Ой стоялы на гавани, протывъ Яныкóля,
Ой тамъ була хуртовына изъ Чорного моря.
Ой въ недилю по раненьку, якъ стало свитаты,
Ой ставъ нашъ [2]) Головатый на хлопцивъ гукаты:
«Пидыймайте, добри хлопци, паруса вси въ гору,
«Ой бье Турокъ изъ Кинбýру зъ пýшокъ на тревогу!»
Пиднялы [3]) добри хлопци вси паруса въ гору,
Пійшлы Днипромъ протывъ воды корабли на воду.
Пійшлы наши добри хлопци Днипромъ протывъ воды:
Набралыся сердешныи превелыкій биды.

14.

Ой мы въ гавани стояли, противъ Еникóля,
Всё держала злая буря отъ Чорнаго моря.
Въ воскресенье раннымъ-рано, какъ стало свѣтати,
Началъ панъ нашъ Головатый на хлопцевъ кричати:
„Подымайте, добры хлопцы, паруса въ дорогу,
„Вонъ бьетъ Турокъ изъ Кинбýра пушками тревогу!"
Поднимали добры хлопцы паруса въ дорогу,
По Днѣпру протúвъ воды шли корабли на воду.
Хлопцы шли Днѣпромъ рѣкою, противъ ихъ шли воды:
Сердешные набралися великой невзгоды.

---

1) Текстъ по Метлинскому: ср. пѣсни „сочиненныя."—2) „нашъ панъ?"—3) „Ой пиднялы?"

Ой оглянувъ [4]) нашъ Головатый въ прозорную трубу:
«Ой теперъ я вражихъ Туркивъ бояться не буду!»

*

15.

Очаковъ.

Збиралися комисары пидъ царьски палаты,
Пишуть листы [1]) на Вкраину—пидъ аршины брати [2]).
Написали на Вкраинѣ вдовиного сына:
««Ой то жъ козакъ уродливый [3]), доходить аршина!»»

Ой зачуе жъ стара ненька, Ивасёва мати:
—Ой де жъ тебе, мій сыноньку, я маю сховати?—
«На що жъ мене, матусенько, ты маешъ ховати?
«Буду тоби изъ столици червонныи слати.»
—На що жъ мени, мій сыноньку, червонный твои,
—Що нѣкому поховати головоньки мени?—

Глянулъ трубкою подзорной атаманъ оттуда:
„Вотъ теперь я вражихъ Турковъ бояться не буду!"

15.

Єбиралися комисары подъ царски палаты,
Пишутъ листы [1]) на Украйну—подъ аршины брати [2]).
Записали на Украйнѣ вдовинаго сына:
„„Хорошъ козакъ уродился, по мѣркѣ аршина!""

Заслышитъ стара родима, взговоритъ дитяти
Ванюшкина мать:—Сыночекъ, гдѣ жь тебя дѣвати?—
„На что меня, матушка, ты будешь сберегати?
„Буду тебѣ изъ столицы червонные слати."
—На что мнѣ твоихъ червонныхъ, сыночекъ мой, горы,
—Какъ некому схоронить здѣсь головушки хворой?—

---

[4]) „Ой глянувъ?" Всего этого требуетъ размѣръ стиховъ.

[1]) Грамоты, указы (письма).—[2]) Вербовать по росту и мѣркѣ.—[3]) По природѣ хорошій, „по уродѣ:" у насъ „хорошъ уродился."

«Поховають, моя нене, тебе добри люде,
«Ой якъ мене, молодого, до тебе не буде.»

Вдовинъ сынокъ, вдовиченко, коня наповае:
Его ненька старесенька въ викно поглядае.
Вдовинъ сынокъ, вдовиченко, коника сидлае:
Его ненька старесенька сильненько рыдае.
Вдовинъ сынокъ, вдовиченко, на коня сидае:
Его ненька старесенька крыжемъ упадае [4]).
Вдовинъ сынокъ, вдовиченко, зъ двора выизжае:
Его ненька старесенька за стреме́нъ хапае.

Ой въ городи въ Очакови вдарили изъ лука:
Да вже жъ тоби, вдовинъ сыну, зъ матерью розлука!
У городи въ Очакови вдарили зъ гарматы [5]):
Уже жъ тоби, вдовинъ сыну, матки не видати!

*

„Похоронятъ, родимая, тебя добры люди,
„Какъ меня здѣсь, молодого, при тебѣ не будетъ.“

Вдовинъ сынокъ, сиротинка, коня себѣ по́итъ:
Родимая старѐшенька въ окно на то смотритъ.
Вдовинъ сынокъ, сиротинка, коника сѣдлаетъ:
Родимая старѐшенька сильненько рыдаетъ.
Вдовинъ сынокъ, сиротинка, на коня садится:
Родимая на́ земь пала и крестомъ ложится [4]).
Вдовинъ сынокъ, сиротинка, съ двора выѣзжаетъ:
Родимая старѐшенька за́ стремя хватаетъ.

Во городѣ въ Очаковѣ стрѣльнули изъ лука:
Это тебѣ, вдовинъ сынокъ, съ матерью разлука!
Во городѣ въ Очаковѣ стрѣльнули изъ пушки:
Больше тебѣ не видати матери старушки!

*

---

[4]) Обычай, отъ католиковъ, ложиться „крыжемъ,“ крестомъ на землю для молитвы: такъ выражается порою и горькое отчаяніе, которому остается прибѣжищемъ одинъ крестъ.—[5]) См. выше.

16.

Такъ же [1]).

Ой изъ нызу зъ-за Лиману витеръ повивае,
А вже Супрунъ до Калныша лысты посылае:
«Ой чи звелышъ, пане Калнышу, у недилю [2]) рушаты,
«Ой чи звелышъ, пане Калнышу [2]), понедилка ждаты?»
— Ой не велю тоби, козаче Супруне [3]), у недилю рушаты,
— А велю тоби, козаче Супруне [3]), понедилка ждаты.—

Ой не знавъ же козакъ Супрунъ, якъ славы зажиты:
Веде військо Запорозьке пидъ Очаквъ, велыть орду биты [4]).
Ой выстрелывъ зъ малой пушкы, а зъ однеи двичи:
А сунула вража орда а осою въ вичи.
Ой козакови Супрунови та назадъ [5]) руки вьяжуть,

16.

Съ низу было съ-за Лиману вѣтеръ повѣваетъ,
А Супрунъ козакъ Калнышу письма посылаетъ:
„Не велишь ли въ воскресенье, Калнышъ, подыматься,
„Или лучше въ понедѣльникъ и его дождаться?“
— Не велю я въ воскресенье, Супрунъ, подыматься,
— А велю я въ понедѣльникъ и его дождаться.—

Ой Супрунъ козакъ не знаетъ, какъ славы добыти:
Ведетъ войско подъ Очаковъ, орду велитъ бити [4]).
Выстрѣлилъ изъ малой пушки, изъ одной два раза:
Налетѣла орда вражья осой въ оба глаза.
Ворогъ козаку Супруну руки назадъ вяжетъ,

---

[1]) По тексту Метлинскаго.—[2]) Судя по размѣру стиховъ, должно быть: „Ой чи звелышъ, панъ-Калнышу,“ „пане Калнышъ“, или „Чи звелышъ, пане Калнышу;“ „въ недилю.“—[3]) Д. б. „Не велю тоби, Супруне;“ „А велю тоби, Супруне.“—[4]) Д. б. „Веде військо пидъ Очаквъ, велыть орду биты;“ а еще вѣроятнѣе, Очаковъ вставленъ позже, съ начала же было: „Веде військо Запорозьке, велыть орду биты.“—[5]) Д. б. „Козакови Супрунови назадъ.“

А козакъ Супрунъ двомъ [6]) мурзакамъ правдонькы не кажеть:
«Ой поведить мене, та два мурзакы, а на Паліеву могылу [7]),
«Не хай же я самъ побачу, де марно загыну!»
Ой якъ глянувъ та козакъ Супрунъ а на свою та велыкую сылу [8]):
«А берите двохъ мурзакивъ, бо я ще не згыну!»

Отселѣ идутъ собственно пѣсни Черноморскія.

*

17.

Тамъ же [1]).

Ой хотивъ же та панъ-Супрунъ та славы зажиты,
Веде військо пидъ Очакивъ, велыть Турка биты [2]).
Билы Турка денно-нично и храбро ступалы,
А въ середу по ранецьку зъ Кубани рушалы,
А восьмои недиленькы у Варшави сталы [3]).

А Супрунъ мурзамъ поганымъ правды все не скажетъ.
„Поведите-ка меня вы на мою могилу [7]),
„Дайте прежде посмотрѣть мнѣ, гдѣ напрасно сгину!“
Какъ завидѣлъ тамъ Супрунъ свою велику силу:
„Эй, берите мурзъ поганыхъ, я еще не сгину!“

17.

Захотѣлъ же панъ Супрунъ нашь славы придобыти,
Ведетъ войско подъ Очаковъ, велитъ Турка бити [2]).
Били Турка денно-нощно, храбро подвизались,
А въ середу по раненьку съ Кубани поднялись,
На восьмую на недѣлю Варшавы добрались [3]).

---

[6]) „двомъ“ лишнее.—[7]) Замѣтно, что должно быть первоначально: „Поведить мене, мурзакы, *на мою* могылу;“ древняго и славнаго Палія очевидно пѣвецъ вставилъ ради поэтической вольности и красоты.—[8]) Въ подлинникѣ конечно было: „Ой якъ глянувъ козакъ Супрунъ а на свою силу.“

[1]) Оттуда же.—[2]) Смотри такой же стихъ въ предыдущемъ образцѣ, по требованію размѣра.—[3]) Пѣсня предупреждаетъ послѣдовавшее вскорѣ движеніе козаковъ подъ Варшаву,

А въ недилю по раненьку коныкъ розыгрався,
А къ вечеру нашъ панъ Супрунъ въ неволю попався.
Надъ ричкою надъ Дунаемъ орлы загравалы,
А козакы отамана зъ неволи досталы.
Надъ ричкою надъ Дунаемъ короговка вьеться:
Ой тамъ-то нашъ та панъ Супрунъ зъ Татарыномъ бьеться.
Надъ ричкою надъ Дунаемъ короговка мае:
Десь нашого та Супруна на свити не мае.
Ой не стрилы громовыи, гарматы ворожськыи [4])
Напирають на козакивъ та на Запорозцивъ.
««Бійте, бійте та Супруна, пана коменданта,
««Бійте, бійте, не жалуйте, хочъ ридного брата!»»
Ой не орла, не сокола збираються вбиты:
Ой то жъ пана та Супруна ведуть загубиты.
«Ой не ведить мене, братця, въ глыбоку долыну,

Въ воскресенье ранымъ-рано конёкъ разыгрался,
А къ вечеру панъ Супрунъ нашъ въ неволю попался.
Надъ рѣчкою надъ Дунаемъ орлы заиграли,
А козаки атамана изъ неволи взяли.
Надъ рѣчкою надъ Дунаемъ хоруговка вьется:
Тамъ-то, было, панъ Супрунъ нашъ съ Татариномъ бьется.
Надъ рѣчкою надъ Дунаемъ хоруговку видно:
Что-то нашего Супруна на свѣтѣ не слышно.
Ой не стрѣлы громовыя, а пушка ворожья
Напираетъ на козáковъ, внуковъ Запорожья [4]).
„„Бейте, бейте вы Супруна, пана коменданта,
„„Бейте, бейте, не жалѣйте, хоть роднаго брата!““
Не орла, не соколá тамъ сбираются бити:
Ужь какъ пана тамъ Супруна ведутъ загубити.
„Не ведите меня, братцы, въ глыбоку долину,

---

[4]) Д. б. „ворожськы“ или, пожалуй, еще старшая форма „ворожьцы.“ — Черноморцы были внуками Запорожья послѣ истыхъ сыновъ или дѣтей его

«Ой поведить мене, ворогы, на высоку [5]) могылу:
«Не хай буде знаты [6]) Украина, де панъ Сунрунъ згынувъ!»

*

18.

Измаилъ [1]).

Видъ Кылыи до Измайлова [2]) покопани шанци:
Ой вырубалы Туркы Новодинцивъ [3]) у середу въ рэнци.
А Чорноморци, храбри Запорожци, черезъ Дунай переиздылы,
Воны жъ тую проклятую Измайливьску орду зъ батареи збилы.
5. Ой далы жъ, далы Измайливьски Туркы Надольскому баши знаты:

„Поведите на высоку, вороги, могилу [5]):
„Пусть узнаетъ Украина, гдѣ я, Супрунъ, сгину!"

18.

Отъ Киліи къ Измаилу шанцы покопали:
Въ среду рано Новодонцевъ [3]) Турки вырубали.
Козаки же Черноморцы, славны Запорожцы,
Черезъ рѣку чрезъ Дунай они переѣзжали,
5. Орду тую проклятую съ батарей сбивали.
Измаиловскіе Турки дали пашѣ знати:

---

[5]) Д. б. „Ой поведить на высоку, ворогы, могылу," а еще проще, и вѣроятно старше, „Ой поведить мене, братця, на мою могылу." Ср. выше предыдущій образецъ.—[6]) Конечно „Не хай знае."

[1]) Оттуда же.—[2]) По размѣру, которому и мы обычно слѣдовали, нужно бы „до Измайла," или, какъ приведенъ г. Метлинскимъ варіантъ, „до Шмайлова." Но размѣръ уже явно попорченъ и по два стиха втиснуто въ одинъ.—[3]) Донцовъ, „новыхъ" козаковъ сравнительно съ Запорожскими и Украинскими.

««Що не мусишъ, *Анадольскый* башо, противъ Чорноморцивъ стояты.»»
Ой ставъ же та *Измайливьскый* баша билый флагъ выкыдаты:
Ой тоди сталы славны Запорозци запасы й ружъя видбираты.
Ой бралы ружъя й кони вороныи,
Бралы й сукна дорогыи,
Усе розмылише... которихъ порубалы,
То тихъ у вострови поховалы,
А котори поранени, у Кылію одправлялы.

*

19.

Тамань. Гетманъ Потемкинъ. Пѣсня Черноморская [1]).

Ой годи намъ журитися, пора перестати:
Дождалися отъ Царици за службу заплаты!

„„Что паша ли Анадольскій, паша, глава наша,
„„Нельзя противъ Черноморцевъ тебѣ устояти.“
Ой сталъ паша флагъ свой бѣлый со стѣнъ выкидати:
Стали Запорожцы ружья, запасъ отбирати.
Брали ружья, брали коней, кони вороные,
Брали коней, брали сукна, сукна дорогія.
Все побрали, растрепали... Кого порубили,
Тѣхъ на острову, какъ должно, въ землю хоронили,
А который былъ пораненъ, въ Килію возили.

19.

Полно же намъ тосковати, пора перестати:
Дождалися отъ Царицы за службу заплаты!

---

[1]) Потемкинъ набралъ изъ Запорожцевъ охочее войско, подъ именемъ Черноморцевъ, и, послѣ Очакова, гдѣ они отличились, самъ получилъ ти-

Дала [2]) хлибъ-соль и грамоты за вирныи службы:
Отъ, теперъ мы, мили братця [3]), забудемъ вси нужды!
Въ Тамани жить, вирне служить, границю держати,
Рыбу ловить, горилку пить: ще й будемъ багати!
Да вже треба женитися и хлиба робити,
А хто прійде изъ невирныхъ [4]), то якъ чорта [5]) бити [6])!
Слава Богу и Царици, а покой Гетьма́ну [7]):
Заличи́ли въ сердцахъ нашихъ [8]) великую рану!
Благодари́мъ мы Царицю, моли́мося Богу,
Що вона намъ указала на Тамань дорогу!

*

Дала [2]) хлѣбъ-соль и грамоты за вѣрныя службы:
Вотъ теперь мы, милы братья, забудемъ всѣ нужды!
Жить въ Тамани, служить вѣрно, границу держати,
Рыбу ловить, пить горѣлку: вотъ будемъ богаты!
Да ужь нужно намъ жениться, свой хлѣбъ заводити,
А кто придетъ изъ невѣрныхъ, ихъ какъ чорта бити [6])!
Слава Богу и Царицѣ, а покой гетма́ну [7]):
Залѣчили въ сердцахъ нашихъ великую рану!
Мы благодаримъ Царицу, молимся мы Богу,
Что она намъ указала на Тамань дорогу!

*

тулъ ихъ Гетмана, а Черноморцы въ 1792 г. поселены на Тамани. На праздникѣ, по случаю присланныхъ утвердительныхъ Царскихъ грамотъ, 15 Августа 1792 года, явилась и пѣта означенная пѣсня: сочиненіе ея приписываютъ Войсковому Судьѣ, который привезъ въ Черноморскій кошь и грамоты, *Головатому*, извѣстному также „Вершею,“ которую онъ произнесъ Потемкину отъ лица Запорожцевъ въ Свѣтлое Воскресенье („Христосъ воскресъ, радъ міръ увесь:“ собственно это его передѣлка, ср. „Калѣки Перехожіе“). Пѣсня помѣщалась и въ нашихъ Пѣсенникахъ, но тамъ она приводится какъ „сочиненіе извѣстнаго *Сковороды* (такъ шатки вообще всѣ эти указанія на лица при пѣсняхъ „сочиненныхъ:“ ср. во многихъ мѣстахъ выше).—[2]) Варіантъ „Дали.“—[3]) Вар. „миле братья.“—[4]) „Хто прійде къ намъ изъ невирныхъ.“—[5]) „Якъ враги.“—[6]) Значительный варіантъ (послѣ встрѣчи съ Черкесами): „Тутъ-то мы будемо жити, и рыбу ловити, И вражого да Черкеса по кручамъ (высотамъ) гонити.“—[7]) Потемкину.—[8]) Вар. „Зличили намъ въ сердцахъ нашихъ.“—Между прочимъ лѣченьемъ указана наставшая безжоннымъ и безработнымъ Запорожцамъ необходимость—жениться и обрабатывать пашню для хлѣба.

20

Костюшко.—Потоцкій [1]).

На широкимъ поли билый орелъ вбитый:
Пишли жъ наши Ляшки Французамъ служити.
Костюшко Французамъ за надежду служитъ:
Охъ, якъ же винъ дуже за Польщою тужитъ!

Домбровского [2]) пришлють насъ всихъ вызволити:
Не будемъ Москалямъ видъ души платити.
Въ тотъ часъ вдаримъ твердо на наши сусиди,
Що насъ набавили нужды и всей биды:
А де очерета, тамъ люде сидали,
А де жизны [3]) поля, Москали стояли;
Матери и батьки очи выплакали,
Що ихъ сыны чужи війска въ рекруты забрали.

20.

На широкомъ полѣ бѣлый орелъ вбитый:
Пошли наши Ляхи Французамъ служити.
Костюшко Французамъ по надеждѣ служитъ:
Да какъ же о Польшѣ онъ крѣпко и тужитъ!

Домбровскаго [2]) пришлютъ насъ освободити:
Москалямъ не будемъ подушны платити.
Мы ударимъ твердо, пусть знаютъ сосѣды,
Отъ которыхъ вышли всѣ нужды и бѣды:
Плетень тростниковый,—тамъ люди садились,
Гдѣ житное поле,—съ Москвы становились;
Матерямъ ли, батькамъ, слезъ имъ недостало,
Какъ дѣтей чужое войско въ рекруты забрало.

---

[1]) По тексту О. М. Бодянскаго, изъ „Чтеній".—Образецъ не хорошъ по складу и языку.—[2]) Генерала того времени.—[3]) „Житны?" Хотя по лѣтописямъ жито именуется и „жизнью," и „жиромъ (ср Слово о П. И. Игор.)."

Ой ты, пане Потоцькій, Воеводськiй сыну [4]),
Запродавесь [5]) Польшу, Литву й Украину!
Твоя гадка була королёмъ зистати:
Пишовсь [5]) до Царици помощи прохати!
Прійде тотъ часъ, прійде, и тая година,
Счезнешъ, бисе проклятый, и твоя родина!

*

(Текстъ Малорусскихъ пѣсенъ приведенъ начи всего чаще по Максимовичу, Метлинскому нѣкоторымъ другимъ.)

21.

Костюша [1]).

(Губ. Московск., у. Звенигор., с. Ильинское).

Лежатъ Ляхи на три шляхи [2]), москаль на четыре [3]):
Лежатъ ранены Поляки по сту по четыре,
По сту по четыре, ни каждой долинѣ.
Л.житъ раненъ панъ Костюша у бѣлаго камня.
Къ нему панья [4]) пріѣзжала, жена молодая,
Она плакала-рыдала, слезно причитала:
«Не я ль тебѣ, панъ Костюша, не я ль говорила,
«Говорила я, Костюша, не ѣзди въ Бѣлой городъ [5]),

Ой ты, панъ Потоцкій, Воеводскій сыну [4]),
Запродалъ ты Польшу, Литву, Украйну!
Думалъ и гадалъ ты королемъ въ нихъ быти:
Пошолъ ты къ Царицѣ помощи просити!
Придетъ тебѣ часъ тотъ, придетъ тое время,
Исчезнешь, проклятый бѣсъ, семья твоя, племя!

*

---

[4]) Глава конфедераціи.—[5]) Запродалъ еси, пошолъ еси.

[1]) Помѣщаемъ въ концѣ Малорусскихъ пѣсенъ, такъ какъ это явная передѣлка изъ нихъ.—[2]) По тремъ большимъ дорогамъ (съ Нѣмецк., см. выше).—[3]) Это начало чисто-Малорусское изъ нѣкоторыхъ тамошнихъ пѣсенъ.—[4]) Госпожа.—[5]) Бѣлостокъ?

«Полно, полно, панъ Костюша, съ Москвой воевати,—
«Москва славна и велика, больше нашей Польши [6])!»

(Записано П. В. К—мъ въ 1833 году).

Эта Великорусская передѣлка изъ Малорусской пѣсни крайне замѣчательна, и по характерности, и потому, что подлинника Малорусскаго не имѣемъ.

Г. Мордовцевъ („Литературный сборникъ“ 1859) вздумалъ было напечатать какую-то хитрую „Малорусскую (хотя плохимъ Малорусскимъ языкомъ писанную)“ сказку, гдѣ очень тонко выводитъ злую бабу „Катерину“ съ войскомъ, „Короля“ и несчастную жертву ихъ „Поланина (не лучше ли назвать собственнымъ именемъ?):“ но мы здѣсь, разумѣется, не помѣстимъ ни такихъ выдумокъ г. Мордовцева, ни фантазій почтеннаго г. Костомарова. При всей внутренней порчѣ, о которой мы говорили, при всей тенденціозности, которая мѣстами сюда проникла по мѣрѣ „сочиненія“ и которая вовсе не помогаетъ, а напротивъ вездѣ вредитъ искусству, наконецъ при всей нескладности или складности искусственной и риѳмѣ, наложенной школярствомъ, приведенныя Малорусскія пѣсни, въ лучшихъ и избранныхъ образцахъ своихъ, достойны величайшаго вниманія и высокой безотносительной цѣны. Многія изъ нихъ, въ борьбѣ внутренней за народность пѣсни и борьбою сей побѣждая трудности, оказываются равны современнымъ для нихъ Великорусскимъ (Московскимъ по началу) краткимъ Былинамъ или пѣснямъ Историческимъ, въ своей концепціи, сжатой и художественно законченной, въ меткомъ образѣ и словѣ: рѣзкость же и грубость нѣкоторыхъ Великорусскихъ (вездѣ почти проскользающая) замѣняется, восполняется, счастливо вознаграждается и смягчается нѣжностью, деликатностью и какой-то дѣвственностью Малорусской. Кромѣ того, относительно древности, мы встрѣчали (и отмѣчали) столько параллелей со Словомъ о Полку Игоревѣ, старѣйшей лѣтописью, нашими лучшими Былинами и пѣснями старины: а это значитъ, что нить, связующая народное творчество съ его высокимъ прошедшимъ, у Малоруссовъ до конца эпохи, нами оглянутой, была жива и дѣйственна въ значительной силѣ. Такое пѣснотворчество сулитъ много и будущей мѣстной, и всякой Русской литературѣ, если она захочетъ во время воспользоваться естественными стихіями своего искусства. Слабые, какъ опытъ, наши переводы старались поддержать по возможности такое впечатлѣніе.

* * *

---

[6]) Отзывъ уже чисто-Великорусскій, но умѣвшій выдержать выраженіе „*нашей* Польши.“

VII.

Историческія пѣсни Сербскія

(связанныя съ Русскими послѣ Петра).

Мы говорили уже прежде, что со временъ Петра расширились предѣлы какъ *внутри* самого пѣснотворчества, вслѣдствіе сближенія народнаго съ личнымъ, устнаго съ письменнымъ, хотя и ко многимъ невыгодамъ перваго, въ знакъ его наступившаго ослабленія, такъ точно раздвинулись границы *внѣшнія*, въ силу союза съ пѣснями Малоруссовъ и Южныхъ Славянъ. Но мы также сказали, что съ той же самой поры, какъ и у насъ, и на Украйнѣ, самое представительное творчество Историческое,—„Юнацкія пѣсни" Сербовъ, то есть произведенія эпоса героическаго, Богатырскаго и Молодецкаго, постепенно начали разлагаться и клониться къ упадку, еще „повторяя" прошлое, еще „воспроизводя" его, но безостановочно скудѣя „производительностью" при откликѣ на текущую, новѣйшую исторію. Была, правду сказать, не утѣшительна тамъ и сама исторія внѣшняя: безконечныя, мѣстныя, одиночныя драки съ Турками не могли уже вызвать такого вдохновенія, какъ на примѣръ судьбы былаго самостоятельнаго царства или времена Королевича Марка; примѣнялись еще пріемы, обороты, выраженія, рѣчи и слова, образы и краски эпоса стараго; но именно лишь примѣнялись, не создавались вновь для жизни, и Турецкое вліяніе скорѣе было способно воротить Сербовъ въ ихъ старый эпосъ, чѣмъ возбудить къ новой исторіи въ пѣснѣ, къ новой пѣснѣ въ области исторической. На оборотъ, когда уже самъ народъ, какъ у насъ и у Славянъ повсюду, спустившійся здѣсь въ низшіе и простѣйшіе слои, освободился наконецъ отъ пластовъ, изстари его давившихъ, и почва, подъ пятою Турка, одинаково изъ всѣхъ слоевъ претворилась въ единый земледѣльческій черноземъ; когда и сама пята Турокъ принуждена была искать инаго поприща, оставляя за собою только старые слѣды на почвѣ Сербской; другими словами, когда возникло „Княжество," а съ нимъ ожиданная или ожидаемая самостоятельность прочихъ областей Сербскихъ: и тогда „Пѣсенъ Юнацкихъ" сложилось не довольно много, и не особенно онѣ ярки, счастливы, живучи и вліятельны. Новое доказательство тому, что исторія и здѣсь

опоздала помочь пѣснотворчеству устному, а эпосъ перервался развитіемъ и не въ силахъ уже подняться до уровня исторіи текущей, ему внѣшней, То есть, *въ собственной своей исторіи,* Эпосъ и пѣсня Историческая приблизились къ концу своего „естественнаго,“ природнаго существованія: возможенъ остался одинъ исходъ,—взаимный союзъ съ литературою, печатаніе того, что̀ осталось памятникомъ пароднымъ и вновь вызвано къ общей жизни, а съ другой стороны живая память самой печати о томъ, что̀ служило, должно служить и всегда будетъ служить для письменной поэзіи неизсякаемымъ источникомъ одушевленія.—Понятно, что, при такомъ положеніи дѣла, между самими Сербами не довольно находится охотниковъ собирать и записывать „песме новиег времена,“ болѣе краткія, сбивчивыя, слабыя и плохія сравнительно со старшими, притомъ не столько любопытныя по собственному содержанію, которое и безъ того слишкомъ извѣстно изъ положительной исторіи. Желая ознакомиться съ ними, мы должны довольствоваться кой-чѣмъ. Скорѣе, напротивъ, если попадется Сербамъ въ руки наше изданіе, жадно схватятся они за Русскіе образцы, мало имъ вѣдомые и пополняющіе ихъ собственную пѣсню: такимъ образомъ, для народнаго устнаго творчества дѣлается теперь могучимъ посредникомъ литература, обобщающая и связующая концы Славянства (дай Богъ, чтобы концы по территоріи, не по времени и существу). Стало быть, не отъ холодности къ Русскимъ, находимъ мы у Сербовъ мало образцовъ послѣдняго времени, касающихся Русской исторіи. Изъ Славянъ Южныхъ одни лишь Болгаре до сихъ поръ въ эпическомъ кругѣ своего пѣснотворчества заняты исключительно внутреннимъ процессомъ своего народнаго возсозиданія, а потому мѣстными интересами, событіями, лицами и именами: Сербы уже давно вышли изъ этихъ тѣсныхъ границъ къ Славянскому общенію со всѣхъ сторонъ. Въ уцѣлѣвшихъ Сербскихъ пѣсняхъ, какъ скоро дѣло касается Руси, нѣтъ даже этого чувства къ чему-то „стороннему,“ чувства вездѣ столь замѣтнаго у Малоруссовъ примѣнительно къ Руси Великой и Общей: для Сербовъ эта область отнюдь не сторонняя, подавно не чужая; они горячи ко всякому Русскому дѣлу и имени, гдѣ бы оно ни попалось, а особенно въ привычной имъ поэтической формѣ. Русь, безъ различія ея вѣтвей, остается для нихъ великою страною, „стороной“ далекою, но стороной родною, любимою, привлекательною, сочувственною. Тѣмъ болѣе интересна Сербамъ Историческая наша пѣсня съ половины XVIII вѣка, и всякая собственная ихъ пѣсня Юнацкая, простертая на ту же эпоху въ соприкосновеніи съ Русью; тѣмъ болѣе, говоримъ, интересна, что здѣсь на сценѣ—ихній и нашъ общій врагъ—Мусульманинъ, а за нимъ въ пѣснѣ, какъ и въ самой исторіи, стоитъ всегда Южный Славянинъ, обыкновенно затянутый во всякую Турецкую войну: и въ былые янычары, и въ современные гарнизоны крѣпостей, въ инженеры, піонеры, саперы, наконецъ, среди массъ народа, волею и неволею отъ войны всѣхъ больше страдающій. При такомъ „сложномъ“ интересѣ, каждая Историческая пѣсня, свя-

зующая Турка и Славянина, пріобрѣтаетъ еще новый и увлекательный отцвѣтъ, какъ скоро міръ Турко-Славянскій освѣщается отблескомъ Россіи, той или другою Русскою чертою, проникающей сюда какъ свѣтлый лучь изъ братскаго, сильнаго и могучаго, края: тутъ оживаетъ и надежда, и бодрѣетъ духъ Славянскій, и разъясняются грядущія судьбы полуострова Балканскаго въ связи со всѣмъ Востокомъ, и внимательнѣй слушается, и скорѣй записывается такая пѣсня Потому, какъ съ полной достовѣрностью можно ожидать теплаго пріема нашему изданію, особенно настоящему выпуску, въ средѣ Сербской, и это конечно заохотитъ многихъ Славянъ собирать ревностнѣе ихъ собственныя пѣсни новыя: такъ и мы, по тому же закону взаимности, обязаны пополнить и характеризовать нашъ 9-й выпускъ какимъ-бы то ни было народнымъ произведеніемъ пѣвучей Сербіи въ точкахъ сближенія міра Русскаго, Турецкаго и Славянскаго, изъ занимающаго насъ XVIII вѣка.

1.

Москва подарила,
Турки отдарили.

Ситне книге землю приеђёше,	Чётки письма проѣзжали землю,
Приеђёше землю и градове,	Проѣхали землю съ городами,
Докле книге к дивану доћёше,	Пока письма прибыли къ дивану,
Муезиту цару Турачкоме.	Къ Муезиту ко царю Турецку.
Ево книге од Москве простране	Вотъ и письма отъ Москвы широкой,
И уз книге господски дарови:	Вотъ при письмахъ и дары господски:
Самом цару од злата синия,	Самому царю подносъ [1]) изъ злата,
На синии од злата джамия,	На подносѣ мечеть золотая,
Око не е змия исплетена,	Вокругъ ней змѣя переплелася,
На глави ёй алем камен драги,	Въ головѣ змѣи дорогой камень,
При коме се ходити видяше	Самоцвѣтный яхонтъ, — при немъ видно
Усред тавне ноти без месеца,	Безъ мѣсяца среди тёмной ночи,

---

[1]) Собственно низенькій столикъ для кушанья: взято Турками съ Латинскаго *сосва* (наше *сѣнь, сѣни*—мѣсто сидѣнья, *сани*—садни).

Како у дан, када грие сунце;	Словно днемъ ходи, какъ солнце свѣтитъ;
Ибрахиму, сину царевоме,	Ибрагиму, царя Турска сыну,
Додёше му двие сабле бритке:	Пришли ему двѣ вострыя сабли:
На сабляма два гайтана златна,	На сабляхъ двѣ перевязи златныхъ,
На гайтаним' два камена драга;	Всяка перевязь съ дорогимъ камнемъ;
Найстариёй царевой султани,	Самой старшей у царя султаншѣ,
Нёй бияше од злата бешика [2]),	Ей прислана зыбка золотая,
На бешици соко тица сива.	А на зыбкѣ соколъ, птица сива.
А кад цару дари допануше,	Какъ царю дары эти достались,
Од дара се царе узмучио,	Отъ даровъ измучился онъ мукой:
Єр не има дара за уздаре.	Нѣтъ равнаго дара—отдарити.
Све мислио, ние с' домислио:	Всё онъ думалъ, да нѣтъ, не придумалъ:
Когодь цару беше доходио,	Кто бы ко царю ни приходилъ бы,
Свакоме се царе пофалюе,	Похваляется царь передъ каждымъ,
Какви су му дари допанули	Каковы дары ему достались
Од великог цара Московскога [3]),	Отъ великаго царя Московска [3]),
Не би ли га ткогодь научио,	Авось либо кто его научитъ,
Шта те послат' у землю Московску.	Чтó послать ему въ Московску землю.
Доде нему паша Соколовить [4]),	Разъ приходитъ паша Соколовичь [4]),
Фали му се царе за дарове;	Хвалится обычно царь дарами;
По том доде ходжа и кадия [5]),	Потомъ входятъ ходжа и кадія [5]),
Смерно ми се цару поклонише,	Поклонилися царю смиренно,

---

[2]) Съ Лат. *vesica*, пузырь (у насъ изъ рыбы *везига*): потомъ все легкое, качающееся и надуваемое—колыбель, зыбка; далѣе у Сербовъ—мѣхъ (к. можно надуть), „мехур,“ вслѣдствіе чего Латинское *cunae* (колыбель и дѣтскія пеленки, подстилки) сходится съ нашимъ *куны*—мѣха, кожи. А потому обратно *vesica* можно роднить съ нашимъ *вѣс-ить* и *вис-ѣть*, какова висячая колыбель и везига въ видѣ жилъ.—[3]) Мы видѣли и въ Русскихъ пѣсняхъ, что такъ нерѣдко называется *царь* даже *при государынях*.—[4]) Изъ Славянъ, потурченный.—[5]) Представители духовной и судной власти.

Љубише му руку и колено;
Пак с' и нима царе пофалюе,
Какви су му дари допанули;
По том царе нима беседио:

«Слуге мое, ходжо и кадиё!
«Не бисте ли мене научили,
«Шта тю послат' у землю Московску
«За уздаре из моега царства?»
А они му стидно беседише:
««Волян царе, драги господару!
««Ми ниесмо од наука твога,
««Нит' можемо тебе научити;
««Но дозови старца патрияра:
««Хоте тебе старац научити,
««Шта теш послат' у землю Московску
««Великоме цару Московскоме.»»

А кад царе речи разабрао,
Брже посла своега гаваза [6]),
Те дозваше старца патрияра.
А кад доде старац патрияре,
И нему се царе пофалюе,
Какви су му дари допанули;
Пак му по том царе беседио:

«Слуго моя, стари патрияре!
«Не би л' мене научио, слуго,
«Шта тю послат' у землю Московску?»

Цѣловали его руку и колѣно;
Царь и передъ ними похвалился,
Каковы дары ему достались;
А потомъ бесѣдовать сталъ съ ними:

«Мои слуги, ходжа и кадія!
«Какъ бы вы меня понаучили,
«Что́ послать мнѣ во Московску землю,
«Отдарить ее отъ мого царства?»
Они ему скромно отвѣчали:
««Воля твоя царска-государска!
««Мы не вѣдаемъ твоей науки
««И тебя не можемъ научить мы;
««Ты призови старца патріарха:
««Онъ тебя, тотъ старецъ, и научитъ,
««Что́ послать тебѣ въ Московску землю
««Для великаго царя Московска.»»

Разобравши таковыя рѣчи,
Скоро царь послалъ свого каваса [6]),
И призвали старца патріарха.
Старецъ патріархъ на зовъ приходитъ,
Похваляется предъ нимъ султанъ Турецкій,
Каковы дары ему достались;
А потомъ съ нимъ держитъ разговоры:

«Ты слуга моя, патріархъ старецъ!
«Ты меня, слуга, понаучилъ бы,
«Что́ послать мнѣ во Московску землю?»

---

[6]) Полицейскаго, служителя исполнительнаго.

Нему старац стидно беседио:	Ему старецъ скромно отвѣчаетъ:
— Султан-царе, огрияно сунце!	— Царь-султанъ нашь, пресвѣтлое солнце!
— Я ниесам од наука твога,	— Я не вѣдаю твоей науки,
— Єр є тебе и Бог научио.	— Научилъ тебя, султана, Богъ самъ.
— Имаш, царе, у твоему царству,	— А имѣешь, царь, въ своемъ ты царствѣ,
— Ти имадеш дара за уздаре,	— Ты имѣешь, чѣмъ бы отдарити,
— Кои нису теби за потребу,	— Есть дары, совсѣмъ тебѣ не нужны,
— А нима би врло мило било:	— А Московскимъ были бъ очень милы:
— Пошли штаку Неманитя Саве [1]),	— Пошли посохъ Неманича Савы [1]),
— Златну круну цара Костантина,	— Вѣнецъ золотъ царя Константина,
— И одежду светога Іована,	— Да одежду свята Іоанна,
— Крсташ баряк Српског кнез-Лазара [2]).	— Да князь-Лазаря [2]) крестово знамя.
— То ти, царе, ништа не требуе,	— Всё это тебѣ, царю, не нужно,
— А нима те врло мило бити.—	— А имъ всё то будетъ очень мило.—
А кад царе речи разабрао,	Разобравши таковыя рѣчи,
Он приправи господске дарове	Царь дары господски приготовилъ
И даде их Московским делиям [3]).	И Московскимъ удальцамъ [3]) ихъ отдалъ.
Испрати их старац патрияре,	Старецъ патріархъ ихъ провожаетъ,
Іош их учи старац патрияре:	Провожая старецъ еще учитъ:
— Ид'те с Богом, Московске делие!	— Теперь съ Богомъ, удальцы Московски!

[1]) Извѣстнаго Сербскаго святителя, сына Немани.—[2]) Крестовое знамя Сербскаго князя Лазаря, съ которымъ велъ онъ войско и погибъ на Косовомъ полѣ.—[3]) Посланнымъ: предполагается, что они были отборные, герои, удальцы.

— Не идите друмом царевием,	— Не ходите вы большой дорогой
— Веть идите гором кроз планину:	— А идите лѣсомъ черезъ горы:
— Єр те за вам' силна поточ поти.	— Будетъ слѣдомъ васъ сильна погоня,
— Отете вам хриштянска зламения [4]).	— Христіански знаменья [4]) отнимутъ.
— А я сам веть изгубио главу	— Голову свою уже сгубилъ я
— И тело е мое погинуло:	— И погибнуть будетъ мойму тѣлу:
— Ма ми не те душа, ако Бог да!	— Но душа не сгибнетъ, если Богъ дастъ! —
Пак се с нима раздвоио беше.	Съ этими словами и разстался.
Кад е царе даре оправио,	Царь пословъ дарами отдаривши,
Он се за то сваком пофалюе.	Хвалится о томъ онъ передъ всякимъ.
К нем' долази паша Соколовить,	Входитъ къ нему паша Соколовичь,
Вако нему царе беседио:	Онъ о томъ же молвитъ и съ пашею:
«Знаш ли, пашо, моя верна слуго,	«Знаешь ли, паша, слуга мой вѣрный,
«Шта сам посл'о у землю Московску?	«Что́ послалъ я во Московску землю?
«Послах штаку Неманитя Саве,	«Послалъ посохъ Неманича Саввы,
«Златну круну цара Костантина,	«Вѣнецъ золотъ царя Константина,
«Крсташ баряк Српског кнез-Лазара	«Князь-Лазаря крестовое знамя
«И одежду светога Іована:	«И одежду свята Іоанна:
«То ми ние ништа требовало,	«Ничего мнѣ этого не нужно,
«А нима те врло мило бити.»	«А имъ всё то будетъ очень мило.»
Ма га пита Соколовить паша:	Но царя пытаетъ Соколовичь:
— «Султан-царе, огрияно сунце!	— «Царь-султанъ нашъ, пресвѣтлое солнце!

[4]) Знаки, регаліи, святыни; чудеса и источники чудесъ.

— «Тко е тебе на то научио?» —	— «Кто тебѣ такую далъ науку?» —
Цар му каже право и лиепо:	Царь отвѣтилъ прямо и пристойно:
«Научи ме старац патрияре.»	«Старецъ патріархъ, онъ надоумилъ.»
Нему паша тихо беседио:	Тихую повелъ паша бесѣду:
— «Султан-царе, огрияно сунце!	— «Царь-султанъ нашъ, пресвѣтлое солнце!
— «Буд ти посла хриштянска злямения,	— «Будь послалъ ты знаменья христьянски,
— «За шт' не посла ключе од Стамбола?	— «Что́ не отдалъ ключи отъ Стамбула?
— «Послие теш дат' их на срамоту:	— «Послѣ ихъ отдашь, еще со срамомъ:
— «Оно ти е и држало царство!» —	— «Знаменьями царство и держалось.»
Кад е царе пашу разумио,	Разумѣвши, что́ паша вѣщаетъ,
Овако му беше беседио:	Такъ султанъ Турецкій ему молвилъ:
«Иди, пашо, моя верна слуго,	«Ты иди, паша, слуга мой вѣрный,
«Те покупи Турке яничаре,	«Собери ты Турокъ янычаровъ,
«И достигни Московске делие,	«Догоняй ты удальцовъ Московскихъ,
«Пак ти отми хриштянска зламеня,	«Отними ты знаменья христьянски,
«А погуби Московске делие.»	«А самихъ посланцевъ погуби ты.»
Хитро нега паша послушао,	Въ томъ паша послушался проворно,
Он покупи Турке яничаре,	Собираетъ Турокъ янычаровъ,
Па одоше друмом широкием,	Двинулись не медля путемъ царскимъ [5]),
Те тераю Московске делие:	Гонятся они за удальцами:
Ал делие нигде не стигоше.	Но нигдѣ Московскихъ не настигли.
Пак се натраг они повратише,	Тѣмъ же слѣдомъ слуги воротились,

[5]) То же, что выше „большою дорогой.“

И паша се цару пушиаше,
Да не виде Московске деине.

Онда царе паши говорио:
«Иди, пашо, моя верна слуго,
«Те погуби старца патрияра!»

Хитро нега паша послушао,

Онъ уфати старца патрияра;
Хоте паша да погуби старца,
Ма е старац паши беседио:
— Аман мало, пашо господару!
— Не губи ме на земляци сухой:
— Єр те за мном обратити суша [6])
— Три године дапа без престанка!—
А кад паша старца разумио,
Поведе га на то море сине;
Кад на море он доведе старца,
Ту га хоте паша да погуби;
Опет нему старац говораше:
— Аман, пашо, ако Бога знадеш!
— Не губи ме на мору синему:
— Єр те за мном обратит' време [7]),
— Устануте мора и езера,
— Потопите ладе и ранне,

И паша царю о бывшемъ клялся,
Что Московскихъ удальцовъ не видѣлъ.

Говорилъ пашѣ султанъ Турецкій:
«Ну иди, паша, слуга мой вѣрный,
«Погуби ты старца патріарха!»

Въ томъ паша проворно его слушалъ,

Ухватилъ онъ старца патріарха;
Хочётъ Соколовичь смерти старца,
А пашѣ промолвитъ старецъ рѣчи:
— Заклинаю, подожди не много!
— Не губи меня на землѣ твердой:
— Оборотится за мною суша [6])
— Безъ дождя на цѣлыхъ на три года!—
Разумѣвши, что старикъ вѣщаетъ,
Велъ его паша на сине море;
Какъ привелъ паша на море старца,
Хочетъ его тутъ предать злой смерти,
Старецъ снова говоритъ съ мольбою:
— Заклинаю, если Бога знаешь!
— Не губи меня на синемъ морѣ:
— Иль за мною встанетъ непогода [7]),
— Приподнимутся моря, озёра,
— Стопятъ они лодки съ кораблями

---

[6]) Во слѣдъ за мною поворотится погода и станетъ бездождье.—[7]) По Сербски „время,“ какъ у насъ „погода (въ смыслѣ непогоды),“ пора дождливая.

— И сву землю на четири стра-не!—	— И всю землю на четыре края!—
Варашө га стари патрияре,	Обмануть хотѣлъ его нашь ста-рецъ,
Ал се паша варат' не даваше:	Но паша обману не давался:
Саблём ману, осече му главу [8]).	Махомъ сабли голову отсѣкъ онъ [8]).
Погубише старца патрияра:	Загубили старца патріарха:
Бог му дао у раю населе,	Дай ему въ раю Господь Богъ мѣсто,
Нама, братё, здравле и веселе!	А намъ, братья, здравье и веселье!
*	*

Записавшій эту Историческую пѣсню [1]) прибавляетъ, что «по всему народу Сербскому существуетъ мысль, будто помянутыя драгоцѣнныя и святыя вещи были у Турокъ, а потомъ отнесены въ Россію.» Въ другой пѣснѣ, приводимой у него варіантомъ, разсказывается, какъ Московская царица «госпа Єлисавка (государыня Елизавета)» писала письмо Турецкому царю «султанъ-Сулейману,» что у царя хранится *ея* отцовское наслѣдство:

Златна круна цара Симеуна [2]),	Вѣнецъ золотъ царя Симеона [2]),
И одежда светога Іована,	И одежда свята Іоанна,
Крстат баряк цара Костантина,	Царя Константина съ крестомъ знамя,
Златна штака светог оца Саве,	Златой посохъ свята отца Саввы,
Бритка сабля Силнога Стефана [3])	Востра сабля Сильнаго Стефана [3])
И икона оца Димитрия [4]);	И отца Димитрія [4]) икона;

такъ пусть же царь пошлетъ ей это, а она ему за то, въ отплату дара, даруетъ миръ на тридцать лѣтъ, и пшеницы на девять лѣтъ кормить войско, и сверхъ того сольетъ ему мечеть изъ злата,

На джамии тридесет мунара,	На мечети тридцать минаретовъ,
А лемете све од сува злата,	А верхушки всѣ изъ красна злата,
И од злата дванаест јабука	Да еще двѣнадцать златыхъ яблокъ—

---

[8]) Въ слѣдъ за симъ припѣвъ пѣвца.

[1]) Покойный В. Ст. Караджичь (ср. его 3-ю кн. „пѣсенъ“).—[2]) Сербскаго.—[3]) Душана.—[4]) Солунскаго, чтимаго общеславянскаго подвижника, героя Стиховъ и Эпоса.

И у свакой бесцен камен драги.	И во всякомъ безъ цѣны драгъ камень.
Колика е од злата джамия,—	Какова мечеть та золотая,—
Д' у нёй клане дванаест Турака,	Въ ней двѣнадцать кланяются Турокъ,
Да се сяи насред Цариграда	Пусть сіяетъ среди Цареграда
У по нoти од злата джамия,	Въ саму полночь мечеть золотая,
Као ярко усред подне сунце.	Словно ярко солнце средь полу́дня.
«Ако ли ми не даш очевине,	«Если жь мнѣ отцовскаго наслѣдства
«Войску купи, царе Сулеймане,	«Не отдашь, царь Сулейманъ, то войско
«Войску купи, айде на Киево [5]),	«Собирай и къ Кіеву [5]) иди съ нимъ,
«Да юначки мейдан [6]) поделимо	«Да подѣлимъ богатырски поле [6])
«И сабляма землю размеримо:	«И мы саблями размѣримъ землю:
«Ял' повратит' мою очевину,	«Либо отчину мнѣ воротити,
«Ял' Московску саблю отпасати!»	«Саблю ли Московску отпоясать!»

На это ей Турецкій царь отвѣчалъ пристойно и мирно, что отчина ея больше уже не находится у него, «Веть у Криму у цара Татара,» «Но во Крымѣ у царя Татарска.» Тогда она написала царю Татарину и просила его, дабы послалъ ей должное, а она обѣщаетъ миръ еще дольше, и пшеницы больше, и мечеть еще лучше. Но царь Татаринъ отвѣтилъ ей очень грубо и непристойно, говоря, что отцовское ея наслѣдство точно у него, но что онъ не отдастъ его, а напротивъ подвигнетъ на нее войско, «Петрибора (те) с' землём поравнити,» «Петербургъ сравняетъ онъ съ землею,» сыновей же, дочерей и самоё неё возметъ въ полонъ да потуречитъ [7]). Такъ открылась война, и «госпа Елисавка (смѣшанная здѣсь съ Екатериной)» завладѣла Крымомъ, придобывъ отцовское наслѣдство.

---

[5]) Сербское „Кіево (поле, мѣсто)“ есть здѣсь древнѣйшая форма послѣ женскаго рода („Кіева, Кіёва, Куява“), старше рода мужескаго („Кіевъ“): ср. у насъ выше объ именахъ городовъ.—[6]) Поле единоборства, поединокъ.—[7]) Ср. выше Русскія пѣсни: „Пишетъ-пишетъ—король и султанъ“ къ государынямъ.

Намъ особенно бросается здѣсь въ глаза увѣренность Сербская: что Русскихъ связуеть связь съ Греціей до самопожертвованія; что святыни Сербскія суть общія Славянамъ, а Русскимъ составляютъ даже, «отцовское наслѣдство;» что все это возвращено отъ Турокъ либо Татаръ и хранится теперь на Руси; что этимъ-то и держалось Турецкое царство, а безъ того должно пасть; что мы прежде всего добиваемся сихъ драгоцѣнностей и готовы изъ за нихъ, въ случаѣ неудачи, «отпоясать свою Московскую саблю;» что Востокъ волей-неволей подчиняется намъ въ концѣ концовъ, и т. д., и т. д.

* * *

Желая вкратцѣ очертить общій характеръ Екатерининской эпохи относительно народнаго пѣснотворчества, мы не имѣемъ надобности повторять здѣсь тѣ подробности, которыя одинъ разъ обстоятельно уже изложены нами по этому вопросу въ журналѣ „Зоря *);“ только перечислимъ оттуда выводы или имена и названія, да нѣсколько пополнимъ недостававшее. Извѣстны слова самой императрицы, благосклонно отозвавшейся о томъ народѣ, который поетъ пѣсню или, лучше, продолжаетъ еще пѣть ее: „народъ, который веселится и поетъ, худа не думаетъ;“ но слова эти нужно понимать условно, если хотимъ вѣрно уразумѣть смыслъ отзыва. Не столько народная, какъ Елизавета, по рожденію, воспитанію, образу жизни, воззрѣніямъ и убѣжденіямъ, сама Екатерина не могла конечно снизойти до этихъ массъ, распѣвающихъ громко по деревнямъ и полямъ, по рѣкамъ и лѣсамъ, на завалинкѣ избы въ будни и при каждомъ раздольѣ праздника, на работѣ и на досугѣ, съ радости и горя: не могла сочувствовать этому всеобъемлющему дѣлу-бездѣлью, ни даже выслушивать съ любопытствомъ, или хоть равнодушно, этого оглушающаго гула и рѣзкихъ его звуковъ. Она понимала и цѣнила эту область литературно, съ литературной точки зрѣнія, которой принадлежала сама долею собственной профессіи: она видѣла здѣсь „литературное“ занятіе народа, полезное ему и развивающее, безъ различія, все равно, устное ли вѣковое, или вновь сочиненное въ родѣ пастушеской элегіи и патріотическаго гимна; съ другой стороны, по необыкновенному таланту своему, она не могла не усмотрѣть здѣсь обильнаго матеріала и живительной стихіи для литературы высшей и общественной, личной и искусственной, художественной. Такъ точно взглянула она, извѣстно, и на самый языкъ, такъ точно обращалась съ его вопросами, въ своихъ литературныхъ и сравнительно-научныхъ изысканіяхъ. Подобнымъ же образомъ, и мы доказали это нѣкогда окончательно, императрица воспользовалась отчасти Былинами, гораздо болѣе Сказками, а всего обильнѣе чисто-народными Пѣснями: цѣликомъ вставляла ихъ въ свои драмы (ср. выше („Во селѣ Покровскомъ,“ а также „Перекатно красно солнышко,“ „По сѣнечкамъ-сѣнечкамъ,“ „Ты рости, рости, чадо милое“); поручала или дозволяла дѣлать выборку пригодныхъ стиховъ и выраженій; передѣлывала или давала обработывать для хоровъ; занимала содержаніе піесъ изъ Былинъ и Сказокъ. Прямое дѣло литературы и литературы лучшей, въ которой даровитая писательница симъ способомъ далеко

*) Апрѣль, 1870: „О вліяніи народнаго творчества на драмы императрицы Екатерины и о цѣльныхъ Русскихъ пѣсняхъ, сюда вставленныхъ.“ Почтенный П. К. Щебальскій, въ послѣдующихъ статьяхъ своихъ о сочиненіяхъ Екатерины, воспользовавшись нашими указаніями и выводами, умолчалъ однако же о самой статьѣ нашего имени, хотя она и шла даже черезъ его руки (къ сожалѣнію, по заглазному печатанію, сюда вкралось нѣсколько самыхъ грубыхъ опечатокъ).

опередила не только свой вѣкъ, но и начало будущаго. Любопытно же спросить: что служило здѣсь источникомъ для сочиненія и черезъ какое посредство? Прямаго, непосредственнаго отношенія къ устному творчеству, мы говорили, Екатерина не имѣла никакого; собиранія памятниковъ, въ нынѣшнемъ смыслѣ ради нихъ самихъ и для изданія, тогда еще не существовало. Произведенія народныя, цѣликомъ или скорѣе по частямъ, издревле у насъ проникали въ письменность, весьма отъ нея отличаясь передъ опытнымъ взглядомъ: вставлялись, служили для примѣненія, пользованія, или ссылки и сноски. Позднѣе, особенно съ XVII вѣка, а именно со старшаго пока примѣра — знаменитой тетради Ричарда Джемса, начали у насъ появляться „отдѣльныя рукописи,“ которыя уже вполнѣ передавали разныя Былины и нѣкоторые Стихи, порою же — хотя рѣже — и прочія пѣсни, но записывали ихъ случайно, или по требованію извѣстныхъ обстоятельствъ, или по желанію заинтересованныхъ лицъ, или по личному влеченію досужаго пѣвца: это совсѣмъ еще не то, что послѣдующіе „Пѣсенники;“ образцемъ остается до сихъ поръ трудъ Кирши Данилова. Изъ трехъ драгоцѣнныхъ манускриптовъ, тѣсно связанныхъ судьбами, Остромірово Евангеліе, Слово о Полку Игоревѣ и Кирша Даниловъ, всѣ три сдѣлались извѣстны въ Екатерининскую эпоху: два послѣдніе нынѣ уже исчезли въ подлинникахъ; два первые, въ спискахъ, найдены были въ покояхъ и бумагахъ императрицы: почти несомнѣнно, что тамъ же, въ рукахъ писательницы, побывалъ и третій изъ нихъ. Но то были—памятники языка и Вѣры, или древнѣйшей художественной литературы (на основѣ Былинъ), или цѣликомъ народныя устныя Былины (Кирша), которыми драматическая сочинительница воспользовалась, вмѣстѣ со Сказками, весьма не много (преимущественно въ драмѣ „о Васильѣ Буслаевѣ“). Стало быть, существовали источники еще болѣе подручные, ближайшіе и обильнѣйшіе: это были „Пѣсенники,“ о которыхъ сейчасъ скажемъ пространнѣе, а теперь, относительно Екатерины, прибавимъ, что они—въ современной тогдашней печати—сохранили намъ тотъ самый матеріалъ, которымъ для своей драмы пользовалась императрица, удержали всѣ черты ея эпохи и употребленія, сберегли намъ даже пѣсни объ ней, или же съ примѣненіемъ и отношеніемъ къ ней. Собственнымъ теченіемъ исторіи возникшіе, „Пѣсенники“ при поддержкѣ и подъ покровительствомъ Екатерины, а всего ближе по ея примѣру, послужили въ ея вѣкъ посредствомъ между устами и печатью, народною словесностью и художественною литературою.

Не только прежде, но даже, мы видѣли, при Елизаветѣ вся область Русской жизни, особенно семейной и бытовой, отчасти же исторической (по мѣрѣ уцѣлѣвшаго отношенія къ жизни общей и государственной), оглашалась громко народною пѣснею и переполнена была живѣйшими къ ней интересами. Когда стало замѣтно народному чутью ослабленіе пѣснотворческой памяти; когда начали забываться, а вмѣстѣ съ тѣмъ разлагаться и теряться лучшіе образцы; когда не видѣлось дви-

женія впередъ, а приходилось лишь повторять или воспроизводить старое; когда для народа исчезали вокругъ, одинъ за другимъ, прочіе интересы, общественные, церковные и политическіе; но когда въ то же время представляла услуги свои грамотность и распространявшаяся литература своимъ вѣяніемъ манила къ опытамъ на письмѣ и бумагѣ: тогда, и первымъ дѣломъ, явилось стремленіе послужить своему исконному творчеству, записать ходячія, знакомыя, любимыя и подручныя пѣсни, во всей ихъ подлинности, про себя и про домашній обиходъ, для семьи, круга пріятелей и собственнаго досуга; чтобы подъ часъ обратиться къ этому завѣтному другу, съ нимъ побесѣдовать и попѣть. Произошло это, разумѣется, прежде всего по городамъ; особенно Москва сдѣлалась средоточіемъ: въ посадскихъ, мѣщанскихъ и купеческихъ домахъ развелись сего рода тетрадки и рукописныя книжки. Проникшія изъ Западной Россіи подобныя же рукописи и ноты съ Псальмами, Кантами, Виршами, со стихотворствомъ своего рода и съ передѣлкою нашихъ Стиховъ древнихъ—поддерживали соревнованіе, въ которомъ однако духовная область скоро уступала первенство мірской и свѣтской. Переводы и передѣлки иностранныхъ образцовъ также втѣснялись изъ литературы; наконецъ поднялись и завладѣли вниманіемъ „сочиненныя пѣсни" военныя, современныя текущей эпохѣ. Помогло этому и сообщило бойкій ходъ особенное обстоятельство: „боярство" или „барство," разставаясь съ прежними условіями жизни и переходя съ одной стороны въ „дворянство" позднѣйшаго смысла, съ другой въ новую казенную „службу," весьма отличную отъ старыхъ „служилыхъ людей," а съ третьей—въ жизнь „помѣщичью" по усадьбамъ и по палатамъ для отдыха въ Москвѣ, — все это сопровождалось явленіями совершенно особаго быта, столь еще не давно развитаго у насъ и только теперь на глазахъ нашихъ исчезающаго. Образованность смысла высшаго, связанная въ этомъ быту съ литературою, и національный духъ, охватившій тогда своимъ подъемомъ, не замѣнили собою простой народности, напротивъ побудили склониться къ ней и трактовать ее особыми пріемами. Крѣпостныя отношенія были дурною, близость къ народу и привычки совмѣстной жизни съ нимъ, при обмѣнѣ взаимныхъ интересовъ, были хорошею стороною сего быта, и, между прочимъ, поддерживали старый, привычный пѣсенный строй, либо давали ему новый ходъ и движеніе усиленными средствами. Посадскіе и слободскіе сборники смѣнились барскими или помѣщичьими, а чрезъ нихъ поднялись градусомъ: очистились вкусомъ, разжились пособіями. Они восходили еще выше, даже ко Двору, вмѣстѣ съ самими лицами, окружавшими тамъ и подвизавшимися, а равно и по сходству быта, рознившагося только нѣсколькими ступенями: и тамъ былъ свой домашній обиходъ съ пѣснями, были лица руководившія, были обученные исполнители и руководства въ письменныхъ сборникахъ. Царствованіе Елизаветы, сказалъ Державинъ, было вѣкомъ пѣсенъ: „правленіе Екатерины," прибавимъ, „было *вѣкомъ Пѣсенниковъ*." Въ „вѣкѣ пѣсенъ," кромѣ самой цесарев-

ни, воспитались, и остались вѣрны воспитанной склонности—Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ, Румянцевъ Задунайскій, Потемкинъ, Суворовъ, Державинъ. И любопытно, по вліянію наступившаго тогда печатанія подлинныхъ церковныхъ напѣвовъ, а главное, по тѣсной связи ихъ съ пѣніемъ народнымъ, большая часть помянутыхъ лицъ и имъ подобныхъ извѣстна одинаково расположеніемъ къ пѣнію церковному; къ нему охотно прибѣгали при торжествахъ своихъ, особенно Потемкинъ и Румянцевъ, и среди жизни частной (Чернышовъ и Державинъ), и на простомъ клиросѣ (Суворовъ). „Вѣкъ Пѣсенниковъ," отсюда же истекшій, еще обильнѣе былъ яркими явленіями, ибо связывался съ печатью и всею литературой: сборники рукописные, разумѣется, вели къ печатнымъ. Каждый крупный барскій, и даже многіе мелкіе помѣщичьи дома имѣли у себя оркестръ домашнихъ музыкантовъ и хоръ пѣвчихъ, большею частію изъ дворовыхъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, между которыми цѣнились по голосамъ Малоруссы подъ управленіемъ доморощенныхъ артистовъ, а нерѣдко и нанятыхъ пріѣзжихъ, изъ коихъ выдавались впередъ Чехи. Но они же, еще ревностнѣе, берегли у себя про домашній обиходъ, какъ дѣло и развлеченіе праздниковъ, какъ занятіе для семьи и какъ угощеніе гостямъ, въ качествѣ своего рода домашней лѣтописи, цѣннаго искусства и даже извѣстнаго хозяйственнаго запаса,—„рукописные сборники народныхъ пѣсенъ:" всеобщихъ и любимыхъ, слагавшихся вновь для цѣлой Россіи или даже фамильно принадлежавшихъ по преимуществу тому или другому дому. Такіе сборники дошли до насъ, въ значительномъ обиліи, и всего чаще изъ временъ Екатерины. Кстати замѣтимъ, что и П. В. Кирѣевскій имѣлъ ихъ довольно, и мы собрали у себя еще больше. Къ сожалѣнію, С. А. Соболевскій, съ которымъ мы такъ часто мѣнялись рѣдкими книгами, спасши нѣкогда отъ погибели рукописный сборникъ *Сопиковскій* (нынѣ опять затерянный *) и построивши великолѣпный шкафъ, какъ хранину, для листочковъ Кирѣевскаго **), взялъ наши рукописи къ себѣ, не за долго до своей смерти ***), собираясь составить библіографію „Пѣсенниковъ:" по кончинѣ, съ помощію наслѣдниковъ, мы рылись въ его библіотекѣ,—и увы,—ничего уже не нашли тамъ, такъ что лишены были пособія при изданіи настоящаго выпуска. По счастію, мы успѣли прежде хорошо ознакомиться съ содержаніемъ сихъ рукописей, которое вошло послѣ цѣликомъ и въ Пѣсенники печатные. Составлялись онѣ въ главныхъ пунктахъ государства Московскаго и особенно въ Москвѣ: потому, изъ Былинъ, содержатъ въ себѣ только *Суздальскія* да *Московскія*, особенно же съ *Грознаго*; ни Владиміро-

---

*) См. означеную статью въ „Зорѣ."—**) Ср. въ выпускѣ 8-мъ.—***) Но уже послѣ „Этнографической выставки," гдѣ еще помѣщались онѣ между нашимъ собраніемъ; съ рукописными были вмѣстѣ старшіе и лучшіе Пѣсенники печатные, которыхъ также не нашлось, но которымъ есть по крайности въ нашихъ рукахъ дублеты.

выхъ-богатырскихъ, ни Новгородскихъ, нѣтъ здѣсь ни одной, исключая позднихъ отрывковъ; за тѣмъ идутъ, Московскія же по своему началу и употребленію, *Историческія пѣсни*, до послѣднихъ годовъ, современныхъ сборнику, а при нихъ военныя „сочиненныя,“ немного ходячихъ *Малорусскихъ*, частію и Кантъ, и школьныхъ; всего же больше, по поламъ того и другаго, а) переведенныя, или передѣланныя съ иностраннаго, по чужеземному образцу, *стихотворенія*, т. е. романсы, элегіи, идилліи, эклоги, съ именемъ „пѣсней нѣжныхъ, пастушескихъ, любовныхъ, забавныхъ, критическихъ“ и т, п., да б) *пѣсни чисто-народныя*, всѣхъ временъ, разрядовъ и видовъ; преимущественно мелкія, бытовыя, семейныя или женскія, по нашему „лирическія (о тѣхъ и другихъ мы скажемъ подробнѣе при выпускѣ 10-мъ и далѣе);“ наконецъ въ нѣкоторыхъ, по вліянію театра и литературы, прибавлялись еще *театральныя* или (гораздо позднѣе) *Цыганскія*. Благодаря такому общему явленію, воспитались въ немъ и выросли изъ него сперва „національные,“ потомъ даже „народные“ наши поэты и музыканты, производившіе уже во сферѣ личной, художественной и письменной, вплоть до самого Пушкина и Глинки, не цитуя болѣе мелкихъ. Обычай многихъ частныхъ, и притомъ знатныхъ домовъ, повторяемъ, отозвался еще громче при Дворѣ, на его внутреннихъ занятіяхъ и увеселеніяхъ, при обиліи средствъ и пособій.

Еще одинъ шагъ, отселѣ уже обратный, ибо онъ шелъ больше съ верху,—и всѣ эти „рукописные сборники,“ цѣликомъ того же состава и употребленія, превратились помощію печати въ „*Пѣсенники*,“ оттиснутыя книжки, за которыми удержалось на всегда это техническое и распространенное названіе. Печатные Пѣсенники возникли: *исключительно во времена Екатерины* и съ ея эпохи; старшіе *въ Петербургѣ*, болѣе или менѣе *вокругъ Двора*, стало быть по его литературному вліянію (искони въ дѣлахъ „національной цивилизаціи“ задавалось оно съ верху); по вызову и съ пособіемъ *знатныхъ особъ*, къ которымъ обыкновенно обращалось посвященіе; трудомъ *лицъ, ближе стоявшихъ къ симъ послѣднимъ и ко Двору*; спустя немного, и то сначала перепечаткою, *въ Москвѣ*, а за нею уже, позднѣе, *и въ другихъ городахъ* (на примѣръ въ Орлѣ, Твери, Ярославлѣ); сперва *для текста*, но скоро и *для напѣва*, съ нотами (объ этомъ постарался Петербургъ, гдѣ раньше привилась музыкальность иностранная подъ именемъ всеобщей, гдѣ не могли знать хорошо голоса „съ наслышки,“ такъ, какъ въ Москвѣ, и гдѣ раньше вывелись гусли, связанныя съ Кантами и школярными произведеніями).—Главными дѣятелями и издателями, *по части текста*, были: 1) *Чулковы*, Василій (собиратель-владѣлецъ-исполнитель) и Михаилъ (издатель) въ сотрудничествѣ съ М. А. Поповымъ (см. выше; *С. П. Б.* 1770—74,—*первое* изданіе; второе 1776, при немъ „Прибавленіе“).—2) *Н. И. Новиковъ* (М. 1780—81,—*первое Московское* изданіе; за нимъ *третья* перепечатка Чулкова, въ видѣ Чулковскихъ 4-хъ частей съ Прибавленіемъ, но съ экземпляра Нови-

ковскаго, именуемая иначе *„старымъ* Московскимъ изданіемъ,“ собственно же второе Новиковское, четвертое въ общей сложности, 1783—88). Составъ здѣсь нѣсколько разнится отъ Чулковскаго, вслѣдствіе прибавленія 5 и 6-й части, съ пѣснями „сочиненными“ и „романсами.“—4) *I. К. Шноръ*, его и *Т. П.* иждивеніемъ (вскорѣ за Чулковымъ и Трутовскимъ, въ Петербургѣ же: пѣсенникъ *третьяго* особаго состава, преимущественно „придворнаго“ по выбору и вкусу, уже въ 1791 г. *вторымъ* изданіемъ).—4) *В. Ст. Сопиковъ*, Петербургскій сидѣлецъ Новикова, послѣ самостоятельный книгопродавецъ и библіографъ (рукописный подлинникъ пѣсенника найденъ и снова пропалъ, см. „Зорю;“ это редакція *четвертая*, С. П. Б. 1792; въ Москвѣ 1795 и 1797, съ „прибавленіями“ изъ Чулкова).—5) *В. Ив. Окороковъ*, преемникъ въ Новиковской типографіи и торговлѣ (отпечатавшій только отобранныя уже Новиковымъ пѣсни новѣйшія „сочиненныя;“ М. 1791).—6) *Василій Глазуновъ*, одинъ изъ старшихъ книгопродавцевъ, удержавшихъ торговый домъ доселѣ (М. въ типогр. Рѣшетникова, откуда Пѣсенникъ называется еще „Рѣшетниковскимъ,“ 1799 г.; выборка изъ прежнихъ, но самостоятельная и послѣ повторявшаяся съ дополненіями).—7) На переломѣ двухъ столѣтій, въ 1801 г., „Веселая Эрата на Русской свадьбѣ,“ пѣсни свадебныя, пока еще насъ не касающіяся (М. у Рѣшетникова).—По части *напѣва, музыки*, и притомъ съ *текстомъ*: 1) *Василій Ѳедоровичъ Трутовскій*, придворный священникъ, Малороссъ, гусляръ и пѣвецъ (пѣсни употребительнѣйшія при Дворѣ и въ высшихъ кругахъ, съ хорошимъ выборомъ и вкусомъ, въ томъ числѣ Малорусскія; музыка имъ самимъ „положена“ или, какъ говорили, „переложена“—съ народнаго; С. П. Б., 1-я часть въ 3-хъ изданіяхъ, 1776, 1782 и 1799 г.; 2-я, 3-я и 4-я, по одному изданію, въ 1778, 1779 и 1795 годахъ; текстъ рознится отъ Чулковскаго и Новиковскаго, музыка отъ ближайшихъ преемниковъ).—2) *Прачь*, Чехъ, докторъ (вслѣдствіе чего, между прочимъ, изданія его разосланы были по губернскимъ Медицинскимъ Конторамъ и, сдѣлавшись рѣдкими, тамъ только и находились искателями; *вторая* редакція по тексту и музыкѣ, съ обѣихъ сторонъ удовлетворительная для своего времени, хотя и уступаетъ Трутовскому въ оригинальности; С. П. Б. 1790 и потомъ еще два изданія, послѣ смерти, съ дополненіями, 1806 и 1815 года. Самъ Прачь издавалъ пѣсни и тетрадками или „книжками:“ но это уже такая рѣдкость, что дай Богъ кому ни будь хоть увидать глазами).—3) *Герстенбергъ* съ Дитмаромъ, музыкантъ и умный издатель-продавецъ, съ практическими цѣлями, безъ особенностей текста (музыкальный магазинъ былъ въ П. Б. на Большой Морской, въ домѣ Шарова; „Пѣсенникъ“ собственно въ двухъ частяхъ, 1790, но есть и отдѣльныя книжки до 1795 г.).—4) *Матвѣй Гютри*, Французъ, медикъ, писавшій самъ по Французски (главное его сочиненіе извѣстно подъ заглавіемъ „Dissertations sur les antiquités de Russie,“ гдѣ, кромѣ пѣсенъ съ нотами, рисунки старыхъ инструментовъ, умныя замѣтки и дѣльныя

..нія о народной Русской музыкѣ).—5) *Безъ текста* или только *съ началомъ его,* ноты и музыкальныя „переложенія:“ *Хандошкина, Козловскаго, Ребенштейна, Борденау* („Борденафъ“); *Кайзера, Нерлиха, Бёме, Себастіана Жоржа, Мекера, Пилщау, Баумбаха, Бродскаго,* и т. д., все въ Петербургѣ; при чемъ слѣдуетъ помянуть и знаменитаго *Марєча* (по Польски Marzec), Чеха, творца пресловутой „роговой“ музыки, композитора и исполнителя на ней.—Таковы *всѣ главнѣйшіе, до нашего столѣтія* *).

Замѣтимъ здѣсь очень важное обстоятельство, хотя и забѣжимъ этимъ нѣсколько впередъ. Пѣсенники первой и даже отчасти второй четверти нашего столѣтія, за маловажными исключеніями, *почти ничего народнаго не прибавили* противу конца XVIII вѣка, то есть противу вѣка Екатерины и помянутыхъ нами тогдашнихъ нѣсколькихъ редакцій: они только *перепечатывали* изъ прошлаго вѣка и другъ отъ друга, такъ или иначе перетасовывая, иногда съ неминуемою порчею и обмолвками, даже съ пропусками; такъ, на примѣръ, они постоянно обходили отличный пѣсенникъ Шпоровскій и художественный трудъ Трутовскаго, которые уже не повторялись больше, потому ли, что служили ближе Двору и не достигали массъ, а вѣрнѣе по страху передъ ними и по извѣстному намъ опасенію, „какъ бы не попасться.“ Постепенно подбавляя вновь „сочиненныя“ и „правленныя,“ особенно „романсы“ и всякія пѣсни „нѣжныя,“ они полнѣли преимущественно „театральными,“ куплетами, аріями и хорами, а послѣ „Цыганскими,“ „Тирольскими,“ изъ разныхъ трактировъ и кофеенъ, отъ публичныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, пока въ наше время совсѣмъ обратились въ постыдную спекуляцію, эксплоатирующую и развращающую народъ изъ за мелкаго барыша, посредствомъ разсчитанной порчи послѣдняго его вкуса. Однако и тутъ Богъ не безъ милости: на спасеніе явились ревностные „собиратели“ подлинныхъ памятниковъ народныхъ, а за ними выдвинулись „издатели,“ въ рукахъ которыхъ видимо спѣетъ счастливая будущность для словесности народной. Тѣмъ поучительнѣе и любопытнѣе выводъ: стало быть „Пѣсенники XVIII вѣка“ или „Екатерининскіе“ собственно и суть только „единственные Пѣсенники,“ создавшіе и получившіе это званіе въ особомъ его смыслѣ; что они представляютъ собою своеобразное явленіе литературы, на рубежѣ между устами и книгою, голосомъ и печатью, Русскимъ и Европейскимъ инструментомъ, творчествомъ народнымъ и искусствомъ личнымъ. Обойти ихъ въ исторіи нашей словесности и литературы никакъ нельзя: и вотъ новая плодотворная задача молодымъ силамъ для занимательныхъ монографій.

Теперь, минуя пѣсни „чисто-сочиненныя,“ о которыхъ довольно уже говорено у насъ въ отдѣлѣ Историческомъ и придется еще говорить въ

---

*) Болѣе подробныя, съ величайшимъ трудомъ собранныя, свѣдѣнія о сихъ лицахъ и изданіяхъ см. въ помянутой статьѣ „Зори.“

другихъ отдѣлахъ; опуская изъ виду и тѣ вынужденныя измѣненія, которымъ подвергалась пѣсня черезъ чуръ уже близкая къ современнымъ лицамъ и щекотливая: остается сказать нѣсколько словъ о другихъ произвольныхъ „поправкахъ, передѣлкахъ и подделкахъ.“ Къ чести старшихъ и собственныхъ Пѣсенниковъ слѣдуетъ упомянуть, что поддѣлки въ родѣ Сахаровскихъ, достаточно нами обличенныхъ, равно какъ увлеченія въ родѣ Костомаровскихъ, были совершенно для нихъ немыслимы и невозможны. Исправленія проскользали лишь случайно, всего чаще по недоразумѣнію или просто отъ неразборчивости подлинныхъ рукописей (какъ у Чулкова и Новикова). Мелкія передѣлки зависѣли отъ тѣхъ, кто самъ дѣлалъ и сочинялъ, стало быть простирались только на сочиненное, „намѣренной“ же и „крупной передѣлки,“ сверхъ вынужденныхъ обстоятельствъ, долго не рѣшался простереть никто на „текстъ народный:“ Пѣсенники были простыми лишь передатчиками и посредниками, болѣе и менѣе точными, осторожными, полезными и предпріимчивыми. Первый покусился на то *М. А. Поповъ*: но коснулся однѣхъ пѣсенъ лирическихъ, женскихъ и кое-какихъ ходячихъ, да и то вскорѣ встрѣтилъ осужденіе, по крайности не вызвалъ ни въ комъ сочувствія. Смѣлый шагъ, предсказавшій печальное будущее вблизи, и отважный походъ, при томъ прямо на пѣсни Историческія, принадлежалъ даровитому *И. И. Дмитріеву* („Карманный пѣсенникъ“ 1796 г. М.). Онъ одинъ собственно въ XVIII вѣкѣ положилъ силу своего таланта, хотя иногда съ замѣчательною меткостью, на жалкую и недостойную профессію сего рода, которая смутила Пѣсенники XIX вѣка до того, что между ними безпрестанно приходится сомнѣваться въ подлинности, либо заглядывать отсюда къ Дмитріеву, не понесъ ли извѣстный образецъ слѣдовъ реформаціи его пера. Но эти несчастныя послѣдствія переходятъ уже въ наше столѣтіе, а XVIII-е все-таки остается само по себѣ непричастнымъ сему и чистымъ въ его общемъ направленіи.

Послѣ этого не трудно изложить заключительные выводы о плодахъ Екатерининскаго времени въ дѣлѣ пѣснотворчества. Кромѣ сближенія по существу и кромѣ общенія *внутренняго*, между областями разными и передъ тѣмъ далеко было разошедшимися, между областью народною-устною и между литературною, произошли новыя явленія въ самомъ пространствѣ и территоріи, въ *объемѣ*, *во внѣшности* и въ *видимомъ соотношеніи* сихъ областей. Народное творческое устное слово, нѣкогда исключительно царившее, а недавно ослабѣвшее или подавленное, прошло теперь снова отъ низшаго простонародья и крестьянства по всѣмъ среднимъ и высшимъ общественнымъ слоямъ до самаго Двора; литературная дѣятельность, и особенно форма, со всѣми своими средствами, по преимуществу черезъ печать, черезъ это скорѣйшее и вѣрнѣйшее орудіе, проникла и спустилась также точно, по ступенямъ искусства, отъ высшихъ, сферъ, блестящихъ, могучихъ, образованныхъ, обладающихъ своего рода тактомъ и вкусомъ, черезъ всѣ сферы безъ исключенія:

отъ палатъ царскихъ и боярскихъ, отъ усадьбъ помѣщичьихъ, запертыхъ крѣпко купеческихъ хоромъ, домовъ и семействъ духовенства, мѣщанскихъ и посадскихъ жилищъ, до порога самой послѣдней, лишь бы грамотной, крестьянской избы. Пѣсенники *все* это соединили подъ рядъ и въ ровень. Мы на примѣръ встрѣчаемъ въ нихъ, особенно же въ „придворныхъ“ и поставленныхъ подъ какое ни будь знатное покровительство, всевозможные этикеты и шарканья, присѣданья и поклоны: то передъ Чернышовымъ, то передъ старою Лопухиной, то передъ пѣснями Елизаветы или передъ театральными интригами эпохи Екатерининской, то даже передъ самою Екатериной, до того, прибавимъ образчикъ, что пѣсню „Какъ пошли наши подружки, въ лѣсъ по ягодки гулять“ долго *не пускали* въ ея подлинномъ видѣ и *Катеринушку* замѣняли вездѣ выраженіемъ „млада сельская дочушка (въ подлинникѣ „хороша была подружка Катеринушка“).“ Но... рядомъ же пробирался сюда и Разинъ, и Каинъ, загуливала Танька, разъигрывалось все простѣйшее и беззастѣнчивое, даже ухорское, нагое или голенькое, ибо въ чувствѣ матери-природы XVIII-й вѣкъ не такъ былъ щепетиленъ и придирчивъ, какъ мы. Сколько этимъ способомъ *безразличія* спасено *отличнаго*, отъ забвенія и смерти! Съ переворотомъ въ дѣлахъ Западной Европы и въ воззрѣніяхъ самой Государыни, Пѣсенники попались подъ бѣду въ лицѣ Новикова, даже были осуждены и потерпѣли кару, ибо, по извѣстному отзыву *Московскаго* Платона, поставлены были въ числѣ книгъ „сумнительныхъ, могущихъ служить къ разнымъ вольнымъ мудрованіямъ, а потому къ заблужденіямъ и разгоряченію умовъ.“ Но и это уже не могло остановить потока: Пѣсенники плодились, росли, проникали всюду и до того „употреблялись,“ что нынче почти невозможно найти стараго, не только порядочнаго, но даже сноснаго или хоть бы истрепаннаго экземпляра (только мы счастливы этимъ въ нашемъ личномъ многолѣтнемъ собраніи). Не всѣ же произведенія литературы изъ прошлаго вѣка или другихъ временъ могутъ похвалиться подобнымъ сбытомъ, потребленіемъ и пользованіемъ! Такимъ образомъ, если ожидалось еще обильнѣйшее „собраніе“ и научное „изданіе“ памятниковъ, а на передней сценѣ недоставало „самихъ памятниковъ“ во всей ихъ древности, красотѣ и величіи; если оставалось еще впереди единеніе *народное* и торжество всѣхъ вліяній со стороны *пѣснотворчества народнаго*: то все-таки, какъ дѣло XVIII вѣка и какъ даръ Екатерининской эпохи, мы должны привѣтствовать *на поприщѣ литературы* созданное начало единства *національнаго* и первое вкушеніе *плодовъ національныхъ*, при посредствѣ объединяющей пѣсни и объединеннаго пѣсеннаго слова.

*

Время государя Павла ничѣмъ особеннымъ не отличается въ нашемъ дѣлѣ отъ предшествующаго и отъ всего XVIII вѣка вплоть до Петра. По краткости сего періода и малочисленности пѣсенныхъ образцовъ, мы не размѣщаемъ народныхъ и устныхъ порознь отъ сочиненныхъ или отъ кантъ и тому подобныхъ, печатая все подъ рядъ.

VIII.

ПРИ ГОСУДАРѢ ПАВЛѢ.

1.

Суворовъ въ Италіи и противъ Французовъ.

(Борисоглѣбск. у., Тамбовск. г.).

Не двѣ тученьки, братцы, не двѣ грозныя, братцы, ахъ,
изъ горъ выкатáлись,
Ахъ, изъ горъ выкатались:
Выходила да наша сила-армія, братцы, ахъ, во чис-
тóе поле,
Ахъ, во чистóе поле;
Выходилъ да онъ, всё нашъ родный батюшка, братцы,
ахъ, да нашъ графъ Суворовъ,
Ахъ, да нашъ графъ Суворовъ.
Онъ своею да генеральской палочкой, братцы, ахъ, да
онъ командрýетъ,
Ахъ, да онъ командрýетъ:
«Ой вы братцы, да братцы вы солдатушки, братцы,
бейте, не робѣйте,
«Ахъ, бейте, не робѣйте,
«Свинцу-пороху, братцы, вы солдатушки, братцы, ахъ,
да вы не жалѣйте,
«Ахъ, да вы не жалѣйте!
»У государя, да братцы, вы солдатушки, братцы, ахъ,
у него [1]) казны много,

---

[1]) „У“ въ сихъ случаяхъ, какъ и выше „у государя,“ произносится почти какъ *въ*.

«Ахъ, у него казны много.
Самого-то вы ворога Француза, братцы, ахъ, на штыкъ посадите,
«Ахъ, на штыкъ посадите,
«А молодую-то всё его хозяюшку, братцы, ахъ, на вострую саблю!»

(Записано и сообщено намъ покойнымъ Н. Е Ласковскимъ въ 1869 г.).

*

Суворовъ въ народныхъ пѣсняхъ не очень выдается, и постоянно въ одномъ образѣ: командуетъ своей палочкой да убѣждаетъ свою армію „не робѣть, свинцу-пороху не жалѣть," или, какъ вообще выражаются пѣсни, „свою силу утверждалъ (нашъ Суворовъ генералъ)."

Слѣдующую пѣсню о томъ же, хотя и „сочиненную," можно назвать отчасти „полународною:"

2.

О томъ же.

Батюшка Никола съ нами
И Суворовъ, другъ его,
Павелъ царь: ура, горами
Сплющимъ чорта самого!
Цѣлый свѣтъ на штыкъ поднимемъ,
А Французъ лишь чорту сватъ:
Въ адъ его, мы въ адъ закинемъ,
Чтобъ не сталъ бурлить опять!

Экой варваръ! Безъ управы
Ладно жить, онъ говоритъ:
А безвиннымъ для забавы
Головы вездѣ пилитъ;
Скипетръ королей ломаетъ,
Вѣру ставитъ ни во что,
И таку комедь играетъ,
Что не слыхивалъ никто.

Полно жъ, полно упиваться
Кровью, слёзами людей:

Часъ пришелъ тебѣ квитаться,
Выставляй богатырей!
Виватъ, Русскіе солдаты,
Виватъ! Время работать:
Царь изъ Невскія палаты
Всё изволитъ примѣчать [1]).

Храбрымъ скажетъ онъ: «Ребята,
«Вы какъ надо молодцы!
«Здѣсь изъ лавра вамъ заплата,
«Въ небѣ же изъ звѣздъ вѣнцы!»
Маршъ впередъ, впередъ скорѣе,
Залпъ, поближе подлетѣвъ,
Въ мигъ въ штыки, коли ловчѣе,
Намъ музыка—пушекъ ревъ!

*

Слѣдующая совсѣмъ уже „сочиненная,“ безъ всякой поддѣлки подъ народность:

3.

При Требіи.

Къ ружью [1])! Друзья, летите,
Ударъ въ рукахъ несите:
Россійскіе сыны
Къ побѣдамъ рождены!
Отечество прославимъ,
Царю вѣнокъ сплетемъ,
Враговъ дрожать заставимъ,
Къ Парижу потечемъ!

Суворовъ, мы съ тобою!
Полночный зри народъ:
И грудью, и душою
Съ тобой идемъ впередъ [2])!

Какъ облакъ сизо-чорный
Стремится Галлъ упорный

[1]) Варіантъ: „Изъ-за Невскія палаты царь изволитъ примѣчать.“
[1]) Вар „Къ оружію!“—[2]) Какъ припѣвъ повторяется послѣ каждой строфы.

На насъ со всѣхъ сторонъ
Нѣтъ мужеству препоны!
Изъ рукъ перуны мещетъ,
Градъ огненный пустилъ,
Земля подъ нимъ трепещетъ
И воздухъ помутилъ.

Но Россовъ—князь предводитъ
И лавръ въ поляхъ находитъ
На Требскихъ берегахъ;
Побѣда на штыкахъ
Россійскихъ веселится;
Смирился гордый Галлъ,
Повергнуть мечь стремится
И самъ къ ногамъ упалъ.
Исчезнетъ Галловъ слава,
Россійская держава
Оливой процвѣтетъ.[3]);
Суворовъ насъ ведетъ!
Побѣдою владѣя,
Не дастъ ей убѣжать:
Царей карать умѣя,
Умѣетъ и спасать.

*

4.

Хоръ императору Павлу по прибытіи въ Москву.

Громы славы раздаются,
Громы радости несутся,
Торжествуй, Москва, ты днесь:
Милосердый царь твой здѣсь!
Славься, Павелъ несравненный,
Славься, первый въ мірѣ царь[4])!
Зри тобою оживленныхъ
И щедротой изумленныхъ:

---

[3]) Посовѣстившись при вопросѣ, по какимъ губерніямъ процвѣтетъ олива, позднѣе исправили „со славой процвѣтетъ.“

[4]) Повторяется какъ припѣвъ послѣ каждой строфы.

Всѣ отцомъ тебя зовутъ,
Слезы умиленья льютъ.

О, веселія содѣтель!
Будь усердія свидѣтель,
Зло, коварство истребляй,
Вѣчной мудростью сіяй!
Духъ мы кротостью питая,
Въ ней блаженство обрѣтая,
Къ мыслямъ склонимся твоимъ,
Честь имъ должну воздадимъ.

Подъ твоею мы державой
Всякой трудъ почтемъ забавой:
Множь къ себѣ въ насъ сердца жаръ,
Дай намъ пѣсней даръ!

Воскресаютъ здѣсь утѣхи,
Игры, рѣзвости и смѣхи;
Ты монаршій бросилъ взглядъ:
Всякъ принесть жизнь въ жертву радъ.

И Марія кроткимъ взоромъ,
Тихихъ прелестей соборомъ,
Наши души оживитъ,
Будто солнцемъ озаритъ.

Ваши отрасли драгія
Намъ залогъ судьбы златыя:
Уже скрылася война,
Низлетаютъ миръ, весна!

(Сочиненъ былъ для „Польскаго").

*

Напомнимъ также разные „стихи" съ хоромъ, поднесенные Павлу въ дни коронаціи, на примѣръ извѣстные — „Россіи въ сердцѣ — во Кремлѣ—Царь Павелъ пребывалъ И милости оттоль народу проливалъ;" или: „Какіе солнцы озаряютъ Великолѣпный Русскій тронъ?... Не возвращенъ ли намъ судьбиной Великій Петръ съ Екатериной? Се Павелъ Первый и Марія, Се поданныхъ отецъ и мать," и т. п.

Заключается снова пѣснею народною:

5.

Умеръ Павелъ императоръ.

(Губ. Калужской, у. Лихвинскаго, с. Андроновское).

Чтò жь это въ каменной Москвѣ за тревога?
Во призывный новый большой колоколъ прозвонили,
Въ печальны славны барабанчики указы били [1])?
Переставился нашь родный батюшка Павелъ императоръ,
По всей матушкѣ каменнòй Москвѣ ладонъ спошибаеть [2]),
Изъ палатъ несуть его гробницу, несуть золотую:
Во передъ-то идуть самой гробницы попы-патріархи,
Позади идуть самой гробницы всё князья-баря,
По правую руку идеть гробницы самъ сынъ цареевъ [3]).
Онъ ни такъ плачеть, младый сынъ цареевъ [3]),— только что рѣка льётся [4]),
Онъ ни такъ плачеть, младый сынъ цареевъ,—только что быстрà льеться.
« «Ты не плачь-ка, младый сынъ цареевъ, не плачь, не печалься!» »
— Да и какъ-жа мнѣ не плакать, да какъ не тужить?
— Подошли-то года плохіе, господа лихіе:
— Изведуть-то меня, млада царевича [5]), за младыя лѣта [6]),
— Ни дадуть мнѣ, младу царевичу, да мнѣ спомужати [7])! —

(Запис. П. И. Якушкинымъ).

* * *

IX.

Мы переходимъ къ послѣднему отдѣлу, очень любопытному и поучительному.

---

[1]) Указы читали при звукѣ барабановъ. —[2]) Бьетъ въ носъ, пахнетъ.— [3]) Рѣдкая, хотя естественная, форма прилагательнаго (гдѣ ь=й, подобно какъ „Алексѣй—Алексѣевъ).“—[4]) Извѣстное намъ отрицательное сравненіе (гдѣ само сравниваемое стоитъ съ отрицаніемъ): онъ плачетъ—что рѣка льется.—[5]) Подобно какъ отъ „Алексѣй“—„Алексѣичь“ вм. „Алексѣевичь.“— [6]) Въ молодыхъ еще лѣтахъ.—[7]) Возмужать, созрѣть.

Не разъ мы замѣчали, что *въ пѣснотворчествѣ* народномъ есть своя исторія и, кромѣ того, *для самаго пѣснотворчества*, какъ и для цѣлаго народа, существуетъ также совершенно *своя особая исторія*, которая служитъ иногда вызовомъ или содержаніемъ пѣсни Исторической, нисколько не освѣдомляясь объ насъ и объ томъ, *какъ* относится этотъ историческій предметъ, любезный или важный народу, къ остальной *нашей исторіи*, въ которой мы думаемъ фигурировать членами, носителями или представителями. Не рѣдко тутъ совершается и послѣ попадается нашему взору или слуху, очерченная разсказомъ или воспѣтая творчествомъ, такая „исторія,“ которой мы вовсе не дали бы подобнаго имени, которую сочли бы случаемъ мелкимъ, частнымъ, бытовымъ, короче такимъ, какой отнюдь не достоинъ подняться до высоты исторической, болѣе или менѣе обязательной всѣмъ и каждому, всей Россіи, всякому интересу и вниманію.

Нижеслѣдующее событіе и сложенная объ немъ Историческая пѣсня, со всѣми потребными признаками подлинной исторіи и вдохновеннаго пѣснотворчества, всѣмъ почти, ближе или дальше, извѣстныя, распространившіяся по всей Россіи и въ ней пропѣтыя или поющіяся, занявшія собою страницу въ каждомъ порядочномъ Пѣсенникѣ, а слѣдовательно въ литературѣ вѣка, наконецъ не вымышленныя и не „сочиненныя,“ а реально прожитыя и естественно сложившіяся, съ полною свободою повѣствующаго и творящаго народнаго духа, наконецъ, вмѣстѣ съ симъ, на вѣки оставшіяся неколебимымъ народнымъ „памятникомъ,“— служатъ всему сказанному совершенно яснымъ доказательствомъ и яркимъ подтвержденіемъ.

Какъ скоро мы по слухамъ и свѣдѣніямъ, хотя давно уже къ намъ доходившимъ, убѣдились въ такой важности и въ такомъ интересѣ явленія, мы сочли долгомъ ближе ознакомиться съ нимъ *на мѣстѣ*, во всѣхъ его подробностяхъ, чтобы исчерпать и положительныя данныя, и уцѣлѣвшія преданія, и округленныя фантастически сказанія, и черты, издалека болѣе или менѣе туманныя, въ самой пѣснѣ: мы поспѣшили переѣхать въ Кусково, прожили тамъ два лѣта и при помощи того сообщаемъ здѣсь результаты изысканій, доставшіеся довольно сложною работой, какой не пойметъ лишь развѣ тотъ, кто не пробовалъ собирать и издавать, такъ какъ мы, народные памятники во всей ихъ обстановкѣ, и притомъ пѣсни „Историческія,“ обязующія ко многимъ опытнымъ познаніямъ и пріемамъ сверхъ вопросовъ одного творчества какъ творчества.

Благодаря геройской личности и любезному для народа образу Бориса Петровича, весь кругъ Петровскихъ пѣсенъ, а отсюда и нашъ 8-й выпускъ, проникнутъ участіемъ и обогащенъ именемъ графскагр рода *Шереметьева*. Такого же происхожденія событіемъ и именемъ начинается нашъ 9-й выпускъ: ему суждено тѣмъ же самымъ и заключиться.

*

Графиня Прасковья Ивановна Шереметева, урожденная крестьянка села Кускова.

Примѣръ Московскихъ государей и государынь, въ полукружіи опоясавшихъ окрестности Москвы загородными селами, съ дворцами, садами и народными гуляньями, отъ Тайнинскаго до Коломенскаго и до самыхъ Воробьевыхъ горъ, отозвался подражаніемъ на ближнихъ боярахъ, потомъ на крупныхъ барахъ Петровскаго времени, искавшихъ въ Москвѣ отдохновенія и спокойствія, а наконецъ на прочихъ богатыхъ дворянахъ-помѣщикахъ XVIII вѣка. Возникшимъ новымъ „Подмосковнымъ,“ со всѣми соединенными дарами природы, искусства и образованія, не было конца: теперь это достояніе равнодушнаго купечества, гнѣздо пріютившихся мелкихъ дачъ или — пустырь. Въ той же мѣрѣ процвѣтали здѣсь нѣкогда и домашніе оркестры, пѣвческіе хоры, а въ концѣ XVIII вѣка „Пѣсенники,“ хотя не вновь уже записанные изъ устъ, а только исполнявшіеся на практикѣ по печатному, — и преимущественно сытою дворовой челядью. Новыхъ причинъ и побужденій, которыя вызвали бы вдохновеніе народнаго пѣснотворчества, съ каждымъ годомъ становилось все меньше и меньше около центровъ сей загородной жизни: силы крестьянства напротивъ всячески истощались и шли — либо на пополненіе дворовыхъ, гдѣ безслѣдно исчезали, либо на рекрутскую службу за прочихъ, либо на громадныя работы въ поддержку величія „Подмосковныхъ,“ либо на удовлетвореніе барскихъ прихотей и страстей. Мы знаемъ, что народъ въ своей пѣснѣ заключалъ XVIII вѣкъ отзывомъ: „Подошли-то года плохіе, господа лихіе.“ Немного было исключеній и, въ числѣ ихъ, такой приговоръ не простирался единственно на одинъ только родъ боярскій — *Шереметевыхъ*: сколько ни славились они благодѣтельной щедростью за всѣ вѣка, и сколько разъ ни оскудѣвали на извѣстный промежутокъ времени, — для возобновлявшагося богатства и довольства ихъ не было длинныхъ „годовъ плохихъ;“ сколько ни наживались вокругъ нихъ и какъ ни злоупотребляли ихъ довѣріемъ довѣренные, до самаго того періода, когда, въ нашу пору, многіе ихніе крестьяне, при вопросѣ освобожденія, принуждены были отойти безъ угодій, столь имъ привычныхъ прежде, — сами „господа“ никогда не были для народа „лихими,“ напротивъ примѣрными и всегда были искренно любимы народомъ. Такъ хорошо жилось у нихъ, что крѣпостные не откупались, когда имѣли къ тому всю возможность, на

оборотъ все свое подписывали на имя графское: „графа Шереметева“— виднѣлась надпись на тысячѣ домовъ, имуществъ, сдѣлокъ, подрядовъ, и это было всегда символомъ достатка, залогомъ общаго довѣрія. Съ другой стороны, господа весьма рѣдко отпускали „на волю,“ хотя бы за нее предлагались громадныя суммы: не нуждались въ томъ, а если нуждались, то довѣряли текущей бытовой жизни; и это довѣріе оправдалось, когда настала пора всеобщаго выкупа, когда въ замѣнъ накопившихся долговъ притекли въ графскую казну многіе наличные милліоны. Шереметевскіе крестьяне знали хорошо историческую и дѣйствительную славу своихъ графовъ: пѣли объ нихъ и пѣснями разносили ихъ народную извѣстность по тысячѣ селъ и деревень, по всему лицу необъятной Россіи, — причина, почему между прочимъ дошло къ намъ столь много пѣсенъ съ именемъ Шереметевскимъ. Эти массы „простаго народа“ живо интересовались всѣмъ, что касалось ихняго владѣльческаго дома, имущества, угодья: такъ, что даже за послѣдовавшимъ отчужденіемъ, даже при послѣднихъ поводахъ недовольства, можетъ статься изъ всѣхъ освобожденныхъ крѣпостныхъ одни только бывшіе Шереметевскіе крестьяне съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ по прежнему за ходомъ барскаго хозяйства, радуются радостнымъ извѣстіямъ объ немъ, скорбятъ о разореніи древностей, о развалившихся дорогихъ зданіяхъ, о запущенныхъ великолѣпныхъ садахъ, о потравленныхъ лугахъ, объ уничтожаемыхъ вѣковыхъ, нѣкогда заботливо разсаженныхъ, рощахъ. Черезъ это именно посредство, и не иначе, какъ черезъ посредство любящаго народа, имя, благо, достояніе и преемство рода Шереметевыхъ сдѣлалось, не частнымъ уже, а Все-россійскимъ и Историческимъ: принадлежитъ нашей общей Исторіи и цѣлой Россіи, ее интересуетъ, ее привлекаетъ вниманіемъ и озабочиваетъ.

За смертію старшаго сына отъ перваго брака [1]) и за денежнымъ вознагражденіемъ меньшаго [2]), сынъ графа Бориса Петровича отъ втораго брака [3]), рожденный въ Прилукахъ 1713 г. и воспринятый гетманомъ Скоропадскимъ, *Петръ Борисовичъ* остался единственнымъ наслѣдникомъ славы и состоянія послѣ отца (1719 г.). Начавши военнымъ поприщемъ, онъ при Елизаветѣ обратился на болѣе сродную придворную дорогу и достигъ здѣсь высокихъ почестей. Будучи близокъ къ Петру II-му, онъ съ тою же придворной ловкостью устранился отъ несчастной судьбы Долгорукихъ и собственной сестры своей, знаменитой Натальи Борисовны (на что она намекаетъ въ своихъ запискахъ). Впрочемъ, послѣ кончины супруги своей и нѣкоторыхъ другихъ семейныхъ огорченій, онъ во время умѣлъ удалиться отъ

---

[1]) Михаилъ Борисовичъ отъ Евдокіи Алексѣевны, урожд. Чириковой. — [2]) Сергѣя Борисовича. — [3]) Съ Анною Петровною, урожд. Салтыковой, семнадцатилѣтнею вдовою послѣ близкаго царскаго родственника Льва Кирилловича Нарышкина († въ М. 1728 г., девятью годами переживши престарѣлаго мужа).

хлопотливаго участія въ событіяхъ Двора и, только по назначеніи „выборовъ,“ при главнокомандующемъ Захарѣ Григорьевичѣ Чернышевѣ, явился первымъ Московскимъ предводителемъ дворянства. Тогда-то, среди полнаго досуга, по обычаю эпохи отдался онъ загородной жизни; но при этомъ напрасно иные полагаютъ, что онъ самъ по себѣ не достаточно владѣлъ средствами: отцу его жаловали и дарили много помѣстій, хотя конечно болѣе отдаленныхъ, и между ними знаменита на примѣръ Малорусская „Борисовка,“ названная такъ по имени владѣтеля, съ домомъ самого Бориса Петровича, а вмѣстѣ съ жилищемъ Петра Великаго. Во всякомъ случаѣ, село *Кусково* (позднѣе „Спасское“ по церкви), отъ Москвы въ 7 верстахъ между Рязанскою и Владимірскою дорогой, по прозванію, какъ думаютъ, отъ „куска“ родоваго имущества, а въ самомъ дѣлѣ точно такое же, какъ „Кучково,“ какъ ближнее „Перово,“ „Останьково“ и т. п., Кусково, говоримъ, было изстари у Шереметевыхъ родовою ихъ Подмосковною. Здѣсь-то (на мѣстѣ нынѣшняго оранжерейнаго зданія, гдѣ уцѣлѣла старая домовая церковь) стоялъ *первый* домъ владѣльцевъ, за которымъ, въ память эпохи Петровской и для собранія во едино Голландскихъ памятниковъ, сооруженъ дальше второй, „Голландскій (1749 г.)“ [4]. Но, разумѣется, всѣ главные источники для своихъ причудливыхъ плановъ пріобрѣлъ молодой графъ, женившись на *Варварѣ Алексѣевнѣ Черкасской* [5], дочери извѣстнаго Алексѣя Михайловича [6] и наслѣдницѣ несмѣтныхъ, въ томъ числѣ Сибирскихъ, богатствъ, прибавимъ— наслѣдницѣ особаго изящнаго вкуса, ибо отецъ завѣдывалъ строеніемъ дворцовъ и садовъ, равно какъ устройствомъ художественныхъ ремеслъ. Съ нею достались счастливцу: „Останкино,“ не менѣе славное своимъ домомъ, отдѣлкой, утварью, садами и прудами, празднествами, народнымъ до сихъ поръ гуляньемъ, а главное—достались всѣ ближнія и отличнѣйшія имѣнья, простирающіяся, кромѣ Владимірки и прочихъ направленій, отъ Москвы чуть не до Коломны. Въ томъ же числѣ, на Рязанской дорогѣ, примкнуло къ селу Кускову „Вешняково,“ лежащее между Владимíркою и Измайловскимъ Звѣринцемъ съ одной стороны, между Перервою и селомъ Коломенскимъ съ другой: то былое подмосковное убѣжище кн. Одоевскихъ [7], куда, мы знаемъ, навѣщалъ сына

---

[4]) Къ удивленью мало повѣрченъ до сихъ поръ. — [5]) Родилась 1711, † 1767 г. По матери была Трубецкой Марьи Юрьевны дочери Юрья Юрьевича.— [6]) Род. 1680, † въ М. 1742: богатый наслѣдникъ послѣ Сибирской службы отца, отмѣнно самъ честный, хотя и недостаточно дѣятельный канцлеръ Анны и Елисаветы — [7]) Сынъ Никиты Ивановича Яковъ пріобрѣлъ многое въ супружествѣ за Шереметевою, дочерью боярина Ѳедора Ивановича; потомъ, безъ сыновей, за его дочерью перешло имѣніе Черкасскимъ, а наконецъ снова возвратилось къ Петру Борисовичу. Въ томъ числѣ состояло и смежное съ Кусковымъ Вешняково, о которомъ фамильныя преданія еще помнилъ и сообщалъ намъ пріязненный Кн. В. Ѳ. Одоевскій.

и утѣшать отца сворачивалъ нѣкогда къ Никитѣ Ивановичу страстный охотникъ и всадникъ царь Алексѣй. Свадьба совершилась въ 1743 году: понынѣ разсказываютъ, какъ поѣздъ ея, прибывая въ Вешняки, концомъ своимъ тянулся еще у Московскаго вала. Молодая графиня здѣсь провела свое дѣтство: чтобы связать мѣсто дорогихъ для ней воспоминаній, отъ любимаго ея Вешнякова до Кускова предприняты и потянулись первыя великолѣпныя постройки и блестящія улучшенія [6]).

Глядя со стороны Кускова, между нимъ и Вешняковымъ, въ право отъ соединяющей дороги, разбитъ былъ вѣковой лѣсъ на просѣки и аллеи, съ подсадкою деревьевъ и съ особымъ зданіемъ „Руинъ" по срединѣ [1]).—Въ лѣво, среди купъ засаженныхъ по рощѣ липъ, изъ которыхъ многія сдѣлались теперь уже вѣковыми, раскинулся громадный „Звѣринецъ," занимавшій, съ жильемъ служителей по краямъ и воротами, 1.383 сажени вокругъ, обнесенный весь оградою, съ прекрасною въ центрѣ каменною круглою бесѣдкой, украшенною колоннами: жилище всевозможныхъ дикихъ животныхъ и искусственное поприще для большой охоты, подъ смотрѣніемъ особыхъ звѣринщиковъ [2]).—Еще лѣвѣе его, поднялся смежный, построенный обширнымъ замкомъ, „Конюшенный дворъ" со „Скотнымъ" и „Псарнымъ," или „Охотничьимъ," гдѣ жили со своими сворами псари и ловчіе [3]).—Все это про-

---

[6]) Достопримѣчательности Кускова описаны были въ печати много разъ (въ „Моск. Вѣдом." старыхъ годовъ, „Отеч. Зап.," „Сѣв. Цвѣтахъ," „Вѣстникѣ Европы," въ Путеводителяхъ по Москвѣ и окрестностямъ, въ сочиненіяхъ Долгорукова, Воейкова, у С. М. Любецкаго и отдѣльными книжками): но или отрывками, или по слухамъ, или по памяти безъ надлежащей точности, а отъ того со множествомъ ошибокъ и путаницы. Въ краткомъ нашемъ очеркѣ точность добыта съ большимъ трудомъ изъ документовъ и разысканія на мѣстѣ.—[1]) Лѣсъ нынѣ совсѣмъ заброшенъ и заросъ. Остатки прежняго, съ подростками и лугами, истребляются пастбищемъ, отданнымъ въ наймы подъ гурты воловъ, прибывающихъ съ сосѣдней Рязанско-Козловской дороги: это бичъ молодаго лѣса, гуляющихъ дачниковъ и мѣстныхъ частныхъ стадъ, безпрерывно отъ того поражаемыхъ болѣзнями.—Руина построена въ 1786 году „на подобіе развалившагося строенія въ двѣ пирамиды;" она стояла долго и разобрана не такъ давно, когда камень понадобился, чтобы починить въ Вешняковѣ ограду и кое-какія постройки при церкви. — [2]) Звѣринщиковъ состояло всегда двое; по штату 1786—89 г. положено было содержать: оленей Нѣмецкихъ 20, Американскихъ 100, волковъ Сибирскихъ черныхъ 12, сайгей Американскихъ 6, зайцевъ безъ счету; въ 1799 г. было уже оленей Нѣм. 9, Америк. 146; потомъ съ каждымъ годомъ менѣе, пока въ 1809 г. много вывели и распродали, съ 1810—11 отдавали уже Звѣринецъ подъ покосъ, а нынѣ, безъ слѣда зданій и ограды, подвергся онъ одинаковой участи съ прочими рощами. — [3]) Конюшенный на 88 стойлъ, Скотный и Псарный построены въ одно время съ Руиной: уцѣлѣлъ лишь полуразрушенный первый. Конюховъ было 11, послѣ меньше. Псарей и ловчихъ въ концѣ XVIII вѣка то больше, то меньше.

странство, сверхъ соединительной проѣзжей дороги, прорѣзано было особенною „просѣкой,“ черезъ которую видно было Кускову все Вешняково. Лицомъ къ сему послѣднему и къ просѣкѣ, въ протяженіи поперечномъ, рукою знаменитаго архитектора Валли, воздвигнутъ былъ, на каменныхъ сводахъ и подвалахъ, деревянный двухъ-этажный „Домъ,“ великолѣпный по тому времени, прочный, прекрасный и удобнѣйшій доселѣ, *третій* по порядку помянутыхъ нами зданій, извѣстный съ тѣхъ поръ подъ именемъ „Большаго:“ полный какъ чаша всѣмъ, столь извѣстнымъ имуществомъ знатныхъ богачей изъ XVIII вѣка, въ томъ числѣ Гобеленевыми работами, древнимъ оружіемъ, библіотекою, картинною и преимущественно портретною галлереей (о которой скажемъ ниже), бюстами, вазами и т. д. [1]). По бокамъ его уцѣлѣла еще желѣзная рѣшетка, сдѣланная по рисунку, который во время пребыванія здѣсь на досугѣ набросала Екатерина.—На лѣво отъ дома, и въ одно время съ нимъ, построена вторая, послѣ первой домовой, каменная „Церковь“ во имя Спаса (перваго, августа 1-го), куда изъ старой перенесена главная утварь и поступило нѣсколько драгоцѣнностей [2]).—

[1]) Благодаря удивительной прочности и достоинству матеріала, домъ доселѣ, кромѣ незначительныхъ мелочей внутри, таковъ точно, какъ за сто почти лѣтъ. Верхній этажъ собственно — антресоли; подвалы назывались „Фряжскими погребами,“ съ Фряжскими винами. Послѣднихъ, въ томъ числѣ очень старыхъ, рѣдкихъ и дорогихъ, при перевозкѣ въ Москву 1810 года, нашлось 1023 бутылки и посудины. Но любопытно, что въ опекунскомъ реестрѣ оказались по наличности совсѣмъ другія, болѣе простыя и дешевыя вина, даже наливки и воды, вмѣсто числившихся дорогихъ по прежнимъ бумагамъ. Тутъ же, въ подвалахъ, была часть провизіи и содержались кладовыя, между прочимъ пушки—трофеи Бориса Петровича, употреблявшіяся послѣ для стрѣльбы по праздникамъ и увеселеній.— Библіотека была довольно велика, на разныхъ языкахъ, и теперь больше не существуетъ на лицо; въ ней стояли бюсты Вольтера, Руссо, Франклина, множество фигурокъ, зрительныя и слуховыя трубки, географическія карты, камеръ-обскура и т. п. Когда въ 1810 г. книги всѣ отправлены были въ Московскій Воздвиженскій домъ, ихъ оказалось 40 сундуковъ съ 11,668 нумерами. Старшимъ библіотекаремъ при нихъ былъ *Вас. Вороблевскій*, оставившій намъ „Лирическіе переводы“ —„Оружейная“ или „Кригсъ-камера“ содержала 572 №№, въ 1817 г. отправленныхъ въ Останкино: между ними сѣдло Карла, отбитое при Полтавѣ и подаренное герою битвы Петромъ. Подлѣ дома кухня и уничтоженная нынѣ „Оффиціанская“ съ „Гостиннымъ флигелемъ“.—
[2]) Между прочимъ крестъ, бывшій постоянно на груди фельдмаршала, теперь вдѣланный въ ручку для употребленія Переправлена въ 1801 и 1818 году. Зимняя же домовая передѣлана въ 1830 г. и расписана живописцемъ *Михайлою Лавыженковымъ*. Въ причтѣ состояли - старшіе: священникъ *Александръ Ѳедоровъ*, а потомъ *Петръ Матвѣевъ* и *Дмитрій Ивановъ;* дьяконъ *Петръ Васильевъ*, потомъ *Григорій Яковлевъ* и *Ѳедоръ Христофоровъ*; дьячекъ *Иванъ Павловъ*, потомъ *Иванъ Егоровъ;* пономарь *Дмитрій, Илья* и *Иванъ Васильевичи;* просвирня *Анна Ѳедорова*. Жили они сначала за Слотинымъ прудомъ

Передъ лицомъ дома, между нимъ и помянутою просѣкою, съ которой открывался видъ на Вешняково, воспользовавшись болотистой мѣстностью, вырыли громадный „Прудъ,“ съ теченіемъ времени обратившійся въ озеро, съ трубами и каналами, отъ которыхъ зависятъ три пруда ниже въ лѣво, пруды и каналы въ саду. Какъ всѣ работы по Кускову, обычаемъ Шереметевыхъ, щедро оплачивались, такъ и для этой, весьма тяжелой, употребили силы бѣдняковъ, дабы дать имъ средства въ голодъ 1770 года. Вообще прудовъ, прорѣзавшихъ и опоясавшихъ Кусково, до 17-ти: главный превосходилъ ихъ затѣями украшенія. Тамъ, гдѣ онъ къ Вешнякову вдавался въ просѣку узкою полосою, при входѣ въ сію послѣднюю съ обѣихъ сторонъ поставлены два каменныхъ „Обелиска,“ а при концѣ полосы на берегу устроена была превосходная „бесѣдка съ каскадами“ поднятой воды; по срединѣ пруда островъ съ другою „Китайскою“ бесѣдкой; по берегамъ,—противъ дома „щитъ на подобіе руины,“ а по бокамъ его искусственныя „рыбачьи хижины“ съ развѣшанными снастями ловли; на поверхности пруда, сверхъ разнаго вида лодокъ, большая раззолоченная „Яхта“ съ пушками, „Китайское судно,“ „Баржа“ и „Шлюпка,“ доставленная изъ Петербурга и т. п., а для нихъ особые матросы и гребцы; по праздникамъ мелькали здѣсь ночные огни и горѣли блестящіе фейерверки; внутри—рѣдкое обиліе саженой рыбы *).—Между тѣмъ, вырытая съ прудоваго ложа земля перенесена за домъ, по другую его сторону, и пошла на уравненіе или планировку нѣсколькихъ десятинъ подъ садъ и подъ дальнѣйшія сооруженія въ немъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы сами теперь оборачиваемся на другую сторону Большаго дома и смотримъ съ задняго его фасада, гдѣ устроена терраса.—„Садъ“, открывавшійся съ нея взору, вплоть до означеннаго выше оранжерейнаго зданія (какъ и доселѣ), разбитъ

на углу Старой Слободки, потомъ, послѣ артистовъ, въ ихъ корпусахъ по линіи Большой дороги. Нынѣ церковь приходитъ въ ветхость и штукатурка обваливается. — *) „Обелиски“ поставлены въ 1786 году, тогда же „щитъ-руина“ и тогда же устройство яхты (отдѣлана архитекторомъ А. Мироновымъ). Матросовъ, состоявшихъ при яхтѣ и сначала нанимавшихся для обученія другихъ съ Сухаревой башни, было трое, въ шкиперскихъ кафтанахъ и суконныхъ шароварахъ, кофейнаго или вишневаго цвѣта, съ бѣлыми пуговицами, для работъ камзолы и шаровары парусинные, шляпы круглыя поярковыя съ желтыми лентами, галстухи кумачные, кушаки стамедовые, башмаки, чулки гарусные или бумажные; гребцовъ 13, въ кафтанахъ и штанахъ суконныхъ желтыхъ съ бѣлыми пуговицами или въ камлотовыхъ полосатыхъ камзолахъ, кафтаны и шляпы съ серебрянымъ позументомъ, малиновыя ленты, башмаки, чулки, пряжки, подвязки. Изъ пруда вынута была разъ раковина съ жемчугомъ; рыбы столько, что за разъ, на примѣръ, снастями вылавливалось до 2000 карасей. Нынѣ главный прудъ уже начинаетъ заростать травой; бесѣдки съ каскадами, руины и рыбачьихъ хижинъ нѣтъ, нѣтъ ничего и на острову; яхта со шлюпками и лодками сгнила въ сараяхъ; рыба часто дохнетъ; стоитъ нѣсколько безобразныхъ, полуразрушенныхъ купаленъ.

былъ, на квадратѣ въ 200 саженъ, во французскомъ вкусѣ, съ открытыми клумбами разнообразнаго рисунка для дорогихъ цвѣтовъ, по бокамъ со шпалерами подстриженныхъ липъ и березъ, образовавшихъ аллеи, а за сими послѣдними, за лиственницей и кедрами, съ рядами елей, тополей, рябины, черемухи, сосенъ и т. д., чѣмъ дальше отъ средины къ краямъ, тѣмъ гуще. Онъ дѣлился на двѣ неравныя половины, поперегъ разгороженныхъ узорчатою рѣшеткой [7]), и названъ садомъ „Большимъ" (въ отличіе отъ „Малаго," старшаго, о которомъ ниже). Въ самой срединѣ сада помѣщался прудъ, нынѣ зарощенный лугомъ; дорожки, перекрестки и переходы украшались множествомъ мраморныхъ статуй, подаренныхъ Екатериною и дополненныхъ другими простѣйшими, алебастровыми на гранитѣ, своей Московской работы [8]). Садовая кайма шпалеръ и аллей отдѣлялась отъ крайней чащи другихъ саженыхъ деревьевъ, съ права, съ лѣва и впереди (за оранжереей) рвомъ или довольно глубокимъ каналомъ съ проведенною отъ прудовъ чистою водою: на высокомъ берегу канала, кончавшемъ края сада, съ трехъ же сторонъ обнесена была высокая ограда въ каменныхъ столбахъ [9]).—Красивѣйшія зданія, воздвигнутыя въ одно время съ Большимъ домомъ, пришлись *внутри* этого водянаго обвода, среди аллей. То были: *на право* отъ домовой террасы, каменный такъ называемый „Гротъ," выложенный внутри разнообразными морскими раковинами, съ типическими статуями приморскихъ жителей, въ томъ числѣ и нашихъ, съ рѣдкостями въ родѣ мамонта и т. п. [10]); съ боку его, между нимъ и Итальянскимъ домомъ, прудъ съ особенно-рѣдкою рыбою, ходившею по звонку, а на берегу, на пригоркѣ, мраморная статуя Сирены надъ фонтаномъ [11]); далѣе „Итальянскій домъ," предназначенный собственно для памятниковъ Итальянскаго искусства, преимущественно дорогихъ картинъ,—передъ нимъ статуи, фонтаны, цвѣтники [12]); тутъ же, правая сторона обводнаго канала служила для плаванія рѣдкихъ птицъ, особенно лебедей, съ ихъ жилищемъ на высо-

[7]) Рисунка Екатерины, тою самою, что послѣ перенесена къ Большому дому (ср. выше). — [8]) По видимому ради невысокаго ихъ достоинства: предназначались прежде для садовъ Петербургскихъ, ихъ до 70-ти. Гипсовые бюсты въ 1785 г. дѣлалъ Мартынъ Андреевичъ. — [9]) Слѣды ея столбовъ видны доселѣ. — [10]) Полъ въ залѣ изъ Орлеанскаго мрамора, въ кабинетахъ—синяго и бѣлаго мрамора; 12 статуй деревянныхъ съ перламутромъ и раковинами; столы со мраморными досками. При нѣкоторой порчѣ и ветхости, сохранился доселѣ, хотя въ пыли и грязи. — [11]) Порядочная рыба есть доселѣ; статуя Сирены снята. — [12]) Внѣшность дома обезображена, внутри теперь жилые покои, съ мебелью Петровскаго времени, картины и рѣдкости вынесены. Прежде вездѣ, кромѣ картинъ и статуй, были мраморъ, золото, хрусталь, бисеръ, рѣзьба по дереву, штофъ, атласъ, живописные плафоны и фрески. Поврежденъ послѣ отдачи въ наймы и когда жила здѣсь Н. П. Щ. Особый садикъ передъ домомъ былъ огороженъ: въ немъ бассейны и фонтаны (вода изъ Водовзводной башни, ср. ниже), мраморныя вазы, статуи, пирамиды, отлитыя утки и т. п.

комъ берегу, что къ оградѣ,—такъ называемая „Менажери“ (Ménagerie) или „Менажерея,“ пять изящныхъ каменныхъ домиковъ съ окнами и воротцами, рѣшотками и колоннами [13]); наконецъ, всего дальше, на перекресткѣ аллей въ правомъ углу, круглая деревянная зеленая бесѣдка, вершина куполомъ съ 8-ю окошками, служившая и именованная сначала „Бельведеромъ“ [14]).—Настоящій же „Бельведеръ,“ каменный, сооруженъ немного спустя, въ крайнемъ углу сада съ той же правой стороны: иначе „Круглая бесѣдка,“ а позднѣе „Обсерваторія“ [15]).— *На лѣво* отъ террасы, прежде всего, по сю сторону прудика, соединеннаго съ главнымъ прудомъ посредствомъ пролива, стояла деревянная „Сквозная, Раскрытая, Столбовая (т. е. съ колоннами) бесѣдка“ или Разрѣзная Галлерея,“ съ двумя кабинетами по бокамъ; а напротивъ, по другую сторону прудика, при садовой загородкѣ на валу, стояла такая же каменная въ родѣ тріумфальныхъ воротъ, служившая для подъѣзда къ саду со стороны Москвы: она отличалась необычайною красотою и величавостью постройки, въ верху съ Діаною на скалѣ и нѣсколькими статуями; съ боку ея помѣщался подъемный мостъ черезъ проливъ на дорогу къ подъѣзду Большаго дома [1]).—На третьемъ берегу прудика, съ третьимъ спускомъ для катанья и уженья, стоялъ помянутый двухъ-этажный „Голландскій домъ,“ весь выложенный внутри изразцами или плитками самаго разнообразнаго рисунка, съ мраморнымъ поломъ, украшенный по стѣнамъ множествомъ картинъ съ Голландскими видами, Фламанской школы и Итальянской, рисовавшей природу или домашній бытъ (Итальянскій домъ напротивъ вмѣщалъ

---

[13]) Отъ Итальянскаго дома черезъ валъ сюда велъ мостикъ; кругомъ домиковъ ограда, рѣшотки позолочены; фронтоны съ позолоченною рѣзьбою. Лебедей было до 20 и болѣе, при нихъ „лебединщикъ;“ журавли, Американскіе гуси, фазаны, утки красныя Американскія и кривоносыя Голландскія, куры Цесарскія и лучшія Русскія, позднѣе Пеликанъ, и при нихъ люди птичники (старшій *Николай Соколовъ*). Теперь, кромѣ какой-то избушки, нѣтъ этому слѣдовъ, ровъ вездѣ сухой. — [14]) До постройки каменнаго (см. ниже). Въ потолкѣ была люстра въ видѣ куста розоновъ; по стѣнамъ, обитымъ золоченою травчатою кожею, висѣли виды Кускова. Послѣ уничтожено. — [15]) Внутри расписной плафонъ, купидоны съ вазами, вокругъ зала четыре кабинета, изъ одного лѣстница въ верхъ, а съ верху четверо дверей на балконъ, чтобы любоваться видами (bel-veder'); снаружи площадка вокругъ съ вазами и амурами. Уцѣлѣлъ въ полуразрушенномъ видѣ.—[1]) Первая цѣла въ полуразрушенномъ состояніи: кабинеты ея, съ зеркалами и картинами, служили для ночлега гостямъ, а послѣ отдавались въ наемъ. Вторая цѣла еще была въ 1812 г., но послѣ совсѣмъ исчезла и только удивляетъ насъ на картинахъ. Подъемный мостъ ея, черезъ проливъ, отвѣчалъ другому на противуположномъ концѣ, за церковью и кухнею. И точно, эта тріумфальная бесѣдка для подъѣзда сдѣлалась практически не нужна, какъ скоро къ торжеству 1786 и 87 года (см. ниже) устроенъ былъ новый подъѣздъ при Большомъ домѣ, прежде не существовавшій.

картины историческія, библейскія и евангельскія); при немъ отличная кухня, буфетъ, погребцы, а сзади дома Голландскій садикъ съ тюльпанами, съ гвоздикой, и хозяйственный огородъ; внѣшность дома, довольно грубая, хоть и оригинальная, выигрывала отъ красивыхъ пристроекъ по бокамъ, столбиковъ, рѣшотокъ, мостиковъ, снарядовъ для уженья, плаванья и катанья [2]).—Между этими пристройками, среди галлерей, стоялъ „Пагоденбургъ,“ иначе называемый „Индѣйскою бесѣдкой“ [3]): сводъ потолка былъ расписанъ „небомъ,“ по стѣнамъ лѣсные виды и особо большая картина, изображавшая Кусковскій проспектъ на Перово, съ профилью сего послѣдняго. Совсѣмъ исчезшій нынѣ, онъ замѣненъ довольно безобразною „Китайскою бесѣдкой,“ перенесенною изъ Англійскаго сада (см. ниже) и потерявшею свои старыя, Китайскія или Японскія, украшенія внутри. Сюда же принадлежали двѣ раскидныхъ „Палатки,“ такъ называемыя „Персидская“ и „Китайская,“ изъ дорогихъ восточныхъ тканей и съ восточными узорами [4]).—Отъ Голландскаго дома поворотъ, съ каменными столбами и рѣшотками, велъ къ устроенной въ аллеѣ „игрѣ Малли (jeu de mail) [5]).“ Наконецъ, рядъ крупныхъ и дорогихъ зданій въ Большомъ саду, ближе къ срединѣ его отъ Голландскаго дома и дальше отъ террасы дома Большаго, въ перекресткѣ липовыхъ аллей замыкалъ двухъ-этажный красивѣйшій „Эрмитажъ,“ построенный въ Мавританскомъ вкусѣ тѣмъ же Валли, съ четырьмя выступами наружу, павильонами или по старому кабинетами, откуда съ балконовъ открывались вокругъ виды, съ бюстами въ наружныхъ нишахъ и статуей Ганимеда на кровлѣ. Украшенія его отвѣчали всей остальной роскоши, но превосходили ее изяществомъ: плафоны зала и кабинетовъ прекрасной живописи, зеркала на стѣнахъ и простѣнкахъ, пилястры и десюпорты, карнизы съ фризомъ и архитравомъ, и все это, въ цѣльныхъ рамахъ, на паненяхъ и дверяхъ или при особыхъ кронштейнахъ, отдѣлано дубомъ съ позолоченою

---

[2] При домѣ этомъ жилъ долго, въ особомъ жильѣ, особый хранитель Голландецъ; теперь, кромѣ разбитыхъ плитокъ, внутри не осталось никакой утвари; нѣтъ ни садика, ни огорода; но зрителя продолжаетъ плѣнять легкость сводовъ и лѣстницъ, удобство и прочность постройки, къ сожалѣнію страдающей отъ сырости безъ вентиляціи, а особенно главный кабинетъ или залъ, весьма хорошо сохранившійся. — [3]. Не принимая объясненій Голландскихъ, думаемъ по этимъ даннымъ, что то была Индійская *Пагода*, въ отличіе отъ Бельведера, послѣ того какъ онъ построенъ изъ камня. Къ сожалѣнію, нѣтъ соотвѣтственнаго рисунка и на картинахъ по бокамъ Голландскаго дома мы видимъ только украшавшія его пристройки, свѣтлаго цвѣта (самый домъ темно-красный, кирпичный). — [4]) Онѣ хранились послѣ въ сараяхъ или пошли на обивку стѣнъ и мебели; отсюда-то, изъ сего рода бесѣдокъ и палатокъ, разсѣяно теперь въ Шереметевскихъ домахъ столько Китайскихъ, Японскихъ, Индійскихъ и Персидскихъ мелочей. Въ Москвѣ также былъ свой „Китайскій домъ,“ дѣлившійся украшеніями съ Кусковымъ. [5]) Нынѣ не осталось слѣда.

рѣзьбою. Сколько привлекаетъ знатока эта, уцѣлѣвшая изъ всего прочаго, отдѣлка, столько нынѣшнихъ посѣтителей занимаетъ конечно обыкновенная принадлежность тогдашнихъ „отшельническихъ жилищъ,“ дававшая возможность интимному кружку на верху обходиться безъ прислуги вокругъ, — машина, поднимавшая съ низу диваны и столовый приборъ на 16 человѣкъ, по знаку проведенныхъ колокольчиковъ [6]).—Отъ Эрмитажа, параллельно серединѣ сада, упиравшагося въ Оранжерею, шла, сохранившаяся донынѣ въ томъ же направленіи, большая аллея къ выходу въ Англійскій садъ, на Сѣверъ. Здѣсь, во первыхъ, гдѣ нынче круглый запущенный цвѣтникъ, помѣщалась, въ каменныхъ стѣнахъ, „Карусель“ съ разными затѣйливыми играми [7]).—Далѣе, на томъ же проспектѣ, деревянный „Бассейнъ,“ по срединѣ мраморная статуя Плутона, вокругъ Миносъ, Евридика, Персефона, Орфей, 16 фонтанныхъ трубокъ, скамьи и двѣ мраморныя собаки [8]). — Въ заключеніе передъ самымъ выходомъ, гдѣ слѣдомъ остался теперь трехъугольный выступъ сухаго рва при оградѣ, „Пещера огнедышащаго дракона,“ стража выходу и входу, а подлѣ, для маскированія входу, декорація руины и деревьевъ, да два шалаша, покрытые мохомъ, въ одномъ капуцинъ, въ другомъ деревенская дѣвушка. Все это рано было сломано и перенесено съ измѣненіемъ въ сосѣдство Дома Уединенія (о которомъ ниже), а поближе къ сему послѣднему (ибо отъ Большаго дома далеко) устроенъ былъ съ краю пещеры въ столбахъ „Фряжскій погребъ“ для винъ [9]).

Намъ остается теперь „Оранжерейный домъ,“ старшее Кусковское зданіе (см. выше), въ которое упирался разбитый средній Большой садъ и за которымъ нынѣшніе ворота. Фасадомъ къ Сѣверу (обратно Боль-

---

[6]) Уцѣлѣли внутреннія украшенія по стѣнамъ и попорченная машина; въ верху при тарелкѣ графа помѣщалась шестерня, для движенія приборовъ снизу и кругомъ стола. — [7]) Здѣсь былъ деревянный досчатый кругъ на ходу, на кругу двѣ деревянныхъ лошади съ полнымъ уборомъ для ѣзды и двѣ одноколки; 6 рапиръ; 5 дротиковъ съ желѣзными наконечниками; 15 стрѣлъ съ желѣзными конейцами; разныя кольца, мячи и столъ съ прорѣзнымъ кругомъ, куда ихъ метали; одни кегли на 4-хъ столбахъ съ висячимъ шаромъ, другіе въ ящикѣ; фортуна, ящикъ съ жолобомъ для шаровъ и колокольчикомъ; на столбахъ цѣль—деревянная утка съ носомъ и крыльями желѣзными; столбъ съ кругомъ, на кругу литтеры; качели вісячія и круглыя на столбахъ, и т. п. Теперь все уничтожено. — [8]) Нѣтъ слѣда. — [9]) Въ пещерѣ находился одинъ большой драконъ съ крыльями и два маленькихъ, „двѣ гадины ползающихъ,“ змѣй изъ холстины, обвившійся вокругъ дерева, надъ входомъ надпись „Non furit, sed indomitus,“ Не ярится, но не укротимъ (послѣ сдѣлали пещеру „львиную“, см. ниже); тутъ же была каменная плита съ окаменѣлыми морскими раковинами, найденная близъ Кускова. — Подъ манекеномъ капуцина былъ кожаный черный стулъ, на столикѣ черниьница и песочница, черныя глиняныя: когда послѣ, въ Англійскомъ саду, сдѣлали вмѣсто того Діогена, народъ по памяти капуцина звалъ и зоветъ философа доселѣ „монахомъ.“ Дѣвушка держала блюдо съ грибами.

шому дому), отъ временъ Бориса Петровича оставалось оно въ такомъ видѣ: вытянутое въ длину, по серединѣ имѣло оно круглый залъ подъ куполомъ съ хорами, съ 4-мя дверьми на выходъ, съ нѣсколькими статуями внутри въ нишахъ, стоячими большими канделябрами и кожаной мебелью; изъ двухъ половинъ по обѣимъ сторонамъ, каждая въ два этажа, одна, на лѣво къ Карусели (см. выше), представляла два особыхъ покоя, или, какъ говорили тогда, „кабинета," раздѣленныхъ кухнею, съ висячими люстрами, каминами, нѣсколькими бюстами и самой простой мебелью, — это жилые покои; въ другой половинѣ, на право къ церкви, двѣ галлереи,—съ оружіемъ, съ картинами и рѣдкостями [10]. Когда молодой наслѣдникъ, устроившись съ дѣлами своими при началѣ правленія Елизаветы, сталъ чаще посѣщать подмосковную, онъ исправилъ въ 1742 году церковь во имя архангелова Чуда (6 сентября), помѣщавшуюся на правомъ концѣ зданія, и по ранней архитектурной страсти своей началъ отдѣлывать покои. Женидьба вскорѣ дала ему лучшія средства: тогда, изъ наполнившихся галлерей, Голландскіе и тому подобные старые памятники съ картинами перенесены въ соотвѣтственный второй домъ 1749 г. (см. выше), портреты помѣщены въ первой „Портретной" сего имени кладовой или галлереи надъ церковью, а оружіе поступило позднѣе въ Кригсъ-Камеру при Большомъ домѣ. Въ одно время съ постройкою сего послѣдняго, въ 70-хъ годахъ, обращенная къ нему вся задняя половина, состоявшая изъ одного высокаго этажа, передѣлана въ Оранжерею, стеклами на Югъ, въ садъ. Сѣверная половина, уменьшившаяся вдвое, тѣсна стала для жилыхъ покоевъ: здѣсь позднѣе назначено жилье главнымъ садовникамъ, а въ опустѣвшихъ галлереяхъ устроена „Кордегардія" для прочихъ садовниковъ съ учениками. Такъ возникла „Большая Оранжерея," смѣнившая старую, что въ Маломъ саду за Управительскимъ домомъ (см. ниже; тамъ было 5 деревянныхъ оранжерей и 2 грунтовыхъ сарая): теперь въ Большой помѣстилось самое рѣдкое и цѣнное, доставшееся особенно отъ Черкасскихъ, между прочимъ безцѣнныя лавровыя и померанцовыя деревья, громадной величины и нѣсколькихъ сотъ лѣтъ; съ боку къ Слободкѣ раскинулось со временемъ еще нѣсколько оранжерей, теплицъ и грунтовыхъ сараевъ, доселѣ замѣчательныхъ, а въ старину снабжавшихъ всѣ окрестныя помѣстья и самую Москву. Въ промежуткѣ ихъ оставались старшія людскія, кухни, погреба, кладовыя. Такое устройство постепенно совершалось въ пер-

---

[10]) Въ залѣ образъ св. Іоанна Предтечи, 4 гипсовыхъ статуи, 4 пальмовыхъ дерева съ вызолоченными трубками для свѣчь; въ кабинетахъ висячія „паникадила" съ кустомъ розоновъ, 11 гипсовыхъ бюстовъ, 2 трюмо съ составными зеркалами, занавѣсы, виды Кускова, о которыхъ ниже. Корпусъ въ жилыхъ покояхъ часто послѣ переправлялся, и каждый разъ къ худшему, пока для живущихъ здѣсь дачниковъ сдѣлался источникомъ ревматизма.

выхъ 70-хъ годахъ, къ концу ихъ почти окончилось и въ частностяхъ за ново исправлено къ 1786 году [11]).

Сооруженія, сей часъ нами описанныя, при всей порчѣ, во внѣшнемъ видѣ своемъ большею частію сохранились доселѣ на лицо, благодаря относительной прочности матеріала, не поддававшагося времени и управителямъ: отчасти на картинахъ и рисункахъ, а еще болѣе въ описяхъ,

---

[11]) Церковь, послѣ постройки Спасской, обращена въ домовую и зимнюю; здѣсь былъ прежде грудной крестъ, тѣльникъ фельдмаршала. Кладовая надъ ней, превращенная въ первую Портретную галлерею, вмѣщала тогда 26 портретовъ, на половину фамильныхъ, нѣсколько эстамповъ и Кусковскихъ видовъ. — Старшіе главные садовники были: *Петръ Ракъ* съ 1786; *Іоганъ Шредеръ* съ 1798; Англичанинъ *Романъ Керисъ* съ 1808; *Романъ Маннерсъ*; за нимъ нѣсколько Русскихъ, съ которыми начались злоупотребленія; снова иностранцы *Детмерсъ и Глюске*, и снова Русскіе, запустившіе дѣло. Садовыхъ подмастерьевъ въ старину 4, учениковъ 13 и болѣе, изъ нихъ многіе женатые съ семействами. Вешняково при Черкасскихъ и особенно Останкино имѣло свои богатѣйшія оранжереи, откуда и перешли главныя рѣдкости, постепенно разроставшіяся и пополнявшіяся. Такихъ лавровыхъ и померанцовыхъ деревьевъ, по древности и величинѣ, нѣтъ въ Россіи, а только на югѣ Европы при знатнѣйшихъ палацахъ и въ образцовыхъ садахъ; но и кромѣ нихъ много драгоцѣннаго: только наши ученые Московскіе ботаники не знаютъ этого, не видятъ и не изслѣдуютъ. По старшимъ описямъ, лавровыхъ „съ мѣрою“ было 23, безъ мѣры 13, молодыхъ отъ 9 до 17; лимонныхъ болѣе 130; померанцовыхъ до 80, нѣкоторые огромной величины; апельсинныхъ 21; абрикосовыхъ до 70 (и до 100), персиковыхъ до 80 кромѣ молодыхъ (а съ ними до 225); фиговыхъ 40, мелкихъ до 80 (почти всѣ пропали); яблонныхъ болѣе 100; грушевыхъ до 200 сверхъ дичковъ; вишневыхъ столько же; сливныхъ около 150, кромѣ молодыхъ; миндальныя, виноградныя (въ грунту 33, въ горшкахъ 135), лавровишневыя, лотусы, гранатовыя, арабики, оливковыя, каштаны, бананы, олеандры; ананасныхъ плантовъ 950; ягодныхъ кустовъ всякого рода безъ счету; цвѣтовъ до 120 званій, иныя въ нѣсколькихъ видахъ, однихъ розоновъ до 300 кустовъ. Въ случаяхъ болѣзни или порчи дерева наряжалось слѣдствіе или съѣзжался совѣтъ изъ окрестныхъ лучшихъ садовниковъ, отъ которыхъ отбирались мнѣнія и голоса. Употреблялось, дарилось и продавалось фруктовъ и ягодъ возами; отсюда заводились сады другіе, учились и выходили садовники въ Москву и по окрестностямъ. Это важный періодъ для исторіи ботаники и садоводства въ Россіи (не тронутый доселѣ наукою и печатью). Попортила все невнимательность и алчность опекуновъ по смерти Николая Петровича и въ малолѣтство Дмитрія Николаевича; нынѣ одинъ Богъ хранитъ и одинъ вѣдаетъ плоды столѣтія, все еще по виду насъ удивляющіе.—

Переведя Делилевы „Сады,“ А. Воейковъ вставилъ сюда описаніе нѣкоторыхъ Русскихъ, между прочимъ:

Примѣръ Двора священъ вельможамъ, богачамъ,
Во всѣхъ родилась страсть изящная къ садамъ:
Въ Архангельскомъ сады, чертоги и аллеи,
Какбы твореніе могущей нѣкой Феи,

хотя и отрывочныхъ [12]). Обыкновенно думали и увѣряли до сихъ поръ, что все это, созданное съ помощію средствъ Варвары Алексѣевны, дѣлалось именно для нея и она тѣмъ утѣшалась: точно, задумано было для нея, въ счастливые годы жизни съ нею, но исполнено было графомъ, когда она давно уже была въ могилѣ, именно съ 70-хъ годовъ и далѣе. Петръ Борисовичь все это выполнилъ не для кого либо, даже, скажемъ, не для себя самого и не для посѣтителей, а ради одного искусства. Но видя наконецъ задуманное въ счастливомъ исполненіи и самое дѣло какъ бы завершившимся, а между тѣмъ безъ подруги жизни, унесенной въ могилу, вдовецъ графъ успѣлъ этимъ скоро наскучить. Другой бы опустилъ руки, продолжалъ бы только пользоваться или кончилъ бы смертію: предпріимчивый безъ усталости, графъ такъ сказать перекинулся на другую сторону и съ тѣмъ вмѣстѣ перевелъ насъ къ Сѣверу, за садъ и оранжерею.

Все, что мы кратко очертимъ въ слѣдъ за симъ, начато непосредственно послѣ помянутыхъ сооруженій, но нѣсколько позднѣе, а отдѣлывалось еще медленнѣе: то-есть съ конца 70-хъ годовъ, а въ отдѣлкѣ

За диво бы почли и въ Англіи самой.
Село Кусково, гдѣ бояринъ жилъ большой,
Любившій Русское старинно хлѣбосольство,
Народни праздники и по трудахъ спокойство. —

По случаю праздника (см. ниже), въ 1786 г. оранжерейный корпусъ превращенъ былъ на время въ воксалъ, а залъ его въ танцовальный.

[12]) Кромѣ стѣнныхъ видовъ Кускова, большею частію поврежденныхъ и исчеазшихъ, есть нѣсколько прекрасныхъ масляныхъ картинъ, хотя также попорченныхъ; 13 гравюръ, къ сожалѣнію не совсѣмъ точныхъ, сдѣланныхъ „мастеромъ *Михаиломъ Махаевымъ*," который самъ воспитался въ Кусковѣ, съ Русскимъ и Французскимъ текстомъ (впослѣдствіи онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *Махова*); прекрасная инкрустація на столѣ (въ Большомъ домѣ) съ видомъ Кускова; видъ, вырѣзанный на столикѣ изъ дерева (почти исчезъ, ибо на немъ умывались и дерево разодрано); планъ, составленный и отпечатанный геодезистомъ *Александромъ Ивановымъ*, жившимъ въ Кусковѣ (см. ниже) и т. п Всѣ они берутъ *время Петра Борисовича*, большею частію 70-хъ годовъ: есть еще „Круглая деревянная Бесѣдка" въ саду, вторая „Сквозная," пристройки при домѣ Голландскомъ, Карусель, бесѣдка „съ Каскадами," планъ Англійскаго сада и Лабиринта, видъ „Портретной галлереи" и т. п., но нѣтъ еще „Дома уединенія," ни сооруженій вокругъ него, ни даже Театра, а тѣмъ болѣе позднѣйшихъ зданій.—„Описи" мы разумѣемъ письменныя (о печатныхъ выше), которыми мы занимались, разбирая послѣднимъ лѣтомъ Архивъ Кускова, помѣщенный въ Театрѣ. — До сихъ поръ мы имѣли въ виду сооруженія, ограниченныя пространствомъ Большаго Сада и его округомъ: они, кромѣ Большаго дома, почти всѣ каменныя и этому много помогалъ „Кирпичный заводъ," нарочно для сего устроенный П. Б—чемъ въ Вешняковѣ и продолжавшій дѣйствовать до конца вѣка. Напротивъ слѣдующія за симъ постройки, въ Гаѣ, около его, по слободамъ и въ саду Большомъ были уже по большей части деревянныя.

при началѣ 80-хъ, не за долго до смерти графа и даже при его сынѣ. Именно, отъ фасада Оранжереи и Большаго сада на Сѣверъ (къ теперешней желѣзной дорогѣ), распланировано было обширное лѣсистое мѣсто, съ подсадкою новыхъ деревьевъ, съ дорожками и аллеями, въ двухъ большихъ половинахъ. Лѣвая (глядя на Сѣверъ) или Западная, къ Гирееву и Тетерькамъ, разбита въ „Англійскій Садъ,“ съ тѣнистыми аллеями среди природной чащи; глубина его называлась и называется „Гаемъ,“ имя, которое вѣроятно унесъ къ себѣ еще Борисъ Петровичь изъ любимой Малороссіи и которое равно дорого было сыну, тамъ родившемуся. Середняя дорожка, аллеей, приходилась прямо противъ того входа въ Большой садъ, гдѣ мы видѣли Драконову пещеру и за тѣмъ Эрмитажъ: при концѣ ея, подлѣ перекрестка съ другими дорожками, раньше прочихъ построекъ воздвигнута была „Портретная галлерея (вторая),“ куда, вслѣдствіе пополненій, перенесены портреты изъ кладовой надъ церковью. Это было четвероугольное, продолговатое и довольно высокое деревянное зданіе съ деревянною крышей. Стояло оно къ помянутой аллеѣ поперегъ, входъ былъ изъ аллеи на искось въ средину, такъ что приходился почти противъ дорожки, съ которой видѣнъ былъ Эрмитажъ; на оборотъ, отъ Эрмитажа прямо, вышедши изъ Большаго сада, по аллеѣ Англійскаго входили въ передніе сѣни Галлереи. На право и на лѣво, на оконечностяхъ длины, стояло по кабинету съ извѣстнымъ убранствомъ; по бокамъ у дверей праваго были портреты Бориса Петровича и супруги, у лѣваго портреты Алексѣя Михайловича и Марьи Юрьевны Черкасскихъ. Въ срединѣ зданія, въ залѣ, по четыремъ стѣнамъ, обитымъ холстиною и выбѣленнымъ, сверху до низу въ три ряда, а также въ простѣнкахъ у дверей, висѣли портреты, почти всѣ въ рѣзныхъ золоченыхъ рамахъ, съ извѣстною системою размѣщенія, въ огромномъ уже количествѣ — *ста двадцати осьми*. Когда послѣ, безъ поддержки, зданіе обветшало и крыша стала протекать, портреты, почти того же количества, въ первыхъ 10-хъ годахъ сего столѣтія перенесены въ Большой домъ, а зданіе срыто [1]).—Правая или Восточная половина всего расчищеннаго и об-

---

[1]) Гай теперь весь заросъ и въ немъ пасется стадо; зданія же здѣшнія всѣ, и ниже перечисленныя, не поддержанныя въ теченіе опекунства надъ Димитріемъ Николаевичемъ, опали и разобраны; нынче отъ нихъ лишь слѣды фундаментовъ, по мѣстамъ разбросанные камни, да на мѣстѣ ихъ кучи крапивы и бурьяна; аллеи и кое-гдѣ англійскія дорожки еще замѣтны.—Кабинеты Галлереи были расписаны, съ покойными канапе. Залъ былъ убранъ очень просто. Кромѣ портретовъ, между окнами и дверьми въ простѣнкахъ было 4 историческія картины „баталій,“ по угламъ гипсовые купидоны. Изъ портретовъ, въ первыхъ 3-хъ рядахъ, начиная съ Грознаго, царственныя фамиліи, Русскія, потомъ иностранныя намъ родственныя, 47; помянутыхъ 4 родоначальника; въ одномъ кабинетѣ особо Ромодановскій, въ другомъ особо же цесарь Іосифъ I; далѣе передовые Русскіе дѣятели XVIII вѣка (здѣсь А. А. Матвѣевъ и Сумароковъ, княгиня Н. П. Голицына и герцогиня В. Киронъ

саженнаго пространства, на Востокѣ отъ Англійскаго Сада къ Слободкѣ, обращена въ „Лабиринтъ," совершенно правильный четыреугольникъ, изъ подстригавшихся тѣнистыхъ березъ, со входомъ съ Запада (отъ Портретной галлереи): дорожки среди березъ, сами по себѣ тѣнистыя и кромѣ того непроницаемыя отъ частыхъ кустовъ по бокамъ, представляли видъ цвѣтка, такъ что въ серединѣ былъ кругъ, а отъ него лепестки на подобіе округленной звѣзды; входившій долго могъ путаться [2]).—За Англійскимъ Садомъ и Лабиринтомъ все углубленіе на Сѣверъ (или собственный „Гай") занято было тѣнистою рощей съ прудами: оно прорѣзывалось большимъ „Проспектомъ," который однимъ концемъ велъ къ Сѣверному выходу, а началомъ своимъ приходился противъ Оранжереи Большаго сада, какъ и донынѣ. Гдѣ перекрещивался Проспектъ аллеею Поперечной, при самомъ Сѣверо-Западномъ углѣ Лабиринта, не много поглубже нынѣшней безобразной деревянной лавчонки, отдаваемой по найму, въ слѣдъ за Портретною Галлереей построенъ, *четвертый* по счету (см. выше), барскій „Домъ Уединенія," окончательно отдѣланный въ 1782—86 годахъ. Сюда ушелъ, какъ отшельникъ, Петръ Борисовичъ, покинувъ опостылѣвшій Большой Домъ и Садъ: здѣсь отчасти повторилъ, въ новомъ видѣ, прежнія сооруженія, отчасти, увлекшись, въ изобиліи создалъ новыя, еще болѣе затѣйливыя. Въ прежнихъ массивность, прочность, дороговизна, великолѣпіе, иностранные образцы, вѣковѣчные памятники искусствъ, обширность для публичныхъ пріемовъ: здѣсь разсчитанное отшельничество, намѣренная простота, уютность и удобство, мелкіе узоры, вкусъ болѣе Русскій. „Домъ Уединенія" или, иначе, „во уединеніи," повторилъ собою—только по Русски—прежній Эрмитажъ. Онъ былъ четвероугольный, продолговатый, деревянный, на каменномъ фундаментѣ, съ тесовою крышей; фасадъ на Сѣверъ, одинаково со старымъ Оранжерейнымъ домомъ, отворотившись отъ Дома Большаго; 3 крыльца съ сѣнями: съ передняго буфетъ, проходная, гостиная съ каминомъ,

---

ская), 21 + 3 + 3 + 5 + 5; за тѣмъ 3 Русскихъ дамы и Прокоповичь, 4; владѣтели и владѣтельницы иностранные, 18 + 3; царь Алексѣй Михайловичь (портретъ второй, въ латахъ, и потому вѣроятно онъ попалъ сюда), Грузинскій Ираклій и Королева Прусская, 3; наконецъ нѣсколько королей и королевъ, особенно Польскихъ, да папа Климентъ XIV, 4 + 4 + 2. Въ Кусковѣ есть еще нѣсколько дублетовъ симъ портретамъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ; въ Большомъ же домѣ прибавилось нѣсколько еще, прежде тамъ бывшихъ, или вновь написанныхъ, равно какъ фамильныя Шереметевыхъ и изъ кладовой надъ церковью. Вообще эта исторія въ лицахъ, по выбору и исполненію, въ Кусковѣ одна изъ лучшихъ на всю Россію. — [2]) Въ 1810-хъ годахъ, при помянутыхъ обстоятельствахъ, нашли излишнимъ продолжать подсадку, березки безъ ухода и подстрижки вытянулись въ вышину, кусты поломаны, дорожки затоптаны или измѣнены, и запущенный Лабиринтъ обратился въ прибѣжище нынѣшняго чаепитія, для гуляющихъ и особенно для богомольцевъ между Москвою и Косинымъ.

спальня, будуаръ; за тѣмъ спальня *Анны Николаевны*, весьма важнаго въ Кусковѣ лица, Калмычки, постоянно жившей съ графомъ, а послѣ перебравшейся въ Большой Домъ (и тогда сдѣлана здѣсь уборная Николая Петровича, предспальная и контора или конторка для хозяйственныхъ дѣлъ; это отдѣленіе съ средняго крыльца); наконецъ, соединенная коридоромъ, собственно женская половина, по видимому строенная въ память Варвары Алексѣевны,—спальня (послѣ обращенная въ гостиную и биліардную), узкая проходная, уборная и наугольная гостиная. Всего 12 — 13 комнатъ, убранныхъ не столько роскошно, сколько комфортно и хозяйственно; вокругъ лужокъ, рѣшотка въ столбахъ и противъ хоромъ на каменномъ столбѣ солнечные часы. Домъ началъ ветшать съ 1810-хъ годовъ, его нанимали для лѣтней дачи, между прочимъ столь извѣстная *Елизавета Семеновна Сандунова*, въ 1812 году, прельщенная преданіями старины и Кусковскаго театра; а послѣ, чтобы не поправлять, былъ онъ сломанъ и оставилъ намъ одни слѣды фундамента [*]).—Отсюда-то Петръ Борисовичь постепенно раскинулъ свои затѣи вплоть до крайней Сѣверной границы рощи. Во первыхъ, на поперечной аллеѣ, что шла отъ Дома Уединенія къ Галлереѣ и кончалась Западнымъ выходомъ изъ Гая, въ направленіи къ „Тетерьской рощѣ“ и къ Москвѣ, по сторонамъ воротъ, которыми въѣзжали гости къ Дому Уединенія, для лучшаго вида ихъ взорамъ, поставлены были на столбахъ три большихъ „Декорацiи“ изъ тесу, гдѣ разными красками изображены были красивые ландшафты и строенія (какъ дѣлывалъ Потемкинъ для проѣзда Екатерины). За воротами, внѣ

---

[*]) Въ 1й, мужской половинѣ, находились: барометръ, столики карточные и шахматные, образа Бориса и Глѣба (Борисъ Петровичь) и Ап. Петра (ангелъ графа); у окна Анны Николаевны колокольчикъ для примаиндація голубей (см. ниже); въ конторѣ барометръ, бандура и 2 скрипки, календари 1782, 85 и 86 г., письменные приборы, шкафъ для книгъ, большею частію съ гравюрами въ ящикахъ и съ книгою „объ операхъ,“ подзорная трубка; въ половинѣ женской образъ Св. Варвары, роскошная спальная кровать, утварь для бѣлья, термометръ, комоды, картины „свадьбы;“ вообще въ домѣ много картинъ на мѣди, стеклѣ, атласѣ, а болѣе на бумагѣ съ пасторальными сюжетами или сельскими видами, статуетки, кораблики, чучела птицъ. Вещи перенесены послѣ въ „Новый домъ (см. ниже)“ или въ Останкино (съ 1795 г.). — Весною 1812 г. нанялъ было купецъ 1-й гильдіи Чертковъ, но отказался; за тѣмъ въ іюнѣ нанималъ М. Ѳ. Бестужевъ, за 500 р., и также отказался изъ опасенія сырости; уже въ іюлѣ явилась „придворная актриса“ Сандунова и давала 350 р. ради упущеннаго времени: но опекуны, цѣня домъ „тысячь въ 50 и болѣе,“ разсудили отказать „политическимъ образомъ,“ а въ самомъ дѣлѣ потому, что она жила съ мужемъ въ разводѣ, состояніе ея было неизвѣстно и опасались „неблагопристойныхъ компаній.“ Судьба спасла Сандунову отъ послѣдующей встрѣчи здѣсь съ Французами, а ограбленный ими домъ былъ вскорѣ сломанъ (объ этомъ курьёзѣ наша особая статья).

сада, помѣщенъ былъ большой деревянный „Скотный дворъ (впослѣдствіи перенесенный, когда отстроили каменный Конюшенный корпусъ [4]).“ Вокругъ самаго дома, кромѣ „лакейскаго флигеля,“ ближе всего была „Голубятня,“ въ столбахъ, деревянная, рѣшетчатая, шестиугольная, о 3-хъ этажахъ, съ бѣлою желѣзною крышей, а по угламъ колокольчики, на верху желѣзный шпиль съ кольцами и вызолоченный драконъ; при ней „Птичникъ“ плетеный изъ жестяной проволоки, въ верху шаръ съ рѣзнымъ золоченымъ ястребомъ: это было повтореніе Менажереи, съ дорогими птицами, домашними и пѣвчими [5]). — Тутъ же, въ право (глядя отъ дома на Сѣверъ) знаменитый „Сѣнной Стогъ“—снаружи, а внутри его расписная бесѣдка съ плафономъ, съ 4-мя окнами, двумя стеклянными дверями, на стѣнахъ съ шестью зеркалами, вокругъ которыхъ кусты розановъ для свѣчей и тутъ же деревянные стѣнные часы, бой съ кукушкою, а по срединѣ большой круглый столъ [6]).— Близь Стога „Костры“ или „Костеръ,“ расписанная на подобіе костра бесѣдка изъ бревенъ. — Далѣе „Открытый Воксалъ,“ для музыки и танцевъ, съ наугольными кабинетами, снаружи и внутри фонари и колокольчики, деревянный (вмѣсто каменнаго оранжерейнаго; рано сломанъ, ср. ниже). — При его выходѣ, но въ связи съ нимъ, такъ что воксалъ обращался въ зрительную залу, стоялъ старый „Театръ,“ заступившій мѣсто „Домашняго“ и въ свою очередь сломанный для „Новаго“ въ 1785 г. — Потомъ бесѣдка „Трефиль,“ снаружи и внутри обитая равендукомъ, съ расписанными стеклами, на ней надпись: „Найтить здѣсь спокойство;“ напротивъ ея живописная досчатая „Декорація,“ представлявшая домики, при ней ворота съ замкомъ и скобками (то и другое рано сломано). — „Бельведеръ трельяжный (вмѣсто стоявшаго въ Большомъ саду, ср. выше),“ рѣшетчатый деревянный, внутри винтовая лѣстница на верхъ, напротивъ двѣ башенки трельяжныя съ золочеными флюгерами и также досчатая „Декорація,“ съ видомъ бесѣдки, скамьи и воротъ по срединѣ (также рано сломаны). — „Философскій домикъ,“ надъ дверьми Французская и Русская надпись золотомъ; стѣны и потолокъ обиты березовою корою съ уборкою ноздреватаго камня; травяные или дерновые диваны; нутреной буфетъ, на столѣ мраморныя книжки и накладки (прессъ-папье), полъ бѣлыми и синими плитками, двѣ статуйки — одна изъ нихъ Діана.—Возлѣ, изъ ноздреватаго камня, „Львиная Пещера,“ повторившая извѣстную намъ Драконову, съ тою же самою надписью золотыми лите-

[4]) От Декорацій и Скотнаго двора теперь нѣтъ и слѣда.—[5]) Видно еще мѣсто въ деревьяхъ. Голубей козырныхъ и простыхъ состояло по 20 паръ; были „черные Турецкіе красноглазые; глинистые; бѣлые грибастые; бѣлые трубастые; бѣлые чорнопокромые“ и т. д.; изъ пѣвчихъ: чижей 70, зяблицъ 30, щегловъ 70, чечотокъ 20, жаворонковъ 10; снегирей 10, снегирокъ 5; расноловныхъ 80; овсянокъ 30; юрковъ 20; клестовъ 5 и т. д. (1786 г.).—[6]) Прежніе описатели почему-то сочинили, что здѣсь сидѣли „мужички, пьяная компанія:“ см. ниже.

рами на мраморной доскѣ и съ мелкими фонтанами вокругъ: внутри изъ глины расписанный левъ. — Наконецъ, въ томъ же направленіи, ближе къ Восточному выходу за Лабиринтомъ, противъ Озерка (см. ниже), вмѣсто помянутаго капуцина, „Діогенъ:“ врытый въ землю дубовый чанъ со снимавшейся крышкою, обложенный каменьями (они уцѣлѣли до сихъ поръ), „внутри того чану (говоритъ опись) сидитъ философъ Діогенъ, сдѣланный изъ алебастра и расписанъ подъ цвѣтъ натуральнаго тѣла. На немъ обложено байки сѣрой два аршина; передъ нимъ поставлено двѣ чашечки муравленыя, внутри зеленыя, а снаружи выкрашены муміею, горшокъ муравленый (кувшинъ) и чашечка, книга шнуровая въ кожаномъ переплетѣ; въ правой рукѣ держитъ перо (его-то и звалъ народъ, и доселѣ вспоминаетъ „монахомъ“).“ — Внѣ Лабиринта, по Восточной его сторонѣ, за Театромъ, вблизи посаженныхъ кедровъ, поднималась сдѣланная „на подобіе улитки“ гора, сохранившаяся доселѣ: въ верху, на шести точеныхъ столбахъ, стояла бесѣдка, съ обитымъ холстиною и выбѣленымъ потолкомъ; внутри, на деревянной подставѣ, глиняная, съ металлической обдѣлкою, статуя особенно чтимой графомъ „Діаны,“ съ лукомъ и колчаномъ стрѣлъ; подъ нею ястребъ, по сторонамъ подставы четыре головы животныхъ. — Въ самомъ Лабиринтѣ на центральной площадкѣ сооруженъ былъ „Храмъ Тишины,“ съ 4-мя окнами, 3-мя дверями, до половины стеклянными, и простымъ сосновымъ поломъ: внутри стояли только, въ знакъ молчанія, двѣ гипсовыя вазы, замкнутыя крышками. — Такова была вся линія сооруженій, шедшая вдоль помянутой поперечной аллеи, мимо Портретной Галлереи и Дома Уединенія, отъ Западнаго до Восточнаго выхода, позади Англійскаго Сада и Лабиринта, отдѣляя сіи послѣдніе отъ Гая или отъ той глубины рощи, которая продолжалась на Сѣверъ.

Но и глубина высокой чащи скоро оживилась. По самой Сѣверной ея границѣ, на оконечности къ Гирееву, къ полю и Владычну, съ Запада на Востокъ текъ среди болота быстрый „Ручей,“ который играетъ важную роль въ нашемъ дѣлѣ. Онъ былъ расчищенъ, углубленъ, обложенъ по берегамъ камнемъ и обращенъ въ такъ называемую „Рѣчку;“ отъ Рѣчки сдѣланы отводы и каналы, между ними вырыты четыре довольно большихъ водоема: такъ возникли новыхъ *четыре пруда*, уцѣлѣвшихъ доселѣ, соединенныхъ между собою извилистою рѣчкою, отлично въ ту пору отдѣланныхъ, обставленныхъ и разукрашенныхъ, съ живописными берегами, островками, переходными мосточками, на мосточкахъ золоченыя перила, тамъ башенки, тутъ бесѣдки. Первый, съ Запада, „Локасинскій;“ потомъ, послѣ извилинъ протекавшей сквозь него рѣчки, „Длинный“ или „Безъимянный;“ дальше „Круглый;“ и на самомъ Востокѣ „Озерокъ,“ болѣе глубокій и природный; отъ Озерка Ручеекъ (или Рѣчка), поворачивая, входитъ подъ мостъ, который велъ и ведетъ вонъ изъ Кускова къ деревнѣ Владычну и дальше къ Косину, — мѣстность столь же завѣтная для нашихъ во-

просовъ [1]). — Здѣсь-то, между прудами и между линіей означенныхъ сооруженій, въ самой глубинѣ рощи, возникла новая и послѣдняя черта затѣй Петра Борисовича. — Начиная съ Запада, къ Локасинскому пруду спускалась маленькая, искусственная или образцовая деревенька, населенная впрочемъ особо помѣщавшимися здѣсь выборными крестьянами, по имени Основателева (Петра Борисовича) Деревня," или же иначе „Тентерева," названная такъ въ параллель лежавшихъ въ виду за лѣсомъ Тетерекъ (намъ уцѣлѣлъ лишь срубъ отъ колодца при деревенькѣ). — Немного выше ея, на пригоркѣ къ Портретной Галлереѣ, построенъ былъ въ 1785 году прекрасный домикъ „Лакасина" или „Локасино," отличавшійся внутри и снаружи особеннымъ изяществомъ, какъ дорогая игрушка: деревянный въ столбахъ, покрытый тростникомъ; входная дверь съ Востока, дверь разрѣзная къ пруду и въ садъ; комната о двухъ окнахъ съ каминомъ, передняя, буфетъ, внизу погребъ, вверху свѣтелка. Долго еще въ нашемъ вѣкѣ любовались этимъ памятникомъ Кусковскіе жители [2]). — Нѣсколько правѣе или Восточнѣе, подъ Голубятнею къ пруду, поставлена была „Метрея (maître)" или, какъ называли, Матерея, маленькій образцовый скотный дворъ подъ надзоромъ самого графа, для раціональнаго хозяйства: со стороны Дома Уединенія обнесена была чугунною рѣшеткой, надъ воротами башня съ фальшивыми часами и колоколомъ. Здѣсь, на право со двора, рабочая или крестьянская изба; въ сѣняхъ 55 футляровъ съ чучелами птицъ и одинъ съ чучелами пѣтуховъ; въ просторной и рѣзной избѣ стоялъ столъ съ ковромъ, браные завѣсы, зѣркала и нѣсколько картинъ. На лѣво покой самого хозяина: въ сѣняхъ картины съ видами городовъ, дачь, охоты, пристаней, судовъ; комната съ каминомъ, выложена Голландскими плитами (вообще внутренность напоминала собою Голландскій домъ); кухня съ очагомъ; скатертная съ русскою печью, полная дорогой посуды, чашъ, корзинъ,

[1]) Ручеекъ теперь быстръ и силенъ только ниже моста, среди болота, подъ лѣсочкомъ, что къ Косину; выше моста, гдѣ онъ спускался къ мосту изъ Озерка, его завалили, отчасти перерыли, отчасти онъ заросъ травою, а отъ того и всѣ пруды лѣтомъ затягиваетъ, они заростаютъ или нечисты; только весною, въ разливъ, Ручеекъ беретъ свое и пруды запасаются водою на все лѣто; еще же выше прудовъ, на Западѣ, внѣ Кускова, идетъ онъ нынче подъ мостомъ желѣзной дороги Владимірской, а началомъ своимъ теряется подъ Гиреевскою рощей и Тетерьками. — [2]) Теперь его нѣтъ. Приходило на мысль, что при прудахъ и озерахъ это было старое „le Cosino," близъ лежащее Косино: на самомъ дѣлѣ это, съ Итальянскаго, казино, увеселительный домикъ, la Casina или lo Casino. — Стѣны были обиты Нѣмецкими обоями, потолокъ въ четверо холстиною, полъ крашеный и лощеный; зеркала, пятнадцать портретцевъ, маленькія картины, мраморные медальоны, мраморная статуя Юноны, мраморные — столики, шандалы, вазы, пирамидки; вездѣ легкая позолота; въ стеклянныхъ ящикахъ „Китайскій маскарадъ;" стулья съ рѣшетчатыми раскрашенными спинками; узорчатыя панели, и т. п

лотковъ, ставцовъ, грѣлокъ. Изба скотника убрана была также столярною работой; въ погребѣ полки съ фарфоровой посудой и разною утварью для молока. По сторонамъ два хлѣва, въ нихъ стойла съ лучшими коровами и быками; Американскіе и Китайскіе поросята; на дворѣ утки шипуны съ селезнями и отборныя Русскія куры; позади двора садикъ. Все это хозяйство рушилось со смертью Петра Борисовича. — Еще правѣе отъ Метреи, то спускаясь къ прудамъ, то соединяясь съ Діогеномъ, Трефилемъ и Трельяжемъ, шло еще нѣсколько подобныхъ построекъ, между прочимъ: „Кофейная," съ очагомъ о двухъ большихъ камфорахъ и Голландскою печью (рано перенесена и обращена во флигель для танцовщиковъ на слободѣ, см. ниже); „Рыбачій домикъ" съ неводами, сѣтьми, кошелями, вершами, удочками шелковыхъ лесъ, позади домика Мамонтовы кости; на плотинѣ, откуда съ Запада спускалась Рѣчка каскадомъ, стояла статуя „Венеры" съ дельфиномъ (взята послѣ къ Итальянскому дому); на островѣ Круглаго пруда „Китайская Бесѣдка (см. выше)" съ Китайскими фонарями, картинами, посудою, мебелью, занавѣсами; противъ бесѣдки къ мостику по обѣимъ сторонамъ два шеста съ разноцвѣтными флагами; на берегу, близь дороги, отъ солнца „Китайскій парасоль," на деревянномъ столбѣ огромный зонтикъ, съ крашенымъ чехломъ и желѣзными прутьями, подъ нимъ канапе, на шпилѣ колокольчики, и т. п. Наконецъ при самомъ мостѣ, что ко Владычну надъ Ручейкомъ, „Водовзводная башня," снаружи выкрашенная подъ кирпичь, съ лѣстницею вверхъ, гдѣ стоялъ наполненный чанъ, снизу два насоса, на крышѣ золоченый флюгеръ: отсюда шли фонтанныя трубы ко „Львиной пещерѣ" и „Китайской бесѣдкѣ;" отсюда же, къ величайшему удивленію многочисленныхъ прохожихъ по мосту, особенно богомольцевъ, по желанію ихъ въ жары или для шутки сюрпризомъ и невзначай обрызгивали ихъ съ ногъ до головы мелкимъ дождемъ изъ брызгалокъ (рано сломана и отъ трубъ ея остался нынѣ колодезь близь Театра; ей отвѣчала другая для Мыльни, на Восточной сторонѣ сада, о чемъ ниже).

Таково было все углубленіе на Сѣверѣ; но по Восточной окраинѣ Лабиринта и близь дороги, гдѣ мы видѣли храмъ Діаны, не доходя его и Театра, стояло еще нѣсколько сооруженій; изъ которыхъ замѣчательнѣе два „Шомьера (chaumière, хижина, крытая соломой)," одинъ старый и другой — въ 80-хъ годахъ — новый. Первый по стѣнамъ былъ выложенъ мохомъ и фигурами изъ раковинъ, потолокъ въ листьяхъ и раковинахъ (то было отчасти повтореніе „Грота"), зеркала въ томъ же убранствѣ, скамьи на березовыхъ сучьяхъ въ видѣ пней; на столѣ, съ подстольемъ пня во мху, стоялъ столовый полный приборъ изъ перламутра, перламутровые — чайникъ, чайница, сахарница, шкатулка, чернилица и песочница, подносъ съ чарками въ перламутрѣ; въ томъ же родѣ, цвѣтами и листьями, убранъ былъ буфетъ, выходившій дверью къ Слободѣ. Другой, болѣе новый, всего сильнѣе распространилъ басно-

словные разсказы о Кусковѣ, не столько убранствомъ, весьма простымъ, съ двумя стеклянными дверьми, четырьмя окнами, Русскими обоями и гравюрами по стѣнамъ, сколько своимъ круглымъ столомъ съ знаменитыми фигурами застольныхъ гостей, представлявшихъ разные характерные типы: къ сожалѣнію, онъ еще въ первыхъ 90-хъ годахъ былъ обокраденъ, стѣны же сломаны очень не давно, гораздо позже другихъ памятниковъ Кускова [a]). — Памятники эти на Восточной сторонѣ

[a]) Портной Иванъ Пучковъ и обойщикъ Нефедъ Никитинъ въ ночное время перебили куклы, отшибли инымъ голову, другимъ руки, изломали хлѣбъ и колбасу, платье ободрали, похитили и продали въ Москвѣ; остальное довершили мыши. Вѣроятно вслѣдствіе такого ранняго опустошенія возникла ошибка описателей, относившихъ застольную группу къ Сѣнному Стогу и видѣвшихъ въ ней „мужичковъ," какими дѣйствительно казались изуродованныя фигуры, особенно передъ взоромъ простаго народа. Между тѣмъ старинная опись такъ разсказываетъ о группѣ въ первобытномъ видѣ: „Въ срединѣ онаго Шомьера поставленъ столъ круглый на 6 точеныхъ ножкахъ; на немъ доска бѣлая, выкрашена изъ масла, бортъ выкрашенъ ярью. На томъ столѣ поставлено 6 блюдечекъ овальныхъ и одна тарелка фаянсовыя: на нихъ, на первомъ сдѣланная изъ воску жаркая курица; на второмъ изъ воску 5 лимоновъ соленыхъ; на третьемъ изъ воску 4 съ половиною яйца куриныхъ; на четвертомъ салатъ и три четверти яйца; на пятомъ три хлѣба французскихъ и половина колбасы; на шестомъ пять яблокъ, одна зеленая маковица и одна груша; на тарелкѣ 5 сливъ и 3 огурчика.... Вокругъ онаго стола 6 стуловъ березовыхъ рѣзныхъ, сидѣнья и спинки обиты золотой травчатой кожей, ветхіе. На нихъ сидитъ пять куколъ мужскихъ и одна женщина, головы и руки сдѣланы изъ воску.—Первая *Вимусь*. На немъ кафтанъ и камзолъ перленевой, штаны черные саржевые, рубашка коротенькая бѣлая холстинная, манжеты миткалевыя, галстукъ полотняной бѣлой, на пучкѣ кошелекъ черной тафтяной, на ногахъ чулки бѣлые шелковые штопаные, башмаки черные старые, пряжки шлифныя стальныя, а башмашныя просметалиныя бѣлыя.—Вторая *Господинъ безъ печали, веселой братъ*. На немъ шлафорокъ набойчатой кофейной полосатой на набойчатой же пестрой подкладкѣ, камзолъ суконной фіолетоваго цвѣту и обложенъ мишурнымъ краснымъ гасомъ, рубашка коротенькая холстинная, манжеты бѣлыя кисейныя, на головѣ картузъ зеленой клееношной, тулья бѣлая тафтяная, по краямъ зеленая ленточка и пришитъ кругомъ узенькой желтой позументикъ, штаны черные саржевые, пряжки стальныя, на ногахъ сапоги черные кожаные старые. — Третій *Французъ*. Въ правой рукѣ держитъ и читаетъ Французскія газеты, на немъ кафтанъ шелковой матеріи съ полосками и черными кранинками, камзолъ шелковой же матеріи мелкополосатой, — бѣлыя, зеленыя, оранжевыя и съ черными пятнышками, и обложенъ шелковой же тесемочкою, пуговицы обтесаныя и плетеныя подъ цвѣтъ же матеріи, штаны черные шелковые канфовые, рубашка полотняная, манжеты шитыя кисейныя съ кружевомъ, галстукъ бѣлой кисейной съ кружевомъ, кошелекъ черной тафтяной старой, пряжки шлифныя мѣдныя, чулки шелковые бѣлые штопаные, башмаки черные кожаные новые съ рантомъ, пряжки мѣдныя прорѣзныя посеребряныя.—Четвертая *Турка*. На немъ фуфайка стамедная брусникшнаго цвѣту на

отъ Лабиринта или, лучше, въ Юговосточномъ углу всего занимающаго насъ пространства, заключались самымъ достойнымъ — Театромъ.

Говоря о Кусковскомъ „Театрѣ“ вкратцѣ, нельзя умолчать того, что изъ Русскихъ частныхъ театровъ это былъ самый старшій и лучшій, не уступавшій Петербургскимъ придворнымъ и далеко превосходившій устройство тогдашняго Московскаго, содержавшагося Медоксомъ; послѣдній жаловался даже по начальству на отбой зрителей, и получилъ такое же форменное объясненіе графа, что „театръ у него бываетъ не ежедневно и притомъ входъ въ него безплатный.“ Деревянный, вырубленный изъ цѣльныхъ, громадныхъ и отличныхъ брусьевъ, а потому прочный доселѣ, превосходно расположенный внутри, по своей акустикѣ, по своей сценѣ и ложамъ въ три яруса, съ партеромъ, онъ объемомъ зрительной залы равнялся нынѣшнему Московскому Малому и Народному, но, разумѣется, удобствомъ, вкусомъ, изяществомъ и богатствомъ отдѣлки, блещущей до сихъ поръ, превышалъ и превышаетъ ихъ, вышедши изъ рукъ того же знаменитаго Валли (по его плану), обрисовавшись рисунками даровитаго Гонзаго и напоминая близко подобныя сооруженія Западной Европы. Начатъ онъ, по единогласному преданію, годъ спустя послѣ „барскаго дома“ (вѣроятно „Дома Уединенія“): но, такъ какъ, мы знаемъ, домовъ этихъ послѣдовательно воздвиглось нѣсколько, а отстраивались они медленно, притомъ и театръ былъ не одинъ, посему позднѣйшій и послѣдній, извѣстный нынѣ, отличался постоянно названіемъ „Новаго“ или „Новоустроеннаго.“ Сначала былъ „Домашній,“ потомъ „Старый,“ при Воксалѣ въ Гаѣ (см. выше), съ теченіемъ времени совсѣмъ сломанный, наконецъ „Новый,“ о построй-

---

холстинной бѣлой подкладкѣ и по борту обложено узенькимъ бѣлимъ мишурнымъ гасикомъ, камзолъ зеленой стамедной, около рукавовъ и на брюхѣ обложено широкимъ и узенькимъ бѣлимъ мишурнымъ гасомъ, кушакъ желтой стамедной, шаровары такіе жь стамедные желтые, на ногахъ туфли желтыя сафьянныя новыя, на шеѣ галстукъ бѣлой миткалевой, на головѣ чалма розовая китайчатая и вокругъ оной обвито Голландскимъ бѣлимъ полотномъ и приткнутъ изъ бѣлыхъ перьевъ султанчикъ. — Пятая *докторъ Бамбасъ*. На немъ кафтанъ суконной старой коришневаго цвѣту съ золотыми петлицами и съ мѣдными позолоченными пуговицами, вокругъ воротника обложено узенькимъ золотымъ позументикомъ, камзолъ суконной алой старой съ нашивными золотомъ городками и съ мѣдными золоченными пуговицами, штаны черные саржевые, пряжки просметалные бѣлые, рубашка коротенькая холстинная, манжеты бѣлыя филейныя, галстукъ бѣлой полотняной, кошелекъ черной тафтяной новой, чулки бѣлые шолковые штопаные, башмаки черные кожаные старые, пряжки оловянныя круглыя.—Шестая *Дама*. На ней роброндъ и юбка пукетовая, по голубой землѣ разные цвѣты и клѣточки, мантелія бѣлая тафтяная съ капишономъ, обшита шелковымъ кружевомъ, манжеты кисейныя бѣлыя съ кружевцомъ, косиночка бѣлая полотняная, на шеѣ ленточка аленькая тафтяная, въ ушахъ серьги мѣдныя съ бѣлыми хрустальными камушками (одна была вырвана помянутыми ворами), въ головѣ приткнутъ цвѣтокъ и бѣлыя перушки.“

въ котораго извѣстія начинаются съ 1784 года, но который съ полною отдѣлкою посѣлъ во всемъ убранствѣ лишь въ 1786—87 годамъ. Такимъ образомъ, въ новомъ видѣ онъ дѣйствовалъ весьма не долго, передъ кончиной Петра Борисовича и въ первые лишь годы Николая Петровича, особенно по причинамъ, которыя увидимъ ниже въ подробности, ибо онъ играетъ важную роль въ нашихъ вопросахъ. Громкую славу стяжалъ онъ у современниковъ и образованнѣйшихъ посѣтителей отличнымъ исполненіемъ богатаго репертуара и счастливымъ выборомъ главныхъ исполнителей, которые вовсе не были многочисленны, но за то хорошо поддержаны массою танцовщицъ, особенно же благоустроеннымъ оркестромъ музыкантовъ и хоромъ пѣвчихъ. Обиліе и красота декорацій, гардероба, занавѣсовъ и прочей обстановки отвѣчали устройству существенному. Лѣтомъ, въ избранные дни, исполнители его и средства переходили въ другой Театръ „Воздушный,“ помѣщавшійся подъ открытымъ небомъ въ Большомъ саду между Итальянскимъ домомъ и деревяннымъ Бельведеромъ, гдѣ и теперь уцѣлѣвшіе слѣды привлекаютъ вниманіе искуснымъ выборомъ мѣста для сцены и замѣчательною акустикой для стороны зрителей. Давались—нѣсколько Драмъ, съ десятокъ Комедій, до 20 Балетовъ и особенно Оперы, болѣе 40. Иныя піесы своимъ появленіемъ упреждали здѣсь Дворъ и Эрмитажъ, другія были единственными для своего времени, почти все было лучшимъ по исполненію [1]).

Остается нѣсколько словъ о сооруженіяхъ и предметахъ „служебныхъ,“ подчиненныхъ или служившихъ главному искусству, которое вдохновляло, и вкусу, который руководилъ графа въ неистощимой его дѣятельности.—Почетные и званые гости, прибывавшіе въ Кусково толпами, размѣщались по господскимъ домамъ и бесѣдкамъ разнаго рода: но были еще гости нужные для всякихъ дѣлъ и вольноприходящіе посѣтители. По построеніи Большаго дома немедленно въ близи его, около Церкви, поставленъ былъ для нихъ деревянный, огромный и богатый, „Гостинный флигель“ въ 17 оконъ, съ нѣсколькими не-

[1]) Театръ былъ рано запечатанъ, съ начала нашего столѣтія, а потому уцѣлѣлъ лучше, почти въ томъ самомъ наружномъ видѣ, въ какомъ дѣйствовалъ: онъ только мѣстами покосился и при незначительныхъ поправкахъ могъ бы быть пущенъ въ ходъ даже теперь; если же нынче опасенъ для посѣщенія, то это потому, что въ небреженіи, полъ продолжаетъ осѣдать, люки не закрыты, внизу подмостковъ вода, самая впрочемъ сердобольная изъ враговъ искусства и древности, ибо до сихъ поръ не успѣла подмыть и сгноить строенія. Было даже время, когда, лѣтъ 12 тому назадъ, въ запустѣломъ театрѣ поселились, говорятъ, мошенники цѣлою шайкою и едва были оттуда выгнаны: res nullius cedit primo occupanti. По крайности, принадлежности движимыя въ послѣдній годъ, при описи, нѣсколько прибраны.— Къ сожалѣнію, меньше всего можно узнать объ его прошломъ въ Кусковѣ: архивъ, здѣсь хранившійся, замѣтно посѣщаемъ былъ какимъ ни будь театраломъ прежде (издана была и книжка—„Кусковскій перевозчикъ“), а можетъ статься, какъ увидимъ далѣе, очищенъ давно отъ щекотливыхъ подробно-

чами, Нѣмецкими обоями, занавѣсами, ширмами, зеркалами, мебелью, рѣзьбою. По удаленіи въ Домъ Уединенія къ простотѣ, флигель естественно былъ сломанъ (уже въ 1786 г.) и близь новаго барскаго помѣщенія, въ Гаѣ, на мѣсто помянутаго Воксала, построенъ „Домикъ для пристанища хорошимъ людямъ,“ деревянный, въ одну просторную комнату съ сѣнями и кухней, простой, но все еще красивый и удобный, съ зеркалами, карточнымъ столомъ и т. п. Между тѣмъ, онъ не всегда же бывалъ занятъ и еще болѣе нужны были подручные исполнители: такъ онъ обратился въ Домикъ „Прикащичій“ съ пристройками для офиціантовъ.—Съ другой стороны, при всей любезности хозяина, большинство гостей хлопотливо было держать возлѣ себя, а кромѣ того прибывало много богомольцевъ въ Косино, по дорогѣ туда и обратно: потому, вмѣсто прежняго пристанища, наискось отъ Театра и по другую сторону большой дороги, тамъ, гдѣ это зданіе существуетъ почти безъ перемѣнъ до нынѣ, въ замѣнъ старой маленькой по-

---

стей по приказанію самого хозяина: только все почти, касающееся Театра, отсюда вынуто, такъ что даже въ оберткахъ „Описи Театру“ вставлены совсѣмъ другія бумаги. — Валли начерталъ только планъ; самъ Петръ Борисовичъ соображался еще съ планомъ и профилемъ стараго театра Московскаго: довершеніе было послѣ дѣломъ Гонзаго, равно какъ „своихъ“ художниковъ и мастеровъ, во главѣ которыхъ стоялъ архитекторъ Мироновъ.— Послѣ „Домашняго“ и „Стараго,“ что при Воксалѣ въ Гаѣ (см. выше; сломанъ 1785 г.), въ теперешней конструкціи Театръ документально извѣстенъ съ 1784-го, когда начатъ, доработанъ же снаружи и въ фундаментѣ 1786—87 года, частію и позднѣе. Потолокъ былъ обитъ холстомъ и выбѣленъ, съ него свѣшивалась люстра, по бокамъ большія жирандоли (статуетками) и шандалы для освѣщенія; обитъ бумажками; на авансценѣ между колоннъ четыре гипсовыхъ статуи; въ ложахъ плисъ, на скамьяхъ алое сукно; простѣнки расписаны по холсту; медальоны гипсовые съ масками; много краски, хрусталя, золота, но съ большимъ вкусомъ.—Расписанныхъ по холсту занавѣсовъ 8, одинъ цѣльный зеленый и одинъ малиновый камчатный; 194 живописныхъ декораціи на холстѣ, главныхъ, до 52 подставныхъ (почти всѣ уничтожены цѣликомъ) и 68 мелкихъ декоротивныхъ аксесуаровъ—на холстѣ, на бумагѣ или изъ дерева; нѣсколько еще изорванныхъ издавна (въ сараѣ) и 30 „воздухъ“ или облаковъ; колеса, арматуры, бревна, гири и т. п.; одна классическая деревянная колесница съ золоченою рѣзьбой, любопытная для насъ своимъ употребленіемъ. — „Кабинеты,“ уборныя и гардеробныя весьма удовлетворительны. — Много помогали здѣсь собственные, изъ крѣпостныхъ, живописцы (каковъ, на примѣръ, при Петрѣ Б. извѣстный *Иванъ Леонтьевъ Аргуновъ*), маляры, обойщики, столяры и т. п.—О полнотѣ и богатствѣ гардероба можно судить по тому, что въ 1810 году, при опекунахъ, по сдѣланной описи, „театральнаго платья“ парчеваго, бархатнаго, шелковаго, суконнаго, шерстянаго и бумажнаго, оказалось на лицо большихъ *семнадцать сундуковъ*; а когда опекуны, въ 1811 году, по обычаю присудили предать „излишнее, порченое и никуда не годное,“ нашлось изъ Театра платьевъ, уборовъ, обуви, военныхъ оружій, бунчуговъ, знаменъ, звѣриныхъ кожъ, андуръ, масокъ, разноцвѣтныхъ перьевъ, занавѣсовъ и т. п., *званій* съ 423

стройки выведенъ былъ вновь обширный деревянный „Гостинный флигель" (второй этого имени и собственно третій по назначенію), въ двѣ большихъ половины, правую и лѣвую, каждая снова раздѣлена продольнымъ коридоромъ на переднюю и заднюю часть, лицевыя окна на большую дорогу и къ Театру. Матеріалъ и пошибъ постройки указываютъ на одно время съ новымъ Театромъ, вѣроятно тотчасъ въ слѣдъ за нимъ. Внутри большое удобство, изразчатыя печи кафлями, зеркала, подзоры, занавѣсы, красивые обои, покрытый холстомъ и выбѣленный потолокъ, тамбуры при дверяхъ, обильная—хотя и простая—мебель. Дѣленіе флигеля на двѣ половины и четыре части давало возможность удовлетворять гостей и прохожихъ, но въ то же время пользоваться частью и „Прикащику;" поелику же быстрое развитіе дѣлъ усложняло собою управленіе и требовало высшаго ранга, отсюда падъ Прикащикомъ явился „Управитель," и флигель постепенно перешелъ въ помѣщеніе его и „Конторы," подъ именемъ „Управительскаго [1])." Сзади флигеля нѣкоторое время оставались еще отъ эпохи

по 559 № (=186 №№), въ 76 сундукахъ, картонахъ и ящикахъ.—О развитіи музыкальной части для исполненія Оперъ свидѣтельствуетъ показаніе, что въ томъ же 1810 году изъ Кускова въ Москву отправлено было 3 сундука съ нотами, „113 папокъ съ симфоніями, увертюрами, Русскими партиціями, сонатами, дуэтами, концертантами и тріо, коихъ числомъ 913 партій".—Исполнители помѣщались въ особыхъ корпусахъ близь Театра (см. ниже), „свои" же иногда и по собственнымъ домамъ; пѣвчіе, родоначальники знаменитой Шереметевской капеллы, къ несчастію нынѣ распавшейся, изъ „своихъ," преимущественно Малороссовъ; пѣвцы - солисты, музыканты, актеры и актрисы (танцовщики и танцовщицы особо)—изъ своихъ и приглашенныхъ за плату; въ старшихъ музыкантахъ было много иностранцевъ, главные *Файеръ* и *Фациль* или *Фаціусъ*, а изъ „своихъ" Русскихъ *Дмитрій Трехваловъ;* позднѣе *Алексѣй Скворцовъ*, *Осипъ Домоногоѳъ* и *Василій Зайцевъ*. Любопытно, что музыкантамъ иностранцамъ, особенно же актерамъ и актрисамъ, предпочтительно предъ прочими сожителями и на равнѣ съ семьею графскою, отпускались изъ прудовъ къ столу „караси," иногда (напр. Русскимъ въ посты) въ большомъ количествѣ на весь корпусъ, такъ что, глядя на счеты, можно бы съ перваго раза подумать, не считалось ли это принадлежностью и лучшимъ питаніемъ жрецовъ сценическаго искусства.—Стражами Театра состояли—старшій „Гусаръ (при П. Бор. *Иванъ Бѣлый*)" съ шестью рабочими.—Отъ Воздушнаго театра уцѣлѣли—расчищенная сцена, мѣста для подставныхъ декорацій, кулисъ, оркестра и зрителей.—Прочія указанія прежнихъ описателей, о томъ, на примѣръ, что Театръ выстроенъ въ 1771 году, въ полгода, къ именинамъ графа и т. п., принадлежатъ воображенію—Этотъ важный эпизодъ для исторіи нашего искусства ждетъ особенной и обширной монографіи —[1]) Мы теперь понимаемъ, почему въ бумагахъ всѣ эти домики называются то Гостинными и Пристанищами, то Прикащичьими и Управительскими. При Петрѣ Борисовичѣ и даже послѣ долгое время, возвышенный изъ Прикащиковъ, Управителемъ или, иначе, „Главнымъ Командиромъ" состоялъ Алексѣй Алексѣевичъ Агаповъ, по которому Управительскій

фельдмаршала пять старшихъ оранжерей и два грунта, существовавшіе здѣсь, подъ именемъ „Малаго Сада," при маленькомъ жилищѣ садовниковъ, до отдѣлки Оранжереи каменной при Садѣ Большомъ (см. выше; нынѣ уцѣлѣлъ какой-то глухой и заросшій чащею пустырь, окруженный полуразвалившейся оградой); самый же флигель, сохранившійся очень хорошо снаружи и внутри, дорогъ намъ воспоминаніями, о которыхъ ниже. Еще шагъ, послѣдній,—и вмѣсто флигеля, отошедшаго къ Управителю и его „Конторѣ," оказалось нужнымъ ставить еще „четвертое" зданіе, самое уже простое, для прохожихъ богомольцевъ: по той же сторонѣ большой дороги, не много ближе къ Владыченскому мосту, при лѣсочкѣ, гдѣ нынѣ остались слѣдами рытвины, насупротивъ затѣйливыхъ, но безполезныхъ бездѣлушекъ отцовскихъ, добросердечный Николай Петровичъ поставилъ деревянный „Круглый покой для обогрѣванія гостинныхъ людей" зимою, для отдыха лѣтомъ (такой же и тогда же сдѣлалъ онъ въ Останкинѣ).

Вмѣстѣ съ симъ мы выбрались теперь на „Большую дорогу:" она шла собственно съ Коломенской и Рязанской, сворачивая при Вешняковѣ на Кусково и Косино; Кусковымъ же тянулась по краю Звѣринца, а потомъ между прудами—Большимъ и тремя Нижними, отсюда мимо Большаго сада, Театра и Лабиринта, пока, миновавъ Шомьеры и Водоизводную Башню, вступала на Владыченскій мостъ, послѣ котораго или прямо вела во Владычно, или, главнымъ образомъ, для чего и была проторена, поворачивала на Косино въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Кускова. Ею шли, какъ и теперь идутъ многія тысячи богомольцевъ (желѣзной Владимірки еще не было). Слѣдовательно, на Кусковской Шереметевской землѣ, Большая дорога соединяла два крайнихъ пункта: Вешняково и Владыченскій Мостъ; съ Моста видно было Вешняково, изъ Вешнякова видѣнъ былъ Мостъ, гдѣ, на границѣ Кускова и при началѣ земли Владыченской, стояли тогда, какъ и теперь подъ шлагбаумомъ, въѣздные Кусковскіе „Ворота." Эти двѣ оконечности прямой линіи пригодятся намъ послѣ для параллели: на одной, въ Вешняковѣ и изъ Вешнякова, взята богатая невѣста, рѣшившая судьбу воздвигнутаго къ славѣ Кускова; на другой, отъ Моста и Ручейка, взята бѣдная дѣвушка, судившая Кускову паденіе. — А пока, идя по Восточной

флигель донынѣ часто еще зовутъ „Агаповскимъ".—Управитель съ теченіемъ времени, за графомъ, перебрался на лѣто въ Останкино, на зиму былъ въ Москвѣ и Петербургѣ; Прикащикъ (старшіе *Модестъ Балагаевъ, Иванъ Аргуновъ, Алексѣй Бахтеміровъ, Алексѣй Бизяевъ, Петръ Александровъ* и др.), подобно какъ теперь, живя постоянно въ Кусковѣ, соединялъ распоряженіе близь лежащими вотчинами, Вешняковымъ, Выхонью, Жулебинымъ, Вязовками, Островецкою, иногда и Константиновскою волостью.—При Кусковской Конторѣ его, въ томъ же флигелѣ, куда послѣ Управителя перебрался Прикащикъ, состоялъ „Пищикъ," иначе—позднѣе—„Подъячій," еще позднѣе „Повытчикъ," „Канцеляристъ," „Копіистъ" и „Конторщикъ (при Петрѣ Бор. *Петръ Козельской* и послѣ *Семенъ Кондыревъ*)."

сторонѣ Большой дороги отъ Моста, мы получаемъ во первыхъ помянутый Круглый Гостинный Покой, потомъ Управительскій флигель съ Конторою и Оффиціантскими, далѣе еще рядъ нѣсколькихъ деревянныхъ флигелей, помѣщенныхъ насупротивъ Большаго Сада и сохранившихся большею частію досолѣ, но теперь отдаваемыхъ въ наймы дачникамъ или занятыхъ Кусковскими службами, а въ старину служившихъ искусству и наукѣ.—Именно, изъ флигелей, слѣдующихъ за Управительскимъ, первые два (съ колоннами) заняты были *Актерами и Актрисами*,— „Актерскіе.“ Третій и четвертый (длинный, со множествомъ оконъ) были „Пѣвческій“ и „Музыкантскій.“ Пятый, болѣе просторный, флигель посвященъ былъ „Больницѣ“ [6]). Послѣдній, самый нижній, къ прудамъ — „Школа,“ заведенная Петромъ Борисовичемъ, особенно поддержанная сыномъ его и долго процвѣтавшая въ Кусковѣ, пока въ началѣ нашего столѣтія переведена въ Останкино [7]). Въ связи съ нею, кромѣ обыкновеннаго мастерства, развивалось преимущественно искусство „Живописное,“ оставившее намъ нѣсколько выдающихся именъ, но послѣ также съ успѣхомъ пересаженное въ Останкино [8]). При всѣхъ флигеляхъ находились садики, а сзади ихъ, на Востокѣ, около „Скотнаго Пруда,“ стояла Слободка, именуемая нынѣ „Старою,“ съ домами церковнаго причта и дворни, изъ которыхъ нѣкоторые были довольно обширны и отдѣланы, съ своими садами и огородами. — Па-

---

[6]) Здѣсь состоялъ Нѣмецъ (старшій штабъ-лѣкарь *Ростъ*, потомъ *Занденъ*) и при немъ „лѣкарскій ученикъ *(Петръ Герасимовъ)*,“ впослѣдствіи самостоятельный „подлѣкарь.“— [7]) Школа состояла изъ трехъ комнатъ, 2 для классовъ и 1 для учителя; дѣлилась сначала на 3, потомъ на 2 класса; штатъ назначенъ П. Б—чемъ въ 12 человѣкъ изъ дѣтей дворовыхъ, по 4 на классъ, а съ 1791 г. въ 24 человѣка, на лицо же бывало гораздо больше, до 30 слишкомъ, и изъ стороннихъ жителей; ученики, кромѣ полнаго содержанія, получали еще денежное (въ старшемъ 3-мъ классѣ по 3 р. на человѣка). Грамотѣ и письму обучалъ Дьячекъ (старшій *Иванъ Павловъ*, потомъ *Петръ Наумовъ*); ариѳметикѣ Архитекторъ, имѣвшій и своихъ спеціальныхъ учениковъ (старшій, при Петрѣ Бор., *Алексѣй Мироновъ*); „Словесныя науки“ долго преподавалъ особый учитель *Степанъ Носовъ*, изъ ружейниковъ, отличавшійся выпивкою, а позднѣе *Савинъ Ѳед. Рябининъ* (изъ крестьянъ) и *Ермолай Маткинъ*; были экзамены, давались аттестаты, представлялись барину списки и отчеты. При опекунахъ, въ концѣ 1810 года, школа уничтожена, принадлежности перешли въ Останкино къ первому тамошнему учителю *Михайловскому*, а шесть послѣднихъ Кусковскихъ учениковъ отданы въ Москву учиться Геодезіи.— [8]) Изъ живописцевъ, кромѣ помянутаго *Ивана Аргунова* и сына его *Якова*, въ XVIII в. извѣстны *Кондратій Фунтусовъ, Семенъ Калининъ, Семенъ Михайловъ, Назаръ* и *Петръ Машковы, Григорій Бурютинъ, Алексѣй Поздѣевъ* и сынъ его *Петръ, Авденаго Балагаевъ* съ сыномъ *Петромъ* и ученикомъ *Никитою Васильевымъ, Никита Булбенковъ, Григорій Патокинъ*, и др.; въ Останкинѣ искусство началось съ *Семена Калинина* и ученика его *Николая Шемаева* (въ концѣ прошлаго и началѣ нашего вѣка), а продолжалось до современника нашего *Николая Иван. Подключникова*: почти

раллельно Скотному пруду, по обѣ стороны Большой Дороги стояли разные сараи: два Театральныхъ съ декораціями, Каретные съ экипажами и сбруей, большой Матеріальный, Ельники — одинъ съ мебелью, другой съ гребными судами и т. п.: часть ихъ со стороны Сада снесена прочь при Николаѣ Петровичѣ, когда на этой сторонѣ воздвиглась новая барская постройка (см. ниже). — Наконецъ, при поворотѣ съ Большой дороги на Юго-Востокъ къ Нижнимъ прудамъ, стояла „Кузница“ (гдѣ и нынѣ), а за ней, прямо противъ подъемнаго моста, замыкалъ все большой деревянный, „Старый Конюшенный дворъ,“ служившій до постройки каменнаго, да и при немъ еще „Чернорабочія конюшни.“

Къ Москвѣ, Владимиркѣ и Тетерькамъ (гдѣ нынѣ желѣзная дорога и усадьба Купріяновская) шелъ густой Кусковскій лѣсъ (впослѣдствіи Разумовскаго, Лукаша и прочихъ раздробившихся владѣльцевъ). Сквозь него, отъ Кусковскаго Большаго дома, сада, пруда и подъемнаго моста велъ одинъ только громадный „Проспектъ,“ обсаженный деревьями и уцѣлѣвшій доселѣ большою дорогой: тамъ, гдѣ теперь Столбы и шлагбаумъ, на выѣздѣ съ Кусковской земли въ сторону Перова и Опекунова, при поворотѣ къ Тетерькамъ, стоялъ деревянный столбъ съ надписью, приглашавшею посѣтителей Кускова „веселиться, какъ кому угодно, въ Домѣ и въ Саду.“ И точно, благодаря радушію хозяевъ и рѣдкостямъ хозяйства, число посѣтителей гуляющихъ въ XVIII вѣкѣ доходило по праздникамъ до 50.000, званыхъ гостей до 2.000, да „своихъ“ всегдашнихъ жителей состояло въ Кусковѣ до 1.000. Съ начала нашего вѣка число посѣтителей и жителей уменьшилось значительно. Но быстрое сооруженіе недавнихъ желѣзныхъ дорогъ, при которомъ Кусково очутилось въ углу между двумя — Владимірскою и Рязанскою; освобожденіе дворовыхъ, вслѣдствіе котораго создалась „Новая Слободка,“ въ сторону Гиреева и Тетерекъ; наконецъ послѣдніе годы жизни Дмитрія Николаевича, проведенные лѣтомъ въ Кусковѣ, — все это отчасти обновило, хотя и не воскресило, прежнюю жизнь Кускова [9]).

всѣ они были вмѣстѣ иконописцами. Кромѣ того приглашались живописцы и со стороны, напр. въ 1785 г. служитель кн. Голицыной *Алексѣй Петровъ*, расписавшій снаружи Лакасину, куполъ въ Гротѣ, Бесѣдку въ Звѣринцѣ. — При живописцахъ состояли — Лѣпщикъ (старшій *Иванъ Хожбинъ*), Мраморщикъ *(Григорій Страховъ)*, Золотарь *(Петръ Рыбаковъ)*, съ учениками: ученики при каждомъ мастерѣ поддерживали постоянное развитіе впередъ. — [9]) Въ эти послѣдніе годы, хотя не было уже прежнихъ званыхъ пріемовъ и увеселеній, а въ саду становилось жутко отъ часовыхъ, остальная мѣстность пользовалась еще совершенною свободою для всѣхъ и каждаго, изстари отличавшею владѣнія Шереметевыхъ: потому снова устремились сюда гуляющіе, а дачь настроилось громадное множество.—Что касается до жителей постоянныхъ и дворовыхъ, то, по штату Петра Борисовича, 1786 года, кромѣ помянутыхъ нами выше, на примѣръ Главнаго Командира или Управителя, Прикащика съ конторою, Са-

Естественно, что, при такомъ рѣдкомъ устройствѣ подмосковной, владѣлецъ дождался къ себѣ посѣтителей самыхъ знатныхъ и высокихъ по тому времени. Имѣя въ своемъ воспитаніи, характерѣ, взглядѣ, образѣ мыслей и дѣйствій весьма мало народнаго, а еще менѣе прямой связи съ народомъ, императрица Екатерина тѣмъ болѣе любила показываться народу и собственными очами видѣть возбужденіе его патріотическихъ чувствъ. Она не создала и не оставила по себѣ, подобно предшественникамъ, въ Москвѣ и подъ Москвою, какого ни будь постояннаго мѣста, которое упрочило бы память ея имени въ народѣ, поддержало бы обычаи народа или вызвало его къ празднеству, гульбищу, пѣснѣ и пѣснотворчеству. Со стороны Петербургской дороги начала она Петровскій дворецъ, но и тотъ довершенъ въ подробностяхъ лишь впослѣдствіи, а гульбища и увеселенія въ его саду никогда не шли дальше оффиціальныхъ и ниже слоевъ привилегированныхъ. На протяженіи извѣстной намъ старой линіи подмосковныхъ, именно за Перервою и Коломенскимъ, въ сторонѣ, откуда приходилось государынѣ совершать торжественные въѣзды послѣ успѣховъ на Югѣ, начатъ былъ для нея дворецъ Царицынскій, въ мѣстности и обстановкѣ, обѣщавшей удачу,

---

довника, Архитектора, Лѣкаря, Церковнаго причта, Квартермистра, управлявшаго матросами и гребцами (старшій, при П. Бор., *Никита Емельяновъ*), художниковъ и артистовъ, Звѣринщиковъ, Ловчихъ и Псарей, Конюховъ, Лебединщика и Птичниковъ, Скотниковъ и Скотницъ, Учителей, Живописца, Маляра, Лѣпщика, Мраморщика, Золотаря и т. д., — все это по большей части со своими подмастерьями или учениками,—состояли еще: для безпрерывной громадной планировки или разбивки участковъ постоянный „Геодезистъ (старшій *Александръ Ивановъ*, оставившій намъ планъ Кускова, потомъ *Алексѣй Дубровинъ*);“ „Свисы,“ т. е. Швейцары (народъ произносилъ и доселѣ называетъ „Свистъ:“ „онъ служитъ свистомъ“), въ пышныхъ нарядахъ, въ кафтанѣ и камзолѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, въ поярковой или пуховой шляпѣ съ позументомъ, съ желтою перевязью, блестящими пуговицами, басанами, позументомъ и плисомъ въ отдѣлкѣ; особый состоялъ при Большомъ домѣ (главный, старшій, любимецъ графа, *Петръ Кузнецовъ*), особый при домѣ Голландскомъ, Итальянскомъ, Уединенія, при Мыльнѣ и Бельведерѣ, при Портретной и Картинной галлереѣ, вообще въ главныхъ пунктахъ, гдѣ помѣщался или долго оставался владѣлецъ. Изъ нихъ при Голландскомъ—Голландецъ, а впослѣдствіи Русскій, носившій это имя (уже при Петрѣ Бор. *Иванъ Бушуевъ*), ходилъ въ „шкиперскомъ“ платьѣ. Далѣе Ключникъ, приходорасходчикъ хлѣбныхъ запасовъ (въ Сушилѣ) и на погребѣ (*Павелъ Халдинъ*); Ружейникъ и „Ложный мастеръ,“ Слесарь съ ученикомъ; Полочистъ; 6 Кузнецовъ; 2 Печника и ученикъ; 5 Столяровъ и 3 ученика; 3 Рѣщика; 2 Плотника; Колесникъ; Обойщикъ съ ученикомъ (прославившійся *Нефедъ Никитинъ*); Паяльщикъ съ ученикомъ; 2 Токаря и ученикъ; Сапожникъ съ ученикомъ; Башмачникъ; Портныхъ 2 и ученикъ; Оконничниковъ 2 и ученикъ; Обручникъ; 2 Трубочиста; Басманниковъ и Квасниковъ по 2; Лѣсниковъ 4; Пріемщики матеріаловъ 2; Дворникъ на псарнѣ для присмотру; Дровяникъ и Угольщикъ; караульные и сторожа; мальчики въ потугахъ; Наряд-

среди прекрасныхъ прудовъ и обильныхъ рощей, съ садомъ, цвѣтниками, между населеніемъ, отличающимся пѣвучестью и яркими особенностями напѣва: но предпріятіе не вызвало удовольствія императрицы и было брошено на половинѣ. Тѣмъ сильнѣе однако желала всегда Екатерина дарить народу торжества временныя, кстати или при случаѣ, разливая вокругъ себя мгновенный блескъ и поражающую милость. Если здѣсь не много выигрывалъ народъ съ его народностью, то за то поднималось чувство національное и, при свѣтѣ какого либо историческаго событія, составлявшаго предметъ празднику, при разсчитанномъ искусствѣ въ его устройствѣ и при пособіи воспѣвавшей литературы, сплачивались связи или узы націи, ликующей по мановенію царской десницы и по указанію жезла государственнаго. Таковъ, въ семъ родѣ, былъ „для нея" устроенный „народный" праздникъ во славу Турецкой войны, послѣ выгоднаго мира и въ честь героя Задунайскаго, извѣстный праздникъ на Ходынкѣ, среди лагеря и полковъ. Марта 22-го, бывши въ Москвѣ, а послѣ Ходынскаго торжества въ Августѣ 23-го числа 1775 года императрица, въ сопровожденіи двора и иностранцевъ, посѣтила Кусково. Устройство сего послѣдняго держалось тогда еще на первой своей половинѣ, далеко не было завершено и не представляло достаточной пищи праздеству: мы видѣли, что высокая гостья сама еще чертила рисунки послѣдующихъ украшеній сада (на примѣръ рѣшетки). Она отмѣтила, чего Кускову недоставало, подарила саду статуи и—

чикъ на конюшнѣ (*Гаврило Новожиновъ*); 12 Гусаровъ, во главѣ съ „Гусарскимъ командиромъ (старшій *Василій Дубовъ* и потомъ долго *Иванъ Бѣлый*);" „Метръ д-отель (старшій *Григорій Тереховъ*);" „Кухеншрейберъ (*Смагинъ*)" и Повара (*Осипъ Андреевъ, Гаврило Жуковъ*); Мундшенкъ (*Седрахъ Балагаевъ*); Кофешенкъ (*Харитонъ Традинъ*), Скороходы и т. д. Штатъ сей не „сокращался," напротивъ, когда „обновлялся" и совсѣмъ „прекратился (въ концѣ жизни Николая Петровича и при послѣдующихъ опекунахъ)," образовались „заштатные," получавшіе содержаніе, особо пенсіонеры и особо въ богадѣльняхъ. По штату же шло всѣмъ симъ лицамъ жалованье деньгами и содержаніе мукою, крупами, печенымъ хлѣбомъ, солодомъ, квасомъ, полпивомъ, мясомъ, рыбою, масломъ, квартирою, освѣщеніемъ, дровами, угольями, одеждою, да еще награды и въ извѣстную пору подарки. Всего при Петрѣ Борисовичѣ, около 1786 г. и послѣ до 90-хъ годовъ, ежегодныхъ штатныхъ расходовъ по Кускову составлялось слишкомъ на 16.000, а за исключеніемъ отсюда домашнихъ запасовъ, деньгами почти на 8.000. Это было свое особое княжество или герцогство: хозяинъ всегда назывался въ бумагахъ и словесно „Его сіятельство графъ *государь*." У него были свои *табельные* дни, когда, подобно праздникамъ, никто у него не работалъ (на пр. 28-е Іюня — день рожденія сына и 29-е — именины хозяина). Онъ съ извѣстной стороны самъ входилъ въ „штатъ" и Петръ Борисовичь получалъ изъ своего „казначейства" по 1.000 р. въ мѣсяцъ „на собственные расходы," обыкновенно серебряными рублями въ мѣшечкѣ. Кромѣ того въ Вешняковѣ поддерживались нѣкоторое время прежнія оранжереи, устроена обширная богадѣльня на мужчинъ и женщинъ, состоялъ смотритель, церковный причетъ, сторожа и т. д.

особенно—массы мрамора, зная очень хорошо, что при обработкѣ его конечно не забудутъ имени и дѣяній десницы дарующей. Притомъ послѣднее посѣщеніе было лишь проѣздомъ: съ тою же свитой, да еще съ батальонами гвардіи, посѣтительница направилась изъ Кускова верстъ за десять, въ имѣнье, недавно предъ тѣмъ пріобрѣтенное Румянцевымъ, въ село *Троицкое*, чтобы продолжить тогдашній тріумфъ героя въ его собственномъ домѣ и владѣніи. Блескъ встрѣтившаго и проводившаго императрицу тамошняго праздника конечно позабылся въ народѣ безъ слѣда; скоро уничтожены были всѣ памятники, которые напоминали бы тамъ кратковременную жизнь полководца (онъ уѣхалъ оттуда и скончался далеко); напротивъ яркія краски, рисующія бытъ его наслѣдниковъ, эти „Феднно" и „Зенино," названія, по знакомому для насъ обычаю данныя участкамъ въ память любимицъ и дочерей послѣдующаго владѣльца (Афимьи, Зинаиды), а вмѣстѣ съ симъ переходъ помѣстья изъ Румянцевскаго рода въ руки другихъ фамилій,—все это не могло прикрѣпить вниманія народнаго, ни заинтересовать памяти исторической въ массахъ самого народа. Тѣмъ не менѣе „Кайнарджи," имя, подаренное здѣшнему дому и селу изъ устъ державной гостьи, „Кагулъ," которымъ позднѣе прозвана ближняя ферма, а наиболѣе мраморный памятникъ, воздвигнутый среди села въ честь Екатерины сыномъ Задунайскаго,—эти звуки, хотя бы нынѣ коверкались въ устахъ безучастнаго народа, эти слѣды, хотя бы затирались колесами мужицкихъ телѣгъ, не помнящихъ давняго историческаго явленія за грубыми нуждами дня,—все-таки говорятъ образованному слуху и взору, все-таки принадлежатъ исторіи, если даже и не дошла она до народа, не разсказывается и не воспѣвается его устами. Исторія эта ждетъ будущаго времени, когда съ нею познакомится народъ черезъ нашу литературу. Такое же точно, безъ всякого притязанія на смыслъ народный, наступило вскорѣ торжество въ Кусковѣ, приготовленное для той же государыни. Толпы, недавно глазѣвшія на разную диковину въ селѣ Троицкомъ, допущены были вдоволь поглазѣть на диковины еще болѣе рѣдкія. Конецъ 1785 и начало 1786 года посвящены были въ Кусковѣ ревностному сооруженію „Овелисковъ" изъ царскаго дарованнаго мрамора: подрядчики усердно строили, привѣтливо улыбаясь хитрымъ затѣямъ графа, весьма щедро платившаго къ спѣху. День коронованія Екатерины, день рожденія сына и канунъ графскихъ именинъ, 28-е Іюня 86-го года назначено было для открытія уставленныхъ наконецъ Обелисковъ [10]). Одинъ, помѣщенный въ глубинѣ Большаго Сада, тамъ, гдѣ нѣкогда перегораживала его рѣшетка по рисун-

[10]) Обелиски дѣлалъ „мраморныхъ дѣлъ мастеръ *Василій Пановъ* (онъ же вѣроятно и часть статуй или бюстовъ);" помогалъ *Мартынъ Андреевичъ*.—А такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ и Театръ получилъ окончательную отдѣлку, то отсюда возникли помянутые разсказы, что онъ построенъ на скоро къ именинамъ графа.

ку императрицы, имѣлъ (и сохранилъ) на вершинѣ статую—якобы Минервы, но гораздо похожѣе фигуру самой государыни (вмѣсто шлема скорѣе Фригійскій колпакъ, символъ тогдашнихъ свободныхъ учрежденій), съ надписью о посѣщеніи 1775 года „въ память чего благодарность сей монументъ изъ пожертвованнаго Ея Величествомъ мрамора соорудила.“ Другой, близь Большаго дома, пирамидальный, гласитъ, что „Екатерина II пожаловала графу П. Б. Шереметеву (мраморъ) въ 1785 году, во время бытности его губернскимъ предводителемъ Московскаго дворянства.“ Для открытія задуманъ и выполненъ былъ праздникъ со всѣмъ Шереметьевскимъ искусствомъ и богатствомъ: съ иллюминаціей, прозрачными картинами и пирамидами, отъ которыхъ горѣла вся окрестность, съ хорами пѣвчихъ и оркестрами музыкантовъ, съ танцующими въ Оранжереѣ, которая превращена была въ громадный воксалъ (см. выше), и т. п. Однако все это было лишь разсчитанною репетиціей: слухъ о затѣйливомъ весельѣ дошелъ до Екатерины и, ровно черезъ годъ, отпраздновавши въ Москвѣ того же 28-го іюня двадцатипятилѣтіе своего царствованія, на третій день—іюня 30-го 1787 года,—въ 3 часа по полудни, императрица отправилась въ Кусково со всѣмъ дворомъ, блестящею свитою и великолѣпнымъ княземъ Тавриды. То было послѣднее звѣно въ ряду тріумфальныхъ торжествъ, начавшихся путешествіемъ въ Крымъ, продолжавшихся подъ Коломенскимъ, при Серпуховской заставѣ и въ Москвѣ. Тамъ, гдѣ нѣкогда при Тетерькахъ, со стороны Перова, остановился шагъ Елизаветы, Екатерина ступила дальше на Кусковскую землю чрезъ великолѣпную арку; при въѣздѣ къ саду, въ извѣстной намъ разрѣзной тріумфальной Бесѣдкѣ [11]), убранной дорогими деревьями и цвѣтами, размѣщены были символическія картины, съ привѣтственными надписями [12]), а вверху галлереи играла музыка; на Большомъ пруду съ многочисленныхъ, убранныхъ флагами, судовъ и съ береговъ гремѣли пушечные салюты; къ Большому дому вела галлерея живая,—здѣсь стояли попарно жители и служители Кускова съ корзинами цвѣтовъ, дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ и вѣнкахъ разсыпали букеты по пути. Черезъ Большой садъ хозяинъ провелъ государыню въ садъ Англійскій и Лабиринтъ, гдѣ при вечернемъ солнцѣ показалъ свои прихотливыя сооруженія и рѣдкости, а отсюда пригласилъ въ Театръ, гдѣ давали оперу „Самнитскіе браки“ и въ заключеніе балетъ. Ревностная служительница сценическаго искусства оцѣнила достойно новый его храмъ, только что отдѣланный и завершенный [13]); она допустила артистовъ къ рукѣ

---

[11]) Не знавши ея, прежніе описатели увѣряли, что тріумфальные ворота сооружены были нарочно вновь, среди проспекта. — [12]) Нѣкоторыя изъ этихъ картинъ уцѣлѣли до сихъ поръ.—[13]) Представленія предшествующія можно считать репетиціями: только съ этихъ поръ піэсы вступили на свою настоящую дорогу, при окончательномъ устройствѣ Театра (ср. выше). Впослѣдствіи давали здѣсь собственныя произведенія императрицы, на примѣръ „Февей.“

и раздала имъ подарки; восторгъ отъ милости, столь рѣдкой тогда, былъ неописанъ и разлился по всему Кускову въ ходившихъ долго воспоминаніяхъ и разсказахъ. На возвратномъ пути изъ Театра Большой садъ весь уже блестѣлъ огнями; передъ Большимъ домомъ, на главномъ пруду, разнообразно иллюминованы были суда, катались посѣтители и пѣсельники съ пѣснями; два обелиска,—колонны на противуположномъ берегу, извѣстныя намъ и къ тому же времени отдѣланныя, обращены были въ маяки; между ними съ вензелемъ государыни щитъ; вдали, при концѣ рукава къ Вешнякову, каскады воды изъ знакомой намъ бесѣдки сыпались разноцвѣтными огнями [14]). Подобно древней Ольгѣ, Екатерина пустила изъ рукъ голубя съ огнемъ: загорѣлся щитъ, начался громадный и дорогой фейерверкъ, безчисленныя толпы народа любовались, гуляя цѣлую ночь. Ужинъ былъ въ „Галлереѣ,“ въ теченіе его пѣвчіе исполняли Екатерининскую канту („Славься симъ, Екатерина,“ см. выше). По дорогѣ, освѣщенной плошками, фонарями и смоляными бочками, государыня воротилась въ Москву къ утренней зорѣ. Разохоченный графъ повторилъ праздникъ и гулянье, уже больше для мѣстныхъ жителей, въ престольный праздникъ 1-го Августа или Перваго Спаса, потомъ 6-го Августа въ Спасъ Преображенье: по совершеніи этого по видимому ничего больше не оставалось графу дѣлать, и онъ умеръ, заснувши сномъ праведника, 30-го ноября 1788 года [15]).

Образецъ Екатерининскаго вельможи-богача, ловкій, хотя не слишкомъ услужливый и довольно самостоятельный придворный; съ хитростью, блестѣвшею въ его—нѣсколько скошенныхъ—глазахъ; важный, но не надменный и со всѣми до низшихъ ласковый; не любившій головоломнаго труда, но очень крѣпкій природнымъ умомъ и образованный по Французски; членъ знати Европейской и вмѣстѣ хлѣбосольный Русскій баринъ; артистъ въ душѣ для всѣхъ искусствъ—строительнаго, скульптурнаго, живописнаго и сценическаго, съ отличнымъ ко всему вкусомъ—до изысканной гастрономіи и равно до тяжелыхъ дѣдовскихъ блюдъ; дѣятельный въ теченіи каждаго дня и готовый на всякую затѣю, хотя далеко не расточительный и весьма осторожный въ расходахъ; превосходный хозяинъ, устроившій систематическую экономію и строгіе штаты со смѣтами; наконецъ безстрастный, ничѣмъ безъ краю не увлекавшійся и во всемъ способный успокоить душу свою; отчасти благочестивый, сколько требовало достоинство его сана, нравственный въ мѣру порядочнаго человѣка,—Петръ Борисовичъ провелъ долгій вѣкъ свой безмятежно. Оплакавъ раннюю смерть жены и нѣсколькихъ дѣтей [16]), онъ сохранилъ довольно энергіи, чтобы послѣ нихъ обога-

[14]) Особенно иллюминована была, на подобіе дорогихъ разноцвѣтныхъ каменьевъ, тріумфальная сквозная бесѣдка, которую описатели вторично сочли здѣсь новымъ сооруженіемъ.—[15]) Похороненъ въ монастырѣ Новоспасскомъ.—[16]) Сынъ *Алексѣй* и дочь *Марья* скончались дѣтьми 1748 г.; *Борисъ*—уже корнетомъ и 13-ти лѣтъ, 1758 г.; самая любимая *Анна Петровна*, блестя-

тить любимое Кусково всѣми диковинками свѣта, показать ихъ всему людскому свѣту, прославиться передъ свѣтомъ вышнимъ, а уходя на другой свѣтъ, бросить спокойный взоръ надежды на единственнаго сына и наслѣдника, графа Николая, въ цвѣтущемъ возрастѣ обѣщавшаго поддержать честь, богатый достатокъ и достоинство рода [17]).

Мы перечислили вкратцѣ только тѣ *памятники* Кускова, созданные ревностью Петра Борисовича, которые наиболѣе замѣчательны, не были прежде описаны или изображались невѣрно, исчезли въ настоящемъ и даже вовсе исчезли бы изъ памяти исторической безъ нашего изслѣдованія на мѣстѣ. Между тѣмъ всякой теперь видитъ, что они занимаютъ важную страницу въ исторіи искусствъ и цивилизаціи

щая флейрина при Екатеринѣ и невѣста Никиты Ивановича Панина, умерла внезапно (отъ оспы? Ср. записки гр. Блудовой), 24-хъ лѣтъ, въ 1768 году, на другой годъ послѣ матери: это обстоятельство и огорчило особенно отца, удалило его отъ службы и — заняло дѣятельностью въ Кусковѣ (онъ уволенъ 29 іюля 1768 г., а въ 1770 г. уже за постройками Большаго дома и зданій Большаго сада). Въ живыхъ остались только Николай Петровичъ да *Варвара Петровна* (род. 1750 г.), вышедшая за *Алексѣя Кирилловича Разумовскаго* (1774 года) и унесшая съ собою въ приданое значительную часть имѣнья около Кускова: вотъ, кромѣ мѣстнаго сосѣдства и исторической связи черезъ Тетерьки, еще семейная связь Перова, Гиреева и Горенокъ (конфискованныхъ послѣ Долгорукихъ и поступившихъ къ Разумовскому) съ Кусковымъ. — [17]) И. М. Долгорукій, родной внукъ Натальи Борисовны, такъ описывалъ и поминалъ Кусково:

Дворецъ роскошнаго вельможи,
Москвы любимый вертоградъ,
Гдѣ жизни день бывалъ дороже
Среди безчисленныхъ отрадъ,
Чѣмъ годъ въ иной странѣ прекрасной:
Тебѣ ли знать удѣлъ несчастный?
Земли лоскутикъ *) драгоцѣнный,
Кусково, милый уголокъ,
Эдема скрохокъ сокращенный,
Въ которомъ самый тяжкій рокъ
Въ воскресный день позабывался
И всякой чѣмъ ни будь плѣнялся.
Восторги новые всечасно
Мѣнялись тамъ какъ облака:
Кусково было всѣмъ запасно,
Проси хоть птичья молока.
Куда пять пальцевъ ни протянешь,
Вездѣ пріятности достанешь.
Свобода, мать увеселенья **),

---

*) Намекъ на производство имени отъ *куска*. — **) Указаніе надписи на столбѣ при въѣздѣ въ Кусково.

вообще, тѣмъ болѣе въ Россіи, гдѣ такъ жалуются до сихъ поръ на слишкомъ малое количество созданныхъ крупныхъ „цѣнностей." Безъ сихъ памятниковъ и безъ участія Шереметьевскаго рода исторія нашего XVIII вѣка не полна, теряетъ много жизни и красоты своей. Если же прибавимъ сюда историческое значеніе Шереметевыхъ *внѣ Кускова*, а съ другой стороны массу передовыхъ историческихъ нашихъ лицъ и событій, оставившихъ пропасть слѣдовъ своихъ въ Кусковѣ, то тамъ, то здѣсь, и доселѣ памятныхъ мѣстнымъ жителямъ: тогда мы поймемъ, что на основѣ нашего, черезъ чуръ простаго, народнаго быта всѣмъ этимъ слагалась извѣстная *историческая* сфера, извѣстная среда впечатлѣній, воззрѣній, воспоминаній и убѣжденій, въ которой народъ волею и неволею воспитывался, въ которой онъ жилъ и доселѣ живетъ *исторически*. Сверхъ самого Кускова, окрестности его,—

И роскошь съ нею за одно
Изобрѣтали наслажденья
Для тѣхъ, кому судьбой дано
Кидать сребра и злата кучи,
Какъ сыплютъ градъ небесны тучи.
Завяли мягкія равнины,
Цвѣтами воздухъ не курятъ;
Лужайки, тропочки, долины
Мальчишки всячинкой сорятъ;
Валятся стѣны залъ огромныхъ
И въ нихъ не слышно звуковъ стройныхъ... *)
Пустыни **) нѣтъ ужь для каприза,
Въ которой множествомъ пружинъ
Могли на верхъ подняться съ низу
Безъ лѣстницъ гость и господинъ,
И молча требовать оттуда
Въ звонокъ на столъ различны блюда.
Изсякли мраморны фонтаны,
Нептуновъ сухъ водопроводъ ***),
И брызговъ челюсти мѣдяны
Не шлютъ столпомъ въ небесный сводъ:
Прохлады нѣтъ при солнцѣ яромъ
И зной полдня варитъ все варомъ.
Подохли карпы златоперы,
Которыхъ звонъ въ колокола ****)
Сзывалъ на край пруда матерый:
Волна ихъ сизая несла,
Нырнутъ на пристань, усъ разложатъ

*) Это могло только относиться къ Воксалу, который замѣненъ новымъ Театромъ: прочее не валилось и не валится до сихъ поръ.—
) Эрмитажъ, отлично сохранившійся доселѣ. — *) Водовзводная башня, близъ Владыченскаго моста. — ****) Итальянскій прудъ при Гротѣ.

Измайловскій Звѣринецъ, Перово, Гиреево, Тетерьки, Вешняково, Троицкое, и т. д., живутъ до сихъ поръ памятью прошлаго и разсказами. Торжества Петра Борисовича не заглушили воспоминаній о злополучной сестрѣ его, отъ которой нѣкогда съумѣлъ онъ отстраниться. Въ галлереяхъ помѣщались и теперь въ Большомъ домѣ висятъ портреты Натальи Борисовны, невѣстою и монахиней: тутъ же и мужъ ея, а изъ уцѣлѣвшаго въ рукахъ наслѣдниковъ, съ конца прошлаго вѣка до 1812 года, хранилось при домѣ, послѣ князя Ивана Алексѣевича, нѣсколько Долгоруковскихъ вещей, простой бѣдной мебели и посуды [18]). Между тѣмъ, по близости на Владимірке лежатъ еще „Горенки,“ старое имѣнье Долгорукихъ, отлично устроенное, съ знаменитымъ одинаково садомъ и съ церковью, гдѣ вѣнчались несчастные супруги [19]). Разсказываютъ, что по той же Владимірке, на дорогѣ изъ Сибири, княгиня съ ребенкомъ свернула въ Кусково и въ темный осенній ве-

---

И хлѣбъ изъ рукъ господскихъ гложутъ.
Цари, царицы *), посѣщая
Москву-старушку иногда,
Какъ боги въ самомъ нѣдрѣ рая,
Въ Кусковѣ тѣшились всегда;
И тамъ веселой черни смѣхи
По рощамъ разносили эхи.
Куда владыка твой дѣвался,
Кусково, царство всѣхъ страстей?
Графъ Петръ Борисовичъ казался
Безсмертнымъ быть на тверди сей:
Его печали не касались **)
И всѣ затѣи удавались.
И ты, сей точки обладатель,
Великолѣпнѣйшій богачь,
Столицы всей очарователь,
Въ улыбку превращавшій плачь,
И ты съ Кусковымъ распростился,
Въ землянкѣ тѣсной уложился!
Отъ всхода солнца до заката
Промча въ забавахъ жизни кругъ,
Послѣдній вздохъ пустилъ на злато,
Готовилъ пиръ — и умеръ вдругъ!....

И т. д. „Прогулка въ Кусковѣ“.—Воспоминаніе его о театрѣ см. ниже.

[18]) Шкафы, ставцы, кровать, столы и стулья, блюда и тарелки. Объ этомъ особая наша статья.—[19]) Послѣ Долгорукихъ, при Разумовскомъ Горенки соединены были съ Перовымъ красивою дорогой — проспектомъ (черезъ Гиреево).

---

*) Екатерина, Павелъ, Іосифъ—Фалькенштейнъ, эрцъ-герцогъ Карлъ, Станиславъ Понятовскій. Позднѣе Марія Ѳеодоровна, Елена Павловна. — **) Какъ съ гуся вода, легко ему обходилось, хотя очень часто случалось.

черъ подошла къ старому родительскому дому: все было заперто и ни огонька. Путница провела ночь въ домѣ священника, и не братняя любовь, а милость государыни вскорѣ возвратила ей спокойствіе и средства жизни, честь и достояніе [20]). Такъ держатся и помнятся здѣсь изъ исторіи не однѣ свѣтлыя стороны, а и страданія, и участь бѣдности съ сиротствомъ. Подобное настроеніе жителей, а вмѣстѣ всѣхъ вообще Шереметьевскихъ крестьянъ, соединенныхъ, говорили мы, тѣсною нравственною связью съ судьбами знаменитаго рода, настроеніе, постоянно обращенное къ прошедшему и поддержанное яркими его памятниками, не могло и не можетъ оставаться безслѣднымъ: оно воспитываетъ, оно учитъ смотрѣть, говорить и жить сообразно настроенію, оно сказывается словомъ, если не пѣснею, то охотною повѣстью, или живучимъ преданіемъ, или по крайности не умирающей памятью, складомъ ума и сердца, обычаемъ и пріемомъ. Вы убѣждаетесь въ этомъ на каждомъ шагу: слышите подъ собою почву, по которой прошла извѣстная исторія, обильная своеобразными лицами, дѣяніями и событіями; и прошла такъ, что съ верхняго слоя проникла до пластовъ самыхъ нисшихъ, простыхъ и глубокихъ. Почва народа простаго завлечена здѣсь со многихъ сторонъ своихъ къ участію въ судьбахъ націи, открыто предлагавшей здѣсь для всякого долю извѣстной цивилизаціи. Сколько принадлежитъ неотъемлемой Русской исторіи родъ графовъ, жизнь ихъ, созданное ими Кусково и всѣ его памятники, столько же глубоко входитъ въ эту область и та благодарная почва, на которой и

---

[20]) Преданіемъ этимъ, крѣпко утвердившимся и всюду распространеннымъ, прекрасно воспользовался Козловъ въ извѣстной своей поэмѣ. Онъ очень метко касается того, что Наталья Борисовна провела свое дѣтство въ Кусковѣ, но, не зная холодныхъ къ ней отношеній брата, не могъ постичь, почему путница прямо не пошла къ нему, и потому заставилъ его жить въ Петербургѣ, тогда какъ именно Петръ Борисовичъ засѣлъ тогда въ Кусковѣ и началъ свататься за княжну Черкасскую („Простясь съ родимою Москвою, Въ столицѣ пышной надъ Невою Живетъ наслѣдникъ молодой“). Только уже возстановленная государынею въ правахъ своихъ, сестра рѣшилась помѣститься у брата въ его Петербургскомъ домѣ. За то, какъ чуткій поэтъ, Козловъ не пропустилъ *перстня*, игравшаго, мы знаемъ, такую роль въ жизни страдалицы и въ самихъ пѣсняхъ объ ней. Если мужнинъ сохранился у наслѣдниковъ, то собственный перстень свой, какъ извѣстно, полная всюду драматизма Наталья Борисовна, наканунѣ своего монашескаго постриженія въ 1757 году, бросила съ высокаго берега въ волны Днѣпра. Поэтъ „допѣлъ“ объ этомъ историческую пѣсню народа:

На Днѣпръ, вздохнувши, посмотрѣла,
Сняла вѣнчальное кольцо....
И вѣрой грудь ея дышала,
И жертва тайная въ мечтахъ:
Она кольцо къ устамъ прижала, —
Оно блеститъ, оно въ волнахъ...

для которой, силами и средствами ея, совершилась мѣстная исторія. Однимъ словомъ, мы очевидно оказываемся на такой почвѣ народной, изъ которой, при всѣхъ цивилизующихъ началахъ и воздѣйствіяхъ, могли легко возстать новые историческіе герои и героини, могли занять страницу исторіи, одушевить историческую пѣсню и сами дѣйствовать въ пѣснотворчествѣ, слагая въ немъ громкій по себѣ памятникъ историческій. Такова именно героиня и пѣсня, которую мы скоро здѣсь встрѣтимъ.

Но, если народная почва окрасилась здѣсь извѣстнаго рода цивилизаціей съ правами на исторію, то съ другой стороны исторія пріобрѣтала здѣсь характеръ народный. Событія графскаго дома и двора, памятники, случаи и диковинки, вѣсти и разсказы входили въ массу народа, фильтрируясь и просачиваясь туда по всѣмъ направленіямъ, а на пути пріобрѣтая новую окраску и особенный отцвѣтъ, толкуясь и перетолковываясь по своему: изъ самаго простаго имени и явленія создавались въ сей новой, и громадной, средѣ образы самыхъ фантастическихъ размѣровъ и чертъ; на оборотъ, самыя затѣйливыя графскія выдумки переводились на понятіе и слово крайне простое. Мало того: народный бытъ Кускова и окрестностей встрѣтилъ исторію верхнюю и заносную данными своей исторіи старшей, многовѣковой, издавна сложившейся въ оригинальный образъ и готовое слово. Нужно сказать, что съ этой именно черты, Гиреевской, Перовской, Кусковской, Владыченской и Косинской въ населеніи начинаются особенности „Владимірскія,“ постепенно возрастающія отсюда вплоть до Владиміра, Суздаля и Мурома: начинается верхняя одежда (извѣстная у насъ въ городахъ по Владимірцамъ-штукатурамъ) — желтоватый шерстяной охабень съ широкимъ отложнымъ воротникомъ; начинаются, по бывшему обилію лѣса, лучшія деревянныя постройки, не рѣдко въ два этажа; опрятность въ избахъ, по стѣнамъ картины, наслѣдіе старой Суздальщины; въ характерѣ степенность, серьезность и стойкость, близкая къ суровости и упрямству; промышленная предпріимчивость и энергія; выговоръ на *о*, и, при общей пѣвучести, пѣсня особая, глубоко отличная отъ Тверскаго и Тульскаго тракта [21]). И вездѣ до сихъ поръ пѣсня, съ пѣснею свои хоры и хороводы, свои старшія преданія. Вспомнимъ, что въ одномъ углу Владимірскаго округа лежитъ Корочарово, родина Ильи Муромца: а подъ Москвою, близъ Вешняковъ и рядомъ съ Владимиркой, существуетъ Корочарово другое. Въ сосѣдствѣ Троицкаго, замыкая рядъ древнихъ кургановъ, надъ обрывомъ берега рѣки Пехорки уцѣлѣлъ народный памятникъ, быть можетъ единствен-

---

[21]) Самые гребцы на судахъ по Кусковскимъ прудамъ, перешедшіе отсюда позднѣе въ Останкино, выбирались, со временъ Петра Борисовича, изъ крестьянъ, отличавшихся своимъ голосомъ: ихъ хоръ звучалъ громкою и удалой пѣснею. Таковъ, на примѣръ, былъ извѣстный здѣсь изъ гребцовъ пѣвецъ *Халдинъ*, отецъ послѣдовавшаго садовника.

ный во всей Россіи Великой, изъ періода миѳологіи еще Купальской: это два камня, окруженные глубокимъ уваженіемъ народа и схоронившіе подъ собою „Ивана да Марью," сочетавшихся брата съ сестрою, убитыхъ за невольное нечестіе громомъ; и много подобнаго. Но все это затмѣвается славою „Косина," въ 3-хъ съ половиною верстахъ за Кусковымъ, между нимъ и Троицкимъ. Это самый старшій и крупный подмосковный памятникъ сѣдаго язычества и стойкой народности. Съ незапамятной поры, „Святое озеро," явившееся на мѣсто, говорятъ, обрушеннаго храма и храмовыхъ жилищъ, служило здѣсь предметомъ самаго усерднаго поклоненія. Не только всякій долженъ здѣсь искупаться, а больные, особенно дѣти, получаютъ отъ купанья немедленное исцѣленіе, но въ нашихъ еще раннихъ лѣтахъ совершались здѣсь непремѣнныя жертвоприношенія: въ воду бросали съ себя одежду, металлическія вещи, деньги, утварь; цѣлый классъ людей существовалъ вокругъ, искусствомъ плаванья и ныряньа, добывая изъ подъ воды принесенную жертву (съ большой опасностью, ибо озеро крайне глубоко). Христіанство освятило приношенія явленною на озерѣ иконой: но слѣды язичества упорно пробиваются доселѣ и измѣнилось существенно только то, что къ прочимъ жертвамъ присоединились кресты и образки съ тѣла; нигдѣ въ семъ родѣ нельзя достать старшихъ памятниковъ, если, бывало, не купите добытыхъ со дна. Рядомъ со „Святымъ" простирается, ближе къ Кускову, озеро „Большое" или „Бѣлое" и за тѣмъ „Чорное" или „Чертово," со временемъ, и давно уже, уступившее славу свою Святому. Меткимъ взглядомъ отличивши ту и другую особенность, счастливую мѣстность и фанатизмъ древняго поклоненія, Петръ I-й волокомъ перетащилъ сюда съ Яузы изъ подъ Измайлова, на приволье глубокихъ озеръ, новорожденную свою флотилію [22]): съ другой стороны, желая понизить языческое рвеніе и поднять духъ христіанскій, онъ, часто посѣщая Косино по поводу флота, подарилъ сюда вывезенную имъ изъ Италіи, изъ Модены, икону Богоматери, съ тѣхъ поръ названную Моденскою [23]). Прямымъ послѣдствіемъ было то, что икона Св. Николая, явившаяся нѣкогда на водѣ и связанная съ мѣстнымъ „Бѣлымъ озеромъ" такими же народными сказаніями, какія уцѣлѣли въ устныхъ Былинахъ о Бѣлоозерѣ и Волховѣ Сѣверномъ, получила рядомъ еще другой христіанскій памятникъ, предметъ новаго почитанія, а старшая деревянная церковь (отстроенная

[22]) Слѣды ея остановокъ замѣтны доселѣ: но чествованіе Петра въ семъ году забыло совсѣмъ эту историческую мѣстность.—[23]) Древней Итальянской живописи, близкой къ стилю Византіи. Можетъ быть именно эта связь съ Италіей и искусствомъ ея побудило Шереметева, какъ мы видѣли, дать двусмысленное названіе своей Лакасинѣ, напоминавшей Италію и вмѣстѣ Косино на берегу водоемовъ. А съ другой стороны, нѣкоторые путешественники, на пр. Свиньинъ („Отеч. Зап."), самое Косино писали и объясняли именемъ „Кассино."

въ послѣдній годъ жизни царя Алексѣя съ тѣми же цѣлями, какія руководили Петромъ) смѣнена новымъ каменнымъ храмомъ, гдѣ соединились обѣ иконы. Но ни сами богомольцы, ни причетъ, богатый дарами, не имѣли причины устранить слѣды, памятники и внушенія отдаленной древности: обстановка измѣнилась, но сущность осталась та же. Ревность поклонниковъ противу прежняго еще возрасла и ростетъ: до 100.000 и болѣе собирается сюда богомольцевъ въ теченіе лѣта. Насиженное или, лучше, исхоженное мѣсто народной святыни, какъ водится, вызвало себѣ всегдашняго своего сосѣда и спутника: послѣ Сергіева монастыря у Троицы нигдѣ не было, а нынче послѣ Кіевскихъ пещеръ нигдѣ нѣтъ, въ такомъ количествѣ и обычаѣ, какъ здѣсь, извѣстныхъ „Калѣкъ перехожихъ“ съ ихъ духовными Стихами. Вся дорога отъ церкви до Святаго Озера, чуть не съ версту, усажена ими, по одиночкѣ и кучами, такъ что идете вы между двухъ поющихъ стѣнъ; мы сами, прежде изданія сихъ пѣснопѣній, получали, да и по нынѣ получаемъ отсюда самый богатый матеріалъ народныхъ памятниковъ. Между тѣмъ, Кусково служило всегда неизмѣннымъ перепутьемъ между Косинымъ и Москвою, по дорогѣ туда и обратно: богомольцы, направляясь изъ Москвы на Перово или Вешняково, а потомъ черезъ Кусково, заходили бывало въ Старую Слободку, жилище дворовыхъ и церковниковъ, по краю дороги, закусывать, пить квасъ и пиво, отдыхать и ночевать; самъ баринъ, повинуясь явленію народному, долженъ былъ, какъ мы видѣли, строить для посѣтителей-прохожихъ особыя зданія, одно за другимъ, то лучшее близь себя, то попроще и подальше. Нынче богомольцы, черезъ Перово и желѣзную Владимірку, прямо входятъ въ Кусково и на отдыхѣ пьютъ чай въ бывшемъ Гаѣ или Лабиринтѣ: народное пережило всякую искусственность и обратило ее на свою потребу. Тѣмъ же путемъ, разумѣется, идутъ и Калѣки Перехожіе, и Стихи ихъ, а вмѣстѣ всякіе разсказы, слухи, преданія, такъ что живущимъ въ Кусковѣ нѣтъ возможности не слыхать ихъ, не интересоваться ими, не пропитаться и не воспитываться: особенно же тѣмъ, въ старину, кто жилъ или имѣлъ свой домъ на Старой Слободкѣ, гдѣ долженъ былъ неуклонно принимать у себя тысячи богомольцевъ, пѣвцовъ и сказателей со всѣхъ странъ, бесѣдовать, выслушивать, увлекаться и умиляться. Ту же самую школу народной религіозности и поэзіи, по мѣсту жизни своей, прошла и героиня нашего очерка въ своей ранней молодости, среди отцовскаго дома на Старой Слободкѣ.

Единственный въ живыхъ сынъ и наслѣдникъ Петра Борисовича, графъ *Николай Петровичъ* Шереметевъ получилъ отличное воспитаніе, довершилъ образованіе за границею, быстро поднялся въ чинахъ при Дворѣ, развернулъ передъ всѣми блескъ искусствъ и богатствъ отцовскихъ, и—подъ конецъ безповоротно уединился въ домашней жизни, сошелъ съ громкой сцены свѣта, умеръ, при всей знатной обстановкѣ своей, почти одиноко. Не подмосковная, подобно отцу, не уединеніе природы и широкое развитіе артистическое отвлекли его съ блестящаго

поприща: это былъ бракъ, бракъ тайный, и однако же всѣмъ извѣстный, женидьба на *Прасковьѣ Ивановнѣ* изъ рода шляхтичей *Ковалевскихъ*, какъ говорятъ оффиціальныя показанія, — на крестьянкѣ села Кускова, какъ знали и знаютъ объ этомъ всѣ въ Русскомъ народѣ. Долго таинственность и загадочность покрывала собою эти явленія, во всемъ ихъ противорѣчіи: никто не нарушалъ завѣтнаго молчанія, кто по оффиціальности своего положенія и принятой внѣшней оболочкѣ всего дѣла, кто изъ этикета и приличія, своеобычно по тому времени понятаго, кто изъ опасенія и страха, а кто—и большею частью—по совершенному незнанію. Не заглянула сюда и литература съ Карамзинымъ, хотя бы получила богатое содержаніе; молчала и печать, не разъясняя намековъ пѣсни народной. Даже многимъ близкимъ въ родѣ и семействѣ подробности оставались до сихъ поръ невѣдомы. Только наше время получило всѣ права на голосъ громкій, а интересъ пѣснотворческой области, равно цивилизованной и народной, печатной и устной, исторической и бытовой, интересъ, глубоко здѣсь затронутый, придалъ силы, рвеніе и досугъ, помощію изысканія, возстановить все дѣло въ его подлинномъ свѣтѣ. Мы обязаны только предупредить, что, по сущности и требованію нашей области, въ нее входитъ исторія самая многосторонняя, не одна какая ни будь, и всего менѣе такъ называемая положительная: слой жизни бывшихъ „дворовыхъ" придаетъ иногда историческимъ показаніямъ характеръ „лакейскій;" исторія народа простаго, сюда также вступающая на свою долю, скажется иногда черезъ чуръ простымъ, грубоватымъ воззрѣніемъ, понятіемъ и словомъ. Заранѣе предостерегая тонкій и нѣжный слухъ передъ такимъ кажущимся диссонансомъ, прибавимъ, что онъ разрѣшается сполна только стройностію пѣснотворческой, въ той пѣснѣ, которая заключила событіе для народа.

Родившись 28 іюня 1751 года, годомъ моложе сестры Варвары, графъ вмѣстѣ съ нею провелъ дѣтскіе годы, по обычаю числясь въ гвардіи, подъ ближайшимъ попеченіемъ матери и, при всемъ отличномъ воспитаніи, какъ единственный сынъ, былъ, разумѣется, очень балованъ матерью и изнѣженъ. Портреты его рисуютъ намъ худощаваго, блѣднаго и слабонервнаго мальчика, созрѣвшаго послѣ въ стройнаго, хотя и не высокаго, красавца, въ даровитаго и образованнаго юношу, но съ тѣми же отличительными чертами характера и, какъ всегда при этомъ бываетъ, очень страстнаго: страсти его, если не были сильны и глубоки, то быстро воспламенялись до крайности и погасали также скоро, чтобы снова вспыхнуть, именно такія страсти, какія вовсе были невѣдомы отцу его. Старику графу послѣ семейныхъ катастрофъ, смерти жены и любимой дочери, не подъ силу было приневолить его къ окружавшему систематическому строю: не оставалось ничего больше дѣлать, какъ только отправить сына за границу. Съ 1769 года Николай Петровичъ долго путешествовалъ по Западной Европѣ, былъ въ Англіи, Франціи, Германіи, Швейцаріи, всюду запасался познаніями, глубоко западавшими въ его душу, но волѣ его недоставало энергіи, чтобы прямо при-

ложить ихъ въ жизни или явить плоды практическіе. Всего больше учился онъ въ Лейденѣ, въ томъ знаменитомъ университетѣ, который столь славился на Руси и подарилъ насъ не однимъ крупнымъ дѣятелемъ эпохи. Въ 1778 году пришла пора возвратиться: путешественника встрѣтили отцовскія затѣйливыя сооруженія и тѣ старшіе памятники Кускова, къ которымъ юноша 22-хъ лѣтъ питалъ естественное уваженіе, вмѣстѣ съ уваженіемъ къ отцу, но которыхъ не могъ любить и которыми не могъ увлекаться въ мѣрѣ отцовской, уже ради своего новаго образованія и многаго лучшаго, видѣннаго за границей. Предлежалъ пока одинъ исходъ: лично представленный императрицѣ въ числѣ Московскихъ дворянъ предводителемъ отцомъ (1782 г.), онъ ринулся въ службу придворную, начатую подобно всѣмъ людямъ его положенія весьма рано, и быстро съ той поры возвысился до оберъ-камергера, гофъ-маршала, д. тайнаго совѣтника, потомъ сенатора и всевозможныхъ орденовъ кавалера, не исключая Іоанна Іерусалимскаго и Андрея; но, по мѣрѣ движенія этимъ путемъ, страстный и Европейски образованный графъ постепенно остывалъ въ каждой новой фазѣ, скоро ему надоѣдавшей. Тѣмъ больше, по пріѣздѣ въ Кусково, ничего особенно не привязывало дома: разошедшись съ опечаленнымъ прошлымъ и съ первою половиною своихъ сооруженій, старый графъ, мы знаемъ, отступилъ въ глубь своего Гая и Лабиринта, основавшись по преимуществу въ Домѣ Уединенія. Сколько видимымъ пространствомъ мѣста, на столько же и характеромъ внутреннимъ онъ расходился съ сыномъ: передъ послѣднимъ ему какъ будто приходилось совѣстно за свои, пожалуй для иного ребяческія, затѣи. Совершенно въ то же самое время, съ 1785-го и всего больше въ 1786-мъ году, намѣренно и усиленно отдѣлывается Большой домъ съ его садомъ „для Николая Петровича:“ ему отводилось особое жилище, какъ бы отдѣльное царство, гдѣ была съ нимъ библіотека, перемѣщенная галлерея картинъ и портретовъ, да по смерти отца старый другъ дѣтства, калмычка Анна Николаевна, сюда же перебравшаяся изъ „Уединенія.“ Кончина родителя заразъ передала въ руки только что созрѣвшему 37-ми-лѣтнему богачу все то, чѣмъ бы онъ могъ гордиться, а вмѣстѣ всѣ тѣ памятники и планы, которые онъ считалъ до тѣхъ поръ исключительно отцовскими и которыхъ никакъ не могъ признать своимъ личнымъ дѣломъ. По обязанности сына и наслѣдника, онъ поддерживалъ, кое-что поправлялъ или подновлялъ, отдѣлалъ себѣ покои въ „Уединеніи:“ но, остановиться здѣсь съ утѣхою или вести шаги далѣе, онъ не чувствовалъ въ себѣ ни охоты, ни силы. Искусство интересовало его, но не поглощало; отличный віолончелистъ, онъ ограничивался однако музыкою въ уединенномъ кабинетѣ, получивъ отвращеніе отъ публичности, такъ какъ покойный отецъ „заставлялъ“ его играть при гостяхъ въ оркестрѣ; самый театръ натурѣ его нравился не сценою искусства, а дѣйствующими лицами. Подготовленныя нервозностью, отчасти воспитанныя и указанныя самимъ отцомъ,—другаго онъ не могъ придумать по характеру сына,—страсти получили исклю-

чительное и весьма узкое русло: то была полевая охота, связанныя съ нею лошади, да близкія къ искусству — женщины. Охоту любилъ въ свою мѣру и отецъ: но у сына рано начались „любимые" виды охоты, „любимые" охотники и псы; къ лошадямъ прибавились „любимыя" Англійскія; образъ жизни старика-вдовца распахнулся совсѣмъ въ другомъ видѣ для холостаго сына, среди громаднаго числа дворовыхъ дѣвушекъ, окружавшихъ его въ Большомъ домѣ и манившихъ барина въ труппѣ артистокъ. Кусково, привыкшее къ величайшему разнообразію веселаго дня, увидало полнѣйшее однообразіе въ неизмѣнномъ повтореніи: нынче охота и лошади, завтра то же; днемъ охота, ночью другая Баринъ обходилъ — не сооруженія, не памятники и залы, а комнатки. Баринъ по минутной прихоти оставлялъ то въ той, то въ другой комнаткѣ платокъ: за платкомъ являлся онъ ночью, безъ постороннихъ свидѣтелей, кромѣ той, которая должна была возвратить ему платокъ. Въ извѣстномъ родѣ степенное, до извѣстной степени богомольное, Кусково начинало теперь сживаться съ явленіями совсѣмъ другаго рода. Такъ длилось, такъ по смерти старика обѣщало длиться безконечно, пока одинъ день, одинъ день подъ исходъ лѣта *1789-го года*, все перемѣнилъ и перевернулъ вверхъ дномъ. Графъ встрѣтилъ *Парашу*. . . .

Между графскими вотчинами, изъ которыхъ ближайшія отправляли мелкую подѣлку или доставляли крупныхъ дворовыхъ, чернорабочіе или больше изъ Мещеринова и особенно изъ Константинова (съ Коломенки). Около 1719 года въ Петербургскій домъ Бориса Петровича взятъ былъ кузнецомъ Юхотской волости, села Большаго, деревни Березина крестьянинъ Степанъ Сергѣевъ: по 2-й ревизіи 1746 года онъ значился въ Московскихъ дворовыхъ при Петрѣ Борисовичѣ, 35 лѣтъ, съ женою Оленою Ивановой 46 лѣтъ и *сыномъ Иваномъ* по 6-му году (родился въ 1739 г.). Не смотря на нѣкоторыя странныя претензіи (которыя увидимъ мы ниже), семейство это приписано было въ подушный окладъ по Мещериновской вотчинѣ и, по смерти Степана, къ ревизіи 64-го года, переведенное опять въ Юхотскую волость, продолжало въ ней числиться съ нисходящими до самаго 1795 года. Воспитанный въ бѣдности матерью-вдовою, сынъ Иванъ наслѣдовалъ занятія отца и сдѣлался кузнецомъ, а повторявшаяся профессія утвердила за всѣмъ родомъ его фамилію *Кузнецовыхъ*, которая встрѣчается равно и при отцѣ, и при дѣтяхъ. Онъ обреченъ былъ къ тому и самою природою; это былъ *горбунъ*, долго носилъ самъ личное прозвище „Горбуна" и сообщилъ его дѣтямъ, которые также именовались *Горбуновыми*. Это уже фамилія вторая: 1-я возникла по занятіямъ и званію, вторая по лицу и отцовской фигурѣ. Къ 4-й ревизіи 1782 года мать Ивана умерла; онъ самъ, 43 лѣтъ, женился на Варварѣ Борисовой, 35 лѣтъ, изъ графскихъ же дворовыхъ, и прижилъ съ нею пятерыхъ дѣтей: *Прасковью* — въ ревизію 14 лѣтъ, Аѳанасья 11-ти, Матрену 8-ми, Николая 5-ти и Михайлу 2-хъ лѣтъ. То Юхотскій, то Мещериновскій крестьянинъ и графскій дворовый, жилъ онъ на работѣ въ разныхъ мѣстахъ (такъ сынъ Аѳанасій родился у него въ Вощажниковѣ), а годъ

конецъ, по общему преданію, въ Константиновѣ: именно отсюда, въ первыхъ 80-хъ годахъ, взятъ онъ по извѣстной опытности на открывшуюся вакансію къ Петру Борисовичу въ Кусково. Съ тѣхъ поръ, по штатамъ съ 1785 года, старшимъ изъ кузнецовъ Кусковскихъ значится „Иванъ Степановъ Горбунъ,“ съ семействомъ и прибавившимися сыномъ Васильемъ. Онъ даже сдѣланъ былъ „кузнецкимъ старостою“ и порою поминается въ числѣ наказанныхъ за неисправность или вино. Самъ ли, по обычаю Горбуновъ, сердился онъ за данное прозвище, или другіе, при баринѣ, любившемъ для всѣхъ почетъ, хотѣли смягчить укоръ тѣлеснаго недостатка, только въ слѣдующихъ годахъ—вмѣсто Горбуна—называютъ его порою *Горинъ*, а когда и это не нравилось, еще — *Зоринъ*: вотъ уже 3-я и 4-я фамилія счастливцу. Гораздо болѣе отличала его примѣрная старательность объ дѣтяхъ, къ чему представлялось много поводовъ и средствъ въ разумномъ устройствѣ Кускова при Петрѣ Борисовичѣ: и вотъ почему дочь сохранила къ отцу на всегда пламенную привязанность, несравненно болѣе, чѣмъ ко всѣмъ прочимъ членамъ семьи. Сына Аѳанасья отдалъ онъ учиться при дворѣ ремеслу портному, Михайлу также; Николая, поумнѣе, съ 8 лѣтъ обучилъ грамотѣ и сдѣлалъ послѣ музыкантомъ при Театрѣ вблизи сестры.

Старшая дочь Прасковья, наша героиня, родилась 20 іюля 1768 года; но гдѣ—неизвѣстно съ достовѣрностью: во всякомъ случаѣ не въ Кусковѣ; по общему устному преданію въ Константиновѣ; а можетъ быть и въ Вощажниковѣ, вмѣстѣ съ ближайшимъ по возрасту братомъ Аѳанасьемъ, или въ другомъ какомъ либо имѣньѣ Долгорукихъ, такъ какъ она въ малыхъ лѣтахъ воспитана была княгинею *Маѳѳою Михайловною Долгорукой* [1]), по свидѣтельству одного весьма важнаго показанія [2]). Въ Кусково перебралась она съ отцомъ лѣтъ 14—15. Здѣшній домъ ихъ, въ числѣ прочихъ дворовыхъ, находился на Старой Слободкѣ (гдѣ теперь домъ Скуратнаго), не далеко отъ Скотнаго пруда и кузницы: мы можемъ до извѣстной степени представить впечатлѣнія и обстановку первыхъ лѣтъ дѣвицы [3]). Внутренность дома, объ одной русской печкѣ взади, съ перегородочками для членовъ семьи, на улицу выходила просторною свѣтлою комнатой, гдѣ въ переднемъ углу помѣщались образа, свидѣтельство Богомолья и зажиточности: Спасителя и Богоматери (благословеніе брака), Ивана Предтечи (хозяйскаго ангела), Казанской въ окладѣ съ позолоченымъ вѣнцомъ, Рождества Богородицы съ мѣдными полями и вѣнцами, В. М. Варвары (ангела хозяйки) въ посеребреномъ окладѣ и на конецъ Всѣхъ Скорбящихъ съ мѣдными полями и вѣнцами, — икона, къ которой Прасковья Ивановна съ дѣт-

---

[1]) Дочерью Михайлы Борисовича, старшаго сына фельдмаршала, въ замужествѣ за кн. Алексѣемъ Михайловичемъ Долгорукимъ, умершимъ 1725 г.— [2]) Оставшагося послѣ друга Прасковьи Ивановны, о которомъ ниже.—[3]) Уцѣлѣла подробная опись дома Ивана Степановича въ концѣ XVIII вѣка; дополняется штатными описями Кускова.

скихъ лѣтъ до смерти сохранила особенное усердіе (ей много досталось скорби на долю). Передъ кіотою 6 жестяныхъ подсвѣчниковъ для свѣчъ хрустальный пузырь съ гробомъ Господнимъ внутри, подъ образами расписанныхъ 6 яичекъ. По стѣнамъ отъ иконъ висѣли, въ рамкахъ за стеклами, печатный на бумагѣ образъ Богоматери и Успенія, да 9 картинокъ въ рамахъ деревянныхъ; далѣе восковая картина въ глухой рамѣ, — Петръ 1-й на конѣ, и въ футлярѣ за стекломъ восковыя фигурки гуляющихъ людей между деревьями. Въ другомъ углу комнаты наугольникъ съ посудою: тамъ 2 чайника, чашки, расписанная цвѣтами шкатулочка для чаю и сахару, хрустальная солонка, 2 алебастровыя фигурки — женщины и старика, да 2 статуйки. По срединѣ 2 деревянныхъ стола и 2 скамьи, на нихъ щипцы для свѣчъ и кузнечныя орудія; кухонная утварь близь печки; оконъ всѣхъ десять; на маленькомъ дворикѣ куры, двѣ коровы и большая цѣпная собака. Художникъ и любитель природы, владѣлецъ Кускова хотѣлъ, чтобъ и служители окружали себя подобною же обстановкою: всѣ почти имѣли сверхъ надѣла лишнюю землю вокругъ, кто подъ травою, огородомъ, грядами. У кузнеца, сверхъ 60 квадратныхъ саженъ надѣла, состояла еще 141 сажень ($23^{1}/_{2}$ длины, 6 ширины) „подъ крыжовникомъ и яблонями:“ было гдѣ погулять и позабавиться, и дѣвушкѣ, и прочимъ дѣтямъ. Безбѣдное содержаніе, удѣлявшееся щедрымъ графомъ и простиравшееся до мелочей, разливало въ жизни довольство, въ характерѣ спокойствіе и веселую безпечность. Среди Кускова не было недостатка въ красотахъ, а потому и въ чувствѣ природы: она съ избыткомъ пополнялась еще цивилизующими памятниками и новостями искусства. Ревностное благочестіе семьи, благочестіе жителей вокругъ, массы богомольцевъ черезъ Кусково, въ немъ на ночлегѣ и по близости въ Косинѣ, все говорило и безпрерывно напоминало о Богѣ: за Богомъ и природою съ искусствомъ, оставалось только воспитать умъ и сердце. Съ этой стороны, мы видѣли, историческія, столь образующія, событія и воспоминанія, на мѣстѣ и изъ окрестностей, сами просились въ душу: по счастливому условію, ихъ сопровождалъ и оживлялъ повсюду характеръ здравой, сильной народности. Ранній возрастъ подъ сѣнію Долгоруковскихъ и Шереметьевскихъ преданій училъ не одной грамотѣ: вмѣстѣ съ близостію Горенокъ и Кусковскимъ ночлегомъ Натальи Борисовны, всего сильнѣе и вліятельнѣе говорили они женскому уму и сердцу о роли женщины, о возможномъ женскомъ подвигѣ, о необходимой жертвѣ, равно соединенной и съ торжествомъ, и съ искупляющимъ страданіемъ; они способны были подготовить одинаково и къ славѣ, и къ мученичеству. Разсказы о „благотворительномъ расположеніи графа Петра Борисовича и супруги его,“ обращенномъ на дѣвушку, ради „отличныхъ ея достоинствъ въ характерѣ и поведеніи,“ разсказы о развитіи ея „при домовомъ Театрѣ, въ числѣ упражняющихся, для забавы, дѣтей графа Петра Борисовича, въ томъ числѣ самого графа Николая Петровича и прочихъ благородныхъ лицъ,“ а вслѣдствіе того

о раннемъ, „особенномъ, но непорочномъ объ ней вниманіи" со стороны молодаго графа, принадлежатъ конечно къ области неудачныхъ вымысловъ [4]). Тѣмъ не менѣе достовѣрно, что въ ту пору, для Театра сперва домашняго, потомъ пробнаго при Вокзалѣ и наконецъ вновь отдѣланнаго, хлопотливымъ владѣльцемъ отовсюду пріискивались лица и силы: не могла укрыться отъ вниманія и пробы крѣпостная, даровитая дѣвушка, со всѣми задатками успѣха. Какъ всѣ дворовые, и она была близка къ дому, ко „дворцу," или, какъ еще говорили тогда по привычкѣ отъ царской старины, къ „верьху:" она тотчасъ пріобрѣла тамъ завѣтнаго и вѣрнаго друга на всю жизнь и за могилу, *Татьяну Васильевну Шлыкову*, которой суждено было во всѣхъ судьбахъ подруги играть съ тѣхъ поръ ближайшую роль и которая сама съ семилѣтняго возраста жила въ домѣ графа, какъ дочь Елены Ивановны Шлыковой, состоявшей при Варварѣ Алексѣевнѣ. Сама привлекательная [5]), сама столь же даровитая и представительная, Шлыкова всѣхъ тѣснѣе сошлась съ Парашей и помогала ей. Послѣдняя уже 17-ти лѣтъ поминается въ штатахъ Кусковскихъ „при верьхѣ актрисою:" то были первыя пробы, оказавшія въ дѣвушкѣ способность артистки и въ особенности прекрасный голосъ, который данъ былъ ей отъ природы, развивался на дѣвичьей волѣ среди благопріятной среды, а послѣ составилъ заслуженную славу пѣвицѣ сценической. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ первымъ участіемъ при Театрѣ заронилась искра, которая зажгла потомъ и освѣтила природный талантъ, а самому лицу прибавилась послѣдняя, заключительная, недостававшая прежде, черта развитія, черта драматическая; конечно при этихъ раннихъ опытахъ могъ присутствовать и даже въ нихъ участвовать молодой графъ, а слава вновь отстроеннаго Театра, озарившагося торжествомъ 1787 года, одобреніемъ и милостью Императрицы, должна была возбудить соревнованіе артистовъ и артистокъ, убѣдивши начинающихъ, посвятить сценѣ свои таланты и всячески развивать ихъ. При всемъ томъ, Параша оставалась еще по прежнему крестьянкой; дочерью кузнеца или, какъ долго звали и доселѣ зовутъ ее въ народѣ,—„кузнечихой;" продолжала жить съ отцомъ, заниматься домашними и сельскими работами; развивала свой прекрасный голосъ не столько на сценѣ, куда при новомъ большомъ театрѣ допускалась вѣроятно лишь для полноты хора, сколько на раздольѣ природной и народной пѣсни. Графъ Николай, хотя бы порою видавшій ее и слыхавшій, естественно долженъ былъ забывать ее среди массы тогдашней челяди и набранныхъ артистокъ, тѣмъ больше, что за это время былъ еще довольно холоденъ и безучастенъ къ затѣямъ

---

[4]) Это показанія, о которыхъ скажемъ еще ниже и которыя грѣшатъ здѣсь тѣмъ, что Параша родилась годъ спустя послѣ смерти графини Варвары; что графъ Николай былъ старше ея на 17 лѣтъ и не могъ быть сверстникомъ ей въ играхъ дѣтства; что особенное вниманіе его сначала, именно сначала, вовсе не было такъ „непорочно," и т. п.. — [5]) Портретъ ея, раннихъ молодыхъ лѣтъ, сохранился въ Большомъ домѣ Кускова.

родительскимъ. Между тѣмъ умная, сердечная, даровитая, богомольная, горячо преданная семьѣ и особенно привязанная къ отцу, съ дѣтскихъ лѣтъ порядочно обученная первымъ началамъ, нужнымъ женщинѣ, воспитанная природою, облежащимъ искусствомъ и всѣмъ мѣстнымъ вѣяніемъ, историческимъ и народнымъ, пѣвица, узнавшая цѣну своему голосу среди сельскихъ хороводовъ и опытовъ сценическихъ, захваченная недавно интересомъ артистки и затронутая драматизмомъ, коренившимся въ ея натурѣ, а теперь искавшимъ пищи и поприща, вѣрная подруга графскихъ домашнихъ и трудолюбивая крестьянка, дѣвушка росла и, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, выросла и сформировалась истою, зрѣлою красавицей Кускова. Разсматривая теперь столько сохранившихся ея портретовъ, писанныхъ съ ранняго возраста до смерти замѣчательными художниками времени, слыша и читая столько разсказовъ про нее и описаній, мы видимъ, что это вовсе не была такъ называемая „Русская красота,“ которую скорѣе было бы ожидать отъ крестьянки и дитяти природы, съ извѣстною овальностью или круглотою лица, глазами на выкатѣ или съ паволокою, ясностію взора, бѣлизною и румянцемъ, мягкими приглаженными волосами и роскошною косою. Ни античной, ни классической, ни художественно правильной красоты въ ней также не было: напротивъ, съ этой точки зрѣнія лобъ нашли бы малымъ, глаза не достаточно обрисованы ясными линіями и не велики, а по краямъ нѣсколько растянуты по Восточному, въ волосахъ нѣтъ роскоши, скулы выдаются слишкомъ замѣтно, колоритъ лица то нѣжно-слабый, то смугловатый и запаленный. Но въ общемъ это именно то, что называется красотою выразительной и красотою выраженія: а выражается здѣсь душа, со всѣмъ тѣмъ цѣлымъ и цѣльнымъ, которое пытались мы выше пересчитать по частямъ и чертамъ. Цѣлое этого лица и этой фигуры дѣйствуетъ неотразимо и поразительно: это типъ, рожденный отъ типа и способный воспроизвести ряды характерныхъ типовъ. Въ минуту обаянія, которое невольно охватываетъ васъ при взглядѣ, пріобрѣтаютъ весь смыслъ и свое значеніе: и эта казавшаяся неправильность въ овалѣ лица; и эти глаза, равно сильные и нѣжные во взорѣ своей глубиною и влажностью; и эта томность, близкая къ слабости, разлитая повсюду и наслѣдованная вѣроятно, какъ часто встрѣчается, отъ болѣзненнаго отцовскаго организма, но въ то же время смуглый колоритъ, готовый засвидѣтельствовать твердость воли и силу натуры; и эти небрежные волосы, отвѣчающіе общей небрежности убора и всей позы, а вмѣстѣ энергія, видимо готовая подняться и до послѣдней стойкости, и до крайней напряженной дѣятельности. Что-то зовущее, приковывающее и вмѣстѣ съ собою влекущее. Фигура эта будто встала передъ нами внезапно или встрѣчена невзначай на пути: а идетъ она на подвигъ, и путь ея есть предначертанный, рѣшенный путь побѣды и жертвы, торжества и мученичества. Раньше вы ея не знаете и не можете представить, какова была она, но теперь, когда она созрѣла и видите ее созрѣвшею, вы, хотя бы разъ ее увидали, никогда ея не позабудете и вѣчно она

будетъ съ вами.—Внимательный отецъ не позже другихъ замѣтилъ эту зрѣлость: онъ уже хлопоталъ, чтобы дочь пристроить, то есть выдать за мужъ. На такую невѣсту скоро сыскался и женихъ, хорошо извѣстный по устному преданію и памятливымъ разсказамъ землякъ Ивана Степанова (взятый изъ Мещеринова въ 63 году), *Егоръ Ивановъ Ушаковъ*, сперва басманникъ (пекарь хлѣбовъ), потомъ лѣсникъ при Звѣринцѣ, сваталъ сына своего *Ивана* [1]). Конечно искатель не стоилъ Параши: она могла только *жалѣть* его искреннюю привязанность, питать къ нему не любовь, а *жалость*.

Выгонъ скотины со Старой Слободки, гдѣ жилъ Иванъ Степановъ, какъ и нынче, былъ сзади въ лѣсочкѣ, по направленію къ Косину: утромъ ходили черезъ лѣсъ и за лѣсъ, на полдни пригоняли къ пруду, что и теперь зовется „Скотнымъ" передъ Слободкой, потомъ опять въ лѣсъ и изъ лѣсу вечеромъ домой. Строго наказано было, чтобы всѣ хозяева выходили сами за скотиною при ея возвратѣ: иначе она забѣгала, черезъ дорогу въ барскія отдѣланныя угодья и къ саду. Отъ лѣсу и Слободки идетъ спускъ къ тому Ручейку, на которомъ видѣли мы (и уцѣлѣлъ доселѣ) мостъ ко Владычну: а на Западной сторонѣ моста начинались уже затѣйливыя постройки Петра Борисовича, при прудахъ въ Гаѣ. Когда пригоняли скотину изъ лѣсочка къ опушкѣ, сюда выходили за нею владѣльцы: взявши скотину нужно было спуститься къ ручейку, пройти нѣсколько сажень его берегомъ и отсюда поворотить къ верху, чтобы подойти къ заднимъ воротамъ, въ томъ числѣ ко двору кузнеца. Поворотъ приходился у моста, за мостомъ же, по ту сторону Ручеечка, лежало поле, къ Гирееву, Владычну и особенно къ Косину, съ привольемъ для охоты, съ болотами, до сихъ поръ полными дичью. Въ одинъ изъ послѣднихъ лѣтнихъ дней 1789 года, вечеромъ, дѣвушка двадцати съ небольшимъ лѣтъ (ей только минулъ 21 годъ), Параша ведетъ изъ лѣсочка пригнанныхъ отцовскихъ двухъ коровъ, спускается къ Ручью, а за мостомъ ѣдетъ „баринъ," т. е. Николай Петровичь, ѣдетъ „съ поля," съ охоты, съ двумя своими любимыми собаками. Мы не повторяемъ словъ пѣсни: повторяя мы не могли бы передать разсказа въ такой прелести правды, простоты и изящества. Пораженный красотою и озадаченный съ перваго взгляда, узнавши, что это его собственная крѣпостная крестьянка и дворовая, припомнивши, какъ видѣлъ ее и слыхалъ ея прекрасный голосъ когда-то прежде, а недавно принималъ просителя, просившаго дѣвушку за сына, Николай Петровичь могъ только сказать себѣ: „Такъ вотъ она, эта Параша, о которой такъ говорятъ и на дняхъ еще шли рѣчи!" У него вырвались слова: „Не къ тому ты рождена!.... Ты родилася крестьянкой, завтра будешь госпожа!" Параша вернулась домой смущенная: звукъ рѣчей отдавался въ ея слухѣ, смыслъ ихъ кружилъ голову; толь-

---

[1]) Иванъ былъ также лѣсникомъ, а послѣ караульщикъ въ Вешняковѣ, и имѣлъ свой собственный домъ, вѣроятно полученный въ награду отказа.

ко на завтра можно было поуспокоиться, собраться съ мыслями, пересказать подругамъ и съ ними посовѣтоваться: эта самая минута и выбрана исходною точкою, откуда поднимается и раздается голосъ пѣсни,—вспоминаютъ вчерашній вечеръ, и, выслушавъ разсказъ, подруги подаютъ совѣтъ свой, свой судъ о судьбѣ, уже предрѣшенной бариномъ. Въ теченіе сутокъ конечно были уже шаги впередъ и дѣло любви было рѣшено. Такъ по содержанію пѣсни и процессу внутренняго ея творчества: но въ своей формѣ создалась она конечно нѣсколько позднѣе. Параша освоилась съ новымъ положеніемъ, силы творческія настроились въ спокойствіи любящей души: нѣсколько мѣсяцевъ, годъ, два послѣ событія, и могла созрѣть пѣсня, его воспѣвшая какъ близкое прошлое, еще длившееся въ счастливомъ настоящемъ.

Пѣсня до послѣдней мелочи отвѣчаетъ натурѣ, характеру и воспитанію Параши: это пѣсня совершенно народная, но вмѣстѣ со всѣми чертами личнаго дарованія и возможной образованности, возвышающими ее надъ слоемъ грубымъ; и сама она, и особенно языкъ ея стоитъ на удачной ступени между словесностью устной и художественнымъ произведеніемъ литературы, подобно какъ весь конецъ XVIII вѣка, для котораго служитъ она лучшимъ типомъ и выразителемъ; нѣжность, легкость и мягкость, разлитая въ ея созданіи, обличаетъ женскій умъ, женское сердце, женскую руку; напѣвъ ея говоритъ объ отличной пѣвицѣ, напѣвшей впервые, и повториться можетъ только изъ устъ пѣвицы такой же, равно замѣчательной; для нея нуженъ голосъ далеко обработанный, съ народными свойствами соединяющій элементы личнаго вкуса и драматизма; красота ея достигла высшей простоты, краткости и непринужденности формъ; это одинаково наша Русская, народная, крестьянская пѣсня, и романсъ въ его лучшемъ, западномъ Европейскомъ смыслѣ, когда положеніе и слово женщины достигло свободы въ вѣкъ рыцарства. Въ нашемъ обществѣ оцѣнить и исполнить эту пѣсню могла только Е. С. Сандунова: она и славилась этимъ, при всѣхъ немолодыхъ уже своихъ лѣтахъ; она и была почитательницею Кускова, любила его и преданія его героини, искала постоянной жизни въ немъ на лѣто, и вѣроятно, ближе съ нимъ ознакомившись, оставила бы намъ свои живыя воспоминанія, если бы, мы видѣли, не помѣшало тому невѣжество управляющихъ и 1812-й годъ не потрясъ бы окончательно тогдашняго порядка вещей.

Въ народѣ пѣсня сдѣлалась извѣстна и быстро распространилась изъ Кускова черезъ тысячи Шереметьевскихъ крестьянъ, столь заинтересованныхъ ею, по всему лицу Россіи. Скоро не было Русскаго уголка, гдѣ бъ ея не знали, преимущественно между дворовыми, мѣщанами, купечествомъ, чиновниками, духовенствомъ, вообще въ среднемъ классѣ, а отчасти и въ высшемъ, кто только изъ него любилъ и любитъ пѣсню. Изъ этой массы, за исключеніемъ развѣ лунныхъ жителей Петербурга, намъ положительно не случалось встрѣчать человѣка, который не былъ бы знакомъ съ пѣснею хоть въ отрывкахъ, разумѣется—не вѣдая коро-

шенько, о комъ она и откуда. Средній же классъ въ особенности сохранилъ пѣсню потому, что она сама, какъ говорили мы, средняя по по своей концепціи и голосу, не совсѣмъ доступна въ исполненіи простому народу при огрубѣвшей музыкальности и требуетъ уже нѣсколько личнаго, болѣе цивилизованнаго развитія: а Шереметьевскіе крестьяне, наиболѣе зажиточные, бывалые и образованные, послужили въ семъ случаѣ первыми проводниками для остальныхъ членовъ средняго слоя. По сему въ той же средѣ вы можете услыхать цѣльную пѣсню до сихъ поръ, если встрѣтите хорошаго пѣвца и преимущественно хорошую пѣвицу; чѣмъ ниже слой народа и изъ простаго дѣлается одичалымъ, тѣмъ рѣже попадается пѣсня или уже въ искаженномъ видѣ по составу и напѣву; а больше ее говорятъ говоркомъ или напѣваютъ кое-какъ, не въ силахъ будучи справиться съ голосомъ нѣжнымъ и значительно „образованнымъ." Что касается до вопроса, о комъ эта пѣсня и когда возникла, то въ народѣ простомъ исчезло уже почти всякое преданіе: догадываются только, и то со многими ошибками, люди пообразованнѣе, старики, наиболѣе по происхожденію изъ „Шереметьевскихъ," да нынѣшніе старожилы Кускова. За то въ самомъ Кусковѣ она вовсе нынче не поется, а если вспоминается и передается на словахъ, то съ таинственнымъ видомъ и какимъ-то страхомъ, до сихъ поръ еще не остывшимъ. Дѣло въ томъ, что, быстро разошедшись отсюда, она однакоже, чѣмъ ближе къ Кускову, а еще болѣе въ немъ самомъ, состояла довольно долго подъ строжайшимъ запретомъ: Николай Петровичъ самъ долженъ былъ наблюдать за этимъ; пѣть ее громко значило бы говорить объ его тайной любви, потомъ обличать происхожденіе графини, а потомъ упрекать барина былью. Явленіе это, мы знаемъ, постоянно повторяется при всѣхъ историческихъ пѣсняхъ о крупныхъ и выдающихся лицахъ: здѣсь же прибавились еще суровыя обстоятельства, о которыхъ скоро скажемъ. Такимъ образомъ, подавляемая на мѣстѣ происхожденія и искореняемая въ корнѣ, но распространенная далеко и широко, тѣмъ самымъ пѣсня забыла происхожденіе и свои историческія черты, а отъ того получила нѣкоторыя добавки и постепенныя искаженія. При такомъ положеніи дѣла, въ печати, то есть въ „Пѣсенникахъ," сколько мы знаемъ, появилась пѣсня только въ 1819 году, и то вдалекѣ отъ мѣста происхожденія, въ Петербургѣ у Глазунова, съ передѣлкою именъ; распространилась же сильнѣе съ 1820, особенно благодаря извѣстному Маклакову, служившему „для особъ прекраснаго пола" и сослужившему подобную службу Елизаветѣ, равно какъ трудолюбивому, менѣе связанному щекотливостью отношеній, иностранцу А. И. Семену [1]. Время было благо-

---

[1]) Мы еще застали въ живыхъ этого замѣчательнаго человѣка, столь много сдѣлавшаго для Русской печати вообще и для Синодальной Московской Типографіи въ особенности: мы вмѣстѣ служили съ этимъ любезнымъ, милымъ

пріятно: Николай Петровичъ скончался, наслѣдникъ былъ малъ, опекуны кромѣ доходовъ ничего не вѣдали. За то съ самаго начала печати прибавлялось, что пѣсня „извѣстна по голосу," ибо она была уже очень распространена: и тѣмъ не менѣе, никто до насъ не рѣшился, а впослѣдствіи по незнанію и не могъ сказать на вѣрное, кѣмъ пѣсня сложена, о комъ, въ какомъ случаѣ и мѣстѣ. По порядку изданія, дошедши до предѣла, гдѣ представлялось мѣсто пѣснѣ, мы поселились нарочно въ Кусковѣ и собрали всѣ возможныя подробности для ея объясненія, которыми теперь и дѣлимся съ читателями.

Пѣсня Кусковской крестьянки Параши Кузнецовой-Горбуновой.

1.

(Москва и Кусково).

Вечоръ [1]) поздно, изъ лѣсочку [2])
Я коровъ домой гнала.
Лишь спустилась къ ручеёчку
Возлѣ нашего села [2]):
Вижу,—баринъ [3]) ѣдетъ съ поля [4]),
Двѣ собачки [5]) впереди.
Поровнявшися со мною,
Онъ привѣтливо сказалъ:
«Здравствуй, милая красотка,
«Изъ какого ты села?»
— Вашей милости крестьянка,—
Отвѣчала ему я.

и образованнымъ старикомъ; помнимъ его разсказы, какой отваги передъ обществомъ и цензурою, какого пренебреженія къ упрекамъ и страхамъ стоило ему напечатать пѣсню цѣликомъ въ 20-хъ годахъ,—тогда еще многіе знали, о комъ она, и боялись *оскорбить* (!) графскій родъ.

[1]) Вчера вечеромъ. Случилось, что пѣсня Параши начиналась одинаково съ любимою пѣснею Елизаветы („Я вечоръ млада," см. выше). — [2]) Подробности о всей этой мѣстности см. выше. — [3]) Не „какой ни будь," а извѣстный, Кусковскій, графъ Николай Петровичъ (въ Западныхъ языкахъ былъ бы поставленъ „опредѣленный" членъ). — [4]) Технически: охотничья, съ охоты. — [5]) Любимыя, всюду его провожавшія: *Сервантъ* (чернопѣгая) и *Ханъ* (черный); прочія изъ своры были Троянъ, Швырокъ, Мунгасъ, Обрѣзъ, Клоя, Нѣмка, Арапка, Завитка, Лихотка, изъ молодыхъ Крылатъ, Тиранъ, Лиходѣй и т. д.

«Не тебя ли, моя радость,
«Егоръ за́ сына [6]) просилъ?
«Онъ [7]) тебя совсѣмъ не сто́итъ,
«Не къ тому ты рождена:
«Ты роди́лася крестьянкой,
«Завтра будешь госпожа [8])!»

— Вы голубушки, подружки,
— Посовѣтуйте вы мнѣ!—
А подружки усмѣхнулись:
«Его [9]) воля, его власть!»

(Отъ Кусковскихъ старожиловъ и старшихъ пѣвцовъ Московскихъ: образецъ основной, наиболѣе распространенный по Россіи въ устахъ лучшихъ пѣвцовъ и пѣвицъ.)

*

Слѣдующіе за симъ образцы представляютъ или видоизмѣненія, или постепенные наросты къ основѣ.

2.

(Губ. Тверской, у Старицкаго).

Вечоръ поздно, изъ лѣсочку
Я коровушекъ гнала,
Подгоняла къ ручеёчку,
Оглянулася назадъ [1]).
Вижу, баринъ ѣдетъ съ поля,

[6]) Егоръ Ушаковъ за сына Ивана: см. выше. — [7]) Иванъ. — [8]) Здѣсь собственно конецъ основной пѣсни, по героинѣ, предмету и содержанію: слѣдующее за симъ поется уже не такъ часто и всеобще, но представляетъ однако обѣщанное „завтра," когда героиня собралась съ подругами и мыслями; съ этой же послѣдней точки зрѣнія слагавшая, такъ сказать, обернулась назадъ и, вспоминая случившееся „вчера," запѣла. Вслѣдъ за словомъ барина, первый актъ на завтра конечно былъ актъ любви; для Параши и пѣсни первый послѣдующій актъ—совѣтъ собравшихся подругъ. — [9]) Баринова.

[1]) Поютъ также, подобно первому образцу: „Лишь спустилась къ ручеечку Возлѣ нашего села." Но эти подробности вдали неизвѣстны и скорѣе забылись.

Двѣ собачки впереди,
Два лакея позади [2]).
Поровнялся, поклонился:
«Здравствуй, милая моя,
«Чьего дому, чьего роду,
«Чьей деревни красота [3])?»
— Вашей милости крестьянка, -
Отвѣчала ему я.
«Не тебя ль, моя красотка,
«Егоръ за́ сына просилъ?
«Его сынъ тебя не сто́итъ,
«Не къ тому ты рождена:
«Ты роди́лася крестьянкой,
«Можешь быть и госпожа [4])!»

— Ахъ вы дѣвушки, подружки,
— Вы голубушки мои!
— Вы сходитеся ко мнѣ,
— Потужите обо мнѣ [5]):
— Меня баринъ любитъ, лестно [6]),
— А Ванюшу очень жаль [7]).—
Всѣ подружки усмѣхнулись
И въ отвѣтъ сказали ей:
«Его воля, его власть,
«За кого хочетъ, отдасть [8])!»

(Отъ А. А. Панина и друг.)

*

---

[2]) Могло быть это въ дѣйствительности, съ охоты ѣхалъ не одинъ: тѣмъ не менѣе прибавка „лакейская," видимо желавшая придать барину подобающую важную обстановку. — [3]) Уже разбавлено: но поютъ также и согласно первому образцу. — [4]) Слышна неувѣренность, по невѣдѣнію того, что крестьянка дѣйствительно сдѣлалась послѣ госпожею. — [5]) Разбавлено и растянуто, а вмѣстѣ не вѣрно и дѣйствительности: задуматься было естественно, но не тужить и горевать. — [6]) Мнѣ конечно лестно, что любитъ баринъ. Вставка отчасти лакейская, отчасти видимо поздняя, ибо представляется, что баринъ „уже любитъ," состоитъ въ любви и связи. — [7]) Черта драгоцѣнная: народъ и пѣсня не могли себѣ представить, чтобы не пожалѣть перваго жениха; въ дѣйствительности Параша, мы знаемъ, могла только „жалѣть," не больше: она сознавала, во сколько выше своего искателя. — [8]) Отвратительная лакейская прибавка, испортившая весь образецъ (хотя она и вѣрна тогдашнему воззрѣнію на дѣйствительность).

3.

(Губ. Вологодской.)

Вечоръ поздно, изъ лѣсочку
Я коровъ гнала домой,
Лишь спустилась къ ручеёчку,
Близь зелёнаго лужка [1]):
Вижу, ѣдетъ баринъ съ поля,
Двѣ собачки впереди,
Два лакея назади.
Повстрѣчавши онъ со мною,
Бросилъ взоръ свой на меня [2]):
«Здравствуй, милая красотка,
«Изъ котораго села?»
— Вашей милости крестьянка,—
Отвѣчала ему я.
«Ты скажи, моя милая,
«Чьего дому, чьего матери-отца [3])?»
— Вы изволите знать Петрушку:
— Я его, сударь, сестра [4]).—
«Не тебя ли, моя радость,
«Егоръ за̀ сына просилъ?
«Нѣтъ [5]), Егоровъ сынъ не сто̀итъ,
«Не къ тому ты рождена:
«Вотъ ты завтра же узнаешь,
«Какова судьба твоя [6])!»

---

[1]) Общія черты въ рамѣ картины, такъ какъ подлинной мѣстности вдалекѣ не знали. — [2]) Книжные обороты и фразы, явно вкравшіеся позднѣе. — [3]) Должно быть, какъ во второмъ образцѣ: „Чьего дому, чьего роду, Чьего матери-отца (сложное склоняется вмѣстѣ, по мужескому роду)?“ — [4]) Вставка болѣе поздняя, но идетъ изъ Кускова и отъ Шереметьевскихъ людей или крестьянъ; это, позднѣе, примѣшали *Петра Кузнецова*, старшаго и любимаго у Петра Борисовича „Сваса“ при Большомъ домѣ: и по фамиліи его, указывавшей на родство съ Парашей, и по особенной извѣстности его для всего двора, а можетъ статься еще потому, что онъ былъ двоюроднымъ братомъ Параши, изъ того же рода. — [5]) Книжное. — [6]) Вдалекѣ предполагали, что героиня не знала этого барина и участь, послѣ встрѣчи, была для нея тай-

Я пришедши домой [7]),
Всѣхъ подружекъ собрала:
— Вы послушайте, подружки,
— Что̀ мнѣ баринъ говорилъ,
— Что̀ мнѣ баринъ говорилъ,—
— За себя за мужъ просилъ [8]).—
Всѣ подруженьки взглянули,
Улыбнулись надо мной [9]):
««Его воля, его власть,
««Куда хочетъ, и отдастъ [10])!»»

Хоша̀ барыней я буду,
Я Ванюшу не забуду:
Я Егорову семью
Всю оброкомъ слобожу [11]),
Вотъ я милаго Ванюшу
На волю отпущу!

Пѣсня Семейная—Протяжная. Образецъ хотя растянутый, но очень хорошій, ибо держится очень близко основы. Ср. Сборникъ г. Студитскаго 1841 г.)

*

Изъ образцовъ сего рода составился слѣдующій „сокращенный:“

4.

(Кусково и Москва).

Вечоръ поздно, изъ лѣсочка
Я коровъ домой гнала.

ною; а отчасти и сами не вѣдали, какова была эта участь въ дѣйствительности. Но замѣтьте, что во всѣхъ образцахъ пѣсни упорно держатся этого „вечоръ“ и „завтра,“ указывая, что событіе совершилось въ два дня и пѣсня обнимаетъ собою разстояніе двухъ дней. — [7]) Не вѣрно, совѣта и не могло быть тотчасъ, „поздно вечеромъ.“ Но обратите вниманіе: какъ скоро невѣрность дѣйствительности, и самый стихъ большею частію испорченъ.—[8]) Самое повтореніе стиховъ обличаетъ напросившуюся прибавку, а прибавка, далекая по мѣсту происхожденія, не знаетъ дѣйствительности и разошлась съ нею: объ замужествѣ не было пока и намека. — [9]) Слова подругъ представляются ироніей и какбы отзывомъ зависти: слишкомъ ты зазналась и завралась. — [10]) За этимъ уже 3-й актъ въ развитіи дѣйствительности и пѣсни: выставлена мечта о томъ, что̀ послѣдовало гораздо позднѣе, когда Параша пріобрѣла вліяніе на графа. По тому самому, какъ предупрежденіе, эта добавка еще болѣе поздняя. — [11]) Освобожу отъ оброка.

Лишь спустилась къ ручеёчку
Близь зелёнаго лужка:
Вижу, ѣдетъ баринъ съ поля,
Двѣ собачки впереди.
Лишь со мною поровнялся,
Бросилъ взоръ свой на меня:
«Ты откудова, красотка,
«Изъ котораго села?»
— Вашей свѣтлости [1]) крестьянка,—
Отвѣчала ему я.
«Не тебя ли, моя радость,
«Егоръ за́ сына просилъ?
«Его сынъ тебя не сто́итъ,
«Не къ тому ты рождена:
«Завтра, милая, узнаешь,
«Какова судьба твоя [2])!»

(Отъ В. Хр. К—ра и друг.).

* *

Отселѣ у насъ, послѣ главныхъ образцовъ, исторія въ развитіи пѣсни по печатнымъ „Пѣсенникамъ:“

5.

(Петербургъ).

Вечоръ поздно, изъ лѣсочка
Я коровъ домой гнала.
Лишь спустилась къ ручеёчку,
Оглянулася назадъ:
Вижу, баринъ съ поля ѣдетъ,
Двѣ собачки передъ нимъ.

---

[1]) Указаніе на то, что встрѣтившійся баринъ былъ именно графъ.—[2]) Остановка на этомъ рубежѣ убѣждаетъ еще болѣе, что здѣсь кончалась нѣкогда первая основа пѣсни; небольшое продолженіе могла прибавить впослѣдствіи сама Параша.—О различіи „краткой основы подлинника“ отъ образцовъ „сокращенныхъ“ говорено нѣсколько разъ выше

Лишь со мною поровнялся,
Бросилъ взоры на меня:
«Ты откудова красотка,
«Чьей деревни и села?»
— Вашей милости крестьянка,—
Отвѣчала я ему.
«Не тебя ли, моя радость,
«Дмитрій [1]) зá сына просилъ?
«Его сынъ тебя не стóитъ
«И не съ тѣмъ [2]) ты рождена:
«Завтра, милая, узнаешь,
«Какова судьба твоя:
«Ты родúлася крестьянкой,
«Завтра будешь госпожой!»

(Ср. Пѣсенникъ „Глазуновскій," П. Ш., 1819 года. Пѣсня, въ числѣ „пастушескихъ," подъ 282 №, поставлена *послѣднею*, какъ самая новая, только что дождавшаяся громкаго пѣнія).

*

6.

(Москва).

Вечоръ поздо, изъ лѣсочка
Я домой коровъ гнала.
Въ лѣсъ [1]) спустилась съ ручеёчка
Близъ зелёнаго лужка:
Вижу, ѣдетъ баринъ съ поля,
Всѣ [2]) собачки передъ нимъ.
«Здраствуй, милая красотка!
«Изъ котораго села?»

---

[1]) Въ Петербургѣ, не зная хорошенько действительности, примѣняли имя къ сыну, тогда единственно извѣстному, Дмитрію Николаевичу. —[2]) Какъ это плохо сравнительно съ подлиннымъ „не къ тому!"

[1]) Произошло ослышкою изъ „лишь." Въ лѣсъ нельзя было спускаться, а надо было подыматься, и это значило бы не домой гнать коровъ, а вести ихъ назадъ къ стаду.—[2]) Вмѣсто „двѣ (всѣхъ же было нѣсколько десятковъ и разумѣется ихъ не брали заразъ)."

— Вашей милости крестьянка, —
Отвѣчала ему я.
— Если знаете Петрушу [3]),
— Я его, сударь, семьи.—
«Не тебя ль, моя красотка,
«Егоръ [4]) зá сына просилъ?
«Что Егоровъ сынъ не стóитъ,
«Не къ тому ты рождена:
«Ты родúлася крестьянкой,
«Можешь быть и госпожой [5])!»

Мнѣ дворянкой быть хоть лестно,
Но Петрушу очень жаль!

(Въ Пѣсенникѣ „Рѣшетниковскóмъ" 1820 года, и здѣсь помѣщена предпослѣднею, какъ недавно пріобрѣтенная печатью, а въ старшихъ изданіяхъ того же Рѣшетникова ея вовсе еще нѣтъ; за тѣмъ у „Семена," 1822 года, и вставлена съ особеннымъ трудомъ, какъ говорили мы, вслѣдствіе цензуры и толковъ: также предпослѣднею подъ 47-мъ №, а передъ этимъ № 65, далѣе № 67, выше же подъ 47-мъ № другая пѣсня на своемъ мѣстѣ; то есть, Семенъ, отчаявшись, не хотѣлъ было вовсе помѣщать, но, улучивши возможность, выбросилъ другую пѣсню, стоявшую подъ № 66-мъ, и на скоро вставилъ любопытную и щекотливую диковинку, позабывши даже исправить прежній ея 47-й №).

*

Въ обоихъ означенныхъ Пѣсенникахъ, какъ и въ нѣкоторыхъ современныхъ имъ другихъ, указано, что пѣсни на голосъ „Чѣмъ тебя я огорчила." Но это ошибка: голосъ Парашиной пѣсни совершенно особый и оригинальный, дѣло пѣвицы, богатой природою и искусствомъ; только ея „погласица," какъ называлъ кн. В. Ѳ. Одоевскій по примѣру нашей древности, то есть простѣйшая схема и основа въ діатонической гаммѣ, дѣйствительно сходна съ „Чѣмъ тебя я огорчила;" за то „рисунокъ" совсѣмъ уже другой, гораздо проще и изящнѣе, чѣмъ въ сей послѣдней, гдѣ искусственность бьетъ въ уши и отъ печальнаго начала странно переходитъ къ веселому концу. Которая изъ этихъ пѣсней старше (и могла бы занять одна отъ другой), нечего и гово-

[3]) Мы говорили, что это шло изъ Кускова, изъ подъ Москвы, только гораздо позднѣе (см. выше).—[4]) Въ Москвѣ были вѣрнѣе дѣйствительности.—[5]) Зá симъ прибавка, какъ отрывокъ изъ разговора съ подругами и думы съ самой собою. „Дворянкой" ошибочно, по незнанію: на самомъ дѣлѣ нужно бы „графиней."

рить: совершенно искусственная „Чѣмъ тебя я огорчила“ появилась въ употребленіи лишь около 20-хъ годовъ и тогда же отмѣчалась въ Пѣсенникахъ, на примѣръ въ томъ же Рѣшетниковскомъ, какъ „новая пѣсня, которую поетъ всякой по веселому ея голосу;“ ее также скоро стали въ напѣвѣ смѣшивать съ другими—„Выду ль я на рѣченьку“ и „Вечеркомъ румяну зорю.“ Пѣсня Парашина имѣетъ „одно колѣно“ въ двухъ стихахъ, изъ которыхъ каждый второй повторяется еще новымъ „припѣвомъ,“ и въ этомъ припѣвѣ особая прелесть; совсѣмъ на оборотъ, въ „Чѣмъ тебя я огорчила“ припѣва нѣтъ, а „два колѣна,“ каждое по два стиха и каждый второй стихъ одинаковъ съ первымъ:

1-е колѣно | Чѣмъ тебя я огорчила,
1-е колѣно вторично } Ты скажи, любезный мой,
2-е колѣно | Или тѣмъ, что полюбила,
2-е колѣно вторично } Потеряла свой покой?

Парашина пѣсня породила совсѣмъ другую, о которой ниже. Сама же она такого склада въ голосѣ:

Одно колѣно } Вечоръ поздно, изъ лѣсочка
Я коровъ домой гнала,
Особый припѣвъ } Я коровъ домой гнала.

Ее можно исполнять доселѣ, и навѣрно съ отличнымъ успѣхомъ. Ея припѣвъ—сущій кладъ для контральта.

*

7.

(Москва).

Вечоръ поздно, изъ лѣсочка
Я коровъ домой гнала.
Лишь спустилась къ ручеёчку
Близь зелёнаго лужка:
Вижу, баринъ ѣдетъ съ поля,
Двѣ собачки впереди.
Лишь со мной онъ поровнялся,
Взоръ свой бросилъ на меня:
«Здравствуй, милая красотка!
«Чьей деревни и села?»,

— Вашей милости крестьянка,—
Отвѣчала ему я.
«Ты скажи, моя милая,
«Изъ которой ты семьи?»
— Коль изволишь знать Петрушу,
— Я его, сударь семьи.—
«Не тебя ли, моя радость,
«Егоръ зá сына просилъ?
«Его сынъ тебя не стóитъ,
«Не на то ты рождена.
«Завтра, радость, ты узнаешь,
«Для кого ты суждена,
«Гдѣ судьба твоя скрывалась,
«Для кого ты рождена [1].»

— Собирайтеся, подружки,
— На подворье на мое,
— Собирайтесь поскорѣе [1]),
— Посовѣтуйте со мной:
— Хоть и льститъ [2]) быть госпожею,
— Да Ванюшу очень жаль.—
Всѣ подружки улыбнулись,
На отвѣтъ сказали ей:
« «Что же съ бариномъ намъ дѣлать?
« «Его воля, его власть.
« «По утрý завтрѣ [3]) узнаемъ,
« «Гдѣ судьба крылась твоя.» »

(„Избранный Пѣсенникъ для прекрасныхъ дѣвушекъ и любезныхъ женщинъ," М. 1820, передъ самымъ концомъ; но въ томъ же изданіи 1816 г. этого еще нѣтъ).

*

[1]) Разбавлено совсѣмъ излишне, а потому дурно. — [2]) Лестно. — [3]) Слыша „вечоръ" и „завтра," дальнѣйшее движеніе пѣсни сдѣлало отсюда еще *третій* день, въ слѣдъ за бесѣдою съ подругами. Излишекъ этотъ обличается напраснымъ повтореніемъ стиховъ.

8.

(Петербургъ).

Вечоръ поздно, изъ лѣсочка
Я коровъ гнала домой.
Подошла лишь къ ручеёчку
Близь зелёнаго лужка:
Вижу, баринъ ѣдетъ съ поля,
Двѣ собачки впереди.
Лишь со мной онъ поровнялся,
Взоръ свой бросилъ на меня:
«Здравствуй, милая красотка!
«Чьей деревни и села?»
— Вашей милости крестьянка,—
Отвѣчала ему я.
«Ты скажи, моя милàя,
«Изъ которой ты семьи?»
— Коль изволишь знать Петрушу,
— Я его, сударь, семьи. —
«Не тебя ли, моя радость,
«Егоръ [1]) зá сына просилъ?
«Его сынъ тебя не стóитъ,
«Не на то ты рождена.
«Завтра, радость, ты узнаешь,
«Для кого ты суждена,
«Гдѣ судьбина твоя крылась,
«Для кого ты рождена.»

(И прочее, какъ въ предыдущемъ образцѣ; конецъ:)

У Успенскаго собора
Въ большой колоколъ звонятъ:

[1]) Такъ поправилъ Петербургъ, вмѣсто прежняго „Дмитрія," съ пѣсенниковъ Московскихъ и согласно правдѣ.

Нашу милую Парашу
Вѣнчать съ бариномъ хотятъ [1]).

(Пѣсенникъ „Занкинскій“ 1820 г.; пѣсня въ числѣ *простонародныхъ).*

*

Съ тѣхъ поръ измѣненія пошли быстрыми шагами:

9.

(Москва).

Вечоръ поздно, изъ лѣсочку
Я коровъ домой гнала.
Лишь спустилась къ ручеёчку,
Оглянулася назадъ:
Вижу, баринъ съ поля ѣдетъ,
Двѣ собачки передъ нимъ.
Лишь со мною поровнялся,
Бросилъ взоръ свой на меня:
«Ты откудова, красотка,
«Чьей деревни и села?»
— Вашей милости крестьянка,—
Отвѣчала ему я.
«Не тебя ли, моя радость,
«Андрей [2]) зá сына просилъ?
«Его сынъ тебя не стóитъ
«И не съ тѣмъ ты рождена.
«Завтра, милая, узнаешь,
«Какова судьба твоя:

---

[1]) Развитіе пѣсни довело ее даже до Успенскаго собора: это представлен е о торжествености брака внушено, очевидно, сколько рѣдкостью случая и важностью его въ глазахъ народныхъ, столько же Кусковскимъ воспоминаніемъ о пышной свадьбѣ Варвары Алексѣевны. Но за то явилась *Параша*: кто бы сомнѣвался въ происхожденіи пѣсни, черта эта съ личнымъ именемъ героини, засвидѣтельствованная печатью 20-хъ годовъ, рѣшаетъ вопросы безповоротно, устраняя всякія колебанія.

[2]) Новая маскировка *Егору*, когда въ Москвѣ совершенно уже убѣдились, къ какому важному лицу относится пѣсня.

«Ты родилася крестьянкой,
«Завтра будешь госпожой!»

(Пѣсенники „Пономаревскіе,“ М. 1828—34 и далѣе).

*

Г. Авдѣева подправила еще больше и нашла нужнымъ вставить „мужицкое“ имя Панкрата (отмѣчаемъ поправки курсивомъ):

10.

(Петербургъ).

Вечоръ поздно, изъ лѣсочка
Я *коровушку* гнала.
Подошла лишь къ ручеёчку
Близь зелёнаго лужка:
Вижу, баринъ ѣдетъ съ поля,
Двѣ собачки впереди.
Лишь со мною поровнялся,
Взоръ свой бросилъ на меня:
«Здравствуй, милая красотка!
«Изъ котораго села?»
— Вашей милости крестьянка,—
Отвѣчала ему я.
«Ты скажи, моя милая,
«Изъ которой ты семьи?»
— Коль изволишь знать *Панкрата*,
— Я его, сударь, семьи.—
«Не тебя ли, моя радость,
«Егоръ за сына просилъ?
«Его сынъ тебя не стоитъ,
«Не къ тому ты рождена.
«Завтра, *завтра* ты узнаешь,
«Для кого ты суждена,
«Гдѣ судьба твоя скрывалась,
«*Для чего* ты рождена.»

— *Ахъ*, сбирайтеся, подружки,
— *Крѣпку думу разгадать*,
— Собирайтесь поскорѣе,
— Посовѣтуйтесь со мной.
— *Если буду госпожею*,
— *Мнѣ* Ванюшу очень жаль.—
Всѣ подружки улыбнулись
И сказали ей въ отвѣтъ:
« «Чтò *жъ и* съ бариномъ намъ дѣлать?
« «Его воля, его власть!
« « Завтра, *завтра* ты узнаешь,
« «Какова твоя судьба!» »

(Пѣсенникъ „Авдѣевскій,“ С. П. Б. 1848 г. .

*

·11.

(Москва).

. . . . [1])
«Ты скажи моя милая,
«Изъ которой ты семьи?»
— Коль изволишь знать Петрушу,
— Я его, сударь, семьи.—
«Не тебя ли, моя радость,
«Егоръ зà сына просилъ?
«Его сынъ тебя не стóитъ,
«Не на то ты рождена:
«Завтра, радость, ты узнаешь,
«Для кого ты рождена,
«Гдѣ судьба твоя скрывалась,
«Для кого ты суждена!»

— Собирайтеся, подружки,
— На подворье на мое,

[1]) Начало одинаково съ предыдущими образцами.

— Собирайтесь поскорѣе;
— Посовѣтуйте со мной!—

(Пѣсенникъ „Эрнста,“ М. 1854 г.).

Дальнѣйшіе Московскіе и Петербургскіе пѣсенники, сохраняя имя „Егора,“ не представляютъ ничего новаго и особеннаго противу прежнихъ: „Смирдинскій“ 1859, „Матвѣевскій“ 1861 или „Манухинскіе“ до послѣдняго времени, „Салаевскіе“ и т. п.

*

Пѣсенники, какъ на примѣръ „Маклаковскій“ М. 1822, надписывали „Встрѣча крестьянки съ бариномъ, *извѣстная по голосу пѣсня,*“ но въ точности записать и представить на нотахъ голосъ, довольно развитой и не совсѣмъ легкій, никто пока не принялъ на себя труда. Если онъ и напоминаетъ отчасти что либо, ближе ему современное, проносившееся въ слухѣ нѣкоторымъ подобіемъ, то развѣ „Я вечоръ въ лугахъ гуляла (кн. Хованскаго),“ или сочиненіе „Русскаго Мильтона (Николева)“—„Вечеркомъ румяну зорю:“ впрочемъ все это сочинено и происхожденіемъ своимъ по времени моложе, а потому сродство, если не перенято у Параши, то еще скорѣе произошло отъ „смѣшенія,“ вслѣдствіе одинаковаго начала „вечеромъ“ въ текстѣ пѣсни. Во всякомъ случаѣ за напѣвомъ Парашиной пѣсни остается на всегда типичность, оригинальность и относительное старшинство.

За то, съ 20-хъ же годовъ нашего столѣтія, по пѣсенникамъ *годъ* спустя послѣ появленія въ печати пѣсни Парашиной, рядомъ съ нею показалась, обыкновенно тотчасъ послѣ нея помѣщавшаяся и „новая,“ другая пѣсня, сложенная отчасти въ духѣ того же содержанія и *по тому же напѣву*, прямо скопированному съ пѣсни Парашиной. Это извѣстная, отчасти вытѣснявшая Парашину въ области „искусственной,“—„Если бъ завтра да ненастье.“ Сочиненіе ея приписывается по преданію знакомкѣ нашей, *Сандуновой*. Классическая пѣсня ея, такъ сказать „оффиціальная“ по торжественному употребленію, по фурору пріема и по отношенію къ самой пѣвицѣ, была, какъ мы знаемъ, Елизаветинская „Во селѣ-селѣ Покровскомъ,“ а другая — за урядъ и такъ сказать „будничная,“ хотя и принимавшаяся слушателями съ одинакимъ увлеченіемъ, была пѣсня полународная, усвоенная народомъ въ обработкѣ (если не въ сочиненіи) Мерзлякова—„Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить.“ Но обѣ, хотя близкія къ сердцу и жизни Сандуновой, все-таки были „чужія,“ не свои, первая цесаревны, вторая профессора: хотѣлось создать еще „свою,“ и на это созданіе любимая пѣвица эпохи имѣла, по своему положенію, таланту и голосу, права и средства одинакія почти съ предшественницей Парашей Кузнецовой. Почитательница сей послѣдней и любительница Кускова, Сандунова

взяла напѣвъ цѣликомъ у Параши, а въ текстѣ примѣнилась къ образцу, хотя уже безъ исторической основы, съ большею искусственностью и совершенно въ родѣ романса. Именно, въ этой пѣсни *героиня-крестьянка* мечтаетъ объ завтрашнемъ днѣ, какъ бы ненастье освободило ее отъ урочныхъ работъ и по обычаю деревенскому пустило бы въ лѣсъ за малиной, какъ ходятъ и за грибами по дождю. Кромѣ личнаго положенія героини-крестьянки, здѣсь сходство еще въ тѣхъ образахъ и выраженіяхъ, что она мечтаетъ „*съ поля идучи домой*“ и хочетъ остановиться „*возлѣ рѣчки на лугу*,“ гдѣ ее *сыщетъ милый*, и т. п. Какъ бы то ни было, только пѣсня, воспроизведя напѣвъ Парашинъ и примѣнивъ его къ содержанію, любимому въ то время—романтическому, а съ другой стороны не столь щекотливому (безъ всякого отношенія къ Шереметевымъ), получила особенный успѣхъ благодаря голосу и таланту сочинительницы: потому, въ кругу ея почитателей и близкихъ знакомыхъ, сочиненная пѣсня отчасти вытѣснила пѣсню Парашину, хотя намѣреніе было собственно напомнить и оживить въ употребленіи сію послѣднюю. Пѣсенники, говорили мы, Сандуновскую пѣсню ставили обыкновенно рядомъ съ Парашиной, не только по времени появленія въ поющемъ обществѣ, но и по одинаковости голоса, и по сходству „Параши“ съ „Лизанькой“ въ многихъ отношеніяхъ, такъ какъ обѣ были „низкаго“ происхожденія, обѣ актрисы и пѣвицы, обѣ съиграли въ свѣтѣ между современниками видную героическую роль. Разумѣется, при всемъ этомъ сходствѣ, съ нашей и всякой истинной точки зрѣнія, была вмѣстѣ громадная разница, какъ небо отъ земли: между дѣйствительною героиней и героинею подмостковъ; между невольною и частною, хотя и страстною, актрисою и между актрисою „казенной;“ между послѣдующей графиней и между артисткой, скончавшеюся почти въ безвѣстности послѣднихъ ея дней; между пѣвицею старшею и младшею; между пѣснею подлинною и между ея воспроизведеніемъ или подражаніемъ; между народностью пѣсни одной и между искусственностью поддѣльнаго романса, оставшагося, и то не на всегда, въ однихъ только слояхъ тогдашняго „общества *).“ Все это такъ: и все-таки данная остается та, что обѣ героини и обѣ ихъ пѣсни соединились тѣсною судьбою, по крайности въ области печатной и поющей по нотамъ. Потому кстати мы считаемъ не лишнимъ привести и другую пѣсню-романсъ, о которой говоримъ, въ лучшемъ ея текстѣ и въ нѣсколькихъ искаженіяхъ или поправкахъ:

---

*) Прибавимъ еще, что Параша сложила народную пѣсню по вызову дѣйствительнаго событія, перешедшаго въ область историческую, и сложила въ молодости, въ цвѣтѣ силъ: Сандунова, занявши напѣвъ, искуственно и почти отвлеченно примѣнилась къ этому образцу, будучи въ лѣтахъ уже преклонныхъ и теряя свѣжесть своего голоса. Вотъ почему и пѣсню эту исполняла она не столько публично и театрально, сколько, „между своими, для немногихъ.“

Пѣсня Лизаветы Семеновны Сандуновой

(ЕЮ СОЧИНЕННАЯ, ОБРАБОТАННАЯ И ПѢТАЯ).

1.

(Москва и другія мѣстности Россіи).

«Еслибъ завтра да ненастье.
«Тото бъ [1]) рада я была,
«Если бъ дожжикъ, мое [2]) счастье, —
«За малинкой въ лѣсъ пошла [3]);
«Я бы милому сказала,
«Чтобы онъ за мною шолъ:»
Вотъ какъ [4]) Маша [5]) разсуждала,
Съ поля идучи домой.

«Завтра съ свѣтомъ я проснуся
«И въ окошко погляжу;
«Если дожжикъ, попрошуся,
«Вотъ что матушкѣ скажу [6]):
« «Идетъ дожжикъ, нельзя въ полѣ
« «Намъ сего дня работать;
« «Мѣшкать нечего намъ болѣ,
« «Пойдемъ въ лѣсъ малину брать.
« «Отпусти меня, родная,
« «Я малинки [7]) наберу:
« «Тутъ дорожка есть [8]) большая,
« «Я продамъ всю [9]) къ вечеру.»
«Лишь отпуститъ [10]), въ мигъ сберуся [11]),
«Я умоюсь [12]), побѣгу;

---

[1]) Варіанты: „То бы.“ — [2]) „То бы.“ — [3]) Пошла бъ. — „За малинкой бы пошла.“ — [4]) „Что.“ — [5]) „Лиза, „Надя,“ „Аша“ и т. д. — [6]) „Съ свѣтомъ рано, чуть проснуся, Я въ окошко погляжу; Если дожжикъ, попрошуся, Вотъ какъ маменькѣ скажу.“ — [7]) „малины.“ — [8]) „Тутъ дороженька.“ — [9]) „все.“ — Въ нѣкоторыхъ перестановлено, и за этимъ: „Теперь дожжикъ, мокро въ полѣ, Намъ не можно работать; Ну чего же мѣшкать долѣ, Я малинки пойду брать.“ — [10]) „отпустить (дурно).“ — [11]) „я сберуся.“ — [12]) „умоясь;“ „и умыться (дурно).“

«Лишь на часъ остановлюся [13])
«Возлѣ рѣчки на лугу [14]).
«Наберу [15]) цвѣточковъ въ полѣ,
«За собой буду [16]) бросать:
«Чтобы миленькой не долѣ
«Меня могъ, какъ въ мигъ, сыскать [17]).
«А не то аукну въ горѣ:
« «Ты ау, ау, мой свѣтъ [18])!
« «Долети мой голосъ вскорѣ,
« «Гдѣ мой миленькой живетъ!»
«А намедни [19]) мой любезный [20])
«Разсердился на меня,
«Но, увидя взоръ мой слезный,
«—Поцѣлуй, сказалъ, меня! —
«Я сама вроста не буду
«И надѣлаю проказъ:
«Если миленькой захочетъ,
« «Поцѣлуй, скажу, сто разъ [21])!»»

Такъ мечтавши, приуснула,
Будто на крутой горѣ [22]);
Вдругъ проснулась, встрепенула [23]);
Ясно-ясно на дворѣ.
Изголовьице смочила,
Давъ обильно течь слезамъ;
«Не увижусь, говорила,
«Ахъ, сегодня съ милымъ я [24])!»

(Въ разныхъ пѣсенникахъ, Московскихъ и Петербургскихъ; въ употребленіи держится по мѣстамъ до сихъ поръ).

*

[13]) Вотъ до какихъ ловкостей доводитъ сочиненіе. — [14]) „Подлѣ рѣчки на лужку.“ — [15]) „Я нарву,“ — [16]) „стану.“ — [17]) Это уже по Датыни. Передѣлывалось: „Чтобы миленькой мой Лёля (или „Чтобы милый мой Николя“) По слѣдамъ бы могъ сыскать.“ — [18]) „А потомъ аукну смѣло, Голосъ лѣсомъ отнесетъ.“ — [19]) Древнее „ономь дни;“ перепралялось „какъ недавно.“ — [20]) „Вчерась миленькой любезный.“ — [21]) Это мечты уже не „съ поля идучи,“ а дома на постели, какъ видно изъ послѣдующаго. — [22]) Увидала во снѣ, что валится, и съ испугу проснулась. — [23]) „встрепенулась.“ — [24]) Конецъ передѣлывался иногда такъ: „Все сердился и рѣзвился, Поцѣлуй,

Но уже здѣсь въ разнорѣчіяхъ мы могли замѣтить, какъ изъ среды „общественной“ пѣсня проникала въ „лакейскую,“ а отсюда, низменными ступенями, въ народъ. Дошедши до послѣдняго, пѣсня совершенно измѣнилась, но, разумѣется, удерживая печать отверженія на своемъ содержаніи, нѣсколько поисправилась языкомъ и оборотами. Вотъ тому образецъ:

2.

(Губ. Олонецкой).

Разсуждала душа Маша
Съ поля идучи домой:
«Съ утра [1]) завтра день прекрасенъ,
«За малинкой въ лѣсъ пойду [2]).
«Я умоюсь, уберуся,
«Родной матери спрошусь:
« «Родимая матушка,
« «Спусти въ лѣсъ по ягодки!
« «Если спустишь ты, не спустишь,
« «Я украдуся—уйду,
« «Себѣ малинки наберу.»
«Я малинки наберу,
«Во Тальянской [3]) платъ свяжу,
«Ко милому поднесу.
«Если миленькой не приметъ,
«Вечерочкомъ распродамъ,
«Я со садику [4]) пойду,
«Алыхъ цвѣтиковъ нарву;

сказалъ, меня. Ни за что не поцѣлую, Говорила я ему: Ты напалъ не на такую. Побѣжала ко двору. Въ мысляхъ тѣхъ и спать ложилась: Встану рано на зорѣ. Но проснувшися смутилась: Ясно-ясно на дворѣ. Изголовьице смочила горючьми слезами я: Не увижусь, говорила, Ахъ, сегодня съ милымъ я! Я упрямиться не буду, Не надѣлаю проказъ: Если миленькой захочетъ, Поцѣлуй, скажу, сто разъ.“

[1]) Древнее „съ утра,“ — Сербское „сютра.“ Повтореніе за симъ „завтра“ такое же, какъ „вчера вечеромъ,“ въ Словѣ о П. И. „давеча рано предъ зорями,“ Сербск. „у ютру ютро освануло“ и т. п. (т. е. въ кристаллизовавшемся нарѣчіи забывается корень и напоминается новою формою). — [2]) Каждый второй стихъ повторяется, подобно напѣву пѣсни Парашиной. — [3]) Итальянскій. — [4]) „по садику.“

«Стану цвѣтиковъ срывать,
«За собою слѣдъ бросать:
«Чтобы мой дружокъ любезный
«Меня по слѣду нашолъ,
«Ко мнѣ въ рощицу пришолъ.
«Поцѣлую дружка разъ,
«Не надѣлаю проказъ.»

(Ср. сборн. г. Студитскаго, 1841 г.).

***

Такова судьба пѣсни Парашиной въ народѣ, общественномъ употребленіи и въ печати, въ развѣтвленіяхъ и послѣдствіяхъ.

Тридцативосьмилѣтній, страстный и уже пресыщенный графъ, одинъ изъ первыхъ въ Россіи по знати и богатству, пораженъ былъ встрѣчею крестьянки: красоты самобытной и оригинальной, умной, развитой, созрѣвшей, нѣжной и изящной. Воскресли раннія воспоминанія объ ней, слышанныя по Кускову рѣчи; ревность затронута была недавнимъ разговоромъ о предстоящемъ замужствѣ: графъ рѣшилъ овладѣть дѣвушкою, безъ того ему принадлежавшею по праву крѣпостному. Образованный человѣкъ своего времени, видавшій и знавшій Европу, а потому умѣвшій различить предразсудки, благородный по старому преданію Шереметьевскаго рода и по слову новаго поэта, любезный и ласковый по отцу, великодушный по личной натурѣ, съ горяча провозгласилъ и обѣщалъ онъ: „Не къ тому ты рождена, завтра будешь госпожа!“ Но *къ чему* же рождена и *какимъ путемъ* сдѣлатся госпожею, въ ту пору крѣпостныхъ условій и общественныхъ понятій? Легче было это сказать, чѣмъ исполнить: для исполненія по крайности нуженъ былъ твердый характеръ, и характеръ твердости чрезвычайной, а этого-то именно и недоставало Николаю Петровичу. Въ слѣдъ за удовлетвореніемъ перваго порыва страсти, лучшимъ шагомъ новаго пути представлялось: дать Парашѣ ходъ по тропѣ, только что извѣданной въ первыхъ опытахъ, вести по дорогѣ артистической въ званіи актрисы, доставить здѣсь извѣстность, славу и положеніе, а между тѣмъ сообщить постепенно лучшее образованіе и устроить матеріальныя средства. Кусковскій Театръ, только что вновь отдѣланный, по которому по смерти Петра Борисовича грозило запустѣніе, внезапно разцвѣлъ до рѣдкаго совершенства: графъ отдалъ ему всю свою душу, занятую другою душею, здѣсь игравшею. Параша, обратившись въ Прасковью Ивановну, взята была изъ отцовскаго дома и помѣщена во флигелѣ, гдѣ жили актрисы, близъ Управительскаго дома: здѣсь усилили ея обученье, въ особенности по Русски и „на другихъ языкахъ,“ къ чему графъ не

жалѣлъ издержекъ и въ чемъ подругою Параши сдѣлалась теперь неизмѣнная Т. В. Шлыкова; въ то же время, для сценическаго дѣла, учили декламаціи, игрѣ, танцамъ и всего больше музыкѣ. Напряженнымъ стараніямъ отвѣчали успѣхи: менѣе извѣстная въ комедіи и балетѣ, хотя и принимала въ нихъ участіе, Горбунова скоро прославилась отличною оперною пѣвицею. За недостаткомъ документовъ, живыхъ преданій и печатныхъ показаній того времени, нельзя сказать многаго о составѣ Кусковской труппы: сохранилось только перечисленіе обильныхъ піэсъ ея исполненія да заслуженная слава. *Музыканты*, съ иностранцами во главѣ, помѣщались особо, *пѣвчіе* также: тѣ и другіе составляли отличный оркестръ и хоръ. Потомъ, особо жили *актеры*, изъ которыхъ мы знаемъ по имени только *Петра Петрова* и *Чухнова*. *Танцовщицы* также отдѣльно: современницы Параши, долго ее пережившія, были—помянутая *Т. В. Шлыкова*, жившая впрочемъ въ Большомъ домѣ, да еще такъ называемыя *Тюриха* и *Елизариха*, дочери дворовыхъ, Андрея Тюрина и Елизара Непорошина [1]). Наконецъ, особенное мѣсто занимали *актрисы*, иначе называвшіяся *комедіантками*, въ числѣ ихъ пѣвицы и Параша: въ старшую пору, при первыхъ успѣхахъ Горбуновой, ихъ было *шесть*, въ томъ числѣ передовая *Марья Черкасова* и *Арина Калмыкова* [2]); при нихъ же состояли „учительницы Француженки,“ именно, при старикѣ графѣ, *Дюврі и Шевалье* [3]). Актрисамъ оказывали преимущественное вниманіе и, вмѣстѣ съ двумя иностранцами музыкантами да Петромъ Петровымъ, шло самое лучшее содержаніе [4]): присутствіемъ Параши въ ихъ числѣ еще болѣе улучшилось ихъ положеніе; „заштатнымъ“ давалось также помѣщеніе съ прислугою и содержаніемъ. Театръ, повторяемъ, быстро расцвѣлъ и еще скорѣе Параша сдѣлалась лучшимъ его украшеніемъ. Въ 1790 году, 1 августа (въ приходскій праздникъ), данъ былъ, съ великолѣпною обстановкою, не игранный еще придворно, балетъ „Инеса ди Кастро („Нинетъ а ла куръ“).“ Но, изъ числа, превышавшаго сорокъ, первою, и удачнѣйшей оперою, въ которой прославилась пѣвица, была та, которую слышала она еще раньше въ присутствіи совершенно довольной

---

[1]) Онѣ скончались не давно и разсказы ихъ еще живы въ памяти многихъ.— [2]) Послѣдняя, въ числѣ заштатныхъ, жила еще на пенсіи въ 1800 г.— [3]) Онѣ были „разсчитаны“ въ 1785 г. (на точность первой фамиліи нельзя полагаться вполнѣ.— [4]) Ежедневно по Французскому бѣлому хлѣбу, привозившемуся нарочно изъ Москвы отъ иностранца хлѣбника (любопытно, что, за исключеніемъ Н. П—ча, всѣ остальные, и самъ Петръ Борисовичъ, ѣли *хлѣбъ черный*, либо домашнее бѣлое печенье); караси изъ прудовъ, Русскимъ въ постные дни, по 10 мелкихъ на человѣка; Смоленская манная крупа, Сарачинское пшено, уксусъ красный и Ренскій, денежное жалованье, и т. д. Хуже всѣхъ было положеніе танцовщицъ: ихъ держали въ черномъ тѣлѣ, помѣщеніе было холодное и особо испрашивалось дозволеніе протапливать, въ случаѣ болѣзни какой либо изъ нихъ (за исключеніемъ привилегированной Т В. Шлыковой, жившей при господахъ въ Большомъ домѣ и потомъ оставшейся другомъ дома).

Императрицы,—это *„Самнитскіе браки.“* Здѣсь играла она роль *Эліаны* въ блестящемъ рыцарскомъ уборѣ среднихъ вѣковъ (вмѣсто классическаго) и въ шлемѣ: въ этомъ видѣ, очень еще молодая, снята она на своемъ старшемъ уцѣлѣвшемъ портретѣ [5]). Въ глубинѣ Театра сохранилась до сихъ поръ та классическая колесница о двухъ колесахъ, на которой выѣзжала Параша передъ зрителей и слушателей: старожилы не могутъ забыть впечатлѣнія красоты ея и голоса въ этой роли. Кусково, при Императрицѣ, въ числѣ посѣтителей видало у себя такихъ знатныхъ, какъ императоръ Іосифъ, Эрцъ-герцогъ Карлъ, многіе принцы и Станиславъ Понятовскій: послѣдній въ 1797 году, 1-го іюня, посѣтилъ и Останкино. На этотъ разъ Параша предстала на тамошнемъ домовомъ театрѣ, и опять въ „Самнитскихъ бракахъ,“ среди обстановки и декорацій, устроенныхъ знаменитымъ Гонзаго (въ заключеніе шелъ балетъ). Фуроръ былъ необыкновенный: пѣвица въ тотъ разъ имѣла на себѣ бриліантовый уборъ во 100.000 рублей. Вспоминая торжество ея, уже по смерти графа, родной внукъ Натальи Борисовны, поэтъ Иванъ Михайловичъ Долгорукій (прозванный „балкономъ“) писалъ такъ о Кусковскомъ театрѣ:

Театръ волшебный подломился [6]),
Хохлы [7]) въ немъ оперъ не даютъ,
Парашинъ голосъ прекратился,
Князья въ ладоши ей не бьютъ:
Умолкли нѣжной груди звуки
И „Крезъ меньшой“ скончался въ скукѣ [8]).

Вся эта блестящая обстановка и внѣшность, которою съ избыткомъ удовлетворились бы дюжинныя натуры, скрывала однако за собою, для графа и Параши, самую глубокую драму, полную тревогъ, огорченій и волненій, рядъ испытаній, страданій и жертвъ. Въ самое первое время, вопреки завѣренію бумагъ о „непорочномъ вниманіи“ со стороны графа, это было напротивъ явленіе избалованныхъ страстей: но послѣдняя вспышка измѣнчивой страсти, встрѣтивши существо достойнѣйшее, сдѣлалась первымъ шагомъ страсти постоянной и единственной; скоро увидѣлъ самъ графъ и увидѣли всѣ, что онъ любилъ лишь одну и больше ни кого любить не можетъ. Удовлетворивши мгновенную прихоть свою на одной изъ крѣпостныхъ душъ, онъ въ этой одной

---

[5]) Въ Большомъ домѣ: уборъ великолѣпный; при всей красотѣ, лицо слишкомъ еще молодо и нѣжно, нѣтъ страсти и той, видной на послѣдующихъ портретахъ, душевной силы, которая побѣдила и умиротворила страсти. О прочихъ портретахъ ниже.—[6]) Правильнѣе покосился: до сихъ поръ онъ твердъ и не подломленъ.—[7]) Изъ Малорусскихъ имѣній графа, украшавшіе хоръ своими отличными голосами.—[8]) Николай Петровичъ въ отличіе отъ „Креза старшаго,“ отца. Это строфа изъ приведенной выше „Прогулки въ Кусковѣ.“

встрѣтилъ дѣйствительную, рѣдкую и высокую душу: нельзя было отдѣлатся здѣсь мгновеніемъ; пришлось считаться и за все прошлое, и на долго. Устроено было положеніе актрисы и за тѣмъ, казалось, готовъ былъ покончиться разсчетъ: за актрисой предстало существо, горячо и все больше, все больше любимое, существо все больше и больше развивавшееся, явившее образцы необыкновенныхъ качествъ, невольно поражавшихъ своею небывалостью въ сферѣ знатной и богатой,—существо любви безпредѣльной, терпѣнія и смиренія безграничнаго, вѣры живѣйшей, благочестія искренняго, человѣколюбія всѣмъ открытаго, постоянства неколебимаго, вѣрности испытанной, ума образованнаго лучшимъ образованіемъ женщины; изящества все проникшаго. „Я питалъ къ ней,“ пишетъ впослѣдствіи графъ завѣщательное письмо своему малолѣтнему сыну, „чувствованія самыя нѣжныя, самыя страстныя. Долгое время наблюдалъ я свойства и качества ея: и нашелъ украшенный добродѣтелью разумъ, искренность, человѣколюбіе, постоянство, вѣрность, нашелъ въ ней привязанность къ святой вѣрѣ и усерднѣйшее Богопочитаніе. Сіи качества плѣнили меня больше, нежели красота ея, ибо они сильнѣе всѣхъ внѣшнихъ прелестей и чрезвычайно рѣдки.“ Живя съ нею, возлѣ нея самъ графъ съ каждымъ часомъ совершенствовался и возвышался, и не могъ этого не чувствовать. Онъ разстался съ прежними мелкими страстями и увлеченіями, постепенно бросилъ охоту, забылъ праздную жизнь, предался сценическому искусству съ постоянствомъ и настоящимъ пониманіемъ, сдѣлался хорошимъ хозяиномъ, распространилъ и усовершенствовалъ школу, покровительствовалъ художникамъ, много читалъ, допустилъ служителямъ и крестьянамъ значительную долю самоуправленія [3]), обращался къ религіи не въ одной только формѣ, больше и больше дѣлалъ добра ближнимъ. Тѣмъ не менѣе, недостатка физическаго, природнаго и воспитаннаго, онъ не могъ избѣжать съ разу: слабость характера отзывалась частыми колебаніями, и колебаніями тѣмъ сильнѣйшими, чѣмъ сильнѣе были искушенія вокругъ и чѣмъ больше требовалось жертвъ. Разстояніе его и подруги было слишкомъ велико, для всякого времени, а тѣмъ паче для тогдашняго: упреки, замѣчанія, намеки, косые взгляды, двусмысленныя улыбки готовы были при каждой встрѣчѣ. Простили бы прежнія увлеченія, и даже распутства, не знавшія предѣла: постоянства въ этихъ случаяхъ всего меньше прощаютъ, одной любви рѣже всего понимаютъ въ подобномъ положеніи. Но это бы еще ничего, и тутъ легче было справиться: неотразимы вопросы нравственные; стоитъ лишь пробудить ихъ въ себѣ и вокругъ, какъ то царство духовъ, которое но

[3]) Такъ на примѣръ во всѣ „должности,“ не только крестьяне, но и служащіе дворовые выбирали изъ среды своей по общему приговору и приговоръ утверждали подписями: баринъ принималъ избраннаго и назначалъ содержаніе.

словамъ поэта возстаетъ изъ подъ земли, затронутое дерзкимъ прикосновеніемъ. Дочь взята была отъ отца, и отца связаннаго особенной любовью, изъ семейства, которое однако продолжало жить рядомъ: оттуда чувствовались либо укоры молчаливаго негодованія, либо слышались дерзкія рѣчи и доносились притязанія обнадеженнаго баловства; то подымалось недовольство постороннихъ на излишнее потворство новымъ „роднымъ," то готовилось оправданіе всякого безпорядка ссылкою на дурной примѣръ, поданный сверху. А вѣдь вмѣстѣ и около жила громадная дворня, эта пучина Аргуса стоглазая, эта вѣчная сплетня стоустая, всезнающая, подсматривающая и подслушивающая. Къ имени „Прасковьи Ивановны" графъ прибавилъ артисткѣ постоянное прозвище „*Жемчуговой*" [10]),—такъ звали ее на сценѣ, какъ рѣдкую жемчужину, звали между артистовъ и на афишахъ, звалъ самъ графъ и приказывалъ звать,—это была уже *пятая* фамилія Кузнецову роду; но свои, но всѣ дворовые и близкіе, межь себя и громко продолжали звать ее „Параша, Прасковья, Кузнецова и Кузнечиха, Горбунова," иногда усиленно, и нарочно, и съ усмѣшкой на это налегая. Изъ семьи, сестра Матрена съ хорошимъ приданымъ выдана была за графскаго служителя, брата помянутой актрисы, Петра Калмыкова, отпущеннаго на волю и поступившаго „на службу [11])." Братья Василій и Михайло рано умерли; Иванъ, отпущенный на волю, состоялъ постоянно при домѣ графа и сестры въ Петербургѣ (умеръ въ Кусковѣ 1819 г.); Николай, бывшій музыкантъ, служилъ въ Московской Университетской типографіи, уволенъ канцеляристомъ, но, затянувшись въ поиски дворянства (о чемъ ниже) и потерпѣвъ неудачу, умеръ 1803 г., числясь при Петербургскомъ почтовомъ управленіи,—по счастью всѣ они умерли холостыми; и всѣ однако успѣли пожить, чтобы надѣлать хлопотъ своимъ высокимъ родственникамъ. Оставался дольше въ живыхъ отецъ, умный и добрый старикъ, горячо любимый дочерью, но до смерти любившей выпить и требовавшій попечительнаго ухода; да старшій братъ Аѳанасій, самый притязательный, всѣхъ больше тревожившій сестру и графа за самымъ ихъ гробомъ. Улаживая подобныя непріятныя отношенія, нужно еще было рѣшить одинъ изъ ближайшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ: о мѣстѣ жизни Прасковьи Ивановны. Вопросъ не такъ легкій въ тогдашнемъ положеніи, какъ бы казалось. Сначала она жила во „флигелѣ" съ прочими актрисами, но слишкомъ выдавалась изъ нихъ, и графъ перевелъ ее рядомъ въ „Управительскій домъ," уцѣлѣвшій донынѣ (въ правую половину, гдѣ въ садикѣ посажено огромное дерево черемухи). Но и тутъ влюбленный скучалъ, неудержима была потребность жить вмѣстѣ, а между тѣмъ въ „Домѣ уединенія" женская половина слишкомъ напоминала мать Вар-

---

[10]) Т. В. Шлыкову, вопреки ея желанію, въ параллель заставили также называться *Гранатовою*.— [11]) Матрена жила послѣ долго вдовою въ Малорусскомъ имѣньѣ и получала паспортъ изъ графской конторы.

вару Алексѣевну, а мужская отца: для деликатнаго графа это была святыня. Въ „Большомъ домѣ" слишкомъ было набито народомъ, наполнено глазами и ушами, или, какъ говоритъ Шекспиръ, тамъ „въ самыхъ стѣнахъ были голосники:" тамъ была и калмычка Анна Николаевна съ сестрою, Алёна Степановна, Т. В. Шлыкова, Настасья Петровна, Яковъ Петровичъ,—росшія маленькія „дѣти съ мадамою," Марѳа Черкасова и хоръ прежнихъ любимицъ по дѣвичьимъ. Новая, единственная и чистая, любовь искала новаго жилища и уединенія. Взоръ графа остановился на „Мыльнѣ," обширномъ деревянномъ зданіи, построенномъ еще при Петрѣ Борисовичѣ, съ великолѣпными ваннами, будуарами, столовою и буфетомъ, картинами и статуями: она помѣщалась въ Сѣверо-восточномъ углу Большаго сада, рядомъ съ каменнымъ Бельведеромъ, на искосокъ отъ Театра и Управительскаго дома. Графъ сломалъ и передѣлалъ „Мыльню," срылъ ограду и валъ сада, отвелъ отсюда воду и поставилъ, въ 1790 году, такъ называемый „Новый Домъ," *пятый* домъ для барскаго жилья послѣ корпуса Бориса Петровича.

Новый Домъ былъ деревянный, съ каменнымъ фундаментомъ, выкрашенъ дикою краскою, на 17 саженяхъ длины и 4 саженяхъ (слишкомъ) ширины, о 13 комнатахъ, съ двумя входами—изъ саду съ Западной, и отъ театра съ Сѣверовосточной стороны. Внутри все было просто, но уютно и комфортабельно въ высшей степени. При входѣ изъ сада сѣни, на лѣво оффиціантская и столовая съ буфетомъ, на право пріемная, наугольная гостиная, по фасу къ Слободѣ спальня графа, гардеробъ, комната проходная, кабинетъ, и проходная *„въ спальню Прасковьи Жемчуговой."* Мы обошли домъ вокругъ и теперь въ Сѣверовосточномъ его углу, въ новой пристройкѣ къ корпусу передѣланной Мыльни, въ покояхъ Параши. Здѣсь было три комнаты съ прихожею, окна къ прежнему жилью — флигелю актрисъ и Управительскому дому, къ Театру и въ садъ. Въ спальнѣ образъ Богоматери, съ вызолоченными полями и вѣнцами, французскіе обои, въ двухъ окнахъ занавѣсы изъ ватрапезы и серпянки, въ простѣнкѣ зеркало, два дамскихъ портрета, двѣ картинки съ пастушками, нишь для самой простой постели съ ситцевымъ подзоромъ, два сосновыхъ столика, березовыя кресла, потолокъ подбитъ холстомъ, полъ сосновый. Отсюда ходъ въ дѣвичью. Въ двухъ остальныхъ комнатахъ образа—пр. Иліи (день рожденія хозяйки) и Богоявленья, въ недорогихъ окладахъ, русскіе обои, такое же простое убранство и скромная мебель, ольховый комодъ и сосновый шкафчикъ, прихожая и особыя сѣни съ крыльцомъ. Единственную роскошь составляло искусство, въ картинахъ, принадлежавшихъ впрочемъ графу и размѣщенныхъ какъ здѣсь, такъ и по смежнымъ комнатамъ: Моисей, Самсонъ у Далилы на колѣняхъ, Сусанна, усѣкновеніе Предтечи, Христосъ среди дѣтей, Лукреція и Тарквиній, Время и Купидонъ, жертвоприношеніе Ифигеніи, Геркулесъ, Венера, Граціи, Нимфы, Аполлонъ съ Музами, Дафнисъ, пейзажи и цвѣты, женщина на колесницѣ

и другая съ нотами въ рукахъ—изображеніе самой хозяйки [12]). Трудно представить что ни будь проще и дѣвственнѣе. не таковы бываютъ покои нынѣшнихъ эманципированныхъ женщинъ и особенно у многихъ актрисъ или пѣвицъ. Фасадъ цѣлаго дома выходилъ на Восточную сторону и съ построеніемъ этого новаго барскаго жилья должно было много измѣниться вокругъ. Отдѣланы флигеля артистовъ, стоявшіе передъ лицомъ и дворомъ; направо, „вторая Водовводная башня (о первой выше),“ служившая прежней Мыльнѣ и фонтанамъ при Итальянскомъ домѣ, сдѣлалась теперь не нужна и скоро сломана, оставивъ по себѣ нынѣшній колодезь; снесены въ другое мѣсто разные матеріальные сараи, ельники и т. п., въ саду же прибавлены кухня, погреба, конюшни (въ сторонѣ отъ оранжерей). Девять лѣтъ, съ 1790 года, когда построенъ этотъ домъ, до 1799-го длилась здѣсь внутри, въ тишинѣ и уединеніи, между природою и искусствомъ, жизнь влюбленныхъ. Прасковья Ивановна знала одну дорогу—въ театръ да въ садъ, по большой крайней аллеѣ при Сѣверной оградѣ. Она помнила только молиться дома, заниматься искусствомъ, послушно любить графа. Какъ сама жила скромно, такъ не давала зазнаваться роднымъ, тѣмъ больше, что это навлекло бы непріятности владѣльцу: родные скорѣе сердились на нее, чѣмъ радовались счастію или помогали. За то, гдѣ не предстояло столкновеній щекотливыхъ, она дѣлала добро всякому, кому могла и чѣмъ только могла. Отъ нея не видали ни сѣчи, ни притѣсненія, ни вымагательствъ: не было человѣка, кого бы она обидѣла, хоть бы словомъ; въ массѣ крестьянъ и особенно обидчивыхъ дворовыхъ не было и нѣтъ человѣка, кто бы помянулъ ее чѣмъ либо дурнымъ. Но за это всячески мстили: счастіе прерывалось ежедневными тревогами, сплетнями, слухами, угрозами, пересудами, вторгавшимися внутрь уединенія. „Актриса, барская барыня, кузнечиха Прасковья,“—вотъ что шепталось и при случаѣ кричалось вокругъ всѣми недовольными, кто мало попользовался, или не успѣлъ еще извлечь выгоды, или былъ совершенно уже доволенъ и больше не дорожилъ. Усердной богомолицѣ запрещалось даже ходить въ Церковь, во избѣжаніе косыхъ взглядовъ и сплетенъ. Это скорѣе была затворница и обреченная жертва. Графъ съ своей стороны дѣлалъ все для ея —и вмѣстѣ собственнаго — счастія, на сколько его понималъ, кромѣ того, къ чему недоставало силъ, кромѣ стойкости, которая часто измѣняла ему. Забыть себя какъ графа, знатнаго богача, придворнаго, общественнаго человѣка, — а все это увеличивало разстояніе отдѣлявшей бездны, — было ему тяжело: онъ боролся, крѣпился, прибѣгалъ также къ молитвѣ, но порою изнемогалъ. По разсказамъ старыхъ людей, онъ входилъ не рѣдко въ комнаты Парашы и заводилъ съ ней бесѣду, какъ ему тяжко, какъ его зовутъ куда ни будь далеко, то онъ собирается жениться (на ров-

[12]) По описи 1790 г., сравненной съ позднѣйшими.

кой), то просто приходится имъ разстаться: Параша не возражала, не выражала ни упрековъ, ни жалобъ; „только послѣ, какъ выдетъ графъ, все она плачетъ да плачетъ, обнимаетъ руками образъ Божьей Матери, а больше Скорбящихъ, да все цѣлуетъ его, молится и льетъ слезы." Испытывалъ ли графъ, или слабѣлъ какъ человѣкъ? Это ли значило — „Не къ тому ты рождена, завтра будешь госпожа?" Наконецъ мѣра страданій истощилась; правда, милость и любовь вдохнули рѣшимость графу. Первымъ дѣйствіемъ этого былъ въ 1798 году отпускъ на волю (до тѣхъ поръ, 30 лѣтъ, она все еще была крѣпостною!). Но дать волю — съ какою же фамиліей, послѣ ревизіи 1795 года, гдѣ она все еще числилась въ крѣпостныхъ по Юхотской волости? Кузнецова, Горбунова, Горина, Зорина, Жемчугова, — все это не годилось, слишкомъ напоминало, слишкомъ указывало на происхожденіе. Остановились на томъ (вѣроятно думавшіе глубокую думу совѣтники), что „кузнецъ" по Бѣлорусски, Малорусски и Польски „коваль," что „Кузнецова" будетъ „Ковалева;" по счастію и въ Константиновѣ, мѣстѣ прежняго жительства, нашлись между крестьянами „Ковалевы:" Прасковья Ивановна сдѣлалась свободною *Ковалевой* [11]). У Шереметевыхъ отпускныя всегда были рѣдки: новая возбудила негодованіе, толки и притязанія, отъ самыхъ даже родныхъ, того же искавшихъ. Оставаться въ Кусковѣ было уже невыносимо: случай рѣшилъ освобожденіе. Гуляя по большой аллеѣ, Ковалева встрѣтила стороннихъ посѣтителей, пріѣхавшихъ также гулять и забавляться: подъученные или ради забавы бросились къ ней съ вопросомъ слишкомъ явнаго намека, — „Гдѣ здѣсь кузница, кто кузнецомъ и есть ли у него дѣти?" Огорченная бросилась отъ дерзкихъ въ свои покои: графъ началъ собираться въ Останкино, — во второй половинѣ 1799 года. — Разставался онъ съ Кусковымъ чуть не въ слезахъ, въ безпокойствѣ за цѣлость памятниковъ отцовскихъ, съ заботою о поддержкѣ: онъ всѣмъ поручалъ беречь, требовалъ письменныхъ ручательствъ съ присягою на счетъ ревности храненія, переѣхавши спрашивалъ и ежедневно получалъ отсюда письменные рапорты, что все обстоитъ благополучно, цѣлы печати, стоятъ статуи, не ѣздятъ въ Звѣринецъ съ охотою, лебеди плаваютъ, въ особенности печи осмотрѣны и трубы вычищены, и т. д. Между прочимъ, къ 1800 году и *Театръ былъ запечатанъ*, наложены печати на гардеробъ, на всѣ его отдѣленія: съ тѣхъ поръ больше не открывался онъ для представленій, замолкъ и заглохъ послѣ 15-тилѣтняго существованія и 10 или 11-ти лѣтъ процвѣтанія, затянутъ паутиной, заселенъ ласточками и летучими мышами; но, благодаря тому же, онъ лучше другихъ памятниковъ уцѣлѣлъ и въ глубинѣ сцены стоитъ еще классическая колесница, какъ будто вы сейчасъ видите и слышите на ней пѣвицу Жемчугову. Не то послѣдовало съ „Новымъ домомъ:" Прасковья Ивановна, жилица не отъ

[11]) Отпускная отъ 15 Декабря 1798 г. Записана въ С.-Петербургской Гражданской палатѣ (подальше отъ Москвы).

сего міра, взяла съ собою не много, только главное — образа, а графъ и подавно; нѣсколько времени все стояло нетронутымъ. Но черезъ 10 лѣтъ, по смерти графа, опекуны начали пускать сюда наемныхъ жильцовъ: въ 1811 г. маіорша Н. П. Зубкова, въ 1812-мъ Ст. Сов. Ѳ. К. Соколовъ, послѣдними были — Влад. Петр. Веневитиновъ и въ 1820 г. вдова его Анна Николаевна (урожденная Оболенская). Съ тѣхъ поръ опекуны нашли дорогимъ поддерживать: домъ — памятникъ столь дорогой для Шереметевыхъ, жилищемъ Прасковьи Ивановны — срытъ до основанія и всякого слѣда, мѣсто его заглажено будто какое-то проклятое. Только серебряные тополи, посаженные здѣсь и столь отличные отъ всего окружающаго сада, растутъ съ каждымъ годомъ роскошнѣе и шепчутся въ листьяхъ о быломъ.

Разставанье съ Кусковымъ рѣшило участь и остальной родственной семьи. Мать Прасковьи Ивановны не дождалась ея счастья и скончалась около 1799 года. Въ Декабрѣ 1801 года, послѣ рѣшительнаго перелома въ жизни графа, всѣмъ оставшимся въ живыхъ роднымъ дана вольная [14]), которою воспользовался и отецъ Иванъ Степановъ 62-хъ лѣтъ, и сынъ его Аѳанасій 30-ти лѣтъ, женатый уже на Аннѣ Акимовой съ дѣтьми Петромъ и Аленою. Въ 1803 году, оба, отецъ и сынъ, по ихъ просьбѣ, записаны въ Московскіе купцы 3-й гильдіи (Каташевской слободы): но разумѣется не торговали, не промышляли и ничѣмъ не занимались, первый по старости, а второй по лѣни. Кромѣ дароваго помѣщенія и прислуги, имъ отпускалось изъ домовой канцеляріи, Ивану Степанову по 500, сыну по 800 р. сер. въ годъ, а по завѣщанію графа еще болѣе въ единовременную выдачу: „Отпущеннымъ отъ меня на волю съ выданными отпускными, Ивану Степанову сыну, прозывающемуся *Кузнецовымъ*, *Ковалевымъ* и *Ковалевскимъ*, а также и сыновьямъ его, на раздѣлъ по волѣ его отцовской, дать всего 50.000 рублей.“ Здѣсь мы видимъ еще новую, *седьмую* фамилію—*Ковалевскаго*, о которой скажемъ ниже и которою, по прежнему образцу, усиливались скрыть прошлое, либо „облагородить“ безъ того честное дѣло. Тѣмъ не менѣе, не смотря на эти хлопоты, пока Иванъ Степановъ оставался въ Кусковѣ, его продолжали звать, и во всѣхъ бумагахъ, „бывшій кузнецъ Иванъ Степановъ Горбунъ,“ „Иванъ Горбуновъ,“ потомъ „бывшій кузнецъ Иванъ Степановъ,“ позднѣе „Иванъ Ковалевъ;“ только духовенство, желая угодить, прописывало его „Иванъ Степановичъ сынъ Кузнецовъ.“ За нимъ, по настоянію горячо любившей дочери, ухаживали, особенно остерегая отъ излишествъ, и для того не оставляли одного дома, а приставленъ былъ къ нему особый дядька Харитонъ Сорокинъ. Потому въ рапортахъ изъ Кускова въ Останкино, рядомъ съ Театромъ, статуями, оранжереями и лебедями, обыкновенно прибавляли: „Иванъ Степановъ благополученъ.“ Но дочь скучала по немъ, не рѣдко вызывала, а скоро со-

---

[14]) Записана въ Московскомъ Уѣздномъ судѣ.

всѣмъ соскучилась и потребовала его на житье въ себѣ. Апрѣля 23-го 1801 года, взявши свой кузнечій молотокъ да куръ, старикъ перебрался въ Останкино [15]). Тамъ помѣстили его на слободѣ въ особомъ домѣ и онъ пережилъ еще и дочь, и самого графа. Бѣдовый Аѳанасій остался и по просьбѣ сестры поселился въ дому отцовскомъ [16]). Его въ бумагахъ мѣстныхъ прозывали также по просту „портной Аѳанасій Горбуновъ“ или „Кузнецовъ,“ и только позднѣе „Ковалевъ,“ а съ конца 1801 года „Кавалевскій“ и еще позднѣе „купецъ Ковалевскій,“ съ деликатною замѣткою, что онъ „Московскаго штата,“ „Заштатный,“ получаетъ жалованье „изъ казначейства“ и „какой онъ по положенію отъ Его сіятельства окладъ получаетъ, при Кусковѣ неизвѣстно,“ „состояніе же его домовому правленію извѣстно.“ Въ началѣ 1802 года ему вновь перестроенъ и отдѣланъ „казенный,“ т. е. графскій домъ, съ обращеніемъ въ его собственность, на Старой Слободкѣ: но онъ не переставалъ безпрерывно вопить до самаго 1820 года, то о прибавкахъ, то о подаркѣ лошади, о даровомъ сѣнѣ для коровы и т. д., наконецъ потребовалъ себѣ каменнаго дома, пока наконецъ при измѣнившемся порядкѣ вещей, послѣ графа и при опекунахъ, вовсе былъ удаленъ изъ Кускова, какъ говорятъ, въ Малорусскую Борисовку.

Кусково опустѣло, и здѣсь собственно долженъ кончиться нашъ очеркъ, который мы добавимъ нѣсколько лишь для округленія и для „не многихъ.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ поднялось Останкино, дотолѣ не столь видное и обязанное Кускову своими садовниками, растеніями, убранствомъ, переѣхавшими хозяевами и увеличившимся числомъ посѣтителей. Послѣ Кускова это сдѣлалось *вторымъ* любимымъ мѣстомъ дачъ и народнаго гулянья, гораздо прежде нынѣшнихъ Сокольниковъ: вокругъ Останкина снова воскресли—Марьина Роща, Свирлово, Медвѣдково, Леоново, Растокино,—такъ возвратилась старина, а послѣ того, въ наше время, старина самая старшая, Романовская,—въ Сокольникахъ.—Въ Останкинѣ чета вздохнула свободнѣе: тутъ не было обязательныхъ преданій, подругу графа только видѣли да знали по слухамъ, не было у нея тысячи тяжелыхъ связей, заботливо отсюда удаленныхъ. Графъ, по обычаю людей его характера, разъ вырвавшись изъ Кускова и положивши блюсти его неприкосновенность, кончилъ тѣмъ, что постепенно пересталъ вовсе посѣщать мѣсто дорогихъ, но щекотливыхъ воспоминаній, мало по малу приказывалъ перевозить въ Останкино оружіе, картины, памятники, драгоцѣнности, перевелъ школу, живопись, мастерства, театральную труппу: повторились тѣ же представленія, оркестры музыки, хоры, катанья по прудамъ съ пѣснями, фей-

---

[15]) Успѣвши впрочемъ при отъѣздѣ заложить свое платье за рубль: должны были выкупить. — Говорятъ, что хранящійся въ Театрѣ портретъ лежащаго во гробу — списанъ съ него: сходство съ дочерью есть. Онъ умеръ въ Останкинѣ 27 Апр. 1813 г.—[16]) „Въ сходственность изустнаго Его сіятельства, на просьбу *Прасковьи Ковалевой*, приказанія.“ Отъ 22 февр. 1800 года.

ерьерки и т. д. Театръ былъ тамъ „домашній:“ допускались только избранные, меньше было огласки, болѣе свободы для главной его героини. Потому и прежде, не желая вводить въ интимныя подробности Кускова, графъ предпочиталъ принимать и чествовать высокихъ посѣтителей въ Останкинѣ, какъ на примѣръ Павла I-го и Понятовскаго. Въ эти годы, живя зимою въ Петербургѣ какъ близкій придворный императора, графъ допускалъ однакоже немного открытыхъ пріемовъ и, разумѣется, всего рѣже показывалась тамъ Прасковья Ивановна. При Шереметьевскомъ домѣ на Фонтанкѣ, въ саду, поставленъ былъ деревянный домъ, напоминавшій собою убѣжище Кусковское: городское уединеніе графа оживлялось подругою жизни. Между тѣмъ духъ освобожденія, повѣявшій въ Останкинѣ, былъ такъ силенъ, что ее, какъ хозяйку дома, навѣщалъ императоръ Павелъ, признавая этимъ „совершившійся фактъ;“ еще больше любилъ и уважалъ ее за высокія качества души московскій митрополитъ Платонъ, свѣтило своего времени [17]). При воцареніи Александра пахнула свобода уже по всей Россіи и, конечно нашла себѣ готовую почву въ домѣ Останкинскаго владѣльца. Осенью 1801 года, къ увеселеніямъ, длившимся тогда въ Москвѣ и окрестностяхъ, изъ Кускова въ Московскій домъ и Останкино окончательно перешли принадлежности Театра, декораціи, часть гардероба, труппа, особенно танцовщицы и актрисы. Октября 1-го посѣтилъ Останкино и самъ государь, разливавшій вокругъ себя любезность, доступность, непринужденность: мы не знаемъ въ точности происходившихъ при этомъ встрѣчь, объясненій и переговоровъ; только рѣшимость графа окрѣпла окончательно. Посовѣтовавшись съ добрымъ своимъ другомъ, митрополитомъ Платономъ, „съ апробаціи и благословенія его [18]),“ графъ вступилъ въ законный бракъ и обвѣнчался. Бумаги передаютъ, что это произошло „въ Москвѣ торжественно [19]),“ народъ же, мы видѣли, такъ радъ былъ сему событію, что сдѣлалъ объ немъ добавку къ пѣсни Прасковьи Ивановны и увѣряетъ, что свадьба была въ Успенскомъ Соборѣ, или же, по разсказамъ, въ Вешняковѣ, съ необъятнымъ свадебнымъ поѣздомъ отъ Московскаго вала вплоть до села. На самомъ дѣлѣ избрана была церковь Симеона Столпника на Поварской, самая уютная, между переулками съ двухъ сторонъ, такъ что посѣтители, кромѣ особо знавшихъ, не могли набѣжать со стороны. Здѣсь-то, 6-го Ноября въ среду, въ день св. Павла, 1801 года въ семь часовъ вечера совершился бракъ. Свидѣтелями были самые близкіе люди: родственникъ кн. Андрей Николаевичъ Щербатовъ; извѣстный археологъ, начальникъ Московскаго архива иностранныхъ

---

[17]) Разъ онъ въ живой бесѣдѣ увлекся до того, что всталъ стремительно и поцѣловалъ у Прасковьи Ивановны руку (семейное преданіе). — [18]) Какъ прямо говоритъ записка объ этихъ обстоятельствахъ, которую мы увидимъ ниже — [19]) Та же, сейчасъ помянутая, записка.

дѣлъ, А. Ѳ. Малиновскій; Синодскій канцеляристъ Николай Никитичъ Бемъ (проживавшій въ Кусковѣ на графскомъ содержаніи), и знакомая намъ, другъ невѣсты, Т. В. Шлыкова, живо помнившая всѣ подробности, а скончавшаяся 90 лѣтъ въ 1863 году, такъ что отъ нея можно было почерпнуть самыя вѣрныя показанія.

Къ сожалѣнію, хотя весьма естественно и понятно, суетность и тутъ нашла себѣ мѣсто. Отысканная фамилія „Ковалевой (см. выше)" подала мысль о связи съ извѣстной фамиліею *Ковалевскихъ*, столь распространенныхъ между шляхтичами по Бѣлой и Малой Руси, особенно же въ Польшѣ. Для убѣжденія въ этомъ сродствѣ, изъ Малорусскихъ имѣній графскихъ выписанъ былъ нарочно въ 1800 г. Моисей *Коваленко* и помѣщенъ въ Кусковскіе кузнецы: онъ долженъ былъ наглядно связывать предполагаемую фамилію Ивана Степанова съ Западною Русью и Константиновскими крестьянами. Между тѣмъ, передъ самымъ бракомъ, выискался писака-стряпчій, изъ служителей кн. Голицына, „Борисъ Меркуловъ," обѣщавшій найти родъ Ковалевскихъ въ Бѣлорусскомъ краѣ. Ему дано было вѣрящее письмо, чтобы „исходатайствовать справки о семъ, а отъ Дворянскаго Собранія доказательства," самъ же графъ, „не препятствуя сему, приказалъ по домовымъ своимъ актамъ, о крѣпостномъ на предковъ ея (Прасковьи Ивановны) правѣ, учинить достовѣрныя выправки." Мы знаемъ уже, о чемъ прямо говорятъ такого рода подлинные уцѣлѣвшіе акты. Но, благодаря старанію, между ними „нашлось и донынѣ хранится въ оригиналѣ [20])" письмо предка, Степана Сергѣева, въ которомъ онъ, не смотря на то, что былъ записанъ по ревизіи 1746 г. графскимъ кузнецомъ и Кузнецовымъ, объяснялъ Петру Борисовичу, что „дѣдъ его родной Яковъ Семеновъ и отецъ Сергѣй Яковлевъ *Ковалевскіе* были природные Польскіе шляхтичи, имѣли свой гербъ," Сергѣй же былъ у графа лишь „вольнымъ послуживцемъ, не крѣпостнымъ;" а потому онъ просилъ графа не числить его въ подушномъ окладѣ. Тѣмъ не менѣе положительнымъ фактомъ остается то, что Степанъ все-таки записанъ Мещериновскимъ крѣпостнымъ и потомство его, какъ мы видѣли, числилось дворовымъ Юхотской волости даже по ревизіи 1795 года. И послѣ, когда братъ Параши Николай, обнадеженный подобными „справками," просилъ герольдію объ утвержденіи его въ дворянскомъ достоинствѣ Ковалевскихъ по пращуру Якову Семенову, ему рѣшено было, „за непредставленіемъ точнаго засвидѣтельствованія, подлинно ли онъ (Яковъ) ему праирадѣдъ, доказывать о томъ въ Дворянскомъ Собраніи," чего, разумѣется, онъ не доказалъ. Съ своей стороны и почтенный Малиновскій пособилъ найти, между бумагами Иностранныхъ дѣлъ, указаніе въ Разрядномъ архивѣ: что 1664 года, въ числѣ взятыхъ въ полонъ Польскихъ и Литовскихъ людей, точно состоялъ, присланный изъ полку кн. Борятинскаго, шляхтичъ

[20]) Помянутая записка.

Якубъ Ковалевскій; что въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, по росписи Полоцкой шляхты, взятой на государеву службу, 1667 года числится рядовымъ тотъ же Якубъ Ковалевскій, по показанію коего на допросныя рѣчи, родомъ былъ онъ изъ Полоцкаго воеводства, маетность отцовская и его собственная тамъ же—деревня „Водячи" изъ 7 дворовъ крестьянскихъ, а въ Польшѣ служилъ онъ шляхетскую службу; по заключеніи же мира съ Польшею, какъ свидѣтельствуетъ переписная книга того же года, Якубъ (съ сестрою Настасьею) пожелалъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, остаться на Русской службѣ. Въ удовлетвореніе этой вопіющей справедливости стараго дворянскаго рода и въ возмездіе не менѣе вопіющей несправедливости о зачисленіи въ крѣпостные, далъ графъ, въ слѣдъ за бракомъ, Декабря 1801 года, вольную Ивану Степанову съ семействомъ, назвавши ихъ „Ковалевскими," или, какъ говоритъ курьозная записка, „по содержанію таковыхъ выправокъ (помянутыхъ выше), графъ Н. П—чъ, какъ во вниманіе на бывшія въ древнія времена, въ Польшѣ и въ Россіи, обыкновенія, пребываніе у знатныхъ дворянъ въ послугахъ вольныхъ и свободныхъ людей, а потому, считая за имовѣрное, что означенные Якубъ Ковалевскій и по немъ сынъ его Сергѣй оставались въ послугахъ у дѣда его графа Бориса Петровича, по знаменитости его званія и чиновъ, яко вольные и свободные по ихъ природѣ, не давая на себя никакой кабалы, которой нѣтъ и не оказалось; потомъ, за смертію ихъ, Якуба и Сергѣя, оставшійся перваго внукъ, а послѣдняго сынъ, Степанъ при родителѣ его гр. Петрѣ Борисовичѣ во время 2-й ревизіи включенъ въ число крѣпостныхъ управляющимъ домами и вотчинами (виноватъ былъ управитель), не взирая на его противурѣчіе, и въ разсужденіи сего, *а притомъ изъ любви къ ней, супругъ его, послѣ совокупленія съ нею законнымъ бракомъ* (здѣсь невольно сказалась сущая правда)," далъ, говоритъ помянутая не разъ записка, отпускную ея роднымъ, прозвавши ихъ Ковалевскими. Записка эта осмѣлилась даже самый бракъ выводить изъ тѣхъ же соображеній, съ одной стороны, будто бы, „во вниманія на присвояемую отцомъ ея природу (дворянскую)," а съ другой, гораздо вѣрнѣе, хотя и въ совершенномъ противорѣчіи, будто бы онъ это сдѣлалъ „отторгая предразсудки о неравенствѣ и различіи ихъ природы." Какъ бы то ни было, существовала тутъ доля правды или нѣтъ, вѣрилъ сему искренно графъ или только „не противорѣчилъ," но ревизскія и архивныя сказки, оказавшіяся настоящими сказками, могли еще вызвать отпускную всѣмъ „Ковалевскимъ" и прикрыть благовидно ея побужденія; самой же Прасковьѣ Ивановнѣ лично, для устройства ея положенія, званія и брака, такихъ отвлеченныхъ основаній было недостаточно. Сама она была отпущена *Ковалевою*, не *Ковалевской*: чтобы перейти въ послѣднюю, требовалось еще посредство живое, осязательный corpus. Этому окончательно пособилъ Борисъ Меркуловъ, рыскавшій и рывшійся въ Бѣлорусскомъ Краѣ. Имъ отысканъ дѣйстви-

тельный шляхтичь Ковалевскій, живой и наличный, пожилыхъ лѣтъ, притомъ такой, который согласился усыновить или удочерить себѣ Прасковью Ивановну. Всѣ обстоятельства его и свѣдѣнія объ немъ, разумѣется, крайне туманны, ибо таковы были они въ сущности и такими намѣренно выставляли ихъ. Только по долгомъ изслѣдованіи знаемъ вотъ что: шляхтичь явился въ Россію, зачисленъ гдѣ-то въ службу, получилъ Русскіе ордена; существуетъ портретъ его, въ Кусковскомъ Большомъ домѣ, между другими, въ качествѣ „лица неизвѣстнаго,“ не подписаннаго и никому нынче не знакомаго; онъ пожилой, близкій къ старости, но бодрый и пріятный, въ красномъ мундирѣ, съ орденскими лентами. Удивительнымъ образомъ, этотъ же самый портретъ, въ формѣ медальона на цѣпочкѣ, оказывается на груди Прасковьи Ивановны въ ея изображеніяхъ, болѣе раннихъ, предназначенныхъ для показа и не столь „семейныхъ,“ какъ позднѣйшія. Значитъ, бѣдная Прасковья Ивановна обязана была въ первое время носить на груди образъ человѣка, совершенно ей чужаго, называть его отцомъ, вспоминать объ его отцовской любви, и такъ далѣе, въ удостовѣреніе своей „порядочной природы.“ Ему, пришлецу, говорятъ старожилы, гдѣ-то купленъ былъ даже титулъ „барона:“ Прасковья Ивановна вынуждалась считать себя баронессою. Этимъ, а ничѣмъ другимъ, объясняемъ мы существованіе какого-то „барона *Лотицъ*,“ который, судя по штатамъ, жилъ въ графскомъ домѣ и получалъ очень большое жалованье. Впрочемъ, ко времени брака это послѣднее обстоятельство не поспѣло: довольно было, что въ вѣнчальной записи Прасковья Ивановна, 33-хъ лѣтъ, обозначена была *Ковалевскою* [21]). Долго останавливавшись на подобной цѣпи соображеній, графъ, по извѣстной намъ слабости, видимо вчитался, всмотрѣлся и вслушался въ нихъ до того, что подъ конецъ жизни самъ уже имъ повѣрилъ: по крайности поставленный супругѣ его надгробный памятникъ увѣряетъ, что „здѣсь предано землѣ тѣло графини Пр. Ив. Шереметевой, рожденной отъ фамиліи Польскихъ шляхтичей Ковалевскихъ....“

Прасковьѣ Ивановнѣ суждено было извѣдать страданія во всей ихъ постепенности, такъ что никакой шагъ, близившій къ концу, нельзя еще было назвать послѣднимъ, и всякій успѣхъ, всякая побѣда, всякое торжество тотчасъ же сопровождались новою мукою. Въ послѣдніе года супруги жили зимою въ Петербургѣ, а въ слѣдъ за бракомъ и совсѣмъ перешли въ домъ Николая Петровича на Фонтанкѣ: спальня Прасковьи Ивановны находилась близь домовой церкви и послѣдняя

---

[21]) Съ этихъ-то поръ и заставили, хотя кое-гдѣ, употреблять при ея родныхъ прозваніе Ковалевскихъ и дана имъ отпускная съ тѣмъ же именемъ, а послѣ, въ завѣщаніи, наивно прописаны они „Кузнецовыми-Ковалевыми-Ковалевскими,“ такъ что самая эта постепенность указываетъ на послѣдовательный рядъ вымысловъ.

была единственнымъ ея утѣшеніемъ. Дѣло въ томъ, что бракъ, уже совершенный во храмѣ, продолжалъ оставаться въ тайнѣ: бѣдная жена одного изъ первыхъ богачей и знатныхъ людей не смѣла при всѣхъ назвать его своимъ мужемъ. Февраля 3-го 1803 года родила она сына и назвала его именемъ особенно чтимаго Дмитрія Ростовскаго, образъ котораго, вмѣстѣ съ портретомъ отца его, хранился постоянно въ ея комнатахъ [1]. То былъ единственный наслѣдникъ, извѣстный въ послѣдствіи графъ *Дмитрій Николаевичъ*: но мать, вслѣдствіе опять тайны, не могла открыто признавать его сыномъ своимъ и графскимъ, а потому судьба самого ребенка оставалась на будущее въ совершенной безвѣстности. Кромѣ того, какъ у всѣхъ владѣтельныхъ и слишкомъ богатыхъ фамилій, естественно было чувство опасенія за самую жизнь ребенка. По этому, послѣ родовъ, очена слабая, мать безпрерывно спрашивала о новорожденномъ; выражала боязнь, чтобы его не похитили; требовала, чтобы часто вносили къ ней и показывали младенца; единственно радовалась, заслышавъ въ сосѣдней комнатѣ крикъ его. Но дни ея были уже сочтены: вскорѣ послѣ родовъ почувствовавши себя очень дурно, она скончалась 23-го Февраля, въ 3 часа по полудни, того же 1803 года, и погребена въ Александро-Невской лаврѣ, съ означенной надписью на памятникѣ розоваго мрамора и съ прибавленіемъ—въ первый разъ, уже надъ тѣломъ,—что это тѣло „супруги" такого-то графа, вступившей въ супружество 1801 года Ноября 6.

При жизни ей посвящено было не мало восторженныхъ стиховъ, въ томъ числѣ Французскихъ (подобно какъ Петру Борисовичу); надгробный памятникъ прибавилъ сюда слѣдующіе:

Храмъ добродѣтели душа ея была,
Миръ, благочестіе и вѣра въ ней жила,
Въ ней чистая любовь, въ ней дружба обитала.
Она и въ смертный часъ, въ предáнности своей,
Всю чувствовала скорбь оставшихся по ней.
Какая же судьба несчастнаго супруга,
Сужденнаго влачить всю жизнь свою безъ друга?
Безплодны вздохи, плачь, тоска и тяжкій стонъ...

И это были не одни слова. Мужъ заказалъ портретъ лежавшей въ гробу и надписалъ его: „Наказуя наказа мя, смерти же не предаде мя (этотъ текстъ былъ девизомъ покойной и вырѣзанъ на ея печати)." Изъ спальни устроилъ онъ моленную или образную, завѣщавъ не прикасаться къ сей комнатѣ и блюсти ее какъ святыню; надпись о томъ сохранилась доселѣ [2]; другая на полу, гдѣ скончалась Прасковья Ива-

[1] А теперь въ Кусковѣ. Ея собственною рукою переписано Димитріево сочиненіе „о повседневномъ исповѣданіи грѣховъ."—[2]) „Сіе мѣсто было обитаніемъ въ Бозѣ покоющейся матери твоей (обращеніе къ сыну), а моей много почитаемой и обожаемой супруги, графини Пр. Ив. Шерем., *рожденной*

новна. Вообще весь домъ и садъ въ Петербургѣ испещрены надписями въ ея память и сувенирами: здѣсь сидѣла она, здѣсь проводила пріятно время и т. п.; волосы ея сохранились въ перстнѣ. На бронзовой доскѣ мраморной тумбы въ саду начертано:

Je crois voir son ombre attendrie
Errer autour de ce sejour,
J' approche,—mais bientot cette image chèrie
Me rend à ma douleur en fuyant sans rétour...

Въ Большомъ Кусковскомъ домѣ уцѣлѣла картина, въ квадратный аршинъ, шитая шелками, съ надписью графа: „Труды жены моей Прасковьи Ивановны Шереметевой.“

Все это свидѣтельствуетъ какъ о любви графа, такъ объ ужасномъ состояніи, въ которое онъ былъ повергнутъ смертію. Въ приведенномъ завѣтномъ письмѣ къ малолѣтнему сыну онъ продолжаетъ: свойства и качества ея „заставили меня попрать свѣтское предубѣжденіе, въ разсужденіи знатности рода, и избрать ее моею супругою.... Когда кончина супруги моей повергла меня почти въ отчаянное состояніе, весьма мало нашлось утѣшителей и участниковъ печали моей, тогда, когда капля слезы, малѣйшій вздохъ или одно чувствительное слово искренняго друга, честнаго человѣка, могли бы дать хотя слабую отраду душѣ моей.“ То была участь всѣхъ сильныхъ, знатныхъ и богатыхъ, которыхъ боятся, уважаютъ, эксплоатируютъ, но не любятъ: въ настоящемъ случаѣ вина была на той судьбѣ, которая находила справедливымъ таить—не любовь, подлежащую тайнѣ,—а происхожденіе и лучшіе годы женщины, таланты ея и самый бракъ. „Я пребывалъ въ безчувственности (онъ не могъ даже присутствовать при панихидахъ). Когда тѣло супруги моей сопровождали къ погребенію, никто изъ множества моихъ знакомыхъ и называемыхъ моими друзьями, кромѣ весьма малаго числа искренно ей и мнѣ преданныхъ, не изъявилъ чувствительности къ сему печальному происшествію и послѣдняго долга христіанскаго въ сопровожденіи гроба ея, въ моленіи объ отпущеніи грѣховъ и успокоеніи души ея.“ Эта исповѣдь обдаетъ ужасомъ: судь-

---

Ковалевской... На семъ мѣстѣ съ удивительнымъ терпѣніемъ перенесла она двѣ тяжкія, едва не смертоносныя болѣзни, но.... чудесно избавилась отъ смерти... Ея текстъ, часто ею повторяемый, что „Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде,“ сей текстъ видѣнъ и на ея печати. Самый же покой сей есть мѣсто, гдѣ почтенная мать твоя разрѣшилась отъ бремени тобою и, давъ тебѣ жизнь, по 27-дневномъ страданіи съ терпѣніемъ мужественнымъ предала душу свою въ руки живаго Бога... Отецъ твой вкушалъ всѣ изобилія блага земнаго, но лишась матери твоей, потерялъ съ нею покой и все благополучіе... Если пожелаешь узнать подробность, то найдешь пространнѣе описаніе здѣсь въ особомъ ящичкѣ (на этомъ основаніи и для той же цѣли составлена послѣ „Записка,“ которую увидимъ ниже).“

ба рѣшила, чтобы даже гробъ страдалицы, этого прелестнаго и высокаго существа, не былъ достаточно оплаканъ, чтобы не было толпы молящихся въ церкви, чтобы не проводили слезами до могилы. Всѣ были запуганы прежними страхами и угрозами тайны: и такой „мезальянсъ“ можно было создать въ Россіи, среди такого сильнаго, могучаго народа, изъ котораго вышла героиня, среди такой зыбкой знатности и l'aristocratie flottante!

При жизни, чѣмъ только могла, Прасковья Ивановна благодѣтельствовала каждому и, обращая все усердіе свое къ церкви, когда получила возможность, дѣлала богатые вклады и раздавала дары по храмамъ, по иконамъ. Особенно, съ малыхъ лѣтъ привыкши притекать къ иконѣ „всѣхъ скорбящихъ,“ она, по разрѣшеніи сыномъ, 12-го февраля успѣла пожертвовать къ сей иконѣ, въ Воскресенскую Петербургскую церковь, драгоцѣнную цѣпь съ каменьями [3]) и туда же отдала обручальное кольцо свое: въ самомъ дѣлѣ, едва ли кто другой на землѣ стоилъ этого кольца; ему, по правамъ, равнялось лишь обручальное кольцо Натальи Борисовны, посвященное волнамъ Днѣпровскимъ. Но она продолжала разсыпать благодѣянія и по смерти: богатые вклады розданы на ея поминовеніе; въ Тихвинскій монастырь къ образу Богоматери принесена была супругомъ въ 1806 году лампада необыкновенной цѣны [4]), съ надписью, вспоминавшей Прасковью Ивановну; ежегодно по завѣщанію ея выдается значительная сумма сиротамъ, бѣднымъ, *убогимъ ремесленникамъ*, на выкупъ за долги и на вклады въ церковь [5]). Но всего важнѣе тотъ посмертный даръ, которымъ она увѣковѣчила свою память въ Москвѣ. Это благодѣтельнѣйшее учрежденіе Шереметьевскаго „Страннопріимнаго дома“ съ больницею и богадѣльнею, основаннаго мужемъ по мысли ея и на средства, ею указанныя (въ нѣсколько милліоновъ рублей, деньгами и доходами съ имѣній). Продолжая письмо къ сыну, графъ говоритъ объ этомъ: „Я давно уже чувствовалъ тягостное состояніе людей, лишенныхъ въ старости, въ болѣзняхъ и нищетѣ, всякого пособія. Сіе чувствованіе скрывалось во взаимномъ тайномъ согласіи нашемъ съ матерію твоею (въ мысли, въ которой мы сходились, хотя и скрывали ее отъ другихъ), — еще при жизни ея, — облегчить страждущее человѣчество, а по кончинѣ ея приведено въ дѣйствіе учрежденіемъ Страннопріимнаго дома и разными вспоможеніями бѣднымъ по ея завѣщанію. Тяжка, несносна, мучительна была мнѣ утрата любезнѣйшей моей супруги, о коей горестнѣйшее воспоминаніе приближало меня къ гробу. Но сокровенное утѣшеніе, происходящее отъ чувствованія сего богоугоднаго дѣла, услаждало мои горести.“ Въ самомъ дѣлѣ, какъ

---

[3]) Это, кажется, та самая цѣпь, которую она надѣвала на сценѣ въ своихъ лучшихъ роляхъ: она стоила до 12.000.—[4]) Болѣе 30.000 по тогдашнему курсу.—[5]) „Безпомощнымъ дѣвицамъ сиротамъ 6.000; бѣднымъ семействамъ 5.000; убогимъ ремесленникамъ 4.000; на выкупъ за долги и на вклады 5.000 “

ДОПОЛНЕНІЯ

КЪ VIII И IX ВЫПУСКУ ПѢСНЕЙ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

Часть III.

Выпускъ 8-й.

пріобрѣли еще устный образецъ пѣсни *о рожденіи Петра*: но, желая хорошенько разъяснить ее въ связи съ напечатанными прежде образцами, которые подали поводъ къ страннымъ недоумѣніямъ, отлагаемъ до слѣдующаго выпуска.

—

Слѣдующая историческая пѣсня, дополняя немногія, намъ извѣстныя, но тѣмъ болѣе драгоцѣнныя пѣсни о Стрѣльцахъ, изображаетъ намъ пору разыгравшейся ихъ бурной удали передъ концомъ, но вмѣстѣ, при воцареніи Петра, безнадежность ихъ положенія: проступившись, они могутъ еще пожаловаться въ Москвѣ начальству, чтобы выпутаться, а все-таки будутъ „слыть виноватыми“ и потому рѣшаются смиренно разойтись по домамъ. Въ особенности любопытно, что здѣсь представляется встрѣча этого послѣдняго дружиннаго и служилаго царскаго войска, въ его древней формѣ, съ земствомъ, именно *съ крестьяниномъ*: встрѣча почти такая же, и съ тѣми же послѣдствіями, какъ въ старшихъ Былинахъ знаменитая встрѣча первой дружины Олеговой съ крестьяниномъ Микулой. Очень важно сличить эти двѣ крайнія сопоставленныя точки и отмѣтить различія, которыя по времени возникли въ историческихъ чертахъ и въ оттѣнкахъ пѣснотворческаго образа.

Стрѣльцы и крестьянинъ.

1.

(Губ. Орловской, у. Болховск.)

Шли Стрѣльцовъ молодцовъ
Пятьдесятъ человѣкъ [1],

---

[1]) Стихъ начинаетъ раскалываться по поламъ и на этомъ пути образуетъ половинчатую прибавку въ родѣ припѣва: ср. объ этомъ явленіи выше по многимъ мѣстамъ.

Сами сговорилися, сами смолвилися:
«Ежели бы намъ, ребятушки,
«Кобылушку соловую [2])!
«Намъ бы только экипажъ [3]) везла:
«Сами бы мы пѣшки шли!»
Ѣдетъ крестьянинъ [4]), дубъ своло́къ [5]):
Подъ крестьяниномъ кобылушка соло́вая [2]).
Взглянули они, сами смѣхнулися [6]):
«Что въ Христа [7]) молили, то Господь намъ далъ!
«Ну-ка, сѣмъ-ка [8]) мы, ребятушки,
«Нава́лимся!»

Видитъ крестьянинъ неминучее свое [9]),
Распрягаетъ кобылушку соло́вую,
На колѣно дугу распрямливаетъ [10]):
Всѣхъ перебилъ, будто волкъ переѣлъ,
Спи́ны понабилъ, какъ сычугъ снарядилъ [11]).

«Ну-ка, ребята, челобитную писать,
«Челобитную писать, къ Москвѣ посылать,
«Къ Москвѣ посылать, ко царю подавать!
«Къ Москвѣ намъ иттить,—

---

[2]) Такой же стихъ.—Та же самая „кобылушка соловая,“ какъ при Микулѣ и Олегѣ. — [3]) Новая вставка вмѣсто стараго слова, вѣроятно „обоза:“ стрѣльцы скучаютъ тащить на себѣ военную броню, сбрую и снаряды, подобно какъ Олегъ очень давно желалъ запречь въ свои дѣла крестьянскую подводу и силу. — [4]) Старше вѣроятно „крестьянушка:“ такъ по стиху и древнимъ образцамъ. — [5]) Утащилъ, вывезъ изъ лѣсу: а вмѣстѣ указаніе на силу. — [6]) Усмѣхнулися. — [7]) У Христа. Подобныя выраженія очень часты въ пѣсняхъ, при нечаянной встрѣчѣ, которая отвѣчаетъ завѣтной думѣ. — [8]) Древній, еще въ Церк. Славянскомъ, глаголъ *ся-ти* (съ носовымъ) и *сь-ти*, оттуда *ся-щть* (съ носовымъ, догадливый), въ дальнѣйшемъ развитіи *сѣтити*; какъ въ Сербск. и др.: догадаться, придумать *Сѣмъ* 1-е л. Ед. и Множ. (вмѣсто *сѣмы*), какъ *ѣмъ*, *дамъ*. Сѣмъ-ка: вотъ мысль, вотъ что пришло въ голову, давай-ка, ну-ка! Еще далѣе, изъ *сѣмка* или *семка* (*е* изъ носоваго) глаголъ *смек-ать*, *смек-нуть*, а наконецъ, когда обычное *с* принято за предлогъ, приставка другихъ предлоговъ, причемъ корень глагола древняго совсѣмъ исчезъ: *на-мекъ*, *на-мекать* и т. д. — [9]) Чего ему не миновать уже: горе, бѣду. — [10]) Та же богатырская сила, какъ у Микулы.— [11]) Сдѣлалъ имъ спины, какъ набиваютъ и снаряжаютъ сычугъ, кукли, распаренный, съ начинкою.

Татьяна Васильевна до конца жизни своей не могла вспомнить о своей дорогой подругѣ безъ слезъ и восторга, такъ Николай Петровичъ не могъ выносить воспоминанія безъ глубокаго душевнаго потрясенія: его успокоивала нѣсколько, и единственно лишь, облегчаемая участь бѣдныхъ и страждущихъ, которымъ онъ посвятилъ съ тѣхъ поръ всѣ свои мысли и усердіе.

Между тѣмъ странности не прекращались и послѣ рѣшенія объ устройствѣ Странноприимнаго дома. Бракъ, совершившійся два года назадъ, возвѣщенъ былъ дому, двору, народу и всему свѣту *только на другой день по кончинѣ Прасковьи Ивановны*: графъ отправилъ въ домовую контору, а отсюда по всѣмъ конторамъ и управленіямъ, для чтенія дворовымъ и крестьянамъ, бумагу, въ которой говорилось о законномъ бракѣ, о признаніи его Государемъ, о родившемся сынѣ, съ этой лишь минуты воспринимавшемъ права наслѣдства. Насъ примиряетъ съ симъ документомъ присоединенное къ нему письмо Дм. Прок. Трощинскаго, черезъ котораго велось дѣло, съ отзывомъ Государя, достойнымъ Александра I-го. „Милостивый государь, графъ Николай Петровичъ! Я имѣлъ уже честь по Высочайшей волѣ увѣдомить В. С—во изустно, а теперь письменно сообщаю, что Государь Императоръ, прочитавъ поданное мною письмо Ваше, извѣщающее о женитьбѣ Вашей, по всѣмъ обрядамъ церкви воспослѣдовавшей въ Москвѣ еще въ 1801 году, и о рожденіи Вамъ сына, Высочайше отозваться изволилъ, что Вы властны были совершить первую, когда и на комъ хотѣли, и что обстоятельства сего брака не перемѣняютъ къ Вамъ милостиваго расположенія Его Императорскаго Величества, которымъ Вы всегда пользовались. Осталось мнѣ присовокупить къ сему собственное мое желаніе, чтобъ новорожденный сынъ Вашъ, возрастая къ утѣшенію Вашему, съ правами рода своего наслѣдовалъ и всѣ его добродѣтели, а тутъ же изъявить искреннее сожалѣніе о безвременной кончинѣ супруги Вашей, которую сердце Ваше избрало, а любовь поставила было превыше ея состоянія. Имѣю честь и проч. Дм. Трощинскій.“ Хотя и здѣсь, по смерти своей, Прасковья Ивановна не избавилась отзыва о „превышеніи ея состоянія,“ но все-таки съ такимъ документомъ намъ легче выйти изъ XVIII-го вѣка въ XIX-й.

Однако, повторяемъ, какъ благодѣянія, такъ и месть за нихъ сопровождали Прасковью Ивановну даже по смерти ея и за могилой. На этотъ разъ преслѣдованіе возникло изъ лишняго усердія къ услугамъ: оно породило „Записку,“ нами не разъ выше цитованную и которую нельзя иначе назвать, при всей ея благонамѣренности, какъ святотатствомъ, простертымъ на достояніе самой священной памяти. Записка составлена была уже по смерти графа, однимъ изъ нѣсколькихъ опекуновъ надъ его сыномъ, съ цѣлію примкнуть къ другимъ бумагамъ, приведеннымъ у насъ выше, и „облагородить“ все дѣло Прасковьи Ивановны въ глазахъ близкихъ людей, наслѣдниковъ и потомства. Она носитъ за-

главіе: „О родѣ покойной супруги покойнаго графа...., и о обстоятельствахъ, какъ собственно о ней, такъ и ближнихъ ея.“ Мы не приводимъ этихъ жалкихъ кощунствъ, старавшихся выиграть ложью. Жутко лишь себѣ представить, что правды о Прасковьѣ Ивановнѣ, во всей яркости ея свѣта, не зналъ никто, ни даже отецъ ея, ни самъ Государь (на примѣръ о бракѣ), до самой ея смерти и другаго дня послѣ смерти: на женщину ложился весь позоръ, дѣйствительный или мнимый, всѣ грѣхи, ея собственные и чужіе, безъ всякого выкупа, который хоть чѣмъ ни будь обѣлилъ бы ее; и сошла она въ могилу не оправданная передъ взорами свѣта ни по существу, которое было безупречно, ни даже по самой внѣшней и оффиціальной формѣ. А съ другой стороны, даже по смерти, помянутая Записка составляла единственный, болѣе или менѣе доступный, документъ съ подробностями о жизни и судьбѣ такой женщины, съ фальшею ради „различія природы“ и тому подобнымъ, въ теченіе цѣлыхъ 70-ти лѣтъ до сей минуты, до сихъ самыхъ страницъ! И послѣ этого говорятъ, что исторія памятлива, справедлива или благодарна, и послѣ этого есть какая ни будь исторія у народа и общества, сверхъ политическихъ формъ и владѣтельныхъ именъ, заглавій и титуловъ! Оказывается, что пѣсня, простая и скромная пѣсня—не вытекаетъ изъ исторіи и не пользуется ею въ объясненіе себѣ, какъ бы слѣдовало, а напротивъ вынуждена сама вызывать громкимъ голосомъ исторію изъ подъ спуда, какъ будто „Лазаре, гряди вонъ,“ изъ могилы на свѣтъ Божій!

Кусково, говорили мы, постепенно было исчерпано Останкинскою, Московскою и Петербургскою жизнію графа: сначала чуть не плакавши при разставаньѣ и соблюдавши тамъ наслѣдіе памятниковъ какъ святыню, онъ потомъ, по свойству своего характера, не только сталъ скоро забывать Кусково и бросилъ посѣщать его, но оттуда извлекъ и перевелъ почти все лучшее, въ томъ числѣ живой памятникъ—сценическую труппу. Оставались собственно стѣны зданій, садъ, опечатанный театръ, да послѣднее—заселенное живыми существами—Звѣринецъ. И изъ него графъ постепенно перебралъ оленей къ столу; о другихъ животныхъ заглазно перестали радѣть и усердно извѣщали, что тѣ или другія пали, а приплоду новаго нѣтъ; наконецъ цѣнные олени, борзыя и гончія собаки, волторны и рога (полубушуры, присталы, завывщики) уступлены или проданы разнымъ лицамъ, славившимися въ ту пору охотою, — егермейстеру кн. Петру Алексѣевичу Голицыну, гр. Ивану Петровичу Салтыкову, владѣльцу Никольскаго, И. Дм. Уварову, Аннѣ Никитичнѣ Нарышкиной. Къ 1811 году Звѣринецъ былъ уже совсѣмъ покончепъ и началъ сдаваться подъ покосъ. Къ довершенію и самъ „Крезъ меньшой скончался въ скукѣ:“ онъ умеръ въ Петербургѣ, снѣдаемый горестью по Парашѣ и среди единственнаго утѣшенія отъ расточаемыхъ благодѣяній, 2-го генваря 1809 года. Впрочемъ такую массу средствъ и памятниковъ, какая создана была артистичностью,

стараніемъ, трудомъ и экономіей Шереметевыхъ, трудно ослабить, обезсилить или расточить простыми, обыкновенными и естественными путями: сама внѣшняя природа и время для этого безсильны, если не присоединится сюда причинъ особенныхъ и неожиданныхъ, чрезвычайныхъ и случайныхъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ, роковыхъ бичей, посылаемыхъ судьбою, является время отъ времени „опека," дѣйствующая въ малолѣтство наслѣдниковъ или до ихъ раздѣла, подобно какъ въ междуцарствіи государствъ. Въ долговременный ростъ Дмитрія Николаевича, опекуны свозили, уничтожали, продавали—даже съ аукціона — все, попадавшееся подъ руку, имущество движимое, памятники искусства, зданія, сооруженія, то прикрываясь недостаткомъ средствъ для штата, то трудностью поддерживать, то необходимостью и выгодою для наслѣдника, ибо въ теченіе его малолѣтства многое могло обветшать, выйти изъ моды, употребленія, цѣны и годности. Вскорѣ показался, какъ нарочно, другой чрезвычайный бичь,—нашествіе Французовъ, въ 1812 году навалившихся на Кусково: впрочемъ они не столько унесли и пограбили, сколько уничтожили, а еще больше испортили; они по просту, безъ особаго намѣренія, дурачились и издѣвались, прокалывая или разрубая, на примѣръ, мебель, стрѣляя въ портреты и картины, и т. п. (см. о томъ особую нашу статью). За то пришлось это какъ нельзя лучше на руку опекунамъ: они исписали громадныя тетради перечнемъ уничтоженныхъ и награбленныхъ Французами вещей, которыя впрочемъ не ушли дальше извѣстныхъ кармановъ. На знакомомъ для насъ рубежѣ, между Перовымъ съ Тетерьками и Кусковымъ, возникло даже особое помѣстье съ слободою — „Опекуново (нынче зовутъ Пикуново):" это цѣлая засада и крѣпость для обстрѣливанья Кускова. Собственно говоря, если взять въ разсчетъ долги, симъ способомъ накопленные, наслѣднику при его возмужалости осталось весьма немного: и только опять простой народъ, крестьянство, въ настоящую пору денежнаго выкупа раскрывшее свои нажитыя громадныя средства, они-то спасли и возстановили достатокъ древняго рода въ недавнее время. Но Кусково, хотя его отчасти и подновилъ, и разчистилъ Дмитрій Николаевичь, послѣдніе свои годы здѣсь жившій, сдѣлалось непоправимо: съ каждымъ днемъ оно ветшаетъ и рушится, переходя въ пастбище гуртамъ воловъ, такъ что невольно вспомнишь стихъ Овидія — „Мѣсто святыни такой пастбищемъ стало воловъ...." Если же мы безпристрастнѣе взглянемъ, кто собственно въ самомъ началѣ и въ корнѣ потрёсъ сооруженное Петромъ Борисовичемъ, мы должны признать, что это была Прасковья Ивановна: своимъ появленіемъ и своей судьбою она расторгла прежнія затянутыя связи и превратила со дна сложившійся прочно порядокъ вещей. Въ этомъ существѣ, пришедшемъ изъ селенія по Рязанской дорогѣ и представшемъ столь внезапно избалованному графу на рубежѣ Кускова, при поворотѣ съ Владимірки, была какъ будто роковая отплата за ту страницу, ко-

торая была отвергнута холодностію брата, по Рязанской дорогѣ отправлялась въ ссылку, по Владимиркѣ возвращалась убогою изъ Сибири и ночевала у чужихъ людей на краю Кускова [6]). Передъ всѣмъ этимъ, долго создававшимся, графскимъ величіемъ, богатствомъ, знатнымъ родомъ, искусствомъ, роскошнымъ памятникомъ, какъ бы выросло изъ земли лицо, разбившее въ дребезги драгоцѣнный монументъ со всѣхъ привлекательныхъ сторонъ его. А въ лицѣ этомъ, изъ земли и отъ земли, дѣйствовалъ, разумѣется, самъ народъ, разрушая несвойственную, чуждую ему исторію, пользуясь ею для своихъ цѣлей, но пролагая новые пути для исторіи совсѣмъ иного рода.

Прасковья Ивановна оставила намъ нѣсколько своихъ портретовъ, писанныхъ лучшими художниками, отъ самой ранней поры, когда мы выше видѣли ее въ цвѣтущей молодости и въ блестящемъ уборѣ для сцены, до изображенія во гробѣ. Домашніе или семейные портреты представляютъ ее въ крайней простотѣ, обыкновенно въ капотѣ съ красными и черными полосами. Но всѣхъ выразительнѣе четыре, сохранившіеся въ Кусковскомъ Большомъ домѣ. Изъ нихъ, за первымъ сценическимъ [7]), слѣдуетъ портретъ (въ парадныхъ комнатахъ)—лучшихъ зрѣлыхъ лѣтъ и примиреннаго взгляда на жизнь, разлитаго во всемъ существѣ невозмутимымъ, твердымъ, сильнымъ и сознательнымъ спокойствіемъ: бѣлое платье, перекинутый въ родѣ плаща красный большой платокъ, на головѣ кружевной чепецъ, на груди—на золотой цѣпочкѣ—медальонъ съ портретомъ „названаго" отца, въ лѣвой рукѣ ридикуль, въ правой вѣеръ, статура почти до ногъ [8]). Типъ лица здѣсь именно тотъ, который выразительно—и вѣроятно на долго, если не навсегда — переданъ въ родъ Шереметевыхъ, а всего ближе повторился въ лицѣ сына Дмитрія

---

[6]) Удивительное стеченіе противуположныхъ событій въ однѣхъ и тѣхъ же рамахъ мѣстности и годовъ. На Рязанской дорогѣ, которою пошла отторгнутая сестра въ Сибирь, женился и вѣнчался, въ Вешняковѣ, восторжествовавшій братъ, извлекшій отсюда важнѣйшіе источники своихъ богатствъ и затѣй: и съ той же дороги, по происхожденію своему, явилась въ Кусково Прасковья Ивановна. Петръ Борисовичъ началъ рядъ главныхъ сооруженій своихъ съ Большаго дома, въ 1771 году: именно съ того года, какъ кончилось все съ злополучной его сестрою и своею кончиною она развязала брату тяжкія узы воспоминаній. Путница изъ Сибири свернула съ Владимирки на Кусково и не встрѣчена братомъ: на томъ же поворотѣ, у моста, встрѣтила сына мстительница, вина павшаго Кускова и разрушенныхъ горделивыхъ затѣй его. Наконецъ страдальческій перстень Натальи Борисовны, сгибшій въ волнахъ при обѣтѣ Богу, повторился въ перстнѣ другой страдалицы, который также посвященъ былъ Богу и иконѣ.—[7]) Противъ него тутъ же портретъ молоденькой и милой Т. В. Шлыковой.—[8]) Портретъ приписываютъ *Як. Ив. Аргунову*: изъ Шереметьевскихъ дворовыхъ, любимый графомъ Николаемъ и самъ его любившій, даровитый молодой художникъ сопровождалъ его за границей и оттуда почерпнулъ средства образованнаго искусства; любовь къ родно-

Николаевича *). Третій портретъ, поясной же, въ уборной графини: дикое платье и палевый платокъ шарфомъ вокругъ стана, съ бѣлымъ обвитымъ покрываломъ на головѣ и съ волосами въ безпорядкѣ, явно изъ дней и годовъ напряженной душевной тревоги. Послѣдній, ступень отъ предыдущаго, какъ бы нарочно рисуетъ убранство, сходное съ портретомъ вторымъ, — бѣлое платье, красный платокъ шарфомъ, медальонъ на груди: но какое разстояніе между тѣмъ и другимъ, какая глубокая разница! Лицо страдальческое, силы надломлены, близость неминуемой смерти. Говорятъ, что, по роковой судьбѣ, даже эти портреты долгое время скрывались и явились свѣту благодаря лишь особымъ обстоятельствамъ въ семьѣ графской. Какъ бы то ни было, глядя на два первыхъ невольно подумаешь: какое дивное существо разрушено послѣдующими муками! При двухъ послѣднихъ всякой зритель, сколько ни будь внимательный, по неволѣ скажетъ: какіе ужасные слѣды страданій и какая же бездна страданій, здѣсь, въ этомъ лицѣ, повѣданныхъ! И однако же Прасковья Ивановна была счастлива, по крайности считала себя счастливою, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ считали другіе: она безпредѣльно любила. Любовь же, одинаково искренняя, предаетъ забвенію ошибки графа, достаточно искупленныя страданіями его по смерти подруги. Но подивишься судьбѣ дѣлъ человѣческихъ: оба они любили и—страдали; для четы источникомъ страданій было то, что нынѣ предъ взоромъ всего свѣта обратилось бы — и обращается — въ торжество и славу; напротивъ, всякое ихъ тогдашнее торжество, побѣда, слава, внѣшность блестящая,—все это и было поводомъ къ мукѣ.

Такова эта героиня, которую породилъ и подарилъ Россіи изъ нѣдръ своихъ Русскій народъ. Она стóитъ, она заслуживаетъ подробностей изображенія, и еще бóльшихъ, еще выразительнѣйшихъ: какъ Русская типическая женщина, истая дочь народа простаго, плодоносный прививокъ къ знаменитому роду, существо рѣдкой красоты и души, талантливая артистка, создательница народной пѣсни, удостоенная высочайшей чести, выпадающей на долю немногимъ,—удостоенная быть и остаться героинею широко и далеко распространенной пѣсни народной. Пѣсня поетъ о героинѣ, даже не зная ея: узнавши, тѣмъ дольше должна оставаться при ней.

му Кускову и къ его лучшей героинѣ вдохнула въ изображеніе особенную правду и живость. Кисть Аргунова какъ будто создана была для одной Прасковьи Ивановны: она схватывала самое неуловимое, на лету, въ движеніи жизни.—

*) Именно въ верхней половинѣ лица: изящный, артистическій, хотя и не большой лобъ; глаза,—нѣсколько растянутые по Азіатски,—съ тѣмъ выраженіемъ, о которомъ мы уже говорили; замѣтно выдавшіяся скулы; необыкновенная нѣжность и доброта въ чертахъ. Все это, очевидно новое, отличіе присоединилось къ древнимъ Шереметьевскимъ признакамъ, изъ которыхъ особенно повторяется въ роду выдавшійся впередъ подбородокъ и выдавшаяся нижняя губа.

Выпускъ 9-й начался и кончается Шереметевыми: лучшій конецъ послѣ добраго начала и лучшее вступленіе къ нашему XIX вѣку, который найдемъ на слѣдующихъ страницахъ.

Конецъ пѣсней 9-го выпуска.

V.

«Намъ и правыми быть,
«Правыми быть, виноватыми слыть [12]).
«Ну-ка, ребята, по своимъ домамъ!
«Заставимъ мы женъ банюшки топить,
«Банюшки топить, свои [13]) спинушки лѣчить.
«Раны на насъ не копейчатыя [14]):
«Раны на насъ—всё дубинный шляхъ [15])!»

(Доставлено намъ и записано М. П. Лисицынымъ со словъ Болховской мѣщанки, лѣтъ 50-ти, дѣвицы Аксиньи Гугнюшиной).

*

Въ параллель этому „старому" воиеку является у народа изображеніе и „новаго," Петровскаго, съ жалобою изъ собственныхъ устъ сего послѣдняго на тяжелые порядки, заведенные начальниками „Нѣмцами" въ учебномъ строю Петра I-го на Воробьевыхъ горахъ:

Петровы новобранцы на горахъ Воробьевыхъ.

1.

(Москва).

За славною рѣкою за Москвою [1]),
За высокими горами Воробьёвы,
Пролегала тутъ широкая дорожка:
Широкимъ-то она, дороженька, не широка,
А пробоемъ то она, дороженька, не пробойна [2]).
Ужь по той ли по дорожкѣ по широкой
Еще шли-прошли солдаты новобраны.
Идучи они, солдаты, сами плачутъ,
Во слезахъ они дороженьки не видятъ,
Въ возрыданьицѣ словечушка не молвятъ [3]):
«Что гораздо мы предъ Богомъ согрѣшили,

---

[12]) Хоть и будемъ оправдываться, а все прослывемъ виноватыми; одна будетъ намъ слава—виноватыхъ. Ср. въ Былинахъ „На Волгѣ жить, ворами слыть." — [13]) Наши. — [14]) Не отъ копья, не отъ битвы.— [15]) Дорога, проложенная по спинамъ дубиной. О „шляхѣ" см. выше.

[1]) Гдѣ Воробьевы горы. — [2]) Описаніе отрицательное, подобно отрицательному сравненію (о которомъ часто говорено выше): на самомъ дѣлѣ выходитъ, что дорожка широкая. Не объ томъ рѣчь, что она широка, а шли по ней новобранцы, для нихъ она тѣсна была и тяжела, не пробойна. — [3]) Тотъ же отрицательный оборотъ: на самомъ дѣлѣ слѣдуютъ рѣчи.

VI.

«Государя мы царя распрогнѣвили!
«Ужь какъ отдалъ насъ не-русскому началу *);
«Что не Русскому начальнику,—Нѣмчину:
«Онъ и бьётъ-губитъ солдатушекъ напрасно.»

(Старше появилась въ пѣсенникѣ Новиковскомъ; извѣстна досель).

*

Кстати мы прибавимъ сюда остальные образцы пѣсенъ о войскѣ Петровскомъ, соединенные въ одномъ XXIII отдѣлѣ нашего 8-го выпуска:

Походы въ земли Шведскія и Турецкія, уроны и потери.

1.

(Губ. Рязанской).

Какъ во городѣ во Верекюшкѣ,
Во большомъ селѣ во Купелюшкѣ,
Порасписаны всѣ квартерушки,
Поразставлены всѣ солдатушки,
Всѣ солдатушки полку Тульскаго,
Гранадерскаго, мушкатерскаго.
Вотъ охóчи были солдатушки
По ночамъ гулять съ красными дѣвушками,
Со молодками съ деревенскими.
Какъ со вечера приказъ óтданъ былъ,
Ко полýночи ружья чистили,
Ко бѣлý свѣту во строю стоять,
По ружью держáть, ружью чистому.
Капитаны стоять передъ ротами,
Офицерики передъ взводáми,
Младъ полковничекъ передъ всѣмъ полкомъ.
Капитанъ скричалъ: «На плечо ружьё!»
А майоръ скричалъ: «По ремнямъ спущай!»
Младъ полковничекъ «Во походъ» сказалъ.
Всѣ солдатушки ружьями брякнули,
Ружьями брякнули, пѣсни взгáркнули,

*) Начальству; сохранилось у духовенства въ выраженіи „быть подъ началомъ.“

А Верейскія дѣвушки замáкали [1]):
«Хорошо намъ было свыкатися,
«Теперь трудно намъ разставатися!»

Изъ за горъ-то, было, горъ высокіихъ,
Выходила тутъ сила-армія,
Сила-армія царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго:
Напередъ идутъ барабаньщики,
Позади идутъ—знамена́ несутъ.

Подъ зна́мечкомъ молодой солдатъ,
Молодой солдатъ, полковой сержантъ.
Онъ идётъ-идётъ, самъ шатается,
На всѣ стороны покланяется,
Съ отцемъ съ матерью онъ прощается,
Съ молодой женой не прощается;
Отъ того онъ не прощается:
Молода жена—змѣя лютая,
Отъ жены и пошолъ во солдатушки,
Во солдатушки, въ службу царскую,
Въ службу царскую—королевскую [2]).

(Записано П. В. К—мъ).

*

2.

(Губ. Орловской).

Въ томъ городѣ въ Верекюшки,
Въ селѣ было во Купелюшки,
Тамъ фатерушки порасписаны,
Солдаты поразставлены,
5. Солдатушки полка Тульскаго,
Полка Тульскаго мушкатерскаго.

---

[1]) Старше д. б. „всплакнули." — [2]) Противъ короля (Шведскаго).

Какъ сы вечера во полкъ приказъ пришолъ,
Сы полу́ночи ружья чистили,
Со бѣло́й зорёй во строю стоять,
Во строю стоять, по ружью держа́ть.
Передъ ротою стоялъ молодой капитанъ,
Середь роты стоялъ молодой маіоръ;
Капитанъ вскричалъ: «На плечо ружьё!»
Маіоръ вскричалъ: «По ремнямъ спущай,
«По ремнямъ спущай, во походъ ступай!»
Всѣ солдаты призадумались,
Призадумавши они слово молвили:
««(Ужь вы) братцы товарищи!
««Хорошо было намъ свыкатися,
««Таперь какъ же намъ разстатися?!»»

Изъ того города изъ Верею́щки,
Изъ села-ть изъ Купелю́щки,
Ни бѣла̀ зоря занималася,
Ни красно̀ солнце выката́лося:
Выкаталася тамъ Русска армія,
Русска армія императорска,
Нашего царя Бѣлаго.

Въ томъ полку молодой солдатъ,
Молодой солдатъ, молодой сержантъ,
У рукахъ несетъ знамя царское,
Знамя царское, государское.
Онъ не пьянъ идётъ—шатаетца,
Съ своимъ съ отцомъ съ матерью прощаетца,
Съ молодой женою, съ шельмой, не прощаетца:
Черезъ нее онъ пошолъ въ службу царскую,
У заботушку великую.

*

3.

(Губ. Симбирской).

Собиралися всѣ солдатушки въ Верейской градъ.
Имъ со вечера приказъ отданъ былъ,

IX.

Ко полуночи ружья чистили,
По утрў рано сборъ ударили,
Сборъ ударили, въ строй поставили.
По край стро́ю капитанъ стоитъ,
По середъ-то стро́ю маіоръ стоитъ,
Въ передѣ строю самъ полковничекъ.
Капитанъ кричитъ: «На плечо ружьё!»
Маіоръ кричитъ: «Въ ремень ружьё!»
А полковникъ кричитъ: «Въ походъ пошолъ!»

По утру-то было ранёшенько,
На зорѣ-то было на утренней,
Не бѣла-та зоря занималася,
Не красно̀-то солнце выкаталося:
Наша армія въ походъ пошла,
Во походъ пошла, во Туретчину;
Наперёдъ пошли знами [1]) царскія,
Знами царскія—царя Бѣлаго;
Подъ знамёнами барабаны бьютъ,
Барабаны бьютъ, играютъ во флéички [2]),
Играютъ во флеички, въ сиповочки [3])
И во всѣ игры государевы:
И разъигрываютъ всію армею [4]).
И полковничекъ уговариватъ:
«Вы не плачьте, наши ребятушки,
«Новобра́ны наши солдатушки:
«Ужь мы какъ дойдемъ во Туретчину;
«Ужь мы какъ дойдемъ—короля [5]) возмемъ,
«Короля возмемъ, да назадъ пойдемъ,
«Назадъ пойдемъ, въ каменнў Москвў!»

---

[1]) Такъ называемое филологами (и въ Нѣмецкихъ граматикахъ) „слабое" склоненіе, безъ раскрытія древняго носоваго звука въ окончаніи, чему у насъ много примѣровъ (*бремю, бременъ* и т. д.) въ отличіе отъ „сильнаго," — *знамени, знаменемъ, знамена* и т. д. — [2]) Флейточки. — [3]) Иначе *сопьли, сопилки*: употреблялись еще при Петрѣ. — [4]) Развеселяютъ, чтобы солдаты не горевали. — [5]) Извѣстное намъ сопоставленіе, по связи войнъ Шведскихъ (и послѣ Прусскихъ) съ Южными, Турецкими.

X.

4.

(Губ. Оренбургской).

Во селѣ было во Купелюшкѣ,
Въ городу было во Вереюшкѣ,
Всѣ квартерушки поразписаны,
Всѣ солдатушки поразставлены.
Какъ со вечера приказъ отданъ былъ,
Со полу́ночи ружья чищены,
Ко бѣлу́ свѣту въ походъ пошли.
Ружьями брякнули,
Сами всплакнули:
««Ты прости-ка—прощай, отецъ и мать,
««Молода жена и малы дѣтушки!
««Еще прощай, красны дѣвушки,
««Красны дѣвушки Заверейскія,
««Молодушки деревенскія!»»

(Сообщ. В. И. Далемъ).

5.

(Губ. Моск., у. Звенигородскаго, Воронки).

Какъ во городѣ во Вереюшкѣ,
Во селѣ-то было Покровскіемъ [1]),
Какъ стояли тутъ солдатушки,
Что того ль полку—Тарутинцы,
Перва ротушка гарнадерская.
Какъ охочи эти солдатушки
По ночамъ гулять съ красными дѣвками.

---

[1]) Село Покровское—любимое въ устахъ народа съ Михаила Θеодоровича и особенно Елизаветы (см. выше).

Съ красными дѣвками со Верейскими,
Со молодками деревенскими.

Съ половина-дня [2]) указъ присланъ былъ,
Чтобъ со вечера ружья чистили,
Со полуночи шпаги свѣтлили,
Ко бѣлу свѣту во строю стоять.
Капитанъ кричитъ: «Отъ ноги ружье!»
А маіоръ кричитъ: «По ремнямъ спущай!»
А полковничекъ: «Во походъ ступай!»
Всѣ солдатушки въ ружья брякнули,
Красны дѣвушки слезно всплакнули:
««Охъ вы свѣтъ-то, наши солдатушки,
««Разпобѣдныя [3]) ваши головушки!
««Что вы рано очень въ походъ пошли?
««Вы бъ дождалися поры-времечка,
««Поры-времечка, тепла лѣтечка!»»

(Запис. самимъ П. В. К—мъ Авг. 16, 1833 г.).

*

6.

(Губ. Владимірской).

Во городѣ было во Покровскіимъ [1]),
Всѣ фатерушки расписаны,
Всѣ солдатушки поразставлены.

Какъ со вечера приказъ отданъ былъ,
Чтобы ружья-то были чистыя,
Чтобы кремни были вострые.
Какъ съ полуночи ружья чистили,

---

[2]) Склоняется какъ слово сложное (полъ-день) и притомъ въ одной послѣдней половинѣ, ибо въ подобныхъ случаяхъ мужескій родъ у насъ преимуществуетъ передъ женскимъ (ср. *мать-отецъ* и многіе примѣры выше).—[3]) *Бѣдовыя* и вмѣстѣ *бѣдныя*, бездольныя.

[1]) Здѣсь уже городъ Покровъ.

Ко бѣлой зорѣ во строю стоять,
Во строю стоять, по ружью держать.
А маіоръ стоитъ подъ знамёнами,
Капитанъ стоитъ передъ ротою,
Младъ полковничекъ середи полка.
Маіоръ кричитъ: «На плечо ружьё!»
Капитанъ кричитъ: «По ремню спусти!»
Младъ полковничекъ: «На походъ ступай [*])!»

Всѣ солдатушки ружьемъ взбрякнули,
Красны дѣвушки слезно всплакнули:
««Охъ вы ой еси, вы солдатушки!
««Что вы рано больно во походъ пошли?»»
— Мы не сами собой во походъ пошли:
— По указицу государеву, по велѣньицу командерскому.—

*

7.

(Губ. Калуж., у. Боровскаго, село Слобода).

Изъ за горъ-то горъ высокіихъ,
Ни красно солнце выкаталося:
Наша армія поднималася.
Какъ во городѣ во Верехюшкѣ,
Во селѣ было во Купелюшкѣ,
Всѣ квартирушки порасписаны,
Всѣ солдатушки разстановлены.
Какъ охочи наши солдатушки
Вечеру [1]) гулять съ красными дѣвками,
Съ красными дѣвками со Вереевскими,
А съ молодками съ деревенскими.

Какъ и съ вечеру указъ насланъ былъ,
Со полуночи приказъ отданъ былъ,

*) Всѣ эти приказы и артикулы потому повторяются въ пѣсняхъ съ такою точностію, что были новы тогда и остановили народное вниманіе.

[1]) Старый мѣстный (и времени) падежъ, что послѣ предложный „въ вечеру.“

Ружьи чистили [2]);
Ко бѣлу̀ свѣту во строю стоять [3]),
Во строю стоять, по ружью держать.

Во передъ идетъ молодой сержантъ,
Онъ несетъ-несетъ знамя царское.
Онъ не пьянъ идетъ—самъ шатается,
На всѣ стороны покланяется,
Съ отцомъ съ матерью онъ прощается:
«Прости, батюшка, прости, матушка,
«Прощай, милыя мои дѣтушки!
«Съ молодой женой не прощаюся:
«Молода жена—моя пагуба.
«Отъ неё пошелъ во солдатушки!»

Запис. П. В. К—нъ въ 30-хъ годахъ отъ 70-лѣтней старухи).

* *

Этихъ образцовъ такое множество доселѣ въ устахъ народа по среднимъ губерніямъ, что ихъ еще можно бы набрать съ сотню.

8.

Не бѣла̀ зоря занималася,
Не красно̀ со́лнце выкаталося:
Выкаталося зна́мя царско̀е,
Государево, царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго, Петра Пе́рваго.
На знамечкѣ есть написа́но,
Есть написано, напечатано,
И про насъ ли же [1]) до́брыхъ мо́лодцевъ.

---

[2]) Раздѣливши прежде уже „вечеръ“ и „полночь,“ старуха не нашлась, что прибрать къ чисткѣ ружей. — [3]) Т. е. приказъ отданъ былъ.

[1]) Варіантъ „лише,“ „лишь.“—Про насъ—солдатъ: про насъ пѣсня, про нашего молодца (какъ будто она написана на знамени, съ него читается или поется, словно изъ книги).—Знамя войское позднѣе замѣнило собою старшій камень Алатырь и Книгу Голубиную, гдѣ прописывались разныя диковинки.

XIV.

Изъ подъ знамечка идетъ добрый молодецъ.
Онъ не пьяной идетъ—самъ шатается,
За ковыль-траву запинается,
Горючьми́ слезами заливается.
Съ отцемъ съ матерью прощается:
«Прости, батюшка, прости, матушка,
«И прости ты, весь родъ и племя́,
«Вы простите, мои милыя дѣтушки,
«Только не прости [2]), моя молода́ жена!
«Молода́ жена, пагуба моя:
«Погубила мою буйную головушку,
«Отъ тебя пошелъ, отъ тебя пропалъ,
«Отъ тебя спозналъ чужу́ сто́рону,
«Нужду крайнюю, службу царскую!»

*

9.

Ни бѣла́ зоря, гусары [1]), занималася,
Ни красно̀ солнышко выкаталося:
Тридцать три́ полка гусаръ появлялися,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго.

Какъ у насъ ли во сенатѣ [2]) уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался,—генералъ помёръ.
Самого ли генерала на главахъ несутъ,
Ворона̀ его конёчка въ поводу́ ведутъ,
Понесли же генерала во чисто̀ поле,
Во чисто поле, на синё море [3]):
««И схоронимъ мы генерала на крутой горѣ,
««На крутой горѣ на Сіонскія [4]).

---

[2]) Онъ не прощается: а изъ этого *разсказа о героѣ* любопытнымъ оборотомъ сдѣланы *слова отъ лица самого героя*, по обычному способу, который мы такъ часто видали въ пѣсняхъ историческихъ.

[1]) Обращеніе поющихъ гусаръ къ самимъ себѣ. — [2]) Мы видали подобные случаи и „въ синодѣ." О постепенномъ развѣтвленіи образовъ въ этой пѣснѣ см. наши примѣчанія въ 8-мъ выпускѣ. — [3]) За этимъ слова самихъ гусаръ.— [4]) Какъ скоро „крутая гора," то по вліянію духовныхъ Стиховъ весьма часто Сіонская: ср. „Калѣки Перехожіе" и старшія былины въ нашихъ изданіяхъ.

««Мы могилушку выроимъ между трехъ дорогъ,
««Между Питерской, Московской, славной (большой) Кіевской.
««На могилушкѣ положимъ камень мраморный,
««Во головушкѣ поставимъ позлачёный крестъ,
««Во рѣзвыхъ ногахъ поставимъ коня ворона,
««По правую сторонушку строево ружьё,
««По лѣвую сторонушку саблю вострую [5])!»»
— Кто ни пойдетъ, ни поѣдетъ, всякъ нарубится,
— Строевымъ моимъ ружьецомъ настрѣляется,
— На ворономъ моемъ конѣ всякъ нагуляется,
— На позлачёный крестъ всякъ помолится,
— Самого ли душу-генералушку [6]) всякъ навспоминается!—

*

10.

Не бѣла зоря, гусары, зоря занималася:
Занималася, выкаталася вся сила солдатская.
Какъ пошли наши гусары, пошли со знамёнами,
Со знамёнами гусары, еще съ барабанами,
Во второмъ полку гусарскомъ погромъ сдѣлался,
Погромъ сдѣлался, гусары, енаралъ померъ,
Енаралъ померъ, гусары, своей скорой смерточкой.
Понесли же енарала—на главахъ несутъ,
Понесли же енарала черезъ три поля,
Черезъ три поля, гусары, чрезъ синё море.
Енаральскаго конёчка во трехъ поводахъ ведутъ,
Енаральскую шляпу во рукахъ несутъ.
Схоронили жь енарала промежь трёхъ дорогъ:
Промежь Курской, промежь Тульской и Воронежской.

(Въ этомъ образцѣ очень любопытны повторительные обороты, которыми народъ старается устроить разложившійся старшій и подлинный стихъ пѣсни).

*

[5]) За симъ слова—завѣщаніе самого умершаго: обычныя ступени переходовъ, вамъ уже извѣстныя по многимъ пѣснямъ историческимъ. — [6]) Обычное ласканіе генералу: ср. выше въ походахъ Шведскихъ и Прусскихъ (позднѣе однако этого не встрѣчается).

11.

Ни бяла зоря, гусарушки, занималася,
Ни ясна сонца, гусарушки, выкаталася [1]):
Охъ да шла-выступала сила войская [2]),
Сила войская, гусарушки, царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго, гусарушки, Петра Перваго.
На передъ идуть гусарушки сы знаменами,
Сы знаменами идуть, гусарушки, съ позлачоными;
По заду идуть гусарушки съ барабанами;
Барабанушки пробили по весёлому,
Яй [3]) указушки прочитали по печальному:
Вы второмъ полку, гусарушки, уронъ сдѣлали [4]),
Уронъ сдѣлали, гусарушки,—генералъ померъ,
Ни своей смертью генералъ померъ,—воръ Французъ убилъ.

Самого-то генералушку на плечахъ нясуть,
Молодую генеральшу шестерней вязуть;
Молодая генеральша слезно плакала:
«Вы несите генералушку черезъ три поля,
«Черезъ три поля генералушку на крутыя горы,
«Вы заройтя, закопайтя вы жолты пяски [5])!

*

12.

Изъ за лѣсу, было, тёмнаго
Не бѣла зоря, гусары [1]) поднимались;
Не красно солнце высоко изъ горъ выкаталось:
Выкаталось-выступало войско сильное [2]),

---

[1]) Извѣстное намъ старшинство женскаго рода предъ среднимъ, воскресающее нынче часто благодаря (позднему) произношенію *о* и *е* какъ *а* и *я*.— [2]) Старшее названіе: оно служитъ типическимъ отличіемъ этихъ образцовъ пѣсни и нынче уже часто коверкается.—[3]) А и. — [4]) Сдѣлался. — [5]) Древній творительный.

[1]) Изъ обращенія гусаръ къ самимъ себѣ сдѣланъ разсказъ о гусарахъ, когда пѣсня отъ гусаръ перешла къ остальному народу (обратно способу, встрѣченному у насъ выше).—[2]) Любопытная перестановка старшаго выра-

Войско сильное—гусары,
Словно тридцать три полка,
Во всёмъ снаряжонные, въ походъ наречённые,
Наречённые гусары—въ походъ—на сраженьице [3]).

На перёдъ полка гусаровъ идутъ со знамёнами,
Позади полка гусаровъ идутъ—барабаны бьютъ.
Барабаны пробили по весёлому,
А указы прочитали по печальному:
Во второмъ полку гусарскомъ вѣрный [4]) генералъ помёръ.
Генеральскаго конёчка-коня въ поводы ведутъ.
Самого-то генерала,—его на головахъ несутъ.
«Вы снесите мое тѣло,—тѣло на синё море,
«Вы умойте мое тѣло свѣжей моревой водой,
«Вытрите мое тѣло мягкой шелковой травой,
«Сохраните [5]) мое тѣло,—тѣло промежь трёхъ дорогъ:
«Промежь Питерской, Московской, еще славной Кіевской.
«Вы поставьте на главу чудный [6]) крестъ серебряный,
«На скорыхъ ногахъ поставьте мого вороно коня!»

*

13.

(Губ. и у. Симбирск., село Архангельское).

Царя Бѣлаго гусары, Петра Перваго,
На перёдъ идутъ гусары со знаменами,

женія „сила войская."—[3]) Замѣтьте опять стараніе возстановить прежній стихъ посредствомъ изворотовъ и нѣсколькихъ повтореній, а вмѣстѣ необходимость многословнаго описанія „силы войской," когда это послѣднее выраженіе утратилось и пѣсня изъ устъ войска, которому хорошо были знакомы техническія фразы, перешла къ земству.—[4]) Эпитетъ *обычный* при слугахъ и служилыхъ людяхъ, параллельно „*душѣ* генералушкѣ."—[5]) Любопытное употребленіе формы (письменной) въ народѣ вмѣсто обычнѣйшаго (устнаго) *схоронить*: нынче это различіе формы Церк. Славянской и чисто-Русской обратилось въ различіе смысла по употребленію (первая—сберечь, вторая—закопать; первоначально одно и то же).—[6]) Эпитетъ *обычный* при крестѣ: чудотворный.

Позади идутъ гусары съ барабанами.
Становилися гусары у крутой горы,
Какъ читали же гусарушкамъ указы печальные:
««А у насъ, гусарушки, уронъ сдѣлался,—
««Человѣкъ пропалъ [1]), генералъ померъ.»»

Генеральскаго коня въ поводу ведутъ,
А Черкасское сѣдѣльцо на возу везутъ,
Самого-то генерала на плечахъ несутъ:
««Понесите тѣло бѣлое ко синю морю,
««Вы обмойте тѣло бѣлое (моревой водой),
««Вы заройте въ мать сыру землю,
««Вы поставьте мовзолей [2]) ему!»»

* *

Слѣдующіе образцы имѣютъ уже непремѣннымъ своимъ признакомъ „силу войскую:"

14.

(Губ. Тульской, у. Ефремовскаго).

Выходила-выступала сила войская,
Сила войская, гусары царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго гусары, Петра Перваго,
Напередъ идутъ гусары со знамёнами,
Назади идутъ гусары—барабаны бьютъ,
Барабанный бой пробили по печальному,
Славно пѣсенки запѣли по веселому [1]).
Какъ у насъ ли во ширингѣ уронъ сдѣлался:
Уронъ сдѣлался, гусары, генералъ померъ.

---

[1]) Сгибъ (*гибнуть* и *губить*, *терять* и *тратить*: обычныя старыя выраженія о вещахъ и объ *жизни*; „коня *потерялъ*," выше у насъ „жизнь *тратится*," въ Р. Правдѣ *пропажа* при уголовныхъ дѣлахъ и т. д.); умеръ.— [2]) Это уже совсѣмъ неожиданный подарокъ: вѣроятно одинъ изъ подлинниковъ пѣсни, не дошедшій до насъ, былъ „сочиненъ" въ старыхъ полкахъ.

[1]) Испорчено изъ подлиннаго выраженія и стиха предидущихъ образцовъ, а потомъ осмислено по своему.

Генеральскаго конёчка въ поводу́ ведутъ,
Генеральскаго сыночка на́ рукахъ несутъ,
Генеральское сѣдельце на возу везутъ,
Самого генерала шестернёй везутъ:
«Вы везите ли, гусары, черезъ три́ поля,
«Черезъ три поля на четвертое!»

*

15.

(Губ. Орловск.).

Изъ за лѣсу-лѣсу тёмнаго
Выступала-выходила сила войская,
Сила войская, гусары царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго.
На перёдъ идутъ гусары съ знамёнами,
Позади идутъ съ барабанами:
Барабанушки пробили по унывному,
Всѣ указы прочитали по печальному,
Они пѣсенки запѣли по веселому [1]).
Во второмъ полку гусарскомъ уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался, генералъ помёръ.
Самого генерала на главахъ несутъ,
Генеральскаго конёчка въ поводу́ ведутъ,
Самоё генеральшу шестернёй везутъ.
Во слезахъ генеральша слово молвила:
«Вы подите, гусары, вы зелёную рощу,
«Вы срубите кипарисъ-древо,
«И сдѣлайте кипарисовъ крестъ,
«И поставьте между трехъ дорогъ,—
«Между Курской, между Тульской, между Кіевской:
«Какъ во Курской онъ родился,
«А во Тульской крестился,
«А во Кеевской женился [2]).»

*

---

[1]) Ср. образецъ предидущій.—[2]) Любопытно, какъ это значеніе трехъ дорогъ и перекрестка опошлѣло противу древности и примѣнилось къ простѣйшему обиходу житейскому, потерявъ прежнія черты творческія.

16.

(Оттуда же).

Села войскаго [1]), гусары царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго гусары, Петра Перваго,
Петра Перваго гусары во походъ пошли,
Во походъ пошли гусары со знамёнами,
Со знамёнами, гусары, съ барабанами [2]),
Съ барабанами, гусары, съ музыкантами.
Музыканты заиграли по весёлому,
Всѣ указъ прочитали по печальному,
Они пѣсенки пропѣли по унылому.
Во второмъ полку́ гусарскомъ уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался, гусары,—генералъ померъ.
Генеральскаго конёчка въ поводахъ ведутъ,
Самого ли генерала на главахъ несутъ.
««Какъ несли ль мы генерала черезъ три́ поля,
««Черезъ три́ поля—полянства [3])—за синё море,
««Схоронили генерала между трехъ дорогъ,
««Между Питерской, Московской, третьей Кіевской.»»

*

17.

(Оттуда же, у. Малоархангельскаго, село Критово).

Соловойскіе [1]) гусары Петра Перваго,
Петра Перваго, царя Бѣлаго,
Во походъ полку́ [2]), гусары, уронъ сдѣлался:
Уронъ сдѣлался у гусаръ, генералъ помёръ.

---

[1]) Вотъ что явилось уже изъ „силы войской.“ - [2]) Опять любопытные повторительные обороты, три—четыре, чтобы возстановить какой ни будь одинъ старшій стихъ.—[3]) Любопытное и очень ловкое вставочное слово, чтобы дотянуть стихъ до подлиннаго размѣра.

[1]) Еще дальнѣйшій шагъ порчи.—Вотъ почему, говорили мы, здѣсь нѣкоторые видѣли даже Соловейскихъ гусаръ.—[2]) Во время полковаго похода.

Самого ли генерала на главахъ несутъ,
Его генеральшу шестернёй везутъ.
Понесли ли генерала черезъ три поля,
Черезъ три поля далече, чрезъ синё море.
««Схороните генерала между трехъ дорогъ,
««Между Тульской, Петербургской, славной Кіевской,
««Во главахъ его поставьте живъ-творящій [3]) крестъ,
««Во ногахъ его поставьте ворона его коня,
««Въ руки ему дайте саблю вострую:
««Кто ни идетъ, кто ни ѣдетъ,—Богу молятся,
««На коня его глядятъ,—слёзы катятся,
««На вострую ли саблю,—шляпа валится.»»

(Записано и сообщено намъ К. А. Бороздинымъ.—Въ этомъ образцѣ всего рѣшительнѣе стихъ разломился уже по поламъ и сдѣлался „двойнымъ").

* *

Слѣдующій образецъ отвѣчаетъ №№ 6-му и 7-му въ томъ же XXIII-мъ отдѣлѣ 8-го выпуска:

18.

«Ты взойди-ка, милой, во горенку,
«Погляди-ка, милой, въ окошечко!
«У насъ на дворѣ туманъ-туманъ,
«На синёмъ-то морѣ непогодушка:
«Есть у дѣвушки зазнобушка.
«Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
«Дѣтинушка дворянскій сынъ;
«Зазнобя-то сердце, самъ въ походъ пошелъ,
«Охъ, во тѣ ли страны во незнамыя,
«Во незнамыя, во Турецкія,
«Изъ Турецкихъ онъ во Швецкія [1]).

---

[3]) Живое, не успѣвшее еще кристаллизоваться, сочетаніе составныхъ частей сложнаго слова.

[1]) Ср. выше о связи сихъ странъ.

«Охъ, и тутъ мы съ другомъ разставалися.
«Намъ всѣ люди Москвой [2]) дивовалися,
«Какъ мы съ другомъ разставалися:
««Да и что̀ это за диковинка,—
««Либо [3]) братъ съ сестрой разставалися!»»

* *

Между тѣмъ этотъ же образецъ служитъ переходомъ къ дальнѣйшимъ, въ которыхъ изображается горемычная жизнь молодца, и даже „боярскаго сына,“ въ чужой дальней незнакомой сторонушкѣ, именно *Петербургской*, а по общему единогласному завѣренію пѣсни сего рода относятся къ *основанію Петербурга* и къ первоначальной, принудительной жизни тамъ, налагавшейся обязательно для работъ разнаго рода или хоть просто для заселенія:

Петербургская дорожка, Петербургская сторонка.

1.

Ты злодѣй-злодѣй, чужа-дальна сторона!
Ужь сколько мнѣ ни жити,—всё тужити,
Мнѣ родимыя сторонки не забыти [1]).

Ты злодѣй-злодѣй, ретиво̀е мое сердце,
Къ чему ты, сердце мое, ноешь-унываешь?
Не скажешь ты ни радости, ни кручины:
Не можешь ты мила̀ друга забыти,
Ни де́нною порою, ни ночною,
Ни утренней зорею, ни вечерней [2]).

Со той ли тоски великія, злой кручины,

---

[2]) Какъ мы шли Москвой. — [3]) Должно быть, вѣроятно: слова встрѣчныхъ людей по Москвѣ.

[1]) Это старая пѣсня обо *всякой* чужой-дальней сторонѣ: она примѣнялась къ разнымъ историческимъ эпохамъ, какъ мы видѣли прежде, а окрѣпла въ образцахъ темничныхъ и тюремныхъ. — [2]) Это начало другой пѣсни мы также встрѣчали среди историческихъ; она примѣнялась окончательно къ взятію Шлюссельбурга (вып. 8, стр. 144—146), а среди бытовыхъ къ изображенію одиночества любящаго сердца и разлуки съ милымъ.

XXIII.

Пойду-пойду, младёшенька, погуляю,
Я найду-найду два камышка алмазны,
Я камышекъ о камышекъ ударю.
Не во всякомъ драгомъ камнѣ огонь-искра:
Не во всякомъ добромъ мόлодцѣ любовь-правда.
Любилъ меня милъ-сердечный, да покинулъ.
Я на шуточки милу́ другу отказала [3]):
«Тебѣ полно, милъ-сердечной другъ, гуляти!
«Ужь пора ли, милъ-сердечной другъ, жениться
«Что на душечкѣ на красной на дѣвицѣ [4]).»

Что у душечки у красной у дѣви́цы
Не дожжичкомъ бѣлое лицо смочило,
Не морозомъ бѣлое личико ознобило:
Смочило бѣлое лицо слезами,
Ознобило ретиво̀ сердце кручиной.
Тужитъ-плачетъ [5]) по миленькомъ дружечкѣ,
По ласковомъ-привѣтливомъ по словечкѣ.
Хорошъ-пригожъ мой миленькой уродился,
Онъ не долго со мною, съ дѣви́цей, поводился:
Какъ сказана милу́ другу царская служба,
Показана широкая путь-дорожка
Ко славному ко городу Петербургу.
Со всѣми милъ-сердечной другъ простился:
Со мной съ одной красной дѣвицей не простился.
Съ половины пути-дороженьки воротился,
Подъ косящетымъ окошечкомъ колотился:
— Ты прости-прости, душа моя дѣвица,
— Наживай ты себѣ друга мило̀го;
— Если лучше наживешь, меня забудешь,
— Если жь хуже наживешь, меня вспомянешь,
— Сама, красная дѣвица, слезно заплачешь [6]). —

(Печатано старше у Шнора, 1791, потомъ донынѣ во многихъ устныхъ образцахъ).

---

[3]) Я шуткою разъ ему отвѣчала.—[4]) Третья пѣсня женская, восходящая къ миѳологическимъ основамъ, но послѣ примѣненная къ изображенію измѣны и разлуки любящихъ. — [5]) Сердце.—[6]) Эту пѣсню мы также видѣли выше, какъ, начинаясь Смоленскомъ, перешла она въ заключеніе къ Бендерамъ.

XXIV.

Пѣсня эта, напечатанная нами прежде какъ варіантъ, по ея началу, къ исторической пѣснѣ о Шлюссельбургѣ (вып. 8, стр. 144—46), повторяется здѣсь на собственномъ своемъ мѣстѣ, съ подробнѣйшими объясненіями. Въ ней, чтобы разсказать объ новой Петербургской дорожкѣ и объ тяжкой жизни въ Петербургской сторонкѣ, творчество пробуетъ разные образцы старшихъ пѣсенъ, примѣняя ихъ къ настающей эпохѣ, пока останавливается на одномъ образцѣ, гдѣ въ старину жаловались на походъ къ Смоленску, потомъ къ Шлюссельбургу, а наконецъ Петербургъ повернули на Бендеры и сдѣлали пѣсню исключительно военною, походною. Вотъ почему и Дмитріевъ, какъ мы видѣли выше, желая выгородить почтенный для него Петербургъ, замѣнилъ его Нерчинскомъ, хотя тутъ-то именно всего больше и высказалась невольная иронія.

* *

Но вопросъ былъ слишкомъ близокъ къ сердцу и затрогивалъ его глубоко; творчество попробовало примѣнить сюда еще старшій образецъ пѣсенъ „воинскихъ" или походныхъ, раздававшихся обычно весною, когда, за вскрытіемъ ея, начинался призывъ на службу въ походы:

О томъ же.

1.

(Губ. Тверской, у. Старицкаго).

Ахъ ты матушка Россія!
Выгоняютъ насъ отселѣ [1]),
Насъ отселѣ, не тапере.
Мы дождемся поры-время [2]),
Поры-время, тёпла лѣта.

Ужь какъ нонѣшній день—скука:
Мнѣ съ милымъ дружкомъ разлука.
Разлучаетъ насъ неволя:

---

[1]) Изъ Россіи: Россія тамъ, гдѣ прижился народъ; новыя мѣстности для жилья кажутся сначала чужими, не-Русскими: а тѣмъ болѣе таковою представлялась Ингерманландія.—[2]) Помянутое „слабое" склоненіе, родит. падеж.— Дѣло идетъ объ веснѣ.

Чужа-дальная сторонка,
Петербургская дорожка.

Какъ по этой по дорожкѣ
Много разъ я проѣзжала,
Много пѣше проходила,
Много горя принимала,
Много слезъ я проливала,
Много писемъ я писала,
Къ милў дружку посылала.
Мои письма не доходятъ,
Слуги вѣрны не доносятъ [3]).

«Ахъ ты матушка родима!
«За чѣмъ на́ горе роди́ла,
«Горькимъ счастьемъ надѣлила,
«Въ чужў сторону пустила!»

(Отъ А. А. Панина и другихъ).

Однако и этотъ образецъ, развѣтвившись на множество подобныхъ, перешелъ позднѣе въ простыя пѣсни „солдатскія-рекрутскія,“ когда наборъ и сборъ рекрутовъ отождествлялся съ дорогою къ Петербургу. Варіантовъ множество и мы ихъ встрѣтимъ въ своемъ мѣстѣ, гдѣ увидимъ даже цѣльное произведеніе, отсюда возникшее, полународное, полукнижное, „Ахъ, любезная весна...“

* *

Изъ пѣсенъ же этихъ, какъ элементовъ, составился и окрѣпъ цѣльнымъ типомъ собственно одинъ образецъ, который на всегда уже и преимущественно примкнулъ къ Петербургу, вспоминая первыя его времена и всю тяжесть жизни тамъ на чужой сторонкѣ. Онъ именно представляетъ переходъ отъ древняго быта, служилаго-военнаго и притомъ боярскаго-дворянскаго, къ новому строю жизни, сосредоточенному въ Петербургѣ рукою Петра, но для одиночныхъ лицъ слишкомъ еще тяжелому:

---

[3]) За симъ рѣчь уже самого дружка.

XXVI.

Петербургъ и Нева со временъ Петра.

1.

(Губ. Вологодской).

За рѣчкой за Невагушкой,
За широкою перебрагушкой [1]),
Не полынь-трава въ полѣ
Зашаталася [2]):
Что во́ полѣ за-душа
Миленькой мой [3]).
Онъ не самъ (сюда) зашолъ,
Не своей охотушкою,
Не охотою:

---

[1]) *Нева-га* хотя можетъ относиться къ древнѣйшимъ формамъ, обозначающимъ ходъ и теченіе рѣкъ (*га*—идущая, текущая), но у народа перешла въ значеніе ласкательное и уменьшительное (какъ *бѣдняга*, *мальчуга*, *словяга* и т. п.). Отсюда и названіе извѣстной рыбы.—Далѣе слѣдуетъ въ пѣснѣ „широкая *переправа* (черезъ широкую рѣку),“ гдѣ, обычно на переправѣ, издревле рисуются бѣды молодца: но ради риѳмы сдѣлана отсюда „неребрага,“ а осмыслена—пѣнистая, кипучая, бурливая.—[2]) Отрѣзокъ стиха, обращающійся при повтореніи въ припѣвъ.—[3]) Зашатался. — *За-душа*, въ позднѣйшемъ, почти отвлеченномъ, смыслѣ то же, что *задушевный* (другъ, пріятель). Но, по старшему образованію формы, *за-душа* (такъ употребляетъ часто народъ нашъ, преимущественно на Сѣверѣ) есть дальнѣйшее развитіе формы *душа* и есть то же самое, что уменьшительное и ласкательное *душ-ка, душень-ка*. Только заключительное *ка* переставлено здѣсь къ началу слова (подобно какъ помянутое *га* ставится иногда и въ началѣ: *га-вранъ*). Тѣмъ же способомъ образованы *со-рока, ка-лѣка*, Санскр. *ка-га, ка-патъа, ка-сара* и т. п. (*а* долгое), при чемъ уменьшительное и ласкательное обращается часто и естественно въ уничижительное и бранное (подобно нашему *мальчишка, ручонка, душонка*). Есть множество подобныхъ формъ Санскритскихъ (*ким-пуруша, кин-нара* и т. д.), которыя всѣ по нашему слѣдуетъ переводить въ точности: „что за путь, что за потокъ, что за человѣкъ:“ съ одной стороны похвала, восторгъ впечатлѣнія, съ другой презрѣніе и брань. Совершенно также и *за-душа* предполагаетъ старшій оборотъ, родившійся восклицаніемъ при сильномъ впечатлѣніи: „что за душа!“ Этотъ цѣлый оборотъ и сократился послѣ въ форму *за-душа*. — О явленіяхъ сего рода въ языкѣ сказано нами еще очень давно, при изданіи „Болгарскихъ пѣсенъ“ 1855 г. стр. 19—21, гдѣ много примѣровъ.

XXVII.

Занесло дружка великою
Погодушкою;
Не погодушкой,—великою
Неволюшкою,
Неволею [4]).

«Подневольная жизнь наша
«Боярская,
«(Жизнь боярская) служба
«Государева,
«Государева служба,
«Царя Бѣлаго,
«Царя Бѣлаго,
«Петра Перваго.
«Тяжело служить служба [5])
«День до вечера,
«Что со вечера служить
«До полуночи,
«Со полуночи служить
«До часу девятаго,
«(Отъ девятаго часу) служить
«До бѣлой зори!»

(Ср. сборн. г. Студитскаго, 1841).

*

2.

За Невагой рѣчкою, перебрагою,
Не полынь-травка въ полѣ шатается:
Загулялся-то милый, да душа моя,
Что за душечка [1]) удалъ-добрый молодецъ.

---

[4]) Вторичный отрѣзокъ, уже чисто-припѣвъ.—За симъ рѣчи самого дружка.—[5]) Древнее словосочиненіе.

[1]) Подтверждается сказанное нами выше о происхожденіи формы *за-душка*.

Онъ не самъ зашолъ, не своей охотою;
Завела его, мо́лодца, неволюшка,
Зло великое, жизнь боярская,
Жизнь боярская, служба государская,
Государева служба, царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго
(Что наслѣдника Николая Павловича) [2].
Тяжелёшенько служба начиналася,
Начиналася служба—день до вечера,
День до вечера, часу до десятаго,
Со десятаго до полуночи,
Со полуночи звѣзды съ неба сыпались.
То не звѣздочки съ неба разсыпа́лися;
Разсыпалася наша сила-армія,
Сила-армія, конно-гвардія.

*

3.

(Губ. Орловской).

Што за рѣчкой было за Невою,
За Невою было съ переправою [1],
Ни ковыль-травка во по́лѣ шаталаси:
Што шаталъ-качалъ [2]) удалъ-добрый мо́лодецъ.
Онъ ни самъ зашолъ, ни своей охотою:
Завела его, мо́лодца, неволюшка,
Его ну́жда крайнія,
Жизнь наша боярская,
Ещо служба царская,
Жизнь наша солдатская [3]),

---

[2]) Позднѣйшая вставка.

[1]) Отсюда возникла приведенная выше „перебрага."—[2]) „Шатать-качать, шатать-валять, катать-валять, качать-валять" и т. п.: синонимы для движенія и переходовъ, возникшіе изъ кочевой эпохи нашего народа; ср. о томъ въ нашемъ изд. „Бѣлорусскихъ пѣсней" 1871 г.—[3]) Связь службы боярской-дворянской съ военною, а послѣдней съ солдатскою.

Ещо царя Бѣлаго,
Ещо Петра Перваго.

*

4.

(Губ. Архангельской, Мезень).

За Невагою, за второй рѣчкой Перебрагою [1],
За дорожечкой было за широкою,
За стороночкой было за Московскою [2],
Не полынь-травка въ полѣ шатается:
Зашатался въ полѣ да душа ль моя,
Ты раздушечка [3] мой добрый молодецъ [4].

«Я не самъ зашолъ, не своей охотою:
Занесла меня, добра молодца, неволюшка,
Жизнь наша боярская, служба государева.
Тажела служба—день до вечера,
Что со вечера служба до полуночи,
Со полуночи служба часу до девятаго,
Со девятаго часу до десятаго.
Со десятаго часу мѣсяцъ высоко взошолъ,
Съ неба звѣзды сыпались.
Разсыпалися звѣзды по чисту полю:
Разъѣзжалася наша армія,
Сила-армія наша, конна гвардія,
Лужкамъ по зелёненькимъ [5].»

(Сообщено В. И. Далемъ; записано г. Порталовымъ).

*

---

[1]) „Перебрага" сдѣлана уже другой рѣкою — [2]) Такъ какъ „за стороною за Московскою," вотъ почему мѣстность эта сдѣлалась „стороною чужою." — [3]) То же, что выше „за-душа" или „что за душа" (*за* чередуется въ употребленіи съ частицею и предлогомъ *разъ*). — [4]) Отселѣ слова самого молодца.— [5]) Любопытная перестановка предлога ради размѣра стиховъ: ею нѣкогда злоупотребляли въ нашей письменности.

5.

Какъ за рѣчушкой за Невагою,
За другой рѣчушкой Переправою[1]),
За третьей за большой дороженькою
Какъ не пыль въ полѣ запылилась,
Не дубровушка разшаталася:
Разшатался [2]) удалъ-добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, человѣкъ бѣдный,
Человѣкъ бѣдный, солдатъ бѣглый [3]).
Онъ ни самъ пошолъ, ни своею охотою:
Довела-то его нужда крайняя,
Нужда крайняя, служба царская,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго.

*

6.

(Новг. губ., у. Череп., дер. Завражье).

Что за рѣчинькой было за Небрагою [1]),
Не полынь-то травонька шатается:
Что шатался-валялся [2]) за-душа моя,
Что за душечка душа [3]) добрый молодецъ,
Добрый молодецъ самъ своею охотою [4]).
Что охота-охота,—жизнь боярская,

---

[1]) Вотъ и „переправа“ сдѣлана второю рѣкою.—[2]) Помянутое чередованіе *за* и *разъ* (въ прежнихъ образцахъ *зашатался*).—[3]) Тяжесть жизни, господствующая въ изображеніи, понята здѣсь съ позднѣйшей точки зрѣнія положеніемъ бѣглаго солдата.

[1]) Составлено изъ *Не*-ваги и Пере-*браги*.—[2]) Ср. выше объ этихъ выраженіяхъ.—[3]) Удивительнымъ образомъ сопоставлены всѣ послѣдовательныя ступени помянутой выше формы; то, что произошло въ разныя эпохи и употребляется порознь, скучено здѣсь подъ рядъ: *душа; душечка; за-душа; что за душа; что за душечка.*—[4]) Здѣсь уже *своя* охота: смягчившійся взглядъ на сторонку Петербургскую; а отчасти можетъ быть виною выставленная жизнь

Жизнь боярская, служба государева,
Государя царя Бѣлаго, Петра Перваго.
Что со вечера было, со полуночи,
Не частымъ ли то звѣзды поразсыпалисъ:
Разсыпалась сильна арміа по святой Руси,
По святой Руси, каменной Москвѣ [5]).

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

7.

(Лихвинскій уѣздъ).

Въ насъ [1]) за рѣчкою право за Ни-волгою [2]),
Ни ковыль-травка въ полѣ зашаталася:
Што ни добрый молодецъ [3]) загулялси.
Іонъ ни волею, право, ни охотою:
Воля барская [4]), служба царская,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго.
Што во полюшку бялы сняжки выпали,
Што по этимъ сняжкамъ шли нивольнички [5]),
Шли нивольнички, музыканчички [6]),

*

Въ слѣдующихъ образцахъ мѣстность и время пѣсни совсѣмъ забыты:

боярская,“ которая нынѣшнему простому народу иначе не можетъ представиться, какъ *охотою*, жизнью охотною, привольною.—[5]) Въ Новгородѣ, гдѣ записана пѣсня, далекою стороной является скорѣе Москва, чѣмъ Петербургъ. Впрочемъ, если „святая Русь,“ то радомъ уже просилась въ пѣсню Москва.

[1]) У насъ.—[2]) Составилось изъ пере-*правы* и *Не-вали*. Можно читать „за не Волгою,“ „не за Волгою:“ описаніе отрицательное (какъ и ниже).—[3]) Знакомый намъ отрицательный оборотъ.—[4]) Вмѣсто „жизни и службы боярской,“ какъ въ старшихъ образцахъ, явилась уже барская воля, отдавшая крѣпостнаго въ рекруты.—[5]) Которые отданы неволею.—[6]) Полковне[illegible]

8.

Што за рѣчкою за быстрою,
Ни ковыль-трава зашаталася:
Зашатался добрый молодецъ
По чужой-дальней сторонушкѣ.
«Сторона ль ты моя, сторонушка,
«Чужедальная, незнакомая [1])!
«Да не самъ же я на тебя зашолъ,
«Да не воронъ меня конь занёсъ:
«Завела жь меня нужда крайняя,
«Нужда крайняя, служба царская,
«Служба царская, государская.»

*

9.

(Губ. Орловской).

За рѣкою за рѣчинькой,
За рѣкой-то было за быстрою,
Ни ковыль-травка зашаталася:
Зашатался тамъ добрый молодецъ,
На чужой-дальней сторонушкѣ.
«Сторона ль ты моя, сторонушка,
«Сторона моя чужа-дальная,
«Чужа-дальная, незнамая,
«Незнамая, незнакомая,
«Незнамая, сподмосковная [2])!

---

[1]) Такъ начинаются уже многія другія пѣсни, примѣненныя ко всевозможнымъ мѣстностямъ, какъ скоро затерянъ историческій заголовокъ.

[2]) Какъ и выше, вмѣсто Петербурга явилась уже стороною чужою Москва (глядя изъ Орла).

XXXIII.

«Ни самъ жа я на тебе зашолъ,
«Ни своей волей-охотою:
«Занесла мене неволюшка,
«Неволюшка—служба царская,
«Служба царская, государская.»

* *

Съ другой стороны, то же самое начало о разстилавшейся степной ковыль-травушкѣ, свойственное, какъ мы знаемъ, многимъ пѣснямъ козацкимъ, а потому извѣстное при Краснощоковѣ (ср. выше), ведетъ за собою еще образецъ, гдѣ Донцы жалуются на тяжесть войны Шведской, при Петрѣ и Елизаветѣ, а позднѣе на далекую сторону Прусскую (ср. вып. 8, стр. 87; вып. 9, стр. 113—116). Вотъ еще примѣръ такой козацкой жалобы „подъ Шведомъ:“

Подъ Шведомъ.

1.

(Губ. Оренбургск., у. Бузул.).

Ахъ, не шатайся ты, не валяйся ты,
Въ полѣ травушка!

Какъ подъ Шведомъ простояли мы
Ровно три годочка,
Не пиваючи, ахъ, да не ѣдаючи
Ровно три денёчка.
Нѣтъ ни вѣсточки, нѣтъ ни грамотки,
Съ Руси нѣту!
На четвертый-то на годочекъ-то
Вѣстка пала;
Пришла вѣсточка, пришла грамотка
Съ Руси невесёла:
Мого батюшки, моей матушки
Въ живѣ нѣту;
Молодая-то жена, шельма-разбестія,
Давно за мужь вышла;

XXXIV.

Малы дѣтушки, голубятушки,
Всѣ осиротѣли.
Ахъ, никто-то по мнѣ, по мнѣ по молодцѣ,
Никто не потужитъ:
Только тужитъ-плачетъ по мнѣ, по молодцѣ,
Душа красна дѣвка.

(Доставлено В. И. Далемъ).

* *

Такимъ образомъ, по многимъ примѣрамъ, особенно послѣднимъ, мы нашли и разъяснили въ области народнаго пѣснотворчества совершенно особую силу, которой отвѣчаютъ свои особыя явленія и которую успѣли мы назвать постояннымъ техническимъ словомъ—*примѣненіе*: одни и тѣ же начала, издревле идущія, даже опредѣленные образцы, по нимъ сложенные, постепенно развѣтвляясь, примѣняются къ разнымъ эпохамъ и лицамъ историческимъ, къ разнымъ случаямъ и даже чувствамъ бытовымъ. Иногда, на семъ пути, они снова *специализуются* по какому ни будь новому поводу, такъ что одинъ образъ, запѣвъ, заголовокъ, одно слово, одна какая ни будь черта—становятся *признакомъ* такого-то именно образца, а не другаго, такого-то событія, лица и имени, хотя цѣлый составъ и весь корпусъ пѣсни гораздо старше и нѣсколько разъ примѣнялся прежде къ другимъ явленіямъ. Порою въ семъ видѣ образецъ *окрѣпнетъ* на всегда, вновь уже не измѣняется и только лишь повторяется: порою снова готовъ разломиться и служить образованію новыхъ, за ново специализованныхъ образцовъ. Такъ иныя пѣсни, казалось бы совсѣмъ уже прикрѣпленныя къ XVIII вѣку, мы встрѣтимъ еще послѣ въ примѣненіи къ явленіямъ вѣка XIX-го. Все это дѣло самого творчества, его силъ, стихій и экономическаго распоряженія: здѣсь мы нисколько не выходимъ изъ области пѣснотворческой, хотя и не можемъ опустить изъ виду, что этимъ свидѣтельствуется извѣстное ослабленіе силы творящей въ ея производительности. Если нужно подбирать старые осколки и пользоваться ими въ новомъ примѣненіи, то очевидно, что сама сила къ новой производительности становится безсильна и вывертывается, замѣняя прежнюю крѣпость и плодоносность свою оборотливостью и ловкостью.

Не такова другая сила, которую мы также успѣли уже отмѣтить и указать, хотя пока еще и рѣже первой: это сила *употребленія*. Здѣсь само творчество ни при чемъ, пѣсня не измѣняется и не примѣняется, ни на іоту ничего вновь не творится: напротивъ, жизнь обиходная и практическая, вовсе не творческая и не притязая на творчество, беретъ образецъ совсѣмъ готовый и *употребляетъ* его въ данномъ случаѣ, смотря по извѣстному требованію. Стоитъ только держать пѣсню

въ памяти либо даже держать передъ глазами книжку, пѣсенникъ, да и запѣть сложенную прежде пѣсню, повинуясь вызову какого либо явленія или имени въ окружающей жизни. Такъ и въ языкѣ есть законы асоимиляціи, уподобленія, осмысленія и примѣненія, сверхъ силы творящей и основной, первобытной и коренной, — это скорѣе. пазвукъ силы творческой, рутина проложеннаго прежде пути, варіація существенныхъ началъ: но есть и другая сила, употребленіе, usus. Мы видѣли, на примѣръ, что при взятіи Праги и Варшавы употребили пѣсню, старшую и готовую, „Ахъ на что бы огородъ городить, Ахъ на что было капусту садить:" пѣсню *сдѣлали* историческою, но она все-таки не историческая въ нашемъ техническомъ смыслѣ, по существу пѣснотворчества; пѣсню, казалось, примѣнили, и очень ловко (когда смяли огороды и разрушили ограду, городскія укрѣпленія): а все-таки она не получила *примѣненія* въ области творчества и творчествомъ не измѣнена противу окрѣпшаго образца нисколько. Приведемъ и другой подобный примѣръ, совершенно умѣстный въ настоящемъ изданіи.

Именно, въ 30-хъ годахъ жилъ въ Москвѣ, подъ конецъ старшимъ сторожемъ при строящемся Храмѣ Спасителя, *Яковъ Ивановъ*, бывшій крѣпостной человѣкъ Лобанова и начавшій службу въ Потѣшной ротѣ Петра. Ему было слишкомъ 130 лѣтъ, но онъ все еще былъ бодръ и свѣжъ, а умеръ въ Ромнахъ по дорогѣ на богомолье. Въ особенности любилъ онъ пѣть пѣсни и вспоминать старшія. Мы сами по малолѣтству не могли хорошенько воспользоваться этимъ случаемъ: но почтенный пріятель нашъ, пѣвецъ и создатель своеобразнаго хора, И. Е. Молчановъ успѣлъ многое запомнить изъ разсказовъ, передать намъ и даже записать. Между прочимъ, по свидѣтельству старика, *при закладкѣ Кронштадта* пѣли пѣсню—

Я посѣю ль, млада-молоденька,
Цвѣтиковъ маленько:
Стали цвѣты разцвѣтати,
Сердце обмирати.

Пѣсня тогда считалась еще „новою:" крайне важное показаніе, какъ о времени происхожденія самой пѣсни, весьма хорошей между народными, хотя уже дѣйствительно „Петровской," болѣе новой по языку и оборотамъ сравнительно съ образцами древними; такъ и о томъ, какъ ловко умѣли тогда пользоваться сложенною народною пѣснею при крупномъ историческомъ событіи. Въ самомъ дѣлѣ, подобныхъ дорогихъ цвѣтиковъ было тогда у помолодѣвшей Россіи еще очень маленько, и сколько разъ приходилось послѣ обмирать Русскому сердцу за судьбу нашего расцвѣтшаго морскаго дѣла: а какіе плоды съ тѣхъ поръ! Тѣмъ не менѣе, занося теперь эти строки въ рядъ судебъ историческихъ, мы конечно не относимъ самой пѣсни къ творчеству историческому и, отмѣчая *историческое ея употребленіе*, не печатаемъ здѣсь подлинника,

относя его къ послѣдующимъ нашимъ отдѣламъ, гдѣ помѣстится и пѣсня Суворовская, Праго-Варшавская. Подъ конецъ изданія у насъ наберется такихъ довольно.

Наконецъ третья еще сила, обозначившаяся при изслѣдованіи въ нашихъ изданіяхъ, есть та, которая *не творитъ, не примѣняетъ и не употребляетъ* пѣсни народной, а напротивъ сама себя ставитъ *на мѣсто творчества народнаго*, хотя дѣйствуетъ совершенно различными отъ него средствами, исходитъ изъ другихъ началъ и идетъ путемъ обратнымъ, зачинаясь тамъ, гдѣ въ творчествѣ народномъ предѣлъ, прерываясь на томъ рубежѣ, гдѣ пѣснотворчество еще длится: эта сила, съ соотвѣтственными ея явленіями, есть, мы знаемъ уже по нѣсколькимъ примѣрамъ и сравненіямъ,—*сочиненіе*. Всего яснѣе мы ее увидали и всего ярче отличили въ XVIII вѣкѣ, при пѣсняхъ, какъ назвали мы, „сочиненныхъ,“ при походныхъ, военныхъ, солдатскихъ произведеніяхъ, выступившихъ на сцену преимущественно со временъ Екатерины. Не повторяя сказаннаго однажды, напомнимъ только, что въ началѣ, при томъ рубежѣ, съ котораго сочиненіе пошло отъ пѣсни народной, оно, подобно сей послѣдней, не то чтобы не знало,—а не выставляло и не сохраняло именъ своихъ сочинителей: лишь постепенно стали они опредѣляться и даже пріобрѣтать громкую извѣстность съ послѣднихъ годовъ Екатерины и Павла, возобладали же въ нашемъ вѣкѣ, а потому мы и посвятимъ особый отдѣлъ имъ въ слѣдующемъ выпускѣ, именно въ 10-мъ: ибо имена эти также точно придаютъ сочиненной пѣснѣ извѣстный признакъ и отцвѣтъ историческій, хотя въ сущности не дѣлаютъ ея историческою народною пѣснею, сколько бы ни воспѣвали о самыхъ крупныхъ историческихъ дѣятеляхъ и самыхъ важныхъ событіяхъ.

Иногда же, случается, подобная сочиненная пѣсня вертится около дѣйствительнаго, исторически засвидѣтельствованнаго явленія, и принадлежитъ сочинителю съ опредѣленнымъ именемъ: но, или само явленіе слишкомъ мелко, а потому не заслуживаетъ мѣста въ серьезной исторіи (и здѣсь противуположность народу, у котораго въ творчествѣ нѣтъ ничего мелкаго), или же имя сочинившаго не достаточно крупно, а талантъ не слишкомъ силенъ. Пусть извѣстная эпоха и извѣстный слой общества въ запуски повторяютъ полюбившееся произведеніе: ему нѣтъ мѣста у насъ, въ области всеобщей и всенародной. Такъ, на примѣръ, когда при Екатеринѣ знаменитый Гр. Гр. Орловъ сочетался съ двоюродною сестрою, г-жею *Зиновьевой*, послѣдняя, въ минуты упоенія, сочинила, говорятъ, пѣсню или романсъ—

Желанья наши совершились
И всѣ напасти тѣ прошли,—

произведеніе, крайне любимое въ свою эпоху и распространившееся по множеству пѣсенниковъ. Но, съ одной стороны, тогда же, съ 1780 года, у Новикова и Шнора, оно напечатано въ особомъ видѣ, совсѣмъ не

въ томъ, какой на примѣръ приводитъ гр. Блудова, разсказывая о семъ подробно въ своихъ „Воспоминаніяхъ и запискахъ („Зоря“);“ такъ что можно еще сомнѣваться въ историческомъ происхожденіи образца и видѣть въ немъ только примѣненіе или даже простое употребленіе стараго готоваго произведенія. Съ другой же стороны, давать здѣсь мѣсто подобнымъ явленіямъ значило бы, въ слѣдъ за ними, печатать и стихи Пушкина объ Истоминой. Позднѣе у насъ будетъ къ тому и больше времени, и бумаги.

Совсѣмъ не того заслуживаетъ пѣсня, сочиненная въ наше время, и лицомъ весьма извѣстнымъ, но широко распространившаяся въ народѣ, хотя бы по его испорченнымъ классамъ и вкусамъ, а главное—воспѣвающая событіе, важное для насъ въ настоящемъ дѣлѣ,—*Полтаву и Петрову побѣду*. Объ ней стóитъ сказать и миновать ея нельзя ради того уже, чтобы неопытные не соблазнились и не приняли этого за произведеніе чисто-народное (какъ и случилось къ сожалѣнію въ недавній юбилей Петровскій). Дѣло вотъ въ чемъ. Помянутый не разъ, столь заслуженный въ дѣлѣ исполненія народной пѣсни, почтенный пріятель нашъ *И. Е. Молчановъ* жилъ когда-то съ хоромъ своимъ въ Калугѣ: жилъ долго и поскучивалъ. Случилось, что на торгу попалась ему какая-то разбитая книжка о Петрѣ Великомъ; вчитавшись, онъ настроился строемъ народнымъ и постепенно сложилъ пѣсню, разучилъ ее въ своемъ хорѣ, исполнилъ,—и пошла она гулять по Россіи. Правда, ее полюбили больше на фабрикахъ, въ харчевняхъ и трактирахъ, но все-таки, и этимъ путемъ, она разошлась по народу и принята „за свою:“ выдаваясь личнымъ талантомъ и искусствомъ пѣнія, сочинитель по крайности не выдается и не исключается изъ народа ни по своимъ основнымъ воззрѣніямъ, ни по воспитанію, образу жизни и одеждѣ, языку и рѣчи, — и вотъ объясненіе того пути, которымъ пѣсня, сложенная хотя бы лицомъ единичнымъ, при извѣстныхъ условіяхъ принимается народомъ какъ его общее достояніе. Не знай мы этого происхожденія и не разскажи намъ о томъ самъ сочинитель, а теперь не занеси мы этого случая въ лѣтопись пѣсни, почтенный старецъ могъ бы скончаться, и пѣсня, оставшаяся въ народѣ, пожалуй сочлась бы чисто-народною, безъ имени и памяти ея слагателя. Вотъ она:

Было дѣло подъ Полтавой.

(Пѣсня, сочиненная Иваномъ Евстратовичемъ Молчановымъ).

1.

Было дѣло подъ Полтавой,
Дѣло славное, друзья:
Мы дрались тогда со Шведомъ

XXXVIII.

Подъ знамёнами Петра.
Нашъ могучій императоръ,—
Память вѣчная ему,—
Самъ родимый предъ полками
Словно соколъ онъ леталъ,
Самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ,
Самъ и пушку заряжалъ.
Бой горѣлъ. Герой Полтавы,
Нашъ державный великанъ,
Ужъ не разъ грозою грянулъ
На могучій вражій станъ.
Пули облакомъ неслися,
Кровь горячая лилась.
Вдругъ одна злодѣйка пуля
Въ шляпу царскую впилась:
Видно Шведы промахнулись,
Императоръ усидѣлъ,
Шляпу снялъ, перекрестился,
Въ битву снова полетѣлъ.
Много Шведовъ, много Русскихъ
Подъ Полтавою легло.
Вдругъ еще злодѣйка пуля
Въ его царское сѣдло:
Не смутился императоръ,
Взоръ какъ молнія блисталъ,
Конь не дрогнулъ отъ удара,
Но быстрѣе поскакалъ.
И какъ разъ, и третья пуля
Повстрѣчалася съ Петромъ,
Прямо въ грудь ему летѣла
И ударилась какъ громъ:
На груди его высокой
Чудотворный крестъ сіялъ.
Пуля съ визгомъ отскочила
Отъ чудеснаго креста,
И спасенный побѣдитель
Славилъ Господа Христа.

XXXIX.

Было дѣло подъ Полтавой,
Сотни лѣтъ еще пройдутъ:
Эти царскія три пули
Въ сердцахъ Русскихъ не умрутъ.

(При распространеніи пѣсня получила уже много варіантовъ и искаженій: подлинникъ ея въ печатныхъ сборникахъ Молчановскихъ пѣсенъ, изданныхъ не разъ самимъ пѣвцомъ; но изъ скромности онъ называетъ ее тамъ „Пѣсня Русскаго народа“).

Мы въ одномъ только можемъ упрекнуть почтеннаго друга: имѣя возможность изъ запаса своей музыкальной памяти извлечь напѣвъ чисто-народный и даже возсоздать его своимъ искусствомъ до нѣкоторой спеціальной оригинальности, онъ вмѣсто того удовольствовался голосомъ старинной одной Канты, который извѣстенъ позднѣе по романсу, весьма дикому въ содержаніи и въ семинарскомъ языкѣ своемъ:

Въ одинъ день, лишь очень рано,
Въ постъ великій, на страшной,
Разъ прекрасная Діана
Вдругъ явилась чернецу.

Впрочемъ о вкусахъ спорить не должно: голосъ этотъ нравится извѣстнымъ (конечно порченымъ) слоямъ народа, давая возможность во 2-мъ колѣнѣ сильно вскрикивать басомъ, а альтомъ взвизгивать. Въ недавній юбилей Петра, по народнымъ гуляньямъ и даже крупнымъ торжествамъ, въ исполненіи самого Молчановскаго хора и разныхъ кружковъ, пѣсня фигурировала на передней сценѣ. И вездѣ, всѣми признавалась за народную, никто не растолковывалъ и не возражалъ: въ добрый часъ.

*

По этому поводу мы не можемъ не вспомнить, что, за исключеніемъ пѣсни Молчановской, Петровское торжество прошло въ совершенномъ молчаніи со стороны самой громкой и звучной, со стороны музыкальной. Народнаго, Русскаго и даже сколько нибудь самобытнаго въ національномъ родѣ не выступило ровно ничего на готовую обширную сцену, подъ открытымъ счастливымъ резонансомъ, въ слухъ жадныхъ слушателей, домашнихъ и пріѣзжихъ. Тутъ не нужно было даже придумывать что нибудь новое, небывалое и неслыханное: въ текстѣ и напѣвѣ народныхъ произведеній изъ эпохи Петровской, въ тогдашней музыкѣ и даже въ сохранившихся нотахъ было такъ много готоваго, что не только искуснымъ воспроизведеніемъ, но даже самымъ легкимъ, лишь бы порядочнымъ, исполненіемъ однажды созданнаго можно было

занять цѣлые ряды музыкальныхъ торжествъ, цѣлыя недѣли къ ряду, тысячи голосовъ и инструментовъ, сотни тысячъ слушателей. Къ сожалѣнію „Общество любителей Русскаго народнаго пѣнія," имѣвшее въ виду эти работы и успѣхи, ревностно приготовлявшееся къ нимъ съ обильными своими матеріалами, не получило, какъ и доселѣ еще, утвержденія своему, представленному давно, уставу. Попытки его, въ лицѣ избранныхъ нѣскольких членовъ, сойтись сими цѣлями съ Комитетомъ Выставки, оказались безплодны; переписка о томъ съ Музыкальной Коммиссіей въ Петербургѣ весьма скоро затихла; горячо принимавшій участіе въ ней Г. Е. Ларошъ также замолкъ; Народный Театръ не нуждался въ музыкѣ народной; Молчановъ, дожидавшійся того съ своимъ опытнымъ хоромъ, послѣ народнаго гулянья предпочелъ вовсе удалиться изъ Москвы; кн. Ю. Н. Голицынъ (теперь уже покойный) ничего не успѣлъ поставить въ этомъ родѣ и ограничился однимъ концертомъ музыки такъ называемой „общей;" г. Славянскій, ожиданный многими, вовсе не явился къ торжеству. Открытое письмо наше къ Вл. Н. Кашперову, предлагавшее народные матеріалы для исторической музыкальной кантаты съ хоромъ, въ текстѣ, напѣвахъ, инструментахъ или инструментовкѣ Петровскаго времени, не возбуждая творчества ни въ комъ, должно было укрыться обратно въ портфёйль. Даже одна изъ многихъ пѣсней народныхъ, сотая доля изъ цѣлаго, современная Петру пѣсня объ его рожденіи, нами аранжированная къ исполненію, и та не нашла себѣ нигдѣ удобнаго мѣста и радушнаго приглашенія. Наконецъ, въ безнадежности такого исхода, подготовлявшійся нами съ Н. М. Потуловымъ рядъ пѣвческихъ концертовъ „духовныхъ," имѣвшихъ воспроизвести музыку XVII и XVIII вѣка, въ воспоминаніе совпадавшаго двухсотлѣтняго и столѣтняго юбилея нашихъ лучшихъ пѣснопѣній церковныхъ (о чемъ были статьи наши въ „Православномъ Обозрѣніи)," точно также встрѣченъ былъ, какъ проэктъ, безучастною холодностію тѣхъ, кому о семъ вѣдать надлежало и кому бы это ближе всѣхъ было къ уму и сердцу. Короче, Русское слово, творчество, искусство и техника въ данномъ случаѣ ни съ какой стороны не потерпѣли такого забвенія, невниманія и полнѣйшаго неуспѣха, какъ со стороны пѣсенной, музыкальной, вокальной и инструментальной. Разумѣется, за отсутствіемъ пѣсни, не явилось на сцену и народныхъ образовъ вообще, ни красокъ и картинъ, ни возможныхъ представленій, игръ, зрѣлищъ, увеселеній и тому подобной обстановки, сколько ни будь запечатлѣнной характеромъ подлинной народности и историческою печатью Петровскаго вѣка. Даже, наконецъ, изданный нами томъ народныхъ произведеній великой эпохи (8-й выпускъ), еще въ 1870 г. посвященный ея двухсотлѣтію и потому предназначенный для входа на Выставку, на самомъ дѣлѣ—за неимѣніемъ особаго павильона и богатыхъ средствъ для оплаты помѣщенія, — послѣ первыхъ дней торжества принужденъ былъ ретироваться, хотя и значился въ объявленіяхъ. По прежнему не ознакомилась съ нимъ и литература наша, ревниво искавшая по-

всюду „слѣдовъ Петра.“ Такъ юбилей великаго героя послѣ долгихъ двухъ сотъ лѣтъ оказался все-таки слишкомъ раннимъ и преждевременнымъ.

*

За то каждый шагъ нашего изданія впередъ безпрестанно радуетъ насъ, принося оправданіе нашимъ разысканіямъ и даже предположеніямъ. Это случилось особенно съ *пѣснею Е. Ѳ. Лопухиной*, напечатанной у насъ въ 8-мъ выпускѣ по нѣсколькимъ варіантамъ, смѣло отнесенной нами къ лицу знаменитой исторической героини, хотя и не упомянуто ея имя въ самой пѣснѣ, что̀ объяснили мы тайною и страхомъ. И точно, послѣ того, „Зоря“ 1870 года за Сентябрь мѣсяцъ напечатала такую выдержку изъ бумагъ покойнаго историка И. П. Шульгина:

„При Петрѣ Великомъ, по случаю постриженія царицы Евдокіи, сложена была (и запрещена) слѣдующая пѣсня:

(6).

«Постригись, моя немилая,
«Посхимися, моя постылая!
«На постри́женье дамъ сто рублевъ,
«На посхи́менье дамъ тысячу.
«Поставлю келейку во Суздалѣ,
«(Во Суздалѣ) красномъ городѣ,
«Тонёшеньку [1]), малёшеньку [2]).»

Князья и бояре съѣзжалися,
И той келейкѣ дивовалися:
««И что̀ это за келейка,
««И тонёшенька, и малёшенька?
««И что́ это за старица,
««Что пострижена молодёшенька?»»

За эту пѣсню при Петрѣ II канониръ Носовъ, пѣвшій ее, билъ битъ шпицрутеномъ.“

Такимъ образомъ она документально извѣстна уже съ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка.

* *

---

[1]) Темнешеньку?—[2]) Это слова мужа.

При такомъ положеніи нашего дѣла, постепенно раскрывающагося предъ взорами Русскихъ людей, хотя бы наши изданія, объясненія и примѣчанія къ народнымъ памятникамъ были несносны для „оберточной критики," мы обязаны нѣсколько разъ еще возвращаться къ прежнему съ дополненіями. А если отлагаемъ это до слѣдующихъ выпусковъ, то не ради криковъ, насъ сопровождающихъ на пути, а ради недостатка времени и мѣста, всего же болѣе по существу нашихъ вопросовъ, безпрестанно возникающихъ и все далѣе простирающихся.

Часть III.

Выпускъ 9.

Пѣсни о *Лопухинѣ* и *Безсчастномъ Королѣ Прусскомъ* получаютъ еще слѣдующіе варіанты, хотя примѣненные уже къ Французамъ:

Лопухинъ.

(8).

(Губ. Арханг.).

Заводилася война
Середи бѣла [1]) дня:
А что начато палить,—
Только дымъ столбомъ валитъ;
Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму.
Только видно во дыму:
Не ясёнъ соколъ летитъ [2]),
Добрый молодецъ гуляетъ,
Онъ по крутой по горѣ,
Самъ на ворономъ конѣ.
. . . . [3])

---

[1]) Должно быть, какъ въ другихъ образцахъ, „бѣлого." — [2]) Д. б. „летаетъ."—[3]) За симъ пѣсня примѣнена къ Французскому походу на Москву.

На лужку, было, лужку
Стоитъ армія въ кружку:
Лапуховъ ѣздитъ [4]) въ полку,
Куритъ трубку табаку.
Для чего намъ не курить,
Зелена̀ вина не пить?
Свинца-пороху довольно,
Сила во̀ полѣ стоитъ [5]).

Ужь мы билися-рубилися
Четырнадцать часовъ:
Съ пяти на десять пробило [6]),
Стали силу разбирать.
Стали силу разбирать,
Стали полковничковъ считать:
Не нашли такихъ убитыхъ
Полковничковъ до семи,
Енераловъ до восьми.
Мелкой солдатской силы
Сосчитать мы не могли:
Которые на горѣ,
По колѣнъ стоятъ въ рудѣ [7]);
Которы подъ горой,
Тѣхъ засыпало землей.

Одинъ такой [8]) лежитъ,
Таку рѣчь говоритъ:
«Вы подайте-ко, ребятушки,
«Черниилицу съ перомъ,
«Черниилицу съ перомъ,

---

[4]) Ѣздитъ? — [5]) Любопытное оправданіе собственному образу, созданному самимъ же народомъ — солдатами. Между прочимъ замѣтное участіе современниковъ, сложившихъ пѣсню (хотя на самомъ дѣлѣ, на примѣръ, свинца-пороху вовсе не было довольно). — [6]) Прекрасный народный оборотъ вмѣсто „на пятнадцатомъ часу." — [7]) Въ крови. — [8]) Видно уже позднѣйшее желаніе скрыть имя изъ страха; притомъ здѣсь изъ Лопухина видимо сдѣланъ простой солдатъ, отъ лица котораго въ другихъ образцахъ высказываются горькія жалобы.

«Листъ бумаги со гербомъ!
«Напишу я таку просьбу
«Государю самому,
«Государю самому—
«Императору царю [9]):
««Еще нашо-тъ [10]) генералъ
««Много силы издержалъ,
««Ужь онъ пропилъ-промоталъ,
««Досталь въ карты проигралъ,
««Онъ удары раздавалъ [11]).»»

(Записано С. В. Максимовичъ; ср. сборн. П. И. Якушкина 1865 г.).

* *

Разбезсчастный король Прусскій.

(3).

(Губ. Орловск., у. Малоархангел., Сабурово).

Разбесчастненькой, безталанненькой
Французъ [1]) зародился!
Онъ сы вечера рано спать ложился,
Долго почиватъ [2]);
Ничего жь ли то я, Французикъ ли,
Ничего не знаю [3]):
Што побили его, его армію
Донскіе козаки.

---

[9]) Это можетъ относиться, какъ мы знаемъ, одинаково и къ государынямъ.— [10]) Нашъ-тъ.— [11]) Да еще иногда солдатъ билъ-наказывалъ.

[1]) Участіе Французовъ, извѣстное и по прежнимъ нашимъ образцамъ, обратило самого Короля во Француза, отозвалось въ послѣдующихъ пѣсняхъ о Суворовѣ и повторилось на своемъ мѣстѣ подобными же выраженіями въ пѣсняхъ о нашествіи Французовъ. — [2]) Должно быть: „почиваетъ." — [3]) Д. б. „онъ ничего не знаетъ."

«Што мнѣ жаль-то, мнѣ жаль свою армію,—
«Есть еще жалчѣя:
«Што вотъ сняли мому, мому родному,
«Да родному братцу,
«Што вотъ сняли ему, сняли ему головку,
«Да головку [4])!
«Што мене ль то, мене, всё Французика,
«Въ полонъ мене взяли;
«Посадили мене, всё Французика,
«Въ тёмнаю темницу:
«Што вотъ тошно ли мнѣ, всё Французику,
«Въ темницѣ сидѣти.
«Если бъ зналъ-то бы, зналъ, Французикъ ли,
«Я бъ того не дѣлалъ [5])!»

(Ср. тамъ же).

* *

Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.

(14).

(Губ. Орловской, у. Болховск.).

Во саду было, во вишенью,
Что подъ бѣлою березою,
Тамъ стояла нова свѣтлица,
Нова свѣтлица королевская.
Что во той во новой свѣтлицѣ,
Новой свѣтлицѣ королевскія,
Засажонъ сидитъ Росейской графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ,

---

[4]) Въ прежнихъ нашихъ образцахъ „племянничекъ родной Власовъ."—[5]) Не затѣвалъ бы войны.

Со Росейскими солдатами,
Со Росейскими офицерами.
Онъ по свѣтлицѣ похаживаетъ,
Бѣлымъ ручками помахиваетъ,
Головкою покачиваетъ [1])
«Ой таланъ ли мой, таланъ плохой,
«Иль несчастье мое горькое
«На роду ли мнѣ написано,
«Или жéребьемъ мнѣ выпало,
«Что сидѣть молодцу въ неволюшкѣ,
«Со Росейскими солдатами,
«Со Росейскими офицерами!»

Лучилось ли туто ѣхати
Мимо той ли новой свѣтлицы
Самому Королю Прусскому:
— И ну что тутъ часовой стоитъ,
— Или кто тутъ посажонъ сидитъ?—
И какъ взговоритъ Росейской графъ:
«Ты-но [2]) о еси [3]), Пруской Король!
«Прикажи графа поить-кормить,
«Иль на волю графа выпустить!»
— Ты-но о еси, Росейской графъ,
— Чернышовъ Захаръ Григорьевичь!
— Послужи-ка ты съ вѣрой съ правдою,
— Какъ служилъ ты царю Бѣлому,
— Катеринѣ Алексѣевной [4])! —
«Ты-но о еси, Пруской Король!
«Отпишу я своей матушкѣ,
«Катеринѣ Алексѣевной:
«Наша матушка разсердится,
«Вся Росеюшка подымется,
«Всѣ козаки возвоюются,

---

[1]) Придирка къ тому, чтобы вставить здѣсь, какъ въ другихъ образцахъ, пѣсню о „Головѣ-головушкѣ.“—[2]) Ты-ка.—[3]) Гой еси.—[4]) Новое доказательство, что имя „царя“ относилось и къ государынямъ.

XLVII.

«Твой Кистри́нъ-Берли́нъ [5]) наскрозь пройдёмъ,
«Самого Пруса въ полонъ возьмёмъ!»

(Доставлено намъ М. П. Лисицынымъ, а записано отъ той же помянутой Болховской мѣщанки дѣвицы).

* * *

Конецъ 9-го выпуска, пѣсней и дополненій.

---

[5]) Соединеніе двухъ мѣстъ, славныхъ тогда въ исторіи и въ пѣснѣ, Кистрина Чернышовскаго и Берлина Красношоковскаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

ЧАСТЬ III.

ВЫПУСКЪ 9-й.

Выписка изъ протоколовъ общества л. р. сл.

Русь Петровская.

**Восьмнадцатый вѣкъ
въ Русскихъ историческихъ пѣсняхъ.**

—

Стран.

Дополненія

къ 8-му и 9-му выпуску пѣсней.

Стран.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ 9-го. ВЫПУСКА.

			Напечатано:	Исправить:
Стран.	4,	*строка*	5: нечалующиуся	нечадующихся
„	12,	„	17: наказнивалъ.	накарнралъ.
„	15,	„	8: молодецъ	молодецъ,
„	55,	„	18: послѣ, дующихъ	послѣдующихъ
„	77,	„	8 снизу: выходя	выходя
„	78:	„	13 „ окончаніе	окончаніе,
„	107,	„	11: внушавшія	внушавшія
„	109,	„	1: рани;	рани);
„	113,	„	8 снизу: вип. 8	вип. 8;
„	124,	„	11: эго	это
„	147,	„	8 снизу: врагѣ	врагъ,
„	158,	„	8: Муромцѣ	Муромцѣ
„	159,	„	9: Гладюч	Гладючи
„	166,	„	8: знаемъ	знаемъ,
„	182,	„	7: героическая	героическая
„	187,	„	15: кмѣло	кмѣля
„	197,	„	9: *Кускова*	*Кускова:*
„	203,	„	5 снизу: Не удивител но	Не удивительно
„	229,	„	11: поланяновъ	полонянокъ
„	233,	„	2 и 3 снизу: То же и объ Королѣ, вишитываютъ выше,	То же вишитываютъ выше и объ Королѣ,
„	256,	„	17: Молодецкихъ"	Молодецкихъ,"
„	267,	„	14 снизу: даль ше	дальше;
„	309,	„	6 снизу:	и приведенной
„	322,	стихъ	44:	Со десантомъ
„	323,	„	68:	Послушаніе вольно!
„	324,	строка	2 снизу: сииелахъ	сииелахъ:
„	325,	„	7 и 8: черезъ чуръ, литераторамъ	черезъ чуръ литераторамъ,
„	328,	„	7: сидѣлъ	сидѣлъ
„	332,	„	17: и едстояло	предстояло
„	333,	„	1: по робнѣе	подробнѣе
„	—	„	8: завлечени е' началось	завлечени ею; началось
„	—	„	19: били тоа	били тогда

RARY